

Л.Н. Большаков

**Оренбургская
шевченковская
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ**

Труд литературоведа **Л.Н. Большакова** - лауреата Государственной премии Украины им. Шевченко, заслуженного деятеля науки РФ и культуры Украины, академика Международной Академии гуманизации образования - охватывает около полутора тысяч имен, псевдонимов, криптонимов, анонимов современников Т. Г. Шевченко, содержащихся в его произведениях и переписке, в документах и мемуарах о нем, а также в других источниках, относящихся к одиннадцати годам жизни Кобзаря (1847-1858). Вторая, заключительная, часть издания посвящена шевченковской географии этих же лет.

Л. Н. Большаков

Энциклопедия его невольничьих лет является результатом кропотливых поисков автора в архивах Оренбурга, Киева, Москвы, Вильнюса, Петербурга, Нижнего Новгорода, Алма-Аты, Уфы. Она вводит в научный оборот сотни документальных дел, а также многие печатные источники историко-краеведческого и справочного характера.

Работа такого плана и размаха в шевченковедении осуществляется впервые.

Книга предназначена исследователям жизни и творчества Тараса Шевченко, всем, кто хочет больше знать о великом сыне Украины.

К ЧИТАТЕЛЮ

Персональные энциклопедии, как тип изданий, получили достаточно широкое распространение в различных странах. Известны энциклопедии, посвященные Данте, Шекспиру, Бетховену, Гете, Шиллеру, Бернсу, Диккенсу и другим выдающимся деятелям мировой культуры. Такого рода литература имеет свои традиции и принципы в ряде государств Европы, особенно Германии, Англии, Италии.

В пределах СССР первой персональной энциклопедией стал "Шевченківський словник" в двух томах, подготовленный Институтом литературы имени Т. Г. Шевченко Академии наук Украины вместе с Главной редакцией Украинской советской энциклопедии и выпущенный на украинском языке в 1976-1977 годах. В создании энциклопедического словаря приняли участие почти 500 авторов, особенно с Украины и России. В дополнение к 4.000 статей в нем помещено около 1.000 иллюстраций. В многочисленных отзывах на издание оно получило выразительное определение: "Всё о Шевченко". К этому и стремились его инициаторы и участники (среди которых был автор нынешней работы, отмеченный благодарностью редакционной коллегии и ее председателя - академика Н.П.Бажана).

Первой персональной энциклопедией в России по праву считается однотомная "Лермонтовская энциклопедия", созданная в Институте русской литературы АН (Пушкинском Доме). Подготовка ее началась еще в 1958 г. по инициативе известного ученого Л.П.Семенова (1886-1959), но издание увидело свет почти четверть века спустя, в 1981-м. Подытожив достижения научного лермонтоведения от давних времен до наших дней, "ЛЭ" стала достаточно полным сводом сведений о жизни и творчестве поэта, его литературном и бытовом окружении, предшественниках и последователях в русской и мировой литературе, отражении его сюжетов и образов во всех областях

искусства. В дело создания персональных энциклопедий включилась Белоруссия. В 1988 г. на белорусском языке и в 1990-м на русском был издан энциклопедический справочник "Франциск Скорина и его время". В 738 статьях книги широко представлен белорусский первопечатник, ученый, просветитель и писатель эпохи Возрождения. Особенностью данного издания, в отличие от названных выше, явилось сочетание энциклопедических статей с публикацией документальных материалов и даже факсимильным воспроизведением основных трудов Скорины.

Таким образом, вслед за Европой, опыт создания персональных энциклопедий накапливают Россия и страны ближнего зарубежья, прежде всего европейские. Этот опыт будет умножаться. Уже не один год ведется подготовка фундаментальных энциклопедий - Пушкинской и Шевченковской - в нескольких томах. За Пушкинскую энциклопедию, рассчитанную на учителей и старшеклассников, взялось, кроме того, московское издательство "Просвещение", предложившее собственные принципы ее организации с ориентацией на потребности общеобразовательной школы.

Все названные энциклопедические издания являются попытками **глобального** обобщения материала о Пушкине, Шевченко, Лермонтове, Скорине в аспекте их биографий от рождения до смерти, их творчества в полном объеме, множества других разнообразных проблем, каждая из которых представляет собою тему специального исследования, даже многих разнородных исследований.

"Оренбургская Шевченковская энциклопедия" - издание иной направленности, определившей содержание и иное ее содержание. Она может быть определена как персонально-краевая и всем своим строем позволяет глубже вникнуть не только в жизнь выдающейся личности на определенном, безусловно важнейшем, этапе ее деятельности, но и в историю, духовную жизнь края, с которым пересеклась судьба незаурядного человека, существенно обогащая регионоведение. И именно регионоведение как науку, а не расплывчатое "краеведение", сориентированное в последние десятилетия на решение узко-местных задач для узко-местных целей., не столько исследование действительно существенных проблем, сколько сообщение отдельных, иногда очень интересных и значительных, фактов из прошлого города или края. Не случайно на первый план в краеведении в наше время выдвинулся просветительский фактор в ущерб научному.

Персонально-региональные энциклопедии, на взгляд автора, сочетают исследования и популяризацию, однако с приоритетом первого над вторым, научной значимости и основательности над газетно-журнальной однодневностью.

Региональная локализация рассматриваемых изданий не означает краевой их ограниченности, точно так же, как выделение одной, главной проблемы, сосредоточение внимания именно на ней не лишает труд ни масштабности, ни энциклопедичности.

Среда личности - среда Т. Шевченко - вот что составляет основу и новизну "Оренбургской Шевченковской энциклопедии". И автор совершенно сознательно отказался от первоначального своего намерения: дать статьи о каждом из созданных в этот период произведений великого украинца - стихов и поэм, повестей и публицистики, акварелей, сепий, рисунков, набросков. Статьи о них присутствуют в "Шевченківському словнику" и других изданиях, вполне доступных пытливому читателю. Мысли будоражили мозг: "Эти статьи - де могут не содержать в себе новых сведений, добытых твоей собственной исследовательской работой, но обойтись без них значит не сообщить того главного, чем он жил, чем дышал в самые тяжкие для него годы". Поддался было

искушению, но перепев известного не в моем характере, и от попытки, меня не вдохновившей, отказался.

Не отказался, однако, от справочного материала о сохранении и упрочении памяти о Шевченко: мемориальных досках и памятниках, музеях и праздниках, о тех, кто вел и ведет исследовательскую работу в области шевченковедения, а равно пропаганду его жизненного и творческого подвига, писателях, деятелях культуры, искусства как России, так и Украины, которых Т. Шевченко в разные годы позвал в эти места.

Включать такие статьи в основной текст нецелесообразно. Пусть же будет своеобразная "энциклопедия в энциклопедии".

Итак, перед вами энциклопедия его среды - социальной, личностной, географической.

Часть первая. Имена

ПРЕДИСЛОВИЕ К ЧАСТИ ПЕРВОЙ

Т. Шевченко

*У каждого было имя
Библия*

*У всякого своя доля
І свій шлях широкий:
Той мурує, той руйнує...
Т. Шевченко*

Развитие широких концептуальных литературоведческих исследований немислимо без непрерывного обогащения и глубокой разработки документальной базы науки. Едва ли не в наибольшей степени нужна такая база при изучении среды личности, которую составляют всевозможные факторы, воздействующие на человека в течение всей жизни и отдельных ее периодов, а также микросреды, в узком смысле слова - ближайшего окружения в каждый данный момент. Определить в среде ближайшего окружения объективные и субъективные, первичные и вторичные элементы - значит создать предпосылки для наиболее полного изучения занимающей нас проблемы, для раскрытия

внутренних механизмов взаимовлияния, взаимодействия среды и творчества, личности и окружающей ее действительности, а, следовательно, для проникновения в святая святых литератора, художника, человека искусства - его рабочую лабораторию, психологию творческого процесса.

В жизни и творчестве Т. Г. Шевченко есть немало широко известных факторов, объективному восприятию, правильному толкованию которых мешают недостаточно четкие представления о времени, в котором он жил, о среде, его окружавшей, о людях, находившихся рядом и вокруг. Подлинный смысл многих явлений шевченковской биографии может быть понят только при условии реконструкции всех особенностей каждой ситуации, всех взаимосвязей, которыми она была обусловлена или сопровождалась. Не выборочный подход, при котором учтенными оказываются лишь некоторые лица или категории лиц (например, участники освободительных движений), а изучение сплошное, фронтальное - вот что необходимо для воссоздания разнокомпонентной, многофигурной картины жизни во всей ее реалистической подлинности.

Убежденность в этом еще четверть века тому назад побудила автора взяться за создание словаря окружения и связей Шевченко его солдатского десятилетия. Книжная (и, как тогда казалось, относительно полная) публикация законченной (по тому времени) работы была осуществлена в 1971 году киевским издательством "Дніпро" в составе книги "Літа невольничі", как бы приложением к исследовательским повестям и рассказам начинавшего тогда свой путь шевченковеда.

Словарь убеждал в том, что десять лет оренбургской неволи были *наиболее густо населенным периодом* во всей жизни Тараса Шевченко. Каждой своей страницей он

доказывал: никогда до этого и никогда позже не встречалось на его пути столько самых разных людей, как в то безмерно трудное, трагическое, но удивительно богатое впечатлениями время. Развенчивалось мнение, будто Шевченко в эти годы общался лишь с группой солдат и офицеров, горсткой чиновников-земляков да еще небольшим кругом опальных поляков. Словарь опровергал это ошибочное утверждение, восстанавливал истинную картину *социальной и национальной среды*, в которой оказался поэт-изгнанник в годы своей солдатчины, открывал возможность проанализировать на основе строго научных, документальных данных все многообразие окружения и всю сложность связей Шевченко в течение лет, проведенных в Оренбурге, Орской крепости, на Аральском море, снова в Оренбурге, снова в Орской и, наконец, в Новопетровском укреплении.

Труд был оценен. Он лег в основу последующих комментариев к произведениям Шевченко и воспоминаниям о нем, оказался полезен его биографам и летописцам, помог разобраться в творческой истории ряда работ поэта и художника, стимулировал рождение идеи, а затем и осуществление двухтомного "Шевченківського словника" (1976-1977). Редко в какой работе 70-90-х годов не найти ссылок на этот словарь (правда, кое-кто ссылаться "забывал"). Его использовали шевченковеды разных стран.

Меж тем автор осознавал неполноту своего детища и продолжал поиск, вводя в оборот новые и новые сведения, называя и раскрывая первоначально не названные имена. Особенно много их в трилогии "Быль о Тарасе", увидевшей свет в 1993 году, а в 1994-м удостоенной Государственной премии Украины имени Т. Г. Шевченко. И вот теперь уже стало невозможным не вернуться к работе четвертьвековой давности, чтобы довести ее до конца (по крайней мере, до современного, *сегодняшнего* уровня знаний о людях вокруг Шевченко), превратить словарь в *энциклопедию* - энциклопедию его окружения и связей более продолжительного периода - от апреля 1847 до возвращения в Петербург одиннадцать лет спустя - мартовским днем 1858-го.

Да, готовится уже четырехтомная "Шевченковская энциклопедия". Но по строжайшим канонам, *трафаретам* энциклопедий она способна вместить в себя только основные сведения о наиболее известных друзьях и недругах, приятелях, знакомых, корреспондентах, официальных лицах, вошедших в биографию сына Украины, заброшенного на долгие годы в степи и пустыни оренбургские, казахстанские. Многие имена будут, некоторые данные и однозначные характеристики не обойти, но сколько-нибудь полных сведений о взаимоотношениях там не сыскать. А они нужны. Без них персональная энциклопедия существенно обедняется. Следовательно, наряду с общей, универсальной энциклопедией о Шевченко нужны сопутствующие ей, так сказать *частные*, во многом отличающиеся от "генеральной".

Такова энциклопедия, которая сейчас перед вами. В ней, примерно, полторы тысячи имен (с персональными, личностными статьями по большей их части). Работа подобного характера и объема выполнена в шевченковедении (как и литературоведении в целом) впервые.

Несколько предварительных замечаний общего характера

Человек, обреченный на жизнь в неволе, оказывается лишенным естественного права свободного формирования собственной микросреды. Ее состав, в огромной степени, навязывается свыше - теми, которые, выступая в роли душителей личности, стараются поставить ее в условия максимальной изоляции от всего, что составляло основу жизни в недалеком прошлом.

Отдача Шевченко в солдаты означала для него полную смену среды. Уготованные ему плацы и казармы отдаленных линейных батальонов должны были исключить всякую возможность общения с единомышленниками, погрузить в атмосферу муштры, отупения, физического и нравственного разрушения.

Однако расчеты не оправдались. Положение Отдельного Оренбургского корпуса как средоточия множества людей, отданных в солдаты за политическую деятельность, положение Оренбургской губернии как края ссылки инакомыслящих создали объективные предпосылки для формирования нового окружения Шевченко. Ему самому в этом принадлежала не пассивная, а, напротив, самая активная роль, отвечавшая потребностям его личности, сложившимся в нем демократическим взглядам и устремлениям. Лишенный права *выбора* среды в целом, он использовал все возможности *отбора* для себя круга лиц, общение с которыми соответствовало его идейным, нравственным убеждениям.

Одной из главных особенностей периода стало интенсивное расширение социального и национального состава окружения. Оно протекало непрерывно и, преодолевая естественную, особенно на первых порах, стихийность, становилось организованнее, целеустремленнее.

Эти результаты, как и предшествующий им процесс, требуют глубокого анализа, который может быть осуществлен только на основе досконального знания всех связей изучаемого периода. Такие возможности, в частности, открывает настоящая энциклопедия, выросшая, повторяюсь, из первоначального словаря окружения и связей Т. Шевченко периода солдатчины (попутно, ради установления приоритета, замечу, что аналогичный по теме словарь Л. А. Черейского "Пушкин и его окружение" вышел в свет несколькими годами позже, в 1976-м).

Статьи в данной энциклопедии разных размеров, как различны и люди, которым они посвящены, различны их роль, их место в жизни Шевченко. Но во всех случаях устремленность одна: дать *монографическую* документальную характеристику его связей с данным лицом.

В долгой неволе Шевченко воочию увидел (и на самом себе ощутил) всю тяжесть судьбы солдата, матроса в Российской империи. Необходимость знать поименно тех, кто сопутствовал ему в дни испытаний, сделала целесообразной реконструкцию "списочных составов" матросов на судах Аральского моря, "нижних чинов" Новопетровского укрепления и т.д. Знание имен предопределило направления (и, в конце концов, успех) поиска биографий. Уже после публикации названного словаря удалось раскрыть индивидуальные биографии-судьбы унтер-офицеров и матросов 45-го флотского экипажа, проделавших зимою 1848 г. путь из Астрахани до Оренбурга на верховых лошадях, а несколькими месяцами спустя составивших экипажи судов Аральской флотилии. В результате поисковой работы перестали быть безымянными записи в Дневнике, строки переписки, многие художественные зарисовки, обрели жизненные прототипы некоторые произведения в поэзии и прозе.

На каждом из жизненных переходов Шевченко находил новых знакомых. Не просто отдельные люди оказывались в поле его зрения. В горах Каратау он впервые, притом близко, узнал коренных горнозаводцев Урала. В энциклопедии им посвящен ряд статей (К.Д. Гонибесов, Н.Д. Козлов и др.); тут достаточно полные сведения об этих людях, их подневольной судьбе, их рабочей доле и силе.

Обращают на себя внимание многие знакомые поэта из оренбургских и уральских казаков. К истории, быту и нравам казачества Шевченко проявил особый интерес, выразившийся, прежде всего, в замысле неосуществленного романа об уральских казаках. Пробудился этот интерес под воздействием знакомств *личных*.

Для нас, конечно, немаловажно, что упоминаемый в Дневнике владелец "сонника" Чеганов и загадочный Федор Ефимович, "добрый человек" из воспоминаний Н.Ф. Савичева - это одно и то же лицо, казачий офицер Ф.Е. Чаганов; дружба Шевченко с ним в Новопетровском укреплении продолжалась не менее пяти лет.

А история "Разумановского сада" в том же укреплении? На целую художественную серию вдохновил он Шевченко - и, как автор теперь уверен, не только неповторимостью своих видов, а и тем, что сад этот был неотделим от трудов простых *казаков-поселенцев* Андрея и Наума Разумановых. Между тем с легкой руки того же Савичева (мемуариста в целом добросовестного) по нашим страницам что-то "загулялась" версия о мифическом Разуманове-купце.

Мы не имеем права не задуматься, кем был тот "земляк из Островной", который вдохновил поэта на создание замечательного стихотворения, а, задумавшись, не постараться узнать все возможное как об Островной, так и о самом этом человеке.

Мы не можем позволить себе пробежать взглядом по листам с шевченковскими зарисовками и не спросить: а кто (к примеру) тот весельчак, который лихо отплясывает на палубе шхуны, в кругу товарищей? Не на все найдет ответ вопрошающий, но на многое - наверняка. Вот и в данном случае комментарий к зарисовке может быть определенным: пляшет матрос Андрей Сахнов.

Достаточно полно, во всем многообразии предстало перед Шевченко российское офицерство: и лучшие его представители, и безликие исполнители военных уставов, и отъявленные солдафоны. Удалось обнаружить важные документальные данные о таких прогрессивных людях офицерского сословия, как И. А. Усков, Г. Г. Левитский, А. И. Бутаков, К. Е. Пospelов, А. И. Макшеев, П. Ф. Гурьев, П. А. Невельский и других. Одновременно прояснились биографии тех, кто сыграл в судьбе поэта роль неблагоприятную. Среди этих, последних, подпоручик С.А. Бархвиц. Не столько нечестность в отношении поэта-солдата, выразившаяся в отказе от возврата долга и требовании привлечь его к ответственности за "ложное предъявление претензии", сколько политическое отступничество, моральная опустошенность сего офицера послужили причиной уничтожающей оценки его в Дневнике Шевченко ("дрянь, мелочь"). Выявленные архивные документы позволили раскрыть облик Бархвица, который, будучи прапорщиком Ревельского егерского полка, принадлежал 1838-1839 гг. к группе армейских офицеров, созданной подпоручиком А.Н. Кузьминым-Караваевым с целью организации побега одного из руководителей польского революционного движения Ш. Конарского, а затем, после ареста, от своих политических деклараций отказался, оговорил недавних товарищей и был оставлен на службе в прежнем чине, хотя и с переводом в Орскую крепость (где вскоре получил следующий чин).

Столь же различным оказался близко узнанный им в неволе мир чиновный. Некоторые чиновники, люди передовых взглядов и добрых сердец, стали его искренними друзьями; знакомство с другими позволило отчетливее, острее почувствовать, что из себя представляет царская бюрократия. Заслуживают быть введенными в биографию Шевченко имена таких прогрессивных чиновников, как П.Н. Глебов, В.В. Григорьев, Н.А. Дмитриев, Н.Ф. Костромитинов, И.В. и Н.В. Павловы.

Солдатчина свела Шевченко с участниками важнейших общественных движений 20-50-х годов XIX века.

На первом месте среди них стоят польские повстанцы разных лет. В энциклопедии круг их шире, чем называлось даже в трудах специальных (в частности, ценном исследовании В.А. Дьякова "Тарас Шевченко и его польские друзья"). Интересны фигуры С. Буновского, Е. Врублевского, К. Добровольского, С. Мешковского, Л. Травковского, В. Шкупя и ряда других, которые в данном контексте не фигурировали никогда. Относились они, как и другие их сотоварищи, к различным слоям польского общества - родовитым шляхтичам, разорившимся однодворцам, офицерам, служащим, студентам, учащимся; отличала этих людей и разная степень политической зрелости.

В эти годы Шевченко познакомился с участниками ряда российских тайных обществ и кружков. Особое место среди них занимают петрашевцы. Среди имен, которым посвящаются отдельные статьи, - не только обычно называемые Н.Я. Данилевский, А.Н. Плещеев, А.В. Ханьков (о которых также удалось отыскать неопубликованные архивные свидетельства), но и Н.А. Момбелли, П.Г. Шапошников, близкие к кружку А.И. Макшеев, Н.А. Ивашицев, М.И. Беликович и ряд других.

Знакомство с одним-двумя представителями того или иного политического кружка - факт, который может таить в себе и элемент случайности, и простое человеческое расположение, не всегда свидетельствующее о близости идейной. Связи с большой группой таких людей, причем разновременные, на протяжении нескольких лет, случайность исключают, давая все основания для выводов о близости глубокой, внутренней.

В период солдатчины состоялось знакомство Шевченко со многими, очень многими категориями людей. Это ученые - географы, естествоиспытатели, историки; писатели - известные и давно забытые; медики - военные, гражданские. Это рыбаки, дворовые люди, купцы разных гильдий. Это жены - генеральские, офицерские, чиновничьи, солдатские. Это колодники и каторжники, в том числе развращенные уродливым воспитанием сынки дворян. Все они представлены определенным числом статей, содержащих сведения и о самих этих людях, и о характере связей с ними отданного в солдаты поэта.

Учтены представители множества национальностей. Отдельные именные статьи посвящены Н. Алмакурову, Альмамбеку, К. Иралиеву, Д. Кушинбаеву и другим, олицетворяющим собою народы, которые впервые открылись для Шевченко в 1847-1857 гг. (казахов, туркмен, татар, башкир, каракалпаков). Некоторые из названных лиц оказались, уже в качестве типажей или натурщиков, запечатленными в карандашных, акварельных его работах; общение с ними сказалось и на литературном творчестве ("У Бога за дверми лежала сокира", "Близнецы" и др.).

Особо следует выделить соплеменников, земляков. Насильно оторванный от своей родины, Украины, Т. Шевченко жадно тянулся к ним, не упуская любой возможности дорогого ему знакомства и общения. Известно, какую роль в его судьбе сыграли братья Лазаревские, С. Левицкий и др. Изучение окружения во всей его полноте позволило расширить этот список за счет покаранных участников восстаний в Галиции (М. Чемерда, И. Дарчук, П. Маслюк, Я. Михалько), ввести в оренбургское "украинское землячество" тех, кто, не будучи украинцем по национальности, родился, жил или служил в родных для поэта местах (И. А. Усков и А.Е. Ускова, Г. Г. Левитский, Е. Ф. Середницкий и др.). Украинское представительство в окружении 1847-1857 гг. стало немаловажным фактором его морального и творческого выживания.

Однако одиннадцать лет жизни Т. Шевченко (1847-1858) представляют собою, как уже отмечалось, не только годы солдатской службы, но и триединое целое: *тюрьма-солдатчина-ссылка*. Под ссылкой автор подразумевает нижегородские (и сопутствующие им) месяцы, когда поэт, незадолго перед тем освобожденный от батальонной службы и исполненный надежд на будущее совершенно свободного человека, оказался "як собака на привязи" - лишенным права, возможности следовать в манивший его своей Академией художеств Санкт-Петербург и вообще избирать как место жительства, так и род занятий по собственному усмотрению, распоряжаться собою, своей судьбой.

Апрель-май 1847 - около двух "тюремных" месяцев - в энциклопедии представлены официальными лицами: теми, кто отдавал приказ об аресте Т. Шевченко как одного из организаторов тайного общества - Кирилло-Мефодиевского товарищества, непосредственно выполнял этот приказ, руководил следствием в каземате Петербурга или в следствии участвовал непосредственно. Имен немного, но обойти их нашим вниманием было бы неправомерным, тем более, что некоторые из них оказались причастными и к дальнейшей судьбе тяжело покаранного поэта.

Несравненно более обширен тот пласт, который связан с восемью месяцами возвращения из неволи - условно говоря, ссылки. Август 1857 - март 1858 занимают особое и еще не до конца осмысленное наукой место в его биографии. Равные по насыщенности событиями этапу, они замечательны тем, что Шевченко, насильно и надолго оторванный от активной общественно-политической деятельности, смог в кратчайшее время вновь приобщиться к тому главному, что волновало умы, окунуться в бурное течение прогрессивной мысли сказать свое новое, веское и страстное, поэтическое слово.

В этот период вновь произошла полная смена всей среды, всего окружения поэта. Вместо заброшенного в пустыне, отдаленного и малолюдного Новопетровского укрепления, где Шевченко должен был постоянно помнить о том, что он "нижний чин" и любой офицер, по любому поводу и без всякого повода, мог учинить над ним расправу, поэт оказался в Астрахани, затем на Волге, в Нижнем Новгороде - местах с бурлящей жизнью, многообразием лиц и типов, в обстановке свободного общения с теми, кто привлекал внимание и почти свободного отстранения от людей, которые не вызывали его доверия.

Предприняв изучение окружения поэта в те месяцы, автор на основе записей в Дневнике, переписке, мемуарных и документальных источниках установил более 200 лиц, с которыми Шевченко свел знакомство в течение этих 238 дней (двухсот, кроме тех, которые не могут быть названы поименно, а определяются обобщающе: "калмыки", "аргонавты", "помещики", "купцы", "зрители", "пассажиры" и т.д.) Но назван человек или не назван, мы не вправе сбрасывать со счетов ни одно лицо и, тем более, ни одну категорию лиц, которые составляли среду Шевченко данного периода. Преднамеренные или непреднамеренные пропуски влекут за собою смещение акцентов, искажение общей картины, превратность представлений о том, что и как на него воздействовало. Воздействие же было весьма существенным. Экипаж "Князя Пожарского" настроил Шевченко на волну размышлений о Степане Разине; общение с безымянными строителями волжских судов дало представление о труде и быте рабочих на верфях. Попутно отметим, что воздействие было обоюдным. Шевченко, например, активно вмешался в жизнь нижегородского театра и нижегородского зрителя (вспомним статью "Бенефис г-жи Пиуновой..." и ее отголоски); его не могло оставить равнодушным небрежение эстетическим воспитанием в Мариинском институте для благородных девиц и т.д.

Далеко не все, с кем поэта сводила жизнь (как в годы солдатчины, так и теперь), относились к нему сочувственно. Значит, надо было учитывать и изучать не только сторонников, а и

противников, не только друзей, но и недругов поэта в каждый период его биографии. Только так могло быть достигнуто достаточно полное, точное представление о среде личности, среде ближайшего окружения, их влиянии, их взаимодействии. Это не исключает, а лишь подчеркивает важность выявления в рамках каждого периода того, что характеризует тенденции главные, первостепенные. В заключительные месяцы перед возвращением Шевченко в Петербург к таким можно отнести следующие:

1. Из первых уст, от участников событий, узнал Шевченко всю правду о только что закончившейся тогда *крымской войне*, которая выявила как героизм, благородство народа, так и просчеты, провалы царского строя. Изучение архивных материалов, особенно фондов РГАВМФ, позволило установить прямую причастность к этим событиям астраханских знакомых Шевченко - флотских медиков И. Ф. Муравского, С. А. Незабытовского, Ф. И. Чельцова, К. И. Новицкого, Ф. И. Зброжека и др., в большинстве своем его земляков. Новые данные не только прояснили смысл ряда дневниковых записей и истинное содержание дней, проведенных в Астрахани, но и дали возможность, говоря о работе над повестью "Прогулка с удовольствием и не без морали", установить неизвестные прежде источники этого произведения, возникновение которого исследователи связывали исключительно с чтением автором одной из статей "Морского сборника". Не отрицая воздействия этого прогрессивного издания на Шевченко, мы вправе говорить теперь о главенствующей роли непосредственных его встреч с участниками Крымской войны, начавшихся еще в Новопетровском укреплении и достигших кульминации в Астрахани.

2. Не понаслышке, не косвенно, а непосредственно и прямо соприкоснулся Шевченко с судьбой героев 1825 г. Одни стали его личными знакомыми, о других поведали близкие к ним люди; можно сказать, что поэт оказался *в атмосфере декабризма*. Особенно важное значение имело установление дружеских связей с М. А. Дороховой - родственницей и другом декабристов, по сути их связной. Обнаруженные материалы позволили выяснить конкретные, персонифицированные источники, вызвавшие именно в Нижнем Новгороде бурный всплеск декабристской темы в творчестве поэта ("Юродивый", "Неофіти").

3. В эти же месяцы Шевченко смог прильнуть к живому ключу потаенной поэзии и бесцензурной журналистики - особенно изданиям А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Он познакомился, подружился с людьми, которые знали и поддерживали Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, были связаны с кружками Т. Н. Грановского и А. В. Станкевича, находились на стреме передовой общественной мысли. Некоторые имена, отдельные каналы приобщения к этому удалось установить путем привлечения широкого круга архивных и мемуарных источников. Они позволили, к примеру, выстроить цепь от прогрессивного общественного деятеля, книгоиздателя и книготорговца Н. М. Щепкина, ездившего к Герцену в Лондон, принимавшего в московской своей книжной лавке Чернышевского, к знакомым Шевченко в Нижнем Новгороде, снабжавшим его запрещенными зарубежными изданиями, а от них, в свою очередь, к доверительным личным контактам Т. Шевченко и Н. Щепкина уже в московские дни, к быстрому сближению поэта с кругами свободомыслящей интеллигенции.

4. Шевченко своими глазами увидел и с полной отчетливостью понял остроту борьбы за решение большого и больного вопроса - освобождения миллионных масс *от кабалы крепостничества*. Особое место имело непосредственное знакомство с положением дел в Нижегородской губернии, где он видел и толпу крестьян, пришедших жаловаться губернатору на помещика-самодура Демидова, и деревню Зименки, в которой мужики предали огню барское поле, и крепостников, яростно выступавших против реформы, и тех более трезвых землевладельцев, что ратовали за ее проведение. За скупыми записями в Дневнике - глубокие впечатления и мысли человека, для которого все это представлялось в

совершенно конкретных лицах, олицетворялось людьми с фамилиями и именами, биографиями и индивидуальными особенностями.

5. Перед взором поэта раскрывались *капиталистические предприятия*, впервые воочию увиденные им на Волге. Постижению строя мыслей Шевченко, лишь в малой степени отраженных в дневниковых его записях, способствует изучение подлинных дел этих предприятий, особенно нижегородской конторы общества "Меркурий", со служащими которой он в Нижнем Новгороде поддерживал тесные связи. Фонд № 101 РГИА явился ценным источником фактического комментирования многих страниц Дневника и переписки Шевченко.

6. Расширились связи Шевченко с представителями различных *классов, сословий, групп*. Лучше, полнее узнал он рабочих и чиновников, медиков и артистов, предпринимателей и моряков, крестьян и учителей. Все это предопределило характер и наполненность персональной части энциклопедии.

Охарактеризую, хотя бы кратко, источники, использованные автором в процессе работы над энциклопедией.

Исследования автора носят двуединый характер. Задача решается на материале биографическом и творческом, но непременно с привлечением большого количества дополнительных источников, главным образом архивных (Алма-Аты, Вильнюса, Киева, Кракова, Москвы, Нижнего Новгорода, Оренбурга, Петербурга, Уфы и др.). В ходе поисков удалось отыскать неизвестные документы, непосредственно касающиеся Шевченко, однако особое внимание было уделено изучению косвенных архивных материалов. Упоминаний о Шевченко они не содержат, но обогащают данными о людях, с которыми свела его жизнь, атмосфере, в которой он находился. Следует подчеркнуть значение таких строго-документальных источников, ранее обойденных шевченковедами, как метрические книги церковью Оренбурга, Орской крепости, Раимского, Оренбургского, Новопетровского укреплений, Уральска и Илецкой Защиты, приказы по Отдельному Оренбургскому корпусу, Оренбургскому и Уральскому казачьим войскам, "ревизские сказки"; то же самое можно сказать о фондах канцелярии Оренбургского военного губернатора, Пограничной комиссии, дворянского присутствия, полицмейстера, которые, как показало изучение, в лучшем случае поверхностно просматривались, в основной же своей части в поле зрения исследователей (тем более - историков литературы) не попадали.

Часто констатируется факт исчезновения архивов Орской крепости и Новопетровского укрепления, приводятся примеры их варварского уничтожения в конце прошлого - начале нынешнего веков. Бесспорно, многое утрачено безвозвратно. Но немало важнейших бумаг сохранилось, только оказалось рассеянным, рассредоточенным. Одной из своих удач автор считает обнаружение метрических книг Петропавловской церкви Новопетровского укрепления за длительный период, с 1852 по 1865 гг. Стоило сопоставить источники мемуарные, литературные (в том числе произведения и письма Шевченко) с записями архивными, как стали на свои места многие события, его касающиеся, прояснились судьбы различных людей, упоминаемых в Дневнике и переписке, явилась возможность избавиться от ошибок в написании имен и фамилий. В других фондах обнаружили материалы о структуре Новопетровского укрепления, результатах инспектирования его в различные годы, назначениях и увольнениях офицеров, торговле, рыболовецком промысле, происшествиях. В связи с этим можно говорить о реальной возможности *реконструировать* архив Новопетровского укрепления, а также восстановить - хотя и не полностью - фонды Орской крепости, Раимского укрепления и других мест шевченковской солдатчины.

Архивные потери велики. Но нужно всемерно расширять свои разыскания и вводить в научный оборот материалы, которые еще лежат под спудом. Необходим фронтальный поиск фондов и дел, связанных с именами множества лиц, в частности архивов, возможно оставшихся после А. И. Антипова, К. И. Бюрно, К. И. Герна, И. А. Ускова, семей Обручевых, Фантон де Веррайонов и др. Такая работа, как убеждает уже проведенное автором исследование ранее не привлекавших внимание архивов (Е. И. Бларамберг, Б. А. Герна и др.), способствует раскрытию важных загадок и может привести к прояснению вопросов о стихах Шевченко 1850-1857 гг., об альбоме аральских видов и рисунков, о портретах, выполненных в Раиме, Оренбурге, Новопетровском укреплении.

Впервые в шевченковедении автором используется ряд печатных источников историко-краеведческого и мемуарного характера. Это книги, воспоминания, статьи старожилов-оренбуржцев об Оренбурге и его деятелях сороковых-пятидесятых годов XIX в. Работы Н. Г. Залесова, П. П. Жакмона, И. В. Чернова и некоторых других содержат материал, критическое изучение которого позволяет обогатить персоналии живыми характеристиками. К той же группе источников относятся труды плодотворно работавшей здесь ученой архивной комиссии. Полезными оказались справочные издания типа адрес-календарей, памятных и справочных книжек - как местные, так и столичные.

Нам, исследователям, комментируя наследие Шевченко и мемуары о нем, работая над проблемами его жизни, мировоззрения, творчества, нужно дойти до каждого имени, псевдонима и анонима. Это имеет далеко не второстепенное значение. В процессе работы автору удалось внести поправки в датировку ряда писем Шевченко, предложить новые версии в связи с атрибутированием отдельных портретов, рисунков, эскизов, обнаружить ошибки в публикациях текстов. Знание всех имен позволяет расширять поиски и вводить в оборот материалы, которые еще лежат под спудом.

Коротко о характере и принципах построения энциклопедии

Основную, главную часть ее составляют статьи словарного типа. Но обычные биографические (или биобиблиографические) статьи решить задачу в той степени, которая представляется необходимой, не могут.

Вот почему автором выработан новый их тип, а именно *статей-комментариев*. Сделана попытка именно *прокомментировать* каждую фамилию, раскрыть каждый аноним и псевдоним, содержащиеся в произведениях Шевченко, в частности, его Дневнике и переписке, а равно воспоминаниях современников, причем, где это нужно, дать совершенно новое, не всегда ортодоксальное, нередко спорное, толкование взаимоотношений.

При всем своем традиционном "словарном" построении энциклопедия представляет достаточно полный труд об окружении Тараса Шевченко периода оренбургской солдатчины. Она суммирует все, что было сделано в этом направлении ранее и на основе новых источников выдвигает закономерные вопросы-проблемы из области взаимосвязей человеческих, гражданских, политических, творческих.

Бесспорно, важен и вопрос о построении самих статей-справок. Все они, несмотря на различие в размерах, содержании, характере изложения, подчиняются определенному принципу, который представляется наиболее приемлемым, целесообразным не только для этого, но и для других, аналогичных изданий, возможных в будущем.

Сведения в рамках каждой статьи располагаются в едином порядке. Сначала - фамилия, имя, отчество (в отдельных случаях, если полные данные неизвестны, - только фамилия,

или фамилия и имя). Далее - даты жизни (или хотя бы рождения), должность, чин, звание, положение данного лица ко времени знакомства с ним Шевченко (или, при отсутствии сведений о личном знакомстве, ко времени предполагаемых, прямых либо косвенных, их связей). Затем следуют краткие сведения о человеке (особенно его общественном, политическом облике) в период, предшествовавший общению с поэтом, а в ряде случаев, когда это требуется в интересах науки, - и в период последующий (иногда даются биографические справки более развернутого характера). Вторую - и основную часть каждой статьи составляют данные о дружбе, знакомстве, переписке или других отношениях (односторонних-двухсторонних, прямых-косвенных) Шевченко и того, кому статья посвящена. Тут же - авторские догадки, предположения, гипотезы, попытки иного, вопреки общепринятому, прочтения дневниковых записей, переписки, мемуарных и биографических свидетельств, прямой спор с другими авторами, наконец - обобщенные выводы о месте данного лица в биографии Шевченко.

Статьи располагаются в алфавитном порядке. При публикации нескольких справок о людях с одной фамилией, состоящих в родственных отношениях, первой помещается статья о том из них, кто имел наиболее близкое отношение к Шевченко. Затем идут другие - по степени знакомства. Принятый в энциклопедиях и словарях обычного типа строгий алфавит имен среди лиц с одинаковыми фамилиями, таким образом, не соблюдается. Например, среди четырех статей о членах семьи Герн первой идет посвященная штабс-капитану К. И. Герну - близкому другу поэта, второй и третьей - его жене С. Н. Герн и сестре М. И. Герн, лично знакомым с Шевченко на протяжении довольно длительного периода, и четвертой - о А. И. Герне, брате, который, хотя и принимал участие в хлопотах об облегчении положения Шевченко, личных связей с ним не имел. Такое построение, по мнению автора, открывает возможность более систематического, последовательного изложения вопроса о связях Шевченко с известными ему семьями.

Ряд статей (их немного) носит одновременно и персональный, и обобщающий характер. Так, открывающая книгу статья о Р. Абизарове содержит сведения о всех унтер-офицерах, матросах и рядовых, непосредственно участвовавших в Аральской экспедиции А. И. Бутакова; в другой статье (о А. Алексееве) приведены также сведения о рядовых и унтер-офицерах - сослуживцах Шевченко по Новопетровскому укреплению. В этих и некоторых других статьях перечисляются лица, посвящение которым отдельных, специальных справок представлялось нам нецелесообразным - одна была бы повторением другой. Но в ряде случаев имена выделены и персонально: сделать это позволило выявление существенных дополнительных источников.

Некоторые статьи обращают внимание на исследователей окружения Шевченко, внесших существенный вклад в сбор и публикацию документальных материалов о поэте в дореволюционный период. Счел нужным автор внести в свою энциклопедию также имена тех, кто оставил нам интересные для шевченковедения труды историко-краеведческого характера.

Наконец, отмечу, что для более удобного пользования изданием в книге помещены заметки так сказать "наводящего" характера, которые, сообщая некоторые анонимы, псевдонимы, криптонимы (например, "А-в, Л.С.", "Б", "Бессребренник", "Земляк из Островной" и др.), тут же отсылают к определенным статьям о лицах, "зашифрованных" самим Шевченко или его современниками.

Источники сведений - архивные, книжные, журнальные - сообщаются по ходу их публикации, немедленно за этими сведениями. Список принятых сокращений (ссылки в тексте, по возможности, кратки) приводится отдельно. Проза, поэзия, письма Т. Шевченко

всюду цитируются по собранию его сочинений в шести томах, изданному Академией наук Украины в 1963-1964 гг. Первая цифра в скобках означает том, последующие - страницы. При ссылках на художественные работы Шевченко используются тома десятитомного академического издания, выпущенные в 1963-1964 годах в Киеве. В конце книги расположен и справочный аппарат (указатель имен и псевдонимов, которым посвящены персональные статьи-справки, указатель других людей из окружения Шевченко, упоминаемых в этих статьях).

Таковы некоторые предварительные замечания. Само собою разумеется, что первая в науке о Т. Г. Шевченко попытка создания энциклопедии подобного типа не может быть свободной от существенных недостатков. Возможны пропуски, упущения, ошибки. Автор надеется на помощь, совет всех, кому дорого дело развития шевченковедения, и с благодарностью к тем, кто ему помогал, отдает свою книгу на суд пытливого читателя.

Но еще несколько строк - совсем уж в заключение

"Жизнь сочинителя есть драгоценный комментарий к его сочинениям",- писал А. И. Герцен. "История моей жизни составляет часть истории моей родины",- заявлял в автобиографии, осмысливая свой жизненный и творческий путь, Тарас Шевченко. Эти высказывания (аналогичные имеются и у других выдающихся деятелей литературы) могут служить подтверждением насущной необходимости создания таких трудов, которые давали бы возможно более полную характеристику связей художника с эпохой, современниками, представителями различных слоев общества, воздействия этих связей - прямого и косвенного, активного и пассивного - на формирование творческого мира и художественных образов.

Конечно, даже самая полная и научная биография не может вместить в себя все имена и все события; время производит отбор, "селекцию", определяя истинную значимость каждого лица, каждого факта. Не вызывает, однако, сомнения то, что ко времени создания подлинно академической биографии, предваряя ее, должна быть осуществлена кропотливая работа по подготовке и изданию фундаментальных сборников материалов и документов, летописей жизни и деятельности, полных библиографий, словарей и справочников различного характера, в том числе окружения и связей. Потребность в таких изданиях стала истиной.

От индивидуального сбора документальных материалов о Шевченко, его окружении, среде, эпохе отдельными, разобщенными исследователями пора в интересах создания полноценной и всеобъемлющей источниковедческой основы шевченковедения настоящего и будущего переходить к практическому решению такой глобальной задачи, как создание возможно более разностороннего и постоянно пополняемого *международного* банка данных, которые систематизировались бы по единой схеме и становились одинаково доступными для всех регионов *мировой* шевченковедческой науки, включая США, Канаду, Германию и другие, не говоря уже об Украине и иных государствах славянского мира (особенно России). Совместный банк данных призван охватить максимум архивных, печатных, рукописных, картографических, изобразительных и иных источников, в нынешнее время разпыленных, рассредоточенных (географически, тематически и т.д.), в значительной своей массе не выявленных, не учтенных и потому в науке не используемых. Имеются в виду исследования как биографии, так и творчества, как произведений, так и проблем, тем (например, во многом основополагающей - "Шевченко и Библия"), наконец, создание не скороспелой, а по настоящему научной, многотомной "Шевченковской энциклопедии". Указанный банк данных немыслим без привлечения современных научно-технических средств и высокой степени компьютеризации поиска, обработки и хранения многообразных сведений отовсюду. Филологи, лингвисты, историки, архивисты,

богословы, социологи и другие гуманитарии должны в этой работе соединить свои усилия с представителями точных наук, информатики, кибернетики.

А этот свой многолетний труд я провожаю в долгую, надеюсь, дорогу посвящением, которое мне подсказывает бессмертный наш Тарас:

*І мертвим, і живим, і ненарожденим
землякам моїм в Україні
і не в Україні
моє дружнєє посланіє.*

АБИЗАРОВ, Рахматулла - унтер-офицер на шхуне "Константин", участник экспедиции по изучению и описанию Аральского моря.

Морскую службу Абизаров нес с 1831 года; в унтер-офицерский чин его произвели в 1842-м. В сорок пятом флотском экипаже (Астрахань, Каспий) служил более 16 лет, после чего, с собственного согласия, был командирован ("избран") для "вооружения и управления на Аральском море судов". Перед этим за беспорочную службу удостоился права носить на левом рукаве мундира нашивки из желтой тесьмы. (РГАВМФ, ф.283, оп.1, д.6435; ф.827, оп.1, д.64). В январе 1848 возглавлял переход команды назначенных на Арал матросов своей роты на верховых лошадях, по снегам и морозам, из Астрахани до Аральска, а затем Оренбурга. Переход занял весь февраль и начало марта. Далее Абизаров с матросами участвовал в сооружении, перевозке и снаряжении аральских шхун, в двух навигациях и всех других делах описной экспедиции А. И. Бутакова на Арале. Решение их дальнейшей судьбы по окончании экспедиции растянулось на годы; исключенные из списков 45-го флотского экипажа еще при выходе из Астрахани, они впоследствии оказались без средств к существованию. Об Аральской экспедиции и участии в ней каспийских моряков подробно и документированно повествуется в трилогии Л.Большакова "Быль о Тарасе" (1993, Москва-Оренбург).

Абизаров открывает список унтер-офицеров и рядовых, переведенных из 45-го флотского экипажа для участия в аральских плаваниях А. И. Бутакова. В перечне имен участников навигации 1848 года значатся унтер-офицеры Дмитрий Садчиков, Парфен Клюкин, марсовой Иван Петренко, матросы первой статьи Калистрат Парфенов, Аверьян Забродин, Густав Терм, Ион Полетаев, Григорий Орлянский, Михайло Воронов, Тарас Фунин, Иван Иванов, Прокофий Васильев, Никита Даниленко, Абдул Оскин, матросы второй статьи Гаврила Погорелов, Андрей Сахнов, Николай Трифонов. Кроме моряков, в состав экипажа вошли "рядовые линейных батальонов Тарас Шевченко (живописец), Фома Вернер (для геологических исследований), а также денщики Иван Тихов (при А. И. Бутакове) и Марковой Сидоров (при А. И. Макшееве).

Приведенный список извлечен из книги "Дневные записки плавания А. И. Бутакова по Аральскому морю в 1848-1849 гг." (издательство АН Узбекистана, Ташкент, 1953, стр.14).

В 1849, ко второй половине аральских исследований, состав команд - как шхуны "Константин", на которой находился Т. Шевченко, так и "Николай", которая входила в ту же экспедицию, - претерпел изменения. На шхуне "Константин" из унтер-офицеров и матросов 45-го флотского экипажа остались Рахматулла Абизаров, Иван Петренко, Никита Даниленко, Аверьян Забродин, Прокофий Васильев, Густав Терм и Гаврила Погорелов, а также произведенный в унтер-офицеры Фома (Томаш - Л. Б.) Вернер, рядовой Тарас Шевченко и денщик Иван Тихов. На шхуне "Николай": Дмитрий Садчиков, Абдул Оскин, Калистрат Парфенов, Тарас Фунин, Григорий Орлянский, Николай Трифонов, Андрей Сахнов.

Таким образом, выбыли после первой навигации унтер-офицер Парфен Клюкин, матросы Ион Полетаев, Михайло Воронов, Иван Иванов (умер) и денщик А. И. Макшеева Марковой Сидоров.

Вместо них команды пополнились рядовыми, взятыми из Раимского гарнизона. На шхуне "Константин" появились Иван Васильев, Иван Секерин, Гурьян Андреев, Ефим Гореев, Николай Семенов, Петр Сильвестров, Осип Поляков, Митрофан Егранов, на шхуне "Николай" - Алексей Парфилов, Павел Иванов, Иван Ларионов, Иван Маркелов, Яков Шилуносков. (РГВИА ф.1441, оп.1, д.34, лл.172-174).

Таковы обычно не называемые имена унтер-офицеров, матросов и солдат, которые, как и Шевченко, приняли участие в труднейших плаваниях по Аральскому морю, а потому по-праву могут быть отнесены к его первопроходцам.

Шевченко связывало с этими людьми более или менее близкое знакомство, продолжавшееся (в большинстве своем) до полутора лет - от начала и до конца экспедиции. Тесное общение с ними нашло отражение в его литературном и художественном творчестве.

Непосредственным впечатлением от встреч с аральскими знакомыми навеяны стихотворения "Добро, у кого с господа" (II, 97), "Ну що б, здавалося, слова..." (II, 105-106), "Бувас, іноді, старий..." (II, 223).

Известно более тридцати акварелей, рисунков, набросков, этюдов, на которых запечатлены - портретно или эскизно - матросы и солдаты - участники экспедиции Бутакова. В восьмом томе академического издания произведений Т. Шевченко они помещены под номерами 8-13, 15-18, 20, 22, 30, 31, 33, 35, 43, 75, 80, 119, 123, 126, 132, 135, 136, 141, 143, 146, 147, 174, 178, 181. Эти работы передают и сложность матросского труда на необжитом Арале, и неустроенность людского быта, и неуютные, однообразные досуги оторванных от мира людей. Шевченко запечатлел подготовку шхун к выходу в море, матросов на веслах, высадку их на опасных берегах, дневальных у бивака, танец на палубе.

Матросы и солдаты использовались художником как натурщики ("Шевченко рисует товарища" - указанный том, лист 12).

Как не собранные еще воедино дневники и письма Бутакова, так и работы Шевченко-художника могут служить памятником высокому и тяжелому труду тех, кто открыл для России загадочное дотоле Аральское море.

А-В, Л.С. - см. Алексеев Л.С.

На основе воспоминаний А-ва (Алексеева Л.С.) и А-на (Акутина А.И.) была написана статья И.С.Алексеева "Материалы к биографии Т.Гр.Шевченко", содержащая некоторые живые штрихи новопетровского периода жизни поэта.

АВДОТЬЯ (фамилия не установлена) - нянька в семье Усковых.

Уральская казачка, она, скорее всего, была из поселенцев Николаевской станицы. Т. Шевченко упоминает Авдотью в Дневнике, описывая, как та разочаровалась, увидев его с дымящейся сигарой. "... Она до сих пор думала, что я по крайней мере часовенный. А я такой же еретик-щепотник, как и другие". (V, 61).

АВДОТЬЯ (фамилия неизвестна) - жительница Астрахани, кухарка плац-адъютанта Новопетровского укрепления Л.А.Бурцова.

Одна из первых астраханских знакомых Т. Шевченко, она упоминается в записи его Дневника. (V, 99).

АГАУ - вожак головного отряда в переходе из Орской крепости к Аральскому морю в 1848 году. Полное имя его неизвестно; под этим, вероятно сокращенным, он был известен среди русских участников похода.

"Вожак,... почтенный старик Агау, знал топографию степи до мельчайших подробностей, как свои пять пальцев. Хотя он не говорил по-русски, но мало по малу мы выучились понимать друг друга. В первое же время переводчиком между нами был один из посыльных Алмакуров..." (А. И. Макшеев. "Путешествие по Киргизским степям и Туркестанскому краю", стр.27).

Для Шевченко, во время похода, Агау и Алмакуров служили главными источниками сведений о виденном. "Никогда не забуду того грустного впечатления, какое произвел на меня вид этого укрепления, - писал он в повести "Близнецы". - Верст за пятнадцать мы увидели на возвышенности кучку чего-то неопределенного, и на спрос наш у вожака, что это такое, он нам ответил: "Иргиз-Кала". (IV, 110). "Вожак" - несомненно Агау. От него же, при посредстве и участии Алмакурова, Шевченко, вероятно, узнал историю "святого дерева", Дустановой могилы и других достопримечательностей степи.

Таким образом, с этими именами косвенно связано возникновение замыслов некоторых его литературных и художественных произведений, в частности такого шедевра, как стихотворение "У Бога за дверми лежала сокира..." (II, 86-88).

АГЕНЧИ - казахи-земледельцы.

Шевченко впервые познакомился с ними во время перехода к Аральскому морю в 1848 году.

"На Камышлы-баше мы в первый раз встретили киргизские аулы. Это были жилища агенчей, земледельцев, обнищавших вконец от варварских набегов хивинцев. В грязных кибитках из камыша, заменявшего кошму (войлок), не видно было никакого имущества. Мужчины и женщины еле были прикрыты какими-то лохмотьями, а дети, даже старше двенадцати лет, ходили голые. Ни у кого не было ни лошади, ни коровы, ни барана, а только у немногих осталось по козе. В таком бедственном положении находились в 1848 году все киргизы, занимавшиеся земледелием в окрестностях Раима". (А. И. Макшеев. "Путешествие по Киргизским степям и Туркестанскому краю", стр.43).

Возможно, и эту встречу имел Шевченко в виду, упоминая в повести "Близнецы" "кочующих полунагих киргиз". (IV, 114). Здесь же могли быть сделаны некоторые наброски, имеющиеся в шевченковских альбомах ("Казах в юрте", "Казахи" - том восьмой, листы 56, 57, 59).

АДЛЕРБЕРГ, Владимир Федорович (1790-1884) - генерал от инфантерии, граф (официально в графское достоинство был возведен 1 июля 1847 г.).

Родился в Петербурге, принадлежал к известному роду. В 1811 вступил офицером в гвардии Литовский полк, с которым проделал походы 1812-1814 годов. В 1817 стал адъютантом великого князя Николая Павловича - будущего Николая I. Далее - директор канцелярии военного министерства, главноуправляющий почт, генерал от инфантерии. С 1852 и до старости, при Николае I и Александре II, был министром императорского двора.

Адлерберг являлся одним из организаторов и руководителей следствия по делу Кирилло-Мефодиевского товарищества. ("Тарас Шевченко. Документи та матеріали до біографії", К., 1982, стр. 127). Через него проходила переписка о рядовом Шевченко - его отправке, доставке, зачислении в батальон, аресте 1850 г., следствии над ним в Орской крепости (стр. 133, 140, 145, 205, 214, 229, 291-295). Он же уведомил великую княгиню Марию Николаевну, как президента Академии художеств, о дозволении Т. Шевченко жить в Петербурге под строгим наблюдением полиции и администрации Академии (стр. 296-297).

Поэт видел в В.Ф.Адлерберге одного из виновников своих многолетних страданий. 1 марта 1858 он записал в Дневнике: "На имя здешнего губернатора, от министра внутренних дел, получена бумага о дозволении проживать мне в Петербурге, но все еще под надзором полиции. Это работа старого распутного японца Адлерберга". (V, 207). Почему "японца"? Не во внешних ли особенностях лица и фигуры надо искать отгадку?

АЙВАЗОВСКИЙ, Иван Константинович (1817-1900) - русский живописец-маринист.

Сын мелкого торговца-армянина, он учился в петербургской Академии художеств (1835-1837), впоследствии академик (1845) и почетный член Академии (1887). Среди его произведений значительное место заняли посвященные Украине. В мае 1840, готовясь к поездке за границу, более месяца жил вместе с Шевченко и Штернбергом; в повести "Художник" ее автор вспоминал проводы Айвазовского и Штернберга в Италию.

В эту энциклопедию имя художника внесено в связи с существующей версией-легендой о том, что весной или в начале лета 1852 г. Айвазовский плывал инкогнито на пароходе из Астрахани в Новопетровское укрепление, к Шевченко. Настойчиво разрабатывает такую версию П.К.Василевский (Дрогобыч). Как писал он, в довоенном архиве его семьи находилось и письмо (допускает, что копия письма) 1872 года, в котором Айвазовский сообщал известному кубанскому краеведу П.Короленко о своей тайной поездке "под видом невзрачного армянского купчишки" через Каспий; в нем содержались и некоторые подробности, например такая: "надо было позолотить ручки господам офицерам, чтобы скрасить бытие страдальца". До второй половины 30-х годов письмо, как вспоминает Василевский, находилось в подборке документальных материалов о Шевченко, собранных сотрудниками Ейского краеведческого музея и в руки к нему попало во время беспощадной "чистки" фондов музея "органами госбезопасности". След письма затерялся в начале Отечественной войны - то ли оно погибло во время бомбежки кубанского города, то ли было увезено кем-то из родственников, спешно уезжавших (бежавших) для спасения собственной жизни и оставшегося имущества.

О "письме Айвазовского" Василевский вспомнил в 1948 году, в Инте, где находился среди узников ГУЛАГ'а. Разговаривая со старшим товарищем по несчастью, ученым-искусствоведом Джаракянцем (?), он не обошел и этот, волновавший его, факт. Собеседник на сообщение откликнулся: "Да, такой факт в жизни Айвазовского был, я тебе когда-нибудь расскажу подробно..." К сожалению, вскоре они расстались и, по слухам, тогда же Джаракянц погиб.

Человек многотрудной судьбы и большого упорства, Василевский продолжает поиск каких-либо сведений о загадочной поездке. Об этом, в частности, в его статье, опубликованной повременным изданием "Дрогобицкий коллекционер" (1993, № 2, апрель-июнь).

В заключение следует отметить, что среди астраханских купцов и торговцев, которые вели свое дело в Новопетровском укреплении, значится некий А.Айвазов, возможно родственник Айвазовского.

АКИШЕВ, Артемий Аникеевич - прапорщик, топограф на шхуне "Константин", участник экспедиции А. И. Бутакова в 1848 году.

Родился в 1815 году, в солдатской семье. С раннего детства - в Оренбургском батальоне военных кантонистов. В 1834 стал топографом Отдельного Оренбургского корпуса, занимался инструментальной съемкой обширнейшего края. Выслужился в унтер-офицеры, а затем и прапорщики (февраль 1848). В 1850 из "прапорщиков по армии" был переведен в Корпус топографов. В дальнейшем "за отличия" получил чины подпоручика (1854), поручика (1859),

штабс-капитана (1861), капитана (1864), ордена Св. Анны 3-й степени и Св. Станислава 2-й степени. ("Исторический очерк деятельности Корпуса военных топографов. 1822-1872", Санкт-Петербург, 1872, стр.46, 107).

Во время плавания Акишев проявил себя опытным, активным и смелым соратником Бутакова во всех проводимых им исследованиях. Ему принадлежит честь открытия и первой съемки неведомых ранее островов. В "Дневных записках плавания А. И. Бутакова по Аральскому морю" его имя упоминается особенно часто: "... оставил прап. Акишева с 1 унтер-офицером и 6 матросами для съемки острова..." (стр.16), "...оставил Акишева с 3 чел. и инструментами на берегу..." (стр.18) и т.д. О мужестве

Акишева (и самого Бутакова) свидетельствует такая запись: "Ночью, приготовив шлюпку со всеми предосторожностями тайны и военными, и выбрав гребцов, умевших хорошо плавать, я взял с собою прап. Акишева (оба мы также умели плавать), и мы потихоньку направились к берегу. Приблизясь настолько, что шлюпка не могла дальше идти, мы с прап. Акишевым разделись и таким образом с футштоком перешли поперек через все устья, готовые пуститься вплавь, если б глубина которого-нибудь из них оказалась слишком велика... Глубоких устьев, однако мы не нашли, хотя в одном из них, имевшем 3 ф., быстрина была так сильна, что сбивала нас с ног... Мы возвратились из этой поездки за час до рассвета, не замеченные никем..." (стр.25-26).

Шевченко постоянно общался с Акишевым, сопутствуя ему, в частности, во время выездов на острова. Об этом свидетельствуют шевченковские акварели и рисунки, которые запечатлели острова Барса Кельмес, Николая и другие. Они с полным основанием датируются исследователями художественного наследия Шевченко на основе соответствующих записей Бутакова. Возникновение ряда акварелей и рисунков (том восьмой, листы 22, 30, 154) прямо связывается с выездами топографа Акишева. Но число таких работ, безусловно, больше.

В продолжение плавания 1848 четыре офицера (в том числе Акишев), а также Шевченко, Вернер и фельдшер Истомина жили, - по свидетельству А. И. Макшеева - вместе в единственной офицерской каюте шхуны "Константин". В дошедшем до нас литературном наследии Шевченко имя Акишева не встречается. Однако в акварелях и рисунках труд топографов отражение нашел (том восьмой, листы 24, 30, 172, 173).

Уместно отметить, что в работе экспедиции - при Акишеве и после его отъезда - участвовали также топографы К.Д.Рыбин, М.Ф.Христофоров, А.С.Голов.

АКСАКОВ, Сергей Тимофеевич (1791-1859) - русский писатель.

Родившийся в старинной, хотя и небогатой, дворянской семье, он провел свое детство в Уфе и в родовом имении Ново-Аксакове. Учился в Казанском университете. Не закончив его, выехал в Петербург и служил там переводчиком в Комиссии по составлению законов. В последующие годы находился на службе в Москве - цензором, инспектором Межевого училища, а затем директором Межевого института. С 1843 жил преимущественно в подмосковном имении Абрамцево. Тут его часто навещали Н.В.Гоголь, И.С.Тургенев, М. С. Щепкин.

Начало писательской деятельности С.Т.Аксакова - публикация очерка "Буран" (1843). Проникновенным поэтом русской природы зарекомендовал он себя в книгах "Записки об уженье", "Записки ружейного охотника Оренбургской губернии", "Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах" и др. Но особенно полно раскрылся его реалистический талант в автобиографических книгах "Семейная хроника" (1856) и "Детские годы Багрова-внука" (1858). В этих произведениях писатель воссоздал картины помещичьего быта конца 18-го века. Однако, даже изображая порочность, жестокость крепостнических порядков, обличительных целей он не преследовал.

Имя Аксакова и его творчество были известны Т. Шевченко. 13 августа 1857 г., в Астрахани, записывая впечатления о посещении библиотеки, он в Дневнике отметил, что в "Русском вестнике" нашел "имена Гоголя, Соловьева, Аксакова, имена, хорошо известные в нашей литературе". (V, 105). В свою очередь, Аксаков мог знать о Шевченко от Бодянского, Максимовича, Щепкина. Когда М. С. Щепкин направлялся в Нижний Новгород, писатель, зная о предстоящей встрече великого артиста с поэтом Украины, отправил с ним в подарок Шевченко экземпляр "Семейной хроники"; позднее там же, в Нижнем, он получил от автора и "Детские годы Багрова-внука" (V, 184, 208). Между Шевченко и Аксаковым возникла переписка (V, 184, 187, 201, VI, 190, 203). Она в известной мере была связана с попытками поэта опубликовать часть написанных им в годы солдатчины повестей.

Личное знакомство с Аксаковым произошло 22 марта 1858 г.

"Радостнейший из радостных дней, - читаем в Дневнике. - Сегодня я видел человека, которого не надеялся увидеть в теперешнее мое пребывание в Москве. Человек этот - Сергей Тимофеевич Аксаков. Какая прекрасная, благородная старческая наружность! Он не здоров и никого не принимает. Поехали мы с Михайлом Семеновичем сегодня поклониться его семейству. Он узнал о нашем присутствии в своем доме и, вопреки заповеди доктора, просил нас к себе. Свидание наше длилось несколько минут. Но эти несколько минут сделали меня счастливым на целый день и навсегда останутся в кругу моих самых светлых воспоминаний". (V, 216). Виделись они и 24 марта; в тот день шел разговор о приезде Шевченко на лето в Абрамцево, причем поэт записал: "...я, кажется, не устою против такого искушения" (V, 217). Заезжал Шевченко к Аксаковым 25 марта (V, 218). Среди многих московских его знакомств это явилось одним из самых приятных.

Переписка Шевченко с Аксаковым продолжалась и в бытность поэта в Санкт-Петербурге. Он с неизменной теплотой передавал приветы уважаемому им писателю, справлялся о нем.

Результатом общения с Аксаковым следует считать возникновение одного из творческих замыслов Шевченко.

В письме к редактору "Народного чтения" (февраль 1860), отвечая на просьбу поделиться с читателями историей своей жизни и решаясь "обнаружить перед светом несколько печальных фактов" своего "существования", Шевченко подчеркнул: "Я бы желал изложить их в такой полноте, в какой покойный С.Т.Аксаков представил свои детские и юношеские годы, - тем более, что история моей жизни составляет часть истории моей родины. Но я не имею духу входить во все ее подробности. Это мог бы сделать человек, успокоившийся внутренно и успокоенный насчет себе подобных внешними обстоятельствами. Все, что я могу покамест сделать в исполнение вашего желания, это - представить вам в коротких словах фактический ход моей жизни..." (V, 254).

Замысел по-аксаковски полного жизнеописания остался неосуществленным.

АКСАКОВ, Константин Сергеевич (1817-1860) - литератор, общественный деятель, старший сын С.Т.Аксакова.

До девяти лет жил в родовом имении отца - селе Аксаково Бугурусланского уезда Оренбургской губернии. В 1826 году, поселившись вместе с родными в Москве, Константин Сергеевич не выезжал из нее почти никогда. Участь в Московском университете, сблизился со Станкевичем, Белинским, Грановским и стал одним из самых активных членов кружка Н.В.Станкевича. Окончив университет, сотрудничал в "Телескопе", "Московском наблюдателе", "Отечественных записках", печатая здесь стихи, переводы, рецензии. В 1847, защитив диссертацию о Ломоносове, получил ученую степень магистра русской словесности. На протяжении многих лет был идеологом славянофильства.

Встречи Т. Шевченко с К.Аксаковым, состоявшиеся в Москве, в марте 1858 г., нашли отражение в Дневнике (V, 217, 218); упоминания о них есть и в воспоминаниях современников - например, в письме Г.Галагана об обеде у М. А. Максимовича, где, среди участников, названы "два Аксаковых" ("Біографія Т. Г. Шевченка за спогадами сучасників". К., 1958, стр. 213).

АКСАКОВ, Иван Сергеевич (1823-1886) - поэт и публицист, общественный деятель, младший сын С.Т.Аксакова.

Уроженец села Надеждино Белебеевского уезда Уфимской губернии, он получил первоначальное образование дома, а затем состоял в Училище правопедения в Петербурге, по окончании которого (1842) стал служить в Московском сенате. Однако вскоре переехал в провинцию и дальнейшую

служебную карьеру продолжал сначала в Калужской, а далее в Астраханской уголовной палате. Вернувшись в 1848 г. в столицу, Аксаков получил назначение в штат министерства внутренних дел в качестве чиновника особых поручений.

В 1852 он вышел в отставку, целиком посвятив себя литературной и общественной деятельности. И.С.Аксаков выступал против "чистого искусства", обличал дворянскую интеллигенцию в равнодушии к бедственному положению народа. Н.А.Некрасов в одной из своих статей 1856 г. писал о его поэзии: "Давно не слышалось в русской литературе такого благородного, страстного и сильного голоса". С конца 50-х гг. поэтическая деятельность Аксакова почти прекратилась, он посвятил себя публицистике, вел активную деятельность в московском кружке славянофилов, редактировал издания славянофильского толка ("Московский сборник", "Русская беседа" и др.).

Т. Шевченко встречался с И.Аксаковым во время пребывания в Москве в марте 1858. Об этом говорится в Дневнике (V, 217, 218). Месяц спустя, 25 апреля, он писал С.Т.Аксакову из Петербурга: "Ивана Сергеевича целую трижды за его алмазное стихотворение "На Новый год". (VI, 217). Имеется в виду стихотворение, опубликованное в журнале "Русская беседа". (1858, № 1). Однако в том же году, в письме к М. А. Максимовичу от 22 ноября, Шевченко высказал недовольство тем, что в извещении об издании газеты славянофилов "Парус" Аксаков ни словом не упомянул украинский народ.

АКСАКОВА, Вера Сергеевна (1819-1864) - старшая дочь С.Т.Аксакова.

Богато одаренная натура, она получила широкое образование. Занималась философией, рисовала карандашом и писала масляными красками, увлекалась литературным творчеством. Известен ее "Дневник", изданный в 1913 г. в Петербурге.

Хотя имя Веры Сергеевны в Дневнике Т. Шевченко не упоминается, мы вправе предположить, что поэт был с нею знаком и общался тогда же, когда и с остальными членами семьи.

АКСАКОВА, Надежда Сергеевна (1829-1869) - младшая дочь С.Т.Аксакова.

Большая любительница пения, обладавшая музыкально-вокальными способностями, она проявляла особый интерес к песням украинского народа. Ее пение слушал и ценил Н.В.Гоголь, а П.А.Кулиш, гостя у Аксаковых, подарил ей тетрадь со своими фольклорными записями.

Как отметил в записи Дневника за 25 марта 1858 г. Т. Шевченко, он в тот день "с наслаждением слушал... родные песни, петье Надеждой Сергеевной". Тут же поэт записал: "Все семейство Аксаковых непритворно сердечно сочувствует Малороссии и ее песням и вообще ее поэзии" (V, 218).

АКСАКОВА, Ольга Семеновна, урожд. Заплата (1793-1878) - жена С.Т.Аксакова.

Засвидетельствованный в Дневнике самим Т. Шевченко факт неоднократного посещения им семьи Аксаковых (V, 216-219), дает основание отнести к числу московских знакомых поэта также хозяйку дома, в котором он нашел самый теплый прием, - дочь суворовского генерала, жену и друга писателя на протяжении десятков лет (бракосочетание их состоялось в 1816-м).

АКУТИН, Александр Иванович - урядник Уральского казачьего двухсотенного отряда в Новопетровском укреплении. В шестидесятых годах - учитель войскового училища, сотник. (Адрес-календарь Оренбургского края на 1861 год", стр. 99).

Назначенный, вместе с товарищем по училищу Л.С.Алексеевым, для прохождения службы на Мангышлаке, он, как и его друг, познакомился здесь с Шевченко. "... Ему (Шевченко - Л. Б.)

нравились их молодая неиспорченность, непосредственность и малое знакомство с темными сторонами жизни..." Поэт увлеченно слушал в чтении Алексеева стихи М.Ю.Лермонтова. "Однако, когда, завидуя успеху товарища, за декламацию принимался А-н (Акутин - Л. Б.), - Шевченко при первых же стихах махал рукой и произносил откровенный приговор:

- Барабан, барабан!"

Об этом рассказал, со слов Л.С.Алексеева, его брат И.С.Алексеев в статье "Материалы к биографии Т.Гр.Шевченко" ("Русское богатство", 1901, кн. 2, стр.63-73 второй пагинации).

АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ, Михаил Семенович - "попечитель прилинейных киргизов" Оренбургской Пограничной комиссии.

Александрийский родился в 1810 году, происходил из духовного сословия. Учился в Вятской семинарии, откуда в 1829 - по его ходатайству и по распоряжению министерства народного образования - был зачислен на казенное содержание в отделение врачебных наук Казанского университета. В 1833 Александрийский закончил полный курс, получил звание лекаря первого класса и был определен на службу в 6-й Оренбургский линейный батальон (Троицк). В 1837 его причислили к Оренбургскому казачьему войску, с которым он не раз бывал в степных походах. За сочинение "О действии жаров на организм пехотинца" ему присвоили звание штаб-лекаря. В 1842 Александрийского утвердили старшим лекарем войсковой врачебной управы. (ГАОО, ф.191, оп.1, д.1). Во время службы Шевченко в этом линейном батальоне он - надворный советник, попечитель прилинейных киргизов (казахов) с резиденцией в Орской крепости. Дом, где жил Александрийский со своей семьей, и куда приходил Шевченко, находился в Форштадте. (ГАОО, ф.6, оп.11, д.1813).

Александрийский упоминается в письмах Шевченко и к Шевченко (посылавшихся, преимущественно, в его, Александрийского, собственный адрес - "с передачей"). Много доброго сказано о нем в воспоминаниях Ф.М. Лазаревского, отозвавшегося об этом человеке, как о "лучшем представителе молодого поколения 40-х годов".

Из переписки Шевченко с Александрийским сохранилось только письмо от 16 августа 1848 г. Оно свидетельствует о широте и прогрессивности взглядов приятеля опального поэта. "Новостей много, очень много, но так как они отнюдь не Орские, а политические и вдобавок европейские, а не российские только, то излагать их со всеми подробностями я не берусь; скажу однако ж главную тему их: хочется лучшего!.. - писал он о революционных событиях в Европе. - Это старая песня, современная и человеку и человечеству, - только поется на новый лад - с аккомпаниментом 24-х - фунтового калибру!" ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр. 77).

Следует сказать, что незадолго перед тем Александрийский, как попечитель Орской дистанции прилинейных киргизов, получил предписание, гласившее: "Оренбургская Пограничная комиссия находит неудобным объявлять в Киргизской степи Высочайший манифест, 14 марта состоявшийся, по поводу политических событий в Западной Европе". Это, читаем в переписке военного губернатора с председателем комиссии, "было бы неудобно, дабы не произвести этим... неблагоприятных толков" среди казахов и других жителей степей. (ГАОО, ф.6, оп.10, д.5937).

Шевченко и Александрийский, судя по тем же воспоминаниям, виделись также в Оренбурге, где последний имел собственный дом. Это еще одно вероятное место встреч 1849-1850 гг. Переезд чиновника состоялся во второй половине ноября 1849, когда Александрийский занял вакансию секретаря исполнительного и счетного отделения Пограничной комиссии.

АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ, Лариса Дмитриевна - жена М.С.Александрийского.

"Женатый на дочери богатого купца, Александрийский всегда жил открыто, и наш солдат был принят у него в доме (в Орской крепости - Л. Б.) не как солдат, а как самый близкий знакомый, наравне с другими гостями", - вспоминал Ф.М. Лазаревский.

Это, в равной мере, относится к хозяйке дома, Ларисе Дмитриевне, с той лишь поправкой, что она происходила не из купеческой семьи, а являлась "обер-офицерской дочерью". (ГАОО, ф.191, оп.1, д.1). Из названного дела становятся известными также имена детей супругов Александрийских. Это (в 1847 г.): девятилетний Евгений, шестилетние Пиоплон и Нажежда, пятилетняя Анна, двухлетняя Лидия. Всех их, вероятно, знал Шевченко.

Не вызывает сомнения, что Шевченко Александрийских рисовал. Эти его работы однако, неизвестны.

АЛЕКСЕЕВ, Андрей - рядовой 1-го Оренбургского линейного батальона.

Полные списки полубатальона (двух рот) в Новопетровском укреплении (состав его менялся каждое двухлетие: две роты из Новопетровского укрепления перемещались в Уральск, а на смену им приходили две роты из Уральска) исследователям биографии Шевченко неизвестны. Между тем они представляют значительный интерес, ибо речь идет о солдатском окружении Шевченко, тогда тоже солдата, о тех, кто не только проходил с ним по одному списку, но и делил тяготы службы.

В данной статье энциклопедии автор предпринимает попытку частичной реконструкции списка личного состава новопетровского полубатальона в 1852 году и делает это на основе постовых ведомостей, изъятых в свое время из архива Новопетровского укрепления К.М.Оберучевым; каждая из ведомостей содержала сведения о составе караулов, в которые в разные дни входил и Шевченко (часть постовых ведомостей написана его рукой).

Таким образом, речь идет о действительных спутниках поэта-рядового из числа "нижних чинов" батальона на втором году пребывания Шевченко на Мангышлаке.

В алфавитном порядке список выглядит следующим образом:

Алексеев Андрей, Алексеев Василий, Андреев Петр, Антипов Егор, Арабкаев Алексей, Астафьев Василий, Афанасьев Осип;
Бажанов Федор, Балашов Антон, Баталов Игнатий, Бекасов Петр, Брагин Спиридон, Бряндин Осип, Бубенов Василий, Быков Степан;
Вингилевский Артамон, Возняк Андрей, Волков Николай, Воронов Иван;
Гадалов Василий, Горбунов Степан, Горланов Петр, Григорьев Федор;
Дашков Сафиян, Девятов Кирилл, Димитров Лаврентий, Духов Дмитрий;
Евсеев Иов, Еграфов Федосей, Емельянов Павел;
Жданов Иван, Журавлев Парфен;
Зяблин Варфоломей;
Иванов Исаак;
Кабанов Илья, Каварзин Василий, Калганов Федор, Киселев Андрей, Колосов Алексей, Коновалов Конон, Корсаков Платон, Кошелев Андрей, Кузьмин Иван, Кузьмин Тит, Кошелев Константин, Куклин Феклист, Куликов Данила, Курбатов Яким, Курмаев Осип;
Лесовский Григорий, Логинов Калистрат;
Малашев Кирилл, Малышев Яков, Машкарин Кузьма, Матвеев Захар, Мещеряков Алексей, Микша Кирсан, Митренев Михаил;
Наумов Иван, Нечаев Никита, Никитин Петр;
Осинцов Василий, Осколков Осип;
Патоскуев Яков, Пермьяков Харитон, Петров Аверьян, Полинцев Василий, Пономарев Прохор, Пословин Никита, Попов Федор, Пухалы Михель;
Русанов Арсений, Рыльский Гаврила;
Савельев Андрей, Савин Андрей, Савицкий Петр, Салмачев Петр, Семенов Григорий, Сидоров Сазон, Соколинский Михаил, Соловьев Иван, Соломачев Феклист, Сорокин Филипп, Сотников Андрей, Степанов Никон, Струнин Иван, Султанаев Султанмурат, Суханов Дмитрий;
Терский Яков, Томин Иван, Тюкачев Павел, Тяпкин Иван;

Утюпин Андрей;
Федоров Иван, Федоров Осип, Филатов Кирилл;
Хадарин Захар, Хохлов Леонтий;
Чеканов Абрам, Чеховский Антон, Чичушков Василий;
Шашаурин Константин, Шестаков Василий, Шешунайчик Иван, Шумов Петр;
Щелгунов Павел;
Эмикянов Павел; (ГМШ, А-43).

Приведенный список, составленный, напомним, на основе постовых ведомостей, не дает возможности проведения демографического анализа состава полубатальона, но позволяет, например, определить национальную его разнородность.

Источником частичного пополнения приведенного списка является метрическая книга церкви Новопетровского укрепления за 1852 год. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.224). Добавляя к перечисленному составу не так уж много имен, книга интересна другим. Она дает представление о судьбах солдат этого укрепления, о тяжелых условиях их жизни. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что в течение 1852 года от различных болезней умерло одиннадцать рядовых. Названный в приведенном списке Осколков, вместе с рядовым Крашениным, были 10 августа 1852 г. "убиты при пальбе от разрыва крепостного орудия". К числу примечательных можно отнести и тот факт, что отдельные рядовые и унтер-офицеры полубатальона находились в Новопетровском укреплении с семьями. Таковы Карябкин Иоаким, Савицкий Петр, Корюкин Илья, Осипов Лаврентий и др.

АЛЕКСЕЕВ, Лукиан Семенович - урядник Уральского казачьего двухсотенного отряда в Новопетровском укреплении, впоследствии есаул.

Укрепление на Мангышлаке, куда он был назначен в середине пятидесятых годов, явилось первым местом его службы по окончании войскового казачьего училища. Здесь Алексеев и познакомился с Т. Шевченко. Любя поэзию, молодой казак увлеченно читал ему стихи Лермонтова, в частности "Гладиатора". "И стихи, и декламация брата, по-видимому, производили на Шевченко сильное впечатление. Он слушал, понурившись, и качал в такт головой..." (И.С.Алексеев. "Материалы к биографии Т.Гр.Шевченко". Журнал "Русское богатство", 1901, кн.2).

В той же статье говорится, что Л.С.Алексеев по просьбе Шевченко "позировал пред ним в качестве натурщика". Не исключено, что именно он явился натурщиком в работе над сепией "Умиравший гладиатор", выполненной в период пребывания Алексеева в Новопетровском укреплении.

Алексеев живо интересовался работами Тараса Шевченко. Важным представляется известное с его слов свидетельство о том, что в это время "Шевченко писал одну картину в семи отдельных сценах, или моментах", и что "Шевченко взял сюжет для этой картины из "Повести о Горе-Злосчастье", которая была только что напечатана в каком-то нашем журнале..." Связь шевченковской серии "Притча о блудном сыне" с древнерусской "Повестью о Горе-Злосчастье", появившейся в журнале "Современник" (1856, кн.3) - версия весьма примечательная.

Анализ косвенных данных, сообщенных в воспоминаниях, позволяет сделать вывод о том, что они относятся к 1856-57 гг.

АЛЕКСЕЕВ, Иван Семенович - офицер Уральского казачьего войска, брат Л.С.Алексеева.

Примерно одного возраста с братом, И.С.Алексеев уже в начале 60-х годов был сотником и учителем войскового училища. (Адрес-календарь Оренбургского края на 1861 год", стр. 99).

Вспоминая рассказы брата, через много лет после его смерти, Алексеев изложил их в небольшой статье "Материалы к биографии Т.Гр.Шевченко", опубликованной в журнале Русское богатство" (1901, кн.2).

Публикация состоялась благодаря деятельному участию В.Г.Короленко, который и направил рукопись заметки (она печаталась под псевдонимом "И.А.") в названный журнал со своим вступлением. Не исключено, что именно Короленко, будучи в Уральске, надоумил И.Алексеева припомнить и записать слышанное им от брата.

АЛЕКСЕЕВ, Павел Ермолаевич - топограф Отдельного Оренбургского корпуса, унтер-офицер.

Родился в 1816, в семье солдата; в раннем возрасте стал кантонистом, а по выходе из батальона военных кантонистов начал службу в полуроте топографов. Служил в течение четверти века (с 1836 по 1856 на съемках, с 1857 по 1867 - в армейской пехоте), в отставку вышел подполковником и кавалером орденов. ("Исторический очерк деятельности Корпуса военных топографов", СПб, 1872, приложение, стр. 47, 107).

В походе к Аральскому морю и местах приаральских (1848-1850) Алексеев являлся напарником и ближайшим соратником Я.П.Яковлева во всех делах (как съемочных, так и военных). Много происходило на глазах Т. Шевченко и частично (безымянно) вошло в повесть "Близнецы" (IV, 110).

АЛЕННИКОВ, Николай Сергеевич - служащий общества "Меркурий", коллежский секретарь, а затем титулярный советник.

Аленников являлся одним из учредителей пароходного общества "Русалка", которое, не выдержав конкуренции с более сильным соперником, сочло свое самостоятельное существование нереальным и влилось в общество "Меркурий". Здесь Аленников служил заведующим кабестанным пароходом, затем помощником управляющего пароходством по пассажирским перевозкам, а в дальнейшем, в начале 60-х гг., управлял Нижегородской конторой и стал одним из директоров объединенной компании "Кавказ и Меркурий". (РГИА, д.101, оп.1, д.683, лл.1, 12, 21 и др.).

Аленников был знаком с Т.Н.Грановским, высоко ценил деятельность А.И.Герцена, поддерживал связи с участниками "Народной воли"; его деятельность засвидетельствована в "Воспоминаниях" Л.Ф.Пантелеева (М., 1958, стр. 316). Правда, мемуарист оговаривал, что "Аленников... не считался в нашем кружке человеком подходящим", но уже сам факт причастности его к среде народовольцев представляется немаловажным. (Однако тот ли это Аленников? Тот самый. Вот что вспоминал о нем Пантелеев: "Н.С.Аленников был одно время директором "Кавказа и Меркурия", присяжным поверенным, директором Владикавказской ж.д.". В заключение шла весть печальная: "помнится, в 90-х гг. покончил самоубийством"). Документально установленный факт: смерть Аленникова последовала 10 октября 1888 г.

Заслуживает внимания, что при всех своих служебных заботах 1857-1858 гг. Аленников увлекался театром, тяготел к литературе, живо воспринимал новинки потаенной поэзии. Это он записал со слов М. С. Щепкина басню Дмитрия Ленского, направленную против Александра II, которая впервые увидела свет лишь полтора года спустя, и то в Лондоне, в герценовской "Полярной звезде на 1859 год". От него, "обязательнейшего Олейникова", получил Шевченко "стихотворение Курочкина на смерть Беранже"; в печати оно появилось только через несколько месяцев - в майской, 1858 года, книге "Русского вестника".

Т. Шевченко общался с Аленниковым в Нижнем Новгороде (а затем в Петербурге), о чем свидетельствуют дневниковые записи и письма поэта (V, 180-182, 185, 225, VI, 199). Настоящая

фамилия этого человека, а равно его деятельность установлены нами впервые (у Шевченко всюду значится "Олейников").

АЛМАКУРОВ, Насыр - унтер-офицер в отставке, участник похода из Орской крепости в Раимское укрепление в 1848 году.

"В молодости Алмакуров был лихим джигитом, молодцом и любил заниматься барантою, угоном чужого скота. Однажды он вздумал побарантовать у нас на линии, но был схвачен и отдан в солдаты. Таким образом он неожиданно совершил путешествие в Архангельск, Петербург и Финляндию; по прослужении же 25 лет в Вильманstrandском пехотном полку получил знак отличия беспорочной службы и унтер-офицерское звание, вышел в отставку, вернулся на родину, женился, сделался снова кочующим киргизом, но больше не ходит на баранту". (А. И. Макшеев. "Путешествие по Киргизским степям и Туркестанскому краю", стр.28).

В пути, а затем в Раиме общался с Алмакуровым и Бутаков, оставивший теплые заметки о нем в своих письмах, (РГАВМФ, ф.4, д.82, лл. 81-84).

Насыр Алмакуров являлся одним из ближайших спутников Шевченко во время следования к Аральскому морю. Читая описания этого перехода в повести "Близнецы", мы видим Алмакурова в безымянном башкире, от которого поэт впервые услышал и о "святом дереве", и о многих других достопримечательностях степи. (IV, 106-113).

АЛТЫНСАРИН, Ибрай (1841-1889) - будущий казахский педагог-просветитель, писатель, фольклорист, этнограф.

В 1849 году восьмилетний внук бия был зачислен учеником открываемой в Оренбурге школы для киргизских детей (ГАОО, ф.6, оп.10, д.6153), в создание которой вложили немало сил А. Венгржиновский и другие знакомые Т. Шевченко, прежде всего из чиновников Пограничной комиссии. Мемориальные доски в честь Шевченко и Алтынсарина - на зданиях одного и того же центрального оренбургского квартала.

АЛЬДЕЕВ, Бекмурза - почтарь Раимского укрепления.

Вместе с другими почтарями, Ульбебеком Таимовым и Ильчибаем Батырбековым, Альдеев осуществлял перевозку почты в Раим и на Кос-Арал, а также обратную связь этих пунктов с внешним миром.

При посредстве почтарей-казахов получал и отправлял письма во время Аральской экспедиции и Шевченко.

АЛЬМАМБЕК (Альмобет) - вожак Чиклинского рода.

Имя его упоминается А. И. Бутаковым и А. И. Макшеевым в связи с деятельным участием этого человека в плаваниях по неизведанному Аральскому морю. Макшеев отмечает знание им морских берегов и окрестностей, заинтересованность его в открытии и освоении новых островов. ("Путешествие по Киргизским степям и Туркестанскому краю", стр. 64, 73-74).

Как можно судить по одному из писем Бутакова, Альмамбек являлся для экспедиции (в том числе, конечно, и для Шевченко) источником изучения быта и нравов казахов: "...Приятель мой Альмобет выдал дочь свою, юную Тушюк, за приятеля же моего Саксымбаю, который был женат на старшей сестре, за которую заплатил верблюда и лошадь; теперь вследствие смерти старшей, он имеет право и

на младшую сестру, за которую заплатил барана и бычка..." (РГАВМФ, ф.4, д.82, лл.77-80). В другом письме, к Макшееву, Бутаков сообщал о том, что Альмамбеком отделяется для него шкура джильбарса. (ИЛ. ф.1, д.284).

За отличие при съемке берегов Аральского моря Альмамбек, приказом от 22 января 1850, был награжден "суконным кафтаном, обшитым галуном". (РГВИА, ф.1441, оп.1, д.34, лл.230-230 об).

Возможно, что именно он зарисован Шевченко в наброске "На палубе шхуны" (крайний справа; том восьмой, лист 135).

А-Н, А.И. - см. Акутин А.И.

Упоминается в статье И.А. (И.С.Алексеева) "Материалы к биографии Т.Гр.Шевченко" ("Русское богатство", 1901, кн. 2, стр.63-73 второй пагинации), как один из знакомых поэта в Новопетровском укреплении.

АНАДОЛЬСКИЙ, Егор Петрович - исправляющий должность Оренбургского инспектора аптекарской части, штаб-лекарь.

Родился в 1809 г. в дворянской семье, курс медицинских наук окончил в Харьковском университете (1834), после чего служил врачом то фабрики, то уезда, то помещичьего имения. В 1845 принял предложение стать помощником инспектора аптекарской части в Оренбурге, в 1848 возглавил ее. (ГАОО, ф.6, оп.6, д.12636/8, лл.35-41).

Встречи Т. Шевченко с Анадольским могли происходить в домах М.И.Цейзика, П.А.Майделя и других. Этому способствовало и чувство землячества. Прямого отголоска в произведениях, переписке, деловых бумагах они не нашли.

АНАКИЕВ, Моисей Фадеевич - фельдфебель 1-го Оренбургского линейного батальона. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.234-а).

О нем говорится в дневниковой записи Т. Шевченко от 16 июня 1857 года: "Теперь, когда уже узнали о моем освобождении, то мои ближайшие начальники - фельдфебель и ротный командир, не увольняя меня от ученья и караула, позволили мне свободные часы от службы проводить на огороде, за что я им сердечно благодарен". (V, 19).

АНДРУЗСКИЙ, Георгий Львович (1827 - год смерти не установлен) - член Кирилло-Мефодиевского товарищества, поэт

Сын небогатого полтавского помещика, учился на первом курсе юридического факультета Киевского университета. В Товариществе отстаивал республиканскую форму правления. Арестованный 30 марта 1847 г., был выслан под надзор полиции в Казань с правом поступления в тамошний университет. Но уже в декабре того года за неподчинение начальству был исключен и из этого университета, с высылкой в Петрозаводск, где в 1850 вторично подвергся аресту за составление "Конституции республики". На положении арестанта пребывал на Соловках, потом служил в Архангельске, откуда (в 1856) вернулся на родную Полтавщину.

Т. Шевченко познакомился с Андрузским летом 1846 в Киеве. Влияние поэта отразилось на его стихах - как студенческих, так и позднейших, особенно на социальной их направленности. Напуганный арестом, молодой кирилло-мефодиевец в своих показаниях дал материал для обвинения и сурового покаяния Шевченко. Однако, возвращаясь после десятилетней солдатчины и оказавшись

в Казани, тот вспомнил Андрузского и попытался выяснить его судьбу; сделать это не удалось (V, 126).

АНДРЮКОВ, Александр Николаевич - прапорщик, а затем подпоручик 5-го Оренбургского линейного батальона. (ГАОО, ф.172, оп.1, д.195).

В ответах майора Мешкова на "вопросные пункты" подполковника Чигиря от 2 июля 1850, среди офицеров, командовавших третьей ротой со дня прибытия сюда Шевченко и до перевода его в четвертый батальон, Андрюков назван третьим, после капитана Глобы и штабс-капитана Степанова. ("Т. Г. Шевченко в документах и материалах", стр.172). Значит, под началом Андрюкова Шевченко находился в конце 1847 или в первые месяцы 1848 гг.

Из пятого линейного батальона Андрюков, согласно тому же документу, был переведен в Полтавский пехотный полк, но затем вновь продолжал свою службу в Отдельном Оренбургском корпусе; в 1854 он служил штабс-капитаном в батальоне № 4 ("Адрес-календарь Оренбургского края на 1854 год", стр.253), а в 1857 - майором в батальоне № 1. (ГАОО, ф.6, оп.12, д.1690).

АНИЧКОВ, Виктор Михайлович (1830-1877) - прапорщик 3-го Оренбургского линейного батальона.

Происходя из дворян Оренбургской губернии, Аничков по окончании Неплюевского кадетского корпуса служил в Оренбурге с 1848 г. до поступления в Академию Генерального штаба (1850). В пользу знакомства Аничкова с Шевченко в период "оренбургской зимы" говорит свидетельство его близкого товарища-сослуживца Н.Г.Залесова о своей встрече с поэтом ("Русская старина", 1903, май, стр.289) и, косвенно, совместная служба обоих с Н.Г.Исаевым, который сблизился с Шевченко, а затем предал его, написав донос, послуживший поводом к аресту в апреле 1850.

В дальнейшем Аничков входил в кружок оппозиционно настроенной профессуры военных академий. Как участник этого кружка и как член редакции "Военного сборника", он был связан с Н.Г.Чернышевским, Н.А.Добролюбовым, Н.Н.Обручевым. Умер Аничков генерал-майором в отставке. (В.А.Дьяков. "Деятели русского и польского освободительного движения", стр.20).

АННЕНКОВ, Иван Александрович (1802-1878) - декабрист, член Южного общества.

Осужденный по второму разряду и приговоренный к двадцати годам каторги, Анненков отбывал ее в Нерчинских рудниках, а когда срок каторжных работ был сокращен до десяти лет, получил право поселиться сначала в селе Бельском Иркутской губернии, затем в г. Туринске Тобольской губернии. В 1839 г. его приняли на службу в Туринский земский суд, откуда вскоре перевели в Тобольск. После амнистии 1856 г. Анненков получил возможность выехать из Сибири и в 1857 был назначен "состоять для особых поручений" при Нижегородском губернаторе. Впоследствии избирался уездным предводителем дворянства. В Нижнем Новгороде он и умер.

16 октября 1857 г. Т. Шевченко записал в своем Дневнике о том, что он "встретился... и благоговейно познакомился с возвращающимся из Сибири декабристом, с Иваном Александровичем Анненковым". Тут же читаем: "Благоговею перед тобою, один из первозванных наших апостолов!" Беседа поэта с декабристом продолжалась за полночь - "говорили о многом и о многих, и в первом часу ночи разошлись, сказавши до свидания". (V, 153). Эта встреча состоялась в семье Якоби, с которой Анненков, вероятно, был связан родственными узами, так как его мать до замужества носила именно эту фамилию. Встречался Шевченко с Анненковым и в дальнейшем. В записи за 8 ноября поэт отметил, что "в продолжение вечера... не расставался с ним". (V, 164).

Знакомство с декабристом Анненковым имело влияние на формирование творческих замыслов поэта, в частности поэмы "Неофіти".

АННЕНКОВА, Прасковья (Полина) Егоровна (1800-1876) - жена декабриста И.А.Анненкова.

Молодая француженка-модистка Полина Гебль последовала за Анненковым в Сибирь как его невеста. Обвенчались они в Петровском Заводе. У них было три сына и три дочери.

П.Е.Анненкова оставила "Записки", напечатанные в "Русской старине" (1888), а затем выпущенные отдельно издательством "Прометей".

Т. Шевченко впервые узнал о подвиге жизни Анненковой из рассказов сестер Якоби. 6 декабря поэт записал: "Она жива еще и теперь. Меня обещали старушки познакомить с этою достойнейшею женщиною. Не знаю, скоро ли я удостоюсь счастья взглянуть на эту беспримерную святую героиню".

Любовь Анненкова и Гебль, их совместную жизнь Шевченко в той же записи назвал "богатырской темой". (V, 163). Он видел в ней материал для творчества.

Можно предположить, что поэт был знаком и с некоторыми другими представителями этой семьи, в частности сыном Анненковых Владимиром Ивановичем, определенным в том же 1857 в канцелярию Нижегородского генерал-губернатора. (ГАО, ф.5, д.172).

АНТИПОВ, Александр Иванович (1824-1887) - горный инженер, поручик, начальник Каратауской и других экспедиций по исследованию каменноугольных формаций в Оренбургской губернии.

Потомственный горняк, сын видного чиновника - организатора горного дела, Антипов в 1846 г. окончил горный институт. Прикомандированный к Луганскому заводу, тогда же начал геогностические исследования в Адыгее, продолжил в Керчи, а в 1850-м, в возрасте 26 лет, получил назначение в Отдельный Оренбургский корпус, куда прибыл в июле того года. Первой операцией в новом

для него крае явилась разведка каменного угля на берегах Аральского моря; экспедиция продолжалась с 1 по 25 сентября. Таким образом, Антипов уже с самого начала оренбургской службы прошел по следам Т. Шевченко, побывал в памятных для него местах (Орская крепость, Раимское укрепление, Кос-Арал и др.). В декабре 1850 горный инженер представил соображения относительно экспедиции будущего года на полуостров Мангышлак. Предложения были приняты. 18 мая 1851 Антипов прибыл в Новопетровское укрепление.

Формулярный его список того времени, как и основная деловая переписка, хранятся в Российском Государственном историческом архиве (ф.44, оп.3, д.40, 188 листов), обширные материалы - в РГВИА (ф.38, оп.31/287, св.882, д.7, 1850, 167 листов). Плодотворная работа тогда еще молодого горного инженера по разведке недр в Оренбургском крае продолжалась в течение многих лет и явилась важной вехой деятельности Антипова-геолога, Антипова-горняка.

Материалы ряда его экспедиций пятидесятых годов (журналы, отчеты, докладные) находятся в Государственном архиве Оренбургской области (ф.6, оп.10, д.6810, 6833) и заслуживают пристального изучения специалистами. Архивные материалы (ГАОО, ф.6, оп.10, д.6899; оп.6, д.13102) характеризуют Антипова как умелого, энергичного организатора, высокообразованного, неутомимого разведчика недр.

Краткий геологический отчет Антипова опубликован в "Горном журнале". (1852, кн.VI, с.460-469).

Антипов стал одним из создателей минералогического отдела Оренбургского музея. 11 октября 1851 года, вскоре по прибытии из Новопетровского укрепления, он попросил об отпуске дров "для отопления здания музеума, в которое г.корпусным командиром приказано сложить доставленные... минералы". (ГАОО, ф.6, оп.14, д.58). В 1860, уже капитаном, Антипов подарил музею коллекцию горных пород, окаменелостей и насекомых.

Т. Шевченко с 21 мая по 7 сентября 1851 находился в составе экспедиции в горах Каратау и три с половиной месяца повседневно общался с горным инженером А.И.Антиповым и его помощниками - штейгером Н. Д. Козловым, горнорабочими К. Д. Гонибесовым, И.И.Кормышевым, П.И.Трубеевым, мастеровым горного ведомства И.Ф.Слигиным. В экспедиции участвовали Б. Залеский и Л. Турно.

"Я вспоминал наш каратавский поход со всеми его подробностями, тебя, Турно и кой-где изредка Антипова; и он, хоть это весьма редко бывало, иногда похож на человека, - писал Шевченко Залескому в сентябре 1855 года. - ...Поход в Каратау надолго у меня останется в памяти, навсегда". (VI, 119). Упоминание Антипова есть и в предыдущем, июньском, того же года, письме из Новопетровского укрепления. (VI, 117).

В памяти поэта инженер оставался во всем его живом облике, со всеми достоинствами и недостатками.

Во время экспедиции Шевченко выполнил большое количество художественных работ. Антипов, конечно, знал о наложенном на него строжайшем запрете рисовать, но занятиям его не препятствовал. Тем самым он, как в 1848-49 гг. А. И. Бутаков, способствовал созданию шевченковских живописных серий и, по сути дела, "живописных дневников" об исследованиях дотоле неведомого края.

В 1852 и 1853 гг. Шевченко вновь встречался с Антиповым и его помощниками, так как они продолжали вести работы в тех же местах и обойти Новопетровское укрепление не могли.

В 1852 г. Антипов, по свидетельству В.А.Перовского, "занимался продолжением каменноугольных исследований в киргизской степи и обозрением Мугоджарских гор в геологическом отношении", а в 1853 осуществлял свое же намерение, выраженное им же предельно просто: "геогностические занятия состоять будут в продолжении каменноугольных исследований на полуострове Мангышлаке". "Отряд выступит из Новопетровского укрепления в начале мая месяца и направит путь мимо гор Каратау к обрывам Усть-Урта... - писал Антипов, - и потом предпримет обратный путь в Новопетровское укрепление, куда прибудет к началу августа". С небольшими отклонениями, план этот был осуществлен.

Небезынтересно заметить, что зиму между экспедициями 1852 и 1853 гг. Антипов находился на лечении в Санкт-Петербурге, у Н.И.Пирогова. (ГАОО, ф.6, оп.6, д.13102). Не исключено, что здесь он общался и со знакомыми Шевченко.

АНТОНОВ, Александр - рядовой 4-го Оренбургского казачьего полка.

Антонов и его сослуживец Герасим Захаров были в 1850 г. союзниками Т. Шевченко на главной гауптвахте Орской крепости. Они находились там под стражей "за побег из службы"; следствие по их делу затянулось в связи с непредставлением из полка "требуемых нужных сведений". (ИЛ, ф.1, д.512).

АПЫХТИН, Владимир Васильевич - лейтенант, штурман почтового парохода "Тарки" в 1852 г.

Незадолго перед тем Апыхтин, служивший в течение десяти лет на Балтике, был переведен в Каспийскую флотилию. Здесь он находился до увольнения в резерв, последовательно командуя баржей, кусовой лодкой, шхуной. ("Общий морской список", ч.9, 1897, стр.101).

На пароходе "Тарки" Апыхтин ходил по многим каспийским портам; обеспечивал он почтовое сообщение и с Новопетровским укреплением в бытность там Шевченко.

АРАЛОВА, Татьяна Михайловна - воспитанница семьи Щепкиных.

Дочь владельца дома за Москва-рекой, в котором некогда снимал квартиру М. С. Щепкин, она подружилась с его дочерьми и когда Араловы разорились, была взята в семью артиста, став ее полноправным членом. (Воспоминания А.В.Щепкиной, в сб. "Михаил Семенович Щепкин", М., 1952, стр.329).

Живя в Москве в доме Щепкиных (март 1858), Т. Шевченко общался со всеми членами семьи, в том числе и с Араловой.

АРБЕНЬЕВЫ - семья музыканта Нижегородского театра.

Наверное, об Арбеневе (называя его "А-в") пишет в своих воспоминаниях П.Д.Боборыкин, сообщая, что он, первая скрипка театра, "был из вольноотпущенников... Шепелева" - нижегородского помещика, имевшего крепостную труппу. ("Воспоминания", т.1, М., 1965, стр.69).

Т. Шевченко в записи за 30 сентября 1857 г. рассказывает о встрече на бульваре с четырьмя детьми Арбеньева, которые произвели на него глубокое впечатление, прежде всего, тем, что "костюм их показался и странным и жалким", "ручонки нагие, и почти босиком" и вообще представились ему похожими "на труппу младенцев-комедиантов". Поэт познакомился с детьми - Катей, Надей, Дуней и Сашей, расспросил их, угостил сладкими пирожками. "На расставаньи они просили меня к себе в гости, и я, разумеется, обещал прийти". (V,143).

О продолжении знакомства с семьей Арбеневых сведений нет - равно как и о судьбе детей музыканта. Но характерно, что, как свидетельствует та же дневниковая запись, расставшись с детьми, Шевченко пошел искать "крепостного Паганини", слышанного им на пароходе "Князь Пожарский". Судьба Панова была схожа с судьбой такого же, как он, вольноотпущенника Арбеньева.

АРГОНАВТЫ - мореплаватели, мореходы.

Название произошло от имени корабля "Арго", на котором герои древнегреческой мифологии под предводительством Ясона отправились в Колхиду (совр. Западная Грузия) за золотым руном, которое охранялось драконом. С помощью волшебницы Медеи аргонавты завладели золотом и доставили его в Грецию.

Аргонавтами Т. Шевченко назвал в своем Дневнике (9 августа 1857 г.) экипаж кусовой лодки и рыбаков, вместе с которыми несколькими днями раньше приплыл с Мангышлака в Астрахань.

"В 5 часов утра пошел я от нечего делать на косу (пристань) проведать моих новопетровских аргонавтов, так быстро переплывших со мною Хвалынское море. Рыбу свою они продали, купили хлеба и с этим золотым руном отплывут завтра к пустынным берегам полуострова Мангышлака. Желаю вам счастливого плавания, бесстрашные плователи..." (V, 100).

О конкретных "аргонавтах" см. статьи "Петров, Иустин Никитич" и "Сухоруковы". Однако нужно сказать, что Т. Шевченко и мог в данном случае подразумевать и всех моряков, всех тружеников моря, с которыми ему довелось общаться за годы пребывания в Новопетровском укреплении.

АРМЯНЕ. Народ индоевропейской семьи.

Первые сведения о нем относятся к середине 8-го века до нашей эры, когда к государству Урарту в северо-восточной части Малой Азии присоединились племена, проживавшие в областях Хайаса (в верховьях р.Евфрат) и Арме (к юго-западу от оз.Ван), от которых произошли название (армяне) и самоназвание (хай) народа. Христианство у армян было провозглашено официальной религией в 301 г. Алфавит армянского языка Месроп Маштоц создал в 405-406 гг. Становление народа проходило в многовековой борьбе с завоевателями. Присоединение Восточной Армении к России (1801-1828) способствовало ускорению консолидации армян в нацию.

Т. Шевченко общался с армянами в местах солдатчины и ссылки. Упоминание об этом - уже в первой записи его Дневника 1857-1858.

А.-ТЫНОВ - см. Мартынов А.Ф

Под псевдонимом "А.-тынов" в газете "Северная пчела" (1861, № 137, 21 июня) была опубликована статья, содержащая личные впечатления автора о нижегородских встречах с поэтом.

АФАНАСЬЕВ, Александр Николаевич (1826-1871) - собиратель и исследователь фольклора, историк и литературовед.

Окончив юридический факультет Московского университета, Афанасьев служил с 1849 по 1862 гг. в Главном архиве министерства иностранных дел. Одновременно он занимался литературной деятельностью. Его произведения "Дедушка домовый" (1850), "Ведун и ведьма" (1851) и другие явились первыми выступлениями мифологической школы в России. В 1855 начали выходить выпуски "Народных русских сказок". Восемь выпусков, изданных в течение десяти лет, включали в себя почти 600 текстов. Перу Афанасьева принадлежит также трехтомный труд "Поэтические воззрения славян на природу" (1866-1869) и некоторые другие исследования, в частности в области библиографии.

Необходимо отметить, что в пятидесятые-шестидесятые годы А.Н.Афанасьев являлся одним из корреспондентов Герцена, участвовал в его изданиях.

Т. Шевченко познакомился с Афанасьевым 12 марта 1858 г. в доме М. С. Щепкина. 24 марта они встретились на обеде в честь новоселья книжного магазина - празднике, который устроил Н.М. Щепкин, сын артиста. "Молодая, живая, увлекающаяся, свободная!" - так охарактеризовал поэт "московскую учено-литературную знаменитость", собравшуюся в этот день вместе. Назван и Афанасьев. (V, 210, 217).

Б.- см. Балинский Л.

В письме от 8-20 мая 1857 г. Шевченко называет "Б", как человека, вместе с которым он в том же году, в январе, писал Б. Залескому, но ответа не получил. (VI, 160).

"Б..." - см. Бархвиц С.А.

Сокращение этой фамилии встречается только в январском (1848 г.) письме Ф. Лазаревского ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр.67).

БАБКИН, Александр Евграфович - титулярный советник, исправник нижегородского земского суда.

Бабкины были помещиками, которым принадлежали сотни крестьян. Однако сам Александр Евграфович относился к сторонникам освобождения их от крепостной неволи. (ГАНУ, ф.639, оп.124, д.6500-а).

В записи от 13 января 1858 г. Т. Шевченко отметил: "Бабкин подарил мне прекрасную акватинту..., а я сегодня... изобразил его собственную персону и довольно удачно". ((V, 187).

Портрет неизвестен. Предположение о том, что именно Бабкин запечатлен в "Портрете полицейского" (X, л.20), лишено оснований.

С Бабкиным Шевченко встречался впоследствии и в Петербурге (V, 239).

БАБСТ, Иван Кондратьевич (1824-1881) - экономист, публицист, профессор Московского университета.

Еще учась на историко-филологическом факультете этого университета, Бабст обратил на себя внимание профессора Грановского. Под его воздействием и происходило дальнейшее формирование будущего ученого, общественного деятеля. По окончании университета со степенью кандидата Бабста оставили здесь же для подготовки к профессорскому званию. Затем он занимался преподаванием истории в различных учебных заведениях; в 1851 г., защитив диссертацию, получил кафедру политэкономии в Казанском университете. В 1857 возвратился в Москву, где принял такую же кафедру в университете, который закончил сам.

Ко времени возвращения в Москву Бабст был уже известен как автор ряда серьезных научных трудов. Обратила на себя внимание его актовая речь, произнесенная в Казани в 1856 году на тему: "О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала", в которой он выказал себя горячим и убежденным поборником реформ, и прежде всего отмены крепостного права. В этой речи Бабст убедительно доказал, что крепостное право препятствует развитию промышленности и росту богатства России.

Профессором Московского университета он являлся на протяжении семнадцати лет (до 1874). Большую работу ученый вел в качестве директора Лазаревского института восточных языков, управляющего Московским купеческим банком. Из-под его пера вышло много книг и статей по проблемам политэкономии, всеобщей истории и современности.

Знакомство Т. Шевченко с И.Бабстом состоялось сразу по приезде поэта в Москву, в доме М. С. Щепкина. Их встречи происходили часто. О некоторых из них имеются упоминания в Дневнике. 21 марта Бабст подарил поэту "свою речь об умножении народного капитала", изданную Н.М. Щепкиным, К.Т.Солдатенковым и комп.". (V, 210-211, 215, 217). Дневниковые записи

свидетельствуют об уважении, которое питал Шевченко к этому новому своему знакомому, являвшемуся одной из примечательных фигур в прогрессивных кругах тогдашней Москвы.

БАЖАНОВ, Михаил Иванович - орский старожил.

Сын унтер-офицера 5-го Оренбургского линейного батальона Ивана Семеновича Бажанова и его жены Евфимии Силантьевны (ГАОО, ф.173, оп.12, д.24), Бажанов во время пребывания Шевченко в Орской крепости был ребенком и знать поэта не мог. Тем более странным выглядит допускаемое биографами отождествление М.И.Бажанова с его однофамильцем - офицером Новопетровского укрепления Бажановым Н.Е.

В беседе с Матовым, впоследствии опубликованной, Бажанов рассказал: "...Тарасом Григорьевичем была нарисована прекрасная картина-аллегория. Она представляла из себя малороссийскую деревушку со всеми аксессуарами южной природы. На первом плане картины выделяется ветхая хатка, обнесенная высоким частоколом... Лицом к ограде и затылком к избушке стоит тогдашний министр народного просвещения; в распростертых руках он держит развернутую солдатскую шинель и пытается загородить ею приходящие через ограду солнечные лучи..." ("Киевская старина", 1895, ноябрь, стр.61).

Этот рассказ, в силу сказанного о Бажанове, не может быть назван воспоминанием; его целесообразнее публиковать в сборниках, представляющих народное творчество о Шевченко, народные предания о поэте-художнике.

Тем не менее в восьмом томе полного собрания его произведений описанная карикатура открывает перечень ненайденных художественных работ. Тут же упоминается: еще в 1911 году В.П.Кранихфельд писал, что за эту картину Шевченко был возвращен с частной квартиры в казарму, а сама картина была отобрана и уничтожена.

Легенда рождает легенду. Однако при всей занимательности рассказанного Бажановым использовать эту "историю", как источник достоверных сведений о жизни и творчестве Шевченко в Орской крепости, оснований нет.

БАЖАНОВ, Николай Ефремович - плац-адъютант, прапорщик, а с конца 1855 г. - подпоручик, смотритель полугоспиталя в Новопетровском укреплении, где служил с 40-х гг. (ГАОО, ф.6, оп.12, д.1251).

"Я полагаю, Вы помните еще некоего Бажанова, с которым жили довольно мирно, бродили вместе от нечего делать по саду или так называемому огороду..." (Из письма Н.Е.Бажанова от 8 августа 1860 г., "Листи до Т. Г. Шевченка", стр. 188-189).

Имя Бажанова трижды упоминается в Дневнике. (V, 16, 61, 80). Он первым поздравил Шевченко с долгожданной свободой. Через Бажанова шли к нему отдельные письма. (VI, 166).

Вместе с женой Бажанов запечатлен на портрете, выполненном Шевченко в 1851-1854 гг. (Том девятый, лист 42). Портрет самого Бажанова 1857 года, о котором говорится в дневниковой записи 15 июня, неизвестен.

БАЖАНОВА, Екатерина Агафангеловна - жена Бажанова Н.Е.

Шевченко бывал в доме Бажановых в Новопетровском укреплении, встречался с ними у коменданта И. А. Ускова, но относился к уму этой женщины не без иронии. (V, 74, 83).

Кроме указанного выше портрета четы Бажановых, известен и шевченковский портрет Екатерины Агафангеловны. (Том девятый, лист 43).

БАЙГУШИ.

Слово "байгуш", как оренбургское, В.И.Даль внес в свой "Толковый словарь живого великорусского языка" с таким определением: "нищий из кочевых инородцев, обнищавших киргиз". Казахское слово "байгус" переводится на русский как бедняга, бедный.

С байгушами, как сословием; Т. Шевченко впервые познакомился в походе к Аралу (1848), в Раиме и на Кос-Арале, а затем во время службы в Новопетровском укреплении (50-е гг.). Глубокое сочувствие обездоленным казахам, и особенно нищенствующим детям, нашло яркое воплощение в сепиях "Байгуши под окном", "Байгуши" и других работах Шевченко-художника. Непосредственным откликом на произведения о нищих детях-казахах стали слова З. Сераковского: "Твои киргизята прекрасны! Ты олицетворяешь идеи". Идеи сочувствия и помощи.

БАКСА - казахский "колдун или лекарь" (по определению А. И. Бутакова), "по-нашему Кобзарь" (по словам Т. Г. Шевченко).

Шевченко увидел и рисовал его на Кос-Арале 22 или 23 ноября 1848 г., а год спустя, 29 декабря 1849 г., уже вернувшись в Оренбург, довел работу до конца и отправил для продажи А.И.Лизогубу: "Шлю вам киргизского Баксу, или по-нашему Кобзаря..." (VI, 59).

Имя баксы неизвестно. Представление же о нем и об этой встрече дает письмо А. И. Бутакова к родителям от 24 ноября 1848 г.

"...Мне стало любопытно видеть баксу. Так как аул его был недалеко, то за ним послали и он явился через три дня после убиения тигра. Усевшись на пол, бакса вытащил род скрипки, на которой вместо струн были пряди конских волос, приготовил смычок и спросил меня, о чем мне поворожить. Я пожелал узнать о здоровье жены, которую оставил в интересном положении, когда урус падша (т.е. русский падишах) послал меня сюда, а также о здоровье моего сына и о том, родился ли у меня сын или дочь. Бакса настроил скрипку, заиграл и запел гнусным и хриплым голосом с различными кривляниями. Во-первых, он начал прославлять тынгиз тюря, т.е. водяного начальника; распространялся о моих подвигах, добродетелях, о моем богатырстве и о моей нежной заботливости о жене и сыне; потом стал под музыку захлебываться и рыгать, и кричать шайтанам, чтоб они поторапливались со своими вестями. Потом он несколько раз корчил, что изнемогает, и скрипица издавала самые дикие звуки; потом взял нож и стал заколачивать его себе в брюхо (т.е. в рубашку), прикрикивая: тарт! тарт! тащи! тащи! (т.е. вести) и, наконец, обрадовал меня известием, что у меня родился сын - вследствие чего поздравляю Вас с внуком... Я подарил ему два клетчатых платка, но потом присовокупил на ломаном киргизском языке, что его шайтан бокджиган (ест грязь)..., что у меня нет муржи и бала (жены и детей)... Бакса мой сморщился, однако остался весьма доволен моим подарком и ушел, повторяя: "кулдук", "кулдук!", т.е. повергаюсь во прах перед тобой, батырь..." (РГАВМФ, ф.4, ед.хр.82, лл.73-76).

Рисунок "Казахский бакса" до настоящего времени относится к числу неотысканных.

БАЛАГУРОВ, Александр Васильевич - смотритель Новопетровского полугоспиталю в годы службы Шевченко в этом укреплении, капитан, а затем майор. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.1044). Из Новопетровского укрепления выехал не ранее 1854 года.

Балагуров упоминается в Дневнике, в записи от 29 июля 1857 г., как один из источников сведений о заинтересовавшем поэта, вскоре по прибытии его в укрепление, солдате Андрее Обеременко,

который "в продолжении двадцатилетней солдатской пошлой, гнусной жизни не опошил и не унизил своего национального и человеческого достоинства". (V, 93). В качестве одного из ближайших начальников Оберменко, Балагуров укрепил в Шевченко желание ближе познакомиться с земляком, ставшим ему впоследствии другом.

К тому времени, когда Шевченко делал эту запись, Балагуров давно уже находился в Оренбурге. "Я остановился (в 1856 г. - Л. Б.) у дяди своего, ветерана польской и турецкой кампании, майора Балагурова, служившего тогда смотрителем госпиталя..." - писал Н.Г.Залесов на стр. 541 своих записок, опубликованных в июньской книге "Русской старины" за 1903 г.

Уместно сказать, что Балагуров служил в Оренбурге во время доставки туда Шевченко в 1847 г. и так как он являлся плац-адъютантом Оренбургского ордонанс-гауза, то не исключено, что знакомство его с опальным поэтом произошло еще тогда. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.176).

БАЛИНСКИЙ, Людвиг - рядовой, а с 1856 г. унтер-офицер 1-го Оренбургского линейного батальона.

Как активный участник подготовки и организации Познаньского восстания 1848 г., Балинский был арестован и отправлен на солдатскую службу.

В течение нескольких лет находился в Новопетровском укреплении вместе с Шевченко. Приятельским отношениям между ними в немалой степени способствовало, вероятно, то, что Балинский был давно и близко знаком с другом поэта Бр.Залеским.

Именно в переписке Шевченко с Залеским и находим мы упоминания об этом их общем знакомом. Так, в письме от 3 июля 1856 г. перед отъездом из Оренбурга Залеский сообщает, что его адрес, для будущей их переписки, поэту "может... продиктовать Людвиг" - земляк Бронислава. ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр.87). Год спустя Шевченко, в письме к Залескому - VI, 160), сетует, что тот долго не отвечал, хотя он писал ему "два раза, по адресу Балинского" (иными словами - по адресу, сообщенному Балинским), а однажды написали даже вдвоем ("вместе с Б." - то есть с тем же Балинским). В других письмах Балинский не упоминается.

Нет упоминаний о нем и в Дневнике. Но это объясняется уже тем, что ко времени начала Дневника в Новопетровском Балинского не было: он выехал раньше. 1 августа 1857 г. И. А. Усков докладывал батальонному командиру, что Шевченко обратился к нему с просьбой о выдаче ему билета на проезд в Петербург ближайшей дорогой, через Астрахань, "по примеру тому, как был выдан таковой уволенному наперед унтер-офицеру Балинскому". Билет поэту, как известно, комендант выдал на свой риск и страх, не ожидая ответа из Уральска.

Утверждение Л.Хинкулова о том, что резкие в некоторых записях Дневника высказывания в адрес "Эстетики" Либельта связаны с рассказами Балинского о двурушнической политической деятельности философа "Тарас Шевченко і його сучасники", стр. 198-199), является безосновательным, и в этом можно убедиться уже при внимательном чтении самих шевченковских страниц.

БАЛКАШИН, Николай Васильевич - оренбургский гражданский губернатор, а потом командующий башкиро-мещерякским войском.

Происходя из дворян Московской губернии, Балкашин получил офицерское звание в 1823 году; в 40-х годах перешел на гражданскую службу и в чине статского, а затем действительного статского советника являлся оренбургским губернатором; в 1851 году, по прибытии В.А.Перовского, был

переименован в генерал-майоры и принял командование башкиро-мещерякским войском (ГАОО, ф.6, оп.10, д.6928).

В шевченковском наследии имя Балкашина не упоминается, однако положение, занимавшееся им в Оренбургском крае, дает основания называть его среди людей, от которых в определенной степени зависела судьба поэта.

БАРАНОВСКИЙ, Егор Иванович (1820-1914) - оренбургский вице-губернатор (с 1853 года).

По окончании курса наук в Училище правовередения (1840) Барановский начал службу в Правительствующем Сенате. Перейдя в ведомство министерства юстиции, работал в Таганроге, Риге и других городах. В 1850 г. был причислен, по его просьбе, к министерству внутренних дел. Служил правителем канцелярии в западных губерниях, чиновником особых поручений при министре, после чего был назначен вице-губернатором Оренбургской губернии. И в 1853-м, и в 1854-м, и в последующие годы он неоднократно подолгу исполнял обязанности гражданского губернатора. Впоследствии (в 1859 году) Барановский этот пост занял. (ГАОО, ф.6, оп.6, д.13450, лл.3-14).

Человек широких взглядов и большой культуры, Егор Иванович был в добрых отношениях с Б. Залеским и Э.Желиговским. Вероятно от Залеского Барановский получил копию шевченковского автопортрета, исполненного в Новопетровском укреплении. "Портрет этот передан мне в пятидесятых годах прошедшего столетия сосланными в Оренбургский край поляками, по поручению Т. Г. Шевченко..." - написал владелец копии автопортрета на обороте паспарту; все годы он считал ее оригинальной работой почитаемого им художника-поэта.

Барановский сыграл важную роль в судьбе польского поэта Эдварда Желиговского (Антония Сова) - единомышленника, заочного знакомого, а затем и друга Шевченко. В доме Барановских тот провел немало памятных вечеров. Ряд его стихотворений посвящен жене вице-губернатора Екатерине Карловне, урожденной Тимлер.

БАРТЕНЕВ, Петр Иванович (1829-1912) - историк, библиограф и археограф.

Получив образование в Московском университете, где в 1851 г. закончил историко-филологический факультет, Бартенева посвятил себя научно-литературной деятельности. В 50-е годы им были опубликованы статьи "Род и детство Пушкина", "А.С.Пушкин. Материалы для его биографии", "Собрание писем царя Алексея Михайловича" и др. В 1858 г., установив связь с А.И.Герценом, Бартенева доставил к нему в Лондон (куда отправился в апреле) "Записки Екатерины II", опубликованные там в 1859-м. В этот период молодой ученый принадлежал к кругу славянофилов, в котором занимал видное место. Последующая деятельность Бартенева связана с еще более активными литературно-биографическими разысканиями о писателях России и о русской истории. С 1863, в течение полувека, он издавал и редактировал журнал "Русский архив". Кроме того, им были составлены и выпущены сборники "Оснадцатый век", "Деятнадцатый век", "Архив кн. Воронцова" и другие.

Знакомство Т. Шевченко с Бартенева произошло 25 марта 1858 на обеде у М. А. Максимовича. (Сведения об этом содержатся в письме Г.Галагана к жене от 1 апреля 1858 г. ("Биография Т. Г. Шевченка за спогадами сучасників", Киев, 1958, стр. 213). В дневниковой записи поэта он, однако, не упомянут. Не исключено, что Бартенева мог быть также среди участников новоселья книжного

магазина Н.М. Щепкина, состоявшегося накануне, хотя и в записи от 24 марта этого имени не находим.

Единственным упоминанием Бартенева в литературно-эпистолярном наследии Т. Шевченко являются благодарственные слова о нем в письме к Максимовичу от 5 апреля 1858 г. Они были вызваны тем, что именно с помощью Бартенева удалось обнаружить в Москве, уже после отъезда оттуда поэта, список поэмы "Еретик", который содержал первые 228 строк этого произведения, отобранного у автора во время его ареста в 1847. "Подякуй за мене Бартенева і попроси його, чи не доставе він де-небудь другу половину..." - писал Шевченко (VI, 214-215).

БАРХВИЦ, Станислав Августович - подпоручик 5-го Оренбургского линейного батальона.

Шевченко познакомился с ним по прибытии в Орскую крепость в 1847 году и сошелся поначалу ближе, чем с другими. Этим, вероятно, было вызвано предупреждение со стороны Ф.М. Лазаревского: "... об Б... я чув не все добре - кат би його взяв, од його б подальше..." ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр.67).

В том, что речь идет именно о Бархвице, убеждает известный в литературе факт "финансовых отношений" подпоручика и рядового. Суть его в следующем. Бархвиц получил в долг от Шевченко 68 рублей. Долг возвращен не был. Когда же обманутый оказался вынужденным подать жалобу, Бархвиц не только отперся от того, что должен, но и потребовал "поступить с рядовым Шевченкою по всей строгости законов за ложное предъявление претензии". ("Киевская старина", 1891, № 2, стр. 334-335).

С этим фактом и до настоящего времени связывают строки из дневниковой записи Т. Шевченко, сделанной 2 июля 1857 г.: "Искорени друзей, подобных... Бархвицу... это дрянь, мелочь..." (V, 47). Однако резкая оценка вызвана не только приведенным примером элементарной не порядочности в личных взаимоотношениях.

Изучение прошлого Бархвица показывает, что в 1838-1839 гг. будучи прапорщиком Ревельского егерского полка, он примкнул к группе русских офицеров, созданной подпоручиком Аглаем Николаевичем Кузьминым-Караваевым с целью организации побега одного из руководителей польского освободительного движения 30-х годов Шимона Конарского. Отказавшись после ареста от своих политических взглядов и, по всему судя, оказав следствию помощь, Бархвиц был оставлен на военной службе в прежнем чине, хотя и с переводом в 5-й линейный батальон Отдельного Оренбургского корпуса. (ЦГИА Литвы, ф.378, оп.219, д.345; ф.378, оп.216, д.15). В Орской крепости, где он служил с 1841 года, Бархвиц старался зарекомендовать себя ревностным и благонадежным службистом, следствием чего явилось скорое производство его в чин подпоручика. Моральная нечистоплотность этого человека не раз проявлялась в его отношении к своим слугам и товарищам по службе. (ГАОО, ф.6, оп.12, д.63). Есть все основания предполагать неблагоприятную роль Бархвица в истории А.Гофмейстера и судьбе Г. Г. Левитского.

К сожалению, истинный облик Бархвица, представлявшегося поначалу страдальцем за свободу, раскрывался перед Шевченко не сразу, а как результат новых и новых встреч с людьми, среди которых были и сподвижники Шимона Конарского. Полученные от них сведения, в сочетании с пережитой им самой историей о невозврате долга, позволили поэту дорисовать портрет этого гнусного человека. Шевченковская оценка Бархвица - показатель его отношения к политическим отступникам и не порядочным, бесчестным людям.

БАШКИРЫ.

В 9-10 вв. башкиры жили по обеим сторонам Уральского хребта, между реками Волгой, Камой, Тоболой и верхним течением Яика (Урала). Занимались кочевым скотоводством, рыболовством и охотой. В первой половине 13 в. территория подпала под власть татаро-монголов; в дальнейшем она была расчленена между Казанским, Сибирским ханствами и Ногайской ордой. Присоединение к

Русскому государству в конце 16 - начале 17 вв. способствовало возрождению народа, его экономическому и культурному развитию. Башкиры под предводительством Салавата Юлаева деятельно участвовали в Крестьянской войне под предводительством Пугачева; отличились они и в Отечественной войне 1812-1814 гг. Их главный город - Уфа, заложенный еще в конце 16 в., длительное время (в т.ч. во времена солдатчины Т. Шевченко) являлся губернским центром Оренбургской губернии.

Башкиры относятся к тем народам, которые Шевченко впервые лично узнал в Оренбуржье. Известны Н.Алмакуров, А.Хаиров и другие, с которыми он общался в походе к Аральскому морю и на Арале, в Новопетровском укреплении и иных местах края.

БАЯН

- неизвестный уральский казак, названный так Тарасом Шевченко за его пение. Он дважды упоминается в Дневнике - в записях за 12 и 13 июля 1857 г.

"...Вечер был тихий, прекрасный. Для моциону я обошел два раза укрепление. Начал было и третий обход, только у второй батареи остановил меня уральский казак своею старинной песней про Игнашку Степанова сына Булавина. Первый стих песни мне чрезвычайно нравится:

Возмутился наш батюшка,
Славный тихий Дон,
От верховьяца
Вплоть до устьяца.

Эта песня, собственно, донская, но она усвоена и уральцами как братьями по происхождению. Я немало удивился, услышав в первый раз здесь эту песню, потому что приходящие сюда на службу уральцы большею частью народ бывалый в Москве и в Петербурге, и поют все модные нежные романсы...

С удовольствием слушал я незримого певца, пока он замолчал и, вероятно, заснул..." (V, 65).

Наблюдение Шевченко над тем, что поют уральские казаки, позволяет сделать вывод, что в составе двухсотенного казачьего отряда, который нес службу в Новопетровском укреплении, в разное время находились казаки "экстренного полка" № 6, бывшего в 1849-1851 гг. в Москве, на Дону, в Вольнской и Киевской губерниях (в том числе родных поэту селах), и те, которые служили в середине пятидесятых годов в Московском полуполку, несшем полицейскую службу.

Запись о близости песен уральских и донских казаков свидетельствует о глубоком интересе поэта к казачьему фольклору, который он особенно хорошо узнал на Мангышлаке.

БЕЗОБРАЗОВ, Владимир Павлович (1828-1889) - экономист и публицист.

Закончив Александровский лицей, Безобразов служил в государственной канцелярии, а затем министерствах финансов и государственных имуществ, неизменно сочетая служебную деятельность с научной.

Безобразов был противником крепостничества, сторонником буржуазных реформ. В период подготовки реформ он являлся одним из организаторов и руководителей политико-экономического комитета Русского Географического общества. Ему же принадлежала идея "экономических обедов" - собраний экономистов для обсуждения разного рода актуальных вопросов.

Безобразов дослужился до чина тайного советника и звания сенатора. В 1884 он был избран в Академию наук.

Т. Шевченко в записи Дневника упоминает посещение в Петербурге "московского знакомого, некоего Безобразова" (V, 226). По нашему мнению, их знакомство произошло в книжном магазине Н.М. Щепкина, на обеде, состоявшемся 24 марта по случаю новоселья магазина, где, кроме перечисленных лиц, присутствовали также "многие другие" (V, 217).

БЕКЛЕМИШЕВ, Николай Петрович (1811-1893) - командующий Оренбургским башкиро-мещерякским войском, полковник.

Сын участника русско-турецких войн и Отечественной войны 1812 г., Беклемишев сделал быструю карьеру. К тридцати пяти годам был полковником, а вскоре стал во главе Оренбургского башкиро-мещерякского войска. На этом посту находился и в период пребывания Шевченко в Оренбурге зимой 1849-50 гг. ("Памятная книжка на 1850 год", стр.186). В дальнейшем - генерал-лейте-

нант, наказной атаман Астраханского казачьего войска.

Следует обратить внимание на семейный архив Беклемишевых, который хранит материалы об Оренбурге и его деятелях середины XIX в. (Государственный Исторический Музей, ф.199).

БЕЛЕВ - см. Белов В.Н.

"Лекарь Белев" упоминается в письме Ф. Лазаревского от 27 апреля 1848 г. ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр.75).

БЕЛИКОВИЧ, Михаил Иванович - рядовой 5-го Оренбургского линейного батальона.

Воспитанник Школы правоведения в Петербурге, Беликович был привлечен к ответственности вместе с другими близкими к кружку М.В.Буташевича-Петрашевского. Как явствует из следственных материалов, он утверждал преимущества республики, выражал стремление бороться за свободу. В своем дневнике Беликович писал: "Будем осторожны... В то же время нет смысла сидеть со сложенными руками: пускай каждый запасается оружием"... Глубоко симпатизировал он освободительной борьбе польского народа. (ГАРФ, ф.109 и, 1 эксп., д.55, 313-1).

Отправленный рядовым в Отдельный Оренбургский корпус, Беликович попал в Орскую крепость и в 1850 г. являлся сослуживцем Т. Шевченко. Небезынтересен факт наличия у них общих знакомых среди коренных жителей. Так, имя Беликовича встретилось нам в метрической книге церкви этой крепости среди восприемников младенца в семье П.С. и А.О.Лаврентьевых, куда еще в 1847-1848 гг. был вхож и поэт. (ГАОО, ф.172, оп.3, д.229, 221).

Произведенный в унтер-офицеры, Беликович погиб в 1853 г. под Ак-Мечетью.

БЕЛОВ, Василий Николаевич - старший лекарь Раимского лазарета в 1848 г., титулярный советник. (ГАОО, ф.6, оп.10, д.5999). В дальнейшем - лекарь Оренбургского военного госпиталя.

О Белове нам известно из адресованного Шевченко письма Ф. Лазаревского от 27 апреля 1848 г.: "Если Бог приведет побывать на Раиме, то, будьте добры, Тарас Григорьевич, передайте мой нижайший поклон лекарю Белеву (в публикации ошибка; следует - Белову - Л. Б.) - хороший парень

и искренний приятель моего брата, а немного и мой. Поразведаю, если он останется на Раиме, то буду писать к нему особо..." ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр.75).

Упоминаний о Белове в литературном и художественном наследии Шевченко нет, однако сам факт знакомства не вызывает сомнений: рядовой бывал в лазарете в качестве пациента, дружил с коллегой Белова - врачом Лавровым, подолгу жил в Раиме, общаясь со всеми его обитателями. Учитывая это и помня о рекомендации Лазаревского, не приходится сомневаться: общение с Беловым имело место и носило достаточно тесный характер.

БЕЛОВ, Николай Александрович - столоничальник Нижегородской палаты гражданского суда. ("Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве. 1857", часть 2-я, стр.108).

Сын военного топографа в Нижнем Новгороде, он обладал природным умом и большой начитанностью, но не мог, в связи с ранней смертью отца, получить законченное образование. Семья способна была учить лишь одного из двух братьев, и выбор пал на Евгения, ставшего впоследствии видным педагогом и историком. В 1842 году Беловы переехали в Казань, где Евгений поступил в

университет. Николая "прихватили с собой для того, чтобы пристроить куда-нибудь на службу". В Казани "действительно, судьба ему улыбнулась": он некоторое время "служил в одном из казенных учреждений...", затем переехал в Нижний, женился выгодно, купил дом и долгое время был гласным тамошней думы". (Сведения почерпнуты из статьи: П.Юдин - "Е.А.Белов", журнал "Русская старина", 1905, декабрь, стр.489-512). Через Евгения Александровича Н.А.Белов был знаком - лично или по рассказам - с Н.Г.Чернышевским, Н.И.Костомаровым, Д.Л.Мордовцевым, В.Г.Варенцовым и др.

Н.А.Белов входил в круг знакомых Т. Шевченко во время пребывания поэта в Нижнем Новгороде. Его имя упоминается в Дневнике; Шевченко пишет о нем, как об одном из участников музыкального вечера, доставившего ему большое удовольствие (V, 194).

БЕЛОЗЕРСКИЙ, Василий Михайлович (1825-1899) - один из инициаторов создания Кирилло-Мефодиевского товарищества, активный его участник.

Родился в дворянской семье Черниговской губернии. В 1841-1845 гг. учился в Киевском университете, а затем, в 1846, учительствовал в Полтавском кадетском корпусе. После разгрома товарищества был сослан в Олонецкую губернию, где, находясь под надзором полиции, служил в Петрозаводском губернском правлении. В 1856 его от надзора освободили, разрешив переехать в Петербург. Тут он сочетал государственную службу с общественной деятельностью, в частности в качестве редактора журнала "Основа" (1861-1862). Последние годы жизни провел на родине (хутор Мотроновка Борзенского уезда), где и умер.

Т. Шевченко познакомился с Белозерским в бытность его студентом университета, в 1844. С этого времени они поддерживали тесные связи - личные и заочные, письменные. Сохранились три письма Белозерского к поэту, который и в период солдатчины интересовался жизнью приятеля на севере, передавал ему приветы. Впоследствии в "Основе" впервые увидели свет многие стихотворения Шевченко.

БЕЛОНОВСКИЙ, Петр Федорович - хорунжий Оренбургского казачьего войска, ассесор комиссии военного суда при войсковом дежурстве. (ГАОО, ф.6, оп.6, д.13334).

В письме от 27 апреля 1848 г. Ф. Лазаревский писал: "На Раиме еще будет беспутная голова - прапорщик Беляковский: от него подальше". ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр.75).

Автор считает, что Беляковский и Белоновский - лицо одно и то же; при первой публикации фамилия, вероятно, была прочитана неправильно, а автограф не сохранился.

Чем высказанное предположение можно подтвердить? Во-первых, поручик Беляковский не упоминается ни в каких офицерских списках Отдельного Оренбургского корпуса. Во-вторых, армейский чин прапорщика соответствует чину хорунжего в казачьем войске. В переписке Шевченко, даже в его произведениях, казачьи офицеры иногда именуется более привычными званиями офицеров армии. (V, 71-72). Лазаревский, в-третьих, был знаком (по характеру своей службы) со многими чинами военно-судной комиссии; почти одновременно он рекомендовал поэту И.Ф.Петрова - тоже ассесора комиссии военного суда, но только Уральского войска.

БЕЛОУСОВ (имя и отчество неизвестны) - полковник 4-го округа корпуса жандармов.

Один из руководителей и непосредственный участник обысков и других следственных действий сразу после ареста Т. Шевченко и других кирилло-мефодиевцев. Его подпись - под протоколами киевских допросов и донесениями генералу Буксгевдену. ("Тарас Шевченко Документи та матеріали до біографії", К., 1982, стр.95, 96, 98, 103, 106).

БЕЛЯЕВ, Александр Петрович (1803-1887) - декабрист.

За участие в восстании декабристов Беляев был приговорен к каторжным работам сроком на двенадцать лет. Около пяти лет находился на Нерчинских рудниках, затем был в Сибири на поселении, откуда, в 1839 г., выехал рядовым на Кавказ. Впоследствии, к 1844, выслужился в прапорщики, а еще два года спустя (в 1846-м) получил увольнение и право проживать в Самаре. В 1848-49 управлял делами оренбургского землевладельца Жадовского. От надзора был освобожден в 1856. ("Восстание декабристов", ГИЗ, Л., том VIII, 1925, стр.278; ГАОО, ф.6, оп.18, д.191, 215, 218, 222, 223).

О знакомстве и связях Шевченко с А.П.Беляевым сведений нет. Однако одновременное их пребывание в оренбургской ссылке является фактом существенным, особенно для характеристики политического окружения поэта.

БЕЛЯЕВ, Василий Алексеевич - пономарь Спасопреображенской церкви в Орской крепости.

Сын умершего священника крепости Красногорской, он, по исключению из "высшего отделения" Уфимского уездного училища ("за нетрезвую жизнь"), был "под искусом" в Архиерейском доме, после чего его назначили в церковь Благовещенского завода, а в 1845-м перевели пономарем в Орскую крепость. (ГАОО, ф.173, оп.1, д.264).

Т. Шевченко, как прихожанин Спасопреображенской церкви, видел, слушал и знал пономаря Беляева - неперменного участника всех служб.

БЕЛЯЕВ, Петр Петрович (1805-1864) - декабрист.

Судьба П.П.Беляева после разгрома восстания на Сенатской площади оказалась почти тождественной с судьбой брата, А.П.Беляева.

В 1849 г. он построил и принял в свое управление частный буксирный пароход "Самара", на котором совершал рейсы от Рыбинска до Астрахани. Впоследствии был управляющим Саратовской конторой

пароходного общества "Кавказ и Меркурий". ("Восстание декабристов", ГИЗ, Л., т.VIII, 1925, стр. 278).

Вполне реальными представляются заходы "Самары" в Новопетровское укрепление в бытность там Шевченко. Обращает на себя внимание его осведомленность в делах компании "Кавказ и Меркурий" и ее административных делах, к которым был причастен "Беляев-2 й" - возможно один из упоминаемых в Дневнике "трех директоров" компании. (V, 76).

Так или иначе, имя Беляева также заслуживает быть названным при характеристике среды, близкой Шевченко в период его солдатчины.

БЕЛЯЕВА, Екатерина Львовна - воспитанница Мариинского института благородных девиц в Нижнем Новгороде.

Закончив курс обучения, Беляева сдала экзамен на домашнюю учительницу и долгое время служила учительницей пригготовительного класса Нижегородской женской гимназии. ("Адрес-календарь Нижегородской губернии на 1873 год", стр.52).

Т. Шевченко понравились стихи, прочитанные ею на репетиции выпускного акта, он даже обещал подарить ей "сочинения И.Козлова, если найду в Нижнем" (V, 196).

БЕЛЯКОВСКИЙ - см. Белоновский П.Ф.

В статье делается попытка установления подлинного имени человека, упоминаемого в письме Ф. Лазаревского. ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр.75).

БЕМ, Александр - рядовой 4-го Оренбургского линейного батальона.

Дворянин Радомской губернии (род. в 1808 или 1809 гг.), Бем в 1849 г. был отдан в солдаты с лишением прав дворянства за укрывательство государственных преступников и попытку силой освободить политического арестанта с помощью крестьян. Служил в 4-м, а затем во 2-м линейных батальонах; из второго и был уволен в 1857 г. с разрешением возвратиться на родину под постоянный секретный надзор. В 1858 он еще находился в Оренбурге. (ГАОО, ф.6, оп.18, д.375, лл.15-16; В.А.Дьяков, "Деятели русского и польского освободительного движения", стр.136).

Бем мог быть непродолжительное время одним из сослуживцев Шевченко в Раимском укреплении. Но совершенно определенно числились они в одной роте в 1850-м, во время вторичного пребывания поэта в Орской крепости. Бем значится в "Списке нижним чинам, поступившим в 4-ю роту Оренбургского линейного № 5 батальона за различные преступления". (ИЛ, ф.1, д.489).

БЕССРЕБРЕННИК - см. Майдель П.-Ф.А.

Понятный обоим участникам переписки псевдоним упоминается в письмах Ф. Лазаревского трижды. ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр.67, 73, 75).

БИБИКОВ, Дмитрий Гаврилович (1792-1870) - киевский, волынский, подольский генерал-губернатор, с 1852 по 1855 - министр внутренних дел.

С 1808 г. началась его военная служба; участвовал в войнах с Турцией и Францией. Под Бородино лишился левой руки - ее оторвало ядром. В 1819 был уволен из армии "за ранами". Со временем карьера продолжалась уже на гражданском поприще. Пятнадцать лет генерал-губернатором, затем управление военным министерством; генерал от инфантерии, генерал-адъютант, член

Государственного Совета - Бибииков зарекомендовал себя крупным деятелем России, активным проводником политики Николая I.

Т. Шевченко был хорошо осведомлен о деятельности Бибиикова на Украине. "Временная комиссия для рассмотрения древних актов", в которой он работал в 1845-1847, прямо подчинялась генерал-губернатору. Ему, как правителю края и наместнику царя, принадлежала особая роль в разгроме Кирилло-Мефодиевского товарищества, аресте и жестоком покарании Шевченко, запрещении распространения "Кобзаря". Об этом - многие документы следственного дела.

В Дневнике (запись от 19 июля 1857) Т. Шевченко описал приснившийся ему сон, навеянный событиями-происшествиями в "Киевском пашалыке". В записи - "безрукий Бибииков", его ближайший соратник Писарев с женою Софьей и рождение замысла поэмы "Сатрап и Дервиш". Идея увлекла автора настолько, что за осуществление ее он готов был взяться в тот же день и час. (V,77-78).

Образ Бибиикова раскрыт уже в "Юродивом" - вероятно, прологе к большому, масштабному произведению.

*Во дні фельдфебеля-царя
Капрал Гаврилович Безрукий
Та унтер п'яний Долгорукий
Україну правили. Добра
Таки чимало натворили.
Чимало люду оголили
Оці сатрапи-ундіра...*

БИКМАЕВ, Айса Мухамедович - чиновник Оренбургской Пограничной комиссии, коллежский ассесор.

Сын переводчика, он получил широкое образование в Омской азиатской школе, Казанской гимназии и Казанском университете, после чего преподавал в тех же школе и гимназии, а также кадетском корпусе. С января 1847 г. находился в отставке.

С образованием вакантной должности попечителя Орской дистанции прилинейных киргизов (Александровский получил перевод в Оренбург) Бикмаев изъявил желание занять ее, и 29 января 1850 состоялось уведомление о назначении. (ГАОО, ф.4, оп.1, д.2526).

Айса и его старший брат Ибниамин, тоже чиновник, поддерживали хорошие отношения с Левицким и другими сотрудниками Пограничной комиссии - знакомыми Т. Шевченко.

Ибниамин Мухамедович упоминается (с ошибочным написанием фамилии: вместо "Бикмаев" - "Бакшаев") в статье Е.Гаршина "Шевченко в ссылке", как лицо, на должность которого, в связи со служебными передвижениями 1850, претендовал Ф. Лазаревский. Должности этой он не получил, так как оказался под подозрением в связи с арестом Т. Шевченко. Небезынтересно, что прошение об отставке И.Бикмаев подал в тяжелый для Шевченко и его друзей день 22 апреля 1850 г. (ГАОО, ф.4, оп.1, д.2563).

БИЛИНСКИЙ, Феокист Семенович - казначей и экзекутор Оренбургской Пограничной комиссии, коллежский регистратор.

"В службе" состоял с 1839, в данной должности - с 1848. В октябре 1849 был уволен от службы по болезни. (ГАОО, ф.6, оп.10, д.6060).

В ряде книг о Т. Шевченко Билинский ошибочно отождествляется то с Балинским, то с Цейзиком. На самом деле к названным лицам Билинский никакого отношения не имел. Русский чиновник, он никогда не был под судом и не подвергался "штрафам".

Знакомство Шевченко с ним могло иметь место, так как Ф.Билинский являлся сослуживцем Ф. и М. Лазаревских, Н.Костромитинова, А. Венгржиновского и других приятелей поэта того периода. Тем не менее это не дает оснований связывать с ним какие-либо места известной нам шевченковской переписки.

БЛАРАМБЕРГ, Иван Федорович (1800-1878) - видный военный специалист в области топографии, картографии и инженерного дела, обер-квартирмейстер Отдельного Оренбургского корпуса.

Уроженец Франкфурта-на-Майне, он окончил курс в одном из германских университетов (Гессенском) и по приглашению своего дяди, известного археолога И.П.Бларамберга, в 1823 г. выехал в Россию, которая с тех пор стала для него второй родиной. Уже в 1826-м новый гражданин Российской империи, по окончании в числе лучших первого класса Института корпуса инженеров путей сообщения, получает чин прапорщика этого Корпуса и начинает свою инженерно-организаторскую деятельность. Менее чем через год он уже подпоручик, еще год спустя - поручик.

Вскоре по завершении института молодого военного инженера начинают активно использовать в делах, связанных с продвижением России в Среднюю Азию, на Восток. Он обобщает опыт сражений на Кавказе, изучает театр военных действий (как состоявшихся, так и возможных в будущем), уточняет имевшиеся карты восточного побережья Каспия, границы между Туркменией и Ираном, выбирает места для строительства новых пристаней и т.д. Его посылают в Иран и Афганистан; отчеты об этих командировках, составленные им описания были безукоризненно глубокими. Бларамберг проявил себя замечательным дипломатом, трезво смотрящим в корень событий и предсказывающим их развитие для своевременного принятия должных мер.

В 1840 г. он, уже подполковник и кавалер российских орденов, получает приказ об откомандировании его в Отдельный Оренбургский корпус. На пути к новому месту службы сорокалетний холостяк встречает свою будущую жену, гречанку Елену, и обретает семейное счастье с нею. В 1843 Бларамберг оберквартирмейстер корпуса, его производят в полковники; Русское Географическое общество - авторитетное научное учреждение - по рекомендации виднейших ученых избирает Ивана Федоровича своим действительным членом.

Бларамберг не был домоседом. По своим новым служебным обязанностям и велению деятельной, творческой натуры он непрерывно разъезжает по просторам Оренбуржья и Казахстана (тогда "Киргизской степи"), осматривает берега Урала, Тобола, Ори, Иргиза, Мугоджарские горы, определяет места для возведения укреплений и основывает их, организует широчайшие топографические съемки, изучает быт и нравы степняков. Уже в 1848-м выходит в свет "Военно-статистическое обозрение Оренбургской губернии", составленное им совместно с офицерами Герном и Васильевым. ("Военно-статистическое обозрение Российской империи", т.XIV, ч.2, СПб, 1848, стр.1-121+14 таблиц). Аналогичный труд был осуществлен Бларамбергом также по Вятской и Казанской губерниям.

Военный инженер, уже многоопытный, не только проводил рекогносцировки будущих укреплений, но и руководил их строительством. Так им был основан Раим (вошедший в биографию Шевченко).

За отличия по службе (и, в частности, в военных действиях против Коканда) Бларамберг в октябре 1852 был произведен в генерал-майоры. В декабре 1855 его перевели в распоряжение военного министра и генерал-квартирмейстера Главного штаба, а уже по прибытии в Санкт-Петербург

назначили директором Военно-топографического депо. Тут он, в частности, возглавил работу над Генеральной картой России, которая была осуществлена и издана (1863).

На благо России генерал-лейтенант И.Ф.Бларамберг трудился до конца жизни - даже тогда, когда, отчисленный по его просьбе от всех должностей, жил близ Севастополя в имении своей жены, которую пережил на два года. Он жил и умер человеком чести. (РГВИА, ф.400, оп.21, д.453, лл.26-37; Н.А.Халфин - "Жизнь и труды Ивана Федоровича Бларамберга", в кн.: И.Бларамберг, "Воспоминания", стр.5-24).

Прямых свидетельств о личном знакомстве Т. Г. Шевченко с И.Ф.Бларамбергом нет, однако оно вполне вероятно (в Оренбурге ли, в Орской крепости, в других местах края). Портрет Е.П.Бларамберг, сведения из семейных источников свидетельствуют о добрых взаимоотношениях Шевченко с этой семьей зимой 1849-50 гг. Тем интереснее для нас трехтомные воспоминания И.Ф.Бларамберга, написанные им в последние годы жизни и воссоздающие, в частности, Оренбургский период пребывания там украинского поэта (том третий). Эти воспоминания в литературе о Шевченко использованы лишь в малой степени. Название книги: *Erinnerungen aus dem Leben des Kaiserlich Russischen general-lieutenant I.V.Blaramberg*. I-III. Берлин, 1874-1876 гг. Сокращенный перевод на русский язык: И.Бларамберг. "Воспоминания". М., Главная редакция восточной литературы, 1978.

Т. Г. Шевченко

Портрет Е. П. Бларамберг 1849-1850

"Скоморох", и писательницу Е. И. Бларамберг (1846-1923), печатавшуюся под псевдонимом "Е. Ардов" - автора романа "Руфина Каздоева", книги рассказов "Два мира", корреспондентку И. С. Тургенева, А. Ф. Писемского, Н. В. Шелгунова. "Наша дружная семья давала всем членам своим много света, тепла и жизнерадостности", - писала в автобиографии Е. И. Бларамберг (Сборник "Русские ведомости". М., 1913, раздел "Сотрудники...", стр.12).

БЛАРАМБЕРГ, Елена Павловна (1817-1876) - жена И. Ф. Бларамберга.

Елена Павловна происходила из знатной греческой семьи Мавромихали. Ее дедом был Стефан-бей Мавромихали (1740-1802), старшина горной области Майна, глава антитурецкого восстания 1770 (с 1775 в России), отцом - Павел Стефанович Мавромихали (умер в 1822), сподвижник Ришелье в Одессе и друг его, крымский помещик.

"Среднего роста, с удивительно красивыми темными глазами, свежим цветом лица, пышными темно-каштановыми волосами, обладающая живым характером, она была создана для того, чтобы вызывать страсть", - такой увидел ее будущий муж (их бракосочетание состоялось в 1840).

Теперь женщине было 33 года. Культурная, образованная, деятельная, она превратила свой дом в литературный, музыкальный, театральный салон, привлекавший самых интересных аборигенов и гостей Оренбурга. Эта семья, и прежде всего Елена Павловна, воспитала двух известных в свое время представителей российской культуры: композитора П. И. Бларамберга (1841-1907) - автора опер "Тюшинцы",

Введенный в дом Бларамбергов (Бутаковым?), Шевченко бывал здесь в течение всех оренбургских месяцев 1849-1850 гг. Тут им был создан акварельный портрет Елены Павловны в греческом

костюме. (Том восьмой, лист 49). Помнил поэта-художника Павел Блаرامберг, тогда восьмилетний. Он засвидетельствовал, что "одним из частых гостей в доме" был Шевченко.

Родословную роспись всей этой семьи составил один из потомков - ученый-генеолог С. А. Сапожников.

БОБРЖИЦКИЙ, Алексей Александрович - учитель латинского языка Нижегородской гимназии.

Образование получил в Киевском университете, который закончил со званием кандидата в 1848-м. С того года он учительствовал в различных гимназиях, пробуя одновременно свои силы и в литературе, в журналистике.

Шевченко знал о Бобржицком еще до приезда в Нижний Новгород. Их личная встреча состоялась в первый же день по прибытии его в этот город. В дальнейшем общение продолжалось.

А.Бобржицкий - П.Мельникову-Печерскому

Милостивый государь Павел Иванович!

Лестное для нас приглашение Ваше участвовать в корреспонденции издаваемой Вами газеты ("Русский дневник" - Л. Б.), сообщенное нам попечителем округа, дает мне смелость представить на суд Ваш и мою "Хронику". Я не утрировал описываемые мною лица. Эти гг. - мои наставники.

Пятнадцать лет прошло с тех пор, как я кончил гимназию, я сам уже десять лет учителем, и не в одной гимназии, - но, к несчастью, должен сказать, что многие из моих сослуживцев представляют только вариации на ту же тему. В следующих главах я намерен описать уездную аристократию, еврейских банкиров и т.д., если только мое описание будет иметь интерес для читающей публики. У меня также готовы Очерки из жизни калмыков и Исторические очерки Подольского края.

Честь имею быть с истинным почтением и преданностью Ваш покорнейший слуга А.Бобржицкий (учитель гимназии).

(1859 г., ГПБ, ф.37, д.707, л.1-2).

Бобржицкий - В.Г.Короленко

1895, август

Многоуважаемый Владимир Галактионович. Будьте добры, выручите меня. Лиза нездорова, просила взять денег из конторы, а хозяина нет; уехал в Самару, вернется послезавтра. Если можете, не откажите мне в 5, или 3 рублях до следующего воскресенья. Просил бы вас 5 руб.

Уважающий Вас А.Бобржицкий.

Помета Короленко: "Деньги не возвращены". (ГБЛ, ф.135, к.19, д.31)

БОГАТКЕВИЧ, Ильярий (Гилярий) Михайлович - старший ординатор Оренбургского военного госпиталя и учитель фельдшерской школы, титулярный советник.

Происходил из дворян Виленской губернии. Казенным воспитанником закончил курс Виленской медико-хирургической академии со званием лекаря второго отделения (1841). В 1842 прибыл на службу в Оренбург (ГАОО, ф.6, оп.6, д.12636/8).

Богаткевич и его жена в 1849-1850 и последующих годах входили в круг близких знакомых семейств К.И.Герна, М.И.Цейзика, А.А.Кирша и других, что дает основание внести их в список знакомых Т. Шевченко периода его "оренбургской зимы" (ГАОО, ф.172, оп.3, д.189; "Адрес-календарь Оренбургской области на 1854 год", стр.265-266).

БОГДАНОВИЧ, Павел Иванович - субалтерн-офицер роты 4-го Оренбургского линейного батальона, подпоручик.

Исполняя многообразные обязанности ротного офицера, в Раимском укреплении Богданович был также заведующим переселенцами-казаками, которые прибыли сюда одновременно с Шевченко, а затем приезжали с другими транспортами. Строительство домов для новоселов шло достаточно хорошими темпами - десятки семей обретали кров, землю, источники существования. (ГАОО, ф.6, оп.10, д.5979).

Э.В.Нудатов в своих воспоминаниях называет Богдановича среди приятелей Шевченко, чьи портреты он рисовал. Портрет неизвестен.

БОГОМОЛОВ, Александр Трофимович - поручик 4-го Оренбургского линейного батальона.

Начальник команды на рыбопромысловой ватаге, он с прибытием Аральской экспедиции стал одним из деятельных ее организаторов - командиром шхуны "Николай" в 1848 г. Одно время был начальником поста на Кос-Арале. (ГАОО, ф.6, оп.10-2, д.2; оп.10, д.5960).

В 1849 Богомоллов командовал ротой, к которой был причислен и переведенный ранее в 4-й батальон рядовой Тарас Шевченко. (Штабс-капитан А.И.Степанов с частью своей роты, которой было поручено прикрытие транспорта на Аральское море, возвратился в Орскую крепость). Таким образом, поправки к воспоминаниям Э.Нудатова и Е.Косарева, отрицающие тот факт, что Богомоллов являлся ротным командиром Шевченко, неправильны и должны быть сняты.

Как можно судить по рассказам Нудатова, Шевченко встречался с ротным командиром и в неофициальной обстановке, причем, зная характер Богомоллова, не боялся над ним подшучивать. Одна из таких шуток, довольно колючих, мемуаристом приводится.

Менее определенен в характеристике Богомоллова Е.Косарев, но он лично его не знал, а рассказов Шевченко о нем не помнил и мог сказать лишь то, что тот, "кажись", не говорил о раимском поручике "ничего, ни худого, ни хорошего".

ФЕДОР БОГОМОЛОВ, солдат.

Не стерпел Федор Богомоллов, не выдержал...

Когда поручик Зелинский, в какой уж раз, придрался к нему, часовому, и увесистым своим кулаком заехал прямоком в скулу, а потом стал колотить куда ни попадя, без удержу, схватился рядовой за ружье: убить мучителя, убить себя.

Не удалось... Сгрести сердечного, уволокли под арест.

Перво-наперво ожидали шпирутены.

- Три раза через тысячу человек!

Это для начала. Потом будут каторжные работы - лет на десять, самое меньшее. Хотя... три

тысячи палочных ударов не выдерживал никто.

Скорые на суд да расправу спохватились сами.

- Прогнав через пятьсот человек три раза, выключить из военного ведомства и отослать в арестантские инженерные роты.

Новый приговор уже был окончательным и обжалованию не подлежал.

6 апреля 1851 года комендант Новопетровского укрепления подполковник Маевский доносил, что "шпицрутенное наказание" подсудимому рядовому линейного Оренбургского 1-го батальона Богомолу "выполнено", и теперь он "имеет быть отправлен в Севастополь в арестантские роты инженерного ведомства с первым отходящим пароходом". В апреле же пароход "Астрабад" увез его в Астрахань. Предстояли годы и годы изнурительного труда. Пощадил палки - добьет каторга...

БОГОСЛАВСКИЙ, Козьма Борисович - штаб-лекарь пятого Оренбургского линейного батальона, надворный советник. (ГАОО, ф.6, оп.11, д.1813; ф.172, оп.3, д.211).

Богославский лечил Шевченко в 1847 г. во время его болезни: "... Бог наказал меня еще и телесным недугом, занемог я сперва ревматизмом, тяжелая болезнь, но я все-таки понемногу боролся с ним, и лекарь, спасибо ему, немного помогал..." (Из письма к М. М. Лазаревскому от 20 декабря 1847 - цитируется в переводе с украинского; VI, 44).

Это имя в литературе о Шевченко (в том числе специальных работах - например, "В боротьбі за життя генія" М.Коломийченко и В.Горленко) не упоминалось. А Богославский являлся первым врачом, который оказывал поэту медицинскую помощь во время его десятилетней солдатчины.

БОДЯНСКИЙ, Осип Максимович (1808-1877) - филолог-славист, профессор Московского университета.

В юности Бодянский писал стихи и статьи на украинском языке. Затем, занявшись разработкой коренных проблем славянской филологии, опубликовал труды: "О народной поэзии славянских племен" (1837), "О времени происхождения славянских письмен" (1855) и др. Во многом способствовал он укреплению связей русской и украинской интеллигенции с западным славянством. Велика его заслуга также как редактора "Чтений в Обществе истории и древностей российских" (1845-1848, 1858-1877). В журнале было опубликовано множество ценных памятников.

Т. Шевченко познакомился с Бодянским еще в 1843 или 1844 гг. Известна их дружеская переписка того времени. Находясь в неволе, поэт интересовался деятельностью ученого-земляка, просил друзей о высылке его трудов и изданий (VI, 42), сам писал Осипу Максимовичу (письма 1850, 1852 и 1854 гг. - VI, 62-63, 79-80, 99-100, 106). В Нижнем Новгороде Шевченко получил "от Бодянского поклон и дорогой подарок, его книгу "О времени происхождения славянских племен". Прочтя ее, он сделал вывод: "Эта книга удивительно как пополнила современную нашу историческую литературу". (V, 172-174).

18 марта 1858 г. Шевченко в Дневнике записал: "Вечером был у О.М.Бодянского. Наговорились досыта о славянах вообще и о земляках в особенности..." (V, 213).

БОЛТИН, Николай Петрович - нижегородский губернский предводитель дворянства, капитан-лейтенант в отставке.

Нижегородский дворянин, он начинал свою карьеру прапорщиком лейб-гвардии Литовского полка; из подпоручиков этого полка был "переименован" в лейтенанты флота и в течение пяти лет служил на Балтике; в 1842-м получил увольнение от службы, и в чине капитан-лейтенанта возвратился в Нижний. С тех пор Болтин занимался помещичьим хозяйством, а заодно обязанностями,

возложенными на него дворянством. В 1855 году он был начальником Сергачской дружины ополчения. ("Общий морской список", ч.IX, СПб, 1897, стр.273; "Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода в двух частях, составленные Н.Храмцовским", ч.1, 1857, стр.124).

Т. Шевченко, встретившись с Болтиным 28 января 1858 года, охарактеризовал его в Дневнике вполне определенно: "Он человек здраво и благородно мыслящий, горячо сочувствующий вопросу о крепостных крестьянах..." (V, 191).

БОНДАРЕВСКИЕ, Михаил Саввич, Александр Саввич - чиновники Оренбургской Пограничной комиссии.

Коренные оренбуржцы, сыновья титулярного советника Саввы Бондаревского, они снискали авторитет перспективных сотрудников, исполнительных, знающих и справедливых. (ЦГИА Казахстана, ф.4, оп.1, д.2667; ГАОО, ф.6, оп.10, д.6060, л.34).

Братья входили в круг близких знакомых С.Левецкого, что засвидетельствовано в материалах следствия 1850 года, во многом предопределившего дальнейшую судьбу Т. Шевченко.

Любопытно упомянуть, что сестры Бондаревские в том же, 1850, году стали участницами Международной выставки в Лондоне, на которую представили связанные ими оренбургские пуховые шали.

БРАС - см.Брон Г.И.

"Monsieur Брас" называется в записи Дневника за 19 декабря 1857 г. (V, 177-178).

БРЖЕЗОВСКИЙ, Игнатий - рядовой 1-го Оренбургского линейного батальона.

Родился в Вильно в 1814 г.; происходил из дворянской семьи. В солдаты его отдали "за прикосновенность к тайному обществу, открытому в 1849 году в Вильне". Бржезовский служил сначала в 4-м, а затем - в 1-м линейном батальоне, откуда в 1857 и был уволен со службы. На родину, под секретный надзор полиции, выбыл, уже из Оренбурга, в сентябре того же года. (ГАОО, ф.6, оп.18, д.375).

Бржезовский являлся одним из сотоварищей Шевченко по Новопетровскому укреплению.

Следует также отметить, что в течение всего периода нахождения поэта на Мангышлаке существовала постоянная связь между ним и политическими ссыльными - солдатами того же батальона в Уральске. Об этом говорится в его дневниковых записях и письмах; о том же свидетельствуют современники (Н. Ф. Савичев и др.).

БРОН, Генрих Иванович - учитель французского языка в Нижегородском дворянском институте, коллежский секретарь.

В Дневнике его фамилия записана ошибочно: "Брас"; неправильно указано место службы: "гимназия". Брон служил в институте в течение многих лет. В должности учителя, но уже в чине коллежского асессора, он пребывал там и в середине 60-х годов ("Памятная книжка Нижегородской губернии на 1865 г.", стр.35).

Характер записи от 19 декабря 1857 г., излагающей рассказанную Броном историю девушки, которую обманул молодой гвардеец, а бездушные люди довели до гибели (V, 177-178), свидетельствует о том, что встреча, зафиксированная поэтом, была не первой.

БРЫЛКИН, Николай Александрович - управляющий Нижегородской конторой парходного общества "Меркурий".

В 1837 г. он поступил кадетом в морской корпус, в 1842 стал гардемаринном, в 1844 - мичманом, в 1849 - лейтенантом. Ходил по Финскому заливу, служил на Черном, а затем Балтийском морях. В 1850 получил увольнение от службы "для определения к статским делам". Три года спустя титулярный советник Брылкин появился на Волге, в Нижнем Новгороде. ("Общий морской список", ч.9, СПб, 1897). "Я управлял на месте делом с 1854 года самостоятельно..." - напишет он в 1861.

Знакомство Т. Шевченко с Н.Брылкиным и приятельские отношения между ними продолжались с первого и до последнего дня пребывания поэта в Нижнем Новгороде. Об этом говорят многочисленные записи в Дневнике (V, 138-140, 144, 145, 147-150, 155, 168, 180, 181, 188, 189, 206), а также упоминания в письмах (VI, 189, 195, 196, 198, 199). Брылкин оказал Шевченко ряд добрых услуг, в его доме поэт расширил круг своих знакомств.

10 октября 1857 г. был нарисован портрет Н. А. Брылкина (V, 150), который в настоящее время относится к числу найденных.

БРЫЛКИН, Петр Александрович - капитан волжского парохода, в прошлом морской офицер, старший брат Н. А. Брылкина.

На военном флоте он служил дольше своего младшего брата и закончил офицерскую службу в 1855 г. в чине капитан-лейтенанта. Перед тем ему довелось участвовать в защите Свеаборгской крепости от нападения англо-французского флота. Капитаном парохода ходил по Волге; на Дунае изучал тамошний способ вождения судов и активно внедрял его в волжском обществе "Меркурий". Последовав примеру Брылкиных, на пароходы Волги пришли другие флотские офицеры.

О знакомстве с ним Т. Шевченко свидетельствует не только упоминание этого лица в дневниковой записи от 25 февраля 1858 г. (V, 206), но и постоянное общение поэта со всей семьей.

БРЫЛКИНА, Аделаида Алексеевна, урожденная Игнатъева - жена Н. А. Брылкина.

Дочь инженер-полковника (впоследствии генерал-майора) Игнатъева, она познакомилась с Брылкиным в Петербурге в бытность его лейтенантом 3-го флотского экипажа; их бракосочетание состоялось в ноябре 1850 года (РГАВМФ, ф.283, оп.2, д.2420, л.22).

Т. Шевченко, часто бывавший у Брылкиных, хорошо знал Аделаиду Алексеевну. В октябре 1857 г. он рисовал ее портрет, ныне неизвестный. Об этом значится в Дневнике (V, 147). Встречи с Брылкиными, пребывание у них нашли отражение в ряде записей (V, 141, 151, 182, 187).

Известно шутивное письмо Н. А. Брылкина, которым он приглашал "дядю Шевченочко" отметить семилетие того дня, когда "Аделаида Алексеевна из барышень превратилась в даму". ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр.119). Письмо датировано в этом издании "1857-1858 гг." Между тем, на основании уже названного выше архивного источника, дата может быть указана совершенно точно: 8 ноября 1857 г.

БРЮЛЛОВ, Александр Павлович (1798-1877) - русский архитектор, художник, академик петербургской Академии художеств (с 1831), брат К.П.Брюллова.

Т. Шевченко высоко ценил архитектурное творение А.Брюллова - Караван-сарай, увиденное им в первые часы по приезде в Оренбург (июнь 1847). С большой теплотой писал он об Александре Павловиче в русских повестях периода оренбургской неволи ("Художник", "Близнецы").

БРЮЛЛОВ, Карл Павлович (1799-1852) - русский художник, профессор петербургской Академии художеств (с 1836).

Брюллов сыграл важную роль в выкупе молодого Т. Шевченко из крепостной неволи. Участь в Академии, он стал одним из любимых учеников и младших друзей выдающегося мастера, имевшего на него существенное профессиональное, творческое влияние.

Шевченко помнил о нем и в годы своей солдатчины. Привлекательный образ наставника создан им в повести "Художник"; есть о Брюллове в Дневнике, в переписке тех лет.

Картина К.Брюллова "Вирсавия" послужила в 1860 г. созданию офорта, за который Шевченко удостоился звания академика гравюры.

БУКСГЕВДЕН, Петр Федорович (1793-1863) - граф, генерал-майор.

К жандармскому генералу Киева и ближайших губерний стекались донесения об аресте Т. Шевченко и отправке его в Санкт-Петербург, в III отделение ("Тарас Шевченко. Документи та матеріали до біографії", К., 1982, стр.103, 106).

БУЛАТОВ, Тимофей - унтер-офицер 1-го Оренбургского линейного батальона.

В октябре 1850 г. Булатов сопровождал Т. Шевченко из Уральска в Гурьев, а оттуда, вместе с хорунжим Ерыклинцевым, на почтовой лодке доставил Шевченко в Новопетровское укрепление. "По случаю закрытия навигации" Булатов был оставлен "на службе здесь в состоящих двух ротах" батальона № 1. ("Т. Г. Шевченко в документах і матеріалах", стр.182-183). Из укрепления выбыл 29 марта 1851 - "с командой нижних чинов", которую обязан был доставить в "Гурьев-городок". (ИЛ, ф.1, д.402).

БУРЕНИН, Агапий Гаврилович - есаул Уральского казачьего войска, начальник Кос-Аральского форта с июля по октябрь 1849. В этой должности сменил есаула Д.Черторогова. (ГАОО, ф.6, оп.10, д.6134).

В казачьем войске Буренин служил с 1823 г., первый офицерский чин получил в 1832-м, есаулом стал в 1841. "Усерден и ревностен", "очень хорош" - так он аттестовался по службе. (РГВИА, ф.405, оп.6, д.7441, л.9 об.-10).

Многие страницы повестей, Дневника, писем, поэтические строки и рисунки Т. Шевченко свидетельствуют о большом интересе к казачеству. В связи с этим и публикуются нами сведения о казаках, не упоминаемых в его наследии поименно, но несомненно ему известных.

БУРЦОВ (Бурцев), Лев Александрович - плац-адъютант Новопетровского укрепления, подпоручик.

Назначение на эту должность прапорщик 10-го Оренбургского линейного батальона Бурцов получил в июне 1856 г. (ГАОО, ф.6, оп.12, д.1388).

В 1856-57 гг. Бурцов входил в круг лиц, близких к семье коменданта И. А. Ускова, что способствовало и укреплению его отношений с Шевченко.

Об этом свидетельствуют теплые приветия, которые поэт передавал Бурцову по отъезде своем из Новопетровского укрепления (VI, 180, 207), а также - взаимно - поклоны Бурцова с Мангышлака ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр.121).

За два месяца до отъезда Шевченко из укрепления Бурцов отправился в Астрахань по делам службы. Тут состоялась их новая встреча. "Спасибо Бурцову, он приютил и накормил меня в этом негостеприимном улусе" (V, 97). Вместе, на одной квартире, они прожили несколько дней, затем, в связи с подготовкой Бурцова к собственной свадьбе, Шевченко вынужден был поискать другое пристанище, но и дальше, до выезда из Астрахани, он почти ежедневно приходил к новопетровскому своему знакомому "пить чай". (V, 99, 101, 104, 105).

Из Новопетровского укрепления Бурцов выехал не ранее 1865 года. У него и его жены, Софии Александровны (Шевченко мог познакомиться с ней в Астрахани), к тому времени было несколько детей. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.234-а). В Государственном Музее Т. Шевченко имеется групповой снимок работы И. А. Ускова, на котором запечатлен и Бурцов. Эта фотография может быть использована для идентификации портретных произведений кисти (или карандаша) Шевченко.

БУТАКОВ, Алексей Иванович (1816-1869) - русский моряк и путешественник, в 1848-1850 гг. - начальник экспедиции по проведению съемки и описи Аральского моря.

Морскую службу Бутаков начал на Балтике, где служил в течение десяти лет. В 1840-42 принял участие в кругосветном плавании на транспортном судне "Або" по маршруту Кронштадт - Кейптаун - Петропавловск-на-Камчатке - мыс Горн - Кронштадт. Затем снова морская служба на Балтийском море. Но главным делом для Бутакова стало изучение Аральского моря, которому он посвятил пятнадцать лет своей жизни. Впоследствии - контр-адмирал. ("Общий морской список", часть IX, стр.330-334).

"До 1848 года, - писал А. И. Бутаков, - Аральское море изображалось на картах только по рекогносцировкам, произведенным в некоторых местах, по поверхностным маршрутным съемкам на западном берегу и - главное - по собранным от киргизов расспросным сведениям". Назначенному в начале 1848 года начальником описной экспедиции Аральского моря, Бутакову предстояло провести практически первое научное изучение этого неизведанного района.

Вот вехи его работ 1848-49 годов (которые должны войти и в Летопись жизни Т. Г. Шевченко):

5 марта 1848 г. - Бутаков приезжает в Оренбург.

Март-апрель - ведет постройку шхуны "Константин" - "длиною в пятьдесят футов, плоскодонной".

28 апреля - постройка шхуны заканчивается.

Апрель-май - разборка шхуны в Оренбурге и перевозка ее "на телегах через степь к Раиму".

Июнь-июль - сборка шхуны на Сыр-Дарье.

20 июля - спуск шхуны на воду.

25 июля - отправка экспедиции "к описи".

23 сентября - окончание первого плавания, результатом которого были: общая рекогносцировка всего моря, промер глубины по разным направлениям, определение широт многих мест, съемка острова Барса-Кельмес, открытие и съемка группы островов, названных Царскими. (До этого острова были неизвестны даже местным жителям).

Зима 1848-1849 - зимовка на острове Кос-Арал, в маленьком форте, "защищающем... рыболовную ватагу, принадлежащую Оренбургской компании".

21 ноября 1848 - "единственное замечательное происшествие зимовки" - охота на тигра,

который совершал кровожадные набеги на окрестные аулы.

5 мая 1849 - начало следующей кампании по описи Аральского моря.

"Благодаря Бога, все удалось нам как нельзя лучше, при неутомимом, исполненном самоотвержения, усердии всех наших сподвижников. Невзирая на риски, нередко дерзкие, неизбежные при описной экспедиции на водах бурливых и вовсе не известных, невзирая на все лишения, удары о мели и подводные камни, мы возвратились от трудов наших в целости и с полными комплектами здоровых команд. Вообще говоря, для подобных экспедиций никто не может сравниться с русским человеком, он сметлив, расторопен, послушен, терпелив и любит приключения - мудрено обескуражить его, он смеется над лишениями, и опасности имеют в глазах его особенную прелесть. Команды моих судов состояли из матросов пополам с пехотными солдатами: последние очень скоро привыкли к новому для них делу, и двое из них выучили даже компас и сделались рулевыми.

Считаю приятнейшим долгом воздать печатно полную справедливость г.Поспелову, за добросовестную и прекрасно выполненную опись восточного берега; гг.Рыбину и Христофорову, топографам на шхунах "Константин" и "Николай"; фельдшеру Истомину, который, кроме своих медицинских обязанностей, был моим подштурманом и замечал, по хронометру, мои наблюдения, и унтер-офицеру Вернеру, также исправлявшему должность подштурмана и бывшему моим геологом и ботаником..."

В этой экспедиции Бутакову пришлось заниматься решением задач и морских, и картографических, и геологических. Он был натуралистом и археологом, этнографом и астрономом.

В зачитанном 20 декабря 1852 г. на общем собрании Географического общества кратком докладе А. И. Бутакова (опубликован в "Вестнике Императорского Русского Географического Общества на 1853 год" - кн.1, Петербург, 1853, отдел VII, стр.1-9) изложены поистине феноменальные результаты работ, проведенных в столь короткий срок. Предельно лаконично описывает начальник экспедиции все главное, существенное, с чем пришлось встретиться и что удалось установить экспедиции, рассказывает о труднейших условиях ее работы. Этот доклад в несколько страниц недостаточно использован шевченковедами.

Дальнейшего изучения биографами поэта требует книга "Дневные записки плавания А. И. Бутакова по Аральскому морю в 1848-1849 гг.", изданная по рукописным материалам Узбекской и Украинской государственных публичных библиотек издательством Академии наук Узбекистана (Ташкент, 1953).

Не осуществлена научная публикация писем А. И. Бутакова за 1847-1850 гг., содержащих в себе богатый материал для характеристики условий жизни Аральской экспедиции, обстановки, в которой протекала ее деятельность, главнейших событий, вошедших и в биографию Шевченко.

Из письма от 4 ноября 1849 года: "Я выехал из Раима 9 октября и прибыл в Орскую крепость 28 октября. Переход до Новоуральского укрепления (в 325 верстах от Раима) я сделал на 10-й день, а оттуда до Орской крепости (413) на 9-й день. В Оренбург я приехал 31 октября". Из этих строк становится ясным, что, во-первых, Шевченко был в Орской крепости не два, а три раза (второй раз - возвращаясь с группой Аральской экспедиции, третий - после оренбургского ареста 1850) и, во-вторых, что в Оренбург он прибыл в 1849 году 31 октября, а не 1 ноября, как значится в "Літопису життя и творчості Т. Г. Шевченка", составленному В.Анисовым и Е.Середой (стр.167), а также в "Літопису" М.Ткаченко (стр.133). Требуется уточнения и дата выезда Бутакова, Шевченко и других участников экспедиции из Раимского укрепления: в "Літописах" значится 10 октября, а Бутаков говорит о 9-м, и это более достоверно.

Другая выписка из того же письма: "Теперь квартира моя представляет настоящую фабрику; в одной комнате топографы чертят напропалую на трех столах, в другой рисуют виды, в третьей разбираются геологические и ботанические образцы, и, наконец, в четвертой, я сам работаю над своими отчетами

или похаживаю с сигарой в зубах и с лапами в карманах от одного стола к другому - важно!" Это единственное описание обстановки, в которой протекали первые дни работы участников экспедиции, в том числе Шевченко ("в другой рисуют виды"), по прибытии в Оренбург.

Неопубликованные (точнее - лишь частично цитированные) письма А. И. Бутакова этого периода хранятся в Российском Государственном архиве Военно-Морского Флота (РГАВМФ), входя в состав фонда № 4 (д.82).

К ценным для нас его письмам относятся и три письма к А. И. Макшееву, датированные 16 декабря 1848, 17 марта 1849, а также 1853-м годом. (ИЛ, ф.1, д.284-286). Они интересны точным описанием быта Аральской экспедиции, ее людей.

Следует отметить, что Бутаков был одарен литературным талантом; он проявил себя автором с увлечением читаемых путевых записок, переводов с английского, испанского, португальского и других, как связанных с его интересами путешественника, так и не связанных. В 1847-1848 гг. публиковался его перевод романа Ч.Диккенса "Домби и сын". Статья о Бутакове включена в современный биографический словарь "Русские писатели. 1800-1917" (т.1, М., изд."Советская энциклопедия", стр.374-375).

Первое знакомство Шевченко с Бутаковым произошло, вероятно, в мае 1848 г. в Орской крепости, перед выходом транспорта, с которым следовала к Аральскому морю и опасная экспедиция. Включение в нее Шевченко, лишенного, ко всему, права рисовать, являло собой несомненный подвиг образованного и гуманного морского офицера, сочувственно относившегося к передовым общественным движениям своего времени. Произошло это не без влияния друзей поэта в Петербурге и Оренбурге.

Дружеские отношения между Бутаковым и Шевченко поддерживались в течение всего аральского периода их жизни, а затем в Оренбурге, где, по просьбе Бутакова, Шевченко был прикомандирован к нему "для окончательной отделки живописных видов". За нарушение "высочайшего повеления" о категорическом запрещении ему рисовать и писать ученый-морьяк подвергся строгим взысканиям (РГАВМФ, ф.283, оп.5, д.51; ГМШ, А-8).

Последняя их встреча состоялась только восемь лет спустя, в марте 1858, на почтовой станции во Владимире, о чем Шевченко не преминул записать в Дневнике (V, 209-210). Уместно сказать, что немало теплых слов о Бутакове содержится в шевченковских письмах (VI, 56, 58, 292). "Это мой друг, товарищ и командир..." - отзывался поэт о моряке. Известна сепия "А. Бутаков и фельдшер

А.Истомин во время зимовки на Кос-Арале" (т.8, л.41).

Бутакову мы обязаны и тем, что им - и его женой О.Н.Бутаковой - сохранены многие живописные работы, выполненные Шевченко во время Аральской экспедиции. Они опубликованы в восьмом томе десятитомного собрания произведений Шевченко (лл.8, 16, 23, 24, 26, 27, 28, 36, 37, 40, 41, 45), вместе с десятками других работ, ставших возможными благодаря включению его в качестве художника в состав экспедиции Бутакова. Не забываем мы о нем и читая, перечитывая большой цикл стихов, созданных на Арале.

Тема "Шевченко и Бутаков" является одной из главных в трилогии Л.Большакова "Быль о Тарасе", особенно во втором ее томе.

Значительный обобщающий материал на эту тему содержится в книге М.Шагинян "Шевченко" (М., 1941), в статье Н.Мацапуры "Т. Г. Шевченко и А. И. Бутаков" (сборник "Тарас Шевченко-художник" (К., 1963, стр.74-91) и др.

**БУТАКОВА, Ольга Николаевна (1830-1903) - жена
А. И. Бутакова, художница.**

Родилась в семье генерал-майора Безобразова. Женою Бутакова стала в 1853-м. Тогда же молодые супруги выехали в Оренбургский край. В том и последующих годах она подолгу жила в Оренбурге, побывала в форте № 1 (Казалы), ездила по степи. Поездки по обширной степной губернии продолжались вплоть до 1861 г. Посетила Бутакова и Кос-Арал.

"... Говорят, замечательная женщина, - писал о ней в декабре 1854 года А.Н.Плещеев. - Путешествовала, занималась разными предметами, вызывающими на размышления, акварельные портреты пишет, - словом - страшно!" ("Минувшие годы", 1908, октябрь, стр.107).

Одной из первых художница взялась за широкую, планомерную разработку "степной" тематики в русском изобразительном искусстве, в частности в художественном офорте. Несколько офортов ею сделано с рисунков Шевченко периода Аральской экспедиции 1848-1849 гг. Работы самой Бутаковой, как и собранные ею два альбома, где собственные произведения соседствуют с рисунками А.Н.Гороновича, А. Ф. Чернышева и других, являются богатейшим источником для знакомства с историей, географией, этнографией Казахстана и Средней Азии, изучения условий походной жизни в далеких степях, быта русских крепостей и поселений.

Шевченко познакомился с Бутаковой лично только 9 марта 1858 года. Об этом имеется запись в Дневнике: "Во Владимире на почтовой станции встретил А. И. Бутакова, под командою которого плавал я два лета 1848 и 49 по Аральскому морю. С тех пор мы с ним не видались. Теперь он едет с женою в Оренбург, а потом на берега Сыр-Дарьи..." (V, 209-210). По характеру записи можно судить, что, хотя знакомство состоялось только здесь, о женитьбе

Бутакова и о жене его он был наслышан ранее. Заочное знакомство было двухсторонним: Бутакова ценила работы Шевченко, с которых сделала отличные офорты, и, конечно же, знала о нем по рассказам мужа и других близких к поэту-художнику людей - их общих знакомых в Оренбурге, на Арале и т.д.

Бутакова почти на тридцать лет пережила своего мужа. Ее творчество заслуживает изучения. Большую работу в этом направлении провел Г.Н.Чабров (Ташкент), посвятивший один из разделов докторской диссертации "Изобразительные источники по истории Средней Азии и Казахстана XVIII - первой половины XIX в." О.Н.Бутаковой. (Рукопись, стр.254-279).

БУТУРЛИН, Иван Иванович - начальник штаба Отдельного Оренбургского корпуса, генерал-майор.

Исполняющим должность начальника штаба Бутурлин являлся со середины 1855 г., сменив на этом посту М.Л.Фантон де Веррайона.

"Ты пишешь, что к вам приехали два просвещенных любителя "прекрасного искусства"; сердечно радуюсь такому редкому явлению и душевно желаю, чтобы ты с ними поскорее познакомился...

К. В. Иванова

**Портрет О. Н. Бутаковой
1890**

Говоришь, что будто бы в коллекции начальника штаба есть оригиналы голландских мастеров. Дай Бог, чтобы это была правда!.." (Из письма Б. Залескому от 25 сентября 1855; VI, 121).

В пользу того, что речь идет именно о Бутурлине, а не о Фантон де Веррайоне, как значится в комментариях (VI, 452), свидетельствует указание на недавний, совсем близкий по времени приезд упоминаемого в письме "начальника штаба" в Оренбург и пожелание, чтобы Залеский скорее с ним познакомился. Фантон де

Веррайон, тоже любитель живописи и владелец коллекции картин, находился в Оренбурге с 1849 и с ним Залеский был знаком значительно раньше; в этом убеждает одно из писем, посланных им в Новопетровское укрепление в начале 1854. (VI, 89).

Подпись И.И.Бутурлина, вместе с подписью генерал-адъютанта А.А.Катенина, значится под распоряжением коменданту Новопетровского укрепления И. А. Ускову с объявлением ему "строгого замечания" за выдачу Шевченко "увольнительного билета" на проезд до Петербурга. ("Т. Г. Шевченко в документах і матеріалах", стр.198-199).

БУХАРЦЫ. Население Бухарского эмирата (в основном узбеки, кроме них - таджики, туркмены и другие обитатели Средней Азии).

"... Иногда степь оживляется бухарскими на верблюдах караванами как волны моря зыблущими вдаль, и жизнью своею удваивают тоску. Я иногда выхожу за крепость, к караван-сараю или меновому двору, где обыкновенно бухарцы разбивают свои разноцветные шатры. Какой стройный народ! Какие прекрасные головы!.. Если бы мне можно рисовать, сколько бы я вам прислал новых и оригинальных рисунков..." (Из письма Т. Шевченко к В. Репниной от 24 октября 1847). Шевченко наблюдал бухарцев разных сословий.

БУХОВСКИЙ, Северин - рядовой 5-го Оренбургского линейного батальона.

Буховский родился в 1812 году в семье шляхтичей Радомской губернии. Участвовал в восстании 1830-1831 гг. От ареста он скрывался за границей, но, не будучи в силах оставаться вне родины, вернулся и тотчас был отдан в солдаты (без лишения сословных прав). Это произошло в 1846. В 1854 Буховский был произведен в унтер-офицеры. 1 мая 1857 последовал приказ об увольнении его вместе со многими другими подтвержденными, с разрешением выехать на родину, но под строгий секретный надзор. (ГАОО, ф.6, оп.18, д.375).

С.Буховский служил в пятом линейном батальоне вместе с Шевченко в 1847-1848 гг., а затем в 1850-м. Все это время они числились в одной роте. (ИЛ, ф.1, д.437, 484). В отдельных источниках его фамилия указана с ошибкой: Буновский.

БЫСТРИЦКИЙ, Дмитрий Яковлевич - нижегородский старожил, художник-любитель.

Шевченко был знаком с некоторыми его работами - в частности, видом Нижнего Новгорода с Ярмарочного моста, приложенным к первой части труда Н.Храмцовского "Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода". Многие рисунки Быстрицкого тематически совпадают с теми, которые выполнил в этом городе Шевченко. Сопоставление их дает существенные результаты.

БЫШЕВСКИЙ, Антон Калистович - рядовой 1-го Оренбургского линейного батальона.

Восемнадцатилетним юношей (в 1848 г.) Бышевский, происходивший из дворянской семьи Варшавской губернии, бежал в Пруссию, принял там участие в восстании на польских землях и, захваченный в плен, был определен рядовым в Отдельный Оренбургский корпус. Со службы уволен в 1857 с учреждением над ним секретного полицейского надзора; еще в 1858 находился в Оренбурге. (ГАОО, ф.6, оп.18, д.375, лл.15-16).

А.Бышевский являлся одним из сотоварищей Шевченко во время пребывания поэта в Новопетровском укреплении. Постоянная связь поддерживалась им и с солдатами того же батальона, которые находились в Уральске.

БЭР, Карл Максимович (1792-1876) - академик.

Выдающийся натуралист XIX века, Бэр оставил ученые труды, которые навсегда вошли в науку о природе и имели большое значение для развития экономики России.

Огромную работу провел Бэр, возглавляя с 1853 года "высочайше утвержденную экспедицию по изучению Каспийского рыболовства". Много ценного о его научной и организаторской деятельности (в том числе докладных и писем Бэра) содержится в еще до конца не изученных материалах Оренбургского архива. (ГАОО, ф.6, оп.18, д.4; оп.6, д.13058 и др.).

Руководя названной экспедицией, Бэр четырежды посетил Новопетровское укрепление в период пребывания там Шевченко.

Первое посещение продолжалось с 20 сентября - дня прибытия парохода "Астрабад" - по 3 октября 1853. Живя с 21 сентября в доме коменданта И. А. Ускова, Бэр часто встречался и беседовал с поэтом, о котором еще ранее мог узнать от своего сотрудника по предыдущим экспедициям - друга Шевченко М. М. Лазаревского. ("Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников", стр.258).

Вторично Бэр побывал на Мангышлаке в следующем, 1854 году, и находился здесь с 13 августа по 24 сентября. Две поездки Бэра и его сотрудников в Новопетровское укрепление состоялись в 1856: первая - с 27 по 31 мая, вторая - во время заключительного объезда побережья Каспийского моря, в промежутке между 24 июля и 20 августа. Эти даты, как доказывает на основе анализа вновь обнаруженных документов П.Жур в статье "Встречи на Мангышлаке" ("Звезда", 1966, № 8, стр.178-186), могут с полным основанием считаться периодами непосредственного общения поэта с крупным русским ученым, который - это важно подчеркнуть - принимал деятельное участие в хлопотах об освобождении Шевченко из неволи. Бэр упоминается в Дневнике (V, 74), в переписке (VI, 87, 92, 103; "Листи до Т. Г. Шевченка", стр.88). Развернутых характеристик ученого-человека здесь нет, но некоторые черты его подмечены: увлеченность, отзывчивость, педантичная аккуратность.

БЮРНО, Карл Иванович - инженер-генерал-майор Отдельного Оренбургского корпуса.

Бюрно родился в 1796 г. в Сардинии. Из подпоручиков французской службы в 1820 был зачислен с тем же чином в Русскую армию. Участвовал в военных действиях против Турции, на Кавказе.

Отличаясь знаниями и отвагой, уверенно продвигался по лестнице чинов. Генеральское звание Бюрно получил в марте 1849. Однако, не выполнив приказа старшего начальника и оставив важную позицию на кавказской линии, он был со службы уволен, хотя и "с мундиром и пенсионом" ("Военная энциклопедия", т.5, 1911, стр.203-204).

В начале 1854 "уволненный из состоявших по Инженерному корпусу генерал-майор Бюрно определяется на службу по Инженерному же корпусу с назначением состоять в распоряжении Оренбургского и Самарского генерал-губернатора". (ГАОО, ф.6, оп.12, д.1044).

И сразу отличается "в возведении укреплений на Сыр-Дарьинской линии". "За примерное усердие и труды" Бюрно получает "негласное пособие" в размере 1500 рублей серебром. (ГАОО, ф.6, оп.6, д.13378).

Вот как характеризует его в одном из писем 1855 находившийся в форте Перовском поэт-петрашевец А.Н.Плещеев: "Старик этот пришелся мне очень по сердцу. Благородный и умный человек. Общество его чрезвычайно приятно; и скажу более - из него всегда извлечешь что-нибудь; он много видел, много читал и смотрит на вещи не с казенной точки зрения, как большая часть наших генералов. Во всех суждениях его виден человек образованный, стоящий в уровне с веком". ("Минувшие годы", 1908, октябрь, стр.126).

В начале мая 1856 Бюрно получил "четырёхмесячный отпуск к Пятигорским минеральным водам, для излечения болезни, с сохранением получаемого содержания". Тут же указывалось: "При чем дано его сиятельством поручение - заехать в Новопетровск для осмотра тамошних укреплений". Во врученном Бюрно предписании уточнялось: на Мангышлак ему предстояло плыть на пароходе из Астрахани, а целью командировки являлось представление проекта "о лучшем... устройстве, сообразно с средствами". (ГАОО, ф.6, оп.6, д.12781, лл.38 об., 43).

В этот период и возникает имя Бюрно в переписке между Шевченко и Б. Залеским.

Отвечая на неизвестное нам письмо друга, Шевченко 21 апреля 1856 пишет: "Ты так прекрасно говоришь мне о генерале Бюрно, что и я полюбил его так, как ты его любишь; это явление весьма редкое между господами генералами. Жаль, что он скоро, как ты говоришь, оставляет Оренбург. Он, говорят, пользуется добрым вниманием графа В.А.(Перовского - Л. Б.). Попроси его, не может ли он для меня сделать что-нибудь, хоть вырвать меня из этого проклятого гнезда". И там же, в цитируемом апрельском письме:

"... Бюрно советует тебе оставить службу и посвятить себя искусству. Он имеет основание так тебе советовать..." (VI, 123-125).

Месяц спустя, 20 мая 1856, Шевченко дает Залескому указание, как поступить с посланными ранее картинами: "Один кусок... оставь у себя на память обо мне, а другой предложи Бюрно..." (VI, 133).

Именно на это письмо, от 20 мая, отвечает Б. Залеский 8 июля. Среди других новостей, он сообщает об отъезде Бюрно и тут же о том, что в сентябре тот будет в Новопетровском укреплении:

"... Зайди к нему **непрерывно**. Он имеет поручение осмотреть вашу крепость, на возвратном пути из Пятигорска; это капризная иногда натура, но благородство редкое - артист и поэт в душе; строил в Севастополе батареи, которых двухлетняя осада одолеть не могла; а, между тем, с нежностью матери занимается маленькой сиротою, и с увлечением писал лунные ночи, даже розу и бабочку на ней. Я уверен, что всякий, кто узнает его ближе, полюбит его целым сердцем и простит - нет, забудет все неровности характера и капризы для теплоты его души и высоких нравственных качеств. Я благодарю Бога, что встретил такую личность на моем пути" ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр.84-86).

Шевченко ждал этой встречи. "Бюрно у нас еще не был, и вероятно он будет здесь не раньше, как по окончании курса лечения в Пятигорске, а к тому времени ты сделал бы доброе дело, если бы написал ему обо мне хоть несколько слов или, еще лучше, если бы прислал письмо мне; тогда я смело мог бы явиться к нему..." (VI, 136).

И вот встреча состоялась. "15 сентября посетил нас Бюрно, но так не надолго (на пять часов), что я потерял надежду увидеться с ним. Он однако ж вспомнил обо мне перед самым выездом своим. Принял меня, как давно и хорошо знакомый человек... Надолго, надолго останется в моем сердце это кратковременное свидание, эта симпатическая, благородная физиономия..." (VI, 141).

Свидание вспоминается ему и много позднее; все новые слова находит Шевченко в письмах, чтобы сказать о полюбившемся ему Бюрно. (VI, 150, 152, 162). Пишет о нем и в одной из новопетровских записей Дневника (V, 81).

Таким образом, впечатления о Бюрно у Т. Шевченко, А.Плещеева и Б. Залеского совпали полностью. Был дружен старый инженер-генерал и с Зыгмунтом Сераковским. ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр.110). Такой круг его знакомств сам по себе говорит о многом.

Уместно привести комментарий Б. Залеского к письмам Шевченко. "Генерал Бюрно, родом сабаудец, был капитаном под Ватерлоо, - вспоминал он. - Не желая служить Бурбонам, перешел в войско российское и дошел до ранга генерала инженерных войск. Строил часть Севастополя, а был вполне бедным. Чистая и очень честная душа, много добра делал нам всем... Любил искусство и сам временами для забавы рисовал цветы и пейзажи... Шевченко, узнав его, очень его уважал" ("Листочки до вінка на могилу Шевченка у ХХІХ роковини його смерті", Львов, 1890, стр.33).

Следующая встреча Шевченко с Бюрно состоялась в 1858, вероятно в июне, в Павловске под Петербургом. (VI, 218). Это, по всему судя, была не последняя петербургская их встреча. По поводу одной из них известна записка Б. Залеского, датируемая концом 1859-началом 1860гг.("ЛистидоТ. Г. Шевченка", стр.174-175).

Все сказанное говорит о необходимости активного поиска архива К.И.Бюрно, в котором могут оказаться рисунки Шевченко, его письма, а также бумаги самого генерала, имеющие прямое отношение к его службе в Оренбургском крае.

ВАЙКАТРИО (Вайхатрио), Гемродж-Мундас - индийский купец в Раиме (1849).

"7 августа прибыл из Бухарии в Раимское укрепление неизвестный человек, называвший себя индейским уроженцем города Мултан Гемродж-Мундасом Вайкатрио, в препровождении двух киргизцев, и просил провожать его от укрепления до колодцев Акджулпаса. Удостоверившись, что Вайкатрио действительно торговец, что видно из имеющегося у него вида..., я отпустил его..., и он с двумя киргизцами, прибывшими с ним из Бухарии, 8 числа

поутру отправился в дальнейший путь в крепость Орскую" (Из рапорта Я.Я.Дамиса генералу В.А.Обручеву).

28-летний брамин Вайкатрио в прошлые годы бывал и жил в Санкт-Петербурге, Астрахани и других городах России, мог разговаривать на русском языке, был достаточно образован в разных науках, проявлял серьезный интерес к внешней политике Российской империи, Великобритании, государств Востока. (ГАОО, ф.6, оп.10, д.6166).

Об индийском госте Шевченко мог услышать по окончании второго плавания по Аральскому морю и прибытии в Раимское укрепление, где о Вайкатрио помнили и рассказывали многие. Когда Бутаков со своими сотрудниками, в т.ч. Шевченко, прибыл в Оренбург, индеец находился еще здесь. Так что сведения раимские могли подкрепиться впечатлениями оренбургскими.

ВАЛОВ, Никита Ермолаевич - делопроизводитель хозяйственного комитета 4-го учебного карабинерского полка в Нижнем Новгороде, губернский секретарь.

В прошлом кантонист, он путем самообразования достиг известности как учитель, а затем - опытный полковой хозяйственник. О нем тепло вспоминает В.Н.Никитин в своих "Воспоминаниях" ("Русская старина", 1906, сентябрь-октябрь).

Валов был участником встречи с Т. Шевченко на квартире отставного поручика Огурцова; об этой встрече (и его позиции) сообщает крестник Валова Никитин (соответствующая запись цитируется в посвященной ему статье).

ВАН-ПУТЕРЕН, Дмитрий Иванович - нижегородский врач.

Служил хирургом ("оператором") врачебной управы, врачом Мариинского института благородных девиц, выполнял также врачебные обязанности в Дворянском институте.

В Нижнем Новгороде Ван-Путерен принадлежал к кругу знакомых Т. Шевченко; в Москве, в первые дни по приезде туда поэта, оказывал ему медицинскую помощь. (V, 189, 210, 211; VI, 213).

ВАРЕНЦОВ, Александр Петрович - директор Нижегородской ярмарочной конторы и ярмарочного театра.

Дослужившись до чина капитана лейб-гвардии Преображенского полка, Варенцов перешел на гражданскую службу; впоследствии он был статским советником и камер-юнкером. В 1848, еще офицером, женился на княжне Софье Федоровне Голицыной ("Род князей Голицыных", составил Н.Н.Голицын. Том 1, СПб, 1892, стр.220).

Шевченко был знаком и дружен с А.П.Варенцовым в Нижнем Новгороде. В его дом он приходил, чтобы послушать "машинной музыки" (V, 165), рисовать портрет жены и сына хозяина (V, 166, 167). Варенцов привлек Шевченко к подготовке благотворительного спектакля (V, 178). Встречались они и в театре (V, 184).

ВАРЕНЦОВ, Виктор Гаврилович (1825-1867) - фольклорист, этнограф и педагог.

Варенцов происходил из семьи чиновника. Окончив с золотой медалью Вятскую гимназию (1841), он, оставшийся круглым сиротой, несмотря на нужду, поступил в Казанский университет и закончил его со степенью кандидата русской словесности (1845). Затем служил учителем словесности в Перми, Пензе, Саратове. К саратовским годам жизни (1854-1857) относится знакомство Варенцова с Н.Г.Чернышевским, место которого в Саратовской гимназии он занял. Там же сблизился с Н.И.Костомаровым. 16 марта 1857 Варенцов был назначен инспектором Дворянского института в Нижнем Новгороде. На этом посту служба продолжалась недолго. 21 ноября того же года его утвердили адъюнктом по кафедре русской словесности Казанского университета. К тому времени он уже снискал себе известность как фольклорист и переводчик. В последующие годы, с выходом в свет "Сборника русских духовных стихов" (СПб, 1860) и "Сборника песен Самарского края" (СПб, 1862), Варенцов стал в ряд с видными русскими фольклористами А.Н.Афанасьевым, Ф.И.Буслаевым, П.И.Якушкиным и др. Большую и плодотворную работу вел он как педагог и организатор народного просвещения в Самаре, Керчи, Одессе. Человек прогрессивных взглядов, Варенцов старался служить народу в течение всей жизни. (Его деятельности посвящены статьи и публикации в журналах: "Русская старина" - 1903, декабрь, стр.515-522; 1904, февраль, стр.445-451; "Детский сад", 1867, №№ 7-8, стр.307-308).

Т. Шевченко познакомился и сдружился с Варенцовым в 1857 г. в Нижнем Новгороде. Его имя неоднократно вспоминает Шевченко в Дневнике и письмах. (V, 151, 154, 156, 159, 162, 172; VI, 182, 183, 186).

Из публикаций на эту тему отметим статью Ф.Л.Гольдина "Про знайомство Т. Г. Шевченка з В.Г.Варенцовим" ("Радянське літературознавство", 1967, № 3, стр.54-56).

ВАРЕНЦОВ, Николай Михайлович - московский купец второй гильдии.

Варенцов происходил из старинной купеческой семьи и являлся почетным гражданином Москвы. Жил он в доме Четверикова - в четвертом квартале Басманной части. ("Справочная книга о лицах, получивших на 1873 год купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям в Москве", стр.89).

Мы сообщаем эти сведения в связи с дневниковой записью Т. Шевченко от 24 марта 1858: "В 8 часов вечера отправились к купцу Варенцову, музыканту и любителю искусств. Тут встретился я с некоторыми московскими художниками и музыкантами и, послушавши Моцарта, Бетговена и других великих представителей слышимой гармонии, в 11 часов удалились во свояси, дивясь бывшему". (V, 218). Это была одна из наиболее приятных встреч поэта дней пребывания его в Москве.

ВАРЕНЦОВ, Петр (?) Александрович - сын А.П. и С.Ф.Варенцовых (род. около 1852 г.).

16-19 ноября 1857 Шевченко рисовал его портрет, характеризуя сие "милое чадо" достаточно нелестно: "Мальчик лет пяти, избалованный, будущий собачник, камер-юнкер и вообще человек дрян". (V, 166).

Портрет неизвестен. Не установлена судьба и самого Варенцова-младшего.

ВАРЕНЦОВА, Софья Федоровна, урожд. Голицына (1830-1893) - жена А.П.Варенцова, старшая сестра князя В.Ф.Голицына.

Шевченко бывал в нижегородском доме Варенцовых, писал портрет Софьи Федоровны и ее сына. В Дневнике дан словесный портрет "м(адам) Варенцовой". "Плотная кавалергард-мадам. Ничего женственного..." (V, 166). Поэт называет ее "гусароподобной", "неуклюжей Бобелиной" (V, 167).

Портрет Софьи Федоровны работы Шевченко неизвестен.

ВАСИЛЬЕВ - бухгалтер Астраханского комитета общественного призрения.

Имя "сего почтенного старичка" упоминается Т. Шевченко в записях Дневника за 12 и 13 августа 1857 г. в связи с предпринятыми им поисками книги М. Рыбушкина "Записки об Астрахани". Васильев, к которому поэт ходил за книгой специально, "желаемой книги" в эти дни так и "не сообщил". (V, 104).

ВАСИЛЬЕВ, Алексей Степанович - гарнизонный инженер-прапорщик Раимского укрепления.

"Устройство форта (Кос-Арала - Л. Б.) поразило меня своей оригинальностью. Гарнизонный инженер, разбивавший его, рассчитав линию огня..., придал форту фигуру треугольника, которого каждый бок имел 20 сажень длины; тем не менее почти все постройки он поместил внутри форта. Бруствер был сделан из местного материала, то есть из сыпучего песка, и обшит камышом. Казармы и все службы были построены также из камыша и небольшого количества серого кирпича..." (А. И. Макшеев. "Путешествие по Киргизским степям и Туркестанскому краю", стр.54).

Васильев (род. в 1816 году) был одним из офицеров, с которыми Шевченко познакомился в бытность свою в Раимском укреплении. Э. Нудатов называет его среди тех, чьи портреты рисовал поэт-художник. Портрет Васильева неизвестен. Однако сохранились зарисовки строений Раима и Кос-Арала, в создании которых деятельно участвовал гарнизонный инженер.

В Раиме Васильев жил еще в течение ряда лет. В январе 1850 г. в местной церкви состоялось бракосочетание его с А. П. Максимовой, дочерью покойного чиновника 8-го класса. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.186).

ВАСИЛЬЕВ, Андрей Васильевич - письмоводитель конторы Новопетровского военного полугоспиталя.

Службу здесь Васильев начал не позднее 1852 года в чине коллежского регистратора; в 1857-м - губернский секретарь. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.234-а).

Один из героев истории, которая в июньские-июльские дни 1857 весьма занимала обитателей небогатого событиями Новопетровского укрепления - истории "о том, как... раскрыл лоб чубуком тестю своему будущему зятю", иными словами - как расстроилась свадьба дочери губернского секретаря Васильева и пьяницы подпоручика Чирца.

Шевченко посвятил перипетиям этой истории немало страниц своего Дневника. (V, 17, 18, 20, 51, 52, 60). Описания ее проникнуты разящей иронией и, одинаково зло высмеивая "зятя" и "тестя", поэт делает далеко идущие выводы о тех, кто, по воле судьбы, составляет "цвет общества" во многих "гнездилищах безграничных мерзостей", какими являлись военные крепости и поселения.

ВАСИЛЬЕВ, Иван Дмитриевич - рядовой 4-го Оренбургского линейного батальона, участник экспедиции А. И. Бутакова в 1849 году, герой стихотворения Т. Шевченко "Ну що б, здавалося, слова...", написанного на Кос-Арале.

Упомянув в стихотворении Островную, поэт сделал примечание: "Оренбург.губ." (II, 105-106).

Островная - точнее Островное - относится к числу первых украинских поселений, образованных в Оренбургской губернии в начале XIX века. Основателями села явились потомки первых черкас (бывших украинских казаков), которые, основав Кинель-Черкасскую слободу, обратились в

канцелярию Оренбургского казачьего войска с просьбой о принятии их в казачье сословие и, в связи с этим, вскоре были переведены - частично - в урочище "Островные речки" на правобережье р.Урал. Это произошло в 1812 или 1813 гг. Уже в 1817 Островное насчитывало 513 жителей обоого пола. (С.А.Попов. "Из истории поселения украинцев в Чкаловской области". Сб. "Великая дружба". Чкалов, 1954, стр.65).

В июне 1847 г., следуя из Оренбурга в Орскую крепость, Шевченко проезжал через Островное: здесь была сделана остановка на ночь. Описания села, впечатления от встреч с его жителями, от бесед с ними содержатся в повести "Близнецы". (IV, 99-100).

"Земляком из Островной" назвал поэт встреченного на Аральском море матроса, чья песня вызвала в нем глубокие чувства, растрогала до слез.

Кто этот человек? Из множества фамилий и имен участников экспедиции А. И. Бутакова (см. Абизаров) только одна фамилия и одно имя совпадают с обозначенными в "ревизских сказках" села Островное. В списках 1834 г. здесь значится Васильев Дмитрий Михайлович, сыну которого - Ивану - тогда было одиннадцать лет (ГАОО, ф.98, оп.2, д.57, л.452). Имя Ивана Васильева как раз и называется в числе участников плавания на шхуне "Константин".

Ко времени встречи с Шевченко ему было двадцать шесть и на службе он находился уже не один год.

Выяснение имени "земляка из Островной" и времени его службы на шхуне "Константин" позволяет уточнить датировку стихотворения, относя его не ко второй половине 1848 года, а к 1849-му. Во время поездок в село дополнительных сведений о "матросе из Островной" собрать не удалось.

ВАСИЛЬЕВ, Николай Александрович - астраханский военный губернатор и главный командир Астраханского порта, контр-адмирал.

До назначения на этот пост (октябрь 1853) служил начальником штаба Кронштадтского порта. В должность вступил 29 ноября того же года. (РГАВМФ, ф.283, оп.2, д.2755, лл.4, 15).

Васильев приезжал в Новопетровское укрепление в бытность там Шевченко. В 1856 он дважды был здесь одновременно с академиком К.М.Бэрром, который совершал заключительный объезд Каспийского моря.

С именем Васильева Шевченко связывает в Дневнике трагикомическую историю с назначением его в почетный караул для встречи высоких гостей: "ежели не великого князя Константина Николаевича, то непременно адмирала Васильева, губернатора астраханского". Предстоявший и не состоявшийся визит, о котором невесть как распространились слухи, поставил Шевченко в строй и заставил снова пережить тяжкие часы муштры. (V, 53, 72-73).

В дальнейшем, уже будучи в Астрахани, поэт поинтересовался, где живет извесный ему "представитель верховной власти" и здание "поразило своей дисгармонией", как, впрочем, и вся Астрахань - "дрянь, никуда не годный портовый город". (V, 97-99).

ВАСИЛЬЕВ, Прокофий - матрос первой статьи, участник экспедиции по изучению и описанию Аральского моря.

На службе в 45-м флотском экипаже (Астрахань, Каспий) находился с 1840 года; матросом первой статьи стал в 1845-м; на Арал, а до того в Оренбург, был назначен в январе 1848-го в группе матросов третьей роты под началом унтер-офицера Садчикова.

Участвовал в обоих плаваниях (1848, 1849), а также зимовал на Кос-Арале, вместе с Т. Шевченко.

ВАСИЛЬЕВА, Анна Андреевна - дочь губернского секретаря А.В.Васильева. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.234-а).

"Героиня", а точнее жертва "балаганной" истории, которая разыгралась в предсвадебные для девушки дни. Не щадя своим пером ее жениха - А.В.Чирца и отца - А.В.Васильева, Шевченко очень бережно пишет о невесте, положение которой, при всей "водевильности" событий, оказалось весьма незавидным. С гневом заносит он на страницы Дневника рассказ о гнусной процедуре, которой началось, по требованию отца, "следствие над женихом и невестой" - медицинском освидетельствовании ее в присутствии понятых, с пошлыми остротами лекаря и грубыми насмешками приглашенных. "Мерзость!" - бросает Шевченко в лицо тем, кто презрел и честь, и совесть. (V, 60).

Как убеждает просмотр метрических книг Новопетровского укрепления за 1857-й и последующие годы, злополучная свадьба так и не состоялась.

ВАСИЛЬЕВА, Екатерина Николаевна (1829-1877) - актриса Нижегородского театра.

Воспитанница Московской театральной школы, она выступала на сцене с детских лет и ко времени приезда в Нижний Новгород (1857) имела в своем репертуаре ряд крупных ролей (в том числе Софьи в "Горе от ума"). В этом городе ею были созданы многие образы "драматических любовниц", выдвинувшие актрису в число ведущих членов труппы. В начале 60-х годов Васильева вышла замуж за актера и режиссера В.М.Трусова. Вскоре, однако, его оставив, она выехала в Казань. Среди ролей, сыгранных Васильевой-Трусовой в разные годы, - леди Макбет, Офелия, Катерина в "Грозе", Аида в "Парижских нищих" и др.

Т. Шевченко внимательно следил за игрой молодой артистки. (V, 148, 151, 165, 191). Заботой о ее будущем проникнуты замечания, сделанные в его статье "Бенефис г-жи Пиуновой, января 21 1858 года". (VI, 318). Однако эти замечания вызвали полемику в той же губернской газете, повлекли всевозможные закулисные сплетни.

ВЕЙДЕМАН, Карл Иванович - старший учитель Астраханской гимназии.

Прикомандированный к экспедиции К.М.Бэра, заменивший в ней досрочно выбывшего из ее состава Н.М.Семенова, Вейдеман посещал Новопетровское укрепление в 1855-1856 гг.; побывал он здесь и в 1857-м, уже по собственному желанию. В экспедиции Карл Иванович исполнял обязанности младшего естествоиспытателя, в частности изучал составы вод, их химические качества.

О посещении им Мангышлака свидетельствует запись в Дневнике за 18 июля 1857 - правда, Вейдеман представлен в ней расплывчато. "Учитель словесности (?) при астраханской гимназии, пользующийся свободным каникулярным временем, и чуть ли еще не земляк мой", "может быть и действительно ученый, потому что вместе с Данилевским и другими участвовал в экспедиции Бэра" (V, 74-75) - это и есть Вейдеман, наслышанный о Шевченко значительно раньше и, по всему судя, проникшийся к нему уважением.

Из переписки о Вейдемане

От директора училищ Астраханской губернии: "Вследствие предписания г.управляющего Казанским учебным округом от 27 минувшего апреля за № 1287 о прикомандировании по 1 января 1856 года старшего учителя вверенной мне гимназии Карла Вейдемана помощником к Вашему превосходительству (К.М.Бэру - Л. Б.) при исследовании Вами каспийского рыболовства, с освобождением его на семь месяцев от прямых обязанностей по гимназии и с оставлением при нем получаемых по должности окладов, честь имею уведомить..., что с 15 числа сего мая 1855 г.Вейдеман прекратил свои занятия по гимназии и командирован мною в экспедицию для исполнения возлагаемых на него по оной обязанностей...".

Годом позже, в 1856: " Старший учитель вверенной мне гимназии Вейдеман уволен мною от занятий по гимназии на две недели для совершения с Вами поездки <...> Сообщая об этом Вашему превосходительству, я имею честь покорнейше просить не задерживать г.Вейдемана <...> далее двух недель, потому что <...> по времени приближения годичных экзаменов Вейдеману необходимо повторить с учениками пройденное в течение года".

(Архив Академии наук - Петербургское отделение, ф.129, оп.1, д.569, л.20-21, 27-27 об.).

ВЕЙМАРН, Александр Владимирович - командир Нижегородского учебного карабинерного полка, генерал-майор.

Знакомство Т. Шевченко состоялось благодаря Н.К.Якоби. 3 октября 1857 г. в Дневнике появилась запись: "Генерал Веймарн замечателен тем, что он не похож на русского генерала, а похож вообще на прекрасного простого человека".

Благодаря содействию Веймарна, из окна его полковой казармы художник рисовал Архангельский собор; дома у генерала он встретился с декабристом И.А.Анненковым.

ВЕЛЬЯМИНОВ-ЗЕРНОВ, Владимир Владимирович (1830-1904) - русский ученый-востоковед, впоследствии академик по отделу восточных языков.

В 1854-1856 гг. Вельяминов-Зернов состоял при Оренбургском и Самарском генерал-губернаторе "для занятий по пограничной части". Выехал из Оренбурга 12 мая 1856 г., получив четырехмесячный отпуск для поездки в Петербург; более к прежнему месту службы не вернулся, так как четыре месяца спустя был назначен в Азиатский департамент Министерства иностранных дел. (ГАОО, ф.6, оп.6, д.12848).

Вельяминов-Зернов упоминается в письме Б. Залеского, отправленном 8 июня 1856 в Новопетровское укрепление. Сообщая о продаже художественных работ Шевченко, Залеский об одной из них писал: "Купил этот кусок Вельяминов-Зернов, в одно же время с Бюрно оставивший Оренбург навсегда, ориенталист и страшный любитель всего восточного". ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр.85).

Исходя из этого, названного человека можно отнести к числу заочных знакомых поэта-художника.

ВЕНГРЖИНОВСКИЙ, Аркадий Николаевич - надзиратель школы для киргизских детей при Оренбургской Пограничной комиссии, коллежский секретарь.

Родился в 1818 году, происходил из обер-офицерских детей. В штрафах и под судом не был. Утверждение о его принадлежности к польским ссыльным - ошибочно.

По окончании Подольской гимназии Венгржиновский был определен в штат Проскуровской градской полиции (1833-36), затем служил в Проскуровском земском суде (1836-40), в Подольской палате государственных имуществ (1840-41) и Винницком окружном управлении (1841-42). По личному желанию переехал в Тобольск, где в 1843-45 гг. являлся смотрителем заведений Тобольского приказа.

В апреле 1845, согласно прошению, получил, вслед за М.В.Ладыженским, перевод в Оренбургскую Пограничную комиссию, а тут - назначение надзирателем школы для киргизских детей. Много было им сделано для лучшей организации этой школы, для создания ее учебной базы.

В декабре 1849 Венгржиновский подал прошение о предоставлении ему четырехмесячного отпуска "для свидания с родственниками и для приискания места службы". Получив отказ, подал в отставку и в июне 1850 выехал из Оренбурга. (ГАОО, ф.6, оп.10, д.6057-б).

Для отставки Венгржиновского были, однако, и более серьезные причины. В "Описи секретным делам, производившимся от лица председателя Оренбургской Пограничной комиссии", нам встретились названия двух дел, к сожалению, пока не отысканных: "О пересылке государственному преступнику Рудзевичу писем якобы чрез чиновника комиссии Венгржиновского" (апрель 1849) и "Об учреждении за губернским секретарем Венгржиновским строгого негласного наблюдения" (июнь-август 1850). Уже по названиям этих дел можно судить о том, почему и как выехал он из Оренбурга. (ГАОО, ф.6, оп.10, д.6902).

Прояснили ситуацию другие архивные дела (6060, 6153). Оказывается, его вина заключалась в том, что через него шла переписка политического арестанта Ф.Рудевича и, таким образом, чиновник был уличен "в неопозволенных своих с арестантом сим отношениях". Только через семь месяцев после заявления Венгржиновского об отставке ходатайство было удовлетворено; по распоряжению Обручева, за ним было учреждено "строгое негласное наблюдение".

Знакомство Шевченко с Венгржиновским произошло зимой 1849-1850 и вскоре перешло в дружбу. Оно продолжалось и после их разлуки. Нам известно лишь одно письмо Шевченко к Венгржиновскому (VI, 70). Но имя его с теплотой вспоминается во многих письмах к Б. Залескому, написанных в 1853-57 (VI, 90, 91, 93, 102, 104, 107, 111, 122, 124 и др.). С помощью Венгржиновского Шевченко возобновил прерванные связи с В.Н. Репниной, которая включилась в хлопоты об облегчении его участи. Через оренбургского друга, поселившегося в Одессе, были проданы на Украине некоторые художественные произведения, присланные окольными путями из Новопетровского укрепления. А. Венгржиновскому подарил Шевченко свой автопортрет, который долгое время хранился им как память о поэте (т.8, л.47).

"Один из наших больших приятелей и искренних опекунов среди бед солдатской жизни" - так характеризовал Венгржиновского Б. Залеский. ("Листочки до вінка на могилу Шевченка в ХХІХ роковини його смерті", Львов, 1890, стр.48).

О Венгржиновском

"...Имею в виду, что коллежский секретарь Венгржиновский есть уроженец западных губерний и что содержащийся здесь в Оренбурге политический арестант Рудзевич писал к родственникам своим письма без ведома начальства и в одном из них просил отвечать на имя помянутого Венгржиновского, чем самым этот чиновник и заподозрен в неопозволенных своих с арестантом сим отношениях, кроме которого в Оренбурге находится значительное число лиц, высланных сюда по политическим же делам из Царства Польского и западных губерний, то я потребовал от Пограничной

комиссии сведения, какие причины заставляют его ехать в вышеозначенные губернии..."

(1849; ГАОО, ф.6, оп.10, д.6060, л.111-112).

ВЕРНЕР, Томаш (Фома) - рядовой, а с 1849 г. - унтер-офицер 4-го Оренбургского линейного батальона.

За то, что, будучи учеником гимназии в Варшаве, Вернер "читал сам и раздавал читать другим запрещенные книги для возбуждения против правительства, доказывал возможность восстания и искал знакомства с ремесленниками, чтобы склонить их к участию в мятеже при первом возможном случае", его в 1844 наказали розгами и отдали рядовым в Отдельный Оренбургский корпус. (В.А.

Дьяков. "Деятели русского и польского освободительного движения", стр.38).

В 1848 г. Вернер, по ходатайству А. И. Бутакова, был прикомандирован к возглавляемой им Аральской экспедиции "для геологических исследований"; во время плавания этого и последующего годов состоял в экипаже шхуны "Константин".

"Я поручил одному из своих подчиненных, унтер-офицеру Вернеру, собирать... образцы горных пород, измерять толщину пластов, наклонность их и направление; он же собирал растения, с корнями и цветом, по инструкции, сообщенной мне покойным адмиралом Ф.Ф.Беллингаузеном".
(А. И. Бутаков. "Сведения об экспедиции, снаряженной для описи Аральского моря, в 1848 г.". "Вестник Императорского Русского Географического Общества на 1853 год", отд. VII, стр.4-5).

Вот один из эпизодов работы Вернера: "Тотчас же после обеда команды, я послал на берег вооруженную партию с рядовым Вернером (бывшим студентом Варшавского Технологического Института, взятым мною собственно для этих исследований), чтобы рыть ямы... Пройдя около 5 верст..., рядовой Вернер... нашел пласт угля, толщиной в 1 фут и прекрасного качества".
(А. И. Бутаков. "Дневные записки...", стр.16).

Офицерский чин Вернер получил не позднее конца 1853. В приказе по корпусу, датированном маем 1854, говорится уже о переводе прапорщика Вернера из девятого во второй линейный батальон. В октябре 1856 он был произведен в подпоручики, с увольнением от службы "по домашним обстоятельствам". (ГАОО, ф.6, оп.12, д.1044, л.115; д.1388, л.5).

Знакомство Шевченко с Томашем Вернером произошло скорее всего еще в Орской крепости, перед выходом транспорта к Аральскому морю. Рождение дружбы между ними относится ко времени совместной их службы в составе описной экспедиции. В период плавания они, по воспоминаниям А. И. Макшеева, жили в одной каюте, а между плаваниями, по свидетельству Э.В.Нудатова, в одной джуламейке. Здесь Шевченко нарисовал портрет Т.Вернера (т.8, л.48).

Еще находясь на Арале, Бутаков обратился к начальнику 23-й пехотной дивизии генерал-лейтенанту Толмачеву с рапортом о прикомандировании к нему в Оренбурге как Шевченко, так и Вернера.

Рапорт от 22 апреля 1849 гласил: "В команде вверенных мне судов находятся 4-го линейного батальона унтер-офицер Фома Вернер и рядовой Тарас Шевченко. Первый был мною взят в прошлогоднее плавание по предложению г. подполковника Матвеева для исследования каменного угля, которого признаки были найдены на северо-западном берегу Аральского моря, и для геологических и ботанических наблюдений, причем он оказался весьма полезным, ибо честь открытия пласта каменного угля принадлежит ему, - а

последний был назначен его высокопревосходительством господином корпусным командиром для снимания видов в степи и на берегах

Аральского моря. Оба они будут мне необходимо нужны по возвращении в Оренбург: унтер-офицер Вернер для окончательного составления геологического описания берегов и классифицирования долженствующих быть отправленными в С.-Петербург образцов горных пород и ботанических экземпляров, а рядовой Шевченко - для окончательной отделки живописных видов, чего в море сделать невозможно, и для перенесения гидрографических видов на карту после того, как она будет составлена в Оренбурге..." ("Тарас Шевченко. Документы та матеріали...", стр.166).

На основании полученного разрешения, Шевченко и Вернер сотрудничали, продолжая дружить, и в Оренбурге. Последние их встречи состоялись весной 1850, когда поэт был арестован, а его друг вновь отправился на Аральское море продолжать поиски угля.

Томаш Вернер изображен на рисунке А. Ф. Чернышева, запечатлевшем Шевченко среди польских ссыльных, причем его знакомство с некоторыми поляками произошло, как можно предположить, при деятельном посредничестве Вернера.

Имя Вернера упоминается в письмах Т. Шевченко к их общему другу Б. Залескому - от 6 июня 1854 и от 10 февраля 1855. (VI, 102, 111).

Что касается январского письма 1854 (VI, 92), то в нем говорится, как можно предположить, не о Вернере, а о Ф.М. Лазаревском (поздравление вызвано его назначением в Петербург).

Вернер в то время находился далеко от Оренбурга, на Богословском заводе, где располагался девятый линейный батальон; Шевченко, который внимательно следил за передвижениями друзей, об этом знал.

Переписка Шевченко и Вернера могла иметь место, но до нас не дошла.

ВЕСЕЛОВСКИЙ, Владимир Павлович - молодой нижегородский чиновник, член губернской археологической комиссии.

Принадлежал к семье, близкой к литературно-музыкальным кругам (писателю Мельникову-Печерскому, историку музыки Улыбышеву и др.). Сам он впоследствии был женат на "кузине" Лермонтова - родной сестре А.П.Шан-Гирея Екатерине Павловне.

Т. Шевченко познакомился с Веселовским на музыкальных вечерах в Нижнем Новгороде. "Вечер провел у милейшего юноши виртуоза-виолончелиста Весловского..." - записал он в Дневнике (V, 187). В написании фамилии допущена ошибка ("Весловский").

ВИДДЕР, Карл Густавович - фельдъегерь военного министерства, подпоручик.

Происходил из австрийских подданных, принявших присягу на верность России. В фельдъегерском корпусе служили три брата Виддеры. О службистском рвении Карла свидетельствует его поведение после того, как он узнал от младшего брата, Николая, о растрате им казенной суммы. Брата он не пощадил, подведя его под трибунал и самый суровый приговор (см.далее).

По приказу дежурного генерала Главного штаба Виддер был назначен специально "для доставки к командиру Отдельного Оренбургского корпуса рядового Шевченко".

Приняв опального поэта в арестантской комнате Инспекторского департамента 31 мая, сей чин фельдъегерского корпуса доставил его в Оренбург к 11 часам вечера 9 июня 1847 г. (Датировка уточнена в статье М.Моренца "Коли Т.Шевченка було відправлено на заслання?" - "Радянське літературознавство", 1967, № 10, стр.72-74).

Виддер упоминается в официальной переписке об отправке и доставке Шевченко в Оренбург. Не раз писал о нем сам поэт. В 1857, проезжая мимо Симбирска, он вспомнил как вез его в солдаты "фельдъегерь неудобозабываемого Тормоза": "Он меня из Питера на осьмые сутки поставил в Оренбург, убивши только одну почтовую лошадь на всем пространстве". (V, 123).

Неизменно упоминаемый биографами, фельдъегерь Виддер олицетворяет собой начало невольничьего периода жизни Шевченко, длившегося многие годы.

Виддер о Виддере.

"...Вверенного мне корпуса подпоручик Виддер донес, что он заметил брата своего фельдъегеря Виддера в каком-то расстроенном состоянии и что по спросу его о причине он ему сознался, что

бывши дежурным в Инспекторском департаменте Военного министерства 21-го прошлого сентября месяца получил из казначейства оною два пакета для доставления на почту, но означенных денег в почтамт не сдал, в рассылной же книге сделал расписку чиновника почтамта, а деньги издержал, уверяя по крайности...

... Со дня такого поступка он мучился совестью и страхом о наказании, совершенно растерялся и впал в уныние. Такое состояние вскоре заметили братья его, которым он тотчас сознался в своем поступке и, отдавая им оставшиеся 265 руб. и документы, просил довести о случившемся до сведения начальства, что ими было и исполнено..."

(1862, РГВИА, ф.395, оп.299, д.287, л.9-10).

ВИЛЬДЕ, Николай Евстафьевич (Карл Густавович) (1832-1896) - чиновник особых поручений при Нижегородском генерал-губернаторе, артист-любитель.

Эта "служебная" характеристика относится к 1857-1858 гг. В дальнейшем Вильде, питомец Петербургского университета, службу оставил и полностью посвятил себя театру. В Малом театре, где он играл в 1863-1888 гг., после непродолжительного периода работы в провинциальных труппах, им были сыграны роли Чацкого, Гамлета, Бориса Годунова. Активно участвовал в работе "Артистического кружка", руководимого А.Н.Островским, с которым познакомился еще в 1857 в Нижнем. Снискал Вильде известность также как драматург, автор пьес "Арахнея", "Преступница" и других.

Знакомство Т. Шевченко с Вильде, в то время двадцатипятилетним чиновником, состоялось в Нижнем Новгороде. Судя по характеру записи в Дневнике от 6 марта 1858 г., они встречались нередко; в доме его мог поэт общаться с людьми, преданными искусству. Сам Вильде не только ценил талант Шевченко-художника, но и был посвящен в планы. На прощанье он подарил ему "несколько миниатюрных медальонов, копии с известных скульптурных произведений, древних и новых, сделанных разными художниками", которые тот принял, как "милый и умный подарок". (V, 209).

Вильде может быть причислен к тем нижегородским знакомым Шевченко, чьи портреты, ныне неизвестные, он мог рисовать. В связи с этим требуют изучения фонд Вильде и другие фонды в Государственном Центральном театральном музее.

ВИТКОВСКИЙ, Каэтан - рядовой 4-го Оренбургского линейного батальона.

Происходя из крепостных крестьян, Витковский был отдан на военную службу за то, что "знал о предполагавшемся в 1849 году в Вильне возмущении, согласился принять в нем участие и подговаривал к тому других". В солдатах он служил с 1850 и лишь в 1857 получил первое поощрение - право выслуги. (В.А.Дьяков. "Деятели русского и польского освободительного движения", стр.40).

Витковский значится в "Списке нижним чинам, поступившим в 4-ю роту Оренбургского линейного № 5 батальона за различные преступления"; здесь он в 1850 находился одновременно с Шевченко. (ИЛ, ф.1, д.489).

ВЛАДИМИРОВ А. - артист Нижегородского театра.

Уроженец Костромской губернии, актер провинциальных театров на протяжении многих лет, по амплуа своему комик, он выступал на сцене Нижнего Новгорода в ролях различного плана, вплоть до трагических.

Т. Шевченко ценил Владимирова и как артиста, и как человека. Он писал, что "в нем видно и развитие и необыкновенное понимание искусства" (VI, 317), называл одним из "львов здешней

сцены", "честным артистом", своим любимцем", бывал у него дома, ездил с ним за город. (V, 169, 172, 174, 190, 204, 206, 207).

ВОЗНИЦЫН, Яков Осипович - капитан волжского парохода "Сусанин".

Происходил из дворян Тверской губернии, где за родителями его числилась 51 "душа". Двенадцатилетним, в 1835 году, поступил в морской кадетский корпус. До середины пятидесятых годов плавал по Балтийскому и Черному морям. "По случаю войны с Венгрией" в 1849 был "в сухопутном походе гвардии к западным границам империи". (РГАВМФ, ф.406, оп.3, д.345, № 81, д.365, № 96).

В августе 1856 лейтенант Возницын получил увольнение из 8-го флотского экипажа для службы на коммерческих судах общества "Меркурий". ("Памятная книжка Морского ведомства на 1857 год", стр.261).

Т. Шевченко свел знакомство с Возницыным на пароходе "Князь Пожарский". Сообщив о предстоящей поездке в свое поместье "по случаю освобождения крепостных крестьян", он, по словам Шевченко, "хотя и либерал, но, как сам помещик, проговорил эту великолепную новость не с удовольствием", что явно охладило его интерес к капитану "Сусанина". (V, 123).

Их встречи впоследствии могли иметь место и в Нижнем Новгороде.

ВОЛКОНСКИЙ, Сергей Григорьевич (1788-1865) - декабрист, член Союза Благоденствия и Южного общества.

Осужденный по первому разряду и по конфирмации приговоренный к 20 годам каторги, Волконский отбывал ее в Нерчинских рудниках. С 1835 жил на поселении - сначала в Петровском Заводе, потом в с.Уриковском близ Иркутска. По амнистии 1856 получил разрешение вернуться в Европейскую Россию.

Т. Шевченко был, несомненно, наслышан о Волконском еще в Нижнем Новгороде, куда декабрист заезжал незадолго до его прибытия. Приехав в Москву, Шевченко был сначала обрадован подаренным ему портретом Волконского, а затем, еще более, встречей, состоявшейся в доме Кошелевых. "Кротко, без малейшей желчи рассказал он мне некоторые эпизоды из своей 30-летней ссылки..." - занес Шевченко в Дневник 25 марта 1858. (V, 215, 218).

ВОЛХОНСКИЙ, Федор Николаевич - врач, воспитанник Киевского университета (выпуска 1857 года).

Вместе со своим однокашником П.П.Малюгой Волхонский получил назначение на службу в Иркутск. По пути в Сибирь молодые врачи заехали в Нижний Новгород, где встретились с Т. Шевченко. "Они едут в звании медиков заслуживать казне за воспитание" - отметил поэт это посещение в записи Дневника 18 февраля 1858. Посещение земляками, да еще молодыми, было для него событием приятным. (V, 202).

Более подробных сведений о Ф.Н.Волхонском (в Дневнике - Волконском), а равно о посещении названными лицами Шевченко в нашем распоряжении нет.

ВОРОНОВ, Михаил (Михайла) - матрос первой статьи, участник экспедиции по изучению и описанию Аральского моря.

В 45-м флотском экипаже (Астрахань, Каспий) служил с 1840. Первой статьи был удостоен незадолго перед отправкой на Арал, в группе под командой унтер-офицера Клюкина. Шевченко и

Воронов вместе провели плавание 1848 г. После первой навигации матрос из состава экспедиции выбыл (причина неизвестна).

ВОРОНЦОВ, Владимир Петрович - подпоручик 1-го Оренбургского линейного батальона.

В Новопетровском укреплении Воронцов служил до 1852 года, затем был переведен в 8-й Оренбургский линейный батальон, откуда в 1853, в чине штабс-капитана, получил увольнение "по домашним обстоятельствам". Вскоре он был назначен бугурусланским городничим. (ГАОО, ф.6, оп.12, д.1044; "Адрес-календарь Оренбургского края на 1853 год", стр.233; "Адрес-календарь Оренбургского края на 1854 год", стр.403).

О добрых, дружеских отношениях между Шевченко и Воронцовым существует ряд свидетельств современников.

Сослуживец по Новопетровскому укреплению подпоручик Фролов сообщил, что Шевченко нарисовал портрет Воронцова, "которого очень любил". ("Киевский телеграф", 1876, № 53).

Более подробные сведения мы находим в рассказе жены Воронцова (тогда уже покойного), которая, живя в Орске, сообщила в 1895-1896 журналисту А.И.Матову о некоторых обстоятельствах знакомства поэта и офицера, оказавшихся в одно время на Мангышлаке. Из ее рассказа становится известным, что во время строительства Новопетровского укрепления Воронцов заведовал "материальной частью", а в дальнейшем являлся одним из офицеров роты, в которой служил Шевченко.

"... Воронцов... не был поклонником фухтелей и шпицрутенгов. Это был человек просвещенный, с хорошими порывами, артист в душе и при всем том мягкий и добрый начальник. Он великолепно рисовал акварелью и масляными красками, любил восхищаться беспредельной песчанной степью и зеркальной гладью Каспийского моря... Стихи Шевченко он впоследствии добросовестно заучивал наизусть и долго их помнил. Разумеется, ссыльный солдат и командир-художник очень скоро узнали друг друга и сошлись, насколько было возможно "сойтись" начальнику с подчиненным при тогдашнем воинском режиме... Сам Воронцов, под тем или другим предлогом, нередко брал с собой Шевченко, и они уходили в степь, за крепостную стену. Здесь обыкновенно наскоро натягивалась грунтовка, появлялись кисти и краски, и два художника на полной свободе отдавались своей общей страсти..." (Газ. "Камско-Волжский край", 1897, № 318).

Портрет В.П.Воронцова, выполненный Шевченко, обнаружен в недавние годы.

ВОРОНЦОВА, Екатерина (отчество неизвестно) - жена В.П.Воронцова. (ГАОО, ф.6, оп.10, д.6262).

Со слов Воронцовой, жившей тогда в Орске и находившейся уже в преклонном возрасте, были записаны в 1895-96 гг. цитированные выше воспоминания о службе Шевченко на Мангышлаке. Несмотря на отдаленность событий во времени, на прошедшие с тех пор десятки лет, память ее сохранила многое. Это тем более удивительно, что все рассказанное она наблюдала не сама, а знала только по рассказам мужа.

Т. Г. Шевченко

**Портрет В. П. Воронцова
1852**

Объективности ради следует, однако, отметить, что ко времени встречи журналиста А.Матова с Е.Воронцовой уже были опубликованы воспоминания Е.Косарева, Н. Савичева и других, в связи с чем не исключено их использование при подготовке рассказа Воронцовой к печати. Тем не менее свидетельства ее заслуживают внимания. Первая их публикация осуществлена в газете "Камско-Волжский край" (1897, № 318).

ВОРОНЦОВ, Василий Эмильевич - бывший уральский золотопромышленник, впоследствии работник золотых промыслов.

С дореволюционных лет до 1935 года им сохранялись тринадцать документов, кем-то похищенных из Орского архива и непосредственно касающихся Т. Шевченко. Впоследствии они были переданы уральцами на Украину. Ныне документы находятся в фондах Института литературы им.Т. Г. Шевченко в Киеве.

ВОТЯКИ. Бытовавшее во времена Т. Шевченко, а ныне устаревшее название удмуртов - одной из народностей Оренбургской губернии, узнанных им в годы солдатчины.

ВРОБЛЕВСКИЙ, Еремей (Евстахий) - рядовой 4-го Оренбургского линейного батальона.

В солдаты Отдельного Оренбургского корпуса Вроблевский был отдан в 1849 г. за связи с Кирилло-Мефодиевским товариществом, установленные еще во время его учения в Киевском и Харьковском университетах.

Сослуживец Т. Шевченко в бытность его в Раимском укреплении, Вроблевский умер там в 1850-м. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.186).

ГАЛАГАН, Григорий Павлович (1819-1888) - богатый землевладелец, общественный деятель, этнограф.

Знакомство Т. Шевченко с Галаганом произошло в 40-е годы. После освобождения поэта от солдатчины они впервые встретились в Москве. В письме к жене Галаган рассказал об обеде, данном М. А. Максимовичем.

"У славянофилов я проводил время весьма приятно, - писал он. - Максимович дал обед на Благовещение по случаю возвращения Шевченко. Наш поэт сильно переменялся, постарел. Над его широким лбом распространилась лысина, густая борода с проседью, при его глубоком взгляде, дает ему вид одного из мудрых наших дедов-паличников, к которым часто приходят за советом. Обедали у Максимовича: Кошелев с женою, два Аксаковых, Хомяков, Погодин,

Шевырев, Бартенев, старушка Елагина и старик Щепкин. За шампанским Максимович прочел премилые стихи в честь Шевченко, в которых сказал, сколько он недоставал для Украины. Между прочим, там он говорит, что без тебя:

*Твої думки туманами на лугах вставали,
Твої сльози росицею по степах опадали,
Твої пісні соловейком в садах щебетали!*

Не правда ли, прелестно? Старик Щепкин навзрыд плакал. Он щирый малороссиянин. После обеда Шевченко прелестно пел с женою Максимовича. А москали слушали хорошо, потому что все хороший народ. Кажется, что Шевченко во многом переменялся к лучшему. Он теперь здесь и будет состоять при Академии художеств".

Письмо Г.Галагана было послано 1 апреля 1858 г. уже из Петербурга. ("Т. Г. Шевченко в епістолярії...", стр.25-26). Их встречи продолжались и в дальнейшем. Имя Галагана упоминается в Дневнике и переписке. (V, 219, 224, 228, 231, 239; VI, 214, 218, 242).

Следует отметить, что в период пребывания поэта в Нижнем Новгороде Г.П.Галаган, вместе с В.В.Тарновским, приобрел за 250 рублей часть шевченковских акварелей; деньги были пересланы испытывавшему в них нужду Шевченко.

ГАЛКИН, Матвей Осипович - аудитор 5-го Оренбургского линейного батальона, коллежский регистратор.

(ГАОО, ф.6, оп.11, д.1813; "Адрес-календарь Оренбургского края на 1854 год", стр.254). Умер в 1855 г. (ГАОО, ф.6, оп.12, д.1251).

В 1850-м Галкин участвовал в следствии над Шевченко, которое производилось в Орской крепости подполковником Чигирем.

ГАЛЯВИНСКИЙ, Василий - коллежский регистратор, письмоводитель при "киргизском дистаночном начальнике".

Коренной оренбуржец (утверждение о принадлежности его к польским ссыльным ошибочно), он в 1846 г., сразу по окончании гимназии, был принят на службу в Оренбургской Пограничной комиссии. (ГАОО, ф.6, оп.6, д.12316, 12799).

По воспоминаниям Ф.М. Лазаревского, молодой чиновник первым принес в Пограничную комиссию взволновавшую и его, Галявинского, новость: "Ночью жандармы Шевченко привезли: я слышал от офицера, которому его сдали..."

Этот факт примечателен как свидетельство того, что о Шевченко ко времени прибытия его в край неволи здесь знали, причем не только земляки.

ГАРЛИХ, Эраст - прапорщик 1-го Оренбургского линейного батальона.

В первые годы пребывания Шевченко на Мангышлаке служил там субалтерн-офицером. Был участником концертов и других представлений, устраивавшихся в укреплении при деятельном участии поэта-рядового.

Молодой офицер упоминается, как музыкант, в воспоминаниях Е.М.Косарева. ("Киевская старина", 1898, февраль, стр.39).

ГАРТВИГ, Осип Андреевич - нижегородский врач.

Не без участия доброжелателей Шевченко, он подтвердил версию о болезни поэта и тем самым избавил его от грозившей опасности возвращения в Оренбург "до особого распоряжения".

В Дневнике Гартвиг упоминается несколько раз. (V, 144, 147, 157). Шевченко бывал у него дома, между ними установились приятельские отношения. Собственный дом доктора Гартвига находился, как подсказывают справочники, на улице Полевой. (А.С.Гациский. "Нижегородка". Нижний Новгород, 1877, стр.233). Этот адрес заслуживает внимания краеведов, стремящихся выявить и увековечить все места, связанные с пребыванием в их городе сына Украины.

Указания комментаторов на то, что Гартвига звали "Августом Генриховичем" лишены оснований и мешают сбору дополнительных сведений о лице, к которому Шевченко питал добрые чувства. Не исключено, что врач мог быть и в числе тех, кого он портретировал.

ГАРШИН, Евгений Михайлович (1860-1931) - литератор, мемуарист, брат писателя В.М.Гаршина.

Образование получил в Харьковском, а затем Петербургском университетах, преподавал русскую словесность; в конце 70-х гг. начал печататься в газетах и журналах - прежде всего, выступал со статьями и очерками о писателях, с мемуарами о брате, о современниках.

В 1886 году, в XXIII томе "Исторического вестника", Е.Гаршин опубликовал статью "Шевченко в ссылке", используя в ней многие архивные материалы Оренбургского края.

Статья Е.Гаршина ввела в научный оборот ряд интересных фактов периода шевченковской солдатчины. Она же побудила Ф. Лазаревского поделиться своими воспоминаниями, представляющими особую ценность. Уточняя написанное Гаршиным, дополняя его, а кое-где и опровергая, Лазаревский сообщил важные сведения о жизни Шевченко в Оренбурге, о его друзьях и знакомых того периода. Научная публикация этих воспоминаний дана Д.Иофановым в книге "Матеріали про життя і творчість Тараса Шевченка" (стр.19-30).

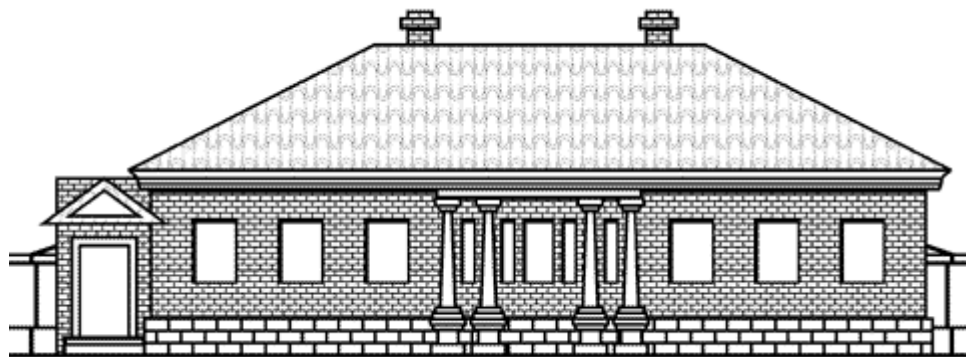
ГЕНС, Дмитрий Григорьевич (1819-1848) - врач Оренбургской Пограничной комиссии.

Отец - Г.Ф.Генс (1787-1845) на протяжении тридцати восьми лет служил в Оренбурге, где в полную силу раскрылся его талант ученого-востоковеда и незаурядного организатора (он был начальником инженерной части Отдельного Оренбургского корпуса, председателем Пограничной комиссии, первым директором Неплюевского военного училища). Дмитрий, закончив медицинский факультет Дерптского университета, также подавал "большие надежды своими способностями". К сожалению, он умер очень молодым, в возрасте 29 лет, во время свирепствовавшей в Оренбурге эпидемии холеры.

(ГАОО, ф.6, оп.10, д.5912; ф.173, оп.11, д.176; С.Н.Севастьянов - "Григорий Федорович Генс". "Труды Оренбургской ученой архивной комиссии". Выпуск XIX, Оренбург, 1907).

Личное знакомство Т. Шевченко с Д.Генсом могло произойти уже в июне 1847, во время короткого пребывания невольника-поэта в Оренбурге перед отправкой его в Орскую крепость и, вероятнее всего, благодаря художнику А. Ф. Чернышеву, считавшему семью генерала Генса родной для себя: Авдотья Матвеевна, жена Г.Ф.Генса (умерла в августе 1848 г. в возрасте 54 лет), доводилась ему крестной матерью, тут он несколько лет воспитывался и потому чувствовал себя как дома.

О Д.Генсе писал 2 декабря 1847 из Оренбурга в Орскую А. Ф. Чернышев: "Генс Вам кланяется, он целое лето жил во внутренней Орде киргизов и недавно только что приехал". ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр.60).

Дом К. Герна, главный фасад

ГЕРН, Карл Иванович (1816-?) - квартирмейстер 23-й пехотной дивизии Отдельного Оренбургского корпуса,

штабс-капитан.

Герн происходил из дворян Витебской губернии, дальний предок еще в 1688 г. получил охранную грамоту от польского короля Яна III. В 1829 г. его приписали к армейской части кондуктором, в 1832 произвели в полевые прапорщики. С 1834 Герн состоял на действительной военной службе. Подпоручик Оренбургской инженерной команды (1835-1840), слушатель Императорской военной академии (1840-1842), он затем (в 1844-м) был назначен квартирмейстером дивизии в Оренбурге. С 1846 - штабс-капитан, с 1850 - капитан, с оставлением в той же должности, с 1853 - майор, чиновник по особым поручениям при генерал-губернаторе.

За годы службы Герн неоднократно отличался при выполнении ответственных заданий: составлении карт Оренбургского края (1844), возведении укреплений (1847-1848) и др. (ГАОО, ф.38, оп.1, д.264, лл.5-11).

Первое знакомство Шевченко с Герном состоялось не в июне 1847, как отмечается в ряде биографических работ на основании неточного утверждения самого Герна. В это время, как явствует из формулярного списка, он находился на Сыр-Дарье и вернулся в Оренбург лишь 12 августа, когда Шевченко уже был в Орской крепости. В эту свою поездку Герн посетил и Мангышлак, был в Новопетровском укреплении.

Знакомство Герна с Шевченко произошло в Орской, либо уже на р.Карабутак. В кибитке строителя Карабутакского форта К.И.Герна (он со своим отрядом вышел из Орской крепости и прибыл сюда на десять дней раньше основного транспорта) состоялась "долгая, самая задушевная" беседа Шевченко с "единственным человеком во всем безлюдном Оренбургском крае". Устами героя повести "Близнецы" Шевченко утверждает: "... Здесь-то я познакомился с ним..." (VI, 109).

Обращает на себя внимание следующая запись в формулярном списке: "1849 года с 10 мая по 3 августа состоял при командире 1 бригады 23 пехотной дивизии генерал-майоре Федяеве, командированном в киргизскую степь для инспектирования Оренбургского, Уральского и Раимского (ныне Аральского) укрепления, откуда, по окончании поручения, возвратился в г.Оренбург". Это весьма убедительное свидетельство встреч Шевченко и Герна в Раиме и на Кос-Арале.

Их дружба стала особенно прочной в оренбургскую зиму 1849-1850. Герн и его супруга предоставили поэту-художнику квартиру в своем доме, который, как нами установлено, находился в Голубиной слободке, по ул.Косой - нынешний адрес: Казаковская, 43. (ГАОО, ф.233, оп.1, д.42, 228).

Не без участия Герна Шевченко познакомился со многими лицами в Оренбурге. Среди восприемников его детей в разные годы значатся М.П.Обручева, Л.И.Федяев, П.А.Майдель, Е.М.Матвеев, И.Ф.Бларамберг, Е.П.Бларамберг и др. (ГАОО, ф.172, оп.3, д.11).

В доме Гернов Шевченко встречался с различными людьми, размышлял о жизни, писал стихи. Флигель дома на несколько месяцев стал мастерской художника Шевченко. Тут он создал галерею портретов и автопортретов, многие виды Арала и степи.

По доносу прапорщика Исаева о том, что Шевченко нарушает "высочайшую волю", сюда вечером 22 апреля нагрянули с обыском. Герн сумел предупредить своего друга, и часть бумаг была уничтожена. В дальнейшем, все годы неволи поэта, он продолжал оказывать Шевченко много услуг. Благодаря Герну сохранились шевченковские "захалывные книжки" и альбом акварельных рисунков, им были сбережены скульптурные его формы.

К.И.Герн, спустя годы генерал-майор в отставке, оставил воспоминания о Т. Г. Шевченко. ("Письмо к М. М. Лазаревскому о Шевченко". "Русский архив", 1898, кн.12, стр.550-555).

ГЕРН, Софья Николаевна - жена К.И.Герна.

Урожденная Курочкина, дочь подполковника, русская, она ко времени знакомства с Шевченко была уже матерью троих детей: Владимира (1845 года рождения), Нины (1846), Александры (1848).

В последующие годы пребывания Шевченко в Оренбургской губернии в семье Гернов родились: в 1852 - Ольга, в 1853 - Василий, в 1855 - Николай, в 1857 - Михаил. (ГАОО, ф.6, оп.10, д.7470).

Живя в доме Гернов, Шевченко общался с Софьей Николаевной; он рисовал ее портрет, который не сохранился.

По воспоминаниям Ф. Лазаревского, непосредственным поводом для доноса, сделанного прапорщиком Исаевым и повлекшего за собой арест поэта в апреле 1850, явилось желание этого "юного Адониса" отомстить Шевченко за разоблачение любовных поползновений его, Исаева, в отношении жены Герна.

Софья Николаевна намного пережила своего мужа. Еще в 1895-м она жила в Оренбурге. И.И.Евфимовский-Мировицкий писал в апреле означенного года М.К.Чалому: "... Сообщу вам за достоверное, что здесь влачит еще старческие дни та красавица (жена адъютанта Обручева Герн), из-за которой Кобзаря как "карикатуриста" выслали в Орск солдатом. К ней я давно уже подбираюсь, и все, что узнаю, сообщу Вам обязательно". (ИЛ, ф.77, д.127, л.58-59 об.). "Подбирался" журналист-краевед слишком долго, почерпнутого из беседы, если она все-таки состоялась, мы не знаем. Это одна из досаднейших упущенных возможностей получения особенно ценного материала - документального, иконографического, мемуарного.

ГЕРН, Мария Ивановна - сестра К.И. и А.И.Гернов, Е.И.Кириш.

В 1849-1850 гг. она жила, главным образом, в семье Елизаветы Ивановны Кириш, но навещалась также в дом Карла Ивановича.

Уже это свидетельствует о знакомстве ее с Т. Шевченко. Знакомство было подтверждено самой Марией Ивановной. Много лет спустя ее навестил на Кавказе Ф. Лазаревский; она жила там у своих племянников - широко, даже российски, известных сыроваров. В 1883 году он сообщал М.К.Чалому: "В Оренбурге Мария Ивановна жила больше у своей сестры Елизаветы Ивановны, бывшей замужем за служившим в Оренбургской Пограничной комиссии поляком Киришей. У Елизаветы Ивановны завсегдаи-гости были ссыльные высшего полета: Станевич, Сераковский, Залеский, Турно, Фишер. Мне хотелось проверить мое показание о том, что я никогда не видел Тараса в солдатском одеянии. Мария Ивановна сказала мне, что Тарас редко бывал у Кириши, но она иначе не помнит его как в солдатской шинели... Верно, что это показание честно и добросовестно. Мария Ивановна такая девушка, которая говорит только то, что знает, но как согласить мое и ее показания?.." (ИЛ, ф.92, д.29).

О М.И.Герн (свидетельствует племянник).

"... Вечно живая, энергичная, веселая и притом умница, добрая, симпатичнейшая идеалистка. Всю жизнь проработала она на других, отказывая себе во всем, в смысле собственных жизненных удобств..." (Архив Академии наук - Петербургское отделение, ф.322, оп.1, д.2, л.58).

ГЕРН, Адольф Иванович - младший брат К.И.Герна.

А.И.Герн родился в 1821 г. Кандидат права Петербургского университета, он в 1845-1849 гг. служил в канцелярии Оренбургского военного губернатора: помощником столоначальника, столоначальником, а затем начальником гражданского отделения. (ГАОО, ф.6, оп.6, д.11812, 12081).

Сведений о знакомстве с ним Шевченко в 1847 г. нет. Ко времени "оренбургской зимы" поэта Герн уже находился вне Оренбурга: в июне 1849 выехал в отпуск, а вскоре последовал перевод на новое место службы, в Петербург.

Герн упоминается в петербургском письме С.П.Левицкого от 6 марта 1850, в котором тот, среди других новостей, сообщает Шевченко, что был у Адольфа Ивановича, показавшегося ему таким же искренним и добрым человеком, как брат, К.И.Герн. ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр.79).

Судя по характеру письма, одной из целей посещения являлось включение А.И.Герна в возможные хлопоты по поводу облегчения участи опального поэта.

Шевченко вспоминает его в письме к Б. Залескому (1855) в связи с попыткой опубликовать "Княгиню". "У Карла есть брат в Петербурге, попроси его, у меня никого там знакомых не осталось". (VI, 118).

ГЕССЕ, Павел Иванович (1801-1880) - черниговский гражданский губернатор, статский советник.

В этой должности Гессе состоял с 1841 г.; впоследствии, с 1855, был киевским гражданским губернатором и дослужился до чина действительного статского советника.

Деятельный участник операции по отысканию и аресту Т. Шевченко в апреле 1847 г. ("Тарас Шевченко. Документи та матеріали до біографії", К., 1982, стр.106-107).

ГЛЕБОВ, Павел Николаевич - ст.чиновник особых поручений, а затем правитель канцелярии Оренбургского и Самарского генерал-губернатора.

Родился Глебов в 1823 г., происходил из дворян. По окончании курса в Императорском училище правоведения служил в канцелярии Правительствующего Сената, затем в Рязани, Киеве, Вологде, снова в Киеве, и оттуда, в январе 1851, прибыл старшим чиновником особых поручений в Оренбург. (ГАОО, ф.6, оп.12, д.2651/4, лл.84-91, 117-118).

Глебов принимал участие в судьбе Т. Шевченко, ходатайствуя об облегчении его участи перед В.А.Перовским (К.И.Герн. "Письмо к М. М. Лазаревскому о Шевченко". "Русский архив", 1898, кн.12).

ГЛОБА, Александр Демьянович - командир третьей роты 5-го Оренбургского линейного батальона, капитан.

Родился Глоба в 1814 г., происходил из дворян Нижегородской губернии, в службу вступил в 1834, по выпуске из Дворянского полка, корнетом. Служил в разных гарнизонах.

Глоба являлся первым ротным командиром "рядового Шевченко" по прибытии его в Орскую крепость в 1847. С этим именем связан начальный период солдатчины поэта.

Под командованием капитана Шевченко служил недолго, так как скоро последовал перевод офицера в запасной батальон Кременчугского егерского полка. ("Т. Г. Шевченко в документах і матеріалах", стр.172-173).

Дослужился до чина майора и должности командира резервного эскадрона 6-го Волынского полка. Прослужив "30 лет 1 месяц 8 дней", Глоба умер в возрасте пятидесяти лет. (РГВИА, ф.395, оп.170, д.544).

ГЛУХОВ, Хрисанф Васильевич - начальник 23-й пехотной дивизии Отдельного Оренбургского корпуса, генерал-лейтенант. ("Адрес-календарь Оренбургского края на 1854 год", стр.249). Дивизию он принял от генерал-лейтенанта Толмачева.

Подпись Глухова значится под письмом к Оренбургскому гражданскому губернатору от 22 июня 1857, содержащим сообщение о том, что "нижних чинов из политических преступников 67 человек оренбургских линейных батальонов и инвалидных команд и рядового батальона № 1-го Шевченку разрешено уволить от службы с тем, чтобы впредь до окончательного увольнения их на родину они имели жительство в г.Оренбурге, с учреждением за ними секретного полицейского надзора". ("Тарас Шевченко. Документи і матеріали", стр.81).

ГНАТОВСКИЙ, Феликс - рядовой 4-го Оренбургского линейного батальона.

Уроженей Люблинской губернии, подпоручик польских войск, Гнатовский был разжалован в рядовые за участие в восстании 1830-1831 гг. Находясь на службе в Сибирском казачьем войске, оказался причастным к обнаруженному там заговору ссыльных и вновь подвергся наказанию: на этот раз - лишением дворянства и отправкой в арестантскую роту Орской крепости. Отсюда, по отбытии четырехлетнего срока, его перевели в 4-й линейный батальон.

За отличие при Ак-Мечети Гнатовский получил унтер-офицерский чин, а в 1857 был уволен в отставку. В 1858 он еще оставался в Оренбурге. Было ему тогда уже 55 лет. (ГАОО, ф.6, оп.18, д.375, лл.16-17).

В 1848-49 Гнатовский находился в Раимском укреплении и, таким образом, являлся сослуживцем Т. Шевченко.

Фамилией Гнатовского открывается "Именной список нижним чинам из политических преступников, отданным в службу за политические преступления, ныне уволенным из оной с учреждением надзора". (Государственный архив Башкортостана, ф.6, оп.1, д.473).

Это те, кто был освобожден одновременно с Шевченко и которым, как ему, надлежало "впредь до окончательного увольнения их на родину" иметь "жительство в Оренбурге" под секретным полицейским надзором. О многих поименованных лицах в энциклопедии имеются отдельные статьи, однако здесь приводим весь список полностью.

Первыми в списке - "происходящие из дворян": унтер-офицеры - Феликс Гнатовский, Северин Буховский, Роберт Корженевский, Иван Тржцинский, Нарцис Двораковский, Александр Годзиевский, Иосиф Петровский, Бонавентур Олишкевич, Юлиан Врончевский, Леонард Яцыно, Валериан Освецынский, Леонард Торновский, Якуб Горецкий, Николай Поплавский, Игнатий Подбельский, Феликс Фиалковский, Игнатий Клоссовский, Петр Гадомский, Феофил Пилитовский, Люциан Новосельский, Константин Глембоцкий, Константин Хилевский, Юзеф Крышевский; рядовые - Игнатий

Бржезовский, Гектор Копец, Иван Эйсмонт, Александр Бем, Эдмунд и Осип Косьминские, Станислав Доморацкий.

Далее в списке - "происходящие из дворян, не утвержденных герольдией": унтер-офицер Ипполит Плащевский, рядовые Эдуард Сулицкий, Феофил Гриневич, Фаддей Чеховский.

Из "обер-офицерских детей" в списке перечислены: унтер-офицеры - Антон Дашкевич, Станислав Цешейко, Александр Храбчинский, рядовые - Адам Минкевич, Доменик Кондробский.

И, наконец, из "прочих" и "неизвестных" сословий в "Именном списке" значатся: унтер-офицеры - Юлиан Козляковский, Николай Домбровский, Генрих Миллер, Эразм Ольшевский, Климентий Урбанович, Юлиан Милицер, Андрей Шафранский, Людвиг Плудинский, Игнатий Рабенцкий, Александр Липчинский, Ян Струмевский, Иосиф Сокольский, Ян Миллер; рядовые - Антон Бышевский, Матвей Томашевский, Адам Миколко, Иван Пастернак, Ян Лесневский, Ян Калиновский, Сильвестр Добушинский, Юрий Витковский, Матвей Рыбачек, Франц Гутовский, Антон Янкевич, Христофор Грунден, Антон Тыменецкий, Фома Уланович, Ксаверий Храшевский.

ГОДЗИЕВСКИЙ, Александр - рядовой 1-го Оренбургского линейного батальона.

Уроженец Минской губернии, дворянин Годзиевский (род. в 1816 г.) был отдан в 1850-м на военную службу за участие в тайном обществе в Вильно. Служил в Уральске и Новопетровском укреплении. В отставку уволен в 1857; некоторое время находился под надзором в Оренбурге; на родину выбыл - без снятия надзора - в августе того же года. (ГАОО, ф.6, оп.18, д.375).

А.Годзиевский был одним из сотоварищей Т. Шевченко во время пребывания поэта в Новопетровском укреплении.

ГОЛИЦЫН, Владимир Федорович (1834-1876) - князь, адъютант Нижегородского военного губернатора.

Голицын принадлежал к тринадцатому (а от Гедимины - двадцатому) "колену" старого и знатного дворянского рода. Отец - Федор Андреевич, мать - Аделаида Петровна (урожд. Загряжская). С юности находился на военной службе. В конце сороковых - начале пятидесятых состоял в Бородинском егерском полку. Участвовал в боях под Севастополем, где получил ранения. Женится Голицын в 1852 г. на И.А.Мойсеевой и жил с женой в Нижнем Новгороде. Умер и похоронен в родовом поместье Троицком, Кашинского уезда, Тверской губернии ("Род князей Голицыных", составил Н.Н.Голицын, т.1, СПб, 1892, стр.196, 220).

Шевченко отзывался о В.Ф.Голицыне как о "весьма милом молодом человеке". (V, 165, 167, 169).

ГОЛИЦЫНА, Иллария Аполлоновна, урожд. Мойсеева - жена В.Ф.Голицына.

Ее имя, в Дневнике не упоминаемое, вносится в энциклопедию в связи с тем, что поэт бывал в нижегородском доме Голицыных, хозяйкой которого являлась Иллария

Аполлоновна. В связи с этим она также может быть причислена к кругу знакомых Шевченко того периода.

ГОЛИЦЫНА, Лидия Федоровна (1837-1889) - княжна, младшая сестра В.Ф.Голицына.

До замужества, последовавшего в марте 1858 года, она жила в Нижнем Новгороде. Выйдя замуж за нижегородского помещика коллежского советника М.А.Мессинга, переехала в Москву. Последние годы прожила в г.Лукоянове, Нижегородской губернии; там же умерла и похоронена. ("Род князей Голицыных", составил Н.Н.Голицын, т.1, СПб, 1892, стр.220).

Шевченко познакомился с Лидией Федоровной в семье ее брата и в своих дневниковых записях оставил теплые, сердечные характеристики этой представительницы княжеской семьи; как раз в те дни (17 ноября) ей исполнилось двадцать лет.

"Вслед за мной зашла к нему (В.Ф.Голицыну - Л. Б.) сестра его, чернобровое, милое задумчивое создание. О чем грустит, о чем задумывается эта едва развернувшаяся сантифолия?" (V, 165).

"... Полюбовавшись на это кроткое создание, я во весь день был счастлив. Какое животворное чудное влияние красоты на душу человека" (V, 167).

Не исключено, что Шевченко рисовал Лидию Голицыну, хотя указаний на это ни в Дневнике, ни в мемуарных источниках нет.

ГОЛОВ, Андрей Степанович - прапорщик Корпуса топографов.

Родился в 1816 г., происходил из "солдатских детей", воспитывался в первой полуроте Корпуса топографов. В 1834 он уже топограф, в 1836 - унтер-офицер, в 1847 - прапорщик. Непрерывными трудами на протяжении более чем тридцати лет дослужился до чина генерал-майора. Закончил службу в должности начальника укрепления Джулек, кавалером орденов Св.Анны 3 ст. с бантом, Св.Станислава 2 ст. и других. ("Исторический очерк деятельности Корпуса военных топографов", СПб, 1872, приложение, стр.46, 105; ГАОО, ф.38, оп.1, д.266).

Голов принял деятельное участие в исследовании Аральского моря и его берегов. На сей счет в его формулярном списке имеется развернутая запись:

"В 1847 г. 25 мая выступил из крепости Орской в колонне, бывшей под начальством генерала Жуковского, и следовал вверх по реке Ори и потом вниз по течению реки Иргиз до укр. Уральского, куда и прибыл 14 июня. Здесь поступил в 1-ю колонну под начальством командира Отдельного Оренбургского корпуса генерала от инфантерии Обручева. Выступив из укрепления 14 июня, следовал через пески Кара-Кум до урочища Раим, куда и прибыл 3-го июля, приступив к съемке помянутого урочища и полуострова... По возведении Раимского укрепления был оставлен в этом укреплении для производства съемок по Сыр-Дарье...

В 1848 г. был начальником команды уральских казаков, посланных на шхуне "Николай" для прислуги при топографических работах и производил съемку и промеры по северному побережью Аральского моря и островов Куч-Арала и Барса-Кельмес... По окончании этой съемки и составлении плана возвратился в Оренбург 1848 г., октября, 25-го..."

В следующем, 1849-м, Голов вернулся на Аральское море для продолжения своих работ, которые подробно описаны в указанном выше архивном деле № 266.

Вместе с другими топографами запечатлен в шевченковских акварелях и рисунках (т.8, лл.24, 30, 172, 173).

ГОЛОВАЧЕВ, Андриан Филиппович (1820-1889) - русский ученый-зоолог.

С 1849 г. Головачев являлся кандидатом Московского университета и членом Московского общества испытателей природы. В 1854 занял профессорскую кафедру в Ярославском Демидовском лицее. Прослужив здесь много лет, вернулся в Москву и с 1872 был помощником библиотекаря Московского университета.

О заслугах Головачева-зоолога достаточно подробно сообщается в книге: "Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знания (1850-1883), собранные А.Богдановым" (т.3-й, М., 1891).

Осенью 1852 Головачев побывал с научными целями на Мангышлаке, где и встретился 1 октября с Т. Шевченко, о котором мог узнать от профессора-филолога О.М.Бодянского. "Я с ним (Головачевым - Л. Б.) провел один только вечер, т.е. несколько часов, самых прекрасных часов, каких я уже давно не знаю, - делился поэт 15 ноября того же года с Бодянским. - Мы с ним говорили, говорили, и, Боже мой, о чем мы с ним не переговорили!" (VI, 80). Самому Головачеву Шевченко в тот же день писал: "... Проведенный вечер с вами мне снился несколько ночей сряду, и живо представлялась мне давно забытая картина человеческой жизни...

От души благодарю за эту великую радость! Слушая вас в тот достопамятный вечер, я переселялся в Москву и Питер, видел и театры, и мою Академию, и все, что благородит человека. Благодарю вас!" (VI, 81). Слова из послания к Бодянскому ("Он сообщил мне все, что есть нового и хорошего в литературе, на сцене и вообще в искусстве...") подкрепляются упоминанием в письме к Головачеву пьес А.Н.Островского, стихотворений Н.Ф.Щербины, скульптур Н.А.Рамазанова.

"Вы обещали посетить наше укрепление на будущее лето, как я рад буду Вам!" - писал Шевченко в том же, единственном известном нам, письме к Головачеву. Однако вторичный приезд его в Новопетровское укрепление в 1853 не состоялся. Академическая биография 1964 года, утверждая на стр.288 обратное, неправоммерно повторяет ошибку, допущенную при первой публикации шевченковского письма, осуществленной в выпуске 23 - 1960 г. - "Записок Отдела рукописей Государственной ордена Ленина Библиотеки СССР имени В.И.Ленина". На этот счет имеется совершенно определенное свидетельство самого Шевченко. В письме к Бодянскому от 1 мая 1854 он вспоминал встречу с Головачевым, которая, по его же словам, произошла "позаторик", т.е. в позапрошлом году. (VI, 100). Упоминаемые здесь книги, полученные "от Головачева", были им не привезены, а пересланы - почтой или с кем-то из экспедиции К.М.Бэра.

О личных встречах Шевченко с Головачевым после освобождения поэта свидетельств нет. Известно только, что в ноябре 1858 они встретились на страницах "Русского вестника" в списке лиц, выразивших протест против антисемитских статей журнала "Иллюстрация" (VI, 354-355).

В заключение, объясняя причины, по которым мы здесь не цитируем взволнованные строки А.Ф.Головачева, написанные сразу после смерти поэта (они приводятся в уже

упомянутой Биографии Т. Г. Шевченко - АН Украины, 1964, стр.603), считаем нужным сказать, что принадлежат они не Андриану Филипповичу, а Аполлону Филипповичу Головачеву - одному из прогрессивных журналистов своего времени. Некоторое время тому назад именно он назывался рядом исследователей в качестве адресата шевченковского письма от 15 ноября 1852; его имели в виду, когда говорили об этом знакомом Шевченко новопетровских лет.

ГОЛОВИНСКИЙ, Василий Андреевич - петрашевец, рядовой 3-го Оренбургского линейного батальона.

Молодой сенатский чиновник, готовивший себя к степени магистра политической экономии, он был сторонником самых решительных мер по ликвидации крепостного права, считая что "для освобождения крестьян все меры хороши", но кладя в основу всего "одну меру только - восстание самих крестьян". (В.Р.Лейкина-Свирская - "Петрашевцы", стр.115-117).

За принадлежность к кружку Бутаевича-Петрашевского Головинский в 1849 был сослан рядовым в Отдельный Оренбургский корпус, где пробыл с 1849 по 1851, после чего получил перевод на Кавказ и лишь в 1857, по производству в унтер-офицеры, смог выйти в отставку и заняться юридической деятельностью. Впрочем, "въезд в обе столицы и жительство в них" Головинскому были воспрещены. (ГАОО, ф.6, оп.6, д.13486).

В пользу знакомства Т. Шевченко с В.Головинским, которое могло состояться лишь в период "оренбургской зимы" 1849-50, говорят одновременное и довольно длительное проживание их в одном городе, предположительная осведомленность о Головинском через близкого к петрашевцам А. И. Макшеева, в то же время находившегося в Оренбурге, а также наличие в третьем батальоне ряда других знакомых Шевченко из числа "политических".

ГОЛУБОВ, Павел - приказчик рыболовецкой компании на Аральском море.

"Уральский казак, который провел всю жизнь на рыбных промыслах", - характеризовал его в письме от 3 октября 1848 г. А. И. Бутаков. (РГАВМФ, ф.4, д.82).

Голубов и другой приказчик, Захряпин, вели деятельную работу по изысканию "мест, более удобных для ловли" и, действуя в повседневном контакте с экспедицией Бутакова, непрерывно расширяли зоны промысла. (ГАОО, ф.6, оп.10, д.6134). Кроме того, Голубов с рабочими участвовал и в других предприятиях экспедиции.

Так, ими был обнаружен каменный уголь на мысе Куланы. (ГАОО, ф.10, оп.10, д.5979).

На Аральском море Шевченко впервые близко познакомился с рыбаками.

"Ватага состояла из 20 работников, считая в том числе приказчиков и кормщиков, и при них находилось, кроме шхуны "Михаил", несколько кочевых лодок, на которых отважные рыбаки пускались даже в открытое море...

Кос-аральские рыбаки, прибывшие сюда из приволжских губерний, не унывали в неприятной чужой и дальней стороне и если забиралась иногда к ним в душу тоска, то заливали ее чарою зеленого вина..." (А. И. Макшеев. "Путешествие по Киргизским степям и Туркестанскому краю", стр.54).

О том, что Шевченко интересовался рыбацкими буднями, свидетельствуют, в частности, его зарисовки шхуны "Михаил", а также лодок - простых и под парусами (т.8, лл.107, 120-122, 130-132 и др.). В том же томе - наброски, которые могли быть сделаны Шевченко на палубе рыболовной шхуны (лл.97, 132 и др.).

Нужно сказать, что рабочие рыбных промыслов Арала были, вероятно, первой значительной группой рабочих, с которой Шевченко познакомился в период солдатчины. В Оренбурге и Орской крепости с рабочими он общаться не мог.

ГОЛЫНСКАЯ, Прасковья (Полина) Михайловна (1822-1892) - племянница жены нижегородского военного губернатора А.Н.Муравьева, впоследствии фрейлина.

Голынская была одной из культурнейших женщин Нижнего Новгорода. Она обладала разносторонними способностями: играла, пела, участвовала в любительских спектаклях, являлась знатоком и ценителем театра.

В Дневнике Т. Шевченко Голынская названа дважды: как одна из устроительниц благотворительного спектакля, к подготовке которого был привлечен он сам (V, 178), и как та, которой М. С. Щепкин передал через друга-поэта свой портрет. (V, 186). Дополняют характеристику ее роли в культурной жизни Нижнего Новгорода также сведения, почерпнутые из шевченковской переписки. В своем

письме к Шевченко, касаясь волновавшей его судьбы артистки Пиуновой, М. С. Щепкин отмечал: "... вспомни, что в этом болоте существуют г-жа Дорохова, Голынская и семейство Брылкиных, что они все дали слово принимать в ней участие и помогать к развитию ее таланта, а это не безделица..." ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр.128). В нижегородских письмах 1858 г. к Щепкину поэт называет Голынскую среди друзей великого артиста, передает ее приветы и поцелуи. (VI, 195, 196, 199).

Правомерно предположить, что Т. Шевченко мог портретировать П.М.Голынскую, что у нее были работы, им выполненные. Это делает особенно заманчивым поиски личного ее архива, который в настоящее время неизвестен. Обнаружение писем Голынской нижегородского периода, находящихся в Отделе рукописей ГБЛ (ф.336, к.10, д.3-а), убеждает в необходимости дальнейших разысканий - на наш взгляд, перспективных.

ГОЛЯХОВСКИЙ, Петр Петрович - чиновник Общества заводской обработки животных продуктов в Петербурге, коллежский секретарь.

По делам службы Голяховский не раз приезжал в Нижний Новгород, был связан с обществом "Меркурий", а впоследствии, в августе 1858 г., сам изъявил желание перейти в объединенное пароходное общество "Кавказ и Меркурий". (РГИА, ф.101, оп.1, д.684, лл.50-51, 210).

Т. Шевченко познакомился с Голяховским в октябре 1857 и получил от него ряд сведений о бесцензурной русской печати за рубежом. В Дневнике фамилия этого человека приводится неточно: Голиховский. (V, 152).

ГОЛЯХОВСКАЯ (имя-отчество не установлены) - жена П.П.Голяховского.

Т. Шевченко восхищался ею: "мужественная брюнетка, родом молдаванка, и такой страстно-чувственно-электризующей красоты, какой я не встречал еще на своем веку", "удивительная огненная женщина", "бурная, огненная молдаванка". Все это из одной записи, за 16 октября (V, 152). Не исключено, что художник выполнил ее портрет (хотя определенных сведений на сей счет нет).

ГОНИБЕСОВ, Константин Дмитриевич - горнорабочий экспедиции А.И.Антипова, мастерской Миасского завода.

Во время командирования его "для исследования каменно-угольных формаций, открытых на северо-восточном берегу Аральского моря и полуострове Мангышлак" (1850) Гонибесов имел от роду 22 года. Дома оставил жену, Пелагею, и новорожденную дочь.

Не зная грамоты (не мог даже поставить свою подпись), он "по отличному поведению, способностям, знанию дела и усердию" рекомендовался в 1854 горным инженером Антиповым в урядники, но повышения не получил. О тяжести жизни горнорабочих свидетельствует такой факт: получив отпуск для поездки к семье, Гонибесов вынужден был отказаться "за неимением средств" (ГАОО, ф.6, оп.10, д.6899).

На протяжении трех с половиной месяцев - с 21 мая по 7 сентября 1851 - Шевченко ежедневно общался с Гонибесовым и его товарищами по экспедиции в горы Каратау Кормышевым, Трубеевым, Слигиным, работал вместе с ними, делал с них зарисовки. Возможно, что были они и натурщиками Шевченко во время его работы над такими произведениями, как "Цыган", "Песня молодого казаха" и др. Названные рабочие безмянно присутствуют в рисунках и этюдах, сделанных летом 1851 (т.9, лл.10, 14, 18, 71, 73, 100, 101 и др.).

Знакомство со штейгером Козловым, а также мастеровыми-горнорабочими Гонибесовым, Трубеевым, Кормышевым, Слигиным было первым знакомством Шевченко с заводскими, горными рабочими России.

ГОРДОН, Якуб - см. Ятовт М.

Автор книги "Soldat czyli szesc lat w Orenburgu i Uralsku" (Липск, 1865) - ценного источника по истории оренбургской ссылки.

В главе девятой, озаглавленной "Ханыков в ссылке. Тарас Шевченко", говорится о состоявшейся в 1850 году встрече его с поэтом, который представлен тут не только "выдающейся жертвой деспотизма", но и несгибаемым революционером. Это единственное свидетельство современника, встретившегося с Шевченко в Уральске.

ГОРНИЧНАЯ - см. Жуйкова О.П.

Толкование упоминания "горничной" в дневниковой записи Т. Шевченко от 15 июня 1857 г. (V, 17) дано в статье о Жуйковой.

ГОРОНОВИЧ, Андрей Николаевич (1818-1889) - русский художник.

В 1835 году Горонович окончил Нежинский лицей. В Академии художеств был учеником К.П.Брюллова. Посвятив себя акварельной живописи, уже в стенах Академии создал

интересные работы, удостоенные наград на выставках. В Оренбургской губернии Горонович работал с 1851 по 1860 гг. В 1853 участвовал в походе на Ак-Мечеть, выполнив в это время большое количество акварелей и зарисовок. В 1855 им была написана картина "Отдых бухарского каравана в киргизской степи". Этапной в творческой биографии художника явилась картина "Меновой двор в Оренбурге" (1860). Она принесла ему звание академика. Ни его биография, ни творчество полностью пока не изучены. Значительный вклад в это дело внес Г.Н.Чабров своей диссертацией "Изобразительные источники по истории Средней Азии и Казахстана XVIII - первой половины XIX века", где Гороновичу посвящен отдельный раздел (рукопись, стр.174-194).

Т. Шевченко был знаком с Гороновичем в период учения в Академии художеств. В оренбургские годы они не встречались. Но в письмах к друзьям, посланных из Новопетровского укрепления, Шевченко о нем упоминает. Характеристики - нелестные. "Перовский привез с собою в Оренбург некоего Гороновича, тоже моего товарища по академии, и когда его спросили, не знаком ли он со мною, то он просто сказал, что и не видал меня никогда. И такие бывают люди на свете!" (Из письма 1853 г. к С.С.Гулак-Артемовскому - VI, 84). "Как живописца я его не знаю, а как человек он дрянь, это я знаю; но Бог с ним" (Из октябрьского письма 1854 г. к Б. Залескому - VI, 104). Шевченко, очень чуткий к фальши, не мог примириться с выказанным Гороновичем равнодушием к нему и его участи.

Но все-таки судьба академического товарища безразличной для него не была. Вероятно, не в одном письме из Оренбурга читал он о Гороновиче, его делах и планах. И вот: "Гороновичу скажи, что в Бельгии и прославленным художникам делать нечего ... Впрочем, поклонися ему" (Из январского письма 1854 г. к Б. Залескому - VI, 92). Тут, несмотря на неприязнь (или обиду), совершенно определенный совет, продиктованный озабоченностью судьбой человека. Равнодушия к людям Шевченко не терпел.

ГОРЧИНСКИЙ, Винцентий Францевич - бригадный адъютант первой бригады 23-й пехотной дивизии, капитан.

В 1850 г. Горчинский участвовал в переписке по делу о нарушении Шевченко запрещения писать и рисовать; его подпись значится под "Списком нижним чинам 4-го батальона, остающимся по болезни и не могущим следовать в степные укрепления, на место коих назначены из такового же батальона № 5" и другими документами в следственном деле. (ИЛ, ф.1, д.406; ГАОО, ф.173, оп.11, д.183).

ГОРШКОВ, Константин - рядовой 5-го Оренбургского линейного батальона.

Горшков был в 1850 г. одним из союзников Шевченко на главной гауптвахте Орской крепости. Под стражей он содержался с 10 июня "за побег со службы". Следствие производил поручик пятого батальона А.А.Григорьев. Оно было закончено еще до того, как поэта из-под ареста освободили; при нем Горшков ожидал решения своей участи "высшим начальством". (ИЛ, ф.1, д.512).

ГОФМЕЙСТЕР, Аполлинарий (Аполлон) Павлович (1825-1890) - польский ссыльный в Орской крепости и Оренбурге.

Родился в Брест-Литовске, Гродненской губернии, в семье офицера российской армии Павла Федоровича Гофмейстера и его жены Марии. Образование получил в Варшавской

гимназии и Берлинском университете, который не окончил. В 1845 г. активно включился в деятельность студенческого кружка и год спустя выехал в Литву для участия в подготовке восстания против самодержавной власти. Работа молодого эмиссара закончилась арестом, двухлетним тюремным заключением, а затем отправкой в Отдельный Оренбургский корпус и семью годами в арестантских ротах Орской крепости и Оренбурга, куда прибыл в начале 1848. От службы здесь был уволен в 1857, когда, по амнистии, и вернулся на родину.

Своей политической деятельности он, однако, не прекратил. Во время польского национально-освободительного восстания 1863 был назначен повстанцами брест-литовским губернским общественным начальником. В 1864 его арестовали вторично, на сей раз отправив в Сибирь - Усолье, а затем Тобольск. Только в 1873, благодаря содействию австрийского посольства, последовало освобождение.

Последние годы жизни Гофмейстер провел в Кракове, где и умер в нужде.

В Орской крепости Аполлинарий находился одновременно с Т. Шевченко, и друг о друге они знали. В его судьбе принял участие комендант Г. Г. Левитский, что стало причиной предания его военному суду и, затем, смерти. В Оренбурге (1849-1850) Гофмейстер имел возможность общаться с поэтом Украины и его польскими друзьями, о чем даже намеревался рассказать в своих мемуарах. Об этом он писал в 1882 польскому историку А. Гиллеру. Замысел остался неосуществленным (Г.И. Марахов. "Т. Г. Шевченко в колі сучасників", К., 1976, стр.35; РГВИА, ф.395, оп.154, д.421, 1848 г.).

Мария Гофмейстер - коменданту Г. Г. Левитскому (21 марта 1848):

"...Позвольте несчастной матери несчастного пострадавшего сына обратиться к Вам с просьбою облегчения участи нашей, сколько человеколюбие и благородные чувства позволят. Сын наш Аполлон Гофмейстер сослан в крепость Орск к крепостным работам, не знаю, прибыл ли уже к Вам, а если нет, то вероятно скоро прибудет. Не откажите просьбам бедных родителей, позвольте ему уведомить нас о своем здоровье. Несколько слов его руки принесли бы большое облегчение в нашем тяжелом горе.

Посылаю для него 15 руб. серебром. Позвольте ему оныя употребить на доставление себе выгод, хотя в малой доле, к которым привык, тем более, что, пробыв два года в заточении, вдруг выслан на невыгодную и в дурное время такую дальнюю дорогу, мог сильно пострадать здоровьем.

Надеюсь на милосердие божеское, оно внушит добрым людям сострадание к несчастным, и Вы удостоите нас ответом и словами утешения, столь нужными для поддержки сил истощенных продолжительным бедствием несчастных родителей..." (РГВИА, ф.395, оп.154, д.421, л.6-6 об.).

ГРАНТ, Александр Александрович - один из организаторов волжского судоходства, пароходовладелец и предприниматель.

Биография Гранта пока не установлена, однако несомненно то, что он принадлежал к тем англичанам-специалистам, которые нашли в России свою вторую родину и сделали немало полезного для ее экономического развития.

Б.Н.Чичерин, общавшийся с Грантом в конце шестидесятых - начале семидесятых годов, характеризует его, как человека, который приобрел "на Волжском пароходстве репутацию высокой честности и деловитости". В те годы он, уже "состарившийся и оглохший", жил в Петербурге, где, в качестве представителя от акционеров, являлся одним из директоров правления Тамбово-Саратовской железной дороги и был тут "главным дельцом". ("Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Земство и Московская Дума". М., 1934, стр.50-51).

Это пока единственный, известный нам, источник сведений о Гранте, который в литературе о Т. Шевченко неизменно рекомендуется как "лицо неизвестное". Между тем Гранту ("Гранду") посвящена одна из важных записей шевченковского Дневника:

"Сегодня (3 ноября 1857 - Л. Б.) воскресенье, и я, как порядочный человек, причепурился и вышел из дому с намерением навестить моих добрых знакомых. Зашел я к первому мистери Гранду, англичанину от волоска до ногтя. У него, у англичанина, я в первый раз увидел сочинения Гоголя, изданные моим другом П.Кулишем... У него же, у Гранда, и в первый же раз увидел "Полярную звезду" Искандера за 1856 год, второй том. Обертка, т.е.

портреты первых наших апостолов-мучеников, меня так тяжело, грустно поразили, что я до сих пор еще не могу отдохнуть от этого мрачного впечатления..." (V, 160).

Характеристика, данная Гранту поэтом (встречавшимся с ним в Нижнем Новгороде, очевидно, не раз) вызывает большой интерес к этой личности. Обнаруженные сведения, проясняя, о ком идет речь в записи, открывают возможности более плодотворных поисков материалов о "мистере Гранде". Не исключено, что "Полярную звезду" и другие герценовские издания он получал непосредственно из Англии, где все это и выпускалось.

ГРАСС, Илья Петрович - служащий пароходного общества "Меркурий", зять Н. А. Брылкина.

В десятилетнем возрасте (род. в 1829) он, сын мелкопоместного дворянина Московской губернии, был определен кадетом в морской корпус. В 1844 его произвели в гардемарины, в 1846 - в мичманы. Во время пребывания в морском корпусе ходил на кораблях между Петербургом и Кронштадтом, в 1846-1848 служил на Черном море, в 1848-1849 - на Дунайской флотилии. Затем Грасс был переведен с чином прапорщика в Бородинский егерский полк. ("Общий морской список", ч.9, СПб, 1898; РГАВМФ, ф.406, оп.3, д.290, № 105).

Уйдя в отставку, он поступил в нижегородскую контору общества "Меркурий", где успешно продвигался по служебной лестнице.

Грасс проявлял интерес к литературно-политической деятельности Н.А.Добролюбова и Н.Г.Чернышевского.

Т. Шевченко познакомился с ним в Нижнем Новгороде и поддерживал знакомство в течение всего периода пребывания в этом городе. (V, 144, 145, 158, 206). В записях за 1 и 2 октября 1857 сообщается, что Шевченко нарисовал портрет этого своего знакомого. Судьба портрета неизвестна.

ГРАСС, Мария Александровна, урожд. Брылкина - жена И.П.Грасса, сестра Н. А. Брылкина.

Т. Шевченко был знаком с нею в Нижнем Новгороде, встречался в домах Брылкиных и Грассов, в театре и других местах.

М.А.Грасс упомянута в записи Дневника за 12 января 1858 г. (V, 187). Шевченко мог рисовать портрет молодой женщины (точных сведений об этом нет).

ГРЕКОВА, Ирина Афанасьевна (1823-1870) - родственница Станкевичей, близкий друг семей Огаревых, Сажиных, Щепкиных, жена известного московского юриста П.Н.Грекова.

Наиболее подробную характеристику Грековой оставила Н.А.Тучкова-Огарева:

"... Ее наружность была необыкновенно симпатична, хотя нельзя было назвать ее красивой; выражение ее лица было исполнено доброты, приветливости. Кроме того, к ней влекло меня и всех знающих ее потому, что у нее был замечательный музыкальный талант: редко чистый, мелодичный, сильный голос, контральто, что для меня - и для всех понимающих музыку - выше лучшего исполнения на любом инструменте. Я любила слушать ее, особенно когда она пела страстные и грустные малороссийские песни; из всех этих мотивов меня поразила одна заунывная песня, начинающаяся словами: "Вы простите, мои детки". Это была любимая песня Тимофея Николаевича Грановского; в грустном, тяжелом настроении духа нельзя было дослушать ее до конца, так как она потрясала все фибры человеческого существа..." (Н.А.Тучкова-Огарева. "Воспоминания". М., 1959, стр.163).

Эти воспоминания относятся к 1860 году, когда Грековы ездили за границу и там встречались со многими людьми, близкими к А.И.Герцену.

От той же Огаревой-Тучковой знаем мы и о том, как закончилась жизнь Грековой: "Как редко-светлое явление между людьми, Ирина Афанасьевна

недолго радовала окружающих своей симпатичной натурой, своим задушевым, глубоко потрясающим пением. Вскоре после ее замужества доктора запретили ей петь, или, лучше сказать, много петь, - вовсе не петь было для нее все равно, что не жить...

Года два после нашего свидания в Гейдельберге, в Москве состоялся какой-то концерт, устроенный любителями музыки; Ирина Афанасьевна принимала тоже в нем участие. Она запела своим звучным, симпатичным голосом; вдруг голос ее оборвался, и она склонилась; все бросились к ней, но она уже не дышала..." (Там же, стр.163-164).

Для характеристики И.А.Грековой бесспорно важными представляются письма ее к А.В.Станкевичу, датированные 1851-1859 гг. (ГИМ, ф.351).

Т. Шевченко познакомился с Ириной Афанасьевной в один из первых дней по приезде в Москву, в доме М. С. Щепкина.

"Сегодня вечером, - записывал поэт 15 марта 1858. - пригласил он (Щепкин - Л. Б.) для меня какую-то г.Грекову, мою полужемлячку, с тетрадью малороссийских песен. Прекрасный, свежий, сильный голос, но наши песни ей не дались, особенно женские.

Отрывисто, резко, национальной экспрессии она не уловила. Скоро ли я услышу тебя, моя родная задушевная песня?" (V, 212).

О других встречах Шевченко с Грековой сведений у нас нет, но такие встречи могли быть.

ГРИГОРОВИЧ, Василий Иванович (1786-1863) - профессор и конференц-секретарь Академии художеств.

Помня доброе его отношение к себе еще в петербургские годы, деятельное участие в освобождении из крепостной неволи и практическую помощь в развитии собственного художественного дара, Шевченко не забывал Григоровича на протяжении всех лет солдатчины. Подтверждением тому - письма к С.Гулаку-Артемовскому (6 октября 1853) и Ф.Толстому (12 апреля 1855), запись в Дневнике 5 июля 1857, повесть "Художник". В апреле 1855, из Новопетровского укрепления, Шевченко написал ему письмо, в котором просил ходатайствовать перед В.А.Перовским об облегчении его "горькой участи". "Не дайте задохнуться от отчаяния в этой безвыходной пустыне" (V, 115).

ГРИГОРЬЕВ, Андрей Антонович - поручик 5-го Оренбургского линейного батальона.

В качестве "депутата" участвовал в проводившихся комендантом Орской крепости полковником Недоброво допросах Ханыкова, Завадского и других участников "орского кружка", связанного с Шевченко в период вторичного пребывания его в этой крепости, в 1850 г. (ГАРФ, ф.109и, I эксп., д.82).

ГРИГОРЬЕВ, Василий Васильевич (1816-1881) - ученый-востоковед, председатель Оренбургской Пограничной комиссии в 1854-63 гг.

Григорьевым было написано 200 работ, среди которых наиболее выделяются труды по истории и культуре народов Средней Азии и, прежде всего, казахов. По возвращении из Оренбурга он читал университетский курс истории Востока, организовал Международный съезд ориенталистов, был избран членом-корреспондентом Петербургской Академии наук. В последние годы жизни - начальник Главного управления по делам печати. (Б.И.Веселовский, "Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам", СПб, 1887; ГАОО, ф.6, оп.6, д.13427, лл.24-27).

О каких-либо прямых связях Шевченко и Григорьева неизвестно. Однако указание биографа на круг близких знакомых последнего (Залеский, Герн, Глебов) дает основание полагать, что и В.В.Григорьев вовлекался в хлопоты об облегчении участи поэта.

Еще более убеждает в этом его участие в судьбе сосланного в Оренбургскую губернию польского поэта Э.Желиговского, с которым Шевченко заочно подружился во время своей солдатчины. Нами обнаружено и опубликовано письмо В.В.Григорьева к В.А.Перовскому от 9 октября 1854, в котором он просил о переводе Желиговского из Уфы в Оренбург для зачисления на службу в Пограничную комиссию. (ГАОО, ф.6, оп.18, д.351).

ГРИШКОВ (имя и отчество не известны) - квартальный надзиратель полиции г.Киева.

17 апреля 1847 г. он доставил Т. Шевченко в III отделение.

Его имя фигурирует в "квитанции № 607" за подписями чиновников этого отделения Попова и Нордстрема: "Дана сия квартальному надзирателю киевской полиции Гришкову в том, что доставленный им в сопровождении одного жандарма из Киева художник

Шевченко с его бумагами и вещами принят в исправности в III отделение с.е.и.в. канцелярии". ("Кирило-Мефодіївське товариство", т.2, К., 1990, стр.198-199). Не исключено, что Гришков ("квартирный надзиратель" в воспоминаниях А.Салтановского) участвовал в аресте Шевченко 5 апреля 1847. ("Тарас Шевченко. Документи та матеріали до біографії", К., 1982, стр.105). Однако некоторые обстоятельства ареста в этой заметке доверия не вызывают.

ГРОМОВ, Яков Иванович - главный врач Оренбургского военного госпиталя, надворный советник.

В Отдельном Оренбургском корпусе Громов служил с 1830 г. Его исправная деятельность была отмечена знаками беспорочной службы. Особенно отличился он во время эпидемии холеры. (ГАОО, ф.6, оп.6, д.12636/8, лл.56-об.).

Учитывая знакомства Т. Шевченко с военными медиками, именно к Громову можно применить слова из повести "Близнецы", касающиеся "главного доктора". Получая письма от Зосима Сокиры, врача оренбургского госпиталя, его родители на Украине представляли себе все: "Даже и то, как ему делает словесный выговор главный доктор за то, что у него на мундире одна пуговица расстегнулась... у этих главных хоть ангелом будь, а все-таки без выговору не обойдется". (IV, 96).

ГРУДЗИНСКИЙ, Фаустин Грацианович - рядовой 5-го Оренбургского линейного батальона.

Дворянин Подольской губернии Ф.Грудзинский и его земляк И.Бржозовский "оказались виновными в том, что первый из них хранил у себя запрещенные книги и стихи, и что оба они отобрали эти бумаги от человека, посланного для представления оных к становому приставу". В 1848 г. Грудзинский был отдан на военную службу.

В Орскую крепость Грудзинского доставили в ноябре 1849. Здесь он вошел в кружок политических ссыльных во главе с А.В.Ханыковым и И.Л.Завадским. Впоследствии, в 1850, члены кружка были связаны с Шевченко.

Во время следствия над участниками кружка у Грудзинского ничего недозволенного обнаружено не было, и он понес более "мягкое" наказание - получил перевод в дальний батальон того же Отдельного Оренбургского корпуса, откуда в 1856 был переведен в 7-й Тарутинский егерский полк. (ГАОО, ф.6, оп.12, д.1388). В конце 50-х годов, уже в офицерском чине, Грудзинский вышел в отставку, вернулся на родину, но и в дальнейшем оставался под надзором. (ГАРФ, ф.109и, I эксп., д.82, лл.1-82).

ГРУНОВСКИЙ, Алексей - рядовой 1-го Оренбургского линейного батальона.

В Новопетровском укреплении Груновский служил писарем и являлся певчим в церкви. По его словам, он был сослуживцем Шевченко в течении всего этого периода солдатчины изгнанника.

Уже в возрасте 85 лет, находясь в нижегородском военном лазарете, старик рассказывал сотруднику газеты "Волгарь" о том, что еще сохранила его память. Не добавив ничего существенного к воспоминаниям других людей, знавших Шевченко на Мангышлаке,

Груновский сумел передать отношение к нему солдат, которые, мол, считали Тараса Григорьевича хорошим, добрым человеком.

"Бывало ни одного солдата не пропустит, чтобы не пошутить с ним да не побалагурить... Ну, и почет ему большой был..." ("Киевская старина", 1900, декабрь, стр.154-155).

ГУЛАК-АРТЕМОВСКИЙ, Семен Степанович (1813-1873) - композитор, драматург, оперный певец, драматический артист.

Родился в с.Городище, Киевской губернии, в семье священника Артемовского, учился в Киевском духовном училище, а затем в Киевской духовной семинарии. Редкостный голос, услышанный М.В.Глинкой, стал причиной приглашения его в придворную капеллу; стараниями Глинки, Даргомыжского и др. был послан для совершенствования вокального мастерства в Италию. С 1842 пел и играл в императорских театрах на протяжении почти четверти века, одновременно создавая собственные произведения, среди которых знаменитая опера "Запорожец за Дунаем" (1862), песни украинского репертуара, в т.ч. посвященная Т. Шевченко "Стоїть явір над водою".

Шевченко познакомился с Гулаком-Артемовским осенью 1838 в Петербурге, и с тех пор их связывали симпатия и дружба. Поэт способствовал формированию взглядов своего земляка на жизнь, общество, искусство.

Дружба продолжалась и в тяжкие для Шевченко годы солдатчины. Артист считал своим долгом поддерживать изгнанника морально и материально. Известны обстоятельные письма к нему поэта-солдата из Новопетровского укрепления (от 1 июля 1852, 15 июня и 6 октября 1853, 30 июня и 5 ноября 1856); невольник делился с другом свершениями и планами, держал его в курсе своей творческой жизни. Часть писем (особенно 1854-1855 гг.), вероятно, не сохранилась - как и письма самого Гулака-Артемовского. Много раз звучит его имя в Дневнике (VI, 72, 73, 74, 81, 91, 139).

Верными друзьями они оставались до конца жизни Шевченко.

ГУЛЯЕВ, Иван - рядовой 5-го Оренбургского линейного батальона.

В своем Дневнике (запись от 25 июня 1857), раздумывая над судьбой отвратительного в своих поступках, вконец искалеченного воспитанием сына крупного чиновника Порциенко, Шевченко вспомнил: "По распоряжению бывшего генерал-губернатора, довольно видного политика Обручева, я имел случай просидеть под арестом в одном каземате с колодниками и даже с клейменными каторжниками и нашел, что к этим заклеянным злодеям слово "несчастный" более к лицу, нежели этим растленным сыновьям безличных эгоистов родителей". (V, 31).

Упомянутый Шевченко "случай просидеть под арестом" относится к июню-сентябрю 1850, когда он, будучи вновь доставлен в Орскую крепость, оказался на продолжительное время под арестом на гауптвахте.

А кто же люди, которых он назвал "несчастливыми"? Все они являлись рядовыми 5-го линейного батальона. Иван Гуляев был застигнут на квартире писаря комендантского управления с украденной у того рубахой. Иван Попов содержался под стражей по подозрению в краже разных предметов у казака Сагитова. Максим Журавлев и Тимофей Дмитриев оказались под арестом также по подозрению в краже, но у плац-майора. Сергей Степанов был посажен под арест "за пьянство, за перемену казенной шинели по сроку

1848 г. на старую - с получением придачи 5-ти рублей ассигнациями, за намерение зарезать исправляющего должность фельдфебеля..., а также за объявление ротному своему командиру, что более служить не хочет". (ИЛ, ф.1, д.512).

Знакомство с этими людьми, оказавшимися, в большинстве своем, жертвами разлагающих условий тогдашней солдатчины, вызвало к жизни не только цитированную запись в Дневнике, но и страницы в повести "Несчастный", рисунки "Наказание колодкой", "В каземате" и ряд других - осуществленных и неосуществленных - замыслов. Это, конечно, не зарисовки с натуры. Но увиденное, узнанное, прочувствованное в 1850-м осталось в памяти и сердце на всю жизнь.

ГУРЬЕВ, Порфирий Федорович - прапорщик 5-го Оренбургского линейного батальона. (ГАОО, ф.172, оп.3, д.219).

В 1850 г. Гурьев, вместе с прапорщиком П. А. Невельским, был привлечен к суду в связи с обнаруженными властями дружескими отношениями между ними, офицерами, и рядовыми из "политических" А.Ханыковым, И. Завадским, Ф.Грудзинским, В.Докальским, Э.Пожерским.

Это судебное дело (РГВИА, ф.395, оп.287/516, д.70; ГАРФ, ф.109и, I эксп., д.82) характеризует окружение, в котором находился Шевченко в Орской крепости, в июне-сентябре 1850.

Именно к этому периоду и относится, скорее всего, знакомство поэта с Гурьевым и его товарищами, вскоре разосланными из Орской крепости по самым различным, отдаленным одно от другого, местам.

Судьба П. Ф. Гурьева сложилась трагически. Переведенный в 4-й линейный батальон, он в 1853 г. был тяжело ранен при штурме Ак-Мечети, потерял руку и вскоре скончался от большой потери крови. "... Гурьева все очень любили и о нем много сожалели", - писал А. И. Макшеев ("Путешествие по Киргизским степям и Туркестанскому краю", СПб, 1896, стр. 233-234).

ГУСЕВ (имя и отчество не установлены) - поручик военного ведомства в Петербурге.

30 мая 1847 г., после приговора, оглашенного Тарасу Шевченко, он принял "арестанта и вещи" для отправки в Оренбург. ("Кирило-Мефодіівське товариство", т.2, К., 1990, стр.333-334).

ДАДИАНОВ, Александр Леонович (1801-1865) - князь, полковник.

Будучи командиром роты, "отличился" зверским обращением с солдатами и другими должностными преступлениями, за что в 1837 был разжалован в рядовые. Впоследствии выслужился и командовал карабинерным полком.

В эту энциклопедию включен в связи с записью в шевченковском Дневнике, сделанной накануне прибытия в Нижний Новгород:

"... Пролетаем мы мимо красивого по местоположению села Зименки помещика Дадыянова и замечательного по следующему происшествию. Прошедшего лета, когда поспело жито и пшеница, мужичков выгнали жать, а они, чтобы покончить барщину за один раз, зажгли его со всех концов при благополучном ветре. Жаль, что яровое не поспело, а то и его бы за один раз покончили бы. Отрадное происшествие..." (V, 136).

Переписка об этом "происшествии", начатая по жалобе князя Дадианова, составляет обширное дело в Государственном архиве Нижегородской области (ф.639, оп.124, д.4400). Нелишне заметить, что владельцем села Зименки формально являлся не он, а его сын Антон Александрович, паж царского двора.

ДАЛЬ, Владимир Иванович (1801-1872) - русский ученый-диалектолог, этнограф, писатель.

Главным трудом жизни Даля явился "Толковый словарь живого великорусского языка", над созданием которого он трудился более полувека. В течении всей жизни Даль собирал народные песни, сказки, пословицы. Его перу принадлежат повести, рассказы, очерки, полное собрание которых, в десяти томах, было издано в 1897-1898 гг.

Литературную и научную деятельность Даль вел наряду со служебной. В тридцатые годы он являлся чиновником особых поручений при Оренбургском военном губернаторе В.А.Перовском, затем служил в Петербурге, в министерстве внутренних дел и министерстве уделов, а с 1849 до выхода в отставку (1859) занимал пост управляющего Нижегородской удельной конторой.

В глазах Т. Шевченко Даль был неотделим от Оренбургского края. Действительно, в этом краю он родился и как писатель "Казак Луганский", и как собиратель народной речи, народных пословиц и поговорок.

В повести "Художник" (1856) есть строки, характеризующие влияние Даля на Перовского, его внимание к художникам, стремившимся поработать в дальней губернии; в немногих словах сказано многое: "умный, добрый Даль". (IV, 188, 191, 198).

Эти страницы были навеяны личными воспоминаниями Шевченко периода его учения в Академии художеств. Но не только ими, отдаленными во времени. Работая над своей повестью в Новопетровском укреплении, Шевченко помнил, как много значило для него имя Даля уже в неволе (особенно в самом ее начале).

В 1847, находясь в Орской крепости, он обращался к М. М. Лазаревскому, чтобы тот попросил Даля умолить Перовского освободить его "хотя бы из казарм" (то-есть, пояснял Шевченко, чтобы "выпросил мне позволение рисовать"). "Даль человек добрый, умный и влиятельный, он хорошо знает, как мы тут мучимся..." (VI, 45).

(Заметим: здесь, в письме 1847 г., Шевченко характеризует Даля теми же словами, что и в повести "Художник", написанной почти девять лет спустя: "добрый, умный..." - "умный, добрый").

О Дале не раз писали Шевченко друзья, поддерживая в поэте высокое о нем мнение. ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр.67, 68, 78).

Сказав о Дале в "Художнике", Шевченко (там же, в Новопетровском) возвращается к мыслям о нем в Дневнике: в одном случае спорит с его утверждением о том, что у русского солдата есть досуги, в другом - возмущается Небольсиным, посмевающим посвятить свою "статейку" об уральцах именно Далю. (V, 16, 63).

О встречах Шевченко - уже после солдатчины - с Далем, находившимся тогда в Нижнем Новгороде, также имеются отклики в Дневнике и переписке Шевченко: "Он принял меня весьма радушно, расспрашивал о своих оренбургских знакомых, которых я не видел с 1850 года, и в заключение просил заходить к нему запросто как к старому приятелю". (V, 167).

Однако, справедливости ради, отметим, что в процессе личного знакомства от визита к визиту отношение Шевченко к Далю становилось сдержаннее. Не по душе поэту было увлечение его собеседника "бог вдохновенной галиматьей" - Апокалипсисом, отталкивала "сухость" Даля в житейских делах. Таким образом, характеристики его в Дневнике отличаются разносторонностью, объективностью. (V, 165, 167, 168, 175-177, 208).

ДАЛЬ, Мария Владимировна (1841-1903) - дочь В.И.Даля.

О ней, скорее всего, и говорится в дневниковой записи Т. Шевченко за 16 декабря 1857 г. об очередном посещении Даля:

"... После поздраванья и передачи глубочайшего почтения одна из дочерей его села за фортепьяно и принялась угощать меня малороссийскими песнями. Я, разумеется, был в восторге, не от уродливых песен, а от ее наивной вежливости. Заметив, что она довольно смело владеет инструментом, я попросил ее сыграть что-нибудь из Шопена. Но так как моего любимца налицо не оказалось, то она заменила его увертюрою из "Гугенотов" Мейербера. И к немалому удивлению моему исполнила это гениальное произведение лучше, нежели я ожидал".

В дальнейшем Мария, вместе с сестрой Ольгой, посещала музыкальные курсы, которые организовал при "Русском музыкальном обществе" Н.Н.Рубинштейн.

Посещая семью Даля, Шевченко, возможно, знал также жену Владимира Ивановича - Екатерину Львовну (урожденную Соколову), его дочерей Юлию (год рождения - 1838), Ольгу (1843), Катю (1845). В это время все дети Даля, кроме старшего сына Льва (1834), "находились при отце". ("Формулярный список о службе управляющего Нижегородскою удельною конторою действительного статского советника Даля В.И. Составлен июля 1858 года". - "Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии").

Сб. статей, сообщений, описей и документов. Т. III, Н-Н., 1898, стр.36-43 второй пагинации).

ДАМИС, Яков Яковлевич - командир 4-го Оренбургского линейного батальона, майор.

В майоры Дамис был произведен в первых числах января 1847 г., во время службы в линейном батальоне № 8 (Екатеринбург), где до того командовал ротой. Ранее, в 1845, получил орден Св.Анны

3-й степени. Назначение командиром 4-го линейного батальона являлось для него серьезным повышением, крупным продвижением по службе. ("Список майорам по старшинству", СПб, 1848).

"Общество Раима увеличилось еще семейством: приехал новый батальонный командир с сестрою и двумя племянницами... Вследствие приезда их были в Раиме балы и веселие велие..." (Из письма А. И. Бутакова от 4 января 1849; РГАВМФ, ф.4, д.82, лл.77-80).

"Дамис, новый начальник Раима, сменивший Матвеева...", - писал о нем Д.Клеменсов со слов Э.Нудатова. Это не совсем точно. Прибыв в качестве командира батальона в ноябре-декабре 1848, Дамис стал исполнять должность начальника Раимского укрепления только в мае 1849; рапорт от 30 апреля подписан еще Е.М.Матвеевым. (ГАОО, ф.6, оп.6, д.12734; оп.10, д.6134). По свидетельству того же Нудатова, Дамис был известен как "неуживчивый, требовательный и всеми нелюбимый человек". В Раиме, в декабре 1850, он и умер. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.186).

Подпись майора Дамиса значится под запросом командиру 5-го линейного батальона от 1 сентября 1849 о присылке письменных сведений на "переведенных... во вверенный мне батальон низжих чинов", в том числе Шевченко. (ИЛ, ф.1, д.431).

ДАНДЕВИЛЬ, Виктор Дезидиревич (1826-1907) - квартирмейстер 23-й пехотной дивизии, подполковник. ("Адрес-календарь Оренбургского края на 1854 год", стр.249).

Отец был учителем Неплюевского корпуса; он умер в 1842 г. в чине титулярного советника, когда сыну исполнилось восемнадцать. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.108, л.15). Получив образование в Академии Генерального штаба, Дандевилль-сын впоследствии стал боевым генералом, отличившимся в русско-турецкой войне 1877-78 гг. и освобождении Балкан от турецкого ига. Ему принадлежит ряд военных трудов. ("Новый энциклопедический словарь", изд. Брокгауза и Ефрона, т.15, стр.486).

В Оренбурге Дандевилль был близок ко многим друзьям Шевченко (Б. Залескому, А.Плещееву, З. Сераковскому и др.). Опубликованная переписка Плещеева и Дандевила ("Минувшие годы", 1908, № 10; "Литературный архив", вып.6, 1961) характеризует этого офицера, являвшегося преемником К.И.Герна по должности дивизионного квартирмейстера, как человека большой культуры и прогрессивных взглядов, посвященного в мысли и планы своих друзей из среды политических изгнанников.

"Сераковский парит по-прежнему. Хочет переехать жить на какую-то планету - кажется, на Сириус. Ищет попутчиков." (Из письма к Дандевиллю, посланного Плещеевым 21 июня 1855). Иносказание тут налицо - речь, конечно, идет не о "космических", а о "земных" интересах "вдохновенного Зыгмунта". Откровенность, существовавшая между Плещеевым и Дандевилем, чувствуется и в плещеевских характеристиках солдатчины, и в выражении литературных симпатий-антипатий, и в исповедях душевных (особенно в письме от 21 июля 1855). Дорожа официальной репутацией офицера Дандевила, Плещеев предупреждает его от широкой, и слишком откровенной, переписки с опальными: "Переписываться вам с другими - не стоит. - Разве Сераковский будет писать к вам; только сделайте с ним условие, чтобы о звездах и воздушных шарах - писал меньше..." (19 ноября 1855 г.) Ни "звезды", ни "воздушные шары" - в прямом смысле этих слов - вызвать такое предупреждение со стороны Плещеева, разумеется, не могли.

Не располагая сведениями о прямых связях Шевченко с Дандевилем, мы вправе говорить о косвенном их знакомстве. В то же время необходимо обратить внимание на систематические, особенно в 1853-1856 гг., поездки дивизионного, а затем корпусного квартирмейстера по укреплениям и фортам Оренбургского края. Они наталкивают на мысль о возможности встреч личных, использования Дандевила для обмена письмами между Шевченко и его друзьями.

В.Дандевиль - Г.Карелину.

"... Я не натуралист, но право сердце болит, когда вижу, в каких ничтожных средствах у нас отказывают для пользы науки, в особенности когда те же средства употребляют на вздор или прихоти. Боже, отпусти им; не ведают бо что творят". (Архив Академии наук - Петербургское отделение, ф.157, оп.2, д.73, л.2).

Д'АНДРЕ, Лев Иванович (1819-1849) - чиновник особых поручений при Оренбургском военном губернаторе.

Происходил из беспоместных дворян, издавна живущих в Санкт-Петербурге. Закончив Петербургскую гимназию с похвальным аттестатом, поступил на службу в канцелярию столичного генерал-губернатора, отличился как примерный чиновник, но в 1840 сделал решительный шаг - уехал в Оренбург. Его приняли в канцелярию Оренбургского губернатора - сначала столоначальником, а затем чиновником особых поручений. И сразу же начались поездки по просторам губернии. (ГАОО, ф.6, оп.5, д.11615/4, л.33-36; оп.6, д.11697). Главной страстью Д'Андре стала этнография народов отдаленного края. (Об этнографических и художественных занятиях Д'Андре - в диссертации Г.Н.Чаброва "Изобразительные источники по истории Средней Азии и Казахстана XVIII - первой половины XIX в." - рукопись, стр.213-217).

С Шевченко Д'Андре познакомился в декабре 1847 в Орской крепости, куда выезжал по служебным делам. "Вручитель этого письма Лев Иванович Д'Андре, с которым я хорошо знаком, прошу и Вас последовать моему примеру, он прекрасный человек и большой любитель до изящных искусств - даже сам немного занимается живописью..." (Из письма А. Ф. Чернышева от 2 декабря 1847; "Листи до Т. Г. Шевченка", стр. 60).

Характер этого письма, предупреждающего Шевченко от излишней его доверчивости, свидетельствует об уважении, которым пользовался Д'Андре у Чернышева и друзей поэта вообще. Многое, не попавшее сюда, было сообщено изгнаннику в беседе с глазу на глаз.

Через Д'Андре Шевченко переслал на Украину свой первый автопортрет периода солдатчины.

Лев Иванович умер, не дожив до тридцати лет (15 марта 1849 г.).

ДАНИЛЕВСКИЙ, Николай Яковлевич (1822-1885) - статистик, естествоиспытатель, участник экспедиции академика К.М.Бэра на Каспийское море в 1853 и 1854 гг.

За причастность к политическому кружку М.В.Буташевича-Петрашевского он в 1849 г. был арестован, провел 100 дней в Петропавловской крепости и отправился в ссылку в Вологду, "с учреждением над ним строгого секретного надзора". В июне 1852 Оренбургский и Самарский генерал-губернатор В.А.Перовский обратился в министерство внутренних дел с ходатайством о перемещении Данилевского на службу в Самарскую губернию, где он "по особой склонности и способностям его к занятиям по части статистической" мог бы быть использован "с большею пользою и в служебном, и в ученом отношении". 27 августа 1852 последовало "всемилоостивейшее на то соизволение, с тем, чтобы Данилевский и в новом месте пребывания находился под строгим полицейским надзором".

В 1853 Русское Географическое общество, "приступая с высочайшего разрешения к снаряжению ученой экспедиции для исследований о состоянии рыболовства на Волге и в Каспийском море, просило об исходатайствовании дозволения на прикомандирование к сей экспедиции, в звании статистика,... коллежского секретаря Данилевского". В конце апреля 1853 соответствующее дозволение последовало, а полтора месяца спустя ему были выписаны открытый лист и подорожная

для поездок по Казанской, Симбирской, Самарской, Саратовской и Астраханской губерниям. Одновременно по всем названным губерниям было разослано предписание о строгом полицейском надзоре над Данилевским, назначенным "членом-статистиком" экспедиции Бэра сроком на два года.

О большой, плодотворной работе Данилевского в составе экспедиции свидетельствуют официальные письма академика, хранящиеся в цитируемом архивном деле, - и прежде всего ходатайства его, как начальника экспедиции, о том, чтобы срок прикомандирования был продлен: сначала - до 1 июня 1856, а затем - "еще на несколько месяцев". Эти просьбы получили положительное решение.

Представляет интерес личное письмо Бэра Перовскому от 5 декабря 1855, в котором он излагает некоторые перипетии работы экспедиции - опять же для того, чтобы убедить в необходимости сохранения ценного сотрудника на более продолжительный срок.

В середине июня 1856, по возвращении с Кавказа, Данилевский начал заключительную часть своих исследований по маршруту Гурьев-Уральск-Оренбург. Об этом сообщается в одном из последних документов рассмотренного архивного дела на сорока двух листах. (ГАОО, ф.6, оп.6, д.13058).

Шевченко познакомился с Данилевским в Новопетровском укреплении в 1853 году, но ближе сошелся в 1854-м. Об этом он писал Б. Залескому (VI, 92, 103, 107), вспоминал в Дневнике (V, 33, 74). Вот несколько строк из письма от 9 октября 1854: "В продолжении его пребывания здесь я почти с ним не разлучался. Он своим присутствием здесь оживил во мне, одином, давно прожитые прекрасные дни... Он во всех отношениях прекрасный человек, жаль только, что он ученый, а то был бы настоящий поэт".

Следует, однако, отметить, что после отъезда Данилевского связи между ними оборвались.

ДАНИЛЕНКО, Никита - матрос первой статьи, участник экспедиции по изучению и описанию Аральского моря.

На службе в 45-м флотском экипаже (Астрахань, Каспий) находился с 1840 года; в начале 1848-го, непосредственно перед отправкой к новому месту службы (Аральское море), был произведен в матросы первой статьи. Находился под непосредственным началом унтер-офицера третьей роты Садчикова. (Впрочем, деление по ротам сохранялось лишь на первых порах по выступлении из Астрахани).

Вместе с Т. Шевченко Даниленко провел на шхуне "Константин" оба плавания (1848, 1849), а равно зимовку на Кос-Арале.

ДАРЧЮК, Иван Иванович - рядовой 5-го Оренбургского линейного батальона.

"По высочайшему повелению, за нахождение с давнего времени в бегах" Дарчюк, вместе с другими галицийскими украинцами (Маслюком П.Т., Михалько Я.Т., Чемердой М.Л.), был отправлен в Орскую крепость, где и начал свою службу в мае 1846 г. Находился здесь под особым надзором.

В 1847-48 и 1850 гг. Дарчюк служил в одной роте с Шевченко. (ИЛ, ф.1, д.437).

ДАУТОВ, Мухамет - житель Орской крепости.

Это имя называется в связи с установлением места жительства Т. Шевченко в то непродолжительное время в 1847-м, когда ему, рядовому 5-го Оренбургского линейного батальона, разрешили жить не в казарме, а в наемной квартире.

В разных источниках приводятся различные версии о том, где квартира находилась. Называется, например, современная улица Пугачева. Но доказательства приводятся неправдоподобные. ("Народ и Шевченко", стр.112). Ничем не подтверждается и версия, будто Шевченко "на время болезни был переведен на частную квартиру к одному уральскому казаку", а дом казака "находился на современной улице Парижских коммунаров". (А.Ведмицкий - "Т. Шевченко в оренбургской ссылке", стр.20).

В 50-е годы автору довелось слышать рассказ А.М.Даутова, орского старожила (1889 года рождения). Он проживал в Орске, по ул.Шевченко, 11. Абдулла Мухамедзянович сообщил, что примерно на том месте, где ныне находится его дом, стоял старый,когда-то уничтоженный то ли пожаром, то ли наводнением, дом его деда и в нем, по семейному преданию, какое-то время жил Шевченко.

Эта версия, как видно, признавалась достоверной еще в начале нынешнего века, о чем свидетельствует тот факт, что в 1908 именно эта улица получила имя поэта Украины.

В пользу называемого здесь кратковременного места жительства Шевченко свидетельствует, на наш взгляд, его собственное свидетельство, правда несколько своеобразное: в Новопетровском укреплении он "на крыльях волшебника Морфея (перелетел) в Орскую крепость, и в какой-то татарской лачуге нашел М. Лазаревского, Левицкого и еще каких-то земляков" (V, 76). Не является ли это косвенным указанием на то, что в Орской Шевченко квартировал в доме татарина? Уместно напомнить, что М. Лазаревский действительно был в Орской крепости в то время, когда Шевченко жил "в наемной квартире" и провел там "несколько дней с ним".

Сон-то, выходит, - на достоверной фактической основе!

В правдивости "даутовской версии" убеждает, наконец, список домовладельцев Орской крепости 1849 г. В нем, среди других, значится и Мухамет Даутов.

ДАХМИЩИН - рядовой 1-го Оренбургского линейного батальона.

Упоминается в записи Дневника Т. Шевченко от 28 июля 1857 года (V, 88); он же, предположительно, безымянно фигурирует в более ранней записи - от 16 июня (V, 18-19).

Следует отметить многонациональный состав тех, с кем свела Шевченко судьба в Новопетровском укреплении. Названный им Дахмищин - еврей. На страницах Дневника соседствуют туркмены из соседнего аула (V, 61), татарин из Астрахани (V, 52), армянин-маркитант (V, 11) и люди ряда других национальностей, не говоря уже о русских, украинцах, поляках, представленных наиболее широко - и в Дневнике, и на страницах этой энциклопедии.

ДАЦЕНКО, Григорий П. - ссыльный студент; в 80-х годах XIX столетия находился в Орске.

"С 1886 по 1889 мне пришлось служить в военной службе в Орске в управлении уездного воинского начальника. При управлении оказался архив, в котором хранятся дела нескольких частей войск, бывших в 40 и 50 годах в крепости Орской и др. ближайших степных укреплениях. Архив был в большом беспорядке, так что мне в 1888 году пришлось приводить его в порядок. Зная, что Тарас Григор. был первоначально на службе в Орске, в № 5 батальоне, я стал просматривать дела с целью отыскать что-нибудь, имеющее биографическое значение..." ("Киевская старина", 1893, февраль, стр.257-258).

В статье Г.П.Даценко "Несколько слов о Тарасе Григорьевиче Шевченко", начало которой мы процитировали, сообщается о встреченных им "бумагах". Будучи, однако, дилетантом, он снял копию

только с одного документа, другие же, в лучшем случае, взял на заметку или, полагаясь на память, решил "запомнить". Тем самым на долгие годы оказались не введенными в оборот некоторые важные для шевченковедов документальные материалы.

ДЕЕВ, Михаил Степанович - оренбургский купец первой гильдии.

Деев вел торговлю в Раимском укреплении, и услугами его широко пользовались участники экспедиции А. И. Бутакова. Главным приказчиком Деева в Раиме являлся купеческий сын Иван Панфилов (ГАОО, ф.6, оп.10, д.6134, 6222).

По свидетельству Э.Нудатова, Шевченко в своей карикатуре на офицеров, не дававших покоя дочери чиновника Цыбисова, "изобразил всех ухаживателей направляющимися к дому Цыбисова прямо из палатки маркитанта". Палатка эта принадлежала Дееву.

ДЕМИДОВ, Денис Алексеевич - помещик Макарьевского уезда Нижегородской губернии, майор в отставке.

Всевозможными притеснениями крестьян принадлежавших ему сел (Варган, Белозериха, Любимово) сей "майор и кавалер" вызвал в 1857 г. массовые волнения.

Т. Шевченко собственными глазами "видел большую толпу мужиков с открытыми головами перед губернаторским дворцом", а, заинтересовавшись, узнал, что это крестьяне "того самого мерзавца Демидова", которого он знал в 1837 кирасирским юнкером и "который тогда не заплатил... деньги за портрет своей невесты".

В дневниковой записи за 7 ноября 1857 поэт заклеил позором "грабителя", которого, по его твердому убеждению, следовало "просто повесить". (V, 163-164).

Несмотря на ввод в села воинской команды численностью в 150 человек, волнения продолжались до июля 1858, и Шевченко, находившийся в Нижнем Новгороде, о том наверняка знал. Вполне возможно, что Демидова ему довелось встречать в эти месяцы и лично.

ДЕМОСТИКО, Николай Иванович - полицмейстер г.Оренбурга, полковник; впоследствии Оренбургский городничий. Умер в июне 1852 в возрасте шестидесяти лет. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.190).

"Раненый воин", ревностный служака, он пользовался полным доверием военного губернатора В.А.Обручева в надзоре за "политическими преступниками" и привлекался им к самым серьезным операциям по пресечению "крамолы". (П.П.Жакмон. "Из воспоминаний оренбургского старожила". - "Исторический вестник", 1905, апрель, стр.77).

Демостико непосредственно участвовал в проведении обыска на квартире Шевченко в доме К.И.Герна вечером 22 апреля 1850. "Полицмейстер" упоминается в заметках Ф.М. Лазаревского.

ДЕСТРЕМ - см. Нордстрем И.А.

Лицо, названное в записи Дневника Т. Шевченко от 15 сентября 1857 г. (V, 128), дано здесь с ошибочным написанием фамилии.

ДЖУЛБАРС - прозвище одного из бедняков-казахов, жившего в районе пристани близ Раима.

"К пристани часто приходил байгуш киргиз, оставшийся около Раима во время прибытия сюда русских и получивший за это в потомственную собственность клочок земли на берегу Сыра. Бедняка звали Джулбарсом, потому что, для потехи русских, он забавно представлял из себя тигра". (А. И. Макшеев. "Путешествие по Киргизским степям и Туркестанскому краю", стр.46).

Тема байгушей проходит через все творчество Шевченко-художника периода его солдатчины. Казак по прозвищу "Джулбарс" был одним из первых байгушей, жизнь которых он имел возможность близко наблюдать на протяжении более или менее длительного времени.

ДМИТРИЕВ, Николай Александрович - горный комендант, полковник; в конце 50-х годов управлял Илецким соляным правлением. (ГАОО, ф.6, оп.18, д.134, 394).

"Горный комендант Дмитриев, недавно туда (в Илецкую Защиту - Л. Б.) присланный, любил картины и имел что-то вроде небольшой галереи", - вспоминал Б. Залеский. ("Листочки до вінка на могилу Шевченка в ХХІХ роковини його смерті". Львов, 1890, стр.30).

В письме Т. Шевченко к Б. Залескому говорится: "Если в Защите у Дмитриева найдешь хорошие эстампы новой французской школы, как-то Делакруа, Делароша, Ораса Вернье и других, то хорошо скопировать их посредством фотографии, и держи эти копии у себя, смотри, любуйся ими каждый день и каждый час; это так может научить и образовать вкус, как никакая многоумная и многоглаголивая эстетика и философия". (VI, 89).

В пользу изменения датировки этого письма - перенесения его из переписки 1853-го в подборку писем 1854-го - говорит, в числе других, и тот факт, что в 1854 Залеский действительно находился в Илецкой Защите. В этом убеждает уже то, что 12 февраля он являлся восприемником новорожденного, крещенного приехавшим туда ксендзом Зеленко. (ГАОО, ф.172, оп.3, д.189).

Дмитриев имел прямое отношение к семье, в которой знали и любили изобразительное искусство. Достаточно сказать, что он был дядей известного русского художника Н.Д.Дмитриева-Оренбургского (1838-1879).

С Н.А.Дмитриевым Шевченко мог познакомиться либо в Оренбурге, куда тот приезжал, либо в Илецкой Защите, где побывал сам поэт.

"Есть в этой благодатной стране, неглубоко под землю, огромная глыба соли, а на этой глыбе соли построена небольшая крепостца, называемая в простонародии Соляною Защитой.

Обстоятельства заставили меня побывать однажды в этой Соляной Защите..." (III, 140).

Цитированные строки извлечены из повести "Варнак", действие которой, частично, происходит в Илецкой Защите, где и встретился автору его герой - человек тяжелой, трагической судьбы.

Следует, на наш взгляд, отказаться от высказанного И.Айзенштоком утверждения, будто Шевченко побывал здесь "в ноябре 1849 г., возвращаясь в Оренбург из Аральской экспедиции". (Тарас Шевченко. Собрание сочинений в пяти томах. Т.3, стр.434).

Письмо начальника этой экспедиции А. И. Бутакова не оставляет сомнений, что путь ее через Илецкую Защиту не проходил. Посещение крепости во время следования к Новопетровскому укреплению также исключено.

Представляется, что Шевченко побывал в Илецкой Защите в период своей "оренбургской зимы". Интересуясь краем, в котором он оказался, изгнанник, при посредстве друзей, выезжал вместе с ними

в окрестные селения (например, в Каргалу). С "соляной столицей" - "в 65-ти верстах от Оренбурга" - поддерживалась постоянная двухсторонняя связь. Именитые ездили оттуда на балы в Оренбург; офицеры и чиновники позволяли себе поездки на воскресенья. ("Записки генерал-майора Ивана Васильевича Чернова", стр.99-104). Это дает основание настаивать на возможности более или менее длительной поездки в Илецкую Защиту (скажем, до недели) находившегося в Оренбурге и жившего не в казармах, а на частной квартире Т. Шевченко. Повесть "Варнак" убеждает в правомерности такой поездки. Уже на первых ее страницах рассказчик сообщает, что его пребывание в крепости длилось "в продолжение недели", и даже того более. (стр.141, 143).

Немаловажным представляется тот факт, что в Илецкой защите постоянно квартировала одна из рот 5-го линейного батальона. ("Адрес-календарь Оренбургского края на 1854 год", стр.263). В переменном составе роты у Шевченко могло быть немало знакомых, судьба которых его интересовала.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ, Карл (Кароль) Онуфриевич (1814-1883) - гарнизонный инженер-прапорщик Новопетровского укрепления.

Добровольский жил там с женой Анной Герасимовной. Выехал он с Мангышлака не ранее 1855 года. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.234-а).

Кароль Добровольский принадлежал к старшему поколению повстанцев; в арестантские роты, а затем в солдаты его отдали в 30-е гг.; дворянское достоинство вернули только в 1847-м, а офицерское звание присвоили в 1848. В списках числящихся под строгим надзором он значился еще с 1856-57. (В.А.Дьяков. "Деятели русского и польского освободительного движения", стр.58).

Удалось установить, что в 1848, получив по окончании Полоцкого кадетского корпуса чин прапорщика, Добровольский был назначен в 5-й Оренбургский линейный батальон. (ГАОО, ф.6, оп.10, д.6057-б).

В дневниковых записях и переписке Шевченко Добровольский не упоминается. Тем не менее впервые устанавливаемый здесь факт их совместной службы вызывает интерес.

ДОКАЛЬСКИЙ, Владислав Ксаверьевич - рядовой 5-го Оренбургского линейного батальона.

Бывший помещик Ковенской губернии, Докальский в 1848 году был "за сокрытие оружия, при общем отобраении оно у частных лиц, ложную подписку и подтверждение на допросе, что у него, кроме представленных двух ружей, не осталось никакого оружия, так же за хранение, в противность постановлений, более пуда пороха и непредставление доказательств, откуда приобрел оный, по лишении дворянского достоинства назначен к отдаче в солдаты в Отдельный Оренбургский корпус".

В Орскую крепость Докальский был привезен в мае 1849. (ИЛ, ф.1, д.484, 489). Тут он, позднее, стал участником кружка политических ссыльных, который группировался вокруг А.В.Ханыкова и И.Л.Завадского. Летом-осенью 1850 члены этого кружка поддерживали связь с Т. Шевченко.

После разгрома кружка, на следствии, Докальский, как и другие, вел себя достойно, о чем свидетельствуют его ответы на "вопросные пункты".

Главной уликой против Докальского являлись две записки, в которых он просил писаря Прибыткова скрыть некоторые бумаги, письма и книги, найденные у арестованных.

Признанный виновным, Докальский был переведен в один из дальних батальонов Западной Сибири. В Сибирском линейном батальоне № 8 в 1856 его произвели в унтер-офицеры, а полтора года спустя, в 1857, в прапорщики. Но и после возвращения ему прав дворянства, он еще долго оставался под надзором. (ГАРФ, ф.109-и, I эксп., д.82, лл.1-82).

ДОМОРАЦКИЙ, Станислав (Константин) Северинович - рядовой 1-го Оренбургского линейного батальона.

"Нынешнее лето прибыло сюда несколько человек подтвержденных; но лучше было б не видеть мне их никогда...", - писал Шевченко Б. Залескому в октябре 1854 г. (VI, 103). Среди них был и Доморацкий, уроженец Варшавской губернии, из дворян, отданный на военную службу в 1853 "за побег за границу и по подозрению в политическом отношении". (В.А.Дьяков. "Деятели русского и польского освободительного движения", стр.60).

Находясь в Новопетровском укреплении, 15 мая 1857, "линейного Оренбургского № 1-го батальона рядовой римско-католического вероисповедания Станислав Северианов Доморацкий, имеющий от роду тридцать три года, присоединен к православной церкви чрез св.миропомазание" и окрещен Константином. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.234-а).

Увольнение Т. Шевченко и Станислава (или тогда уже Константина) Доморацкого последовало одновременно, но Доморацкий выехал из Новопетровского укрепления несколькими днями позднее. В рапорте капитана Косарева от 29 июля 1857 их имена значатся рядом. В Оренбурге он находился под секретным надзором с 10 августа 1857, а месяц спустя выбыл на родину. (ГАОО, ф.6, оп.18, д.375).

В Дневнике Доморацкий не упоминается, но, надо полагать, и к нему относится такая запись: "Все эти подтвержденные, так называемые господа дворяне,... все они люди замечательные по своим нравственным качествам..." (V, 29-30). В другом месте, уже находясь в Астрахани, поэт вспоминает: "Сегодня выйдет почтовая лодка из Новопетровского укрепления в Гурьев-городок и возьмет с собою Фиялковского и прочих освобожденных со мною..." (V, 99).

Станислав Доморацкий интересен исследователям как человек, послуживший для Т. Шевченко источником новых сведений о развороте освободительного движения в пятидесятые годы XIX в.

ДОМОРАЦКИЙ, Франц-Валентий Иванович - рядовой подвижной инвалидной № 92 роты.

В 1849-1850 гг. Доморацкий являлся служителем Оренбургского военного госпиталя. Женатый на местной жительнице, Феодосии Трофимовне, имел детей, которые жили вместе с ним. (ГАОО, ф.172, оп.3, д.195; ф.173, оп.11, д.195).

Последнее обстоятельство дает основание для вывода о том, что в этих местах к началу пятидесятых годов Доморацкий находился уже не один год. Политическая биография его, к сожалению, пока не установлена.

Между тем, убедившись, что Доморацкий С.С. не мог быть одним из запечатленных на известном рисунке А. Ф. Чернышева, так как на военную службу его отдали лишь в 1853, мы вправе высказать предположение об ошибке в имени, допущенной неведомым нам автором подписей под фигурами ссыльных (подписей гораздо более позднего происхождения) и, далее, о том, что здесь мы видим скорее всего Франца-Валентия Доморацкого. В пользу этого говорят шинель и погоны рядового, возраст солдата и даже то, что

стоит он рядом с Попелем, который мог находиться в то время в Оренбургском военном госпитале, где Доморацкий был служителем.

Однако пока не может быть снято и предположение В. Дьякова, что на рисунке запечатлен рядовой 3-го Оренбургского линейного батальона Виктор Доморацкий. (В.А.Дьяков. "Тарас Шевченко и его польские друзья", стр.74-75). Обе версии нуждаются в исследовании.

ДОРОХОВА, Мария Александровна, урожд. Плещеева (1811-1867) - начальница Нижегородского института благородных девиц.

Многие годы она была близка к декабристам. Невестой одного из них - П.А.Муханова - Дорохова являлась, живя в Иркутске; их браку помешала смерть жениха (1854). Находясь в Нижнем Новгороде (с 1855), Мария Александровна стала важным связующим звеном между участниками декабрьского восстания 1825 года, находившимися в Сибири или возвращавшимися из ссылки, а также членами их семей. О ее замечательных нравственных качествах свидетельствует то, что она, потеряв родную дочь, взяла на воспитание дочь декабриста И. И. Пущина и стала ей настоящей матерью.

Т. Шевченко высоко ценил Дорохову, поддерживал и укреплял добрые отношения с нею. "О если бы побольше подобных женщин-матерей...", - писал он в Дневнике. (V, 158).

Дружбе между ними посвящена исследовательская повесть "До рохова и другие" в нашей книге "Іхав пост із заслання..." (К., "Дніпро", 1977).

ДУБЕЛЬТ, Леонтий Васильевич (1792-1862) - управляющий III отделением и начальник штаба корпуса жандармов, генерал-лейтенант.

По окончании курса в горном кадетском корпусе Дубельт избрал для себя карьеру иную: поступил в корпус жандармов. Выслужился быстро, и в 1835 занял пост начальника штаба этого корпуса. С 1839 (по 1856) управлял III отделением собственной его императорского величества канцелярии.

"Хорошо образованный, проницательный и умный, Д. по должности им занимаемой, и отчасти по наружности, был предметом ужаса для большинства жителей СПб". (Энциклопедический словарь Брокгауза - Ефрона, т. XI, СПб, 1893, стр.200).

Дубельт являлся одним из главных руководителей следствия по делу Кирилло-Мефодиевского товарищества. Его подписью скреплены важнейшие документы этого дела. ("Тарас Шевченко. Документи та матеріали до біографії", К., 1982, стр.108, 130, 132), а также распоряжения последующих лет с отказами в облегчении участи Шевченко (стр.175, 180, 182, 185, 186) и касательно принятия мер к нему после ареста 1850 г. (стр.193, 196-198, 200-203, 250).

Т. Шевченко дважды писал Дубельту - из Орской крепости и Оренбурга, прося его об исходатайствовании облегчения своей участи, в частности разрешения рисовать. Можно предположить, что характер письма от 10 января 1850 был навеян рассказом о Дубельте Б. Залеского; еще в бытность свою прапорщиком, Дубельт жил в деревне его родителей и позже, в 1846-м, в ответ на мольбы матери (и "в отплату за добро"), просил по-возможности облегчить участь Бронислава. (ГАРФ, ф.109, 1 эксп., 1846, д.2, ч.7, л.12, 34-39). Такая "чуткость" обнадеживала. Однако "возлагающий единственную надежду на Бога и на Ваше превосходительство" сочувствия от Дубельта не дождался.

Итогом отношения Т. Шевченко к "высокому" официальному лицу явилась запись в Дневнике 15 сентября 1857 об "отвратительном сновидении" долгой ночи: "Будто бы Дубельт с своими

помощниками <...> меня тщетно навращал на путь истинный, грозил пыткой, и в заключение плюнул и назвал меня извергом рода человеческого".

До конца своей жизни жандарм-царедворец продолжал резкие выпады против поэта Украины.

ДУДАРЬ, Петр Дмитриевич - старший адъютант командира 23-й пехотной дивизии Отдельного Оренбургского корпуса, поручик.

В должности адъютанта Дударь служил до 1854 г.; в последнее время - в чине капитана. В том же, 1854, временно исполнял обязанности Оренбургского полицмейстера, после чего был назначен полицмейстером в Уфу. (ГАОО, ф.6, оп.6, д.13320).

В биографию Шевченко Дударь вошел в связи с тем, что 10 июня 1847, одним из первых официальных лиц Оренбурга приняв доставленного сюда накануне опального поэта, препроводил и представил его исполнявшему обязанности дивизионного командира подполковнику Чигирю для определения в 5-й линейный батальон. (ИЛ, ф.1, д.451).

ДУДИНСКИЙ, Александр Иванович - капитан парохода "Астрабад", курсировавшего в Каспийском море.

В 1829 году Дудинский поступил из пансиона Царскосельского лицея юнкером в гвардейский экипаж. Поначалу ходил на фрегате "Принц Оранский" от Кронштадта до Исландии. Произведенный в мичманы, а затем в лейтенанты, служил на кораблях "Иезекииль", "Нева", "Радуга", "Онега" в Балтийском и Белом морях. Много дала ему служба на погибшем впоследствии у берегов Норвегии корабле "Ингерманланд". В 1845 Дудинского перевели в Астрахань. С 1847 он командовал пароходом "Астрабад". ("Общий морской список", ч.Х, СПб, 1898, стр.78-79).

Пароход, носивший имя персидского города Астрабада (нынешнего Горгана), имел мощность до 40 лошадиных сил, но не был достаточно устойчивым при свежем противном ветре, и от капитана требовалось большое искусство, чтобы пароход меньше отстаивал на рейдах.

"Астрабад" неоднократно бывал в Новопетровском укреплении во время пребывания там Шевченко. Капитан-лейтенант Дудинский являлся обычно гостем коменданта - сначала А.П.Маевского, а затем И. А. Ускова. Первое упоминание о посещении Дудинским Мангышлака и интересе его к поэту относится к 1852 и содержится в воспоминаниях Н. Ф. Савичева. Здесь, в частности, есть рассказ об именинах коменданта, на которых были и Дудинский, и Шевченко. В 1853 и последующих годах "Астрабад" привозил в Новопетровское укрепление экспедицию К.М.Бэра и вел перевозку почты; встречи поэта с капитаном, таким образом, продолжались.

С 1854 по 1857 Дудинский "находился в 46-м флотском экипаже в Астрахани, при берегу"; в 1859 он был уволен от службы в чине капитана второго ранга.

ДЬЯКОНОВ, Владимир Александрович - поручик 1-го Оренбургского линейного батальона.

На Мангышлаке Дьяконов служил в 1855-56 (57?) гг. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.234-а) и являлся одним из видных, влиятельных офицеров Новопетровского укрепления в период пребывания там Шевченко, входил в ближайшее окружение коменданта И. А. Ускова.

ЕВРЕИ.

Общее название народностей, объединенных происхождением от древнееврейского народа, жившего в Палестине до первых веков нашей эры. Не имея до образования Израиля (1948) государственности, евреи в большинстве своем были рассеяны по всему свету, говоря на языках стран, в которых жили; часть их пользовалась также языками идиш и древнееврейским.

Крещенные евреи служили в Отдельном Оренбургском корпусе.

Об этом упоминается в Дневнике, одной из новопетровских его записей.

ЕВФИМОВСКИЙ-МИРОВИЦКИЙ, Иван Иванович (1839-1905) - почетный член Оренбургской ученой архивной комиссии, редактор и издатель газеты "Оренбургский листок".

Потомственный дворянин Черниговской губернии, питомец Черниговской духовной семинарии, а затем Санкт-Петербургского университета, он по окончании курса учения (1869) отправился в глубины России, чтобы поднимать тамошнюю культуру и нести свет знаний. С тех пор, на протяжении 35 лет, Евфимовский-Мировицкий жил в Оренбурге и оставался верен своим идеалам. Секретарь духовной консистории, правитель канцелярии попечителя учебного

округа, чиновник особых поручений при генерал-губернаторе, деятельный участник многих комиссий и комитетов, гласный городской думы, учредитель и редактор первой частной газеты с 1876 и до последних дней жизни - таким был его путь. ("Труды Оренбургской ученой архивной комиссии", вып. XIX, 1907, стр.199-205).

Поборник украинской культуры, краевед, историк, журналист, Евфимовский-Мировицкий сделал полезный вклад в изучение обстоятельств жизни Т. Шевченко в Оренбургском крае, о чем, в частности, свидетельствует его переписка с М.К.Чалым. "Оренбургский листок" внес свою лепту в Шевченкиану, однако многое из задуманного довести до конца не удалось.

ЕКЕЛЬН, Лев Филиппович - дежурный штаб-офицер штаба Отдельного Оренбургского корпуса, майор, "состоящий по кавалерии". ("Адрес-календарь Оренбургского края на 1854 год", стр.246).

В Оренбурге Екельн был дружен с А.Н.Плещеевым, который ценил его душевные качества. Тесные отношения с Екельном поддерживали другие опальные.

"... Его положение позволяло ему влиять на судьбу Шевченко, и мы возлагали на него надежду", - писал впоследствии Б. Залеский, характеризуя Екельна как "доброго человека", "большого приятеля Сераковского, Желиговского и др." ("Листочки до вінка на могилу Шевченка в ХХІХ роковини його смерті". Львов, 1890, стр.37).

Шевченко узнал о Екельне от Залеского вероятно не ранее 1853 г. "Еще раз благодарю тебя за копию "Монаха" и - я тебе как Богу верю - ежели Лев Филиппович такой человек, как ты говоришь, то и ты, и он скоро увидите и Актау и Каратау, ежели не красками, то по крайней

мере сепию". (VI, 91). Речь идет о рисунках Шевченко, которые он, в силу царского приговора, мог делать лишь тайком; отсюда понятно, как характеризовал Залеский одного из близких помощников генерал-губернатора.

При всем своем влиянии Екельн не мог добиться для Шевченко права заниматься любимым искусством: "Добрый Л(ев) Ф(илиппович) просил В(асилия) А(лексеевича), чтобы позволил мне написать образ для здешней церкви, и мне отказано!.." (VI, 102).

В том же, 1854, Екельн был отчислен от должности дежурного штаб-офицера и назначен исправляющим обязанности члена Омской полевой провиантской комиссии. (ГАОО, ф.6, оп.12, д.1044). В шевченковской переписке последующих лет его имя не встречается.

ЕЛАГИНА, Авдотья Петровна, урожд. Юшкова (1789-1877) - племянница и друг В.А.Жуковского, хозяйка литературного салона.

В первом браке она была за В.И.Киреевским, от которого имела сыновей Ивана и Петра, впоследствии известных славянофилов. После смерти Киреевского (1812) вступила во второй брак (1817) с А.А.Елагиным, сослуживцем и другом будущих декабристов. В течение тридцати лет дом Елагиных находился в центре литературной жизни Москвы; в нем побывало несколько поколений русских поэтов, художников, ученых, среди которых - Пушкин, Гоголь, Герцен, Языков и другие.

Знакомство Т. Шевченко с Елагиной произошло 25 марта 1858 г. в Москве, на обеде в честь поэта, устроенном М. А. Максимовичем и отмеченном несколькими строками в Дневнике (V, 218). Елагина в шевченковской записи не упоминается, но сама она оставила краткое описание обеда в письме к сыну, В.А.Елагину:

"... Вася, вот что расскажу тебе: во вторник Максимович приходит и становится на колени, чтобы я приехала к нему обедать: это будет праздник для всей моей жизни, у меня Ш е в ч е н к о. - Несмотря на колики сердца, я поехала; и приятно было видеть их малороссийскую связь. - Шевченко простой, добродушной, умной мужик, он опять принят как художник в Академию, и Марья Ник. очень к нему милостива. У Максимовича обедали Кошелев и Кошелева, оба Аксаковы, Щепкин, Галаган, Погодин, Шевырев... После обеда Шевченко, хозяйка и Галаган стали петь малорос. песни и премило, Максимович сказал спич стихами, совсем был в восторге..."

Публикация письма осуществлена в пятом выпуске "Записок Отдела рукописей" Государственной Библиотеки СССР им.В.И.Ленина (М., 1939, стр.28-29).

ЕЛЕНЕВ, Христофор Моисеевич - смотритель Астраханского военного госпиталя.

Еленев и его семья занимали видное место в культурной жизни города как участники музыкальных вечеров, благотворительных спектаклей и др. Сведения об этом имеются в заметках "Астраханских губернских ведомостей".

Госпиталь в Астрахани и полугоспиталь в Новопетровском укреплении относились к одной и той же Ставропольской комиссариатской комиссии, причем второй подчинялся первому;

этим, вероятно, было вызвано посещение Еленевым форта на Каспии (предположительно, в мае 1857).

Личное знакомство с ним Т. Шевченко послужило, как полагаем, тому, что в переписке поэта с Я.Г.Кухаренко летом 1857 появился новый адрес - Еленева. (VI, 166; "Листи до Т. Г. Шевченка", стр.121, 137).

Находясь в Астрахани, Шевченко с Х.М.Еленевым встретился. (VI, 172).

ЕПАНЕШНИКОВ, Василий Тимофеевич - командир третьей роты 5-го Оренбургского линейного батальона, штабс-капитан.

Ротой, в которой служил рядовой Шевченко, Епанешников командовал, предположительно, в феврале-апреле 1848 г., до сдачи ее штабс-капитану Степанову перед выступлением для прикрытия транспорта к Раимскому укреплению.

В дальнейшем Епанешников был переведен в Егерский фельдмаршала князя Варшавского графа Паскевича-Эриванского полк.

Епанешников назван командиром батальона майором Мешковым в его ответах на "вопросные пункты"(1850), как один из командиров роты, в которой служил Шевченко.

ЕПАНЕШНИКОВ, Ефим Артемьевич - писарь канцелярии Новопетровского укрепления.

Вместе с ним, писарем первого класса, в той же канцелярии вели писарскую работу Константин Петрович Петров, Александр Гордеевич Калинин, Автоном Герасимович Пономарев, Николай Васильевич Федоров и др. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.234-а, записи 1857 г.).

Имена этих людей называются здесь в связи с желанием установить авторство шуточного "послания" от 23 июля 1857 года, в котором, принося Шевченко "всенижайшее поздравление... с отставкою и увольнением из египетской неволи", писари обращались к нему с просьбой-вопросом: "... так как сего уже понедельника чижолый после праздника воскресения, нельзя ли за Ваше здравие и благополучие т о с т выпорожнить". ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр.101-102).

Подписей под письмом нет - есть замысловатый узор завитков, вполне в стиле юмористического послания. Но и отсутствие подписей, и характер письма говорят о том, что с писарями канцелярии Шевченко поддерживал отношения приятельские. Тем закономернее, что их имена называются здесь.

ЕРОФЕЕВ, Степан Васильевич - начальник Раимского укрепления в 1848 г., подполковник.

Сын поручика, Ерофеев начал свою военную службу по выпуске из 2-го кадетского корпуса - прапорщиком в Литовском егерском полку (1833). Два года спустя его произвели в поручики (1835), а далее перевели в Оренбургский линейный батальон № 1 (1838), в составе которого участвовал в Хивинской экспедиции. Уже в чине майора служил в Образцовом

пехотном полку (1842-1843). В 1845 был назначен командиром Оренбургского линейного батальона № 3. В 1847 - за отличие по службе - его произвели в чин подполковника и в конце того же года (16 декабря) назначили начальником Раимского укрепления. В 1848 "за открывшиеся во вверенной службе беспорядки" Ерофеева от этой должности "устрашили". Объясняя принятые им крутые меры, военный губернатор и командир корпуса В.А.Обручев в ответе на запрос военного министра докладывал, что Ерофеев, который "всегда был лучшим из штаб-офицеров", по назначении в Раим стал замечаем "в нетрезвом поведении, от чего проистекали вредные для службы последствия". Тут же приводились примеры взяточничества ("приема подарков"), самоуправства и т.п. Выслушав доклад военного министра, царь повелел "отчислить подполковника Ерофеева от должности, с состоянием по армии, и сообщить генералу Обручеву, что штаб-офицер сей, по окончании следствия, подлежит суду". (РГВИА, ф.395, оп.40, д.737).

Живя после отставки в Оренбурге, отставной офицер содержал себя "своими трудами". (ГАОО, ф.6, оп.18, д.303). В 1855 Ерофеев был возвращен на военную службу и назначен во 2-й Оренбургский линейный батальон. (ГАОО, ф.6, оп.12, д.1251).

Шевченко был свидетелем многих дел Ерофеева. В своих воспоминаниях Э.Нудатов, прибывший в укрепление позднее, утверждал, что поэт передавал ему "такие подвиги самодурства этого "милого" человека и "добряка", от которых немало человеческих душ отправилось с жалобами на тот свет..." Наиболее подробные описания характера "предприятий" Ерофеева можно найти в полной публикации воспоминаний, сделанной Д.Иофановым ("Матеріали про життя і творчість Тараса Шевченка", стр.60-61).

ЕРЫКЛИНЦЕВ, Кирилл Анкудинович - хорунжий Уральского казачьего войска, начальник почтовой лодки; впоследствии есаул. (ГАОО, ф.38, оп.1, д.289; "Справочная книга Оренбургской губернии на 1868 год", стр.97).

В казачьем войске Ерыклинцев служил с 1833 г., офицерское звание (хорунжего) получил в 1846-м. По службе аттестовался похвально. (РГВИА, ф.405, оп.6, д.7441, л.36 об.-37).

"12 ч(исла) сего октября (1850 - Л. Б.) из Новопетровского укрепления в Гурьев-городок прибыла почтовая лодка с хорунжим Ерыклинцовым с почтою, а 13 ч(исла) отправилась обратно в укрепление с почтою же и политическим преступником рядовым линейного Оренбургского батальона № 1-го Тарасом Шевченко". ("Тарас Шевченко. Документи та матеріали до біографії", К., 1982, стр.244-245).

ЕФИМОВ, Николай Тихонович - капитан почтового парохода "Ленкорань", лейтенант.

В 1848 году он, морской офицер Балтийского флота, участвовал в проводке судов из Петербурга в Астрахань, после чего оставался на Каспии долгие годы. С 1855 - капитан-лейтенант. ("Общий морской список", ч.IX, СПб, 1897, стр.110-111).

Шевченко общался с моряками "Ленкорани". Об этом, со слов Е.М.Косарева, писал Н.Д.Новицкий в своей статье "На Сыр-Дарье у ротного командира". ("Киевская старина", 1889, март, стр. 561-581).

"... Один раз, летом, этак около 6 час. утра, с южной стороны моря, появился великолепный и долго державшийся мираж, изображающий какой-то неизвестный нам город с домами, башнями и проч., что Шевченко успел даже отлично срисовать все это видение. - Проходит довольно продолжительное время. Дивимся мы на картину и ума приложить не умеем, что же бы это за город такой мог так живо отразиться в воздухе?! Только приходит в Новопетровск пароход "Ленкорань". Шевченко возьми да и покажи свою картину морским офицерам. Представьте же себе наше удивление, когда те в один голос воскликнули: "Да это Астрабад!!!"

ЕФРЕМОВ, Сергей Александрович (1876- после 1929) - публицист, литературовед, критик, общественно-политический деятель, академик (с 1919), вице-президент АН Украины (с 1922).

Автор работ о Т. Шевченко в контексте украинской литературы и общественной жизни, выдающийся составитель и комментатор научных публикаций его Дневника и Переписки - лучших образцов шевченковских изданий во все времена. Оклеветан и репрессирован в 1929.

ПРИТЧА ПРО ОБЕЗГЛАВЛЕННУЮ КНИГУ (Страницы из дневника)

1. Сначала совсем краткая предыстория.

Шевченко посвятила она сорок лет своей жизни. Посвятила без остатка - преданно и самозабвенно. Каждая книга тут, любая монография, брошюра, журнальная подшивка, всякий альманах, сборник, а их тысячи и тысячи - известны ей не только записями на каталожных карточках, но и "в лицо". Все - и не раз - держала в руках, открывала, листала. Многие читала. Не с голоса других ее мнение о добре этом, об экземплярах на стеллажах, о накапливавшемся десятилетиями трудов и поисков. Так низкий поклон главному - и незаменимому - хранителю книг Шевченко, литературы о нем в главном Шевченковском музее Украины и мира!

Мне дорого расположение моей давней знакомой - человека строгого и даже сурового, в книжных делах неумолимо-требовательного, под взглядом которого трепещет всякий, в ком заподозрит она легковесный, а стало быть неуважительный, подход к книге. Но я-то давно, и навсегда, убедился в ее полнейшей доброжелательности и безусловной готовности помочь тому, кто ставит перед собою цели не корыстные, кто не свою славу тешит, а жизнь поэта-художника читает, чтобы новое в ней вычитать, важное высветить. В таком случае отказа не будет: заходи, спрашивай что нужно, пользуйся.

- Хотел бы посмотреть "Листування"...*
- Единственный экземпляр в сейфе...*
- А сейф?..*
- Не у меня ключ. До понедельника не открыть...*

Огорчен, и скрыть огорчение не в силах. Через два дня улетаю. Где еще искать? Библиотекарь уходит в хранилище: там, среди книг, главный ее пост. Думаю, прикидываю: куда направить стопы?

Выходит с пакетом - "чем-то", завернутым в свежую газету.

- Здесь не разворачивайте. Посмотрите в гостинице и вернете...*

О, как я ей благодарен!

Чтобы не слышать изъяснений этой самой - совершенно, конечно, искренней - благодарности, уходит в святая святых снова и теперь уже надолго.

В номере пакет разворачиваю. Да, то, что мне необходимо, - "Листування" - переписка Тараса Шевченко в издании 1929 года.

Но в каком виде!

2. Книга - обезглавленная.

Побывала, сердечная, под острым ножом человека, которому такие операции были не внове. Титульный лист отсутствует.

Что за книга, кем, когда и где выпущена - не прочтешь.

Убраны страницы "От автора" - напрочь убраны.

Изъято "Предисловие", остались только ссылки в оглавлении.

А какое издание! Нет, не в смысле полиграфической роскоши и художественной изобретательности - все достаточно скромно, пуритански скромно. Не этим оно светится - умом и талантом тех, кто это подготовил, поразительной глубиной мысли составителей.

Титульного листа нет, фамилии скрыты. Но мне они известны и сейчас, переворачивая страницу за страницей, проговариваю их мысленно, в себе. Замечательная книга!..

Чем именно замечательная?

Письма Шевченко, впервые собранные вместе и обнародованные в четкой хронологической последовательности, с сохранением - где только было возможно - всех особенностей его стиля, орфографии, синтаксиса...

Письма к Шевченко - все выявленные к тому времени (прибавилось к ним после совсем чуть-чуть; уже тут были учтены едва ли не все сохранившиеся)...

Обширнейший, никакими размерами не ограниченный, комментарий, преимущественно фактический - с таким богатством сведений, которого не достигли и в изданиях новых...

Хронологический перечень писем... именной указатель адресатов, аналогичный указатель корреспондентов... Указатель всех содержащихся в книге фамилий! Географический!

Не просто книга - мечта.

Текст прерывается исключительно факсимильными вклейками.

Дойдешь до каждой - вздрогнешь от присутствия подлинного.

Шевченковские страницы письма к Лизогубу, письма к Толстой, письма к Симиренко - та самая бумага, тот самый формат и цвет, его, собственный, почерк в разные годы, его рука!

Листы и листочки - голубые, желтоватые, белые - сохраняют тепло его пера, его присутствия.

Книга достойна Оды, но никак не... проклятия.

Ее же прокляли. По какому праву?

3. Все дело в имени на титульном листе.

Не том, что крупным шрифтом сверху - Тарас Шевченко, а другом, что поменьше: С.А.Ефремов.

Книга, как сказал несколько раньше, имеет дату: 1929.

Этому же году суждено было стать последним в его литературной, публицистической, организационно-научной деятельности. Все оборвали арест, суд, приговор.

"Листування", как и "Щоденник" (первые вышедшие тома академического издания произведений Т. Г. Шевченко), казнили за то, что к их созданию был причастен "разоблаченный враг народа".

Причастен - не то слово. Ефремов это свое детище вымечтал, выстрадал, взрастил.

Родился он в 1876-м, был сыном священника в селе Пальчик на Киевщине, учился в духовной школе, в семинарии, потом, отбросив мысли о служении Богу, с отличием окончил юридический факультет Университета св.Владимира в Киеве, и тогда же, еще в студенчестве, стал заметной фигурой общественно-политического движения молодежи. За несколько лет до того заметили его в литературе. Начинал с беллетристики, но скоро "переманили" на свою сторону критика и публицистика, по этой стезе пошел, совсем скоро снискав себе известность. Известность не только в среде единомышленников и читателей, а и у... жандармов. Арестовывали, наказывали - было всякое. Человек сложный, противоречивый, Ефремов искал свои, особые пути к лучшему устройству жизни на родной земле, метался между партиями, совершал ошибки, поправлял их, и все это делал, не преследуя каких-то личных, своекорыстных интересов. В 1917-1919 годах он был одним из крупных деятелей "Центральной Рады". Революционные идеалы нового времени, власти рабочих и крестьян его не воодушевляли. Но как ученый-литературовед Сергей Александрович нашел свое место в науке. Избранный членом Всеукраинской Академии наук, а затем и ее вице-президентом, Ефремов еще более активно, чем когда-либо прежде, продолжил главное дело жизни - создание научных трудов, посвященных украинской литературе и, особенно, ее классикам. В перечне оставленных им монографий - "Марко Вовчок" (1907), "Шевченко" (1914), "Співець боротьби і контрастів" (о Иване Франко, 1913, 1926), "М.Коцюбинський" (1922), "Іван Нечуй-Левицький", "Карпенко-Карий" (1924), "Панас Мирний" (1928). Событием большого значения стала его "Історія українського письменства" (1911). А подготовленная им трехтомная "Антологія української літератури"? А изданные под его редакцией и с его вступительными статьями собрания произведений Л.Глибова, Е.Гребинки, И.Котляревского, И.Тобилевича? И, наконец, "Щоденник" и "Листування" Тараса Шевченко - тома поистине эпохальные, последнее, что он осуществил!..

С трактовками С.Ефремова, его научными взглядами и позициями можно соглашаться или не соглашаться, с высот нашего времени многое в его произведениях воспринимается по-иному, но чем дальше продвигаемся мы вперед, тем отчетливее видим, как много и славно потрудился в украинском литературоведении этот большой ученый.

Из науки Ефремова вычеркнули в 1929-м.

Вышвырнули вместе со всем, что он создал за годы и годы.

Остались в ходу одни только ярлыки, "щедро" навешанные на этого человека за пятьдесят с лишним лет его отсутствия в литературе и... жизни.

4. Тщетно искать Ефремова С.А. в "Шевченківському словнику".

Между фамилиями кинорежиссера Ефименко, снявшего документальные ленты о Шевченко, и марийского литератора Ефруша, некогда написавшего статью "Память о великом поэте", его нет. Будто и не было такого вовсе в науке о гении Украины.

Статья в несколько страниц, помещенная в томе четвертом "Литературной энциклопедии" 1930 года, отличалась удивительной для энциклопедий... оперативностью. "В момент написания данной статьи, - писал некий В.Бойко, - Ефремов на скамье подсудимых по делу "СВУ", заявляет об отказе от своих взглядов".

Позволю себе процитировать концовку этой поразительной скороспелки: "Судебный процесс "СВУ" ("Спільки визволення України" - "Союза освобождения Украины") дополнил и расшифровал то, что в действительности таилось под идеологической фразеологией

литературных произведений Ефремова. Девиз "нация над классами, государство над партией", под которым работала "СВУ", прикрывал продажу Украины международному империализму, национальный гнет, реставрацию капитализма, социальное порабощение украинских трудящихся масс и политическую диктатуру капитала. Ефремов-литератор идеологически обосновывал деятельность Ефремова-политика, а Ефремов-политик стремился реализовать то, что проповедовал Ефремов-литератор. Вся литературная деятельность Ефремова была выражением националистической идеологии, а его работа последних лет была идеологическим оружием в борьбе украинской контрреволюции против советской власти и строительства украинской социалистической культуры".

Выходит, актом "контрреволюционным", действием "против власти Советов" был и том "Листування" Шевченко?

На все лады поносит его тот же "Шевченківський словник", утверждая, что "вредная установка на буквалистское воспроизведение оригинала и буржуазно-объективистская позиция составителей, которые затушевывали в примечаниях к письмам социальные моменты в биографии поэта, обесценили издание".

Обесценили - значит лишили цены и, следовательно, ценности оно не представляет...

Еще определеннее выразило оценку тома предисловие к академическому сборнику "Листи до Т. Г. Шевченка" (1962).

"По своей идейной направленности, - читаем здесь, - это издание, редактором которого был С.Ефремов, было буржуазно-националистическим. Тут комментировались с объективистских позиций письма самого Шевченко, затушевывались идейная борьба, которая происходила между революционно-демократическими писателями и представителями либерально-буржуазного направления; ряд фактов из биографии Шевченко оценивался в плане "единого потока" и "безбуржуазности украинской нации", в связи с чем друзьями поэта считались украинские помещики (Галаганы, Тарновские) и буржуазно-либеральные писатели, в то время как тесное духовное единение Шевченко с русскими революционными демократами замалчивалось..."

Обвинений в контрреволюционности и антисоветчине тут, спасибо, нет, но оценка издания как "буржуазно-националистического" давний приговор книге подтверждала - заслужен, мол, справедлив.

Однако справедливо ли обвинять, не доказывая?

В шумном (по тому времени) делу не существовавшей "СВУ" в новой, независимой Украине разобрались скоро, решительно. Определили они и степень действительной "виновности" академика-литературоведа С.А.Ефремова. Иные сейчас годы, иные подходы...

Но скоро ли вернется к нам его наследие? его Шевченко? опубликованное и... неопубликованное?

Быть им по-прежнему за семью замками или обрести свободу общения с новым читателем?

Остаться книгам обезглавленными или жить с гордо поднятой головой?

Жить!

Тем эту вставку и заканчиваю.

ЖАКМОН, Петр Петрович - офицер, автор воспоминаний об Оренбурге середины XIX столетия. ("Из воспоминаний оренбургского старожилы". Журнал "Исторический вестник", 1905, апрель, стр.74-78).

Заметки П.П.Жакмона, написанные по личным его впечатлениям, содержат много деталей для более полной характеристики людей и нравов Оренбурга шевченковских времен.

ЖДАНОВ, Александр Дмитриевич - редактор "Нижегородских губернских ведомостей", коллежский секретарь.

Публикация в названной газете статьи "Бенефис г-жи Пиуновой, января 21 1858 года" (VI, 316-318) является, на наш взгляд, косвенным свидетельством знакомства Т. Шевченко с редактором Ждановым. Поэт следил за материалами этого издания - в частности, его театрального отдела.

ЖЕГОТА, Вильям - служащий Оренбургского уездного суда, коллежский секретарь.

Уроженец Минской губернии (род. в 1814 или 1815 гг.), он служил там в губернском правлении, но был уличен в 1847 в "хранении у себя оскорбительных стихов для верховной власти", арестован, а полгода спустя выслан в Оренбург с учреждением над ним гласного надзора. В Оренбург прибыл 7 февраля 1848. Из-под надзора освобожден в конце 1856. (ГАОО, ф.6, оп.18, д.332, 341, 351).

В.Жегота был близок к семье чиновника А.А.Кирша, в доме которого Шевченко встречался с ссыльными поляками.

ЖЕЛЕЗНОВ, Иоасаф Игнатьевич (1824-1863) - этнограф, историк и писатель уральского казачества.

В пятидесятых годах XIX века его очерки печатались в "Москвитянине", "Библиотеке для чтения", "Отечественных записках", там же публиковался роман "Василий Струняшин" - история о необыкновенных приключениях "старинного уральского удалыца" - его скитаниях, тяжком плене, трагической любви, жизни на необитаемом острове в покаяниях и молитвах. Роман, как и очерки, вышедшие впоследствии отдельным изданием под названием "Уральцы" (1858), идеализировали казачью старину.

Находясь в Новопетровском укреплении, Шевченко мог читать "Василия Струняшина" (первую его часть), "Картины аханного рыболовства", "Башкирцы", "Уральскую старину" и ряд других произведений, публиковавшихся в 1854-1856 гг. в журналах. Не рассматривая их специально, он высказал свое резко-отрицательное отношение к Железнову и его взглядам в дневниковой записи от 12 июля 1857 года, где, по сути дела, поставил знак равенства между работами об уральском казачестве П.Небольсина и И.Железнова (хотя авторы эти вели между собою гласный и весьма непримиримый спор, не стесняясь в выражениях).

О Железнове Шевченко знал не только по журнальным его произведениям. Несомненно, много рассказывал о нем в 1852 Н. Ф. Савичев - друг, а впоследствии биограф Железнова, говорили уральские казаки, которые несли службу в Новопетровском укреплении.

На нелестный шевченковский отзыв могло повлиять также его знакомство с представителями этой семьи еще в Раимском укреплении. В официальной переписке упоминается начальник транспортной команды Уральского укрепления сотник Железнов (вероятно, И.С.Железнов - двоюродный брат И.И.), который, в частности, увозил отсюда пленных ордынцев. Названный сотник был в Раиме в июне-июле 1849. (ГАОО, ф.6, оп.10, д.5999, л.37).

ЖЕЛИГОВСКИЙ, Эдвард-Витольд (1816-1864) - польский поэт, ссыльный в Оренбургской губернии.

Детство провел в родном фольварке Марьянполь, что на Виленщине. Девятнадцати лет от роду стал студентом Дерптского университета, где вошел в состав тайной студенческой организации. К тому же периоду относится начало его литературной деятельности. Все шире распространяются стихи Желиговского, избравшего себе псевдоним "Антоний Сова".

Однако известность пришла к нему после выхода в свет драматической фантазии "Иордан". Она разошлась быстро, потребовалось второе издание, но тут на книгу обратили внимание власти.

"Сочинение это, написанное звучными и хорошими стихами, - доносил в декабре 1850 г. виленский генерал-губернатор, - исполнено разных темных намеков и рассуждений, доказывающих неблагонадежный образ мыслей автора, давно уже возбуждившего на себя подозрение и состоящего под надзором полиции. По дошедшим до нас сведениям, означенное сочинение произвело сильное впечатление на молодежь как в здешних губерниях, так и в Варшаве..."

Почти одновременно стал известен ряд "крамольных" сочинений Р.Подберезского, В.Полубинского, Де-Штрунг, и это послужило основанием для вывода о существовании "тайного литературного общества с политической целью". Произведения (и прежде всего, "Иордан") были запрещены, а их авторы, в том числе Желиговский, подверглись суровому наказанию. (А.И.Герцен. Полное собрание сочинений и писем. Под редакцией М.К.Лемке. Т.ХІ, П., 1919; заметка в разделе "Дополнения", стр.471-478).

"По высочайшему повелению, за создание сочинения "Иордан", в котором обнаружена неблагонадежность автора, в январе 1851 года выслан из Вильно в Петрозаводск, Олонецкой губернии, с учреждением полицейского надзора, - говорится о Желиговском в одном из архивных дел, - а потом, по распоряжению г.министра внутренних дел, согласно желанию его, Желиговского, из Петроза-

водска выслан в Оренбургскую губернию... с продолжением учрежденного надзора..." (ГАОО, ф.6, оп.18, д.351).

В Оренбург он прибыл 24 июля 1853 г. Но здесь его оставили лишь на время тяжелой болезни. По выздоровлении, в январе 1854, Желиговский прибыл в Уфу, где находился более четырех лет, служа в канцелярии гражданского губернатора. Из-под надзора его освободили только 13 января 1857. О перипетиях этих лет жизни ссыльного польского поэта наиболее подробные сведения имеются в обнаруженном автором архивном деле о Желиговском. (ГАОО, ф.6, оп.18, д.253), рассмотренном в исследовании "Побратимы" ("Жовтень", 1966, № 2, стр.39-80), а также других делах того же архива (ГАОО, ф.6, оп.18, д.269, 303, 332, 341, 351).

Не вызывает сомнений, что Шевченко читал "Иордана" или знал о нем еще до своей солдатчины, либо в самом ее начале, а Желиговский познакомился с "Кобзарем" еще в 40-х годах. В годы неволи встретиться они не могли, так как их постоянно разделяли большие расстояния. Однако именно к этому времени относится возникновение и укрепление дружеских отношений между двумя поэтами. Возможно, еще в 1851 г., в горах Каратау, от Б. Залеского Шевченко узнал о высылке Желиговского в Петрозаводск. Залеский, вероятно, сообщил ему и о прибытии польского поэта в Оренбургскую губернию - на этот раз письменно. Не случайно, что именно в письме к Залескому, написанном в январе 1854 г., впервые встречаем мы шевченковские строки о поэте Польши: "Иордана" и Сову я знаю как твое сердце..." (VI, 92). В другом письме, которое относится к февралю 1854, Шевченко писал: "Мне давно хочется завести переписку с Совой, но не знаю, как и начать... будешь писать ему, кланяйся и целуй его за меня..." (VI, 90).

Через того же Залеского, заезжавшему в Уфу, к Желиговскому, Шевченко получил новые его стихи, из которых особенно понравились "Два слова" и "Экспромт" (Об этих стихах - в статье о Брониславе Залеском). Тронуло певца Украины сообщение о том, что Желиговский вознамерился перевести его "Катерину" (VI, 101, 104).

"Вдохновенный Сова" - именует его Шевченко (VI, 109). Упоминания о нем, причем самые теплые, мы находим и во многих других письмах, адресованных Залескому. "Что-то близкое, родное я вижу в этом добром, задумчивом лице, - писал Шевченко, получив от него портрет Желиговского, - мне так любо, так отрадно смотреть на это изображение, что я нахожу в нем самого искреннего,

самого задушевного собеседника!" (VI, 121).

Шевченко послал Желиговскому свою повесть "Варнак", которую, думается, ему же хотел и посвятить. "Официальное" посвящение не состоялось из соображений политической осторожности.

"Сова твой подарок принял со слезами..." - сообщал Залеский. ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр.85).

Ярким проявлением дружбы поэтов явилось создание Желиговским стихотворения "Брату Тарасу Шевченко" ("Сын народа - вождь народный, мученик, твой путь прекрасен..."), а Шевченко, в свою очередь, - "Подражаніс. Едуарду Сові". Стихотворение Желиговского было, по всему судя, написано еще в ссылке. Закономерно предположить, что именно о нем писал Шевченко 10 февраля 1855 г.: "прекрасные, сердечные стихи" (VI, 111), и 13 мая 1858 г., когда поэты встретились в Петербурге, Желиговский не впервые прочел его, а лишь вписал в шевченковский Дневник давно тому известное - на память. (V, 240-241).

В Дневнике Шевченко есть немало записей об их встречах в Петербурге. (V, 220, 226, 239). Дружья заочные стали друзьями личными. От Желиговского услышал он поэму "Зорский", когда-то запрещенную цензурой, узнал о подготовке нового польского издания "Слово", о деятельности демократических кругов, готовившихся к дальнейшей борьбе за свободу.

Желиговский пережил Шевченко на три года. С 1861 он жил в Италии, в Швейцарии. В Женеве, 28 декабря 1864, его и настигла смерть.

К сожалению, архив Желиговского не обнаружен. А это один из важных источников отыскания и неизвестных шевченковских материалов, в том числе, возможно, подлинных рукописей украинского поэта. Части архива могут находиться в Вильнюсе (вместе с архивом Л.Совиньского), в Кракове и, наконец, в Женеве. Более подробные указания на сей счет можно найти в заключительной главе уже упоминавшегося ранее нашего исследования "Побратимы", вошедшего, после журнальной публикации, в книгу "По следам оренбургской зимы" (Южно-Уральское книжное издательство, 1968).

ЖЕМЧУЖНИКОВ, Александр Михайлович (1826-1896) - поэт, один из соавторов "Козьмы Пруткова", с 1851 г. - чиновник особых поручений при председателе Оренбургской Пограничной комиссии.

Воспитание получил в Петербургском университете. Служба началась в чине коллежского секретаря, в столичном губернском правлении. С 1851 находился в Оренбурге, куда был перемещен по собственному желанию и по протекции его дяди В.А.Перовского. (ГАОО, ф.6, оп.6, д.12854).

"... Душою общества был родной племянник В.А.Перовского - Александр Михайлович Жемчужников. Ни одно празднество и ни одна холостая пирушка не обходились без него и без сосланного в Оренбург князя Трубецкого... А.М.Жемчужников отличался остроумием, редкой находчивостью и неистощимую веселостью. Игрою личных мускулов он изменял совершенно черты своего лица и изображал с поразительным сходством всех своих университетских профессоров. Мало

того, разговаривая с вами, он моментально усваивал ваш облик, манеру движения, звук голоса, так что вы могли вдруг видеть перед собою своего двойника. При этом он был еще поэт-юморист, и в обществе его нельзя было соскучиться..." (П.Жакмон. "Из воспоминаний оренбургского старожилы". "Исторический вестник", 1905, апрель, стр.80).

Упомянутый С.В.Трубецкой прибыл в Оренбург в 1853 году вместе с политическим ссыльным - польским поэтом Э.Желиговским; здесь он жил на одной квартире с Жемчужниковым. ("Тургайская иллюстрированная газета", 1896, 3 марта), и Желиговский, до отъезда в Уфу, являлся, несомненно, их частым гостем.

Из мемуарных источников известно также о знакомстве с этими лицами Б. Залеского и ряда других оренбургских знакомых Т. Шевченко. В январском письме 1854 г., адресованном Залескому и содержащем добрые слова о Желиговском, поэт Украины посылал "тысячу кровосердечных поцелуев и братскую любовь" тем, которые знают его "не лично" и о нем "вспоминают". (VI, 92).

Изучение круга людей, связанных с Желиговским и Залеским дружескими узами, приводит к мысли, что этот горячий привет был адресован, скорее всего, Жемчужникову и Трубецкому.

Не вызывает сомнений, что родной племянник Перовского привлекался к хлопотам - к сожалению, тщетным - об освобождении (или хотя бы облегчении участи) Шевченко.

Личное знакомство Шевченко с братьями Жемчужниковыми (Александром, Алексеем, Владимиром) произошло уже в апреле 1858.

"Очаровательные братья!" - записал он свое впечатление в Дневнике. (V, 230).

ЖИГИН, Ион Саввич - урядник, а затем хорунжий Уральского казачьего войска.

Плавая, до прибытия экспедиции А. И. Бутакова, на шхуне "Николай", он, вместе с другими казаками, обнаружил каменный уголь, необходимый для развития пароходства на Арале. По представлению подполковника Е.М.Матвеева, Жигин был произведен за это в хорунжие, а казаки получили по рублю серебром.

Под командой Жигина на шхуне "Николай" в Аральском море находились казаки: Григорий Соколов, Василий Чувилев, Ульянов Замсугенов, Евстафий Лобиков, Иван Панов, Григорий Асанов, Ермолай Бурнаев, Ерофей Ковалев, Павел Ковалев, Ефрем Голубов, Аким Костин, Яков Водолазов. (ГАОО, ф.10, оп.10, д.5979).

Участники экспедиции встречались с Жигиным на Кос-Арале и в Раиме, а затем прошли по следам первооткрывателей, для более глубокой разведки залежей. "9 августа (1848 - Л. Б.) я осматривал каменный уголь у мыса Куланды... На первый случай, можно добыть тысяч до 5 или 6 пудов..." (Из письма А. И. Бутакова; РГАВМФ, ф.4, д.82, лл.64-66). В этот день Шевченко сделал первые зарисовки названного полуострова, что нужно учесть при датировке сепии. (т.8, лл.20-21, 151-153, 164).

Ион Жигин - одна из ярких фигур среди уральских казаков, с которыми Шевченко особенно близко познакомился во время экспедиции на Аральское море.

ЖИЛИН, Сергей Романович - орский мещанин, современник Т. Шевченко.

Во время пребывания поэта в крепости Жилину было не менее двадцати лет; умер он в 1903 году, имея около восьмидесяти лет отроду.

Передавая рассказы деда, его внук П.Ф.Жилин сообщил в 1903 г. фольклористу И.И.Волошину о том, что "Шевченко в Орске проживал в хибарке на улице, которая теперь называется его именем", указав то же место расположения дома, о котором говорится в статье о М.Даутове.

Интересно предание о проповеди, прочитанной в военной церкви "как только Шевченко привезли в Орск" и имевшей целью показать для устрашения людей, "какая участь постигает всякого, кто богохульствует и не почитает царя". С.Р.Жилин вспоминал о популярности Шевченко среди местных жителей. ("Народ и Шевченко", стр.112).

ЖУЙКОВ, Александр Гаврилович - прапорщик, затем подпоручик, а с августа 1855 - поручик 1-го Оренбургского линейного батальона. (ГАОО, ф.6, оп.12, д.1251; "Адрес-календарь Оренбургского края на 1854 год", стр.250).

Из воспитанников Новгородского графа Аракчеева кадетского корпуса Жуйков был произведен в прапорщики 13 июня 1848 г., а на службу в батальон № 1 назначен приказом по Отдельному Оренбургскому корпусу от 6 июля того же года. (ГАОО, ф.6, оп.10, д.6057/б, лл.51-52). Впоследствии, в середине шестидесятых годов, уже в чине штабс-капитана, он служил в 5-м линейном батальоне, в Орской крепости. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.216).

Живую характеристику Жуйкову дала А. Е. Ускова: "Жуйков - ротный командир, умный, добрый и хороший господин, только беда в том, что пил запоем". ("Науковий збірник за рік 1926", т.ХХІ, стр.170).

Шевченко познакомился с Жуйковым в Новопетровском укреплении, был знаком также и с его женой. Приветы Жуйковым он передавал в ряде писем к И. А. Ускову (VI, 180, 207, 219), через Ускова же получая их и от Жуйковых. ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр.121).

ЖУЙКОВА, Олимпиада Петровна - жена А.Г.Жуйкова, дочь есаула Уральского казачьего войска П.И.Решеткова.

Бракосочетание 28-летнего офицера и 19-летней дочери есаула состоялось 1 октября 1856 г. в церкви Новопетровского укрепления. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.234-а).

В связи с именами Жуйковых автор считает нужным поделиться своим толкованием нескольких строк из записи в Дневнике Т. Шевченко, сделанной 15 июня 1857: "Сегодня поутру начал я рисовать портрет г.Бажанова... Черт принес приятельницу - помешала. Я закрыл портфель и вышел из кибитки. Скромная приятельница не утерпела, взглянула одним глазком на мою работу и нашла решительное сходство, если бы рот и нос поменьше. И не удовольствовавшись собственным замечанием, спросила мнения у горничной и у своего фаворита Молчалина. Это меня решительно взбесило..." (V, 16-17).

Зная из дневниковых записей и писем Шевченко о ближайших знакомых семьи Усковых, можно высказать предположение, что любопытная "приятельница" - это Е.А.Бажанова, жена смотрителя полугоспиталя Н.Е.Бажанова, портрет которого рисовал в тот день Шевченко, горничная - совсем юная тогда О.П.Жуйкова, а "Молчалин А." (Александр?) - ее муж А.Г.Жуйков. Бажанова и Жуйкова в этой записи называются по их положению к "первой даме" Новопетровского укрепления - жене коменданта А. Е. Усковой, Жуйков - с намеком на "особые чувства", которые питала к нему Бажанова.

Конечно, это не более чем гипотеза, но автор считает нужным ее высказать, полагая, что такие догадки, даже неподтвержденные сразу неопровержимыми фактами, являются бесполезными для возможного в дальнейшем прочтения и этих строк в Дневнике.

ЖУКОВСКИЙ, Василий Андреевич (1783-1852) - русский поэт-романтик.

Жуковский сыграл большую роль в выкупе Т. Шевченко из крепостной неволи; он высоко ценил талант молодого художника и поэта (который посвятил ему свою поэму "Катерина").

Шевченко вспоминал Жуковского в повести "Художник", Дневнике, письмах к М. Лазаревскому, А. Лизогубу, В. Репниной. Сохранился черновик письма, написанного им Жуковскому в январе 1850 г. из Оренбурга; Шевченко просил известного (и высокопоставленного) поэта похлопотать о дозволении ему рисовать и, тем самым, облегчении своей участи.

ЖУКОВСКИЙ, Григорий Васильевич - генерал-майор, наказной атаман Оренбургского казачьего войска, он же председатель войскового правления. (ГАОО, ф.6, оп.6, д.12509).

На этом посту Жуковский служил в 1848-1852 гг. (Ф. М. Стариков. "Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска". Оренбург, 1890, стр.120). До того он являлся командующим башкиро-мещерякским войском. Должность наказного атамана сдал 27 октября 1852 в связи с выраженным им желанием выехать для излечения болезни, сроком на один год. (ГАОО, ф.6, оп.12, д.625).

Офицерскую службу в крае Жуковский нес с 1819 г., генеральскую - с 1846, славился знанием фортификации, артиллерии и других военных наук, аттестовался с неизменно-высокими похвалами. (РГВИА, ф.405, оп.6, д.7441, л.59 об.-60).

О личном знакомстве Шевченко с Жуковским сведений нет, но в опубликованном письме к Шевченко ("Листи...", стр.61) он упоминается А.И.Чернышевым без особых пояснений, и это наводит на мысль, что адресату названное лицо было уже известно.

К. П. Брюллов

**Портрет В. А. Жуковского
1838**

С помощью передовых деятелей российской и украинской культуры этот портрет был продан с аукциона за 2500 крб. На эти деньги Т. Шевченко был выкуплен из крепостной неволи

ЗАБАРЖАДА (Забаржад) - знакомая Т. Шевченко в Оренбурге.

"Изредка устраивались вечера с дамами, причем неизменной подругой Тарасовой была татарка Забаржада, замечательной красоты". (Ф.М. Лазаревский. "Из воспоминаний о Шевченко").

В связи с этой фигурой можно высказать два предположения: первое - Забаржад изображена А. Ф. Чернышевым в его рисунке "Татарка" ("Русский художественный листок", 1851, № 20), второе - к ней обращено стихотворение "І станом гнучим і красою" (II, 259-260) - одно из прекрасных шевченковских стихотворений о любви.

ЗАБЕЛИН, Иван Егорович (1820-1908) - историк и археолог, знаток Москвы.

В 1837 г. совсем еще юный Забелин поступил на должность канцелярского служащего второго разряда в Оружейную палату, где, со временем, проявил себя как один из крупных знатоков истории материальной культуры. Впоследствии Забелин, уже признанный ученый, сыграл выдающуюся роль в организации Исторического музея, научным руководителем которого являлся до конца своей жизни. Огромная коллекция, собранная Забелиным, вошла в фонды отделов рукописей и письменных источников этого музея и представляет собою ценнейшее собрание документов и материалов XVI-XIX веков.

Забелин был близок к передовым кругам интеллигенции Москвы, дружил со многими писателями, журналистами, актерами. В 50-х годах сотрудничал в "Современнике".

Т. Шевченко познакомился с ним 21 марта 1858, когда вместе с М. С. Щепкиным побывал у него дома, имея желание видеть Забелина своим гидом в Оружейной палате. "Это молодой еще человек, самой симпатической, кроткой физиономии, обитающий не в квартире, а в библиотеке. Он не совсем здоров, и я не решился просить его показать мне Оружейную палату..." (V, 215).

Следует отметить, что среди рукописей литературных произведений XVII-XIX веков, собранных Забелиным, имеются и стихотворения Т. Шевченко. Они, как и другие материалы коллекции, особенно переписка 50-60-х годов (ГИМ, ф.440), требуют пристального внимания со стороны шевченковедов.

ЗАБРОДИН, Аверьян - матрос первой статьи, участник экспедиции по изучению и описанию Аральского моря.

В 45-м флотском экипаже служил с 1840; матросом первой статьи стал перед отправкой на Арал, куда следовал в команде унтер-офицера своей, первой, роты Абизарова.

На шхуне "Константин", вместе с Шевченко, Забродин провел обе навигации, а на Кос-Арале - зимовку.

ЗАВАДСКИЙ, Ипполит (Хипполит) Людвинович - рядовой 5-го Оренбургского линейного батальона.

В 1846 г. Завадский был привлечен к следствию по делу "О намерении некоторых служителей горных заводов Царства Польского присоединиться к краковским мятежникам и подговорить к тому рекрут, для работ на заводах находившихся". Главными зачинщиками оказались Ипполит Завадский и Станислав Круликевич, их соучастниками - Роберт Копровский и Людвиг Турно. Завадский и Круликевич были "наказаны шпицрутенами чрез пятьсот человек по два раза", а затем, как и названные соучастники, отданы на военную службу, но, в отличие от них, без выслуги. (ИЛ, ф.1, д.437).

В пятый линейный батальон Завадский прибыл в феврале 1847. Он, как и Круликевич, находился в Орской крепости в течение всего периода пребывания там Шевченко. Есть все основания полагать, что Ипполит Завадский и Станислав Круликевич были одними из первых поляков, с которыми поэт познакомился в самом начале своей солдатчины и к которым он обратил свое стихотворение "Полякам" (II, 51-52). Начальный вариант его, как известно, написан в Орской крепости в 1847-1848.

Вероятно, именно Завадский свел Шевченко с группой политических изгнанников - А.В.Ханыковым, В.К.Докальским, Ф.Г.Грудзинским, Э.Ф.Пожерским и связанными с ними прапорщиками П. Ф. Гурьевым и П. А. Невельским в июне-сентябре 1850, когда поэт находился в Орской крепости под арестом.

В этом кружке Завадскому принадлежала ведущая роль. После ареста, во время обыска, у него было найдено наибольшее количество недозволенных книг и записей. Записи касались не только событий исторических, но и жгуче-современных - например, о революции 1848 во Франции.

"Завадский должен обращать на себя строжайшее противу других внимание в политическом отношении", - сказано в одном из документов следствия. Это же подчеркнуто в приговоре. Завадский в нем назван первым, и приговор в отношении его особенно строг: отправка "в отдаленнейший батальон Восточной Сибири" с учреждением "настрожайшего надзора".

В 1856, находясь на службе в 14-м Сибирском линейном батальоне, Ипполит Завадский был произведен в унтер-офицеры, а два года спустя получил право вернуться на родину. (ГАРФ, ф.109-и, I эксп., д.82, лл.1-82).

ЗАГРЕБЕЛЬНЫЙ: ПЕЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

С матросами и унтер-офицерами 45-го флотского экипажа Тарас Шевченко познакомился в Аральской экспедиции.

Знакомство продолжалось и дальше - в Новопетровском... в Астрахани...

Ефрем Загребельный происходил из крестьян Уманского уезда Киевской губернии, от роду имел сорок лет, был неграмотным.

Горькая доля крепостного подтолкнула его искать хоть какой-то видимости свободы. Но уже на Херсонщине крестьянина схватили. И сразу - в арестантские роты.

После нескольких лет мучений в этих ротах определили его в "нижние чины". И продолжал Загребельный тянуть свою тяжкую ямку. Тянуть без всякой надежды на то, что когда-нибудь придет ей конец.

Появилась, правда, такая надежда во время Крымской войны. И он, и его товарищи держались стойко, дрались героически. Но потом увидели, поняли: надежды были напрасными.

Командир 45-го флотского экипажа, давая в процессе следствия свои пояснения, не мог не признать, что "все нижние чины,... находясь в г.Севастополе в составе гарнизона в продолжение одиннадцатимесячного бомбардирования неприятелем, доведены были до совершенной крайности в одежде, а при внезапном выступлении из города войск все имущество их, как частное, так и казенное, предано пламени". А дальше? "В таком положении люди шли в Николаев, а оттоль, по снабжении их необходимою для пути теплою одеждою, были отправлены в г.Астрахань.

Постоянный пятимесячный путь в зимнее ненастное время был... причиною того, что и вновь выданная людям одежда также пришла в ветхость. Когда же он (экипаж - Л. Б.) прибыл в Астрахань, то хотя и требовал <командир> следуемые им годовые на 1856 год материалы, но по неимению таковых при порте не было отпущено, и он <опять же командир экипажа и автор пояснения>, видя крайность людей в одежде, просил разрешения капитана над Астраханским портом, чтобы позволено было людям, остающимся от нарядов налицо, увольнять на вольные работы для поправления одежды..."

Стал получать такие увольнения и Ефрем Загребельный. Деньги, им заработанные, исправно записывались "на приход". Сам же мастеровой чувствовал себя с каждым днем хуже: его засасывала тоска. Однажды, возвращаясь с "вольной работы", он зашел в питейный дом и попросил

водки. В экипаже рядового ждало за это наказание. Тогда Загребельный решил не возвращаться. Тайком пробравшись в казарму, он взял скрипку, с которой не расставался, и ушел. Играл людям, изливая горечь своей души. Люди его кормили-поили. Ночевал где-попало. Однако утешение было недолгим. Через неделю, не в силах более скрываться, он вернулся с повинной. А несколько дней спустя, прогнанный через строй шпицрутенов, Загребельный отправился в арестантские роты - "для зачисления в разряд всегдашних арестантов с содержанием в оковах". "Всегдашних" - значит, бессрочных. (РГАВМФ, ф.836, оп.1, д.2, лл.80-81, 84).
О Загребельном Шевченко могли рассказать многие его астраханские знакомые из 45-го флотского экипажа.

ЗАЛЕСКИЙ, Бронислав Францевич (1820-1880) - рядовой, а затем унтер-офицер и прапорщик линейных батальонов Отдельного Оренбургского корпуса.

Б. Залеский родился в дворянской семье Минской губернии. Получив домашнее воспитание и пройдя курс гимназии, он в 1837 поступил в Дерптский университет, но уже год спустя, за участие в кружке польских студентов, связанном с конспиративной организацией Ш.Конарского, был исключен и арестован. После двухлетнего пребывания в тюрьме, где находился на положении подследственного, Залеский был выслан в Чернигов. Ссылка закончилась в 1845. По возвращении он поселился в Вильно и вновь установил связи с участниками польского освободительного движения. В 1846 последовал второй арест. По окончании следствия Залеского приговорили к отправке рядовым в линейные батальоны Отдельного Оренбургского корпуса.

Б. Ф. Залеский
Автопортрет
1850

Здесь Залеский служил с 1848 по 1856 - во втором, четвертом и девятом линейных батальонах. Командированный в 1851 в состав Каратауской экспедиции А.И.Антипова, он по возвращении был "за отлично-усердную службу" произведен в унтер-офицеры. В 1853, за отличия под Ак-Мечетью, получил производство в офицеры. 12 июня 1856 его, прапорщика 2-го линейного батальона, со службы уволили.

Выехав на родину, служил в редакционных комиссиях по подготовке крестьянской реформы. В 1860 получил заграничный отпуск и более в Россию не возвратился. Находясь за рубежом, Залеский поддерживал связи в революционными организациями, готовившими новое выступление; ему, в частности, была поручена покупка оружия для повстанцев Литвы и Белоруссии. В течение многих лет сотрудничал в польской эмигрантской прессе, он снискал популярность как историк, а также художник - автор рисунков из жизни степных народов. Умер Залеский от туберкулеза; смерть настигла его в Ментоне. (В.А.Дьяков. "Тарас Шевченко и его польские друзья", стр. 63-64; ГАОО, ф.6, оп.12, д.1044, 1388).

Бронислав Залеский был одним из самых близких друзей Т. Шевченко периода неволи. Так как их многолетние приятельские отношения уже получили весьма подробное освещение в трудах шевченковедов, ограничимся лишь расстановкой главных вех их дружбы, чтобы далее остановиться на отдельных вопросах, достаточного освещения не получивших или трактуемых не во всем основательно.

Начало их личных связей относится к ноябрю 1849, когда, по возвращении Аральской экспедиции в Оренбург, Залеский, как "умеющий рисовать", был прикомандирован в помощь Шевченко "для отделки гидрографических видов берегов Аральского моря". Оренбургские их встречи увековечены

А. Ф. Чернышевым в рисунке, условно называемом "Шевченко среди польских ссыльных", где запечатлен и Залеский. Однако по-настоящему сблизились они во время совместного пребывания в Каратауской экспедиции по разведке месторождений каменного угля, где вместе, в одной палатке, провели три месяца.

Сразу по возвращении Залеского в Оренбург между ним и Шевченко завязалась переписка, которая не прерывалась в течение всего периода солдатской службы поэта; продолжалась она и в последующие годы.

Залеский стал надежным "связным" между Шевченко и ссыльными в Оренбурге, Уфе, Ак-Мечети, Богословске, в том числе З. Сераковским, Э. Желиговским, А. Плещеевым и другими. Через него узнавал поэт обо всем новом в жизни оренбургской колонии политической ссылки. От него он получал кисти, краски и все другое для занятий живописью. Бесценной была помощь друга в продаже художественных работ Шевченко, имевшая большое значение для улучшения материального его состояния, а, кроме того, положительно влиявшая на моральное самочувствие изгнанника, который видел в этом один из важных каналов своих связей с внешним миром. Наконец, в переписке содержится и обмен мыслями по вопросам искусства; в этом между ними с самого начала знакомства сложились отношения учителя-ученика, и Шевченко, как заботливый наставник, давал Залескому практические советы, вытекавшие из собственного опыта.

Ни один исследователь жизни и творчества Шевченко не может обойтись ныне без изучения переписки его с Б. Залеским.

Большой интерес представляют комментарии Б. Залеского к письмам друга, опубликованные Иваном Франко в сборнике "Листочки до вінка на могилу Шевченка в ХХІХ роковини його смерті" (Львов, 1890, стр. 23-56). К сожалению, последующие их публикации весьма неполны и "дословный перевод", о котором заботился И. Я. Франко, до читателя не доводится.

Лишь частично введены в научный оборот шевченковедения воспоминания Залеского об оренбургской ссылке: "Wygnan sy Polsku w Orenburgu" ("Rocznik Towarzystwa historyczno-literackiego w Paryżu, na rok 1866", Париж, 1867).

Следует сказать еще об одном источнике, пока, к сожалению, доступном немногим. Речь идет о письмах Залеского и Л. Турно, адресованных главным образом А. Венгржиновскому. Оригиналы их хранятся в Ягеллонской библиотеке, в Кракове, а 213 листов фотокопий - в Киевском Государственном музее Т. Шевченко. Научное издание этого эпистолярного богатства давно назрело. Оно послужило бы дальнейшей углубленной разработке проблем взаимосвязей деятелей русского, украинского и польского общественно-политических движений, более широкому изучению обстановки, в которой протекали годы изгнания поэта. Публикация этой переписки, требующая больших усилий текстологов, переводчиков, комментаторов, - одна из важных задач источниковедческого характера.

Наконец, еще не отыскан весь архив Залеского, который, будучи обнаруженным, мог бы открыть немало материалов для шевченковской науки.

Обратимся, однако, к отдельным моментам деятельности Б. Залеского, вызвавшим, судя по переписке с Шевченко, живой интерес поэта.

"... С(игизмунд)... пишет мне, что ты оставляешь военное сословие и делаешься библиотекарем Оренб(ургской) публичной библиотеки. Дал бы Бог!" - так писал Шевченко Залескому. (VI, 103).

"Я чрезвычайно рад, что тебе поручена новая библиотека; лучше для тебя занятия я не мог бы придумать", - заметил он в феврале 1855. (VI, 110-111).

Обнаруженные автором архивные дела (ГАОО, ф.6, оп.6, д.хр.13321, 13225) раскрывают историю библиотеки, содержание фондов и роль Залеского в ее организации.

Планомерные закупки книг для библиотеки при канцелярии Оренбургского и Самарского генерал-губернатора начались в 1853 г. За эту работу активно взялся видный деятель края ученый-востоковед В.В.Григорьев. Под его руководством были закуплены, прежде всего, издания историко-краеведческого характера, книги о Средней Азии, литература справочная. В первом же списке приобретений значится пушкинская "История Пугачевского бунта", "Описания киргиз-кайсацких степей", сочинения Палласа и другие. Поставщиками новой библиотеки стали книжные лавки А.Смирдина, П.Крашенинникова, Н.Сеньковского. За ее устройством ревностно следил генерал-губернатор В.А.Перовский. Когда штабс-капитан А.И.Антипов попросил в июне 1854 книгу Палласа, намереваясь воспользоваться ею в экспедиции, Перовский наложил категорическую резолюцию: "Брать с собою из Оренбурга не позволяю".

По его, Перовского, предложению был составлен каталог библиотеки. Эту работу выполнил, главным образом, Залеский, получивший за нее в апреле 1855 денежную награду.

Библиотека расширялась. Сюда поступали "даровые приношения" (к примеру, книги из Казанского университета) и литература, выписанная из столичных лавок. Всю переписку по заказам вел Залеский; каждая книга проходила через него. В названном деле № 13321 имеется двадцать семь собственноручных расписок Залеского по поводу всевозможных библиотечных трат. Последняя запись его рукой сделана незадолго до отъезда на родину. Военное сословие он оставил с радостью, но в библиотекари не пошел.

Как свидетельствует переписка, Шевченко получал от Залеского и книги. Надо полагать, что друг поэта умел в данном случае губернаторский запрет обходить.

Шевченко искренне интересовался художественным творчеством Залеского, и отголоски этого можно найти в большинстве их писем. Тем более заслуживают дальнейшего изучения все его работы, в том числе альбомы, хранящиеся в Государственном Музее Т. Шевченко (Киев).

Альбом из 41-го листа (№№ 1690-1730) состоит из рисунков, сделанных преимущественно во время похода на Ак-Мечеть. Залеским здесь, безусловно, выполнены зарисовки стен, башен, ворот бывшей кокандской крепости (лл.29-31, 33-38). Что касается других работ, то они, вероятно, принадлежат разным художникам, авторство которых еще предстоит установить. Как все это оказалось в альбоме Б. Залеского? Думается, что альбом именуется так неправомерно. Точнее полагать его одним из альбомов Перовского.

Среди доказательств - характерный губернаторский почерк в подписях к отдельным листам, в том числе выполненным Залеским (лл.29, 31 и др.).

Другой альбом, состоящий из 55 листов, именуется "Альбомом Б. Залеского" более обоснованно, хотя и не представляет работ только Залеского. Но ими, прежде всего, он ценен. Не разбирая скромных художественных достоинств рисунков, мы не можем не обратить внимания на то, что они позволяют уточнить ряд мест из переписки друзей.

В письме от 6 июня 1854 Шевченко выражает восхищение "девственной, торжественно прекрасной" уральской природой, желание провести хотя бы час "в дремучем сосновом лесу, под темной тенью широковетвистой, мрачной, как дума Оссиана, ели" (VI, 100). Представление о природе Среднего Урала он получил благодаря Залескому, находившемуся тогда в Богословске. На одном из листов альбома (инв.№ 379) именно такие (если не те же) "оссиановские" деревья; в глубине - рабочее селенье с возвышающейся над ним заводской трубой. Рукой автора проставлена дата: "1854".

В письме от 25 сентября 1855 Шевченко восторженно радуется получению "драгоценного подарка" - портрета Э.Желиговского (А.Совы). Можно предположить, что речь идет о том портрете, который значится в альбоме под инв.№ 386.

На рисунке с инв.№ 388, помеченном: "Оренбург, 1854", - О.Н.Бутакова, жена известного морехода и исследователя. Тот факт, что Залеский был вхож в эту семью, дает возможность более точно адресовать отдельные приветы "Алексею", которые содержатся в шевченковских письмах этого года.

Последние листы альбома заняты стихами на польском и русском языках; авторами их являются Э.Желиговский и А.Плещеев.

"Благодарю я тебя и за прекрасные песни Сова: мне особенно понравились из них "Два слова" и "Экспромт"... " - писал Шевченко Залескому 6 июня 1854. На листе с инв.№ 376 переписаны польские стихотворения. Одно из них: "Gedno Slowo na pamid 1854 a 18 Janw." Судя по названию и характеру стихотворения это и есть тот самый "Экспромт", который заинтересовал Шевченко. Здесь уместно сказать, что сравнение оригинала стихотворения "Два слова" с переводом сделанным А.Плещеевым, оказалось у Шевченко явно не в пользу поэтически-вольного переложения на русский язык, также присланного ему Залеским. (VI, 104).

Разносторонние связи Т. Шевченко с представителем польской революционной ссылки Б. Залеским, здесь лишь очерченные, нуждаются в специальном изучении. При этом непременно должны быть пересмотрены работы Залеского-художника: среди них могут оказаться и еще не атрибутированные шевченковские произведения.

Такие предположения относятся и к составу альбома "Сувенир Оренбурга. 1842-1851)" - инв.№№ 1174-1216. Сомнительно, чтобы в альбоме Обручевых, в доме которых Шевченко бывал как художник, оказались только копии его рисунков. Нельзя забывать, что Залеский являлся и весьма активным копиистом; копии также могут навести на след утраченных (или не выявленных еще) подлинников Шевченко.

РАССКАЗ О ЧУДЕСНОЙ НАХОДКЕ

Впервые я узнал об этом из маленькой заметки в еженедельнике "Польское обозрение" за 7 апреля 1970 года. "В архиве краковской библиотеки Чарторьских, - сообщалось в ней, - найдено 14 писем Т. Шевченко поляку Б. Залескому - участнику заговора против царского самодержавия. Вместе с письмами Шевченко, хранящимися в Ягеллонской библиотеке, они дают полное представление о переписке 1853-1857 гг. между обоими борцами за социальное и национальное освобождение, которые встретились и подружались в оренбургской ссылке".

Уже в следующем номере того же польского еженедельника была опубликована статья Згибнева Войнара - научного работника библиотеки Чарторьских в Кракове.

"Весной 1872 года в Курник, под Познанью, было привезено из Парижа библиотечное собрание "Отеля Ламбер" - местопребывания Чарторьских в эмиграции - и оставалось там вплоть до 1876 года, когда оно было передано в Краков, - вел рассказ Войнар. - В коллекции собраны богатые рукописные материалы, принадлежавшие политическим деятелям лагеря Чарторьских. К этим лицам относился и Бронислав Залеский - один из видных представителей этого лагеря после январского восстания 1863 года.

Разбирая материалы Залеского, я обратил внимание на небольшой пакетик с 14 письмами, написанными по-русски. Они не были подписаны, и только в конце одного из них виднелась буква Т. Из-за отсутствия подписи и очень неразборчивого почерка ими никто не заинтересовался вплоть до настоящего времени. Чтобы найти ключ к разгадке авторства писем, пришлось внимательно проследить все пути бурной жизни Бронислава

Залеского..."

Из цитированной выше статьи в "Польском обозрении" за 14 апреля 1970 года читатели узнали, что судьба писем, действительно, была весьма необычной.

Оказавшись в 60-х годах XIX в. в Париже, Залеский намеревался опубликовать письма Шевченко - по-польски - в "Ежегоднике Литературно-исторического общества". Это не удалось. Тогда он решил передать письма издательству Академии наук в Кракове. Но и тут публикация не состоялась. Следы автографов затерялись.

Влодзимеж Спасович, критик и литературовед, развернул их поиски. Найти, однако, удалось только копии. Они обнаружили у Юзефа Крашевского в Дрездене. Их получил М. Драгоманов, которому и принадлежит честь обнаружения этих писем в первых трех номерах "Киевской старины" за 1883 год. Со временем при разборе архива Крашевского была выявлена еще одна копия тех же писем.

Как установил М. Павлык, нашедший новый список, между ним и опубликованным в "Киевской старине" оказались различия. Иван Франко, заинтересовавшись находкой, установил, что она, по всему судя, была когда-то в руках самого Залеского, который снабдил сделанную копию собственными примечаниями. На основе ее И. Франко сделал ряд уточнений и дополнений к журнальной своей публикации. ("Листочки до вінка на могилу Шевченка в ХХІХ роковини його смерті". Львов, 1890). Сама же копия, им использованная, ... затерялась, исчезла.

Комментируя шевченковские письма к Б. Залескому, исследователи нередко сетовали на неточность обеих публикаций. Но об автографах не знали ничего. И вот они нашлись!

"Письма, как уже говорилось, не были подписаны, - отмечал наш польский коллега, - а архив Бронислава Залеского был систематизирован совсем недавно, поэтому без малого сто лет(!) не было известно об оригиналах шевченковских писем". Однако, в конце концов, "переписка двух друзей дождала до наших дней". Добавим - к общей радости всех, кому дорого имя и творчество Тараса Шевченко!

Публикация оригиналов ("Радянськелітературознавство", 1971, № 6) обнаружила в письмах десятки серьезнейших разночтений, подтвердив, что открытие имеет поистине исключительное литературно-биографическое значение.

Позднее, из газеты "Літературна Україна" (1970, 12 июня), мы узнали, что находка в Кракове не была случайной, а явилась результатом совместных поисков исследователей львовских и краковских. Толчок к успешно закончившейся "операции" дало обнаружение в отделе рукописей Львовской государственной научной библиотеке АН Украины неизвестного ранее письма Б. Залеского к генеральному секретарю Академии наук в Кракове Ю. Шуйскому. Оно-то и навело на след.

ЗАЛЕСОВ, Николай Гаврилович (1828-1895) - прапорщик Оренбургского линейного батальона № 3.

В дальнейшем Залесов - старший адъютант, квартирмейстер 23-й пехотной дивизии, обер-квартирмейстер Оренбургского корпуса и др. В конце жизни - генерал от инфантерии и член Военного совета.

С Шевченко Залесов познакомился в 1850 г. - "хотя, к сожалению, - как пишет он сам, - не на долго, ибо Обручев, найдя пребывание его в Оренбурге почему-то небезопасным, отправил

Шевченко в заброшенный в пустыню Александровский форт, куда даже офицеров посылали в виде особого наказания".

"Записки Н.Г.Залесова", опубликованные в журнале "Русская старина" (книги четвертая-шестая за 1903 г.), являются ценным источником для характеристики Оренбурга и Оренбургского края шевченковских времен. В воспоминаниях много живых портретов офицеров и генералов, имена которых известны по биографии поэта. Эти "Записки" в научный оборот шевченковедения введены нами.

ЗАЛЬЦ, Владимир Иванович - комендант Санкт-Петербурга, барон, генерал-майор.

К нему, коменданту, было обращено письмо дежурного генерала военного министерства П.Н.Игнатъева о выделении в инспекторский департамент "одного часового из ближайшей к департаменту гауптвахты" для "содержания под арестом одного секретного арестанта". Арестантом являлся Т. Шевченко, пост был упразднен "в самом непродолжительном времени" ("Тарас Шевченко. Документи та матеріали до біографії", К., 1982, стр.131).

Имя "барона Зальц" (с нелестным эпитетом) есть в записи Дневника, но в связи с женою его, "купленной б... растленного сатрапа Перовского". (V, 185). Однако идентичность коменданта Зальца и Зальца из дневниковой записи остается еще под вопросом.

ЗАРЯНКО Н. - журналист, муж Нат.И.Усковой.

Впервые рассказ о Шевченко Н.Зарянку услышал от Н.И.Усковой в 1882 году. Тогда же он записал его и вскоре опубликовал под заголовком "Воспоминания Наты о дяде Тарасе" ("Санкт-Петербургские ведомости", 1882, № 75). Впоследствии, собрав дополнительные материалы, в том числе шевченковские письма, Зарянку напечатал более обстоятельную статью: "Воспоминания Н.И.Усковой о Т. Г. Шевченко" ("Киевская старина", 1889, февраль, стр.297-313).

Брак Усковой и Зарянку продолжался недолго. По мнению Над.И.Усковой, Зарянку был непосредственным виновником исчезновения шевченковских реликвий, относящихся к мангышлакскому периоду его жизни: портрета Натальи с дарственной надписью автора и книги, "которую сам Тарас Григорьевич получил как подарок от какой-то столичной княжны, тоже с автографом поэта" (И. Пронин. "В гостях у друга Т. Г. Шевченко". "Життя й революція", 1928, март, стр.121).

ЗАХРЯПИН, Николай Васильевич - оренбургский мещанин, приказчик компании рыбопромышленников на Аральском море. (ГАОО, ф.6, оп.10, д.5960).

Цена долголетний опыт и личные качества Захряпина, А. И. Бутаков брал его в плавания на шхуне "Константин" и всячески содействовал разведкам новых мест богатых уловов. "Попутный ветер и бородатый капитан Захряпин то и дело напоминают мне, что... пора сниматься с якоря..." (Указанное архивное дело, лл.64-66).

"Он (Захряпин - Л. Б.) говорил о выгоде устройства здесь в обширном размере рыбопромышленной ватаги". ("Дневные записки плавания А. И. Бутакова по Аральскому морю", стр.29). Захряпин служил также переводчиком в переговорах русских участников экспедиции с "киргизами и туркменцами" (Там же, стр.22).

Живые характеристики Захряпина оставил А. И. Макшеев в книге "Путешествие по Киргизским степям и Туркестанскому краю". (СПб, 1896). "Один из приказчиков компании, Николай Васильевич Захряпин, человек весьма умный, наблюдательный, отлично знавший по татарски и чрезвычайно красноречивый, но по временам сильно запивавший, рассказывал мне много курьезного о рыбаках". (стр.55). "Во время пути меня удивила громадная популярность, которою пользовался Захряпин

среди сырдарьинских киргиз. С берегов... постоянно слышались ему теплые приветствия: "аман Микелей! аман!". (стр.75).

На шхуне "Михаил", под командой Захряпина, плавали лоцман Андрей Постнов, кормщики Николай Агафонов, Семен Шилкин, рабочие Иван Кириллов, Василий Козлов, Иван Колтурин, Иван Жаворонков, казак из поселян Петр Цыцылин. (ГАОО, ф.6, оп.10, д.6134).

Т. Шевченко общался с Захряпиным и другими рыбаками в 1848-1849 гг. Захряпин, бесспорно, был одной из колоритных фигур, привлекавших его внимание.

ЗБРОЖЕК, Фома (Томаш) Иванович - старший врач 17-го рабочего экипажа в Астрахани.

Медицинское образование Зброжек (род.в 1821) получил в Киевском университете. По окончании курса наук (1850) был направлен в Севастополь. В 1853-1856 участвовал в Крымской войне - в том числе в Синопском бою и Севастопольской обороне. С июня 1856 служил в Астрахани.

Здесь, в Астрахани, и состоялось знакомство Зброжека с Т. Шевченко, вылившееся в крепкую, хотя и короткую по времени, дружбу. Подтверждением ее могут служить, прежде всего, записи в Дневнике - сделанные Шевченко и Зброжеком. (V, 107-108).

ЗЕЛЕНКО, Михаил Фадеевич (в монашестве Кандид; 1797-1860) - польский ссыльный, ксендз Оренбургской римско-католической церкви.

Зеленко родился в небогатой дворянской семье Виленской губернии. Первоначальное образование получил в уездном училище Ковно, а затем, в 1815, приняв монашество, одновременно прошел и "высший семинарский курс", окончив его "со степенью лектора богословия", и полный курс наук по этико-филологическому факультету Виленского университета. После этого Зеленко назначили учителем польского красноречия и латинского языка в Несвижское уездное училище, откуда в 1825 он был переведен в Гродненскую доминиканскую гимназию, где впоследствии стал префектом. Эта гимназия в бытность здесь Зеленки превратилась в один из очагов свободолюбия.

После восстания 1831 г., в котором участвовали и гродненские гимназисты, власти гимназию закрыли, а префекта, вступившегося за своих учеников, выслали в Оренбургскую губернию, куда он был доставлен в конце 1833-го. Долгое время оставаясь не у дел, Зеленко в Оренбурге терпел крайнюю нужду, но бескорыстно служил соотечественникам, также в эти места сосланным. Два года спустя, в 1835-м, когда ему разрешили переехать поближе к родным местам, изгнанник отказался - "не изъявил согласия".

Только в 1839 последовало решение о назначении Зеленко ксендзом Отдельного Оренбургского корпуса. К тому времени он давно уже стал для польских ссыльных признанным "духовным отцом". Губернаторы - сначала В.А.Перовский, затем В.А.Обручев и снова Перовский - официально свидетельствовали, что Зеленко "приобрел доверенность и расположение поляков, пользуется там общим хорошим мнением" и что "своими советами удерживает от предосудительных поступков". Тем не менее, характеризуя его как вполне благонадежного, начальники губернии полагались на Зеленко далеко не во всем.

"Однажды оренбургскому губернатору В.А.Обручеву донесли, что в местном костеле по вечерам виден огонь и что там собираются на тайные сходки ссыльные поляки. Получив это донесение, В.А.Обручев в сопровождении плац-майора Халецкого и полицмейстера полковника Демостико нагрянул внезапно вечером к костелу и, заметив там свет, тотчас потребовал ксендза Зеленку и приказал ему отворить костел. Когда вошли во внутренность его, то в нем никого не оказалось, и В.А.Обручеву пришлось извиниться перед ксендзом Зеленкой за излишнюю поспешность: не трудно

было убедиться в том, что свет в костеле происходил от лучей заходящего солнца, ударявших прямо в разноцветные стекла окон алтаря".

В этом эпизоде, приведенном (как и ряд других, сообщенных здесь, фактов) в книге "Бывший префект Гродненской гимназии, иеромонах Доминиканского ордена Кандид Зеленко в Оренбурге" (Оренбург, 1913), проявилось подлинное отношение властей к оренбургскому ксендзу. Об этом же свидетельствует тот факт, что в течении многих лет Зеленко оставался в списках лиц, состоящих под надзором полиции. От надзора его освободили только 15 марта 1857.

Важную роль сыграл Зеленко в культурной жизни края: при его участии создавались оренбургский музей, училище лесоводства и земледелия, благотворительные общества.

(Кроме названной книги, сведения о Зеленко имеются в архивных делах: ГАОО, ф.6, оп.18, д.215, 303, 375. Содержащиеся в делах собственноручные подписи ксендза дают возможность устранить разницу в написании его фамилии. Сам он писал не Зеленка, а Зеленко).

Т. Шевченко мог впервые узнать о Зеленко от своих польских знакомых в Орской крепости, а лично познакомиться с ним - тоже при посредстве друзей-поляков - в Оренбурге, зимой 1849-50. С Зеленко были близки Б. Залеский, М.Цейзик (являвшийся старостой римско-католической церкви), Кирши и др. Не без его, Зеленко, участия Шевченко вошел в дома влиятельных лиц, в том числе губернатора Обручева, супруга которого являлась одной из прихожанок костела, а Зеленко использовала в качестве ближайшего своего помощника в делах благотворительных.

Человек умеренных взглядов, далекий в главном от взглядов Шевченко, он пользовался его доверием и уважением. Об этом свидетельствует уже тот факт, что во многих письмах к Б. Залескому, отправленных из Новопетровского укрепления, Шевченко тепло вспоминает "ojca prefesta", просит поцеловать его руку. (VI, 90, 93, 105, 106, 114, 122). Одно из писем - от 9 октября 1854 - было послано Залескому в адрес ксендза.

Самое же раннее упоминание Зеленко в сохранившемся наследии поэта относится к марту 1850, когда Шевченко писал В.Н. Репниной: "Я предлагаю здешней католической церкви (когда мне позволят рисовать) написать запрестольный образ (без всякой цены и уговору), изображающий смерть Спасителя нашего, повешенного между разбойниками, но ксендз не соглашается молиться перед разбойниками! что делать!.." (VI, 66). Эскиз "Распятие", который должен был получить осуществление именно в оренбургском костеле, сохранился и опубликован. (т.8, л.55).

ЗЕЛИКЕЕВ, Хайбулла - рядовой 4-го Оренбургского линейного батальона.

"Тарас Шевченко назначен и переведен в 4-й батальон по воле господина корпусного командира, вместо него оставлен рядовой Зеликеев," - так обозначено в "Списке нижним чинам 4-го батальона, остающимся по болезни и не могущим следовать в степные укрепления, на место коих назначены из такового же батальона № 5".

Из этого документа мы узнаем, что от дальнейшего похода были, по болезни, отставлены следующие "нижние чины 4-го батальона": Сузин Адам, Давыдов Ефим, Глотов Степан, Коньков Андрей, Бушмакин Федор, Зеликеев Хайбулла, Анджейка Лейба. Вместо них в поход были из Орской крепости снаряжены рядовые 5-го батальона: Соснин Василий, Титов Иван, Дубинин Осип, Семенов Федор, Чашилов Андрей, Носков Андрей и - Тарас Шевченко, причина отправки которого ("по воле господина корпусного командира") выделена особо.

В приказе командира первой бригады генерал-майора Федяева, датированном 8 мая 1848, также значится, что "вместо Шевченко, который переведен... на службу" в степные укрепления, "из числа нижних чинов 4-го батальона оставлен рядовой Хайбулла Зеликеев". (ИЛ, ф.1, д.406, лл.110-112 и 104).

ЗЕЛИНСКИЙ, Карл Адамович - поручик, заведующий артиллерийскими чинами в Новопетровском укреплении.

Зелинский служил здесь много лет. "За плац-адъютанта" он, вместе с комендантом Маевским, подписал осенью 1855 г. документ о прибытии Шевченко в Новопетровское укрепление. (ИЛ, ф.1, д.402). В укреплении Зелинский жил вместе с женой Евдокией Каллининой (ГАОО, ф.173, оп.11, д.224, лл.3-об., 5).

Прошлая деятельность Зелинского нам пока неизвестна. Возможно, что он принадлежал к польским офицерам, перешедшим на службу в русскую армию.

Шевченко считал Зелинского своим приятелем: он передавал его приветы Б. Залескому (VI, 102, 107, 111), послал с ним в Оренбург свое "Трио" (VI, 118, 120).

ЗЕЛИНСКИЙ, Станислав - рядовой 5-го Оренбургского линейная батальона.

Крестьянин Варшавской губернии, он был отдан в солдаты в 1848 г. "за побег за границу и служение в рядах познанских мятежников".

До 1857 Зелинский прослужил в этом батальоне, после чего штраф был "прощен". (В.А.Дьяков. "Деятели русского и польского освободительного движения", стр.71).

С.Зелинский являлся сослуживцем Шевченко в Орской крепости (1850).

ЗЕМЛЯК ИЗ ОСТРОВНОЙ - см. Васильев И.

О герое стихотворения Т. Шевченко "Ну що б, здавалося, слова...", написанного на Кос-Арале. (II, 105-106).

ЗЕМЛЯК ИЗ ТАЛЬНОГО - см. Середницкий Е.Ф.

Упоминается в письме Т. Шевченко к Б. Залескому, отправленном из Новопетровского укрепления в январе 1854 г. (VI, 92).

ЗЕМЛЯК СЕРАКОВСКОГО - см. Ходорович М.

Упоминается в письме Т. Шевченко к Б. Залескому, отправленном из Новопетровского укрепления в январе 1854 г. (VI, 92).

ЗЕНИЛОВ, Исхак Юсупович - прапорщик Корпуса штурманов на пароходе "Куба".

Родился в 1833 г., происходил из обер-офицерской семьи Астраханской губернии, "магометанского закона". В 1844 вступил кадетом в 1-й штурманский полуэкипаж. В 1851 - кондуктор, в 1853 - мл.унтер-офицер, в 1855 - прапорщик. В том же году переведен с Балтийского флота, где успел участвовать в действиях против англо-французского флота, в Каспийскую флотилию. (РГАВМФ, ф.406, оп.3, д.475). Во время крушения парохода "Куба" в ночь с 14 на 15 сентября 1857 проявил героизм при спасении членов экипажа. (Там же, ф.256, оп.1, д.264, л.10-11).

Зенилов был одним из участников встречи группы моряков с "Кубы" на комендантском "огороде" Новопетровского укрепления 17 июля 1857, которая нашла отражение в Дневнике Т. Шевченко (см. статью Поскочин Н.П. и приложение к ней).

ЗИМОДРО, Адам Николаевич - врач на пароходе "Куба".

Родился в 1829 г. в дворянской семье, учился на медицинском факультете Университета св.Владимира (Киев), диплом лекаря получил в 1854. Удостоился серебряной медали и бриллиантового перстня за участие в боях Крымской войны и, особенно, в защите Севастополя. "Пример самоотвержения и энергии" показал "при спасении погибающих сослуживцев" во время крушения парохода "Куба" у мыса Шоулан. В дальнейшем морскую службу продолжал. В 1859 был утвержден в чине титулярного советника и назначен ст.врачом экспедиции по промеру Каспийского моря. (РГАВМФ, ф.406, оп.6, д.266, 249).

Зимодро внесен в энциклопедию как участник встречи группы моряков с "Кубы" в Новопетровском укреплении 17 июля 1857; встреча нашла отражение в Дневнике (см.статью Поскочин Н.П. и приложение к ней).

ЗИНЬКОВСКИЙ, Владимир (отчество не установлено) - арестант военно-рабочей роты в Орской крепости.

Посещая семью коренных жителей крепости Лаврентьевых, Т. Шевченко встречался здесь с разными людьми, в том числе со ссыльными и даже арестантами, имевшими право отлучаться из роты. А.Матов, записавший воспоминания А.О.Лаврентьевой, прокомментировал их так: "... Все лица у нее как-то перемешались. Некоторых ссыльных, как, например, Зенковского, она относит к эпохе пребывания Шевченко в Орской крепости, тогда как этот самый Зенковский содержался в крепости в конце 30-х годов; чего-либо существенного нам от нее так и не удалось добиться".

Меж тем, переведенный в Орскую еще в 1840 г., Зиньковский (а не Зенковский) оставался здесь более 17 лет. Только в 1857 получил он право выехать в Оренбург и лишь в 1870, уже совсем старым, полуслепым и неподвижным, дождался восстановления в дворянстве и чине. Вся эта эпопея, частично известная и Т. Шевченко, нашла отражение в документах архивного дела: ГАОО, ф.6, оп.6, д.13140/10.

Губернатор Перовский - военному министру (Из архивного дела)

В крепости Орской содержится в крепостной работе разжалованный из дворян арестант Зиньковский.

Человек этот до 1830 года служил с чином коллежского регистратора столоначальником с С.-Петербургском губернском правлении, откуда по обвинению в утрате двух делопроизводств был уволен с преданием уголовному суду. После того Зиньковский за составление подложной копии с предписания С.-Петербургского военного генерал-губернатора к обер-полицеймейстеру об актере Каратыгине по высочайше утвержденному мнению Государственного Совета в январе 1834 года разжалован из коллежских регистраторов с

лишением дворянского достоинства и записан в рядовые в Нарвский пехотный полк, а из этого полка, согласно собственному желанию и по высочайшему повелению, переведен в Навагинский полк Кавказского корпуса.

Состоя на службе в Кавказском корпусе, рядовой Зиньковский писал письма к гг.военному министру, шефу Корпуса жандармов и на имя его императорского высочества блаженной памяти великого князя Михаила Павловича, которыми просил вызвать его в С.-Петербург для объявления важной тайны, относящейся до Кавказского корпуса; но из отобранного командиром Кавказского корпуса показания Зиньковского обнаружилось, что он никакой тайны открыть

не имеет, а осмелился избрать сей предлог единственно в той надежде, что будет вызван в С.-Петербург, где пред лицом высшего начальства намеревался искать защиты в претерпеваемом им будто бы угнетении от членов С.-Петербургского губернского правления. Избавленный от наказания за таковой поступок в надежде на исправление, Зиньковский снова в сентябре и декабре 1836 года послал просьбы к гг.генерал-адъютанту Адлербергу и князю Чернышеву в казенных пакетах, запечатанных печатью Тифлисского ордонансгауза; прошения эти были препровождены на заключение корпусного командира, по распоряжению коего Зиньковский выдержан за сей поступок две недели на хлебе и воде и переведен в Тифлисский егерский полк. Здесь рядовой Зиньковский, с отчаяния о своей судьбе и разлуке с семейством, скрывшись из полка, покусился на самоубийство, но вскоре был пойман и после суда по конфирмации корпусного командира наказан при Тифлисском ордонансгаузе ста лозанами.

Наконец, в апреле месяце 1837 года сказанный рядовой, содержась на гауптвахте при Тифлисском егерском полку за вышеозначенный побег, объявил караульному офицеру, что он желает открыть известный ему государственный секрет о существовании будто бы в России тайного общества под названием Ильенохорического; это оказалось вымыслом и по доведении до сведения его императорского величества состоялось повеление определить Зиньковского в арестантские роты. Вследствие чего и по воле г.военного министра рядовой Зиньковский назначен в г.Оренбург в находящуюся здесь арестантскую № 43 роту в разряд всегдашних арестантов, а в 1840 году на том же основании был переведен в крепость Орск.

Скромное поведение и хорошая нравственность, которою постоянно отличался арестант Зиньковский в крепостной роте, были причиною того, что по ходатайству местных комендантов он из разряда всегдашних был перечислен в срочные арестанты и 27-го прошлого сентября преступник этот окончательно отбыл срок пятнадцатилетнего нахождения в крепостной работе.

На основании существующих законов (126 и 127 пункты приложения к 1375 статье т.2 Свода военных постановлений) арестанту этому по выбытии из работ еще следовало бы служить 15 лет в военно-рабочих ротах или, в случае неспособности к таковой службе, оставаться в военно-срочных арестантах 10 лет; но пятнадцатилетние труды в крепостном заключении и душевные страдания по разлуке с семейством довели этого несчастного до крайнего изнеможения, почему комендант крепости Орской, по медицинском освидетельствовании Зиньковского сделал к высшему инженерному начальству представление об исключении его в отставку.

Принимая в уважение, что арестант этот по проступкам своим, за кои он подвергнут настоящему наказанию, не принадлежит к числу государственных преступников и что долговременное наказание Зиньковского совершенно его исправило, что доказывается чистосердечным сознанием своих проступков и раскаянием, засвидетельствованными одобрительными отзывами комендантов крепости Орской, я обращаюсь к Вашему сиятельству с покорнейшею просьбою, не изволите ли признать возможным оказать Ваше содействие к облегчению участи этого несчастного, изходатайствовав ему совершенное освобождение от дальнейшей службы, с дозволением возвратиться к семейству его, имеющему пребывание в Новгороде, или же проживать в Оренбургской губернии, и о последующем по сему почтить меня уведомлением.

14 января 1853 г.

Военный министр - Оренбургскому губернатору

Государь император, по всеподданнейшему докладу отношения Вашего высокопревосходительства и ходатайства инспектора по инженерной части об

арестанте Орской крепости Владимире Зиньковском, который пробыл в крепостной работе 15 лет и оказался неспособным ни к какому роду военной службы - всемилостивейше повелеть соизволил: освободить Зиньковского из арестантских рот и, уволив в отставку, оставить на жительство в Оренбургской губернии...

5 июля 1854 г.

"Докладная записка" губернатору Перовскому

Ваше сиятельство... соизволили исходатайствовать, в 1854 году, у престола монарха возвращения мне свободы, коей был я лишен без суда с бессрочным заключением в крепостную работу, где томился без малого семнадцать лет. Свобода моя ограничилась увольнением меня в отставку с водворением на жительство в Оренбургской губернии, без учреждения надо мною надзора.

Избрав для местопребывания своего г.Оренбург, я прибыл сюда в сказанном году и нахожусь в нем по настоящее время, снискивая себе пропитание трудами по письменной части в коммерческих конторах у разных лиц...

... Сладко вздохнуть свободно после стольких лет страданий, но сердце мое еще не вполне воскресло духом - оно грустит и пепелится, чувствуя глубоко потерю прежнего моего звания: я был дворянин и обер-офицер, служил в Санкт-Петербурге по гражданской части, карьер службы моей был блестящий... Не смею оправдывать себя ни в чем - вполне сознаю грехи свои, но, граф, я омыл их кровавыми слезами раскаяния, искупил двадцатичетырехлетними бедствиями. Ужели мне суждено и в могилу унести с собою позорное имя преступника-изгнанника? Одна мысль об этом убивает меня, тем более, что я чувствую еще в себе способности, могущие принести полезный плод Отечеству...

... Если я не могу быть удостоен ходатайством о помиловании с восстановлением прежних прав моих и дозволении возвратиться в столицу,.. то не возможно ли мне даровать разрешение на вступление в гражданскую службу в Оренбургском крае?..

3 февраля 1857 года.

"Объявить просителю..."

1857 года февраля 10 дня Оренбургский и Самарский генерал-губернатор на прошение уволенного из крепостных арестантов Владимира Зиньковского об исходатайствовании ему прежних прав состояния и дозволения вступить в гражданскую службу, приказал: объявить просителю от канцелярии, что за оказанным в недавнее время облегчением участи его не представляется достаточных оснований к удовлетворению настоящего его ходатайства.

Зиньковский - правителю губернской канцелярии

... Потеряв совершенно надежду на восстановление когда-либо прав прежнего звания моего, я решился оставить навсегда всякое о том домогательство в будущем, и стараться только облегчить, устроить свое положение брачным состоянием, в которое предполагаю вступить с одною, избранною моим сердцем особою, не брезгующею настоящею ничтожностью моею и желающею, по чувству сердечной симпатии ко мне, призреть, успокоить и обеспечить приютом и

содержанием догорающие дни моей страдальческой жизни. Я не ищу в браке восторгов юности, но как изгнанник, как отчужденный от всего мира, одного лишь спокойствия...

... Будьте снисходительны... к желанию души моей... и помогите... в даровании мне

дозволения на подачу епархиальному начальству прошения о разрешении мне вступления в брачный союз, допускаемый законами...

3 марта 1857 года.

Из резолюции генерал-губернатора

1857 года марта 10 дня Оренбургский и Самарский генерал-губернатор, рассмотрев поданную бывшим крепостным арестантом Зиньковским просьбу о дозволении ему... ходатайствовать у епархиального начальства разрешения на вступление в брак, за уничтожением его прежнего брака по силе судебного приговора, коим он лишен всех прав состояния и отдан в арестантские роты и за безвестным отсутствием в течение более 20 лет жены его, Зиньковского, приказал объявить просителю от канцелярии, что 18-й пункт означенных правил к нему, как не принадлежащему ни к одному из званий, поименованных в том пункте, не относится, что самое право ходатайства о расторжении брака, по смыслу 13 и 14 п.п. тех правил, принадлежит не ему, Зиньковскому, а его жене, и что безвестное отсутствие сей последней... не может служить основанием к расторжению брака, - а потому испрашиваемого Зиньковским дозволения на подачу просьбы епархиальному начальству дано быть не может. (ГАОО, ф.6, оп.6, д.13140/10).

ЗУБИНСКИЙ, Николай Семенович - поручик, а с 1852 - штабс-капитан 1-го Оренбургского линейного батальона. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.224).

В 1851-1853 гг. служил в Новопетровском укреплении, откуда был переведен в 8-й линейный батальон на должность командира роты. ("Адрес-календарь Оренбургского края на 1854 год", стр.256). Зубинский отличался рукоприкладством, о чем свидетельствует описанная ранее история солдата Ф.Богомолова.

Это лицо упоминается в воспоминаниях Е.Косарева, но уже как участник любительского спектакля "Свои люди - сочтемся", поставленного в казармах укрепления в 1851 или 1852 гг. при участии Шевченко, исполнявшего роль Рисположенского. Зубинский (в публикации ошибочно указано - Зубильский) играл роль Большова. ("Киевская старина", 1893, февраль, стр.249-253).

ЗЫГМУНТОВСКИЙ, Константин Николаевич - чиновник 12-го класса (губернский секретарь) в отставке, поверенный Астраханского акцизного комиссионерства для отпуска "винных порций" гарнизону Новопетровского укрепления. При укреплении жил постоянно; в 1857 г. заканчивал постройку собственного дома из местного камня. (ГАОО, ф.6, оп.12, д.2068, л.6).

По воспоминаниям Е.Косарева, "семейство это, кроме продажи питей, имело у себя винный погребок и магазин разных для продажи вещей". Зыгмунтовский "любил тех людей, которые вызывали его на рассказы о его походах за Балканы с князем Суворовым. Он готов говорить целые дни и ночи, а где возможно даже и приврать..." ("Киевская старина", 1893, февраль, стр.254-256).

Уже на первых страницах Дневника, описывая пьянство офицеров и солдат, Шевченко упоминает "спиртомера" - или, как он его называет, - "спиртомора". (V, 15-16). Сам он навещал "старика Зигмунтовского" и его жену часто, подружился с ними и посвятил этой чете в Дневнике почти всю запись от 30 июня 1857 г.

"Странные старые люди эти Зигмунтовские! - раздумывал над их судьбой Шевченко. - Бездетные, старые, одинокие, имеют обеспечивающее даже прихотливую старость состояние, вздумали поселиться в этой безводной, бесплодной пустыне. И добро бы на отдых. Нет, он взял обязанность почти цаловальника. Я думаю, что это необходимая потребность усвоенной в юности физической

деятельности или просто жажда к приобретению. Последнее, может быть, только вполовину, потому что в нем незаметно скряжничества..." (V, 38-41).

Зыгмунтовский интересовался творчеством Шевченко, знал о том, что он продолжает сочинять. Выписывая позднее новое издание "Кобзаря", он писал в Петербург: "... надеюсь, что в нем найду соображение здешней местности и людей". ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр.180-181). Отвечал ли ему Шевченко - неизвестно.

ЗЫГМУНТОВСКАЯ, Софья Самуиловна (Самойловна) - жена К.М.Зыгмунтовского. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.234-а).

По описаниям Шевченко, "добродушно улыбающаяся,гостеприимная кубическая старушка, бывшая немка, а теперь православная", "добрая, кроткая, невинная говорунья и немножко сентиментальная..." (V, 40-41).

Своих приятелей поэт окрестил "Телемоном и Бавкидой", сравнив со старыми, счастливыми и гостеприимными супругами из древнего греческого мифа. Они, в известной мере, стали прототипами образов четы Прехтелей в повести "Прогулка с удовольствием и не без морали", а также трактирщиков в рисунках "В кабаке", "Проигрался в карты" и других из серии "Притча о блудном сыне".

СПРАВКА О ЧАРКАХ И ВЕДРАХ

72 чарки спирта полагалось в год на служивого человека в гарнизоне укрепления. В дело шли все сорта вин - показывал бы спиртометр положенную крепость. Полагалось горячительное и в лазарете. Для полугоспиталя "на 60 больных ежедневного состояния" предусматривалось ни много, ни мало, а 48 ведер в год. В это лекарство тут верили больше, чем во все другие.

Но это было винным довольствием. А существовала еще и вольная продажа. Перовский настаивал: торговля вином "вредна для нравственности и здоровья гарнизонов". Прекратить же ее не мог даже он. Астраханскому винному откупу было это невыгодным. Откупищик Утин ни о нравственности, ни о здоровье нижних чинов и господ офицеров не думал - росли бы доходы.

ИВАНОВ, Иван - матрос первой статьи, участник экспедиции по изучению и описанию Аральского моря.

В 1847 году он, матрос третьей роты 45-го флотского экипажа, удостоился награды за пятнадцатилетнюю беспорочную морскую службу. (РГАВМФ, ф.827, оп.1, д.64). Первая навигация на Арале оказалась для Иванова и последней: в 1848 г. он умер. В "Списке нижних чинов шхуны "Константин", болевших в продолжение плавания по Аральскому морю в навигацию 1848 года", где назван и Шевченко, значится, что Иванов заболел 4 сентября "грудной болью", а в графе "выздоровление" даты нет, одно только слово: "слаб". Эта самая "грудная боль" и свела бывалого каспийского морехода в могилу. (ГАОО, ф.6, оп.10/2, д.2, л.17).

ИВАНОВ, Михаил Иванович - унтер-цейхвартер артиллерийского ведомства, коллежский регистратор. (Из записи 1858 г.; ГАОО, ф.173, оп.11, д.234-а).

Это его годом раньше назвал в своем Дневнике Т. Шевченко, радуясь посрамлению кляузника Мешкова, по вине которого был посажен под арест друг поэта Мостовский: "... надворному советнику велено подать в отставку и передать подполковничью должность нижнему чину, какому-то фейерверкеру Михаилу Иванову. (V, 84).

Согласно записи в упомянутом деле за 1860 г., Иванов умер от чахотки, в возрасте 41 года.

ИВАШИНЦЕВ, Николай Алексеевич (1819-1871) - капитан-лейтенант.

После двадцати лет службы на Балтийском море, в 1853 г. он был командирован в распоряжение Оренбургского и Самарского генерал-губернатора и участвовал в боях за Ак-Мечеть. С 1854 - на Каспийском море. В 1856-57 Ивашинцев являлся "начальником экспедиции для новой съемки и промера Каспийского моря". Его перу принадлежат книга "Гидрографическое исследование Каспийского моря" и много статей на эту тему. На флоте моряк-ученый дослужился до чина контр-адмирала. ("Общий морской список", ч.Х, стр.224).

Справка дается в связи с дневниковой записью Т. Шевченко от 18 июля 1857 о прибытии в Новопетровское укрепление "таинственных путешественников". "В числе вчерашних гостей, - занес он в Дневник, - не было главного двигателя всей этой суматохи, именно астронома, который остался на пароходе и делал вычисления.

Звездочет сей прислан гидрографическим департаментом п(р)оверить астрономические пункты на берегах Каспийского моря... Вот настоящая цель неожиданного прибытия парохода к нашему берегу". (V, 75).

"Главным двигателем" экспедиции являлся не кто иной, как Н.А.Ивашинцев. Уместно заметить, что он был хорошо осведомлен о результатах Аральской экспедиции, состоял в знакомстве и дружбе с А. И. Бутаковым. Именно Ивашинцев прочел на общем собрании членов Русского Географического Общества доклад Бутакова, опубликованный затем в "Вестнике Императорского Русского Географического Общества на 1853 год" (кн.1, отд. VII, стр.1-9).

Интерес представляет тот факт, что Н.А.Ивашинцев в свое время был близок к кружку петрашевцев. Обстоятельства солдатчины Шевченко были, несомненно, ему известны.

ИГНАТЬЕВ, Егор - унтер-офицер Астраханской подвижной инвалидной команды, расквартированной в Новопетровском укреплении, старожил укрепления, проживавший здесь вместе с семьей (ГАОО, ф.173, оп.11, д.224, л.13).

Игнатъев вместе с капитаном А.В.Балагуровым, упоминается в Дневнике (запись от 29 июля 1857) как один из источников первых сведений о привлечшем внимание Шевченко, вскоре по прибытии его на Мангышлак, солдате Андрее Обеременко. Е.Игнатъев был "ближайшим начальством" земляка-украинца. (V, 93).

ИГНАТЬЕВ, Михаил (Михаил Игнатъев) - см. Цейзик М.И.

Под этим именем Цейзик упоминается в письме Б. Залеского к Шевченко от 8 июня 1856 г. ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр.86).

ИГНАТЬЕВ, Павел Николаевич (1797-1879) - дежурный генерал главного штаба военного министерства, генерал-адъютант, граф.

Один из главных тюремщиков Т. Шевченко во время его арестов 1847 и 1850 годов, о чем свидетельствуют переписка и другие материалы этих лет. ("Тарас Шевченко. Документи та матеріали до біографії", К., 1982, стр.131, 133, 145, 146, 196, 197, 210, 211, 230, 237, 240, 241, 246, 247).

ИГНАТЬЕВА, Наталья Карловна - мать А.А.Брылкиной, вдова генерал-майора.

Т. Шевченко встречался с нею в семье Брылкиных. В записях Дневника и письмах самого поэта имя ее не упоминается, однако в обращенном к Шевченко письме В.Н.Погожева есть слова о Наталье Карловне как "превосходительной и во всех отношениях превосходной маменьке" Аделаиды Алексеевны Брылкиной - хозяйки дома, в котором Погожев и Шевченко встречались. ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр.128; V, 188).

Н.К.Игнатъева - предположительно - может быть включена в список лиц, чьи портреты работы Шевченко следует искать.

ИЛЬЯШЕНКО и др.

Будут ли в этой энциклопедии имена непроясненные? Стараюсь, чтобы не было, но уже сейчас вижу: такие будут.

"И л ь я ш е н к а и Петрова забудь и ты так, как я их не помню," - писал Шевченко Б. Залескому в январе 1854. (VI, 92).

Комментаторы дружно связывают "Ильяшенка" с оренбургским предателем Н.Исаевым, а "Петрова" с киевским провокатором-студентом А.Петровым, донесшим на членов Кирилло-Мефодиевского товарищества. Но как первое, так и второе предположения особых оснований под собою не имеют. Ясно одно: круг общения Шевченко и Залеского был шире, чем тот, который выяснен и учтен автором.

Может быть со временем удастся загадочного Ильяшенко прояснить. Как и Петрова из этого письма, да и других, пока не названных.

ИРАЛИЕВ, Кульбай - бий казахского рода, кочевавшего близ Раимского укрепления.

По характеристике исполнявшего должность начальника этого укрепления Е.Матвеева: "грязный старик, без всякого веса между киргиз... безграмотный, полудикий, без понятия о религии, кроме кой-каких обрядов закона Магометова..." (ГАОО, ф.6, оп.10, д.6024).

Поездку к бию упоминает в своих воспоминаниях Э.Нудатов (имеется в виду полная их публикация, осуществленная Д.Иофановым в книге "Матеріали про життя і творчість Тараса Шевченка", стр.66-67). "Лежа на разостланной у биевой палатки кошме за кирпичным чаем", Шевченко сделал наброски портрета Нудатова "в настоящей его позе и обстановке". Портрет сейчас неизвестен.

Мы считаем возможным связать с посещениями бия возникновение замысла и, вероятно, первоначальные наброски будущей сепии Шевченко "Казахи возле огня", завершенной позднее, уже в Оренбурге. (т.8, л.39). Детали интерьера свидетельствуют о достатке обитателей жилища; немолодой казах на переднем плане близок словесному портрету, данному Матвеевым. Не исключено, что там же мог родиться замысел и сюжетов с казахским мальчишкой, разжигающим печку (лл.37 и 38).

ИСАЕВ, Дмитрий Николаевич (1779-1849) - бывший комендант Орской крепости, генерал-майор в отставке.

Происходя из дворян Псковской губернии, он еще в детстве был приписан к лейб-гвардии полку, а затем, с 16 лет, прошел все ступени офицерской карьеры - от прапорщика до полковника, причем, главным образом, в самых отдаленных местах России. С 1807 г. служил в Орской крепости, в 1821, майором, стал ее комендантом. "Слабым в отправлении обязанностей службы замечен не был, беспорядков и неисправностей между подчиненными не допускал". Прослужив 56 лет, 4 февраля 1847 г. был уволен от службы с чином генерал-майора, мундиром и пенсионом, передав комендантскую должность Г. Г. Левитскому. "1849 года апреля 27 дня проживающий в крепости Орской уволенный от службы генерал-майор Дмитрий Николаевич Исаев скончался от старости, который того же года и месяца 29 числа священником Петром Тимашовым был отпет и предан земле на отведенном кладбище". (РГВИА, ф.395, оп.156, д.356, лл.1-19).

Мемуаристы, и особенно М. М. Лазаревский, отмечают участливое отношение Исаева к судьбе Шевченко. "Через неделю (после прибытия в Оренбург летом 1847. - Л. Б.) Шевченко назначили в линейный Оренбургский № 5 батальон и отправили в Орскую крепость, где комендантом был тогда генерал-майор Исаев, человек старый и довольно добрый. В Орской крепости Шевченко скоро познакомился с сосланными туда поляками, и один из них, Фишер, бывший учителем детей Исаева, сошелся ближе других с Шевченко. Через него

Шевченко был принят в доме Исаева и получил позволение жить в наемной квартире... Но в 1847 году умер Исаев, и тогда-то наступило для Шевченко тяжелое время".

Здесь явная путаница: коменданта Исаева при Шевченко в крепости не было; характеристика его, и их отношений, может быть отнесена к Г. Г. Левитскому. Тем не

менее знакомство Шевченко и Исаева, как наиболее колоритных фигур в Орской, сомнений не вызывает.

ИСАЕВА, Александра Анфиногеновна - жена Д.Н.Исаева.

Урожденная Юрлова, дочь полковника, спутница бывшего коменданта на протяжении десятилетий, эта старая женщина была в Орской крепости на виду у всех, в том числе и у Шевченко. Не исключено личное их знакомство.

Для характеристики положения вдовы небезынтересна следующая справка: "1849 года ноября 12 дня дано сие вдове г-же генерал-майорше Исаевой, имевшей до сего времени жительство в крепости Орской, в том, что она, г-жа Исаева, поведения хорошего, а состояние ее весьма ограниченное. В удостоверение чего свидетельствую подписом с приложением казаенной печати. Комендант - состоящий по кавалерии полковник Недоброво". (РГВИА, ф.395, оп.156, д.356, л.10).

ИСАЕВ, Николай Григорьевич (1829 - год смерти не установлен) - прапорщик 3-го Оренбургского линейного батальона.

Сын полтавского врача Г.Д.Исаева, служившего старшим лекарем кадетского корпуса, Николай Исаев был произведен в офицерский чин "по экзамену" из воспитанников Петровского-Полтавского кадетского корпуса "высочайшим приказом, последовавшим июня в 13-й день" 1848 г. В батальон № 3 его назначили приказом по Отдельному Оренбургскому корпусу от 6 июля 1848 года. (ГАОО, ф.6, оп.10, д.6057/б, лл.51-52). В ноябре 1855, уже из 11-го Оренбургского линейного батальона, Исаев был переведен в 8-й запасной батальон Ревельского егерского полка. (ГАОО, ф.6, оп.12, д.1251).

Знакомство Шевченко с прапорщиком Исаевым произошло в период "оренбургской зимы" 1849-50. Этому, вероятно, способствовало и чувство землячества: Исаев прибыл из Полтавы и, по всему судя, был оттуда родом, так как впоследствии, выйдя в отставку, туда же вернулся.

В феврале 1850 Шевченко написал портрет Н.Г.Исаева. (т.8, л.54). Во время работы над портретом - и после этого - Исаев бывал в доме Гернов, где Шевченко квартировал. С этими посещениями и связана та история, которая обернулась для поэта еще одним тяжким испытанием. Дорожа честью своего друга К.И.Герна, он разоблачил пошлые любовные притязания Исаева в отношении его жены, раскрыл глаза на нечестность безнравственного прапорщика. (Об этом писал Ф.М. Лазаревский).

Донос бесчестного офицера о нарушении Шевченко запрещения писать и рисовать, посланный им (или сделанный устно) в отместку за разоблачение, явился непосредственным толчком и одним из ближайших поводов к принятию ревностным службистом генералом Обручевым жестких мер к опальному поэту. (Воспоминания М. Лазаревского, К.Герна).

Апрельский (1850) обыск у Шевченко, арест и отправка его в каземат Орской крепости не без оснований связываются биографами с именем прапорщика Исаева, сумевшего войти в доверие к Шевченко, а затем употребить это доверие во зло.

ИСТОМИН, Александр Александрович - старший фельдшер экспедиции А. И. Бутакова в 1848-1849 гг.

Истомин родился в 1813 (или 1814) году. Был он из солдатских детей, до службы жил в Оренбургском уезде. Мечта об образовании привела его в "школьники" военного госпиталя (1829); тут он подготовился к деятельности младшего фельдшера (1832). В этом качестве начинающего медика определили в первый линейный батальон (Уральск), а после четырех лет практики - во второй (Оренбург). Из послужного списка: "С 23 мая 1839 был командирован в... Эмбинское укрепление, где поступил в состав отряда, предпринимавшего поиск в Хиву, с коим возвратился 6 июня 1840. За примерное усердие при исполнении своей обязанности в этом походе получил... высочайшее благоволение..." С тех пор Истомин все чаще и больше находился в дальних походах, в составе Хивинской, Бухарской и иных миссий, боевых отрядов и т.д.

"Российской и латинской грамоте читать и писать умеет, а других наук не знает", - сказано в формуляре фельдшера. Однако на самом деле знания и навыки единственного медика Аральской экспедиции были самыми разнообразными. (ГАОО, ф.6, оп.7, д.820).

По словам А. И. Макшеева, Истомин "за неимением больных, во все время экспедиции заведовал хозяйством на шхуне и записывал показания лота и лока, а во время стоянки на якоре охотился на берегу".

Утверждение об отсутствии больных оставляем на совести мемуариста. В нашем распоряжении имеется "Список нижних чинов команды шхуны "Константин", болевших в продолжение плавания по Аральскому морю в навигацию 1848 года"; в нем значатся восемь человек, перенесших различные заболевания (отек ног, лихорадку, воспаление желудка и печени, "грудную боль" и др.). Среди болевших указан Тарас Шевченко, страдавший с 10 по 30 августа головной болью. (ГАОО, ф.6, оп.10, д.2, л.17).

Практиковал Истомин и среди местного населения. "Старший врач моего флота (фельдшер Истомин) вылечил многих больных, над которыми оказывались бессильны ворожбы боксы, хотя бокса и брал за лечение по несколько баранов, а лейб-медик мой лечит даром". (Из письма А. И. Бутакова от 4 января 1849; РГАВМФ, ф.4, д.82, лл.77-80-об.). Не в связи с "неимением" больных, конечно, был на следующий год прислан в помощь Истомину младший фельдшер Я.Медведев. (РГВИА, ф.1441, оп.1, д.34, л.174).

Отвергая, таким образом, утверждение о бездельи Истомина как медика, мы можем, на основании дневников и писем Бутакова, а также свидетельств Макшеева, представить всесторонне-деятельную натуру этого человека, ставшего одним из ближайших соратников начальника описной экспедиции.

Шевченко во время экспедиции жил в одной каюте с А.Истоминым и еще пятью участниками (Бутаковым, Макшеевым, Пospelовым, Акишеевым, Вернером), постоянно общался с ним во время плавания и стоянок, проделал вместе обратный путь до Оренбурга и, несомненно, встречался здесь, в Оренбурге, где жила его семья.

В сохранившемся литературном наследии Шевченко упоминаний об Истомине нет. Известна сепия "А. Бутаков и фельдшер Истомин во время зимовки на Кос-Арале". (т.8, л.41).

КАДИНСКИЙ - см. Кадницкий А.К.

"Кадинский" называется во всех записях шевченковского Дневника, где говорится о А.К.Кадницком.

КАДНИЦКИЙ, Андрей Кириллович - правитель канцелярии Нижегородского генерал-губернатора, коллежский ассессор.

Знакомство Т. Шевченко с Кадницким произошло вскоре после приезда поэта в Нижний Новгород, так как уже в записи Дневника от 23 октября 1857 он назван "милейшим из людей". Три последующие записи связаны с выполнением просьбы Кадницкого, Шрейдерса и Фрел их нарисовать их портреты. 25 февраля 1858 Кадницкий был в числе тех, кто пришел поздравить поэта с "днем ангела" и долгожданным дозволением ему "приехать и жить в Петербурге". (V, 167, 185, 200, 206).

Портрет А.К.Кадницкого работы Т. Шевченко, законченный 12 февраля 1858, публикуется в десятом томе. (л.21).

В Дневнике во всех случаях фамилия этого человека указывается неправильно: Кадинский.

КАЗАКИ.

Особое военное сословие. Казаки владели землей на общинном основании, получая довольно большие наделы, и были обязаны службой. При поступлении на службу казак приобретал коня и обмундирование за свой счет, а огнестрельное оружие выдавалось казенное. Присвоение офицерского чина приносило казаку положенные этому чину права (вплоть до получения потомственного дворянства по чину или по ордену). Казаки пользовались местным самоуправлением, могли отдавать детей в войсковые училища и не обременялись общегосударственными повинностями.

В начале 20 в. существовали 11 казачьих войск, а также казачьи поселенцы в 2-х губерниях. С 1827 атаманом всех казачьих войск считался наследник престола. Возглавлял войско войсковой наказной или наказной атаман с правами генерал-губернатора или командующего округом; при нем действовал войсковой штаб, а на местах управление осуществляли атаманы отделов (на Дону - окружные) и, далее, - станичные атаманы, избираемые станичными сходами. По мере организации армии на основе всеобщей воинской повинности военное значение казачества уменьшалось, а колонизационное и полицейское возросло.

Т. Шевченко на протяжении всей своей солдатчины в Оренбургском крае тесно общался с казаками Оренбургского и Уральского казачьих войск, узнавал их лично, а через них нравы и обычаи казачества, сильные и слабые стороны войск, их историю. (См. статьи о Жигине И.С., Мальханове А.Д., Маркове Н.С., Чаганове

Ф.Е., Черторогове Д. и других). В Новопетровском укреплении он вынашивал замысел "четырёхтомного нравоописательно-исторического романа", в котором намеревался "изобразить с микроскопическими подробностями нравы, обычаи и историю сего архиправославного народа" ("Варнак"). Роман остался ненаписанным.

КАЗАХИ.

Самоназвание - казак; в литературе до середины 20-х гг. XIX в. - фигурировали под названиями киргизов или киргиз-кайсаков.

Древними предками казахов были племена саков, усуней, племенной союз Кангюй и другие, занимавшие территорию современного Казахстана во 2-1 вв. до н.э. - 1-м тысячелетии н.э. В 6-7 вв.

тут поселились различные тюркские племена; процесс продолжался и в последующие два века. Этническому сплочению местных племен способствовало образование государства Караханидов (10-12 вв.).

В начале 12 в. территория Казахстана подверглась нашествию сельджуков, киданей, монголо-татар. Монгольское завоевание в начале 13 в. привело к дальнейшему смешению племен различного происхождения. В конце 15-начале 16 вв. образовалось Казахское ханство, в рамках которого завершилось формирование казахской народности.

Исторически сложились три территориально обособленные группы племен (жузы, или орды): Старший жуз (Семиречье), Средний жуз (степные районы Центрального Казахстана, долины рр. Сырдарья, Ишим, Тобол и др.), Младший жуз (Западный Казахстан). В 30-40 гг. 18 в. Младший и Средний жузы приняли российское подданство, а в 60-х гг. уже 19 в. добровольное присоединение Казахстана к России завершилось.

Т. Шевченко впервые узнал казахов в Оренбургском крае. Этому, особенно на первом этапе, способствовала его близость к кругам чиновников Пограничной комиссии, непосредственно ведавшей всеми сношениями со степью и ее коренными обитателями. Сотни и тысячи верст, пройденные им по земле казахов, дали возможность узнать и постичь ландшафты и другие особенности обширнейших территорий, их флору и фауну, этнографию, жизнь во всех их проявлениях. Он услышал живую речь, музыку и песни, легенды кочевого народа. Во множестве карандашных зарисовок, акварелей и сепий запечатлены художником Шевченко Казахстан и казахи. Замечательным образцом постижения жизни и надежд доселе незнакомого народа стало произведение Шевченко-поэта "У Бога за дверьми лежала сокира..." Среди казахов разных сословий у Т. Шевченко были личные знакомые (см. статьи Агау, Агенчи, Альдеев, Байгуши, Бакса, Кушинбаев, Саксыбаев и др.).

КАЛМЫКИ.

Монгольскоязычные калмыки вели свое происхождение от ойратов Джунгарии, часть которых в конце XVI- начале XVII вв. переместилась в пределы России к нижнему течению Волги, где смешалась с тюркскими и другими местными народами. Со второй половины XVII в. до 1771 калмыки, населявшие междуречье Волги и Дона, находились в составе Калмыцкого ханства. В конце XVIII- начале XVIII вв. вошли в Российскую империю. До 20-х гг. XX в. калмыки вели кочевой и полукочевой образ жизни и сохраняли деление на племенные группы. (По материалам "Демографического энциклопедического словаря", 1985).

Первое знакомство Т. Шевченко с калмыками произошло при начале оренбургского периода его жизни, что нашло отражение в "Близнецах". Но наиболее глубокие и разнообразные впечатления от калмыков - на астраханских страницах Дневника; эти записи свидетельствуют о знании народа, его происхождения, прошлого и настоящего, его этнографии.

КАМПИНЬОНИ - см. Компиони А.А.

В дневниковых записях Т. Шевченко от 27, 28 июня и 23 июля (V, 34-36, 83) подлостью этого "инженерного офицера и отчаянного пьяницы" посвящено несколько страниц, но фамилия его названа искаженно.

КАНТОНИСТЫ (от немецкого Kantonist - военнообязанный) - сыновья солдат, обучавшиеся в специальных военных школах и обязанные проходить длительную военную службу.

Кантонисты (существовали в 1805-56) зачисляли в военно-сиротские отделения (позже - батальоны кантонистов) с 12 лет, а срок действительной службы им исчислялся с 15 лет. После 15

лет обязательной службы (многие служили писарями, унтер-офицерами и т.д.) они могли выходить в гражданскую службу либо претендовать на производство в офицерский чин.

Т. Шевченко в годы оренбургской солдатчины близко узнал многих из бывших кантонистов, составлявших основу отряда топографов в походе к Аральскому морю и на самом Арале, писарей в Орской крепости и Новопетровском укреплении, в других местах его службы. Кантонистами начинали свой путь Голов А.С., Рыбин К.Д., Христофоров М.С., Яковлев Я.П. Он другие знакомые опального поэта.

КАНФЕР, Агап Федорович - в шестидесятые годы XIX столетия фельдфебель стрелкового взвода 5-го Оренбургского линейного батальона, а затем - второй роты 9-го батальона. (ГАОО, ф.173, оп.12, д.24; ф.173, оп.11, д.21 б).

Службу в Орской крепости Канфер начал не ранее 1853-54 гг. и, таким образом, "сослуживцем" Шевченко (как называет его А.И.Матов) быть не мог.

Записанный Матовым рассказ Канфера (впервые опубликован в газете "Русские ведомости", 1895, № 242; перепечатан в книге "Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников", стр.188-189) передает не личные его впечатления, а, скорее, то, что он мог слышать от действительно знавших поэта людей. При этом и точность пересказа, сделанного Канфером много лет спустя, полного доверия не вызывает. Явно неправдоподобны утверждения о картинах, рисованных на стенах (?), о "стихах хохлацких", которыми он "все заборы испачкал" (!?), о том, как сморила Шевченко духота на первом же переходе к Аральскому морю (в мае!).

Все это убеждает, что силы документа "воспоминания" А.Ф.Канфера не имеют, и пользование ими, как достоверными свидетельствами, неправомерно.

КАПЛИН-ТЕЗИКОВ, Константин Иванович - житель села Богородского, Нижегородской губернии, астроном-самоучка и любитель-поэт.

В дневнике Каплина-Тезикова записаны стихи, свидетельствующие о его взглядах:

Глубоко и свято отчизну любя,
Заветную душу открою:
Свобода, свобода, я жажду тебя,
Всею сердцем своим и душою.

Как добрый знакомый А.Д.Улыбышева, от него же он мог узнать и о пребывании Т. Шевченко в Нижнем Новгороде. Вероятными представляются личные встречи двух поэтов - великого и малоизвестного - при содействии выдающегося музыковеда. (В.Рождественский. "Шевченко и наши земляки". Газ. "Ленинская победа", г.Богородск, 1964, 10 марта).

КАРАКАЛПАКИ.

Многовековой процесс смешения азиатских племен, начавшийся еще в 7-2 веках до нашей эры и закончившийся только в 16-17 вв., после слияния с ногайцами, привел к окончательному образованию этногенеза к аракалпакам и их языка. До середины 18 в. этот народ жил в бассейне Сыр-Дарьи, однако после захвата их территории джунгарами был вынужден расселиться в средней Азии, образовав три группы: амударьинскую, ферганскую и зеравшанскую. Еще долгое время каракалпаки пребывали в зависимости от ханов Бухары, оказывавших на них большое давление. Только в 70-х гг. 19 века они стали под знамена России.

Т. Шевченко впервые увидел и узнал каракалпаков в Раиме, где длительное время находилась, подвергалась следствию и умерла группа захваченных в плен представителей этой народности.

КАРЕЛИН, Григорий Силыч (1801-1872) - русский географ и путешественник.

Образование получил в 1-м кадетском корпусе. В 1817 г. начал службу прапорщиком в артиллерии и был прикомандирован к канцелярии Аракчеева. Но вскоре, по доносу о какой-то "шутке" в адрес Аракчеева, пущенной Карелиным в среде товарищей, был скоропалительно отведен фельдъегерем в Оренбург. Тут ссыльный Карелин всерьез взялся за изучение естественных наук и с 1822 стал систематически выезжать в экспедиции. Он выполнил огромную работу по исследованию казахских степей и каспийских берегов. Именно им были впервые проведены топографические съемки на местах ряда будущих укреплений, в том числе Новопетровского. В 1849 Карелин переселился в Гурьев-городок, где провел более двадцати лет своей жизни, периодически выезжал в Москву и Подмосковье. В Гурьеве он и скончался.

Живя здесь, Г.С.Карелин неоднократно бывал в Новопетровском укреплении, собирая в его окрестностях материалы о жизни зверей и птиц.

Т. Шевченко знал о Карелине по рассказам А.Ф.Головачева ("товарища известного Карелина"); по тому же письму можно предположить, что они могли встречаться и лично. (VI, 80).

"Необыкновенное остроумие и веселость нрава, при разносторонней учености, доставили ему всеобщую известность и уважение", - говорится о Карелине в "Энциклопедическом словаре" Брокгауза и Ефрона (т. XIV, 1895, СПб, стр.492). Эти качества ученого также говорят в пользу предположения о встречах его с поэтом во время посещения Новопетровского укрепления в 1852-м и последующих годах.

КАРПОВ, Александр Матвеевич - унтер-офицер 5-го Оренбургского линейного батальона.

Начав военную карьеру в 1836 году, Карпов дослужился до обер-офицерского звания, но в середине 40-х годов по указу Правительствующего Сената был "за противозаконные поступки" разжалован. Косвенные сведения убеждают, что разжалование явилось следствием причастности Карпова к одной из офицерских групп, протестовавших против деспотизма в армии и стране.

В пятый линейный батальон Карпов прибыл в июня 1847 и находился здесь весь период службы Шевченко в Орской крепости.

В "Именном списке Оренбургского линейного батальона № 5 нижним чином, поступившим в оный из разжалованных офицеров...", где значится Карпов, есть и другие фамилии: Перекрестова А.В. (которому в энциклопедии посвящена отдельная статья), Гуськова Д.К., Ивашкевича П.В. В отличие от Карпова, они попали сюда за поступки иные. Бывший прапорщик Гуськов - "за пьянство и буйственные поступки", другой прапорщик - Ивашкевич - "за растрату отпущенных ему двукратно прогонных денег". Впрочем, Петр Викторович Ивашкевич - фигура небезынтересная. Он принадлежал к одной из фамилий, которые чаще других встречаются среди участников польского восстания 1830-31 гг. В солдаты его отдали в декабре 1830, за шестнадцать с лишним лет он дослужился лишь до первого офицерского чина, но воспользоваться этим для возвращения на родину не сумел, а в феврале 1847, обвиненный в растрате казенных денег и других "предосудительных поступках", был снова "лишен дворянского достоинства" и разжалован из прапорщиков в рядовые.

Эти лица также находились в Орской крепости одновременно с Шевченко. (ИЛ, ф.1, д.437). В галерее типов, которые прошли перед поэтом за десять лет его солдатчины, они составили одну из разновидностей офицерства тогдашней России.

КАРПОВИЧ, Валериан - рядовой 1-го Оренбургского линейного батальона.

В 1849 г. Карпович "за порицание распоряжений правительства" был отдан в солдаты. Служил в Уральске и Новопетровском укреплении, где находился весь период пребывания там Т. Шевченко. (ГАОО, ф.6, оп.18, д.222).

КАТЕНИН, Александр Андреевич (1803-1860) - Оренбургский и Самарский генерал-губернатор, командир Отдельного Оренбургского корпуса после В.А.Перовского, с апреля 1857 г.

Катенин упоминается в июньской (1857) записи Дневника Т. Шевченко как новый генерал-губернатор, без какой-либо его характеристики и оценки. (V, 27). Нрав вновь назначенного губернатора поэт смог ощутить несколько позже, в связи с историей об освобождении и выезде его из Новопетровского укрепления. Коменданту И. А. Ускову, выдавшему ему билет на проследование в Петербург, без заезда в Уральск и Оренбург, грозили серьезнейшие неприятности, и полученное им от Катенина "строгое замечание" было расценено должностными лицами, как "милость".

Шевченко, надолго задержанного в Нижнем Новгороде, как и его друзей, эта история волновала глубоко и долго, о чем можно судить по их переписке. (VI, 173, 174, 179; "Листи до Т. Г. Шевченка", стр.106, 107, 111). Возникшие неприятности они не без основания связывали с действиями А.А.Катенина.

КАТКОВ, Михаил Никифорович (1818-1887) - публицист, издатель журнала "Русский вестник".

В конце 30-х годов Катков примыкал к кружку Станкевича; поддерживал он также связи с Герценом и его соратниками. Но в конце 40-х годов между ними наступил разрыв. Тем не менее идеологические позиции Каткова до начала 60-х годов со всей четкостью еще не выявились. В рассматриваемый нами период в "Русском вестнике" печатались Толстой, Тургенев, Гончаров, Салтыков-Щедрин. Туда же передал С.Т.Аксаков посланную ему Шевченко повесть "Прогулка с удовольствием и не без морали" ("Матрос"). Автор проявлял заинтересованность в публикации произведения (V, 187, VI, 199), но в журнале оно так и не появилось.

Сведений о личном знакомстве Т. Шевченко с Катковым нет, однако на путях возвращения поэта из неволи оно могло состояться - судьба рукописи его продолжала волновать, ответа из журнала не было, редакция же находилась в Москве.

КАТЯ- сестра няни дочерей коменданта Новопетровского укрепления И. А. Ускова.

По воспоминаниям одной из дочерей, Н.И.Усковой-Смоляк, Катя жила в семье на правах воспитанницы, Шевченко тепло относился к ней и Авдотье. В письме Ускову от 17 февраля 1858 г. он писал: "Целую вас всех, и Катю, и няню..." (VI, 207). Известна картина-портрет "Казашка Катя" (т.9, л.61). Катя, возможно, позировала и для другой шевченковской работы - "Казашка" (л.50). Однако, заметим, названия этим работам даны не самим автором, а публикаторами, составителями.

Распространившаяся в печати последних лет версия о том, что Катя, якобы, ранее была украдена "местным купцом" и комендант Усков чуть ли не со специальным отрядом, в который входил Тарас Шевченко, ее освободил, достоверной основы под собой не имеет и является легендой.

КЕБЕР, Густав Васильевич - помощник управляющего Нижегородской удельной конторой.

Глубоко огорченный тем, что встреча с Ф.М. Лазаревским (когда тот проезжал через Нижний Новгород) сорвалась, Т. Шевченко был обрадован появлению у него неделю спустя Кебера.

"... Сегодня посетил меня Густав Васильевич Кебер, - читаем в Дневнике за 3 декабря 1857 г. - Гость совершенно неожиданный. Он большой приятель Ф. Лазаревского, и тот, уезжая из Нижнего, поручил ему увидеться со мною, и добрейший Густав Васильевич сего дня исполнил поручение своего и моего друга. Если бы побольше подобных нечаянностей, как бы прекрасно текли дни нашей жизни". (V, 171).

Исследователи склонны считать, будто радость Т. Шевченко была вызвана, прежде всего, тем, что Кебер принес ему доставленные Лазаревским "захалавные книжки", которые хранились в Оренбурге. Подтверждений этому нет. По некоторым косвенным сведениям автограф афы невольничьей поэзии были у поэта уже в Астрахани. Однако в любом случае наиболее вероятным представляется то, что "поручение" Лазаревского не было простым словесным приветом, а представляло собою нечто требовавшее передачи из рук в руки - прежде всего, письмо, публикуемое в сборнике "Листи до Т. Г. Шевченка" под № 103. Автограф его неизвестен, датируется оно приблизительно. Думается, что это письмо было написано в Нижнем Новгороде 26 ноября (а не в Петербурге 8 декабря) и доставил его ад ресату друг Лазаревского Г.В.Кебер.

Знакомство с ним, ближайшим сотрудником В.И.Даля по службе, продолжалось. 20 января 1858 Шевченко в Дневнике записал о том, что проводил в Петербург некоторых своих приятелей. Среди них упомянут и Кебер. (V, 189).

КЕЛЬКЕВИЧ (Килькевич), Селиверст Станиславович - польский ссыльный, ст.лекарь Раимского укрепления, титулярный советник.

Келькевич родился в 1813 г. в польской дворянской семье. В 1833 поступил в число вольнослушателей Виленской медико-хирургической академии, а в 1835 был принят на казенное содержание. В 1839 он получил звание лекаря и был определен батальонным лекарем в Екатеринбургский гренадерский полк. Однако здесь обнаружились его связи периода учения и, хотя он ни в чем не сознался, а улики не нашли, Келькевича сочли целесообразным перевести в 1843 в Войсковую врачебную управу Оренбургского казачьего войска. (ГАОО, ф.191, оп.1, д.1).

Находясь на службе в оренбургских степях, Келькевич потерял связь с родными, оставшимися в западных губерниях, и четыре года спустя, в 1848, вынужден был официально ходатайствовать об отыскании своих братьев и сестры; только после этого переписка возобновилась. (ГАОО, ф.6, оп.10, д.6035).

Келькевич был близок ко многим сосланным в Оренбургскую губернию участникам освободительного движения. С Шевченко он был связан в 1848-49 гг., во время их пребывания в Раимском укреплении. В воспоминаниях Э.Нудатова Келькевич назван среди наиболее близких приятелей поэта. Шевченко изобразил его на юмористическом рисунке, запечатлевшем Келькевича и еще трех офицеров среди ухажеров А.Цыбисовой.

КЕТЧЕР, Николай Христофорович (1809-1886) - врач, писатель-переводчик, друг Герцена, Белинского, Станкевича, Грановского, Щепкина, Тургенева, активный участник московских общественно-политических кружков.

Т. Шевченко познакомился с ним в 1858 г. в Москве, в доме М. С. Щепкина, и общался на протяжении всех дней пребывания в этом городе. (V, 210, 215, 217). До московской встречи он знал о Кетчере, прежде всего, как о переводчике Шекспира. Переписка свидетельствует о неизменном интересе поэта к кетчеровским переводам произведений великого английского драматурга. (VI, 44, 196).

КЕТЧЕР, Серафима Николаевна - жена Н.Х.Кетчера.

В круг личных знакомых Т. Шевченко включается на основании дневниковой записи поэта от 21 марта 1858 г., свидетельствующей о посещении им дома Кетчеров. Дом, незадолго перед тем купленный для Кетчера его друзьями, находился на 3-й Мещанской улице.

КИЕВСКИЙ СТУДЕНТ - см. Янишевский Н.П.

"Киевский студент" упоминается в письме Т. Шевченко к З. Сераковскому от 6 апреля 1855 года. (VI, 113).

КИНДЯКОВ, Александр Львович (1805-1884) - помещик Симбирской губернии.

Многие представители семьи Киндяковых были близки к литературным кругам. С симбирским их именем и его обитателями связано возникновение замысла романа И.А.Гончарова "Обрыв".

Сам А.Л.Киндяков в прошлом был офицером, участвовал в подавлении польского восстания 1830-1831 гг., дослужился до чина подполковника, после чего вышел в отставку и жил в поместье.

16 октября 1857 г. Т. Шевченко записал в Дневнике о том, зайдя к Н.К.Якоби, "познакомился у него с неким симбирским барином Киндяковым, родственником Тимашева, теперешнего начальника штаба корпуса жандармов". Узнав, что Киндяков направляется в Петербург, поэт попросил его узнать "у своего родственника", как долго еще продлится его изгнание и может ли он "когда-нибудь надеяться на совершенную свободу". (V, 152-153).

КИРЕЕВСКИЙ, Илья Александрович - чиновник особых поручений при Оренбургском и Самарском генерал-губернаторе.

Киреевский родился в 1825 году в дворянской семье, на службу поступил в 1841-м. С мая 1851 "состоящий по армии" майор Киреевский - адъютант губернатора, с марта 1852 - подполковник, с июня 1855 - полковник, "с назначением для особых поручений к командиру Отдельного Оренбургского корпуса". В этой должности служил не менее пятнадцати лет, впоследствии уже не в военном, а в гражданском чине - статского советника. (ГАОО, ф.6, оп.6, д.12884, лл.7, 19; ф.6, оп.12, д.1251; "Справочная книжка Оренбургского края на 1871 год", стр.2).

Не будучи знаком с Киреевским лично, Шевченко знал о нем по рассказам коменданта Новопетровского укрепления И. А. Ускова, который служил вместе с Киреевским в Оренбурге.

Внутренний мир, человеческая сущность этого высокопоставленного офицера весьма занимали Шевченко и, думая о нем, поэт погружался в раздумья о "власть имущих".

"Полковник этот Киреевский, как видно, птица высшего полета, а по словам коменданта, настоящий аристократ. А что он птица высокого полета, это я заключаю потому, что он служил чиновником особых поручений при графе В.А.Перовском и был с ним в весьма близких отношениях... А следующее дело показывает, что г<раф> П<еровский> весьма неразборчив на своих приближенных и приближает к своей высокой персоне именно шваль... Самую грязную, кабашную шваль, прикрытую полковничьим мундиром и 600-ми крепостных душ.

История такого содержания. Ираклий Александрович Усков (наш комендант), будучи хорошо знаком в Оренбурге с помянутым полковником и аристократом Киреевским, просил его, когда он выехал в Петербург,... выслать ему из Петербурга камеру со всем необходимым для фотографии. Киреевский изъявил... самую обязательную готовность услужить другу. И потребовал за эту услугу 350 рублей серебром. Деньги тотчас же были посланы (в сентябре прошлого года). Получено также весьма

дружеское письмо о получении этой суммы... Тем все и кончилось... Из всего этого оказывается, что... полковник Киреевский - подлец и негоднейшая тряпка". (VI, 159, 167).

Впоследствии, получив свободу, поэт взял на себя труд понудить Киреевского вернуть деньги, но успеха, как можно предположить, не достиг. (VI, 218).

КИРГИЗЫ (кыргызы).

До середины 20-х гг. XX в. в документах и материалах назывались также кара-киргизами или дикокаменными киргизами (в отличие от киргиз-кайсаков, т.е. казахов).

Ранние этапы этнической истории киргизов связаны с древнейшими племенными союзами саков, усуней, гуннов. В дальнейшем киргизская народность формировалась в среде тюркоязычного населения Тянь-Шаня и Саяно-Алтая. Часть племен Северного Алтая и Прииртышья, носивших в IX в. название кыргызов, передвинулась после монгольского нашествия на Тянь-Шань, где слилась с местным населением. Длительный процесс образования киргизского этноса закончился в XVI в. В первой половине XIX в. территория современной Киргизии была захвачена Кокандским ханством. В 50-70-х гг. киргизы добровольно вошли в состав Российской империи. (По материалам "Демографического энциклопедического словаря", 1985).

Одна из народностей, представителей которой Т. Шевченко узнал во время солдатчины в Отдельном Оренбургском корпусе. Различия между ними и казахами были ему известны.

КИРШ, Альфонс-Карл Адамович - чиновник Оренбургской провиантской комиссии, коллежский регистратор.

Земляк и добрый знакомый К.Герна еще по Витебской губернии, Кирш приехал в Оренбургскую губернию "по вызову и по сношению гг. гражданских губернаторов" в 1842 г. До того он успел закончить на родине гимназию и в течение полутора лет прослужить в губернской канцелярии. В Оренбурге начал с должности писца первого разряда, тут получил первый классный чин и перевод в счетные чиновники. В феврале 1848 г. стал заведывать делами одного из подразделений комиссии. (ЦГА Башкортостана, ф.1, д.2467). Служил в провиантской комиссии до июня 1856; уволился в чине коллежского секретаря, "за болезнью". (ГАОО, ф.6, оп.12, д.1388). Впоследствии службу продолжал в центральных губерниях. Женою Кирша в Оренбурге была сестра Герна Елизавета Ивановна.

По воспоминаниям Ф. Лазаревского, "в доме Киршей всегдашними гостями были: Сераковский, Залеский, Турно Ои др. Там же довольно часто бывал и Шевченко..." ("Из воспоминаний о Шевченко". "Киевская старина", 1899, кн.2).

КИРШ, Елизавета Ивановна - жена А-К.А.Кирша.

Родная сестра К.И.Герна, она родилась в 1825 году, а умерла в возрасте 30 лет в 1855-м. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.188, л.14).

Е.И.Кирш принимала Шевченко в своем доме, где постоянно собирались ссыльные поляки, встречалась с ним в доме брата, где поэт квартировал значительную часть зимы 1849-1850 гг.

КИСЕЛЕВ, Иван Гаврилович - прапорщик 1-го Оренбургского линейного батальона, прибывший в Новопетровское укрепление в мае-июне 1857 г. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.234-а).

Один из вероятных участников инцидента, едва не обернувшегося для Шевченко новой бедою. (Подробно об этом в статьях "Компиони А.А." Ои "Ледомский А.Н.").

КИШКИН, Владимир Васильевич (1825-1911) - каспийский военный моряк, позднее - капитан парохода "Князь Пожарский".

Формуляр Кишкина в "Общем морском списке" (ч.Х, СПб, 1898, стр.332-333) выглядит следующим образом:

- 1833 - поступил кадетом морской роты Александровского корпуса,
- 1836 - переведен в морской корпус,
- 1842 - произведен в гардемарины,
- 1842-1843 - плавал на фрегатах "Амфитрида" и "Ольга" в Финском заливе,
- 1844 - произведен в мичманы с переводом на Черноморский флот,
- 1845 - на корабле "Трех святителей" крейсеровал в Черном море,
- 1847 - переведен из Черноморского в Балтийский флот,
- 1848 - на шхуне "Радуга" плавал по портам Финского залива,
- 1849 - произведен в лейтенанты,
- 1850 - крейсеровал в Балтийском море на корабле "Бриен",
- 1852 - уволен от службы к статским делам, с чином титулярного советника,
- 1853, 25 февраля - вновь поступил на службу в прежнем чине лейтенанта, с зачислением на Каспийский флот,
- 1857, 5 марта - уволен для службы на коммерческих судах.

Находясь на службе в военном флоте, Кишкин бывал в Новопетровском укреплении, где и познакомился с Т. Шевченко.

Вновь встретились они в Астрахани. Под датой 18 августа 1857 г. в Дневнике имеется запись, сделанная рукою моряка: "В.Кишкин, встреча со старым знакомым". (V, 107).

За дружескими встречами в Астрахани последовало многодневное путешествие Шевченко на пароходе "Князь Пожарский" до Нижнего Новгорода, во время которого капитан оказывал ему немало услуг, делил с ним свои свободные часы, являлся добрым собеседником. На страницах Дневника мы неоднократно встречаем характеристики: "привлекательно благородный капитан", "добрый милый капитан", "симпатический Кишкин" и т.п. (V, 107, 108, 115, 116, 123, 124, 125, 130, 139, 140, 151, 186). Упоминается он и в переписке. (VI, 176).

О новопетровских встречах Шевченко и Кишкина ни документальных, ни мемуарных сведений нет. Однако косвенные данные не оставляют сомнений, что знакомство их произошло именно на Мангышлаке.

КЛАРК, Василий Иванович - журналист, литератор.

Родился и рос в поселке Саткинский завод, Златоустовского уезда, Уфимской губернии в семье лесничего горного ведомства, отставного подпоручика. По окончании гимназии в Уфе учился в Казанском университете, но за участие в студенческих беспорядках был и заключен.

Восстановленный через год в списках студентов, вскоре был вынужден учебу оставить из-за невозможности платить за обучение. Переехал в Нижний Новгород, поступил конторщиком на пароход "Бенардаки" и сразу же связался с прогрессивно настроенной молодежью. Его с женой Эммой Алкиной квартира стала центром революционной работы. В 1891 г. Кларк вынужден был перебраться в Астрахань.

Такова предыстория публикации в мартовской книге "Русской старины" за 1896 г. его статьи "Тарас Григорьевич Шевченко в Астрахани", написанной по воспоминаниям учителя И.П.Клопотовского.

КЛЕМЕНСОВ-МОНТВИД, Дмитрий Григорьевич - литератор. (Настоящая фамилия - Монтвид).

Родился в 1856 г. на Украине, учился в Харьковском ветеринарном институте. За распространение запрещенных книг подвергался обыскам, полицейскому надзору, был отдан на военную службу (1878).

Автор очерков и рассказов, которые публиковались в периодической печати в 80-х годах XIX столетия под псевдонимом "Д.Клеменсов". В 1887 г. в Петербурге вышел в свет его сборник "По волнам". Эпиграфом к рассказу "Христос воскрес" автор взял шевченковское четверостишие, начинающееся словами: "Тяжко жить на свете, а хочется жить..."

Находясь в Пензе, Д.Клеменсов-Монтвид записал воспоминания Э.В.Нудатова о пребывании Т. Шевченко в Раимском укреплении. Эти воспоминания, тогда же предложенные журналу "Киевская старина", не были опубликованы - вероятно, по цензурным соображениям. Только 31 декабря 1890 отрывок из статьи увидел свет в харьковской газете. (Д.Клеменсов. "Кое-что из жизни Т. Шевченко в Раиме. Записано со слов Э.В.Н.". "Южный край", № 3435). Полная публикация статьи (по рукописи, хранившейся в Государственной публичной библиотеке Украины) осуществлена уже в наше время. (Д.Юфанов - "Матеріали про життя і творчість Тараса Шевченка". Киев, 1957, стр.49-73).

Воспоминания Э.В.Нудатова, записанные и обработанные Д.Г.Клеменсовым-Монтвидом, являются наиболее ценным источником для характеристики раимского периода жизни Шевченко, быта и нравов укрепления, его людей. По количеству и качеству мемуарных источников этот важный период беден. Тем указанная статья для нас дороже.

КЛИМОВ, Петр Семенович - казенный денщик коменданта Новопетровского укрепления подполковника А.П.Маевского. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.224).

Шевченко, бывая в доме доброжелательного коменданта, общался и с его денщиком, который нередко служил связным между ним и Маевским. В таком плане Климов безымянно упоминается Н. Ф. Савичевым. ("Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников", стр.224).

КЛИМОВСКИЙ (настоящая фамилия Оглоблин), Евгений Иванович (1824-1866) - артист Нижегородского театра.

В 1846 г. Климовский поступил в "консерватор-класс" Большого театра, а вскоре был зачислен в труппу этого театра, где пел партии второго тенора и в дивертисментах - песни и романсы собственного сочинения. На сцене Малого театра артист исполнил ряд ролей с пением, в том числе - Яши Гуслина в спектакле "Бедность не порок". В 1854 Климовский переехал в Петербург, где выступал на сцене Александрийского театра. С 1855 артист начал работать в провинциальных театрах - сначала Костромы, а затем Нижнего Новгорода.

Много теплых, сердечных слов находим мы о нем в мемуарах театральных деятелей. Вот, например, что писал П.М.Медведев:

"... Это была светлая личность, имевшая громадное влияние на всю труппу. Евгений Иванович окончил (по юридическому факультету) Московский университет. Еще будучи студентом, он был в кружке А.Н.Островского, Т.И.Филиппова, П.М.Садовского и др. Музыкант и поэт всем своим существом, он играл на гитаре и чудно пел, большею частью своей композиции романсы и песни. По окончании курса Е.И. кружком Островского был представлен директору театра А.Н.Верстовскому как певец и композитор... Из Е.И. выработался очень хороший артист на характерные роли... Этот талантливый артист и высококачественный человек внес свежую струю в нашу жизнь... Невольно он сделался нашим учителем, Е.И. не читал нам лекций, не ораторствовал, а просто вел беседу об искусстве. Какими знаниями он обладал и как обогатил нас!.. Мы, молодежь, направляемая Климовским, шли быстро вперед..."

(П.М.Медведев. "Воспоминания". Л., 1929, стр.124-127). В сезон 1857-1858 гг. Т. Шевченко видел Климовского в ряде ролей репертуара Нижегородского театра; он отзывался об артисте с похвалой, хотя говорил и о недостатках исполнения. (V, 145, 165, 176, 188, VI, 318). В этот же период возникло и окрепло личное знакомство поэта с артистом; подтверждением приятельских отношений между ними могут служить дневниковые записи. (V, 169, 172, 206).

Евг. Климовский:

"... Я довольно скоро, по переселении моем из Петербурга в губернский город, обратил внимание на все незавидное положение провинциального актера. Вы, столичные, с высоты вашего величия, нимало не замечаете, чему подвергается этот несчастный, но сплошь и рядом великий труженик... Мне стало ясно, что и в провинции великий художник будет великим, а ничтожество останется ничтожеством, хотя бы оно было не только в столице, но даже близ трона..." (ПД, ф.357, оп.3, д.109, письмо к Л.Л.Леонидову).

КЛИМОВСКАЯ, Ольга Яковлевна, урожденная Браво - актриса, жена Е.И.Климовского.

Законным браком Климовские сочетались в Костроме, в 1856 году. В 1857 у молодых супругов родилась дочь Мария. (П.М.Медведев. Воспоминания. Л., 1929, стр.127; ПД, ф.357, оп.3, д.109, л.1).

Дружеские отношения Т. Шевченко с Климовским дают основания причислить к знакомым поэта и жену артиста.

КЛОПОТОВСКИЙ, Иван Петрович - учитель истории и географии в Астраханской гимназии.

Получив образование в Киевском университете, он с 1850 г. служил в Астрахани, поддерживая тесные связи с земляками, прибывавшими в этот город. Его дом являлся местом встреч интеллигенции.

Знакомство Клопотовского с Шевченко, судя по рассказу первого, произошло еще в 1847, когда Шевченко получил назначение на должность университетского преподавателя рисования. Можно предположить, что в бытность поэта в Новопетровском укреплении Клопотовский знал о пребывании его там от участников экспедиции К.М.Бэра, в частности своего коллеги учителя гимназии К.И.Вейдемана. По прибытии его в Астрахань, после окончания солдатчины, Иван Петрович оказал Шевченко свое гостеприимство; дом учителя стал одним из мест, где собирались почитатели поэта.

Известна дружеская запись Клопотовского в Дневнике Шевченко (V, 106). Из Нижнего Новгорода поэт писал астраханскому своему приятелю (VI, 176-177). Значительную ценность представляют воспоминания учителя, записанные и опубликованные В.Кларком ("Русская старина", 1896, март, стр.655-658).

КЛЮКИН, Парфен - унтер-офицер на шхуне "Константин", участник экспедиции по изучению и описанию Аральского моря.

Начало морской службы Клюкина - 1831-й. В унтер-офицерском чине пребывал с 1841-го. Все годы служил во второй роте 45-го флотского экипажа (Астрахань, Каспий), отмечался как самый исполнительный и опытный. Последующая служба складывалась так же, как и у Абизарова (см. статью о нем).

На "Константине" Шевченко и Ключкин вместе служили в первую навигацию. После плавания 1848 г. унтер-офицер из состава экспедиции выбыл (причина неизвестна).

КОВАЛЬСКИЙ, Юлиан (Юлиан-Константин-Прот) Иванович - рядовой 2-го Оренбургского линейного батальона.

"За недонесение начальству о подговоре его в феврале месяце 1846 года в числе прочих учеников бывшей Щербжешинской гимназии... к побегу за границу в Галицию для присоединения к тамошним мятежникам" двадцатилетний Ковальский был отдан в 1848 в солдаты "без лишения дворянского достоинства". (В.А.Дьяков. "Тарас Шевченко и его польские друзья", стр. 75).

В Оренбурге Ковальский входил в кружок ссыльных, с которым в 1849-1850 был связан Шевченко. Вместе с другими, он запечатлен А. Ф. Чернышевым.

Нелишне, однако, обратить внимание на то, что в Оренбурге в это время находились и другие опальные с той же фамилией. Назовем Томаша Францевича Ковальского - рядового 3-го линейного батальона, умершего в декабре 1850 в возрасте двадцати шести лет от туберкулеза, и Казимира Карловича Ковальского - рядового 2-го батальона (1826-1857). Биографии этих лиц, о которых мы сейчас можем сообщить лишь немногие сведения (ГАОО, ф.173, оп.11, д.188), заслуживают изучения.

КОЗАЧЕНКО, Александр Петрович (1808-1870) - статский советник, председатель Астраханской казенной палаты, тесть А.А.Сапожникова.

Т. Шевченко познакомился с ним в Астрахани, о чем свидетельствует письмо поэта к Клопотовскому, содержащее строки: "Як побачите А.П.Козаченка, то поцілуйте його за мене". (VI, 177).

На пароходе "Князь Пожарский" при участии Шевченко отмечалась двадцать первая годовщина супружеской жизни Александра Петровича и Екатерины Никифоровны Козаченко. (V, 123).

КОЗАЧЕНКО, Екатерина Никифоровна - пассажирка парохода "Князь Пожарский", жена А.П.Козаченко.

Теща А.А.Сапожникова, мать Н.А.Сапожниковой, сестра И.Н.Явленского, дочь Л.Г.Явленской - таковы ее родственные отношения с некоторыми другими пассажирами, упоминаемыми, так же, как и она, в Дневнике Т. Шевченко.

Поэт познакомился с Е.Н.Козаченко еще в Астрахани, в доме Сапожниковых. На пароходе, во время рейса, он выказывал ей всяческую симпатию. (V, 113, 123, 127). Известен портрет Козаченко, нарисованный Шевченко в пути, на пароходе. (X, л.3).

Общение с Е.Н.Козаченко, как и другими членами семьи Сапожниковых, продолжалось в Нижнем Новгороде, 20 и 21 сентября.

КОЗАЧКОВСКИЙ, Андрей Осипович (1812-1889) - врач.

Родился в Переяславе; учился в медико-хирургической академии Петербурга, которую окончил в 1835-м. С весны 1843 был уездным врачом в Курске, а с января 1844 стал лекарем в родном городе. Тут он и служил людям до конца жизни.

Знакомство Т. Шевченко с Козачковским состоялось еще в 1841 г. в Петербурге. К нему он приезжал в августе 1845. В конце октября того года посещение повторилось, причем продолжалось оно, с

небольшими перерывами, до начала января 1846. Длительность пребы вания была связана и с болезнью, от которой его, Шевченко, лечил друг-врач. Эти месяцы стали плодотворными в творческом отношении (поэмы "Наймичка", "Кавказ", посвящение "Шафарику", знаменитый "Заповіт", автопортрет, пейзажи).

Еще более укрепила их дружбу вынужденная разлука. В 1847 г. в Орской крепости поэт написал широко известное стихотворение "А.О.Козачковському". Укрепляла дух Шевченко переписка с Андреем Осиповичем (сохранилось четыре шевченковских письма и два ответных). Козачковский оказывал другу материальную помощь. Моральная же поддержка была взаимной. "Веруй глубоко разумно, писал он мне в одном письме из Новопетровского укрепления, утешая меня в постигшем тогда горе", - вспоминал Козачковский в своих

интересных, содержательных и объективных заметках о Шевченко, первоначально опубликованных в газете "Киевский телеграф" 26 февраля 1875. Новейшая их публикация - в сб. "Воспоминания о Тарасе Шевченко", К., 1988, стр.88-92.

Из письма А.О.Козачковскому (1852, 16 июля).

Поддерживает ли дружбу, или по крайней мере жизнь постоянная переписка? вопрос прехитрый, на который я отвечаю, впоследствии многолетней опытности, так: был у меня во время оно великий приятель (может быть он здравствует и поныне?), так тот-то великий приятель бывало каждую почту дарил меня посланием по крайней мере на двух листах, и я, о! грустное воспоминание! должен был отвечать ему, потому что он был хороший приятель, и если бы не эти убийственные послания мог бы и до сих пор остался хорошим приятелем. А то увы! терпение лопнуло, и дружба врозь. Мне кажется, что от подобной переписки не только дружба, но и самая нежная любовь не уцелеет. Но нам с вами нечего опасаться за нашу дружбу вследствие частой переписки.

Мне кажется, если не ошибаюсь, что со времени нашего знакомства, это будет первое письмо, а знакомы мы ровно 10 лет, да и это письмо, если правду сказать, порождение крайней необходимости, чистосердечию моему простите великодушно.

Вот какого рода необходимость заставила меня начертать послание се нехитрое: в настоящем 1852 году я чувствую приближение той самой болезни, от которой вы спасли меня в 1844 году; если припомните тот целительный бальзам, которым вы меня тогда врачевали, то ради самого Искулапа пришлите рецепт одного <...>

<...> Теперь нужно бы вам написать о нравственном моем житьи-бытьи. Но оно так скверно, что и писать не хочется, а коли говорить хорошего нечего, так лучше молчать. Живу я можно сказать жизнью публичною, сиричь в казармах, муштруюсь ежедневно, хожу в караул, и т.д., одно слово солдат, да еще солдат какой! просто пугало воронье. Усища огромные. Лысина что твой арбуз, точь в точь солдатский портрет, что изобразил Кузьма Трохимович (у Основьяненка). - Шутки в сторону, а написать о себе не могу ничего хорошего, в противном случае это была бы ложь. Живу, можно сказать, одним воспоминанием, да и кто им не живет?

Помните ли нашу с вами прогулку в Андруши, и за Днепр в Монастырище на гору, вспомните тот чудный вечер, ту широкую панораму, и посередине ее длинную, широкую фиолетовую ленту, а за лентой фиолетовый блестит, как из золота кованный, Переяславский собор. Какая-то чудная торжественная тишина. Помните, мы долго не могли промолвить слова. Пока наконец белое, едва заметное пятнышко не запело:

То ярм, ярм за товаром.

Чудный вечер! Чудный край и песни дивные! Много добрых воспоминаний сохранил я о старом Переяславе и о тебе, мой искренний друже! <...>

КОЗЛОВ, Николай Данилович - горный урядник первой статьи, штейгер экспедиции штабс-капитана А.И.Антипова.

Козлов родился в 1834 году, происходил из заводских людей горного ведомства. Закончив начальную школу, он в двенадцатилетнем возрасте пришел на Златоустовский завод для обучения "живописному и позолотному искусствам и рисованию". Четыре года спустя его перевели на Миасский завод, для выполнения чертежных работ, но юноша увлекся горным делом и с 1824 посвятил себя ему целиком. Начав с ученика маркшейдера, он десять лет спустя был произведен в унтер-шихтмейстеры третьего класса. Участвуя во многих экспедициях по устройству золотых приисков на Урале и в Зауральской степи, по разведкам каменного угля и других полезных ископаемых, Козлов становился, последовательно, унтер-шихтмейстером второго, а затем первого класса. В 1848 его произвели в урядники первой статьи.

15 апреля 1850 Козлов получил назначение "в командировку для добычи и разведки найденного на берегах Аральского моря и на Мангышлакском полуострове Каспийского моря каменного угля". 12 июня 1852 горного урядника наградили серебряной медалью "За усердие".

Проработав 37 лет и подойдя к своему 50-летию (1854), он, по его же собственному заявлению и по докладной записке горного инженера А.И.Антипова, "пришел в старческое положение и расслабление сил", а потому попросил "увольнения его в отставку с полным пенсионом".

Неоднократные обращения по этому вопросу, в том числе на "высочайшее имя", к положительным результатам не привели. Козлову ответили, что на пенсию он получит право "не прежде, как по прослужении 35-ти лет, считая с 18-летнего возраста (подчеркивание мое - Л. Б.), или по совершенной неспособности к службе". Ходатайство Антипова было расценено как "совершенно противозаконное". Переписка по этому вопросу закончилась только в мае 1855. Н. Д. Козлов вынужден был продолжать свою многотрудную службу с командировками по обширнейшему краю. (ГАОО, ф.6, оп.10, д.6899).

Т. Шевченко познакомился со штейгером Козловым, будучи прикомандирован с 21 мая по 7 сентября 1851 года к экспедиции Антипова в Каратау. Три с половиной месяца жизни в постоянном, повсечасном общении сблизили поэта-художника с мастером-рудознатцем и другими участниками геологического поиска.

В 1852 и 1853 встречи, вероятно, повторялись, так как Антипов, Козлов и их помощники, продолжая разведку на Мангышлаке, Новопетровское укрепление обойти не могли. (ГАОО, ф.6, оп.6, д.13102). Летом 1855, получив в ответ на просьбу решительный отказ, Козлов вынужден был снова поехать на далекий каспийский полуостров. "Приехал сюда старик Козлов штейгер, - помнишь, что с Антиповым ходил в Каратау, - писал Шевченко Залескому 10 июня 1855. - Он тоже теперь отправляется туда для собрания коллекций окаменелостей. Думал было и я с ним проситься, да раздумал". В том же письме Шевченко сообщал, что принадлежащие Залескому книги будут пересланы им "осенью с штейгером". (VI, 117-119). Встречи с Козловым, по всему судя, и на этот раз были дружескими.

Можно высказать предположение, что описанный Шевченко в следующем письме, от 25 сентября 1855, его поход на Ханги-бабу состоялся не без воздействия таких встреч. "О, какие прекрасные, светлые, отрадные воспоминания в это время пролетели над моей головой!" (VI, 119).

КОЗЛОВСКИЙ, Ян (Иван) Ипполитович - казак Оренбургского казачьего войска.

Ян Козловский, польский дворянин, был отдан в военную службу за участие в восстании 1830-1831 гг. Являясь рядовым 1-го Оренбургского линейного батальона, он, из желания избавиться от солдатской муштры, изъявил в 1838 году согласие перейти в казачье со словие. Отслужив еще шесть лет, вышел в отставку. Но и двадцать лет спустя, в 1864-м, ему не разрешили вернуться на родину, мотивируя это тем, что причисленный к казакам остается в данном сословии, вместе с потомством, навсегда. Не выдержав, Козловский бежал, но был разыскан и водворен на прежнее место - в станицу Верхнеозерную. (ГАОО, ф.6, оп.12, д.484).

Сведений о знакомстве с ним Шевченко в нашем распоряжении нет. Однако в связи с упоминанием названия станицы следует сказать, что именно здесь, "в доме одного казака", в 1902-1903 гг. краевед Аниховский видел "четыре акварели - картины небольшого разм ера" и от местных жителей услышал, что, якобы, "картины эти нарисованы поэтом Тарасом Шевченко". Впоследствии, по его же сообщению, "все четыре картины были приобретены Оренбургской архивной комиссией и помещены в музей". ("Оренбургская коммуна", 1935, № 92).

О каких работах идет речь - неизвестно; в экспозиции и фондах Оренбургского музея их сейчас нет. Закономерен, на наш взгляд, вопрос: не Яну ли Козловскому принадлежали эти акварели?

КОКОНИН, Матвей Васильевич - казенный денщик начальника артиллерии гарнизонов Оренбургского округа генерал-майора Г.А.Фреймана. (ГАОО, ф.172, оп.11, д.208).

"Послал тебе... с Фрейманом экземпляр "Спасителя"; сходи ты на квартиру Фреймана и у слуги его Матвея спроси ящик на твое имя..." (Из письма Т. Шевченко Б. Залескому 0от 25 сентября 1855 г.; VI, 120).

КОЛЕСИНСКИЙ, Балтазар Балтазарович - рядовой 5-го, а затем 4-го линейного батальона Отдельного Оренбургского корпуса.

Родился в 1818 году, в дворянской семье Виленской губернии. По окончании Виленского благородного пансиона был принят писцом в комиссию, утвержденную для ревизии действий Гродненского дворянского депутатского собрания. Назначенный в Гродненскую казенную палату, служил здесь журналистом, помощником контролера, контролером. В 1841 получил производство в коллежские регистраторы и перевод в Лидскую дворянскую опеку: сначала секретарем, а позднее, по выборам дворянства, питейным депутатом. С 1846 - губернский секретарь.

Служебная карьера Колесинского оборвалась в 1848: "По конфирмации г.главнокомандующего действующею армиею... оказался виновным в сообществе с лекарем Рениером и слушании злонамеренных наставлений против правительства, в покупке у него и чтении запрещенных сочинений, в знакомстве с приезжавшими из-за границы эmissарами, в принятии одного из них у себя на квартире, изъявлении желанья способствовать мятежу, если бы он вспыхнул в западных губерниях". Лишенный "чинов и дворянского достоинства", Колесинский был определен на службу в 5-й линейный батальон, куда прибыл в марте 1848. В апреле 1849 получил перевод в 4-й линейный батальон. В 1853 участвовал в штурме Ак-Мечети, проявил героизм, получил ранение и "за отличие" был произведен в коллежские регистраторы - чин, который он имел за двенадцать лет до этого. Однако и после всех "отличий" Колесинский, уже чиновник канцелярии губернатора, оставался под полицейским надзором, без права покинуть край своей неволи. (ГАОО, ф.6, оп.6, д.13456). Такое дозволение им было получено лишь в 1857 году. (ГАОО, ф.6, оп.12, д.1690).

Первое знакомство Т. Шевченко с Б.Колесинским произошло в Орской крепости: в одном батальоне они служили свыше полутора месяцев. Более близкое знакомство двух изгнанников относится к оренбургскому периоду их жизни (ноябрь 1849 - апрель 1850). В Оренбурге они вместе находились всю зиму и могли встречаться часто.

Убедительным подтверждением таких встреч, больше того - принадлежности к одному кружку, является рисунок А. Ф. Чернышева, запечатлевший Т. Шевченко среди польских ссыльных в Оренбурге. Тут запечатлен и Балтазар Колесинский. Позднее, находясь в Новопетровском укреплении, поэт продолжал интересоваться судьбой товарища и тепло о нем вспоминал. (VI, 90).

КОЛЕСНИЧЕНКОВ, Трофим Яковлевич - "государственный крестьянин Саратовской губернии, Камышинского уезда, слободы Даниловки", переселившийся, вместе с семьей, на Мангышлак в конце 40-х гг. XIX в.

Из Саратовской губернии сюда же переселились семьи государственных крестьян Сергея Яковлевича Колесниченко, Михаила Климовича Колоткина, Емельяна Ильича Верещагина, Агапа Алексеевича Медведева и др.

"Государственным крестьянином Самарской губернии, Бузулукского уезда, волости Лобазы" оставался и на берегах Каспия Егор Михайлович Ломакин.

За волжским городом Петровском по-прежнему числился Дорофей Назарович Стульников. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.234-а).

Т. Шевченко посещал Николаевскую станицу близ Новопетровского укрепления, где, вместе с поселенцами из числа уральских казаков (см. "Сухоруковы"), жили и трудились поселенцы из государственных крестьян, занимавшиеся, как и их соседи, рыбным промыслом.

Встречи и беседы с ними дали Шевченко возможность близко узнать еще одну категорию крестьянства - "государственных крестьян", которым закон предоставлял более широкие права на пользование землей, разрешал переходить в другие сословия и менять места жительства. Жизнь этих "свободных сельских обывателей" была, как мог он убедиться, тяжелой. Не случайно в 1841-45 повсеместно произошли массовые волнения государственных крестьян против поборов и насилий со стороны властей, непрерывно усиливавших гнет феодально-крепостнической опеки. Из мест таких волнений и выехали на Мангышлак названные крестьяне. Желанного достатка, однако, не обрели они и здесь. Ни одна из перечисленных семей не значилась в официальных отчетах пятидесятых годов среди экономически-крепких. (ГАОО, ф.6, оп.12, д.1179, лл.3-4).

Небезынтересен документ 1853 г. Государственные крестьяне Самарской губернии Захар Севастьянов и Егор Гриднев, подав прошение о разрешении переселиться на Мангышлак, получили предупреждение: "тамошняя местность решительно неспособна ни к хлебопашеству, ни к скотоводству и вообще, кроме рыбного промысла и торговли, не представляет поселенцу других способов существования и то лишь при довольно значительных первоначальных с его стороны денежных пожертвованиях". (ГАОО, ф.6, оп.12, д.734).

КОЛЛЫШКО, Антон Иванович - штаб-доктор Отдельного Оренбургского корпуса, статский советник.

Родился в 1806 году, в семье дворян-католиков Виленской губернии. По окончании курса врачебных наук в Виленском университете получил диплом лекаря 1-го отделения "с дозволением тогда же искать звание доктора медицины" (1828). Этого звания он удостоился год спустя, будучи уже на службе в Отдельном Оренбургском корпусе. Служил сначала в линейном батальоне, а позже в военном госпитале - ординатором, старшим лекарем. С 1845 - штаб-лекарь корпуса. (ГАОО, ф.6, оп.6, д.12636/8, лл.13-19).

Обладатель одного из высоких чинов губернии, Коллышко являлся видной фигурой Оренбурга, был владельцем большого дома, где им и его женой Юлией Николаевной устраивались приемы.

Сообщаемые сведения дают основание предположить, что Ф. Лазаревский в своих воспоминаниях о Шевченко, написанных через тридцать лет после описываемых событий, искусственно соединил двух докторов - Майделя Ои Коллышко, приписав лечащему врачу Шевченко Майделю то, что относилось к Коллышко: "тайный (статский -Л.Б.) советник", "породистый аристократ", "вращался в самых высших сферах губернской знати" и т.п. Выяснение ошибки мемуариста позволяет назвать еще одно имя, связанное с пребыванием Шевченко в Оренбурге в 1849-1850 гг. и указать более точный адрес того вечера, который описал Лазаревский, ошибочно назвав при этом дом Майделя.

В поисках неизвестных художественных работ Т. Шевченко периода солдатчины следует иметь ввиду вероятность выполнения им портрета (или портретов) Коллышко и членов его семьи.

КОМАРОВСКИЙ, Михаил Петрович - капитан второго ранга.

Поступив в 1825 г. в морской кадетский корпус, Комаровский (род. в 1811) в течение десятков лет, вплоть до 1857-го, служил на Балтийском море, а затем на Каспии. На пароходе "Ленкорань" ходил, до 1854 г., по каспийским портам для перевозки почты; это наталкивает на мысль о возможности знакомства с ним Шевченко еще в Новопетровском укреплении.

Комаровский был одним из пассажиров парохода "Князь Пожарский"; в своем Дневнике Шевченко называет его в качестве "будущего капитана будущего парохода А.Сапожникова", отмечая тут же, что "нарисовал белым и черным карандашом, довольно удачно" его портрет. (V, 128). Портрет пока не отыскан. Публикуемый как изображение Комаровского (X, л.11) таковым, полагаем, не является.

КОМПИОНИ, Андрей Алексеевич - гарнизонный инженер-подпоручик Новопетровского укрепления; в этой должности сменил К.О.Добровольского не позднее весны 1856 г. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.234-а).

"Кампиони был инженер, молодой человек, фат, был не прочь покутить", - писала А. Е. Ускова. ("Науковий збірник за рік 1926", т.ХХІ, стр.170).

С Кампиони связан один из мрачных эпизодов последних месяцев солдатской службы Т. Шевченко.

"Пьяный Кампиньони, инженерный офицер и отчаянный пьяница", увидев проходящего мимо офицерского флигеля рядового Шевченко, затащил его в комнату, где шла очередная попойка, но тот, "чтобы не дополнить собою группу волжских разбойников, вырвался из объятий покровителя и выбежал на площадь". Сочтя отказ участвовать в попойке за оскорбление, Кампиони (или Кампиньони, как, по своему, именуется он в Дневнике - Л. Б.) велел арестовать ослушника, и поэт провел ночь на гауптвахте. Но на том происшествии не закончилось - "... совершилась мерзость, которую нельзя было предполагать даже в совершителе ее, мерзавце Кампиньони". Сей офицер подал коменданту официальный рапорт, требуя поступить с Шевченко "по всей строгости закона". Это грозило серьезнейшими бедами и, по совету Ускова, пришлось ему идти просить прощения. "Простоял я в передней у мерзавца битых два часа. Наконец, он допустил меня к своей опохмелившейся особе. И после многих извинений, прошений, унижений даровано мне было прощение с условием сейчас же послать за четвертью водки". Только после этого рапорт был взят обратно. (V, 34-36).

На страницах Дневника Кампиони упоминается и далее. "Этот бессовестный пьяница, ради рюмки лимонки, не постыдился подойти к нам и поздравить меня с получением свободы. Мы (Шевченко, Кулих и Фиялковский - Л. Б.) встали и разошлись в разные стороны, предоставив в полное распоряжение незванного гостя чайник и бутылку с лимонкой..." (V, 83).

Портрет Кампиони - одного из "патентованных мерзавцев" - нарисован достаточно ярко. Дальнейшая карьера этого офицера неизвестна. В 1858, как явствует из названного архивного дела, он еще продолжал служить в Новопетровском укреплении.

КОНДРЕБСКИЙ, Доменик - рядовой 1-го Оренбургского линейного батальона.

Уроженец Минской губернии, сын офицера, Кондробский (род. в 1823 или 1824) попал в солдаты за участие в заговоре, открытом в 1855 в Минске. Будучи уволен со службы приказом от 1 мая 1857, он находился непродолжительное время в Оренбурге, а в июле того же года выбыл в Уральск, который, в связи с женитьбой, избрал местом своего жительства. (ГАОО, ф.6, оп.18, д.375).

Д.Кондробский являлся одним из сотоварищей Т. Шевченко в последний период его службы в Новопетровском укреплении. Вновь прибывшие были для поэта источником сведений о новейших политических событиях.

КОНИССКИЙ, Александр Яковлевич (1836-1900) - писатель, историк литературы, общественный деятель.

Крупнейший, авторитетнейший биограф Т. Шевченко XIX ст. В 1892-98 напечатал серию очерков о его жизни, ставших основой книги "Тарас Шевченко-Грушівський. Хроніка його життя" (т.1-2, Львов, 1898-1901); новейшее современное издание: К., "Дніпро", 1991.

Конисскому принадлежала честь выявления многих мемуаров, документальных и других источников воссоздания различных этапов и страниц шевченковской биографии, в том числе, и прежде всего, периода солдатчины. Книга сыграла важную роль в изучении окружения и связей поэта 1847-1858 гг.

Писатель перевел на украинский язык Дневник Т. Шевченко и его повести "Княгиня", "Варнак", "Художник", "Несчастный" и "Наймичка", написанные на Мангышлаке.

КОНОПАСЕВИЧ, Александр Гаврилович - священник Оренбургской Полковой Петропавловской церкви.

Родился в 1804 году. Закончив Минскую духовную семинарию, в 1828-м начал службу в Минской епархии, из которой был переведен в армейское духовенство. После Симбирска и Ревеля получил назначение в Оренбург и прибыл сюда в марте-апреле 1849. Одновременно со службой в церкви, являлся законоучителем в окружной артиллерийской школе и других учебных заведениях. (ГАОО, ф.173, оп.5, д.9825, лл.15-20).

Шевченко бывал в Полковой Петропавловской церкви, так как, помимо всего, посещение богослужений и исповедей для рядовых и офицеров являлось строго обязательным. В одном из архивных дел, например, содержится требование присылки "исповедных списков воинским чинам... с надлежащими отметками, кто из них был и не был на исповеди у св.причастия". (ГАОО, ф.173, оп.5, д.9825).

Прямых сведений о личных связях с Конопасевичем нет ни в переписке Шевченко, ни в мемуарах его современников. Одно из двух главных духовных лиц военной церкви, он, без сомнения, входил в круг гостей дома командира Отдельного Оренбургского корпуса и других знатных домов города. У А.Г.Конопасевича было десять детей.

КОНСТАНТИНОВ (имя и отчество не установлены) - чиновник III отделения, коллежский советник.

Участвовал в следствии по делу членов Кирилло-Мефодиевского товарищества. Его фамилия значится под рядом документов, в том числе об определении Т. Шевченко солдатом Отдельного Оренбургского корпуса. ("Кирило-Мефодіівське товариство", т.2, К., 1990, стр.333).

КОПРОВСКИЙ, Роберт Войцехович - рядовой, а затем унтер-офицер 3-го Оренбургского линейного батальона.

В 1846 г., вместе с С. Круликевичем, И. Завадским и Л. Турно, Копровский был отдан на военную службу за намерение присоединиться к Краковскому восстанию.

Находясь в Оренбурге, постоянно общался с политическими ссыльными, многие из которых (Е.Середницкий, Л.Липский и др.) входили в 1849-1850 в круг знакомых Шевченко. Это, а также былая принадлежность Копровского к политической группе С. Круликевич а, Л. Турно и других известных поэту соизгнанников, убеждает в правомерности причисления его к оренбургскому окружению Т. Шевченко.

В апреле 1855, оставаясь в том же батальоне, Копровский был произведен в прапорщики. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.189; ф.6, оп.12, д.1251; В.А.Дьяков - "Тарас Шевченко и его польские друзья", стр.43-44, 58).

КОРЖОВ, Ефим Иванович - временно исполнявший должность командира полубатальона 1-го Оренбургского линейного батальона в Новопетровском укреплении в начале службы Т. Шевченко на Мангышлаке, капитан.

Докладывая о прибытии "рядового Тараса Шевченко", комендант укрепления Маевский Осослался на "рапорт капитана Коржова". ("Тарас Шевченко. Документи та матеріали до біографії", К., 1982, стр.243-244).

В дальнейшем Коржов служил начальником Челябинской этапной команды. ("Адрес-календарь Оренбургского края на 1854 год", стр.258).

КОРИН, Петр Иванович - исправляющий должность дежурного штаб-офицера Отдельного Оренбургского корпуса, войсковой старшина. (ГАОО, ф.6, оп.15, д.1175).

В казачьем войске Корин служил с 1824 г., первый офицерский чин получил в 1832-м, войсковым старшиной стал в 1844. "Способности ума" его аттестовались как "весьма хорошие", равно как и знания - гуманитарные, точных наук, военного дела. (РГВИА, ф .405, оп.6, д.7441, л.51 об.-52).

В долгой биографии Корина примечателен факт его участия в нашумевшей почтовой афере брата, подполковника И.И.Корина; из грязного этого дела, разбирательство которого дошло до высших инстанций, казачьему офицеру удалось выйти весьма благополучно. Впоследствии он стал кавалером орденов св.Анны 3-й степени и св.Станислава 4-й степени. (ГАОО, ф.6, оп.6, д.12509; "Записки генерал-майора Ивана Васильевича Чернова", стр.130-135).

Корин вел в 1850 всю переписку после ареста Шевченко, в связи с отправкой поэта в Орскую крепость. Его подпись значится под несколькими документами: письмом о доставке Шевченко с гауптвахты в штаб корпуса, рапортом о препровождении к командиру ди визии, еще одним рапортом - о пересылке вещей и книг Шевченко, под описью этих вещей и книг и др. (ИЛ, ф.1, д.406). Не исключено, что Корин участвовал и в самом обыске, предшествовавшем аресту.

КОРМЫШЕВ, Иван Исакович - горнорабочий экспедиции А.И.Антипова, мастеровой Златоустовской оружейной фабрики.

Пятнадцатилетним подростком (в 1838 г.) начал он работать на этой фабрике поденщиком; в 1850-м был "командирован для исследования каменноугольных формаций, открытых на северо-восточном берегу Аральского моря и полуострова Мангышлак". За усердную р аботу на Каратау "награжден

единовременную денежную выдачу". В Златоусте оставил жену Надежду. (ГАОО, ф.6, оп.10, д.6899).

На протяжении трех с половиной месяцев - с 21 мая по 7 сентября 1851 - Шевченко ежедневно общался с Кормышевым и его товарищами по экспедиции в горы Каратау Гонибесовом, Трубеевым, Слигиным, работал вместе с ними, делал с них зарисовки. Можно предположить, что Кормышев послужил для Шевченко одним из натурщиков в его живописных работах. ("Цыгын", "Песня молодого казаха" и др.), а также в рисунках и этюдах, выполненных в период каратауской экспедиции. (т.9, лл.10, 14, 18, 71, 73, 100, 101 и др.).

КОРШ, Евгений Федорович (1810-1897) - журналист и переводчик.

По окончании юридического факультета Московского университета (1828) Корш получил степень кандидата. Длительное время служил библиотекарем университетской библиотеки, редактировал "Московские ведомости", вел политический отдел в журнале "Русский вестник". В 1858-1859 издавал ежемесячный журнал "Атеней". Тогда же началась его более чем тридцатилетняя деятельность в качестве библиотекаря Румянцевского музея.

Корш был близок к кружкам В.Г.Белинского, А.И.Герцена, Т.Н.Грановского. Связи с Герценом, его изданиями он поддерживал и в пятидесятые годы, о чем свидетельствуют герценовские письма к нему, обнаруженные в Отделе рукописей ГБЛ; одно из них, особенно обширное, датировано июнем 1858. ("Литературная газета", 1970, 21 января).

Т. Шевченко свел знакомство с Коршем на обеде по случаю новоселья книжного магазина Н.М. Щепкина 24 марта 1858. Перечисляя наиболее видных участников встречи, поэт называет и его. К Коршу, таким образом, относятся все лестные характеристики, данные поэтом "московской учено-литературной знаменитости". (V, 217).

КОСАРЕВ, Егор Михайлович (1818-1891) - командир роты, а затем полубатальона 1-го Оренбургского линейного батальона в Новопетровском укреплении.

Происходя из дворян Оренбургской губернии, Косарев получил домашнее воспитание, а на семнадцатом году жизни начал служить в одном из оренбургских батальонов - в первые месяцы рядовым, потом унтер-офицером. В офицеры его произвели в 1839. Почти вся полувековая служба Косарева протекала в степных укреплениях. В 1846 он участвовал в возведении Новопетровского укрепления на полуострове Мангышлак, где затем оставался до 60-х годов. В дальнейшем его послужном списке - должности коменданта форта № 2, а через пять лет - коменданта форта № 1 (Казалинск); здесь он оставался на протяжении пятнадцати лет, до выхода в отставку в чине полковника. (Сведения почерпнуты из некролога в "Туркестанских ведомостях", 1892, № 4).

Почти весь период пребывания Т. Шевченко в Новопетровском укреплении Косарев служил там же, являясь командиром роты и полубатальона, а в период после смерти А.П.Маевского до прибытия И. А. Ускова (первые месяцы 1853 г.) - исполняя обязанности и коменданта укрепления. (ГАОО, ф.6, оп.12, д.800).

Его воспоминания являются важными источниками изучения новопетровского периода жизни поэта. Они известны в нескольких вариантах. Наиболее полный - в записях Н.Д.Новицкого "На Сырдарье у ротного командира" ("Киевская старина", 1889, март, с тр.561-581). Самостоятельный интерес представляет публикация К.М.Оберучева "Извлечение из дел и памяти: нечто о Тарасе Григорьевиче Шевченко, с 1846 по 1857 год включительно". ("Киевская старина", 1893, февраль, стр.243-257). Это заметки самого Е.М. Косарева, но при подготовке их к печати были произведены существенные сокращения, в результате чего оказались утраченными важные детали, присутствующие в записи Новицкого. При сопоставлении с названными, еще одна запись тех же воспоминаний (Б.Тагеев -

"Т. Г. Шевченко по воспоминаниям полковника Косарева". "Русские ведомости", 1897, № 199; "Киевская старина", 1898, февраль, стр.35-41 второй пагинации) интереса не представляет.

В своих воспоминаниях Косарев допускает преувеличение собственной роли в жизни Шевченко, выставляя себя едва ли не ближайшим его другом и неизменным благодетелем. Это противоречит правде. Косареву, привлечшему общее внимание благодаря славе великого поэта, хотелось выказать себя в лучшем свете, и он даже гауптвахтные аресты Шевченко, производившиеся по его приказам, постарался выдать за "акты дружбы".

Но при всех недочетах косаревских воспоминаний, главными из которых являются их недостаточная объективность и весьма заметная поверхностность, никто не донес до нас столько важных фактов и впечатлений о жизни Шевченко на Мангышлаке как Косарев. Благодаря ему мы знаем и о муштре поэта, и о его выступлениях на сцене, и о скульптурных занятиях, и, конечно, о многих людях, среди которых рядовой Шевченко находился в течение семи лет.

Имя Косарева не раз упоминается в Дневнике Тараса Шевченко. (V, 52-53, 72, 83, 128, 164). Связанные с ним записи не оставляют сомнений, что и через семь лет после первого знакомства между ними существовали отнюдь не "приятельские" связи, а Косарев по отношению к поэту, находившемуся уже на пороге свободы, вел себя как заядлый солдафон.

Возьмем, к примеру, запись от 7 июля 1857.

По укреплению разнесся кем-то пущенный ложный слух о предстоящем прибытии великого князя. Ни в чем не разобравшись, "капитан Косарев, заведующий двумя ротами 1 батальона,... назначил почетный караул", в который был включен и Шевченко. "С восходом солнца (несмотря на воскресенье)" началась пригонка амуниции, дабы предстать "перед телячье лицо капитана Косарева".

"... Сказано - сделано. К 7 часам все было готово, в полной амуниции люди были выведены на полянку, в том числе и я, в 7 часов явился сам капитан Косарев во всем своем ослином величии и после горделивого приветствия подошел прямо ко мне, благосклонно хлопнув меня по плечу, и сказал: "Что, брат, отставка?"

Нет, мы еще из тебя сделаем отличного правогофлангового, а потом и с Богом". И тут же отдал приказание капральному ефрейтору заняться со мной маршировкой и ружейными приемами часика четыре в день. Я ужаснулся, услышав это благосклонное приказание..."

24 июля: "Вечером капитан Косарев объявил мне, с претензией на благодарность, что он, по приказанию коменданта, отдал приказ по полубатальону о моем увольнении..."

А 15 сентября, уже на волжском пароходе, сей офицер пришел к поэту во сне: "... явился в полном мундире капитан Косарев и сделал мне почти палочный выговор за то, что я опоздал на ученье".

Как убеждают эти записи, Косарев не столь уж далеко ушел от первого в Новопетровском укреплении ротного командира Шевченко штабс-капитана Потапова, отношение которого к поэту в воспоминаниях своих сам же и осудил. Просто Косарев, будучи умнее преемственника и успев разобраться, кто тот рядовой, как относятся к нему другие (в том числе комендант) и кого его судьба интересует, избрал в отношении необычного подчиненного политику более "гибкую" (о муштре, тем не менее, не забывая).

Так, на наш взгляд, следует относиться к этой фигуре, которая занимает одно из видных мест в биографии Шевченко новопетровского периода его жизни. Сравнения Косарева с комендантом Мироновым из "Капитанской дочки" (в некрологе) или с лермонтовским им Максимом Максимовичем (у Н.Д.Новицкого) были вызваны, пожалуй, удивлением перед богатством его воспоминаний и той ролью, которую отвел он в них самому себе.

Подлинную его роль метко охарактеризовала А. Е. Ускова: "В форте полубатальонным командиром был Косарев, он больше всех следил за Ш-ко; он был фрунтовик, строго требовал исполнения службы, как мне казалось, человек недалекий" ("Науковий збірник за рік 1926", т.ХХІ, Киев, стр.169-170). Эта оценка совпадает с сутью шевченковских записей в Дневнике. Она тем более весома потому, что Косарев в течение ряда лет был связан с семьей Усковых.

КОСАРЕВА, Варвара Васильевна - первая жена Е.М.Косарева. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.234-а).

Шевченко мог познакомиться с ней в 1851-1852 гг., когда, как рассказывал Косарев, стал вхож в "маленькое общество, которое так наконец полюбило его, что без него не устраивало, бывало, уже ничего". ("Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников", стр .251). Это общество группировалось вокруг тогдашнего коменданта А.П.Маевского; в него входили и Косарев с женой.

Косарева умерла, примерно, в 1856 году. Уезжая из Новопетровского укрепления в связи с болезнью, она увезла с собой портрет своего мужа, выполненный Тарасом Шевченко. "Отделанный на полулисте александрійской бумаги, - писал много лет спустя Косарев, - портрет мой и в настоящее время находится в Оренбурге у прежних моих родственников по первой жене, - Колмаковых, - который остался у них после смерти там моей жены". ("Киевская старина", 1893, февраль, стр.250).

Таким образом, судьба этой, донныне неизвестной, работы Т. Шевченко связана с именем В.В.Косаревой, урожденной Колмаковой.

КОСАРЕВА, Серафима Васильевна - вторая жена Е.М.Косарева. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.234-а).

"... Пробыв там (в Уральске - Л. Б.) до весеннего времени 1857 г., женился и возвратился обратно в укрепление", - писал Косарев, рассказывая в своих заметках о том, как складывалась его жизнь. ("Киевская старина", 1893, февраль, стр.256).

С.В.Косарева знала Шевченко в последние месяцы солдатчины, о чем свидетельствует сообщенный Н.И.Стороженко факт передачи ею обстоятельств выезда поэта из Новопетровского укрепления. (Там же, стр.257).

КОССАКОВСКИЙ, Владислав Фадеевич - старший адъютант штаба Отдельного Оренбургского корпуса, капитан. ("Адрес-календарь Оренбургского края на 1854 год", стр.246).

Подпись Коссаковского, вместе с подписью начальника штаба Фантон де Веррайона, значится под ответом коменданту Новопетровского укрепления об отказе в ходатайстве о дозволении Шевченко "нарисовать запрестольный образ для церкви... укрепления".

При первой публикации этого документа названная фамилия была указана неправильно. ("Збірник праць ювілейної десятої наукової Шевченківської конференції", К., 1962, стр.266).

КОСТОМАРОВ, Николай Иванович (1817-1885) - украинский и русский историк, писатель, этнограф, один из основателей и ведущих деятелей Кирилло-Мефодиевского товарищества.

Насильно разлученные приговором конца мая 1847, они не встречались до лета 1858, когда их личные взаимоотношения возобновились в Петербурге. Но на протяжении всех лет неволи Т. Шевченко помнил о Костомарове, вспоминал его, думал о нем. "Н.К остомарову" посвящено

проникновенное стихотворение тюремного цикла 1847. Душевной, взволнованной была саратовская встреча с матерью своего товарища, которого наделил самыми лестными эпитетами.

"Т. Шевченко и Н.Костомаров" - тема для глубокой исследовательской книги (не менее важной, чем те, которые посвящались связям поэта Украины с русскими революционными демократами).

КОСТОМАРОВА, Татьяна Петровна (1798-1875) - мать Н.И.Костомарова.

Родом из крепостных, она глубоко сочувствовала горю народному и всегда была верным другом сыну, подвергавшемуся преследованиям за свое свободомыслие (хотя и умеренно-либеральное).

Узнав на "Князе Пожарском" о том, что Костомарова живет в Саратове, Т. Шевченко сразу же по прибытии парохода в этот город направился к ней и "с полудня до часу пополудни провел у Татьяны Петровны". Впечатления от встречи переданы в дневниковой записи за 31 августа 1857: "И, Боже мой, чего мы с ней не вспомнили, о чем мы с ней не переговорили. Она мне показывала письма своего Николаши из-за границы и лепестки фиалок, присланные ей сыном в одном из писем из Стокгольма от 30 мая. Это чи сло напомнило нам роковое 30 мая 1847 года, и мы, как дети, зарыдали. В первом часу ночи я расстался с счастливейшею и благороднейшею матерью прекраснейшего сына". (V, 114).

"В Саратові бачився я з старою Костомарихою..." - сообщал Шевченко М. М. Лазаревскому из Нижнего Новгорода полтора месяца спустя. (VI, 175).

Еще 19 мая 1847 Шевченко написал стихотворение "Н.Костомарову", навеянное подлинным случаем, когда из окна своей камеры поэт увидел в тюремном дворе Татьяну Петровну, пришедшую на свидание к сыну. (II, 14). До этого он видел Костомарову в 1846-м, а затем в апреле 1847-го, в день своего ареста. ("Автобиография Н.И.Костомарова" - соответствующий отрывок - в книге "Біографія Т. Г. Шевченка за спогадами сучасників", стр.127-128).

Упомянутое в Дневнике 30-е мая 1847 это последний день нахождения Шевченко и Костомарова в петербургской тюрьме, перед отправкой их к местам наказания.

Автограф стихотворения автор подарил Т.П.Костомаровой в Саратове.

Встреча с Шевченко произвела большое впечатление и на Татьяну Петровну. Об этом свидетельствовала Е.Н.Пыпина, которая на следующий день имела возможность слышать взволнованный рассказ Костомаровой о посещении ее поэтом. Она "описывала во всех подробностях свою встречу и беседу с Шевченко, а мы с жадностью ловили каждое ее слово". ("Біографія Т. Г. Шевченка за спогадами...", стр.202).

КОСТРОМИТИНОВ, Николай Федорович - старший переводчик Оренбургской Пограничной комиссии, коллежский секретарь.

Костромитинов родился в 1806 году; происходил он из купеческих детей (в Оренбурге у него был деревянный дом). В 1826 г. его зачислили на службу в канцелярию Оренбургского военного губернатора; тут он, последовательно, был копиистом, подканцеляристом, переводчиком с татарского, казахского и других языков. С 1831 Костромитинов в Оренбургской Пограничной комиссии - переводчиком, с одновременным выполнением "попутных" обязанностей - следователя либо казначея, а в последние годы, после стажировки в Санкт-Петербурге, - старшим переводчиком. Самые ответственные задания поручались именно ему. "Кроме своей прямой обязанности, которую исполнял, как и всегда, с отличною отчетливостью и быстротою, - читаем в бумагах 1848 г. - был командирован... в среднюю часть орды, по случаю возникших там между киргизами недоразумений и беспорядков по найму верблюдов, успел ловкими внушениями и убеждениями устранить совершенно расстройство в сем верном деле в самом начале и тем содействовал его успешному

окончанию; кроме сего,... при разбирательстве взаимных претензий киргизов сибирского и оренбургского ведомств... внушенным к себе доверием <способствовал> неожиданно счастливому окончанию в течение одного месяца этого важного дела". (ГАОО, оп.10, д.6057/б, лл.5-6, 22-27).

Оренбургский знакомый Т. Шевченко, Костромитинов упоминается им в письме к Ф. Лазаревскому от 2 августа 1852, где поэт сообщает, что осенью 1850 (вероятно, направляясь через Оренбург в Новопетровское укрепление) спрашивал о Лазаревском у Костромитинова и получил от него интересовавшие сведения. Тут же Шевченко просит: "... як побачиш Костромитенова, то поклонись йому гарненько". (VI, 77-78).

Не исключено, что Шевченко бывал в доме Н.Ф.Костромитинова. Дом (он не сохранился) стоял у перекрестка совр. Матросского переулка и улицы Володарского, неподалеку от Сакмарских ворот. (В.В.Дорофеев. "Оренбург шевченковский". Научные записки Оренбургского Института Тараса Шевченко, 1-я тетрадь, стр.26-27).

КОШЕЛЕВ, Александр Иванович (1806-1883) - публицист и общественный деятель.

В юности член московского Кружка Любомудров и Литературного общества С.Е.Раича, близкий на протяжении многих лет к славянофильским кругам, он являлся автором одного из радикальных проектов крестьянской реформы и деятельным участником ее проведения в конце пятидесятых - начале шестидесятых годов. В шестидесятые-семидесятые годы Кошелев играл видную роль в земско-либеральной оппозиции. Известны его "Записки" (СПб, 1884). Жизни и деятельности этого человека посвящен труд Н.П.Колюпанова "Биография Александра Ивановича Кошелева", т.1-2, М., 1889-1892).

Для более объективной характеристики Кошелева стоит привести высказывание Б.Н.Чичерина, хорошо его знавшего: "Я мало встречал образованных людей с меньшею способностью к теоретическим вопросам. Иногда я даже удивлялся, как человек несомненно очень умный в сфере практических интересов, оказывался до такой степени слабым, когда речь заходила о теоретическом предмете. Он не умел поддерживать ни одной мысли, а целиком глотал то, что клали ему в рот его друзья, повторяя одно и то же положение без малейшего доказательства... В практических делах, напротив, он был смел и толковит... Он составил себе большое состояние

в откупах... На его средства издавались все славянофильские журналы и сборники..." ("Воспоминания Б.Н.Чичерина. Москва сороковых годов". М., 1929, стр.232-233).

Знакомство Шевченко с Кошелевым произошло в марте 1858 в Москве. Он был участником обеда, данного 25 марта в честь поэта Украины М. А. Максимовичем. Вечером Шевченко, вместе с Аксаковыми, поехал к Кошелеву домой. Здесь у него состоялись новые интересные встречи, в том числе с декабристом С. Г. Волконским. (V, 218).

Нелишне отметить, что в этот период Кошелев, как и некоторые другие видные славянофилы, находился в контакте с А.И.Герценом. Это, думается, также могло стать темой для разговора.

КОШЕЛЕВА, Ольга Федоровна, урожд. Петрово-Соловово - жена А.И.Кошелева (с 1835 г.).

Кошелева, вместе с мужем, являлась участницей музыкально-литературных салонов и кружков в Москве. Встречи происходили и в доме Кошелевых, привлекавшем значительную группу литераторов, ученых, деятелей культуры.

Т. Шевченко познакомился с Ольгой Федоровной на обеде у Максимовичей (об этом нам известно из письма А.П.Елагиной), а затем в доме Кошелевых (V, 218). В письме из Петербурга от 5 апреля 1858 он посылал "низенький поклон Кошелевым". (VI, 215).

КОШКУЛЬ, Василий Карлович (1827-1857) - лейтенант флота на пароходе "Куба".

Из дворян Курляндской губернии, лютеранин. В морском кадетском корпусе состоял с 1841; с 1850 - лейтенант. Служил на судах Балтийского моря, участвовал в боях на Кронштадтском рейде. Совершенствовался по астрономической части при Главной Николаевской обсерватории, после чего был командирован в качестве помощника начальника экспедиции по описи и промеру Каспийского моря. Погиб при крушении "Кубы" в ночь с 14 на 15 сентября 1857. (РГАВМФ, ф.406, оп.3, д.487; ф.256, оп.1, д.264, л.14).

Кошкуль был одним из участников встречи группы моряков с "Кубы" на комендантском "огороде" 17 июля 1857. (См. статью Поскочин Н.П. Ои приложение к ней).

КРАББЕ, Николай Карлович (1814-1876) - представитель морского министерства по организации Аральской экспедиции. Впоследствии генерал-адъютант, управляющий морским министерством.

Прикомандированный в 1847 г. к начальнику Отдельного Оренбургского корпуса "для исполнения поручений по морской части", Краббе провел первоначальные работы по сооружению баркасов на Сырдарье и разведке Аральского моря. ("Русский биографический словарь", т.9, СПб, 1903, стр.397-399).

В Оренбургском крае, однако, Краббе сделал мало, и прибывшему в 1848-м А. И. Бутакову пришлось начинать чуть ли не с самого начала. Вполне определенно сказал оренбургский старожил: "Молодой, образованный А. И. Бутаков много положил труда и здоровья на исследование Аральского моря и образование Аральской флотилии; Краббе же ухаживал за барынями, рыскал верхом и приезжал единственно для получения награды". ("Записки Н.Г. Залесова". "Русская старина", 1903, май, стр.289).

Шевченко, высоко ценивший труд истинных первооткрывателей Аральского моря А. И. Бутакова, К. Е. Поспелова и других, мог видеть в Краббе лишь резкий контраст этим людям - бескорыстным подвижникам науки и самоотверженным мореходам.

КРАВЦОВ, Никанор Григорьевич - житель села Богородского, Нижегородской губернии, композитор-любитель.

Будучи в добрых отношениях с А.Д. Улыбышевым, встречаясь с ним, Кравцов, по свидетельству современников, проявлял большой интерес к Т. Шевченко, пребывавшему в то время в Нижнем Новгороде. Вполне вероятны их личные встречи в доме Улыбышева, а также и на музыкальных вечерах в других домах губернского центра. Впоследствии Кравцов сочинил музыку к русскому тексту шевченковского "Заповіта". (В. Рождественский. "Шевченко и наши земляки". Газ. "Ленинская победа", г. Богородск, 1964, 10 марта).

КРЕСТЬЯНЕ.

Податное низшее сословие, составлявшее большинство населения России. Крестьяне несли все повинности, подлежали телесному наказанию, отдавались в рекруты. До 1861 крестьяне делились на помещичьих и государственных.

После крестьянской реформы 1861 бывшие помещичьи крестьяне вплоть до перевода на выкуп (затянувшегося до 90-х гг.) считались временно обязанными. Выкупившийся или вольноотпущенный помещичий крестьянин должен был избрать род занятий, т.е. приписаться либо к мещанскому обществу, либо к гильдии, либо к обществу гос. крестьян, либо поступить в учебное заведение, окончание которого давало ему соответствующие права и статус (напр., свободного художника).

Государственные крестьяне имели свои выборные власти, избирали заседателей в земский суд. Они имели право перейти в мещане или купцы, получив свидетельство от общины, что за ними не числится недоимок, что их участок не будет заброшен, а также гарантировав уплату подушной подати на 3 года вперед.

Крестьянская реформа не полностью отменила неравноправное положение крестьян. Даже став артистом или литератором, крестьянину надлежало брать паспорт в волости, платить подушные и выкупные платежи; в гос. учреждениях к нему официально обращались на "ты". Выход из общины был крайне затруднен. Только в 1906 крестьяне получили право свободного выхода из общины и право частной собственности на землю.

Сам из крестьян, потомственный крепостной, Т. Шевченко, находясь далеко от родины, неизменно интересовался жизнью своих братьев - крестьянства Оренбургской губернии. Тут он встретил крестьян-переселенцев, государственных крестьян, дворовых людей и денщиков из числа крепостных и др. Круг таких знакомств еще более расширился после освобождения от солдатчины - на Волге и в Нижнем Новгороде (об этом в статьях: Дадьянов, Демидов, Возницын и др.). Шевченко стал очевидцем (и участником?) словесных баталий вокруг проблем "улучшения быта помещичьих крестьян", проведения крестьянской реформы (см. нижегородские записки в Дневнике).

КРОНЕБЕРГ, Александр Иванович (1824-1865) - зоолог, публицист.

Сын профессора-латиниста И.Я.Кронеберга, он принадлежал к семье, тесно связанной с прогрессивными общественно-политическими и литературными кругами Москвы. Сам Александр Иванович примкнул к ним еще во время ученья в Московском университете. По окончании его он работал не только в области естественных наук, но и в журналистике, выступая со статьями по проблемам современности.

Т. Шевченко встретился с ним в Москве, 24 марта 1858 года, на новоселье книжного магазина Н.М. Щепкина. "Кронеберг-сын" (V, 217) - это он, а вовсе не его брат Алексей Иванович, известный переводчик (умерший в 1855-м).

КРУЗЕ, Николай Федорович (1823-1901) - московский цензор.

Уроженец Харькова, фон Крузе там же получил образование, закончив в 1844 г. университет. Служил по ведомствам внутренних дел, народного образования, сената. В апреле 1855 был назначен цензором и пробыл в этой должности до 1859, когда в связи с обвинениями в "либерализме" к авторам оказался вынужденным уйти в отставку.

Впервые чрез тебя до бедного народа
Дошли великие слова:
Наука, истина, отечество, свобода,
Гражданские права.

Так писал Н.А.Некрасов о Крузе.

Прожив за границей и в деревне до 1865, он вернулся на государственную службу. Позднее был председателем Петербургской земской управы и членом совета Дворянского банка.

Крузе принадлежат статьи в "Русском вестнике", "Русской старине", "Вестнике Европы", других повременных изданиях. (Автобиография; ПД, ф.274, оп.1, д.396, л.38).

Т. Шевченко впервые познакомился с Н.Ф.Крузе в Москве, в марте 1858. Он входил в круг прогрессивной московской интеллигенции, с представителями которой, в том числе Николаем Федоровичем, поэт встретился как "с давно знакомыми родными людьми" (V, 217). До этого его

знакомство с Крузе было заочным: он являлся цензором книг П.Кулиша, и тот в письме своем в Нижний

Новгород выражал надежду на содействие этого человека в переиздании "Кобзаря" и "Гайдамаков". ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр.124).

КРУЛИКЕВИЧ, Станислав (Степан) - рядовой Отдельного Оренбургского корпуса.

В 1847 году Круликевич (род. в 1816 г.) "был отдан в службу за намерение присоединиться к краковским мятежникам и склонить к тому же рекрут, находившихся в горных заводах Царства Польского". В Оренбургском корпусе состоял до ноября 1855, когда получил увольнение от военной службы "с оставлением на жительство в Оренбургском крае с учреждением над ним строгого полицейского надзора".

Небезынтересно заметить, что такой надзор был признан необходимым именно в отношении его (многих, в том числе М.Ходоровича, П.Круневича, Б.Колесинского и других, от полицейского надзора освободили).

По принятому в отношении Круликевича особенно жесткому решению можно судить, что свой бунтарский дух он проявлял и во время солдатчины. В Оренбурге Круликевич находился до конца 1857, после чего из пределов губернии выехал. (ГАОО, ф.6, оп.6, д.13456; оп.18, д.341, 351, 375).

Шевченко познакомился с Круликевичем по приезде в Орскую крепость, где польский изгнанник служил в том же 5-м батальоне, в который был назначен и поэт Украины. Для Шевченко это был первый встреченный им человек, который перенес дикое истязание - тысячу ударов шпицрутенами. Не он ли стал впоследствии одним из реальных прототипов несчастного в "Наказании шпицрутенами"? С большей определенностью можно заявить, что именно знакомство с Круликевичем и другими поляками, с которыми сблизился уже в начальный период солдатской службы, вызвало к жизни замысел, а затем и первый вариант стихотворения "Полякам". (II, 51-52).

Связи Шевченко с Круликевичем продолжались в походе из Орской крепости к Аральскому морю и далее, на Арале. В дошедшей до нас переписке периода солдатчины имя С. Круликевича не упоминается.

Следующая встреча соизгнанников произошла 7 января 1858. О ней имеется запись в Дневнике: "Круликевич, возвращаясь на родину из изгнания (с берегов Сырдарьи), узнал случайно о моем пребывании в Нижнем и сегодня посетил меня..." (V, 184). В свете этого "случайно" можно считать безосновательным предположение биографа поэта А.Конисского (правда, высказанное нерешительно и, по сути, им же перечеркнутое) о том, что именно Круликевич привез Шевченко хранившиеся у Герна рукописи его стихов. Тем не менее встреча была интересной.

Заканчивая эту статью, уместно напомнить об имевшей еще недавно место путанице, когда отдельные исследователи отрицали наличие среди польских изгнанников - друзей Шевченко человека по фамилии Круликевич, утверждая, что это всего-навсего искаженное написание другой, достоверной фамилии - Круневич. В настоящее время ясность в этот вопрос внесена. Для тех же, которые не хотят отказаться от своей версии, приведем еще один довод.

Обнаруженное автором архивное дело, на которое приходилось ссылаться уже не раз, имеет название: "Дело канцелярии генерал-губернатора по вопросу начальника Оренбургской губернии: подлежат ли проживающие в Оренбурге польские уроженцы Валериан Станиш евский, Гвидон Ходорович, Балтазар Колесинский, Павел Круневич, Михаил Ходорович, Степан Круликевич и Иван Павловский полицейскому надзору?" Подчеркнутые нами имена-фамилии - достаточно убедительный довод в пользу прекращения спора.

КРУНЕВИЧ, Павел Адамович (1825-1871) - врач 4-го Оренбургского линейного батальона, а затем личный врач В.А.Перовского.

Круневич родился в Виленской губернии, образование получил на медицинском факультете Московского университета, а через год после возвращения в Вильно, в 1849, был арестован за укрывательство лиц, которые разыскивались властями. После неудачной попытки побега с первого места военной службы, куда его определили по конфирмации, он в 1851 оказался в 4-м Оренбургском линейном батальоне. В 1853 участвовал в штурме Ак-Мечети, после чего, за отличие, получил увольнение со службы военной, производств о в коллежские регистраторы и разрешение проживать в

Оренбурге. (ГАОО, ф.6, оп.6, д.13456, л.9). В 1854 Круневич сменил И.В.Павлова в качестве врача при генерал-губернаторе В.А.Перовском; служил он здесь до 1857, затем выехал в Петербург, а "после смерти Перовского был назначен лейб-медико м". ("Записки генерал-майора Ивана Васильевича Чернова", стр.142). В столице Круневич возобновил связи с демократическими кругами, в том числе с активными деятелями русского и польского революционного движения Чернышевским, Савицким и др.

Т. Шевченко во время своей солдатской службы встречаться с Круневичем не мог: они находились в различных, и притом весьма отдаленных одно от другого, местах, их пути не пересекались. Личная встреча произошла в первые дни после прибытия поэта в Петербург. Но Шевченко не случайно называет Круневича в числе своих "соизгнанников оренбургских". У них было много общих знакомых, через которых Шевченко и Круневич, несомненно, могли узнать - и знали - друг о друге. К таким друзьям относились Б. Залеский, З. Сераковский, М.Цейзик и др. Зная о принадлежности Круневича к свите Перовского, они старались использовать для облегчения участи Шевченко и это.

Что касается встреч личных, уже в Петербурге, то о них писал сам Шевченко (V, 224-226, 234). Круневич лечил поэта в период смертельной его болезни.

КУБАЦКИЙ, Владислав - рядовой 5-го Оренбургского линейного батальона.

Уроженец Виленской губернии, Кубацкий был отдан в солдаты "за прикосновенность к злоумышленному обществу". В течение нескольких лет служил в 5-м линейном батальоне. Из Орской крепости его перевели в Уфу. Состоя на службе в губернской дорожной комиссии, Кубацкий оставался под гласным полицейским надзором и только в 1857 из-под надзора был освобожден. (ГАОО, ф.6, оп.18, д.332, 351).

В.Кубацкий значится в "Списке нижним чинам, поступившим в 4 роту Оренбургского линейного № 5 батальона за разные преступления". Здесь указано, что прибыл он 8 июня 1850 г. Таким образом, сослуживцем Шевченко в Орской крепости Кубацкий являлся почти четыре месяца. (ИЛ, ф.1, д.484, 489).

КУДЛАЙ, Петр Дмитриевич - младший полицмейстер Нижнего Новгорода, капитан.

Происходил из дворян Петербургской губернии. Военную службу начал в восемнадцать лет, причем первые семь лет (1838-1845) нес ее в карабинерном полку. Затем участвовал в военно-судных делах над крестьянами Витебской губернии и вернулся в Петербург для несения караульной службы. С 1851 служил в штате нижегородской полиции. (ГАНУ, ф.5, 1858, д.172).

Т. Шевченко впервые встретился с Кудлаем 3 октября 1857. Их сближению способствовало то, что новый знакомый, как выяснилось, был другом и родственником "незабвенного друга и товарища" Шевченко по Академии художеств П.С.Петровского. "Многое и многое разбудил он в моем сердце своим живым воспоминанием о прекрасных минувших днях". (V, 146). Обе стороны поддерживали

знакомство в течение всего периода пребывания поэта в Нижнем Новгороде; Кудлай оказал ему ряд услуг. (V, 147, 168, 205, 206, 209) .

КУЗИЧКИН (имя-отчество неизвестны) - бывший казначей 4-го учебного карабинерного полка в Нижнем Новгороде, поручик; происходил из кантонистов, был женат на богатой помещице.

Кузичкин являлся одним из участников встречи с Т. Шевченко на квартире Огурцова, описанной В.Н.Никитиным (см. статью о Никитине).

КУЛИХ, Франц Карлович - рядовой, а затем унтер-офицер 1-го Оренбургского линейного батальона. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.234-а).

Биография Кулиха неизвестна. По записям в названном выше деле удалось установить, что в Новопетровском укреплении он служил два срока.

Знакомство с ним Шевченко произошло до 1853 г. (к которому относится первое упоминание о рядовом Кулихе в метрических книгах). Позднее (очевидно, в 1855) он, вместе со второй ротой того же батальона, выехал в Уральск и вернулся на Мангышлак в конце июня 1857, уже в чине унтер-офицера и в должности каптенармуса. Вторая из обнаруженных нами записей свидетельствует о том, что и в 1858 Кулих продолжал свою службу в Новопетровском. В письме Ф.Фиялковского, написанном в начале рокового для поэта 1861 года, сообщается: "Кулих какое-то время гостил у меня после возвращения из Новопетровского и завидовал моему счастью, но, вызванный в часть, вернулся на Кавказ". ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр.215).

Имя Кулиха неоднократно упоминается на страницах Дневника. Это он привез из Уральска подарок С.Пшевлочкого - "Эстетику" Либельта. С ним вспоминал поэт старых знакомых по первым годам службы в Новопетровском укреплении - в том числе рядового Скобелева, горькую историю которого поведал, по уральским своим воспоминаниям, именно Кулих. От Кулиха услышал Шевченко о прибытии почтовой лодки (она-то и привезла долгожданное известие о свободе). Кулих устроил дружеский обед в честь этого события, продолженный затем под "шевченковской вербой" - обед, во время которого разгорелся горячий спор о Либельте и его философии. (V, 50, 54-55, 64, 80-82, 89).

Все это повышает наш интерес к Францу Карловичу Кулиху - особенно к предыстории его солдатчины.

КУЛИШ, Пантелеймон Александрович (1819-1897) - украинский писатель, историк, этнограф, фольклорист.

Т. Шевченко познакомился с Кулишом в 1843 г.; вместе участвовали в организации и деятельности Кирилло-Мефодиевского товарищества. Разлученные царским приговором на долгие годы, они друг о друге вспоминали и старались знать больше. Несмотря на различия во взглядах, Кулиш способствовал публикации поэзии Шевченко еще тогда когда это было строжайше запрещено. "Кобзарь" 1860 г. увидел свет при его непосредственном участии.

Взаимоотношения Т. Шевченко и П.Кулиша - тема капитальная, из важнейших, требующая специального (притом беспристрастного, идеологически не зашоренного) исследования, нового, современного во всех отношениях, исследователя. Кто же займется солидным, о сновательным трудом "Шевченко и Кулиш"?

КУПЦЫ

Сословие в российском обществе. Купцы пользовались свободой от подушной подати, от телесных наказаний и рядом других привилегий. Принадлежность к купечеству достигалась уплатой гильдейских платежей, но не была наследственной; приписаться к одной из гильдий мог любой человек свободного состояния.

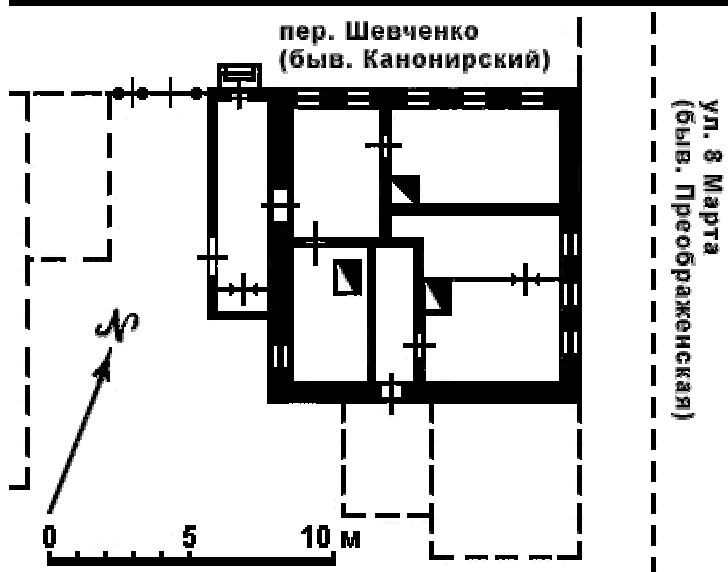
Первоначально существовало 3 гильдии. 1-я гильдия требовала объявленного капитала не менее 50 тыс.руб., 2-я - 5 тыс.(с 1807 - 30 тыс.), 3-я - от 1 до 5 тыс.руб. (с 1807 - 8 тыс.); объявленный размер капитала проверке не подлежал. Основные привилегии (свобода от телесных наказаний и от рекрутской повинности) предоставлялась купцам первых двух гильдий. Право заниматься торговлей (кроме мелочной) и содержать промышленные предприятия (кроме мелких промыслов) имели только лица, приписанные к гильдиям. Право вступления в гильдии давало приобретение гильдейских свидетельств; причем сохранилось лишь 2 гильдии: 1-я для лиц, занимавшихся оптовой торговлей (плата за свидетельство 565 руб.), 2-я - для торгующих в розницу и владеющих фабриками (не менее 16 рабочих); гильдейский сбор для 2-й гильдии составлял, в зависимости от класса местности (всего было 5 классов), от 40 до 120 руб. в год. Лица, не принадлежавшие к купечеству, могли брать временные платные свидетельства на право торговли и промыслов; дворяне в таком случае не освобождались от дворянских обязанностей, но и не лишались дворянских прав.

К купеческому сословию принадлежали и члены семьи владельца гильдейского свидетельства, записанные с ним на один капитал. Купеческие права утрачивались в результате банкротства, по суду (в связи с приговором о лишении прав состояния) и в результате невозобновления гильдейского свидетельства.

Т. Шевченко общался с купцами (и их приказчиками), а также с членами купеческих семей и выходцами из купеческого сословия в Орской крепости и Раимском укреплении, в Оренбурге и Новопетровском на Каспии. Конкретные сведения - в персональных статьях энциклопедии (Деев С.М., Попов И., Путолов И.Ф. и др.).

КУТЕРЕМ - см. Ван-Путерен Д.И.

Под фамилией "Кутерем" (нарочито шутливой?) Ван-Путерен упоминается в нижегородской записи Дневника за 20 января 1858 года. (V, 189).

прерывистыми линиями на плане даны позже пристроенные помещения

КУТИН, Михаил Иванович - чиновник (вагстемпельмейстер) Оренбургской пограничной таможни. (ГАОО, ф.172, д.11), владелец дома на углу Преображенской улицы и Канонирского переулка в Оренбурге (ныне угол улицы 8 Марта и переулка Шевченко).

В этом доме снимал квартиру Ф.М. Лазаревский. Сюда Шевченко впервые пришел в первые дни по доставке его в Оренбург (июнь 1847). Тут он проводил много времени в течение "оренбургской зимы" 1849-1850, встречался с друзьями. Здесь провел и ночь после обыска, с 22 на 23 апреля 1850, произведенного в его квартире в доме Герна.

М.И.Кутин вел с 1822 по 1865 годы семейную тетрадь-хронику, но она не сохранилась. Сначала оказались неизвестно кем вырванными листы за 1849-1850, а затем, уже в середине 30-х годов XX столетия, исчезла и тетрадь в целом. Об этой, весьма интересной тетради, кратко писал А.Бочагов, ее видевший. ("Где жил Шевченко?" Сборник "Т. Г. Шевченко в ссылке", Чкалов, 1939, стр.168).

КУТИНА, Александра Петровна - жена М.И.Кутина. (ГАОО, ф.172, оп.3, д.11).

Как хозяйка дома, Кутина принимала и потчевала Шевченко. С ее слов записал воспоминания о посещении поэтом дома Кутиных П.Л.Юдин: "Ходил он по городу всегда в солдатской шинели и только под низом ее надевал синие шаровары и белую, вышитую на груди и по рукавам, хохлацкую рубаху. Был у него приятель офицер хохол (Ф. Лазаревский, который жил у Кутиных - Л. Б.). Шевченко чуть не каждый день навещал его. Вдвоем они коротали зимние вечера за чайком и водочкой. Придет, бывало, он к нам, сейчас ши нель долой, повесит ее в передней на гвоздик, расправит свои длинные черные усы, и первый его вопрос в шутовском тоне: "Ой, чи живы, чи здоровы вси родичи гарбузовы?.." (П.Юдин. "К биографии Т. Г. Шевченко". "Русский архив", 1898, книга третья, стр.4 70).

КУТИН, Аполлон Михайлович - сын М.И. и А.П.Кутиных.

А.Кутин родился в 1835 г.; в 1849-50 - учащийся Оренбургского уездного училища, которое в 1850 и окончил. (ГАОО, ф.77, оп.1, д.1, л.18). Впоследствии - чиновник Оренбургского отделения государственного банка.

Справка дается в связи с укоренившейся в литературе путаницей: владельцем дома, в котором бывал Шевченко, называют Аполлона, а не М.И. и А.П.Кутиных, владевших им в то время. (Статьи

Н.Прянишникова и А.Бочагова в сб. "Т. Г. Шевченко в ссылке", Чкалов, 1939; А.Ведмицкий - "Т. Шевченко в оренбургской ссылке", Оренбургское книжное издательство, 1960, и др.).

В пересказе Н.И.Кутиной, вдовы оренбургского врача М.А.Кутина (являвшегося сыном Аполлона Михайловича), известны и его воспоминания о Шевченко. ("Т. Г. Шевченко в ссылке", стр.168-169). Они свидетельствуют, что Аполлон Кутин, живя в доме, поэта в идел.

На основании записи в указанном выше архивном деле, у Кутиных была также дочь Татьяна, 1837 г. рождения, жившая в 1849-1850 вместе с родителями.

ТЕТРАДЬ С ВЫРВАННЫМИ ЛИСТАМИ

Давно желанное и все же неожиданное продолжение

1.

К этому своему повествованию автор шел тридцать с лишним лет - с той поры, когда после двух десятилетий жизни в Орске переселился в Оренбург и между основными, так сказать служебными, делами занялся собственно оренбургскими

страницами биографии Тараса Шевченко, о которых до того имел лишь самое общее, весьма фрагментарное, представление.

Несколько лет спустя состоялись первые мои публикации о пребывании Шевченко в Оренбурге, а на шестом году здешнего обитания увидела свет книга "По следам оренбургской зимы" (Челябинск, 1968), и уже там я с горечью констатировал утрату семейной тетради -хроники Кутиных - сначала, как

писал, листов, относившихся к 1849-1850 годам, а затем и всей ее целиком. На одной из страниц первой моей шевченковской книги можно прочесть такое: "Я долго искал некоего Иванова, местного журналиста, который брал эту памятную книжку в середине тридцатых годов, но смог только установить, что искать его бесполезно - старый газетчик В.П.Иванов-Яицкий, который действительно много занимался историей своего края, давно умер и архив его исчез безвозвратно".

Меж тем, в доме Кутиных, по свидетельствам мемуаристов, а затем и прямых потомков домовладельца, Шевченко то ли "квартировал", то ли "часто бывал". Не случайно, что этот дом, теперь уже совсем ветхий, еще в десятые годы XX

столетия первым (и надолго единственным) был отмечен памятной доской. Кутиных, если и помнят, то в связи с поэтом-изгнанником.

Помнят, хотя толком ничего-то о них не знают...

Была бы цела та "тетрадь-хроника"! Но надежды отыскать ее уже не было. Надежда угасла окончательно и - бесповоротно. Надеяться оставалось лишь на чудо. Чудеса же есть чудеса. В них веришь и - не веришь.

2.

Что знали о сей исчезнувшей реликвии до того?

...В 1939 году областное издательство в Чкалове (такое наименование незадолго перед тем получил Оренбург) выпустило в свет сборник "Т. Г. Шевченко в ссылке". Мне посчастливилось знать всех ее авторов: М.Клипиницера, Н.Прянишникова, И.Изотова, А.Бочагова . Первая основательная попытка обобщения материала (в основном книжного) о десятилетнем изгнании поэта-свободолюбца в современной краеведческой литературе принадлежала им. Разумеется, более другого их занимало

все, что относилось к этим годам. Нашлось же сто и для свидетельств, прямо связанных с домом Кутиных.

Николай Ефимович Прянишников вспомнил и привел рассказ жены тогдашнего хозяина дома, записанный П.Юдиным и опубликованный в "Русском архиве", третьей его книге за 1898 год: "Ходил он по городу всегда в солдатской шинели и только под низом ее одевал си ние шаровары и белую, вышитую на груди

и по рукавам, хохлацкую рубаху. Был у него приятель, офицер-хохол, который квартировал у Кутиных. Шевченко чуть не каждый день навещал его. Вдвоем они коротали длинные зимние вечера за чайком и водочкой. "Придет, бывало, он к нам, - говорила старушка, - сейчас шинель долой, повесит ее в передней на гвоздик, расправит свои длинные черные усы, и первый его вопрос в шутовском тоне: - Ой, чи живи, чи здорови, всі родичі гарбузові?"

Когда приятеля нет дома, он, в ожидании его, ходит из угла в угол по всем комнатам. Потом придет на мою половину, а я тем временем водочки приготовлю и закуськи смастерю.

- А що, хозяйюшка, кисленька капуста е? - всегда спрашивал он. - Есть, батюшка, есть. - Оце добре! - До смерти он любил эту кислую шинкованную капусту. Никаких других угощений ему не надо. Придет хозяин, сядут они за стол и пойдут у них разговоры, ино гда далеко за полночь, но всегда тихо, скромно, без шума".

В том же сборнике 1939 года о семейной тетради говорилось как о реально существующем раритете. О ней писали и Прянишников, и Бочагов.

В статье Н.Е.Прянишникова о тетради сказано в таком контексте: "...Интересно, что у Н.И.Кутиной (здорововавшей тогда вдове доктора Кутина, внука бывлых домовладельцев - Л. Б.) сохранилась старая записная книжка ее свекра, в которой есть, между прочим, запись о том, что в описываемые годы у него квартировал Лазаревский. Очевидно это и был тот "офицер-хохол", которого "чуть не каждый день навещал" Шевченко. К сожалению, порядочное количество листов из этой книжки хищнически вырезано..."

А вот что писал А.К.Бочагов: "...Лазаревский... жил в доме Кутина. Об этом свидетельствуют недавно обнаруженные документы-записи Кутина в семейной тетради-хронике..."

Из них видно, что в доме Кутина одно время жил И. А. Усков, который позднее был комендантом Новопетровской крепости, покровительствовал поэту и значительно облегчил там его существование, и Лазаревский. "Лазаревский, - читаем мы в записях, - приехал к нам из степи 8 апреля 1850 года"..."

Выписки доподлинные. Архипа Кузьмича я знал долгое время, имея достаточно оснований оценить как добросовестного историка. Он действительно держал тетрадь в своих руках.

Больше того, показал мне фоторепродукцию записи с упоминанием Ускова. Такую репродукцию с чужих слов не сделаешь. Семейная тетрадь-хроника еще в 1938-м - начале 1939-го существовала, была доступна прочтению и изучению. Но для изучения нужна большая пр едварительная и кропотливая сопутствующая работа, в том числе по уяснению сути, значения каждого человека, в ней упоминаемого. Бочагов шевченковедом не был, как и не владел доскональным знанием атмосферы Оренбурга 40-50-х годов.

...То были последние "прижизненные" свидетельства о "тетради с вырванными листами".

3.

Где только я ее не искал!

В моей книге "По следам оренбургской зимы", вышедшей, напомним, в 1968-м, я не мог открыто сказать, что журналист-краевед, в прошлом думский репортер,

В.П.Иванов-Яицкий был в конце 30-х годов репрессирован и следы его пришлось искать даже в архиве оренбургского КГБ.

Дело нашел: старого газетчика постигла судьба многих; "расстрельный" приговор никаких надежд не оставлял. Что же касается "доказательств" вещественных, то они, как свидетельствовал официальный акт, оказались уничтоженными. Тогда, решил, и закончила св ое существование тетрадь Кутиных. Что иное мог подумать?

Но все-таки продолжал грезить. Ни на что уже не надеясь - надеялся. Написал о ней чуть ли не на первых страницах трехтомной "Были о Тарасе", изданной в 1993-м. Рассказывал о своих поисках то одному, то другому - и в Оренбурге, и при выездах. В общем, многим.

И вот однажды получаю я письмо из Уфы, от очень симпатичного мне Василия Бабенко - историка, этнографа, фольклориста, певца и вообще славного человека. Единственный его недостаток - не любител писать письма. За это не раз ему выговаривал. С самого начала письма почувствовал: мой корреспондент смущен.

Смущение от долгого молчания?

Оказалось, что не только.

Василий Яковлевич повинулся: чуть не на два года задержал у себя записку, обращенную ко мне. Получилось это непредумышленно. Деловые поездки (Москва - Киев - Петербург - снова Москва - Уфа), нескончаемые обязанности советника мэра и руководителя товар ищества "Кобзарь" вышибли из памяти маленькую записку и обещание переслать ее в Оренбург. Записка была вложена в конверт.

"Уважаемый Леонид Наумович, в фольклорном отделе Государственного Литературного Музея (Москва) есть записная книга хозяина дома (фамилию не помню), у которого останавливался Шевченко (по легенде собирателя). Есть материалы по истории Оренбурга. Приезжайте!

Сейчас отдел рукописей находится в состоянии капитального ремонта и не принимает исследователей. Но, я думаю, Вы заинтересуетесь, и я смогу ответить на некоторые Ваши вопросы пока в письмах..." Подпись: Светлана Андреевна Бойко, старший научный сотрудник Гослитмузея.

Подмосковный домашний адрес, московский служебный телефон.

Тетрадь... Кутина?! Та самая?!

Десятки мысленных вопросов и ни одного ответа.

Их может дать только архив. Архив и - до поездки - Бойко.

Но прошло два года. Мало ли что могло случиться. Изменился адрес? Не там уже работает? Написал. Попросил посмотреть, есть ли в книге приведенные Бочаговым записки о Лазаревском, об Ускове, наличествуют там вырванные листы или нет и вообще сопоставить мои сведения о "семейной тетради" с тем, о чем Светлана Андреевна сообщила мне в записке. Стал отсчитывать дни. Но ответа не было.

Не приходил он долго: минул сентябрь, ничего не принес октябрь, заканчивался ноябрь. Письмо, которое так ждал, прибыло лишь в самые последние ноябрьские дни. Пришло!

"...Очень обрадовалась Вашему письму... Василий Яковлевич все-таки донес его Вам, за что я ему прощаю расстояние во времени... Рада известить Вас, что являюсь хранительницей той самой книги Кутина, которую Вы так давно ищете..."

Фамилии Лазаревского и Ускова в записях есть. Кроме того, там еще Орлов Ал.Вас., Лашкевич, управляющий таможней, и др. Вы рады? Записи в книге велись, выражаясь языком Пушкина, "с конца, с начала и кругом" ... В фонде Ефременкова (где и находится книга а) есть еще история Оренбурга, написанная неустановленным лицом (52 л.), путеводитель по Оренбургу 1915 года (без начала), газеты и еще кое-какие материалы..."

Ефременков? В первый раз слышу!

А я-то думал, что знаю обо всех оренбургских исследователях, собирателях, краеведах, по крайней мере обозримых десятилетий.

Выходит, ошибался...

Моя новая знакомая (пока заочная) просила прощение за свое молчание. "Были серьезные причины: лермонтовские дни, командировка (я занимаюсь Лермонтовым) и болезнь, выбившая меня из колеи".

Прощаю, прощаю... Да за такое известие простишь все!

"До встречи в Москве..."

А где же еще?

В музей, в архив. Какой уже по счету. Но кто осмелится исчислять архивы цифрами: единицами? десятками?

Любой архив неповторим, как и неповторима личность.

4.

Что за Ефременков. Кто такой?

Со времени издания есть у меня "архивная лоция" - большие, толстые, во всех измерениях весомые, тома под названием "Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР".

Тысячи фондов с точными адресами хранения. Да, с такой "лоцией" на мель не сядешь... Ефременков Василий Константинович..., историк-краевед, собиратель фольклора в Смоленской области...

Как она, книга из оренбургского дома, могла попасть в места смоленские? Хотя, пути и книг, и людей в нашем бурном веке неисповедимы.

Ого, "историк-краевед и фольклорист" накопал изрядно.

Его материалы - в Центральном Государственном архиве литературы и искусства (фонд 1451), Московском отделении архива Академии наук (ф. 480), в отделах рукописей "Салтыковки" (ф. 278) и Государственного Исторического музея (ф.8); тут многие десятки "ед иниц хранения", относящихся к середине XIX века и последующих ста с лишним лет.

Фонд Гослитмузея в указателе не значится. По какой-то причине не вошел. "В фольклорном отделе..." Странное место нахождения отнюдь не фольклорного источника.

В последний раз книгу видели в Оренбурге не позднее февраля 1939 года (время сдачи в набор сборника "Т. Г. Шевченко в ссылке"), конечная дата жизни Ефременкова - 1941-й. А все таки, как на самом деле архивный раритет за те два года мог перемануть через тысячи километров - с Южного Урала почти до западной границы России? Эта загадка тоже в архиве, и нигде, кроме архива.

Поинтересовался: где именно он располагается?

В бывшей квартире Анатолия Васильевича Луначарского, рядом с мемориальным его музеем, в непосредственной близости от Арбата.

...Тридцать с лишним лет думал я о "тетради-хронике" Кутиных там, где она велась. Отныне нить поиска протянулась к Москве.

Не поехать туда было выше моих сил.

5.

- Эврика! Я нашел! - воскликнул еще до нашей эры великий грек Архимед, догадавшись, что он открыл основной закон будущей гидростатики.

- Эвристика - от греческого слова, переводимого как "нахожу", - "совокупность логических приемов и методических правил теоретического исследования и отыскания истины; метод обучения, способствующий развитию находчивости, активности". ("Словарь иностранных слов", 1983, с.570). - "Архивная эвристика", "библиографическая эвристика" - поиск в архивах, книгах и других материалах, как главный источник изучения личности и эпохи. "Ищите да обряцете" - наставляет всех нас Библия. Главный принцип эвристики сформулирован еще в

Священном писании.

Она, эвристика, прежде всего архивная, и лежит в основе всего, что делал и делает автор на протяжении десятилетий своей исследовательской работы в литературе и истории.

Из книг о Тарасе Шевченко явствует это всего более.

И вот еще один архив на путях шевченковских моих поисков.

Звонок у массивной двери подъезда.

- Что угодно?

- В Литературный музей.

- Открывайте.

"Сезам, откройся" срабатывает. Несколько ступеней ведет вверх. Там два милиционера и вполне цивилизованная девушка. Извлекаю документ, но ни им, ни мною не интересуются. -Лифт, пятый этаж. Понимаю, что охраняют не "Луначарского" и не архив в его квартире. То, на пятом, молодым бездельникам (да простят они меня, если ошибся) глубоко безразлично. Приставлены они к банку, фирме или другим, на фасаде не обозначенным, учреждениям совсем иного толка. А может к

богатеям-нуждарицам, пекущимся о безопасности своего тела и покоев. Времена изменили съ, дух Анатолия Васильевича в подъезде более не витает. Не модно...

Размышления в лифте там и остаются, едва переступаю порог заветных апартаментов.

- Здравствуйте, Светлана Андреевна!

Она родилась, росла, училась на Украине. Закончила Киевский университет. Потом переехала в Подмоскovie - с мужем-офицером. Работала в столичном экскурсионном ведомстве, водила и возила экскурсантов со всех концов державы, тогда еще великой, нерасчлененной. Узнала Москву - особенно литературную - досконально. Приглашение на научную работу в Гослитмузей приняла с радостью и работает тут с удовольствием. Каждый день по несколько часов в электричках (ее Угольная не ближний свет), зато сколько приятного в кропотливых поисках, в общении с исследователями.

Ее "конек" - как и писала мне - Лермонтов.

Позже, при расставании, она подарила "в знак знакомства и дружбы" два последних выпуска научного сборника "Тарханский вестник". Основу основ в том и другом составил ее большой исследовательский очерк "Московской тропой поэта". Интереснейший, увлекательнейший, доложу вам, очерк; прочтя его, я пожалел, что не могу поделиться своими впечатлениями со своим добрым гением Ираклием Луарсабовичем Андрониковым - многое почерпнул бы отсюда даже он, великий знаток всего о Лермонтове.

А какое к очерку посвящение! "Моему Кастальскому ключу..."

Это прекрасно, это поэтично. Прямое опровержение того, что архивисты - "казенные", "сухие" люди.

Шевченко любил Лермонтова больше, чем других русских поэтов. Бойко любит и Лермонтова, и Шевченко. Но изучает она не Шевченко, а Лермонтова, и в литературу о бессмертном Тарасе ее имя я ввожу первым. Ведь это она стала для меня гидом на новом витке моей шевченковской архивной эвристики.

6.

Фонд 427, дело 21 - "Записная книга домовладельца Аполлона Кутина, у которого якобы останавливался на квартире Т. Г. Шевченко (Оренбург)". Так в описи.

На обложке иначе - без "якобы" в тексте, зато с фамилией собирателя на первом плане: "В.К.Ефременков. Хронологическая книга Аполлона Кутина, домохозяина, у коего проживал на квартире в годы оренбургской ссылки великий украинский поэт Т. Г. Шевченко".

Тут же вклеен "Анкетно-паспортный листок Ефременкова приобретения":

I. Название приобретения - Хронологическая книга Оренбургского жильца.

II. Место приобретения - Оренбург, в 1943 году.

III. От кого? Чкаловской жительницы Кутиной.

IV. История возникновения рукописи Хронологическая книга, принадлежавшая ранее оренбургскому домовладельцу Кутину Аполлону Михайловичу, у которого жил великий украинский поэт Т. Г. Шевченко в годы ссылки.

V. Приобрел любитель русской словесности и автографов, коллекционер, краевед-фольклорист Починковского района Смоленской области, г.Починок, Василий Ефременков.

VI. Дата заполнения анкеты - 15 сентября 1943, г. Оренбург, читальный зал агитпункта, стол у окна, угол Советской и Горсоветской".

Экая точность: куда выходили окна и за каким столом сидел в тот день посреди Отечественной. Но ведь только что собиратель купил и унес с собою нечто важное, тешащее душу коллекционера, и он не стал идти домой, зашел туда, где бывал не раз, разглядывает свое приобретение со всех сторон, а заодно составляет его паспорт. Как сдается Ефременкову, по всем архивным правилам...

Но он же, судя по указателю личных архивных фондов, умер в 1941-м! Нет, там явная ошибка. Если и умер, то не тогда.

Какие вопросы "анкетно-паспортный листок" рождает еще?

Книга приобретена у Кутиной... Хоть бы инициалы дал, это существенно.

Хронологическая книга, принадлежавшая домовладельцу Кутину Аполлону Михайловичу... Однако, во-первых, хронология это "перечень каких-либо событий в их временной последовательности", а в книге с самого начала апрель 1843 соседствует с июнем 1854 и, тут же, с июнем 1855, после чего идут записи 1845-1846. И, во-вторых, как давно я установил, хозяином дома до самой своей смерти был вовсе не Аполлон Михайлович, но Михаил Иванович, его отец. То, другое и третье существенно. Одно - для меня, прочее - не для меня только. Для начала прояснение того, кто был кто в кутинском семействе шевченковских времен.

Кто есть кто?

Выше, в словарной части энциклопедии, я сообщил о них все, что узнал из книг и архивов. Повторять эти справки здесь необходимости нет. Без этой тетради надеяться на их расширение не приходилось. Разве что в малозначительных деталях...

7.

Еще не видя тетради, загорелся я желанием иметь к своему приезду в Москву точную копию. Согласен был на микрофильм, фото, ксерокс - любой способ воспроизведения рукописи со всеми ее особенностями. Сулил уплатить сколько потребуется.

Более в таких делах опытная Светлана Андреевна просьбе моей хода не дала. Уже в архиве понял: сколько-нибудь разборчивую копию могли бы выполнить, и то не без изобретательности, разве что в условиях первоклассной криминалистической лаборатории, причем тоже без всяких гарантий.

Стерлись или поблекли записи карандашные, на многих листах выцвели чернила, грубые следы оставили не всегда чистые пальцы. Многое оказалось зачеркнутым или перечеркнутым по минованию практической надобности.

Это была сугубо рабочая книга - для записи прибытия и убытия квартирантов, приходов и расходов, хозяйственных дел и трат, а попутно, как бы между делом также каких-то иных событий - семейных, городских, губернских.

Хозяин, Михаил Иванович, записывал без всякой системы действительно "с конца, с начала и кругом"; сам в этой своей круговерти он кое-как ориентировался, тем и был доволен.

Книга для общего пользования не предназначалась - а уж для чтения в будущем столетии и подавно.

Раньше о листах вырванных, или вырезанных, - в общем отсутствующих. Они тут не в одном месте - по всей тетради. Листа два - перед 17-м, один (может и больше) - перед 23-м, несколько - после 27-го, перед 34-м, по сле 45-го, перед

50-м, выдрано на пороге 60-го, между 66 и 67 листами, после 72-го, 76-го, 94-го.

Раны тяжелые и - давние, незаживающие и - кровоточащие. По особому болезненные еще и потому, что нанес их себе, вероятно, сам, либо изувечил тебя кто-то совсем близкий.

Из статьи Н.Е.Прянишникова: "...К сожалению, порядочное количество листов из этой книжки кем-то хищнически вырезано (Н.И.Кутина не раз давала книжку разным лицам), и возможно, что на вырезанных листах были записи о самом Шевченко".

Из статьи А.К.Бочагова, а точнее из приведенного в ней подлинного свидетельства самой же Натальи Илларионовны Кутиной: "...В этой тетради... была запись о том, что Т. Г. Шевченко жил у них на квартире в той части дома, которая выходила на Канонирский переулок... Когда я получила эту тетрадь, оказалось, что очень много листов было вырезано и как раз за те годы, где была запись о Шевченко. Кто вырезал эти листки, я не знаю..."

За те годы? Но с первой же страницы убеждаешься: записи с самого начала идут вперемежку, хронологически однородных блоков в тетради нет. И скорее всего не было. "Хозяин-барин..." Требовалось записать нечто для памяти - брал в руки книжку, открывал ее в любом месте, записывал на первом попавшемся чистом листе, или на свободной площади уже начатой страницы. Как же можно утверждать, что двенадцать (!) вырезок и выдирок, по несколько листов каждая, или хотя бы часть из них, относятся к тому, сравнительно короткому времени, когда в этом доме мог "жить" (а если точнее, то бывать) поэт-солдат? Почему из сорока с лишним лет существования тетради "в рабочем состоянии" должны были изыматься листы с записями только двух месяцев в 1849 году и четырех в 1850-м? Ради одной "записи о Т. Шевченко" два-три десятка листов из разных мест?

"Хищнически вырезано..." В большинстве случаев не вырезано, а выдрано, причем без всяких предосторожностей, грубо... Объяснение? Из книги реликвию не делали, на нее не молились, она всегда была на виду. А мало ли на что может экстренно понадобиться ли сток бумаги? Уместно сказать, что тогда ее,

бумаги, выпускали много меньше нынешнего...

Ну а касательно "записи о Т. Шевченко", то предположения на сей счет еще впереди. Додумаю и - выскажусь.

8.
109 листов. Отсутствующие не в счет. Это лишь те, которые доступны прочтению.

Что тут для меня главное? Что ищу и хочу найти?

Прежде всего, то, что может, пусть косвенно, иметь отношение к Шевченко, а также тем, кого он знал и кто знал его.

...Адъютант г.поручик Михайлов перешел к нам на квартиру 15 мая 1845 платою по 20 ассигнаций в месяц. - Л.10.

(Уже старшим адъютантам и штабс-капитанам он скрепит своей подписью официальное письмо 1849 г. о прикомандировании Шевченко к А. И. Бутакову "для окончательных работ по описи Аральского моря").

...Г. старший адъютант Усков Ираклий Александрович перешел к нам на квартиру 12 мая 1849 г. с платою 20 асс. в месяц.

Тут же записи о получении платы: в июне... в июле... в сентябре... - Л.31.

(Тот самый Усков - будущий комендант Новопетровского укрепления, будущий многолетний и искренний друг Тараса - в доме Кутиных!)

...Г. Лазаревский приехал к нам из степи 8 апреля 1850 года - Л.38-об.

(Шевченко ждал его возвращения после отнюдь не мимолетной поездки; любая командировка "в степь" растягивалась тогда на месяцы). ...Вместо г. Лазаревского перешел к нам на квартиру с 16 декабря 1849 года г. Ксенофонт <Егорович> Поспелов, имеющий чин поручика, с платою по 20 р.асс. в месяц. - Л.39.

...Среднюю комнату занял он с 6 апреля 1850 по 5 р.асс.

С 7 мая занял квартиру Г. Лазаревский по 25 р.асс. в месяц.

Г. Лазаревский уехал 31 мая... - Л.40.

(Сколько нового для шевченковской биографии! Точная дата выезда Федора Лазаревского в долгую его степную командировку и, следовательно, расставания Шевченко с другом-земляком. Неопровержимое свидетельство того, что с отъездом Федора дом Кутина не перестал быть для него притягательным центром. О, нет - сюда переселился Поспелов, с которым он особенно сблизился в Аральской экспедиции. Вернулся Лазаревский - Поспелов уступил ему первые, и главные, комнаты квартиры, а сам переместился в "среднюю" комнату. Уехал он (не позднее 6 мая 1850-го) - Федор стал "хозяином" всей этой части дома.

Правда ненадолго: в последний день мая отбыл в командировку новую. Легко сосчитать, когда они были тут вдвоем с Лазаревским, втроем - с Лазаревским и Поспеловым, снова вдвоем. Важные сведения из жизни шевченковского дома...)

...Чиновник Пограничной комиссии (столоничальник) Александр Васильевич Орлов перешел ко мне на квартиру 12 августа 1850 года... - Л.41.

(И Орлов, выходит, тут жил - еще один знакомый и приятель Шевченко в бытность его в Оренбурге; их добрые, доверительные отношения подтверждены документально, автор писал о них в третьем томе своей "Были о Тарасе").

...Чиновник особых поручений коллежский асессор Федор Матвеевич Лазаревский переехал к нам на квартиру 22 мая 1851 года... - Л.43.

(Дому Кутина его квартиранты оставались верны - он их к себе - притягивал). Да, это был по особому близкий ему дом. Здесь жили его друзья, его добрые знакомые.

Недрузи стали появляться в нем гораздо позже.

...Г. Барховец перешел к нам на квартиру 6 ноября 1857 года по 5 р.сер. в месяц. Получено в задаток 3 р.

Перешел на другую квартиру 12 числа. - Л.84.

"Барховец" это же Бархвиц! Знакомый Шевченко по Орской крепости. Прикидывавшийся приятелем, офицер Бархвиц доставил Тарасу немало горьких разочарований. В том же 1857-м, на Мангышлаке, он в своем Дневнике записал: "Искорени друзей, подобных... Бархвиц у... это дрянь, мелочь..."

...Но не тем дом Кутина будь помянут.

9.

На страницах книги - атмосфера дома, семьи оренбургского обывателя среднего достатка. Не богатого, хотя и не бедного.

"Университетов не проходившего", но достаточно по тем временам грамотного. В меру честолюбивого, поборника порядка, преданного семье.

...Апполончыка отправлен в Гурьев-городок 10 мая 1850 года.

...Аполлон приехал из Гурьева-городка 15 февраля 1853 года, а из Оренбурга уехал обратно в Гурьев к своей должности 29 апреля в 3 часа по полудни. - Л.45-об.

(Это о сыне, Аполлоне, который в оренбургские месяцы Т. Шевченко заканчивал уездное училище и готовился к чиновничьей службе; они, конечно же, были знакомы).

...Танечку и Машеньку отдали для обучения к Александре Степановне 1849 года, января 18 дня по 8 р.асс. в месяц. - Л.12-об.

...Таня и Маша отданы учиться к г-же Малюге 9-го января 1851 года. - Л.45.

(Знавал Шевченко и дочерей хозяина, по крайней мере видел их).

...Брат жены моей Николай Петрович Сычугов помер в ночь на 19-е число августа 1858 г. в госпитале... - Л.97-об.

(Следовательно, А.П.Кутина, урожденная Сычугова, принадлежала к семье уральских казаков, занимавших достаточно видное положение в войске).

...Представление о награждении меня знаком отличия беспорочной службы за XV лет послано через почту в Департамент внешней торговли из канцелярии г. начальника округа 26 февраля 1852 года.

Приписка: Этот знак отличия получил я 28 декабря 1853 года. - Л.44-об.

(Полтора десятка лет честной работы в Оренбургском таможенном округе. Гордился Михаил Иванович и наградой, и делом...).

Занимало его многое и разное.

...19 апреля 1843 года праздновано было столетие г.Оренбургу. - Л.6-об.

...В музыкантском хоре хороший скрипач первый Павел Третьяковский... - Л.10-об.

...Слона, приведенного с караваном в 1848, отправлено из Оренбурга в Санкт-Петербург 25 мая 1849 года. - Л.30.

...Г. генерал-губернатор Перовский отправился из Оренбурга в Хиву 17 мая 1853 года. - Л.50.

...1860 года октября 31 дня умер польский ксендз Зеленко, 3 ноября схоронен в ограде костела. - Л.94-об.

...18 ноября 1853 года приехал в Оренбург новый архиерей - Антоний. - Л.98.

...В 1852 году лед на Урале прошел апреля 21 дни и сильная была вода... - Л.99.

Но тут же сугубо домашнее.

...1855 июня 1-го в 8 часов утра родилась внучка Ольга. - Л.6-об.

...Работник Мухамет Латиф перешел к нам жить 30 июня 1847 года с платою по 5 асс. в м-ц. - Л.19.

...Продад лошадь с бричкой 26 ноября 1849 года некоему драгуну... - Л.28.

...Взято из лавки купца Дюкова 1850, генваря 16-го, сахару, чаю, трехлитровый самовар... - Л.28-об.

...1863 года генваря в ночи на 3 число родился внук Михайла... - Л.41-об.

Впоследствии этот самый Михаил, сын Аполлона, станет "доктором Кутиным", вдове которого суждено будет сохранить и семейную тетрадь, и семейные воспоминания о Шевченко.

10.

Но как эта реликвия оказалась у Ефременкова?

Раньше о том, кто он сам.

Отец его был крестьянином, а потом рабочим, погиб от несчастного случая еще до рождения сына. Мать, крестьянка, оставила его совсем маленьким - умерла в 1930-м. Закончив семь классов, стал работать учеником продавца, а затем и

продавцом в книжном магазине. Тогда же приобщился к чтению, особенно книг по истории, увлекся краеведением, собиранием фольклора. По мере взросления его страстью становился также сбор всевозможных материалов для будущего местного музея, для "исторической памяти" - архивов.

С юных лет Василий болел туберкулезом. От военной службы его освободили. Негодным признали и с началом Отечественной - уволили подчистую.

Подступал враг - вместе с другими земляками эвакуировался на восток. Эшелон доставил смолян в Чкалов-Оренбург.

Такой была внешняя канва его жизни.

Работал где удавалось, кормился чем попало и... оставался самим собою. Продолжал собирать фольклор, записывал рассказы фронтовиков. Чтобы находиться ближе к источникам драгоценных свидетельств, устроился в военный госпиталь. Так набралось 48 устных рассказов и большое число набросков по теме Великая Отечественная война в русском говоре".

Множество частушек записал от неистощимой Тamarы Приходько... От разных людей, опаленных войной, - несколько вариантов песни "Синий платочек"... Еще и еще - из народной памяти, народных сердец...

Делал все, что ему приказывали, лишь бы оставаться поближе к истинному кладу - фольклору бывалых. И день за днем заполнялись его тетради... Жаль, что сегодняшние исследователи до них еще не добрались.

Годы спустя, уже в мирное время, обратился он в фольклорный отдел Гослитмузея. Вместе с записями устного творчества попало туда и "кое-что" еще.

Под номером 51-м в фонде 393 значится "Дневник коллекционера". Коллекционер - тот же Ефременков.

...- 16 июля 1943 года. Одна из торговек чкаловского базара дала обещание связать меня с какой-то горожанкой, у которой имеются рукописи, фотографии и открытки известных личностей.

17 июля

Вновь встретил рыночную торговку, заявившую мне о том, что та горожанка ничего не имеет против моего посещения. Сообщила адрес.

18 июля

Навестил Пролетарскую улицу, дом № 58. Стою у одноэтажного приличного каменного домика. Нажимаю кнопку электрзвонка. Дверь открывается. Встречает сама хозяйка. - Заходите к нам в комнату.

Вхожу в светлую просторную горницу с большими окнами. Уют, чистота. Присаживаюсь в мягкое кресло. Объясняю визит. Оказывается, я попал к дочери хозяина дома, в котором жил когда-то великий украинский поэт Шевченко. Отец Кутиной давным-давно помер от г глубокой старости, оставив в потомстве трех дочерей, из коих эта проживает по Пролетарской. 2-я дочь по Почтовому переулку в доме № 11 под фамилией Вера Аполлоновна Бромстрем. 3-я живет на улице ... зовут ... (так в "дневнике" - слушая, не записывал, наде ясь на память, но она подвела). Все эти личности взял на учет и в ближайшее время навещу.

Гр-ка Кутина предоставила в мое распоряжение целую кипу наследственных бумаг отца ее. Тут были родословные, предсмертное завещание и т.п. Из всех бумаг отобрал лишь несколько, в т.ч. выкупил открытки с собственноручными письмами известной дореволюционной артистки Марии Карпинской. Всего куплено на 150 рублей...

Увлеченность была - критериев отбора не было. Подводила невысокая общая культура, мешала всеядность, распыленность поиска. Сегодня бегал за якобы сохранившимися письмами Льва Толстого, завтра за человеком, который знал писателя Гусева-Оренбургского, тут же загорался желанием купить рукописные страницы истории Оренбурга, писанной в начале века, соблазняясь "ревизской сказкой из имущества писателя Аксакова"... - что-то покупал, с огорчением считая немногие свои рубли, чему-то сокрушался, в чем-то раз очаровывался, но... остановиться не мог.

Не прервались и его связи с Кутиными.

... - 27 июля

Навестил второй дом сестры Кутиной, проживающей по Почтовому переулку в доме № 15. Кроме портрета ее отца и матери, ничего не оказалось. Портреты огромного формата. Чуть было не выкупил, но потом решил подумать...

... - 29 июля.

Навестил вдову Кутину. Навестил напрасно, раздумала продавать...

... - 2 августа.

Отыскал 3-ю дочь Кутиной, которая замужем за зубным врачом. Кутина встретила мой визит весьма откровенно и показала ряд семейных альбомов, из коих я приобрел <...> фотографий. (Цифра в дневнике пропущена). В частности, фотографии отца с матерью..

Фотография сохранилась в том самом фонде, что и "дневник коллекционера". Сам же дневник восторга у меня не вызвал: рассчитывал (и вправе был рассчитывать) на большее, прежде всего по части Кутиных, встреч с ними, описания увиденного и услышанного при их посещениях.

Дневник не ответил на вопросы элементарные - например, с кем конкретно, по имени-отчеству, разговаривал Ефременков на Пролетарской, что раздумала продавать "вдова Кутина", кто же конкретно хранил и передал (продал!) ему ценнейший документ - "семейную тетрадь", "записную книгу", "хронологическую книгу" или как ее еще называли. Что ж, человеком он был не слишком грамотным, о Шевченко знал не многое, отличить важное от не важного в отношении его не мог, целей научных перед собою не ставил. Упрекать энтузиаста не буду.

Спасибо ему уже за то, что книга дома Кутиных, претерпев многое, сохранилась, выжила и будет жить. Нет на земле места надежнее, чем Архив.

11.

Обещания надо выполнять, и под конец своего повествования я возвращаюсь к "записям" или "записи" о самом Шевченко, будто бы имевшимся (имевшейся) на вырванных листах. Напомню, что свидетельствовала об этом Н.И.Кутина, для которой "учредитель" и хозяин книги Михаил Иванович был свекром; она его знала не понаслышке - лично.

Так вот - квартировать в доме сем Шевченко не мог (его перемещения в Оренбурге более или менее ясны), бывал же тут постоянно. То у официального квартиранта Федора Лазаревского, то у другого официального - Поспелова.

Приходилось ночевать. Но дом не гостиница, дополнительных расчетов в таких случаях не требовалось, и Кутин, при всей своей скрупулезности, заводил особые счета на гостя вправе себя не считал.

Выходит, шевченковского в "семейной книге" не было и быть не могло?

Утверждать это не смею.

В то время в домах водились альбомы, содержавшие разного рода записи "на добрую память".

Один запишет свою или чужую мысль, по возможности "мудрую", другой - стихотворение, третий что-то изобразит. Хозяевам, особенно молодым, как и гостям дома, это развлечение.

Сорок с лишним лет вел такой альбом Федор Лазаревский. Иной раз записи в нем буквально фонтанировали, а бывало, что про него забывали надолго - на годы.

Сопутствовал он Федору и в Оренбурге. Со временем образовалась солидная антология поэзии, любезной сердцу молодых чиновников, отнюдь не ретроградов. Кого только тут нет: Пушкин, Кольцов, Тютчев, Лермонтов, Жуковский, Полежаев ("В России чтут царя и кн ут. В ней царь с кнутом, что поп с крестом")...

Украинское в альбоме молодых украинцев впервые появилось в те дни, когда на квартиру Лазаревского в доме Кутина пришел, по настоящему приглашению земляка, отданный за стихи свои в солдаты Тарас Шевченко.

*Де ти, хмелю, зимовав,
Що й не розвивався?
Де ти, сину, ночовав,
Що й не раздягався?..*

Под записью - июньская дата 1847-го. Поэзия, песни Украины звучат и дальше, среди записей последующих лет. Есть тут собственноручные шевченковские.

А фамилии Шевченко ни здесь, ни где-то еще нет...

Кто он такой, чем он прославился и одновременно провинился, знали в этом доме и квартиранты, и хозяева. В минуты непринужденного общения Кутины вполне могли раскрыть перед ним чистые листы семейной тетради: напишите, мол, Тарас Григорьевич, оставьте п амять. Как откажешь?

Но если смотреть в корень, то резонно усомниться: автографами всегда дорожат, их берегут и вырывать из домашней книги наверняка не решатся.

Сделал кто-то корысти ради? В таком случае листок с автографом давно уже всплыл бы на поверхность и дал о себе знать.

Листок или листки...

Ничего другого сказать насчет этого не могу.

КУХАРЕНКО, Яков Герасимович (1800-1862) - украинский писатель и этнограф, впоследствии генерал-майор, наказной атаман Черноморского казачьего войска.

Т. Шевченко познакомился с ним еще в 1840 г. в Петербурге и искренне ратовал за постановку пьесы "Чорноморський побит на Кубані". Нравилась ему также этнографические очерки приятеля.

В годы солдатской службы поэта Кухаренко оказывал подневольному моральную и материальную поддержку. Они обменивались письмами. Шевченко посылал свои произведения ("Садок вишневий коло хати", "Чернець" и др.). "Я дорожу его мнением чувствующего, благородного человека и как мнением неподдельного, самобытного земляка моего," - записал он в Дневнике 1 июля 1857 г. Кухаренко посвящена поэма "Москалева криниця", отправленная на Кубань менее чем за месяц до того.

Поэт-изгнанник в предвкушении своего освобождения строил планы поездки к дорогому ему человеку, но они не осуществились.

КУШИНБАЕВ, Джангеес - караванный начальник в транспорте, следовавшем из Орской крепости в Раимское укрепление в мае-июне 1848 г.

Сотенными начальниками каравана были Иляман Тюлеганов, Италмас Тлямысов, Кубяган Усянов и другие.

Многие казахи во время перехода отличились при отражении нападений хивинцев. "Ударбай Сандыков, Костымбек и Достан Аманжуловы действовали... с совершенным самоотвержением, с отличным мужеством и успехом..." (ГАОО, ф.6, оп.10, д.5970).

Шевченко проявлял пристальный интерес к степным караванам и их людям. Свидетельствуют об этом сделанные им рисунки и зарисовки (т.8, лл.64-72). В одной из зарисовок - фигура степного казаха, не исключено, что начальника каравана Кушинбаева.

ЛАВРЕНТЬЕВ, Павел Сергеевич. - писарь второго класса Орской инженерной команды. (ГАОО, ф.172, оп.3, д.211).

"Это был человек, не получивший никакого образования, но своим развитием всецело обязанный самому себе. Он любил литературу, видимо увлекался ею и каждый день уделял книге частицу свободного времени. Не мудрено поэтому, что лишь только Шевченко появился в крепости, как между ним и Лаврентьевым завязались добрые отношения, не прекращавшиеся до самого похода 5-го линейного батальона в степь". (Из воспоминаний А.О.Лаврентьевой в записи А.И.Матова). По словам жены Лаврентьева, поэт с ее мужем "вместе читали, спорили и гуляли по крепости", отправлялись в степь, где он "находил удовлетворение своему наболевшему чувству разлуки с Украиной"; впоследствии, как вспоминала Лаврентьева, "были у мужа и карандашные наброски, исполненные Тарасом Григорьевичем, и стихотворения, где степь играла не последнюю роль".

До конца своей жизни П.С.Лаврентьев жил в Орской крепости, где долго служил чиновником (кондуктором). После его смерти упомянутые рисунки и стихи исчезли бесследно.

ЛАВРЕНТЬЕВА, Агафья Осиповна. - жена П.С.Лаврентьева. (ГАОО, ф.172, оп.3, д.211).

С ее слов собиратель материалов о Шевченко А.И.Матов в 1896 г. записал едва ли не самые ценные из собранных им от современников поэта сведений о пребывании его в Орской крепости.

Правда, возраст рассказчицы (семьдесят лет) и почти полувековая отдаленность событий не могли не отразиться на точности воспоминаний ("все лица у нее как-то перемешались"), но многое память сберегла, и это, сохраненное, представляет несомненный интерес.

Кроме фактов, приведенных выше (в статье о П.С.Лаврентьеве), ей и ее сестре принадлежит честь воспроизведения по личным воспоминаниям и тогдашнего портрета Шевченко, и солдатских его досугов (в частности, пристрастия к "веселой охоте"), и внимания к детям Лаврентьевых, с которыми он охотно "шутит и беспечно играл" (а семилетнего мальчишку обучал грамоте), и еще одного эпизода, связанного с рисованием, когда Шевченко "быстро набросал расположившуюся около самовара группу" и тут же подарил рисунок кому-то из запечатленных.

Первая публикация рассказа Лаврентьевой была осуществлена А.И.Матовым в газете "Камско-Волжский край" (Казань, 1897, №№ 307, 313, 318).

ЛАВРОВ, Арсентий Михайлович. - младший лекарь Раимского лазарета, титулярный советник. (ГАОО, ф.6, оп.10, д.5999).

В дальнейшем Лавров - лекарь 2-го (ГАОО, ф.173, оп.11, д.195), а затем 1-го Оренбургского линейного батальона в Уральске. ("Адрес-календарь Оренбургского края на 1854 год", стр.250).

Лавров пользовал Шевченко как врач - в частности, с 10 по 30 августа 1848 года, когда поэт страдал головной болью. (ГАОО, ф.6, оп.10, д.2).

По воспоминаниям Э.Нудатова, записанным Д.Клеменсовым, в Раиме Лавров являлся "одним из наиболее близких друзей" Шевченко.

Убедительным подтверждением этого является письмо Лаврова с припиской Шевченко - иными словами, их совместное письмо общему знакомому А. И. Макшееву. Письмо опубликовано в книге "Т. Г. Шевченко в спістолярії" ("Наукова думка", К., 1966, стр.16-17); к сожалению, фамилия автора искажена (напечатано - Лаврин). Датированное 26 марта 1849, оно дает достоверное представление

о жизни Раима в период, когда там находился Шевченко. "Я уже два месяца как оставил свою резиденцию Кос-Арал..." - гласила приписка к этому письму. (VI, 56).

На наш взгляд, не без влияния возникшей дружбы с Т. Шевченко родилось в Лаврове желание "с открытием весны отправиться в море с Бутаковым"; об этом он ходатайствовал через начальника укрепления (в публикации - "управления") перед командиром Отдельного Оренбургского корпуса. Разрешения не последовало, так как, по имеющимся материалам, в плавании 1849 Лавров не участвовал.

Шевченко, как можно предположить, рисовал портрет Лаврова (портрет не сохранился). В упомянутых воспоминаниях Нудатова сообщается о шевченковской карикатуре, запечатлевшей приятеля-врача среди ухажеров дочери чиновника Цыбисова. Об этом дружеском шарже нам известно лишь по свидетельству современника.

ЛАДЫЖЕНСКИЙ, Михаил Васильевич. - генерал-майор, председатель Оренбургской Пограничной комиссии, с декабря 1853 - комендант Оренбурга.

Родился в 1803 году в дворянской семье Смоленской губернии. В 1819 вступил в службу. В 1820 - прапорщик, в 1821 - подпоручик. По окончании Санкт-Петербургского училища коноводов - поручик (1823). Штабс-капитан - в 1828; к этому времени отличился в составлении генеральной карты Валахии, Болгарии и Румынии. Затем - участие в русско-турецкой войне, отличия в боях,

за что получал ордена и чины. В 1829 - подполковник, в 1833 - полковник. В это время служба его протекала, в основном, на востоке Российской империи, в Сибири, где он выполнял многосложные обязанности и поручения по квартирмейстерской части и управлению территориями. Исполнял обязанности Тобольского гражданского губернатора. В 1844 Ладыженский был назначен председателем Оренбургской Пограничной комиссии с производством в генерал-майоры. (Госархив Казахстана, ф.4, оп.1, д.2298).

"Русский по рождению и православный по вере, Михаил Васильевич привез с собою поляков, вероятно служивших с ним в Сибири, а они в свою очередь вызвали своих сородичей из западных губерний, и канцелярия комиссии обратилась в польское учреждение..." ("3 аписки генерал-майора И.В.Чернова", стр.136).

Среди поляков, прибывших с Ладыженским, можно назвать, например, друга Шевченко Аркадия Венгржиновского. Но если учесть, что из Тобольска приехал и украинец М. М. Лазаревский, то нельзя не усмотреть в приведенной характеристике известной тенденциозности. Более правильным представляется вывод о том, что Ладыженский собрал под своим началом многих достойных представителей молодой интеллигенции.

О личном знакомстве Т. Шевченко с самим Ладыженским свидетельствует письмо Ф. Лазаревского к брату Александру, написанное в 1886: "Из близких Шевченку людей. того времени, когда он приехал в Оренбург, я один остался в живых. Брат Михайло, Левицкий, Ма йдель, Ладыженский., Бутаков, Поспелов, Герн, Матвеев - в могиле". (ИЛ, ф.1, д.308; подчеркнуто всюду нами).

В воспоминаниях и переписке это имя встречается нередко. Именно к Ладыженскому пришел взволнованный Ф. Лазаревский после первого посещения им только что доставленного в Оренбург Шевченко. "Ладыженский был начальником гуманным не по тогдашнему в ремени. Очевидно, он понял порыв молодого увлечения и деликатно-снисходительно охладил меня, заметив официальным тоном, что Шевченко, вероятно, заслужил свою участь, что в таком деле следует быть осторожным и сочувствие свое припрятать..." Однако,

думается, не без сочувственного отношения самого Ладыженского другом Шевченко в Орской крепости стал чиновник Пограничной комиссии М.Александровский.

Перед освобождением Шевченко Ладыженский, тогда уже оренбургский комендант, был вовлечен в хлопоты об ускорении оформления соответствующих документов. ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр.99; VI, 168).

ЛАЗАРЕВСКИЙ, Федор Матвеевич. (1820-1890) - чиновник Оренбургской Пограничной комиссии, губернский, а затем коллежский секретарь.

Родился в мелкопоместной дворянской семье Конотопского уезда, Черниговской губернии. С окончанием университетского курса, по собственному желанию, был вызван на службу в Оренбургскую губернию и зачислен в штат Пограничной комиссии (сентябрь 1845). Три месяца спустя, в январе 1846, его допустили к исполнению должности столоначальника, а в мае того же года в этой должности утвердили. "Способнейший и усерднейший из столоначальников, таких чиновников желательнее бы побольше привлечь в комиссию," - сказано в его характеристике.

Получив в июле 1848 чин коллежского секретаря, Лазаревский вскоре был перемещен на вакансию чиновника особых поручений при председателе Пограничной комиссии и, одновременно, исправлял должность заведывающего Временным столом по управлению Внутренней орденом. (ГАОО, ф.6, оп.10, д.6057/6, лл.6, 14-16; оп.10, д.5912, лл.47-50; оп.10, д.6745, лл.8-19). С 1854 Ф. Лазаревский служил в Петербурге (чиновником особых поручений при губернаторе, а затем в департаменте уделов); с 1859 г. он управлял у дельными конторами в Орле и Ставрополе.

Федор познакомился с Тарасом Шевченко первым из братьев Лазаревских. Узнав о прибытии его в Оренбург, он тотчас отправился в казармы и отыскал там новоявленного рядового. Не приходится говорить, как дорого было Шевченко теплое, сердечное участие невестки откуда взявшегося земляка. До отправки его в Орскую крепость поэт-солдат имел возможность подолгу беседовать с Лазаревским, его сослуживцем, другом (и тоже земляком) С.Левицким. Особенно запомнилась Ф.Лазаревскому ночь, когда гость остался у них ночевать и вместе они пели любимые украинские песни, читали и слушали стихи. "Летняя ночь таким образом пролетела незаметно, - вспоминал он впоследствии. - Мы не спали вовсе".

В бытность Шевченко в Орской крепости (и в последующий период) между ним и Лазаревским шла переписка; Ф. Лазаревский оказал ему ряд услуг по пересылке книг, красок, бумаги и расширению круга знакомых, которые могли быть полезны. Среди них - Александр Андреевич, Белов, Субханкулов, Петров и др. (VI, 53-54; "Листи до Т. Г. Шевченка", стр.66-67, 70, 72-73, 74-75).

Новая встреча произошла глубокой осенью (в середине или конце ноября) 1849. В этот раз они могли видеться до конца декабря, когда Лазаревский вновь выехал по служебным делам. Вернулся в марте 1850-го. Шевченко, хоть и имел уже квартиру (в доме К.И.Герна), да к тому же нашел новых друзей, не прерывал этого, по-особому приятного ему, знакомства. Верный дружбе, Лазаревский, вместе с Герном, сделал все возможное, чтобы апрельский обыск 1850, о котором он и узнали заранее, не принес серьезных улик против Шевченко. Ночь перед арестом поэт провел с Ф. Лазаревским.

И в Новопетровском помнил он об оренбургском своем доброжелателе-земляке. Об этом свидетельствуют письма Шевченко к Лазаревскому (VI, 77, 78), упоминания о нем в письмах к другим адресатам (VI, 93, 119, 139, 140, 145, 156, 168).

"Расставшись с Тарасом в памятный мне первый день Пасхи 1850 года, я не видел его до 1857 (1858 - Л. Б.) года... Встретились мы, как братья, без возгласов и восклицаний, но... с уверенностью в том, что мы остались так же близки друг другу".

Заметки Федора Лазаревского, впервые опубликованные в журнале "Киевская старина" (1899, № 2), являются одним из главных мемуарных источников для каждого, кто знакомится с оренбургским периодом жизни Шевченко. Их ценность несомненна. Но многое здесь - не от правды жизни, а от определенной тенденции автора, который не мог смириться с бесспорным фактом теснейших связей

Шевченко с поляками и расценивал их близость только как результат "польских происков", искаженно представлял себе "симпатии" к поэту у представителей "высших сфер оренбургского населения" и его самого - к этим "важным тузам" (см. Майдель). Есть в заметках преувеличение степени близости мемуариста к почитаемому им человеку; имеются фактические ошибки, объясняемые большим расстоянием во времени между событием и освещением его в мемуарах.

Не вызывает сомнений то обстоятельство, что взгляды Ф. Лазаревского по коренным вопросам общественной жизни, политики, идеологии были иными, чем у Шевченко. Тем не менее неправомерна оценка, данная Ф. Лазаревскому в книге Л. Хинкулова "Тарас Шевченко і його сучасники" (Киев, 1962, стр. 192-194). Автор полностью опровергал утверждение мемуариста о близости его к поэту

в период "оренбургской зимы" и категорически заявлял, что на самом деле "сердечной близости" между ними не было вовсе.

Но вся история их отношений на протяжении многих лет опровергает такой вывод. Здесь уместно привести несколько строк из уже цитированного письма Ф. Лазаревского брату Александру (1886). "Из близких Шевченку людей того времени, когда он приехал в Оренбург, - гласит письмо, - я один остался в живых. Брат Михайло, Левицкий, Майдель, Ладыженский, Бутаков, Поспелов,

Герн, Матвеев - в могиле". (ИЛ, ф.1, д.308). Перечень имен, конечно, неполон, но свидетельство игнорировать нельзя.

Нет основания ставить в упрек Лазаревскому, что он был напуган арестом Шевченко и в письме к родителям пытался убедить их в своей непричастности к возникшему делу. Не следует забывать о благородной и нетрусливой роли Ф. Лазаревского во время обыска; нельзя и не учитывать, что после ареста Шевченко близкие к нему люди оказались на подозрении, а потому не могли не

думать о нежелательных "читателях" писем. Сам Шевченко об этом знал, помнил. Почему же в праве на такую "хитрость" Л. Хинкулов отказывал Ф. Лазаревскому?

В заключение считаем нужным обратить внимание на неизученный еще источник - "Альбом Лазаревских", содержащий на 388 пронумерованных страницах записи 1844-1887 гг. (ИЛ, ф.1, д.66). Этот альбом нуждается в специальном исследовании, которое может открыть новые существенные сведения о дружбе Шевченко со своими земляками в Оренбурге, а, возможно, и неизвестные пока строки поэта.

Не случайным представляется уже то, что именно после приезда Шевченко в Оренбург. появляются в альбоме первые стихотворные записи на украинском языке (лл. 97-101); они датированы 20 июля, 26 августа и 30 октября 1847. Почерк здесь не шевченковский, все три даты сопровождаются пометой "Оренбург" (Шевченко находился в то время в Орской крепости), но так или иначе все они обусловлены близостью поэта, общением с ним, которое имело место (и лично, в Орской крепости, и посредством переписки или других okazji). Не исключено, что даты связаны с не дошедшими до нас письмами Шевченко к Лазаревским.

Рукой Лазаревских внесены в альбом и другие стихи на украинском языке, в том числе, определенно, списки поэзий Шевченко. (лл. 108-109, 112, 113, 115 и др.).

Автографы Т. Шевченко следуют после датированных записей 1854 г. Это "Таточко з мамкою..." и "Упилась я на меду" (лл. 225-226). Не вызывает сомнений, что в альбом они записаны в период "оренбургской зимы" 1849-50 гг., как и стихотворения "Ой у саду, саду..." (датированное 17 ноября 1849 года и помеченное Оренбургом) и "Не додому вночі ідучи..." (с датой 24 декабря 1848, и пометой - Кос-Арал). Вообще, изучение альбома убеждает, что страницы его заполнялись не последовательно, одна за другой, а без какой-либо системы, и между записями 1854-1855

появлялись сделанные в 1849-1850. Есть контрасты и более разительные: после записей, сделанных в 1880 в Ставрополе, где Лазаревский служил управляющим удельной конторой, идет список некрасовской "Бури", внесенный в альбом 13 октября 1851 в Оренбурге. (лл.284-285).

Альбом содержит в себе автографы - или списки - произведений А.Григорьева, В.Даля ("Луганец"?) и др., записи фольклорные, другое интересное. Все это делает его и документом эпохи, и источником изучения людей, окружавших Шевченко.

Ф. Лазаревский - М. Чалому (1883)

"... Основавшись в Побиванке, хочу писать свои воспоминания. Я многое видел. - С университетской скамьи я полтора года домашний учитель в барском доме; на моих глазах и с некоторым моим участием разыграли там крестьянский бунт. 9 лет, начиная с писца до советника, в Оренбурге, из них четыре года в должности чиновника особых поручений в Киргизских степях и полтора года при Азиатском департаменте. 3 года чиновником особых поручений при министре Муравьеве и постоянные командировки во все концы России.<...> 10 лет управляющим Орловской удельной конторой, где закончил увольнение удельных крестьян от крепостной зависимости.<...> 13 лет управляющий уделами на Кавказе... Материала очень много..." (ИЛ, ф.92, д.30).

ЛАЗАРЕВСКИЙ, Михаил Матвеевич. (1818-1867) - чиновник Оренбургской Пограничной комиссии, коллежский секретарь.

По окончании курса наук в Нежинском лицее князя Безбородко, он в 1838 г. поступил на службу в Черниговскую гражданскую палату. Два года спустя его назначили столоначальником и в том же, 1840, по желанию, уволили в связи с переездом в Тобольскую губернию. В Тобольске М. Лазаревский служил в 1841-45 - сначала в канцелярии общего губернского правления, а затем смотрителем заведений экспедиции о ссыльных. За это время он получил два очередных чина - дослужился до коллежского секретаря.

Со середины 1845 М. Лазаревский - в Оренбурге: столоначальником, попечителем прилинейных киргизов. "С определением его в штат Пограничной комиссии, в должности столоначальника, исполнял должность свою с отличным усердием и неусыпною деятельностью, с назначением в должность попечителя оказывал тоже постоянное усердие в прекращении миролюбиво многих возникавших между ордынцами и прилинейными жителями претензий..." - так сказано в характеристике 1848 г. (ГАОО, ф.6, оп.10, д.5680, лл.50- 54; д.5057-б, л.6). В 1850 он был переведен на должность советника Петербургского губернского правления. Впоследствии, уйдя с государственной службы, являлся управляющим делами и имениями графа Уварова.

Т. Г. Шевченко

Портрет М. М. Лазаревского 1858

На обороте надпись: "Портрет Михаила Матвеевича Лазаревского, нарисованный поэтом Т. Г. Шевченко с натуры в 1858 году в С.-Петербурге. Очень, очень мало похож. Ал. Лазаревский. 1898 г. Февраль 18"

Знакомство Т. Шевченко с М. Лазаревским произошло в июле-августе 1848 г. в Орской крепости; в то время он постоянно служил в Троицке и в Орской мог быть либо проездом, по служебным

обязанностям, либо специально, для встречи с поэтом. Вместе они про вели "несколько дней" (свидетельство самого М. Лазаревского). В последующие месяцы приезжал в Орскую "довольно часто" и "всегда навещал Шевченко". Об этом периоде оставил заметки - ценные, но не лишённые существенных ошибок, в частности о комендантстве Исаева и Левитского, о Залеском и Турно в Аральской экспедиции и др.). Воспоминания сохранились не полностью; первая публикация их - ж."Русский архив", 1899, кн.1, № 4, с тр.643-647).

Выехав в отпуск на Украину, а затем в Петербург, Лазаревский заботился об облегчении участи Шевченко; к 1847-1848 относится первый их обмен письмами. (VI, 44-46; "Листи до Т. Г. Шевченка", стр. 68-69).

Следующая встреча произошла в Оренбурге, в 1849 г. 3 декабря сюда приехал М. Лазаревский и после дружеских встреч с братьями-земляками Шевченко нарисовал их портрет, окончание которого датируется 11-м декабря. (т.8, л.51).

(Не исключено, что одновременно с групповым, Шевченко писал и индивидуальные портреты братьев. На это наталкивает письмо Ф. Лазаревского от 6 декабря 1849 г.: "... вместе с Михайловым нарисован мой портрет нашим знаменитым Шевченко; мой портрет, говорят, удивительно похож - он уже кончен. Михайла еще не кончен; когда будет кончен и его, я пришлю их домой, позабочусь выписать и рамки для них.". Так можно писать лишь о двух различных портретах; подчеркнутые места свидетельствуют в пользу так ой версии. Но так как индивидуальные портреты братьев, выполненные в декабре 1849-го, не известны, рождается мысль: не вводит ли нас это письмо в рабочую мастерскую художника, который задумывает сначала два. портрета, пишет один, набрасывает другой, а затем решает сделать двойной, парный, и доводит свой план до конца. Думается, что и композиция портрета говорит в пользу такого предположения).

Вместе подойдя к этапному для изгнанника 1850 г., Т. Шевченко и М. Лазаревский вскоре расстались, притом почти на семь лет. Но дружба их не оборвалась.

Множество раз упоминается это имя в Дневнике. "Пошли, господи, всем людям такую дружбу и такого друга, как Лазаревский", - записывал Шевченко, с благодарностью отмечая его внимание и помощь. Известно двадцать восемь писем Шевченко к М. Лазаревскому, в том числе восемь из Новопетровского укрепления; опубликовано пятнадцать писем к поэту только от этого представителя близкой его сердцу украинской семьи. Представляет интерес письмо М. М. Лазаревского к И. А. Ускову от 2 мая 1857 года с просьбой помоч ь Шевченко поскорее выехать из Новопетровского укрепления. (ИЛ, ф.1, д.304).

Их дружба была долгой и искренней. Не поступаясь взглядами, Шевченко глубоко ценил сердечность и участие, особенно дорогие в неволе.

М. Лазаревский первым поздравил Шевченко со свободой; первым из друзей обнял его поэт по приезде в Петербург. В день своих именин Лазаревский получил бесценный подарок - шевченковский Дневник, начатый на берегу Каспия и доведенный до июля 1858. Одним из последних ушел он от Шевченко в роковой для него день. К сожалению, воспоминания, ссылаясь на которые нам уже довелось, слишком скупы; они, конечно, и в малой степени не передают того, что должен был (и мог) рассказать о Шевченко этот его "нелицемерный друг", слишком рано ушедший из жизни.

ЛАЗАРЕВСКИЙ, Василий Матвеевич. (1817-1890) - чиновник в Оренбурге, а затем Петербурге, литератор, переводчик, старший из братьев Лазаревских.

Образование получил в Харьковском университете. В 1847-1848 служил чиновником особых поручений при председателе Оренбургской Пограничной комиссии, а в июле 1848 был переведен на такую же должность в канцелярию Петербургского гражданского губернатора а. (ГАОО, ф.6, оп.6,

д.12266). Впоследствии - член совета при министре внутренних дел и совета главного управления по делам печати. На этом, последнем посту оказал ряд важных услуг прогрессивной периодике России. В.Лазаревский был известен также как переводчик Шекспира. "Прекрасным литературным подарком" назвал его перевод "Короля Лира" А.К.Толстой. ("Литературная газета", 1967, № 37, 13 сентября).

В Оренбурге в 1847 г. личное знакомство Т. Шевченко с В.Лазаревским не состоялось, так как в это время он еще не прибыл к месту нового назначения. Но о поэте-изгнаннике знал и помнил.

Цитируем строки из его не используемых шевченковедами интересных заметок: " Нужно сказать, что в это время находился солдатом в Орской крепости Тарас Григорьевич Шевченко. Мы с ним не были знакомы, но он был больше чем дружен с моим братом Михаилом, служившим попечителем киргизов в той же Орской крепости. (Ошибка: в Троицке). За короткое время пребывания в Оренбурге мне не привелось съездить в Орскую; но я переслал Шевченко привезенные из Петербурга карандаши, краски, сигары, книги. Узнав, что я уезжаю обратно в Петербург, он передал мне просьбу следующего содержания: "Освободить меня от солдатства может только Василий Алексеевич Перовский (в то время член Адмиралтейского совета), у Перовского же, лучше всякого другого, мог бы хлопотать Даль, лично ему человек совершенно близкий". Я не придавал этому большого значения, потому что и Перовский, и Даль хорошо знали, что там терпит Шевченко, и конечно люди позначительнее меня (неизвестного ни тому, ни другому) говорили им о несчастном ссыльном; но все же выполнить поручение следовало..."

Подробный разбор ценных воспоминаний ("Из бумаг В.М. Лазаревского" - ж."Киевская старина", 1891, книга вторая, стр.212-214) содержится в трилогии: Л.Большаков, "Быль о Тарасе", том 1, 1993, стр.236-245. Заметки В.М. Лазаревского заслуживают полной публикации вместе с воспоминаниями его братьев.

"Первый раз веду разговор с тобою, а дал бы даже не знаю что, чтобы отдать тебе что-нибудь из того, что у человека свое..." - писал В.Лазаревский в 1848 году, адресуя свое письмо в Орскую крепость, для пересылки на Аральское море, где уже находился Шевченко.

(В книге "Листи до Т. Г. Шевченка" это письмо и посланное одновременно письмо Ф. Лазаревского - стр.66-67 - датируются январем 1848 совершенно необоснованно. Составитель ругает за январь, исходя из того, что то был "последний месяц пребывания В.Лазаревского на службе в Оренбурге". Между тем, как явствует из указанного архивного дела, официальный перевод состоялся 6 июля., отъезд же мог задержаться. Учитывая содержание письма, в частности то, что вопрос "Где тебя водит твоя горькая година..., земляк?" не может быть обращен к человеку, если он давно находится на одном месте, можно утверждать, что письмо написано не ранее июля 1848 г.. Но, скорее, месяцем-двумя позднее. В письме-приписке Ф. Лазаревского прямо говорится, что "Даль уехал в июле...", да и сообщение о намерении Чернышева выехать в Питер "по санной дороге" менее всего подходит к январю, зато более к осени).

В переписке периода неволи Шевченко часто и тепло вспоминал В.Лазаревского. (VI, 73, 78, 139, 140, 145, 156). Помнил о нем и Лазаревский. Об этом свидетельствуют письма его братьев. Существовала между ними также переписка прямая, но другие письма, кроме цитированного выше, не сохранились. По словам Ф. Лазаревского, часть их была сожжена перед обыском весной 1850.

Первая встреча Т. Шевченко с В.Лазаревским состоялась 29 марта 1858. "Василь принял меня как давно невиданного своего друга. А мы с ним в первый раз в жизни встречаемся. От земляк, так земляк". (V, 220). Их личные дружеские связи продолжались до последнего дня жизни Шевченко.

ЛАЗАРЕВСКИЙ, Яков Матвеевич. (1829-1880) - чиновник.

Закончив Полтавский кадетский корпус, Я.Лазаревский (в 1847) был произведен в прапорщики и определен в Шлиссельбургский егерский полк. Вместе с полком участвовал в походе против венгерских "мятежников". В 1849 стал подпоручиком. Однако вскоре он вышел в отставку в связи с "семейными обстоятельствами" и в 1825 поступил чиновником в хозяйственный департамент министерства внутренних дел. Его служба протекала в различных местах. В 1857 Лазаревского назначили в Вятку, где он служил в течение нескольких лет.

Т. Шевченко познакомился с этим представителем среднего поколения братьев Лазаревских 22 января 1858 в Нижнем Новгороде. "Проездом из Петербурга в Вятку на службу посетил меня сегодня Яков Лазаревский. Он недавно из Малороссии. Рассказал о многих свежих гадостях в моем родном краю, в том числе и о грустном Екатеринославском восстании 1856 года...", - записал он в Дневнике. (V, 189). "Був у мене в гостях Яков. Славный хлопец!" - писал Шевченко М. М. Лазаревскому. (VI, 208). О поездке Якова Лазаревского говорится также в письмах Михаила Матвеевича к Шевченко. ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр.123, 131).

Из этих писем мы узнаем, в частности, что поэт писал Я.Лазаревскому в Вятку; письмо его (или письма) неизвестны. Косвенным подтверждением того, что Шевченко поддерживал с ним связь, может служить также то, что на одном из сохранившихся экземпляров о форте "Притча о работниках на винограднике" имеется авторская дарственная надпись: "Якову Матвеевичу Лазаревскому на украшение его Вятской юдоле приносит Т. Шевченко". (X, л.32, комментарий на стр.22).

После смерти Т. Шевченко Я.Лазаревский, как и его братья, участвовал в увековечении памяти Шевченко. ("Т. Г. Шевченко в епістолярії...", К., 1966, стр.41).

ЛАППА-СТАРЖЕНЕЦКИЙ (Лаппа), Павел Вильгельмович - старший полицмейстер Нижнего Новгорода.

До назначения на эту должность (в 1855) он около двадцати лет посвятил службе в лейб-гвардии, участвовал в сражениях на Кавказе, являлся городничим в Гродно и Арзамасе.

Т. Шевченко был признателен ему за то, что он "засвидетельствовал действительность... мнимой болезни" поэта, чем помог избежать возвращения в Оренбург. Это и вызвало явную переоценку личности полицмейстера в записях Дневника. Знакомство продолжалось до самого отъезда Шевченко в Москву и Петербург. Встречались они и в Петербурге. (V, 143, 144, 146, 158, 206, 239, 241).

По нашему мнению, именно Лаппа-Старженецкого запечатлел художник на листе, публикуемом ныне как "Портрет полицейского". (X, л.20).

ЛЕБЕДЕВ, Александр Михайлович. - ординатор Новопетровского полугоспиталя, титулярный советник. ("Адрес-календарь Оренбургского края на 1854 год", стр.267). В июне 1854 г. младший лекарь полугоспиталя Лебедев был произведен в коллежские ассесоры. (ГАОО, ф.6, оп.12, д.1044).

Учитывая достоверные сведения об отношениях Шевченко с медиками Новопетровского укрепления, мы вправе внести в список знакомых поэта на Мангышлаке и врача Лебедева.

ЛЕБЕДЕВ, Петр Андреевич - дьячок Спасопреображенской церкви в Орской крепости.

Родился в семье сельского священника. Учился в Уфимском уездном училище, но из "низшего отделения" был исключен "за болезнью". Тогда же стал причетником церкви в крепости

Таналыкской, где правил службу его покойный отец. В 1839 - пономарь, в 1843 - дьячок в Орской. (ГАОО, ф.173, оп.1, д.264).

Т. Шевченко был прихожанином этой церкви и участвовал в службах с дьячком Лебедевым, "помощником священника при служении" (Даль).

ЛЕВИТСКИЙ, Гаврила Гаврилович. (1779-1848) - комендант Орской крепости с февраля 1847 по июнь 1848, генерал-майор.

Происходил из дворян Санкт-Петербургской губернии. В раннем юношеском возрасте начал военную карьеру. В 1798 из кадет 2-го кадетского корпуса был произведен в подпоручики и назначен в артиллерийскую батарею генерал-лейтенанта Эйлера. В 1805 - поручик, в 1807 - штабс-капитан; тогда же последовал перевод в Киевскую резервную бригаду. 1811 - капитан, 1816 - подполковник, 1827 - полковник, 1832 - командующий резервной бригадой 3-й артиллерийской дивизии. В январе 1847 за отличие по службе был произведен в генерал-майоры и несколько дней спустя назначен комендантом Орской крепости.

На этом посту Левитский сменил уволенного от службы Д.Н.Исаева (комендантские обязанности после него, Левитского, исполнял Е.В.Недоброво).

Рано начался и много лет продолжался боевой путь Левитского. "Был в походах и сражениях 799, 806, 807, 812, 813, 814 и 815 годов против французов, 808, 810, 828 и 829 годов против турок". За подвиги и другие отличия - как в военное, так и в мирное время - удостоился нескольких орденов Российской империи. 11 января 1847 получил знак отличия беспорочной службы за 45 лет - награду редчайшую.

"До 1848 года в штрафах не бывал, замечаниям и выговорам не подвергался, а в 1848 году по высочайшему повелению, изъясненному в предписании господина военного министра командиру Отдельного Оренбургского корпуса от 26 мая за № 410-м, предан военному суду за противозаконные снисхождения к ссыльным арестантам и даже самым злым государственным преступникам, но за неотобранием ответов или оправданий, по случаю смерти подсудимого, военно-судное дело осталось без определения суда".

Неожиданно свалившаяся на плечи 68-летнего служаки, который "до предания суду всегда аттестовался достойным" и "жалобам не подвергался", страшная для него беда, ошеломила Левитского. В архивном деле сохранилось его письмо В.А.Обручеву.

"По поручению Вашего высокопревосходительства генерал-майор Фрейман объявил мне, что Государь Император изволил приказать судить меня за то, что я отстранил от крепостных работ преступника Гофмейстера, на что я почтительнейше донести честь имею, что по доставлении Гофмейстера в крепость Орск он был столь слаб, что я на малое время освободил его от крепостных работ, а вскорости получил письмо от его матери, с коего копию при сем представить честь имею; и к состраданию матери, и как сам отец семейства, почувствовал сожаление и чтоб облегчить ее страдание написал ей письмо, в коем упомянул, что сын ее будет уволен от крепостных работ и сим тоже хотел успокоить страждущую мать, без единого намерения выполнить в точности сие обещание <...& gt; Вот моя исповедь и все мое преступление, произошедшее от доброго моего сердца.

Теперь прибегаю к Вашему высокопревосходительству, как к особе в большой доверенности Государя Императора, полагаю всю мою надежду на близость души и доброту Вашего сердца - защитите отца семейства, прослужившего в офицерском звании 50 лет, и во все время служения моего исполнял волю моего монарха в точности и не был замечен ни в каком отступлении по долгу службы и никак не ожидал постигшей меня участи. Будьте столько милостивы - защитите меня пред лицом всеавгустейшего монарха и одно слово Ваше, в пользу мою сказанное, может избавить меня от несчастья..."

Письмо-мольба было датировано 13-м июня 1848 г. Однако сочувствия Левитский не дождался. Во время следствия он тяжело заболел ("желчная горячка в сопряжении с воспалением печени"). Тем не менее, почувствовав некоторое облегчение, Гаврила Гаврилов ич отправился в Оренбург, где вскоре, 18 августа, умер. (РГВИА, ф.395, оп.154, д.421).

В воспоминаниях о Шевченко, посвященных орскому периоду его солдатчины, мемуаристы, прежде всего М. Лазаревский, с особой похвалой отзываются о коменданте - "человеке старом и довольно добром", но все хорошие слова связывают с именем Исаева. Это можн о объяснить только несовершенством памяти: свои заметки Лазаревский писал почти через двадцать лет после описываемых событий (печатались они еще через двадцать, в 1899-м). Он явно имел в виду Левитского.

"Противузаконные снисхождения к ссыльным арестантам и даже самым злым государственным преступникам" могли подразумевать и Тараса Шевченко.

Подробно об этом - в т.1 трилогии автора "Быль о Тарасе".

ЛЕВИТСКАЯ, Соломония Викентьевна - жена Г. Г. Левитского.

Дочь судьи в Богуславе В.Березовского, римско-католического вероисповедания, она была спутницей Левитского на протяжении четверти века, со времени его службы в Киевской резервной бригаде. Значительно моложе своего мужа, Соломония (именовавшая с ебя Елизаветой) делила с ним все трудности и неожиданности офицерской службы. Беда, постигшая супруга, стала тяжелым ударом и по ней, всей семье. Со смертью Гаврилы Гавриловича вдова лишилась всех средств существования. Как свидетельствовал В.А.О бручев в рапорте военному министру, "при скромной жизни, после смерти его, семейство, состоящее из жены и двух дочерей, осталось не только без состояния, но даже без всяких средств к пропитанию, и на совершение самого погребального обряда я нашелся в необходимости сделать некоторое пособие из сумм, в распоряжении моем состоящих". В рапорте подчеркивается, с одной стороны, бескорыстие Левитского на протяжении всей полувековой службы и, с другой, - "настоящее бедственное положение семейства".

В результате ходатайств женщине была назначена пенсия, но в выдаче пособия на проезд семейства в Санкт-Петербург "высочайшего соизволения не последовало". (РГВИА, ф.395, оп.154, д.421).

Как вспоминал М. Лазаревский, Шевченко "был принят в доме" коменданта. Стало быть, знакомство его с Соломонией (Елизаветой) Викентьевной не вызывает сомнений.

ЛЕВИТСКИЕ, Екатерина Гавриловна, Дарья Гавриловна.

Дочери коменданта Орской крепости. Родились на Украине, в Киевской губернии. Екатерине в 1847 г. было 22 года, Дарье - 12. (То же архивное дело). Юные землячки не могли не привлекать внимания сына Украины - тем более старшая, носившая дорогое Шевченко имя: Катерина.

Можно предположить, что девушки были запечатлены в портрете (портретах) художника, но эти его работы не выявлены (как и большинство портретов вообще). К портретированным могла принадлежать и мать Левитских-младших.

ЛЕВИЦКИЙ, Сергей Петрович. (1822-1855) - чиновник Оренбургской Пограничной комиссии.

Родился в семье директора Черниговской гимназии. Учился в Киевском университете. На службе - с 1845 г. В Оренбурге Левицкий выполнял обязанности помощника столоначальника во вновь организованном Временном столе по управлению Внутренней киргизской ордой (1847-1848), а с декабря 1848 являлся здесь же столоначальником, в чине коллежского секретаря. За усердие по

службе получал отличия. 16 января 1850 (одновременно с предоставлением ему четырехмесячного отпуска) состоялось представление Левицкого к на граде в размере трети годового жалованья. Под судом и в штрафах не был. (ГАОО, ф.6, оп.6, д.12056; оп.10, д.6057/б, л.6-об; оп.10, д.5970, л.82).

Земляк и друг братьев Лазаревских, Левицкий наиболее близко стоял к Федору, у которого сначала являлся помощником, а затем, после назначения того чиновником особых поручений, - стал преемником по должности. От Ф. Лазаревского он узнал о доставке Шевченко в Оренбург уже в день его прибытия. Вдвоем они обратились за советом и помощью к чиновнику особых поручений при военном губернаторе Е.М.Матвееву и "вышли от него с облегченным сердцем, уверенные в том, что он будет работать в пользу обездоленного Кобзаря". (Эта и последующие, особо не оговоренные, выписки - из воспоминаний Ф. Лазаревского). Живя тогда вместе в доме М.И.Кутина, Лазаревский и Левицкий два дня спустя принимали Шевченко у себя на квартире, где их гость остался ночевать. Улегшись на полу, они слушали шевченковские стихи, говорили о жизни, пели родные украинские песни. "Левицкий обладал замечательно приятным тенором и пел с большим чувством".

Находясь в Орской крепости, а затем на Аральском море, Шевченко тепло вспоминал Левицкого, интересовался его жизнью, просил писать. (VI, 54; "Листи до Т. Г. Шевченка", стр.73, 75).

Их дружба возобновилась и окрепла по возвращении с берегов Арала. Поначалу поэт проводил много времени в том же доме Кутина: "Тарас, Поспелов, Левицкий и я зажили, что называется, душа в душу". Встречи Шевченко с Левицким продолжались до января 1850, когда тот выехал в отпуск. "Этот, который привезет тебе письмо мое, наш земляк - Левицкий, приветь его... он мне в большой стал пользе на чужбине!" - обращался Шевченко к О.М.Бодянскому. (VI, 62).

Левицкий писал своему другу из Петербурга. "Точно третий год тому пошел, так давно мне показалось это время", - заявлял он на третьем месяце разлуки. Из письма видно, что, находясь в столице, Левицкий выполнял поручения Шевченко по налаживанию с вязей для возможного облегчения его участи; проявлял он и собственную инициативу в привлечении к участи Шевченко внимания петербургской интеллигенции. В письме приводятся слова магистра

математики Н.А.Головки: "... Вас не стало, а на место то стало больше людей, аж до 1000, готовых стоять за все, что Вы говорили..." ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр.78-79).

Это письмо, от 6 марта 1850, было найдено у Шевченко во время обыска, произведенного вечером 22 апреля 1850, и вызвало особый интерес III отделения. Надеюсь, что удалось отыскать следы тайной организации, петербургские власти отдали приказ об аресте С.Левицкого и Н.Головки. Головка во время ареста оказал сопротивление, а затем застрелился, что явилось дополнительным поводом к преследованию взятого под стражу Левицкого. Но в процессе следствия, к которому были привлечены и другие лица, в том числе служащие в Оренбурге, стала очевидной невиновность

Левицкого, и его освободили, с учреждением секретного надзора.

"12 дней просидел он в крепости, и хотя арест не повлек за собой никаких последствий для его службы, но сильно повлиял на его здоровье: этот 28-летний юноша, крепкого сложения, вдруг захирел, осунулся, и хотя начальство отнеслось к нему участливо, переведши его для поправления здоровья на службу в Скуляны, но через два года он отдал Богу душу". ("Воспоминания о Тарасе Шевченко", К., 1988, стр.222).

Шевченко вспоминал Левицкого и в Новопетровском укреплении. (V, 76). Он тревожился о его судьбе. "Пошли господа доброго здоровья Левицкому. Спасибо вам, что вы о нем написали". (Из письма 1852 г. Ф. Лазаревскому; VI, 78). "Напиши мне, будь добр, о Левицком, где он обращается," - просил поэт М. Лазаревского. (VI, 139).

Это, последнее, письмо датируется 8 октября 1856. У нас в данном случае нет оснований брать под сомнение точность даты. Но известно, что Левицкий умер 2 февраля 1855 года. Значит, друзья скрыли от Шевченко смерть их земляка и близкого приятеля? Такое благородство трогает.

ЛЕДОМСКИЙ, Александр Николаевич. - прапорщик 1-го Оренбургского линейного батальона.

Происходя из семьи офицера, учился в Неплюевском корпусе. В Новопетровское укрепление прибыл в мае-июне 1857. Однако служил здесь очень недолго. 27 августа 1857, в возрасте 22 лет, молодой офицер умер "от апоплексического удара". (ГАОО, ф.173, о.п.11, д.234-а).

Ледомский, вероятно, был одним из тех молодых офицеров, которые участвовали в пьянке, устроенной Компиони и едва не обернувшейся для Шевченко большой бедою.

"Вновь прибывшие лихие ребята сидели и лежали в одних красных рубахах на разостланной кошке, а перед ними красовалась полуведерная бутылка сивухи. Я, чтобы не дополнить собою группу волжских разбойников, вырвался... и выбежал на площадь". Такая "дерзость" повлекла за собой арест Шевченко на гауптвахте. По совету коменданта, ему пришлось просить извинения за свой "поступок", а затем, в знак примирения, посылать за водкой, вокруг которой вновь сошлись свидетели инцидента. "Что, батюшка, - сказал один из них, подавая мне пухлую, дрожащую с похмелья руку, - вам не угодно было познакомиться с нами добровольно, как следует с благородными людьми, так мы вас заставили". (V, 34-36).

Не будет слишком смелым предположение, что "апоплексический удар", поразивший совсем молодого прапорщика, имел одной из своих причин безудержное пьянство, которому предавались многие офицеры на Мангышлаке.

ЛЕЙХТЕНБЕРГСКИЙ, Максимилиан Иосиф-Наполеон (1817-1852) - президент Академии художеств.

Сын итальянского вице-короля Богарнэ, герцог Лейхтенбергский был мужем великой княгини Марии Николаевны и с 1843 года до своей ранней смерти возглавлял Академию художеств в Санкт-Петербурге.

Его подписью скреплен ответ на апрельский (1847 г.) запрос А.Ф.Орлова о поведении Т. Шевченко во время обучения в Академии; ответ отличался особой доброжелательностью: "... нужным считаю присовокупить, что Шевченко имеет дар к поэзии и на малоросси́йском языке написал некоторые стихотворения, уважаемые людьми, знакомыми с малоросси́йским языком и прежним бытом этого края; почитался он всегда человеком нравственным, быть может, несколько мечтателем и читателем малоросси́йской старины, но предосудительного на счет его ничего не доходило до сведения Академии". ("Кирило-Мефоді́ївське товариство", т.2, К., 1990, стр.197).

ЛЕКАРЬ - см.Богославский К.Б.

В письме Т. Г. Шевченко от 20 декабря 1847 г. (VI, 44) упоминается лекарь, который помогал поэту во время его болезни в Орской крепости. Отсылая читателя к статье о Богославском, мы вводим в список знакомых Шевченко еще одно, прежде не называвшееся, имя.

ЛЕММ, Бурхардт Фридрихович - начальник Оренбургского отряда топографов, подполковник.

Еще в 1825 г. Лемм начал топографические съемки между Аральским и Каспийским морями. В последующие годы вел астрономические работы и съемки в Псковской, Новгородской, Витебской,

Санкт-Петербургской и других губерниях России. С 1846 снова в Оренбургском крае. В отставку (1863) вышел в чине генерал-майора. Кавалер орденов России и Персии. ("Исторический очерк деятельности Корпуса военных топографов", СПб, 1872, приложения, стр.14).

Имя Лемма было весьма популярным в Оренбурге и крае, среди руководителей и участников Аральской описной экспедиции, а также всех причастных к ней. Т. Шевченко имел возможности личного знакомства и встреч с виднейшим топографом, ученым-астрономом, вхожим в оренбургские дома, которые посещал и он.

ЛЕПЕХИН, Иван Петрович - майор 1-го Оренбургского линейного батальона.

В 1847-1849 гг. Лепехин командовал 3-м батальоном в Оренбурге, но был снят и понижен в должности. В 1856-м он временно заменил в Новопетровском укреплении капитана Косарева, отправившегося с ротой в Уральск. По воспоминаниям того же Е.Косарева, Лепехин (здесь указана только первая буква фамилии) ознаменовал свое годичное командование тем, что "стал вести себя дурно, пить, ничего не делать и, наконец, умер скоропостижно". ("Киевская старина", 1893, февраль, стр.256). На основе записи в метрической книге можно установить, что умер он 2 января 1857 года, в возрасте пятидесяти лет, "от тифозной горячки" и похоронен на крепостном кладбище. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.234-а).

Шевченко только однажды упоминает встречу с Лепехиным, не называя, однако, его фамилии: "...ротный командир объявил мне, что получено страховое письмо на мое имя (от А.И.Толстой - Л. Б.) и приказал писарю отдать его мне" (VI, 125). Заметим, что это письмо от 22 апреля 1856, прибывшее в тяжкую минуту жизни поэта, принесло ему теплый привет друзей и новую надежду на освобождение из неволи.

ЛИЗОГУБ, Андрей Иванович (1804-1864) - черниговский помещик, знаток литературы и искусств.

Оставив в 30-е годы государственную службу, жил в своем именье на берегу Снови - в Седневе. Шевченко гостил здесь в 1846-1847 гг. Тут были им написаны поэма "Відьма", предисловие к неосуществленному изданию "Кобзаря", портреты Андрея Ивановича и его брата Ильи Ивановича, пейзажи Седнева.

В годы солдатчины Т. Шевченко, с самого ее начала, Лизогуб писал своему другу доброжелательные письма, прислал необходимые художнику принадлежности, всячески выказывал свое внимание. В 1850 он просил В.А.Перовского хлопотать насчет облегчения участи поэта. После оренбургского ареста Шевченко, среди бумаг которого было обнаружено семь писем от Лизогуба, корреспонденту были сделаны строгие предупреждения от имени А.Ф.Орлова.

Известны девять писем Т. Шевченко к А. Лизогубу - с 1847 по 1852 гг. В них содержится обширный материал о жизни и духовном мире автора, его переживаниях и надеждах.

ЛИПСКИЙ, Людвиг Иванович - рядовой 3-го Оренбургского линейного батальона.

Т. Г. Шевченко

Портрет А. И. Лизогуба 1846-1847

*Внизу надпись А. И. Лизогуба: "рис.
Т. Шевченко"*

По происхождению дворянин, он служил судебским чиновником в Варшаве, там же в 1844 был отдан в солдаты за "ведение разговоров против правительства, чтение запрещенных книг, получаемых из-за границы, и раздачу таковых другим для чтения и распространения демократических правил".

В Оренбурге Липский находился с 1845 г. Тут он постоянно поддерживал связи с польскими ссыльными. Его другом был Томаш Вернер, с которым проходил по одному судебному делу. В 1850, судя по метрическим книгам римско-католической церкви, очевидны тесные отношения Липского с Е.Середницким, З. Сераковским и другими единомышленниками. (ГАОО, ф.172, оп.3, д.189; В.А.Дьяков. "Тарас Шевченко и его польские друзья", стр.80).

Людвиг Липский изображен на рисунке А. Ф. Чернышева, запечатлевшем Т. Шевченко среди поляков в Оренбурге.

ЛИСАЕВИЧ - рядовой 5-го Оренбургского линейного батальона.

Лисаевич упоминается на страницах дела "о найденных бумагах и книгах предосудительного содержания у прапорщиков линейного № 5 батальона Гурьева и Невельского, у рядовых Ханыкова, Завадского и Пожерского".

Из следственных материалов можно заключить, что он являлся одним из активных участников орского кружка. Лисаевич умер вскоре после его раскрытия в конце 1850. После смерти остались "разные письма, книги и стихотворения на польском языке", многие из которых, как отмечено в деле, отличались предосудительным содержанием. (ГАРФ, ф.109-и, I эксп., д.82).

В числе других, проходивших по этому делу, Лисаевич может быть отнесен к знакомым Т. Шевченко периода вторичного длительного пребывания его в Орской крепости (1850).

ЛИСЮКОВ, Александр Дмитриевич - поручик 5-го Оренбургского линейного батальона.

В 1848 Лисюков был переведен адъютантом в батальон № 4. Находясь на Кос-Арале, Шевченко получил через него письма от А.И.Лизогуба и М.С.Александровского. Это стало известно во время допроса, учиненного Шевченко подполковником Чигирем на гауптвахте Орской крепости 1 июля 1850.

Фамилия Лисюкова упоминается в рапорте командира Отдельного Оренбургского корпуса генерала Обручева военному министру; он назван в числе тех, кто допустил, чтобы Шевченко вел переписку и занимался рисованием.

В архивной записи 1852 поручик А.Д.Лисюков значится "уволненным от службы". (ГАОО, ф.172, оп.11, д.229). Представляется, что одной из причин увольнения явилась причастность его к делу Шевченко.

ЛИТВИНОВА, Елизавета Владимировна - дочь Нат.Ир.Усковой.

По рассказам бабушки и матери, Е.Литвинова написала очерк "Дідусь Тарас", опубликованный в третьей книге журнала "Життя й революція" за 1928 г. Основанный на достоверных воспоминаниях, очерк являет собой живой портрет Шевченко-солдата периода пребывания его в Новопетровском укреплении. Это одно из интересных свидетельств, оставленных о поэте членами семьи Усковых.

ЛИФЛЯНД, Михаил Кристианович - комендант г.Оренбурга, генерал-майор. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.176).

"Особенно нам (офицерским караулам - Л. Б.) был тяжел комендант, генерал Лифлянд, имевший тройку рысаков. Поднесется, бывало, к караулу из-за угла во всю прыть, проделать церемонию не успеешь, ну и под арест". ("Записки Н.Г.Залесова". "Русская старина", 1903, апрель, стр.60). Умер Лифлянд в 1848, в Оренбурге, во время холеры. (Указ. журнал, 1903, май, стр.269).

Комендант упоминается биографами Шевченко как первое должностное лицо, принявшее доставленного в Оренбург "политического преступника" после ночи, проведенной им в ордонансгаузе. От Лифлянда он был отправлен "в казармы 3-го Оренбургского линейного батальона". (Свидетельство М. М. Лазаревского).

ЛИФЛЯНД, Николай Федорович - прапорщик 4-го Оренбургского линейного батальона, внук генерал-майора М.К.Лифлянда.

С Лифляндом-младшим связан эпизод, описанный Д.Клеменсовым на основе воспоминаний Э.Нудатова: "Зная страсть одного из офицеров гарнизона Лифлянда, носившего киргизскую кличку "Кульдук", - охотника выпить - к разъездам по окрестностям, Ерофеев (бывш. начальник Раимского укрепления - Л. Б.) нарядил двух казаков в высокие каракалпакские шапки и посадил верхами в камышах около излюбленного Лифляндом места прогулки. Только что офицер поравнялся с засадой, казаки гикнули и помчались к нему с пиками нап еревес. Перепуганный любитель кататься, не имея при себе никакого оружия, отбивался чубуком от задевавшего его острия пики и только в самом укреплении по хохоту окружавших догадался, что это была шутка". (Цитируется по книге Д.Июфанова "Материали про життя и творчість Тараса Шевченка", стр.61). Это произошло уже во время пребывания Шевченко на Аральском море.

Лифлянд служил в Раимском гарнизоне несколько лет. В сентябре 1850 он являлся одним из поручителей при бракосочетании прапорщика Г.К.Эйсмонта с А.М.Цыбисовой. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.186). Позднее его перевели в Оренбург, во 2-й линейный батальон. ("А дрес-календарь Оренбургского края на 1854 год", стр.251).

Н.Ф.Лифлянд может быть внесен в список тех, чьи портреты рисовал ради заработка Шевченко в 1848-1849 гг.

ЛОСЕВ, Николай Иванович - доверенный комиссионер пароходного общества "Меркурий" в Астрахани, ростовский купец третьей гильдии.

Т. Шевченко встречался с ним в конторе пароходной компании в связи с предстоявшим ему отъездом на пароходе "Князь Пожарский". Об этом, без упоминания фамилии "главного приказчика", говорится в ряде августовских записей Дневника. (V, 101, 103, 108).

ЛОЦМАН - см. Михайлов.

Под этим своим служебным званием крестьянин Михайлов фигурирует в записи Дневника от 29 августа 1857 г. (V, 112-113).

ЛУКАШЕВИЧ, Мечислав - секретарь Оренбургского земского суда, коллежский регистратор.

Родился в Минской губернии в 1823 (или 1824) году, служил в Минском губернском правлении. "За хранение у себя оскорбительных стихов для верховной власти" Лукашевич был выслан в 1847 г. в Оренбургскую губернию "с дозволением продолжать гражданскую с лужбу"; здесь над ним был учрежден полицейский надзор, снятый лишь в конце 1856. (ГАОО, ф.6, оп.18, д.351).

М.Лукашевич был близок к семье чиновника А.А.Кирша, в доме которого Шевченко встречался с поляками.

ЛУКИН, Василий Лукич - плац-адъютант Оренбургского комендантского управления, поручик.

"За плац-майора" Лукин 12 мая 1850 подписал рапорт Оренбургского ордонанс-гауза штабу Отдельного Оренбургского корпуса о препровождении Шевченко с главной гауптвахты для отправки в Орскую крепость. (ИЛ, ф.1, д.406).

ЛУШНИКОВ, Николай - политический ссыльный в Оренбурге.

Лушников являлся активнейшим участником "Тайного общества братьев Критских" - кружка, который сложился в Москве в начале 1827 г. под влиянием движения декабристов, а также вольнолюбивых произведений А.С.Пушкина и К.Ф.Рылеева.

В обвинительном заключении по делу кружка говорится, что Лушников "был ожесточен до такой степени, что дерзнул на портрете блаженной памяти Государя Императора выколоть глаза".

Забываясь о расширении круга единомышленников, братья Критские, Лушников и другие организаторы тайного общества вели агитационную работу среди населения, ставя своей целью подготовку восстания, свержение самодержавия и установление конституционного строя.

Лушников, кроме того, пытался вести революционную работу среди офицеров. Это и послужило непосредственной причиной провала кружка. (РГВИА, ф.410, д.64).

Меры наказания членам тайного общества определялись самим Николаем I. Лушников был сослан в Шварцгольмскую крепость. В ее казематах он провел много лет, после чего был отправлен рядовым. Освобожденный от службы с гражданским чином коллежского регистратора уже в 40-х годах, проживал в Оренбурге. В списках лиц, состоящих под секретным надзором, значится: "занимается хозяйством, чем себя и содержит". (ГАОО, ф.6, оп.18, д.222, 269, 303, 332, 351).

Н.Лушников жил в Оренбурге в течение всего периода солдатчины Шевченко. Не имея данных об их личном знакомстве, автор считает необходимым внести в энциклопедию и его имя - для более полной характеристики политической среды, в которой поэт находился.

ЛЬВОВ, Геронтий Ильич. - командир 1-го Оренбургского линейного батальона, майор, а с августа 1855 - подполковник.

(ГАОО, ф.6, оп.12, д.125; "Адрес-календарь Оренбургского края на 1854 год", стр.250).

"Рыжая, весьма непривлекательная персона", "тучегонитель Кронион", "грозный судья и каратель" - такими словами характеризует Шевченко бездушно-жестокое "отца-командира". В Дневнике и письмах немало страниц и строк посвящено солдафону Львову, к которого он считал одним из своих злых недругов. (V, 21, 24, 28-30, 31; VI, 112, 113, 124).

Именно в связи с ожидаемым прибытием батальонного и предстоящим смотром записывал Шевченко 19 июня 1857: "Какое гнусное грядущее важное событие! Какая бесконечная и отвратительная эта пригонка амуниции! Неужели и это еще не в последний раз меня выведут на площадь, как бессловесное животное напоказ? Позор и унижение!" А 25 июня он подробнее описывал и проезд, и смотр - с "зубочистками фельдфебелям и прочим нижним чинам" в казармах, с двухчасовым ожиданием "судии праведного" на плацу и трехчасовой "пыткой" после его появления, с щедрыми посулами "суда и розог и даже зеленой аллеи, т.е. шпицрутенов", наконец - после всего

- с унижительным допросом "конфирмованных", в том числе его, Шевченко. Много дней не мог он освободиться "от тяж елого влияния, наведенного его (Львова - Л. Б.) коротким присутствием".

На протяжении ряда лет Львов играл в судьбе Шевченко роль неблагоприятную. Так, в 1854 он отказался ходатайствовать о производстве рядового Шевченко в унтер-офицеры, открывавшем пути освобождения от службы. Отвечая на запрос командира Отдельного Оренбургского корпуса, он писал, что Шевченко "по фронтовому образованию слаб, в чем <...> лично убедился в бытность <...> в сем году в Новопетровском укреплении", а посему не считает его "заслуживающим ходатайства". ("Русское богатство", 1901, кн.2, стр.70). "В прошлом году генерал Фрейман представил меня в унтер-офицеры. Я существовал этой бедной надеждою до конца марта текущего года; а перед самой Пасхой почта привезла приказ майора Л<ьво>ва, чтобы взять меня в руки и к его приезду непременно сделать меня образцовым фрунтовиком... Праздник прошел, и из меня, теперь пятидесятилетнего старика, тянут жилы по осьми часов в сутки!" (Из письма А.Н.Плещееву от 6 апреля 1855). "Каким родом могло быть предпочтено представлению генерала предств вление майора? Это для меня вопрос темнее безлунной ночи". (Б. Залескому - от 10 апреля того же года).

Майора Львова, достаточно полно описанного самим Шевченко, можно считать одной из наиболее мрачных фигур Дневника.

ЛЮДВИГ - см. Балинский Л.

В письме от 3 июля 1856 г. Б. Залеский называет "Людвига" как человека, который может продиктовать поэту новый адрес его, Залеского, возвращающегося из ссылки. ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр.87). В комментариях к письму ошибочно утверждается, что упо мянутый Людвиг это Л. Турно. (стр.253).

М., майор ("майор М.") - см. Михайлов Л.А.

Несмотря на заявление Н. Ф. Савичева о том, что он ездил в Новопетровское укрепление вместе с "командиром батальона № 1 майором М.", отдельные комментаторы, расшифровывая начальную букву фамилии, называют имя заместителя командира Михальского. Между тем Михальский прибыл в этот батальон значительно позднее, и в 1852-м ни в Уральске, ни на Мангышлаке быть не мог. Речь идет, конечно, о Л.А.Михайлове.

МАВЛЮТОВ, Гафур Мавлютович - прапорщик 1-го Оренбургского линейного батальона.

Воспитанник Неплюевского кадетского корпуса в Оренбурге, Мавлютов в первые годы пребывания Шевченко в Новопетровском укрепении являлся здесь субалтерн-офицером; в дальнейшем он был переведен в Уральск, где продолжал службу. Его фамилия значится в ряде постовых ведомостей укрепления за 1852 г., в том числе написанных рукой поэта. (ГМШ, А-43; "Адрес-календарь Оренбургского края на 1854 год", стр.250).

МАЕВСКИЙ, Антон (Антоний) Петрович - комендант Новопетровского укрепления, подполковник.

Комендантом нового укрепления на Мангышлаке он стал сразу (или вскоре) после его закладки. В "Памятной книжке на 1848 год", отпечатанной в военной типографии Петербурга, где впервые называется "Новопетровское укрепление на Мангышлакском полуострове", указывается, что должность коменданта исправляет майор Маевский. (стр.369). В "Памятной книжке на 1849 год" Маевский уже в чине подполковника. (стр.372). Его имя, с указанием той же должности и того же чина, называется и в последующих ежегодниках, вплоть до 1853 г. Но известно, что уже 17 января 1853 исправляющим должность коменданта был назначен майор И. А. Усков. ("Киевская старина", 1886, № 2, стр.100).

Косвенные данные свидетельствуют, что офицерскую службу Маевский нес с 1826 г. (в 1841 был удостоен знака отличия за XV лет), что награждался орденами Св.Анны 4-й степени (1828) и Св.Анны 3-й степени (1829), за дела свои получал высочайшие благодарности с выдачей денежных сумм (в 1844 - в размере полугодового жалованья), а в майоры был произведен в феврале 1848. ("Список подполковникам по старшинству", СПб, 1849, стр.335). Очередное звание получил досрочно, за отличия.

О том, что смерть Маевского последовала в самом конце 1852, пишут все мемуаристы и биографы Т. Шевченко. Точной даты, однако, никто из них не указывает. Вот почему автор возлагал большие надежды на обнаруженные им метрические книги Петропавловской церкви Новопетровского укрепления за 1852 и последующие годы, заканчивая 1869-м. В метрической книге 1852 имя Маевского упоминается - по разным незначительным поводам - два-три раза.

Но записи о его смерти нет. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.224). Не оказалось ее и среди записей 1853. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.234-а).

Выдвинув и продумав несколько гипотез, объясняющих эту загадку, мы склонились к выводу: А.П.Маевский не принадлежал к православной церкви, его вероисповедание было иным - вероятно римско-католическим, а потому священник Н.И.Малиновский "исповедывать и приобщать" его не мог, а коль так, запись о смерти Маевского сделана в соответствующей книге другой церкви (возможно астраханской).

Официальная дата смерти обнаружилась в приказе по Отдельному Оренбургскому корпусу, где значится, что "в 12-й день января <1853 г.> Маевский исключается из списков как умерший". (ЦГА Башкортостана, ф.2, оп.1, д.15216).

Известен только один "шевченковский" документ, подписанный Маевским: рапорт о доставлении Шевченко в укрепление. Гораздо больше для характеристики их отношений дают письма поэта и, особенно, воспоминания современников.

"Начальника мне Бог послал, человека доброго..." - писал Шевченко в одном из писем 1852. (VI, 74). Уже в первом его, известном нам, письме из Новопетровского укрепления, датированном 12 января 1851, указывается, что письма следует посылать "на имя г.коменданта его высокоблагородия Антона Петровича Маевского". (VI, 70). Об этом он писал и позднее. (VI, 75, 77, 83).

Несколько свидетельств современников.

"Шевченко служил... под начальством коменданта, подполковника Антония Петровича Маевского, который очень любил его и принимал у себя в доме, когда бывал один, а это бывало очень часто, так как Маевский был старый холостяк, вел жизнь, что называется, отца-командира..." ("Воспоминания поручика Фролова о солдатской службе Шевченко в Новопетровском укреплении". "Киевский телеграф", 1876, № 53).

"После первого спектакля, бывший тогда комендантом нашим, превосходный и умница человек подполковник Маевский, - вечная ему память! - устроил для нас, актеров, и других офицеров и их семейств ужин, а затем танцы... - Так вот, после этого ужина Маевский подошел к Шевченко, чокнулся с ним и правду сказал: "богато тебя, Тарас Григорьевич, оделил Бог: и поэт-то ты, и живописец, и скульптор да еще, как оказывается, и актер... Жаль, голубчик мой, одного, - что не оделил он тебя счастьем!.. Ну да Бог же не без милости, а казак не без счастья..." (Из воспоминаний Е.М.Косарева; "Киевская старина", 1889, март, стр.577).

"Мы в одиннадцать часов пошли представиться коменданту. Это был добрый и умный подполковник Маевский. У коменданта были наши моряки и несколько местных офицеров..."

"Зовите Шевченко", - сказал комендант.

Денщик ответил, что он ушел домой. Я узнал, что Тарас Григорьевич в это время занимался на другой половине дома уроками с детьми Маевского и, кончив занятия, ушел..." (Н. Ф. Савичев. "Кратковременное знакомство с Тарасом Григорьевичем Шевченко". "Казачий вестник", 1884, № 53).

(Сведения о детях коменданта позволяют отказаться от укоренившейся его характеристики, как "старого холостяка". Следует обратить внимание на игнорируемую сноску к одной из страниц второго тома книги А.Конисского "Тарас Шевченко-Грушевський", в которой биограф поэта приводит сообщение оренбургского журналиста и общественного деятеля И.Евфимовского-Мировицкого о том, что "в Оренбурге он слышал от писаря, служившего при Маевском в Новопетровском, что Маевский был вдовцом, у него были дети и Шевченко учил их").

Об участии А.П.Маевского в творческой судьбе Шевченко лучше всего свидетельствует его содействие прикомандированию поэта к экспедиции для поисков угля в горах Каратау. Семнадцать законченных живописных работ, более пятидесяти рисунков и зарисовок, с деланных во время этой экспедиции, стали возможны лишь благодаря такому дозволению коменданта.

Нам неизвестны портреты или зарисовки живого Маевского, хотя не исключено (и даже вполне вероятно), что Шевченко мог их оставить. С осторожностью можно высказать предположение, что рисунок "Возле покойного" (т.8, л.138) имеет связь со смертью новопетровского коменданта.

МАЙДЕЛЬ, Петр-Фридрих Астафьевич (1819-1884) - доктор медицины, врач Оренбургской Пограничной комиссии.

Майдель происходил из беспоместных дворян. По окончании (казенным воспитанником) курса медицинских наук в Дерптском университете (1843) был определен младшим лекарем в Войсковую врачебную управу Оренбургского казачьего войска, но в том же году, по его прошению, переведен в штат Оренбургской Пограничной комиссии на вакантную должность врача.

Многое сделал Майдель по изучению болезней, бытовавших в степях, и изысканию способов их лечения. В 1849 он сдал в Дерптском университете экзамены на степень доктора медицины и был утвержден в этом звании. В том же году получил чин коллежского асессора. (ГАОО, ф.191, оп.1, д.1, лл.16-17; ф.222, оп.1, д.30; ф.6, оп.6, д.11812).

Истинный врачебный подвиг Майдель совершил во время эпидемии холеры в Оренбурге в 1848: "Он день и ночь разъезжал по больным, не отказывая в просьбе даже самого последнего бедняка и сплошь лечил недостаточных людей на свой счет". ("Записки Н.Г. Залесова", журнал "Русская старина", 1903, май, стр.269-270).

Шевченко в ходе следствия 1850 г. назвал Майделя как врача, услугами которого он пользовался зимой 1849-50. Больше мы знаем об их отношениях по воспоминаниям Ф. Лазаревского, который писал о том, что Шевченко был "свой человек" в доме "важного туза", "тайного советника", "барона", "породистого аристократа" Майделя.

Приведенные сведения, не отрицая добрых отношений между Шевченко и Майделем, опровергают лишь данные о Майделе, как об одном из представителей тогдашних высших сфер оренбургского общества. Они характеризуют его как многообещающего молодого ученого и беззаветно преданного своему делу врача.

Следует, однако, сказать, что высокие титулы пришли к нему в будущем, много лет спустя. В "Азбучном указателе имен русских деятелей" (СПб, 1888, часть вторая, стр.688) и "Петербургском некрополе" (СПб, 1912, том третий, стр.7) Майдель, умерший в 80-х годах, именуется и бароном, и тайным советником.

Прямые и косвенные сведения о Майделе, почерпнутые из воспоминаний, документов, писем, позволяют предположить в нем также одну из загадочных фигур шевченковской переписки, а именно - того, кого Ф. Лазаревский в письмах к Шевченко именует Бессребренни ком. ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр.67, 73, 75). Но, оговоримся, это лишь предположение.

МАЙОРОВ, Дмитрий - декоратор и актер Нижегородского театра.

"Служили... в мое время два брата Майоровы, один декоратор и актер, другой наборщик и тоже актер, - вспоминал А.П.Ленский. - Первого звали Митькой, второго - Мишкой. Оба уже пожилые люди и оба скверные актеры. Митька был худенький, щупленький, с рыльцем, сплюснутым с боков, и с пунцовой пуговкой вместо носа... Однажды на репетиции Дмитрий Майоров, будучи навеселе, развязно подлетел к Смолькову (антрепренеру - Л. Б.) и, с вежливой улыбкой подавая руку, проговорил: "А, благородному джентльмену!.." Тот молча подал свою, тем дело, казалось, и кончилось. После ярмарки приходит Майоров к Смолькову считаться и, недополучив следуемых ему по расчету трех рублей, говорит: "Федор Константинович, извините, мне ведь еще три рубля следует..." "А благородно го джентльмена помните?" - с ехидной улыбкой произносит Смольков и, раскрыв книгу, показывает: "За благородного джентльмена с Дмитрия Майорова 3 рубля". ("Александр Павлович Ленский. Статьи. Письма. Записки". М., 1950, стр.69).

Бывая в театре, Т. Шевченко имел возможность познакомиться с Майоровым как декоратором и дал его "искусству" оценку нелестную, записав так: "... Г.Майоров малейшего понятия не имеет в этом простом деле". (V, 201-202). Краткие замечания, разбросанные по разным дневниковым страницам, дают представление о его высоких требованиях к оформлению спектаклей.

Т. Г. Шевченко
Портрет М. А. Максимовича
1859

*Внизу справа подпись: "1859. Т. Шевченко.
19 июня"*

МАКСИМОВИЧ, Михаил Александрович (1804-1873) - фольклорист, историк, филолог, ботаник.

Окончив Московский университет по словесному и естественному факультетам, он был впоследствии профессором того же университета по кафедре ботаники (1833), затем первым ректором Киевского университета (1834-1835) и профессором его по кафедре русской словесности (до 1841). Большую работу провел Максимович в качестве члена Комиссии для разбора древних актов (Киев). Его перу принадлежит много научных и литературных трудов (среди последних - перевод "Слова о полку Игореве"). В пятидесятые годы он зарекомендовал себя видным общественным деятелем либерального толка. В конце 1857 Максимовича пригласили в Москву для редактирования "Русской беседы" - одного из органов славянофилов.

Знакомство Т. Шевченко с Максимовичем произошло в 1845 в Киеве. Находясь в Новопетровском укреплении, поэт-невольник интересовался произведениями ученого. (VI, 98, 99). В письме к М. С. Щепкину из Нижнего Новгорода от 5 декабря 1857 он просил-спрашивал: "Поцілуй старого Максимовича за мене, та чому він не шле мені свос "Слово о полку Игореве"?" (V, 185).

Сразу по приезде Шевченко в Москву Максимович посетил его; их встречи стали частыми. (V, 210-213). Накануне отъезда поэта в Петербург "многоуважаемый М. А. Максимович задал... обед" в его честь; об этом обеде мы знаем по записям в Дневнике (V, 218, 219), а также по свидетельствам других участников (они приведены в статьях о Галагане и Елагиной).

О добрых отношениях между Шевченко и Максимовичем говорит также переписка последующих лет.

В июне 1859 Тарас Григорьевич гостил у своего друга на хуторе близ с. Прохоровки и там нарисовал его портрет. (X, л.43).

МАКСИМОВИЧ, Мария Васильевна, урожд. Товбич - жена М. А. Максимовича.

Дочь мелкого помещика Золотоношского уезда Киевской губернии, девушка-бесприданница Мария Товбич стала женой уже немолодого и известного, как ученый, Максимовича в 1853.

Т. Шевченко познакомился с нею в Москве и сразу был очарован.

"... Вскоре явилась она, и мрачная обитель ученого просветлела, - записал он в Дневнике 18 марта 1857 г. - Какое милое, прекрасное создание. Но что в ней очаровательнее всего, это чистый, нетронутый тип моей землячки... И где он, старый антикварий, выкопал такое свежее, чистое добро? И грустно, и завидно..." (V, 213).

Несколько дней спустя, 21 марта, в Дневнике появилась новая запись: "... несмотря на страстную пятницу, она, милая, весь вечер пела для меня наши родные душевные песни. И пела так сердечно, прекрасно, что я вообразил себя на берегах широкого Днепра. Восхитительные песни! Очаровательная певица!" (V, 215).

В течение двух недель пребывания Т. Шевченко в Москве они встречались неоднократно. Поэт подарил ей автограф стихотворения "Садок вишневый коло хати".

В дальнейшем, во время путешествия на Украину, будучи гостем Максимовичей, Шевченко нарисовал 22 июня 1859 портрет хозяйки дома. (X, л.44). Такой мечтал он видеть свою избранницу-жену, о подыскании которой настоятельно просил и Марию Васильевну.

В сборнике "Листи до Т. Г. Шевченка" опубликованы ответные письма "Маруси Максимович", а также М. В. и М. А. Максимовичей их великому другу.

МАКШЕЕВ, Алексей Иванович (1822-1892) - штабс-капитан Генерального штаба, представитель военного министерства в Аральской экспедиции 1848 г.

По окончании Новгородского кадетского корпуса, в 1842, он был произведен в прапорщики лейб-гвардии, а два года спустя принят в Академию Генерального штаба. Участь в Петербурге, Макшеев сблизился с некоторыми участниками кружка петрашевцев; его им я упоминается в материалах следствия. Но вины офицера установлено не было и к ответственности он не привлекался.

Окончив курс военной академии, Макшеев изъявил желание отправиться на восток и был командирован в Отдельный Оренбургский корпус. Прибыл сюда в декабре 1847; месяц спустя, в январе 1848, получил производство в поручики и, одновременно, перевод в Генеральный штаб с чином штабс-капитана.

В 1848 Макшеев был направлен в степь и в том же году принял участие в Аральской экспедиции, возглавлявшейся А. И. Бутаковым.

По возвращении в Оренбург (конец октября - начало октября 1848) Макшеев стал старшим адъютантом штаба корпуса и в этой должности не раз еще предпринимал длительные командировки по краю.

*Т. Г. Шевченко
Портрет М. В. Максимович
1859*

*Внизу справа авторская подпись: "1859.
Т. Шевченко. 22 июня"*

В 1854 он адъюнкт-профессор по военной статистике. С 1860 - профессор. Его перу принадлежат десятки научных трудов, касавшихся, главным образом, Туркестанского края и казахских степей. Все эти работы отличаются богатством фактического материала и точностью научных выводов, во многом не утративших своего значения донныне.

В своей статье "Описание Аральского моря", опубликованной в пятой книге "Записок Географического общества" за 1851 год, Макшеев, используя материалы экспедиции Бутакова, впервые обобщил научные результаты труда первопроходцев Аральского моря (среди которых был и сам). Обвинения в том, что он, якобы, присвоил себе чужие заслуги, не имеют под собою никакой почвы. Заслуживает внимания то, что Бутаков, который, безусловно, был осведомлен о публикации статьи Макшеева, продолжал поддерживать с ним дружеские отношения, о чем свидетельствует письмо его, датированное 1853 годом. (ИЛ, ф.1, д.286).

Макшеев умер заслуженным профессором и генерал-лейтенантом.

Т. Шевченко познакомился с Макшеевым на первом же переходе из Орской крепости в Раимское укрепление, в самом начале пути к Аральскому морю. "Я предложил несчастному художнику и поэту пристанище, на время похода, в своей джуламейке, и он принял мое предложение..." - писал тот в книге "Путешествие по Киргизским степям и Туркестанскому краю" (СПб, 1896, стр.29-36). Страницы книги, непосредственно относящиеся к Шевченко, являются едва ли не главным из свидетельств современников о его поведении в долгом и тяжелом походе. Не менее важны макшеевские научно-литературные зарисовки похода, жизни в Раиме и плавания по Аральскому морю. Они дают возможность точнее датировать и подписать ряд акварелей, эскизов, набросков Шевченко, сделанных в 1848, определеннее, с живыми деталями, охарактеризовать некоторых людей, сопутствовавших Шевченко в тот период. Вот почему на страницах этой книги автор широко использует труды А. Макшеева, заслуживающие самого серьезного анализа в шевченковской науке.

Из заметок, непосредственно касающихся обстоятельств походной жизни Шевченко, переданных Макшеевым, следует отметить лаконичные рассказы об истории первой акварели, сделанной в степи (стр.29), о настроении поэта в походе и его рассказах (стр.30), о начале жизни в неволе (стр.31), о портрете Макшеева, рисованном в Раиме (стр.46), об офицерской каюте, где Шевченко помещался вместе с Бутаковым, Макшеевым, Поспеловым, Акишевым, Вернером, Истоминым (стр.56) и др.

О добром отношении Шевченко к Макшееву свидетельствует приписка поэта к письму раимского врача А.М.Лаврова ("Т. Г. Шевченко в спістолярії", стр.16-17), публикуемая обычно как самостоятельное письмо. (VI, 56). "В воспоминании вашем о плавании по морю бурному Аральскому оставьте уголок для незабывающего вас Т. Шевченко", - гласили последние строки этого письма, написанного 26 марта 1849.

Упоминаний о Макшееве в сохранившейся шевченковской переписке последующих лет найти не удалось. Под вопросом находится лишь одно место из январского, 1854, письма Б. Залескому, где Шевченко упоминает "Алексея" и просит извиниться перед ним за то, что не пишет ему "с этой почтой". (VI, 92). Принято считать, что "Алексей" это А.Н.Плещеев. Но в других случаях Шев-

ченко называет его не по имени, а по начальным буквам - либо "П", либо "А.П.". Шевченко мог еще не знать, что Макшеев получил новое назначение и либо уже выехал, либо собирался выезжать из Оренбурга. Это также говорит в пользу высказанного предположения.

А. И. Макшеев бережно относился к памяти великого поэта. Об этом свидетельствует его переписка семидесятых-восьмидесятых годов. ("Т. Г. Шевченко в спістолярії", стр.50, 64-65). Письма могут служить предысторией ей статьи Макшеева "Воспоминания о Т. Г. Шевченко". ("Русская старина", 1914, № 5, стр.305-308). Статья эта имеет самостоятельное значение, так как содержит дополнительные факты периода жизни в Раиме и - затем - в Оренбурге.

МАЛИННИКОВ, Николай Владимирович - писарь комендантского управления Новопетровского укрепления после освобождения Шевченко от службы (не ранее 1864 г.).

Его сведения о пребывании поэта на Мангышлаке использованы в статье К.М.Оберучева "К биографии Т. Г. Шевченко" ("Киевская старина", 1900, кн.2, стр.157-162). Однако следует уточнить, что сослуживцем поэта Малинников быть не мог, так как в 1857 ему не исполнилось еще даже пятнадцати. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.234-а). Этим и объясняется скудость сообщенных сведений, известных самому Малинникову лишь понаслышке.

МАЛИНОВСКИЙ, Никанор Ильич - священник Петропавловской войсковой церкви Новопетровского укрепления.

Малиновский родился в 1825 г. в семье священника, обучался в Астраханской духовной семинарии. В Новопетровском укреплении служил с апреля 1849, на протяжении всего периода пребывания здесь Шевченко. Жена - Анна Ивановна (урожденная Павлинова), дочь протоиерея Астраханского кафедрального собора, дети - Николай и Елена; сын - 1851 года рождения, дочь - 1849-го. (ГАОО, ф.173, оп.5, д.9825, лл.54-62).

Шевченко встречался с Малиновским у коменданта И. А. Ускова, в круг знакомых которого они входили, однако никаких свидетельств об этом ни в Дневнике, ни в письмах не встречаем. Косвенным подтверждением знакомства является, на наш взгляд, также неоднократно выраженное Шевченко желание "в здешнюю церковь безвозмездно написать запрестольный образ во имя воскресения Христа" (VI, 74). Ходатайство об этом поддержки в Оренбурге не получило.

ЛИСТАЯ ЦЕРКОВНЫЕ КНИГИ

Из заметок исследователя

Что особенного произошло 12 июня 1857 года на Мангышлаке, в укреплении Новопетровском? А ничего! Никто не родился, не сочетался браком и не преставился. Ни одного счастливого события и ни одного горестного.

Откуда мне это известно? От лица вполне компетентного - тамошнего батюшки, священника Петропавловской войсковой церкви Малиновского. Отца Никанора, или Никанора Ильича, или как еще - звали его по всякому, в зависимости от характера знакомства, духовной подчиненности или служебной субординации. Священником он был молодым, но потомственным, богословию учился в Астраханской духовной семинарии, Новопетровское стало первым местом его штатного служения Богу; прибыл сюда еще весной 1849-го, да так и прижился. Обитал тут с матушкой, Анной Ивановной, в девичестве Павлиновой, тоже из сословия духовного, поповной, дочерью протоиерея кафедрального собора; детей Господь им дал пока двух - Елену, рожденную в год переселения на Мангышлак, и Николая, явившегося на свет Божий двумя годами позднее.

Сообщаю все это не "просто так", для выявления "авторской эрудиции", но исключительно в подтверждение того, что источник моей информированности доверия заслуживает полного. Так вот и он, Никанор Малиновский, за двенадцатым числом июня месяца одна тысяча восемьсот пятьдесят седьмого года не закрепил ни единого события. Будто замерла, остановилась на тот день вся жизнь в его духовных владениях...

Но если разглядывать не день, а, скажем, месяц?

"Никто не родился..." Да за весь июнь 1857-го пополнение тут выразилось в одном младенце женского пола. Восьмого родилась, а десятого была крещена Марфа - дочь поселенца Николаевской станицы вблизи Новопетровского укрепления казака Николая Игнатьевича Елистратова и законной жены его Акилины Филипповой; восприемниками при крещении священник записал опять же станичников.

"Не сочетался браком..." В последний раз до того свадьбу играли аж в январе, когда двадцатилетний Егор Исидоров Шапарев - и этот из станицы - взял за себя девушку

Евдокию, дочку Филиппа Емельянова, что был из однодворцев Саратовской губернии. Что же касается умерших... Таких в пятьдесят седьмом в укреплении, в приходе в целом, оказалось не меньше, чем в предыдущем, - 19 душ мужеска и 6 женска пола, но в апреле-мае Бог миловал, и в июне пока смертей не было (только в самом конце этого о месяца преставился подвижной инвалидной № 89 роты рядовой Алексей Петров, 34-х лет, - его скрутила и доконала водянка).

В общем, "тишь и гладь и божья благодать". Ни одного радостного случая и ни одного несчастного, даже просто печального, за днем этим не числилось.

Ни од-но-го...

Ничто, следовательно, он не обошел, не проигнорировал.

Он - это Шевченко.

12 июня 1857 года в Новопетровском укреплении на побережье Каспия Тарас Григорьевич Шевченко затеял свой Дневник.

МАЛЬХАНОВ, Алексей Дмитриевич - командир 4-го полка Оренбургского казачьего войска, есаул, а затем войсковой старшина.

В войске Мальханов служил с начала двадцатых годов. В течение восьми лет он командовал полком, расквартированным в Орской крепости. (ГАОО, ф.6, оп.13, д.2906). Архивные материалы характеризуют его как человека крутого нрава, неуживчивого и своекорыстного. После выезда вдовы бывшего коменданта Д.Н.Исаева Мальханов, вместе со своим зятем С. А. Бархвицем, пытался прибрать к рукам комендантский дом с имуществом, что вызвало законные жалобы А.А.Исаевой. В конце пятидесятих годов он был уволен со службы "по расстроенному здоровью,... без всякого вознаграждения". (ГАОО, ф.6, оп.11, д.1489, 1955, 2194).

Шевченко мог знать Мальханова и по личным впечатлениям, и через казаков четвертого полка, с которыми встречался в крепости (с отдельными из них - например, А.Антоновым - довелось в 1850 вместе сидеть под арестом на гауптвахте). Их рассказы во многом дорисовывали портрет казачьего офицера - рыцаря слуги престола на протяжении десятков лет.

МАЛЮГА, Павел Потапович - врач, воспитанник Киевского университета, законченного им в 1857 г.

Вместе с другим земляком Шевченко - Волхонским, Малюга был назначен на службу в Иркутск и проездом через Нижний Новгород (проездом, вероятно, не случайным) посетил поэта. "Малюга сообщил мне, что Марко Вовчок - псевдоним некоей Маркович, и что адрес ее можно достать от Данила Семеновича Каменецкого, поверенного Кулиша в Петербурге," - записано в Дневнике 18 февраля 1858. (V, 202). Непосредственным откликом на беседу с Малюгой явилось обращение к М. М. Лазаревскому от 22 февраля с просьбой узнать у Каменецкого желанный адрес: "Я чув, що він її добре знає..." (VI, 211).

МАРКЕВИЧ, Андрей Николаевич (1830-1907) - юрист, сын историка и поэта Н.А.Маркевича; впоследствии сенатор, председатель Русского музыкального общества, первый председатель Общества имени Т. Г. Шевченко в Петербурге.

В последний год солдатчины Шевченко Маркевич активно участвовал в деле оказания ему материальной помощи, посылал на Мангышлак книги, выполнял поручения поэта. Об этом мы знаем из их переписки (VI, 157-160; "Листи до Т. Г. Шевченка", стр.92-93), а так же из других писем (VI, 153, 155, 164, 167, 168 и др.) и записи в Дневнике. (V, 27).

Личное знакомство состоялось в Москве, 13 марта 1858 года. О двух встречах есть упоминания в дневниковых записях. (V, 211, 212). Общение между ними продолжалось в Петербурге. Среди земляков поэта петербургского периода жизни Маркевич был одним из близких.

МАРКОВ, Никон Степанович - есаул, а затем войсковой старшина Уральского казачьего войска. В 1847-1852 гг. командовал казачьим отрядом в Раимском укреплении.

(ГАОО, ф.172, оп.11, д.223).

В казачьем войске Марков служил с 1815 года. Первый офицерский чин получил в 1831-м, есаулом стал в 1841. В военных кампаниях не участвовал, курсы учения не проходил, но аттестовался наилучшим образом. (РГВИА, ф.405, оп.6, д.7441, л.10 об.-11).

Шевченко упоминает Маркова в записи Дневника от 16 июля 1857, вспоминая девятилетней давности эпизод, когда его, отрастившего во время плавания "широкую, как лопата, бороду", уральские казаки приняли за тайного пресвитера и, испросив благословения, устроили по этому поводу шумный пир. Весть о "мученике за веру" распространилась. "Вскоре после этого казуса, уже обривши бороду, отправился я в Раим, главное тогда укрепление на берегу Сырдарьи. В Раиме встретили меня уральцы с затаенным восторгом. А отрядный начальник их, полковник Марков, тоже не будучи дурак, испросив мое благословение, предложил мне 25 рублей, от которых я неблагоразумно отказался и этим, по их понятиям, беспримерным бескорыстием подвинул благочестивую душу старика от говеться в табунах в кибитке по секрету... Чтобы не нажить себе хлопот с этими седыми беспримерными дураками, я поскорее оставил укрепление..." (V, 71-72).

МАРТЫНОВ, Александр Федорович (1823-1906) - нижегородский педагог и писатель.

Сын купца, получивший образование в Вятской гимназии, а затем в Казанском университете, Мартынов некоторое время преподавал географию и латинский язык в Саратовской гимназии, где подружился с Н.Г.Чернышевским, а с середины пятидесятых годов стал учителем русской словесности в гимназиях Нижнего Новгорода. Одновременно он занимался литературной деятельностью, печатал рассказы и очерки в столичной и местной прессе. Сведения об этом мы находим в автобиографии Мартынова, опубликованной в газете "Волгарь". (1907, № 241).

В 1857-1858 Мартынов встречался с Шевченко у общего их знакомого Бобржицкого. Свои впечатления от этих встреч он передал в статье "Два слова о Т. Г. Шевченко", опубликованной под псевдонимом "А.-тынов" в газете "Северная пчела". (1861, № 31, 21 июня).< /P>

МАРТЫНОВ, Валериан Михайлович - плац-адъютант комендантского управления Орской крепости.

В 1850 г. Мартынов участвовал в следствии по делу о нарушении Шевченко запрещения писать и рисовать, в частности, вел дознание о его переписке. (ИЛ, ф.1, д.406; ГАОО, ф.172, оп.3, д.211).

МАРТЫНОВ, Николай Андреевич - плац-адъютант комендантского управления в Оренбурге; впоследствии командир роты 3-го Оренбургского линейного батальона, штабс-капитан.

Мартынов руководил обыском на квартире Шевченко в доме К.И.Герна вечером 22 апреля 1850 г. "Когда мы въезжали в город, то в Сакмарских воротах повстречали плац-адъютанта Мартынова, полицмейстера и еще какого-то военного. Мы догадались, что они едут в Слободку. Не смыкаяючи очей, провели мы эту ночь..." (Из воспоминаний Ф.М. Лазаревского).

МАСЛОВ (Маслий), Василий Павлович (1841-1881) - украинский писатель, автор биографического очерка "Тарас Григорьевич Шевченко", выпущенного, как издание народного журнала "Грамотей" (М, 1874).

О большой работе Маслова на разных этапах подготовки книги можно судить по его переписке, опубликованной в сборнике "Т. Г. Шевченко в спістолярії" ("Наукова думка", К., 1966). Он собрал некоторые неизданные воспоминания о поэте и неопубликованные его письма. Им, в частности, были впервые введены в литературу факты из записок А. И. Макшеева - ценного источника по изучению жизни Шевченко в период Аральской экспедиции.

Маслов был связан с Оренбургом, где, через своих знакомых (учителя Северного и других), пытался разыскать шевченковские рисунки.

Многолетнему исследователю биографии Шевченко, начавшему эту работу еще при жизни поэта и настойчиво осуществлявшему ее до самой своей смерти, Маслову принадлежит честь и первого обобщения сведений об окружении, связях периода солдатчины. Одна ко смог он назвать, причем без комментария, не более двадцати имен, преимущественно тех, которые означены в шевченковских письмах.

МАСЛЮК, Петр Тимофеевич - рядовой 5-го Оренбургского линейного батальона.

В солдатскую службу Маслюк был определен "за нахождение с давнего времени в бегах" и вместе с другими галицийскими украинцами (Дарчуком И.И., Михалько Я.Т., Чемердой М.Л.) в мае 1846 прибыл в Орскую крепость, где в 1847-48 и 1850 служил в одной ро те с Шевченко. Все эти годы он находился под особым надзором. (ИЛ, ф.1, д.437).

МАТВЕЕВ, Ефим Матвеевич - подполковник Уральского казачьего войска.

В войске служил с 1819 года, в офицерских чинах - с 1831-го. Подполковником стал в 1845, полковником - с 1856. Систематического образования не получил, всего достиг своим умом и старанием. (РГВИА, ф.405, оп.6, д.7441, л.4 об.-5, там же, ф.330, о п.3, д.1045, л.11).

"Сын простого уральского казака, из писарей, достигший довольно высокого положения в крае, но оставшийся таким же простым, сердечным казаком, чуждым важного и напускного величия" - так характеризовал Матвеева Ф. Лазаревский. ("Киевская старина", 1899, кн.2, стр.153).

В 1847-1850 Матвеев состоял при командире Отдельного Оренбургского корпуса по особым поручениям, а с 1851 являлся членом Общего присутствия Департамента военных поселений по делам Оренбургского и Уральского казачьих войск "с правом голоса" (ГАОО, ф.173, оп.11, д.186; ф.6, оп.12, д.101, 1388).

Знакомство Т. Шевченко с Матвеевым произошло в первые дни по прибытии поэта в Оренбург. По просьбе Ф. Лазаревского и С.Левицкого, Матвеев встретился с ним не позднее, вероятно, 10-11 июня 1847 и, как говорится в тех же воспоминаниях Ф. Лазаревского, "он очень расположил его к себе". Влиятельный казачий офицер интересовался жизнью Шевченко в Орской крепости, использовал свои связи, чтобы облегчить его участь. Не без содействия Матвеева опальный рядовой был прикомандирован к Аральской экспедиции .

Пребывание Шевченко в Раимском укреплении отмечено его постоянным общением с подполковником Матвеевым, который на протяжении многих месяцев в 1848-1849 исполнял должность начальника укрепления, сменив в этом качестве скомпрометировавшего себя С.Е. рофеева.

Материалы, хранящиеся в Оренбургском архиве, характеризуют Матвеева как дельного организатора, исследователя, политика, который стремился глубже изучить возможности приаральского края, резко выступал против верхоглядов типа Л.П.Шульца, Матвеев заботился об укреплении связей с коренным населением здешних мест, помогая ему и в борьбе с голодом, и в лечении болезней, на деле укрепляя союз России со Средней Азией. Постоянное внимание уделял он

изучению Аральского моря, организации здесь мореходства и рыболовства. (ГАОО, ф.6, оп.6, д.12734; оп.10, д.5960, 5966-а, 5999, 6024, 6084, 6134).

Об участии Матвеева в судьбе Шевченко на Раиме говорится в воспоминаниях Э.Нудатова (Д.М.Июфанов. "Матеріали про життя і творчість Тараса Шевченка", стр.50-69).

Их добрые отношения продолжались и далее, в Оренбурге. ("Матвеев также не чуждался нашего общества", - вспоминал Ф. Лазаревский).

Внимание Матвеева Шевченко чувствовал также в Новопетровском укреплении. "Я здесь пользуюсь покровительством полковника Матвеева. Напишите ему хоть пару строчек, вас это не унизит, а мне принесет существенную пользу... Бога для, сделайте это, мое в озвращение из Новопетровского укрепления будет зависеть от него". (Из письма к В.Н. Репниной - VI, 70).

Это письмо составителями тома отнесено к 1851 г. На наш взгляд, датировать его нужно 1856-м - точнее, второй половиной 1856. Именно в том году, в мае, подполковник Матвеев стал полковником; лишь в этот период, а не в 1851, так скоро после своего оренбургского ареста, мог Шевченко думать о возвращении из Новопетровского. Наконец, июльское (1856) письмо Б. Залеского с сообщением о том, что "Варвара взялась просить и хлопотать за тебя" ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр.87) могло явиться непосредственным откликом на просьбу.

Трудно допустить, что Шевченко не писал Матвееву, что он не дарил ему рисунки (или хотя бы рисунок), что, наконец, делая много портретов в Раиме, не запечатлел своего искреннего доброжелателя. Ни то, ни другое, ни третье нам пока точно не известно. Знаю, ачит, поиски архива Е.М.Матвеева, материалы которого могут оказаться у его потомков, в Оренбурге, Уральске или других местах, представляются весьма перспективными.

МАТВЕЙ - см.Коконин М.В.

"Слуга" генерал-майора Г.А.Фреймана, точнее его казенный денщик, упоминается в письме Шевченко к Б. Залескому от 25 сентября 1855 г. (VI, 120).

МАТОВ, Александр Иванович - провинциальный журналист, сотрудник "Самарской газеты" и других газет Поволжья. Литературный псевдоним - А.Бурлак. Статьи Матова, в свое время, привлекали внимание А.М.Горького, В.Г. Короленко и других писателей.

Живя в 1895-1896 гг. в Орске, бывая тогда же в Оренбурге, поднадзорный (за его взгляды и деятельность) Матов разыскивал документальные материалы и устные свидетельства о пребывании здесь Тараса Шевченко. Им записаны воспоминания А.О.Лаврентье вой и ее сестры (Ф.О.Тепляковой), Старикова, Канфера, М.И.Бажанова, Циолковского и других.

Документов о пребывании Шевченко в Орской крепости Матову найти почти не удалось; он ограничился выводом: "Масса дел (о Шевченко - все) выкрадены..." Между тем в его время архив уездного воинского начальника еще содержал значительное количество бумаг, имевших значение для характеристики как Орских шевченковских времен, так и людей, с которыми поэт общался. Впоследствии эти бумаги были проданы "на пуды". Таким образом, не будучи квалифицированным исследователем, Матов допустил существенную, и непоправимую, оплошность: не зафиксировал выявленное.

Тем не менее значение работы, проделанной Матовым, велико. Давно вошли в научный оборот его статьи и публикации "Воспоминания о Т. Г. Шевченко" ("Русские ведомости", 1895, № 242) и "Тарас Григорьевич Шевченко в ссылке. Из воспоминаний современников-старожил". ("Камско-Волжский край", 1897, №№ 307, 313, 318). Они неоднократно перепечатывались.

На наш взгляд, нуждается в дальнейшем изучении печать Самары (особенно "Самарская газета") за 1895 и последующие годы. Вызывает удивление, что эта газета, постоянным корреспондентом которой Матов тогда являлся, в числе обследованных библиографами-шевченковедами не значится. ("Т. Г. Шевченко. Библиографія літератури про життя і творчість", т.1, стр.418-422). В начале XX в. Матов вел журналистскую работу в Оренбурге, даже являлся редактором местной газеты социал-демократического направления. Эти издания также требуют дополнительного исследования.

МАШИН, Николай Николаевич - капитан-лейтенант.

В 1851-1853 гг. Машин являлся командиром парохода "Тарки", который осуществлял почтовое сообщение между портами Каспия и не раз бывал в Новопетровском укреплении. ("Общий морской список", часть X, стр.660).

В своей статье о впечатлениях от поездки на Мангышлак в 1852 году Н. Ф. Савичев рассказывает об именинах у коменданта А.П.Маевского, на которых присутствовал Шевченко и где, вместе с другими гостями, был "капитан-лейтенант (забыл фамилию) - командир парохода, крейсировавшего по всему восточному Каспийскому берегу". ("Казачий вестник", 1884, № 54). Изучение девятого-двенадцатого томов "Общего морского списка" позволило установить имя капитана, вместе с которым поэт провел один из немногих хороших вечеров своей подневольной жизни.

На основании упомянутого Списка можно назвать имена и других командиров почтового парохода "Тарки". Среди них - Иван Иосифович Свинкин, Николай Ермолаевич Боумгартен, Лев Александрович Кузьмин-Караваев, Александр Ильич Теряев.

МЕДВЕДСКОВ, Авдей - рядовой 5-го Оренбургского линейного батальона.

Этой фамилией открывается "Список нижним чинам, переведенным из линейного Оренбургского батальона № 5, на которых нет письменных сведений". В списке из 22 фамилий под номером 20-м значится Тарас Шевченко. Таким образом, все поименованные рядовые это те, которые, одновременно с Шевченко, были откомандированы в 1848 на Аральское море - его спутники в трудном походе и сослуживцы по Раимскому укреплению. "Список" датирован сентябрем 1849. Значит, они находились на Арале весь период пребывания там поэта. Отдельные из них (например, Яков Шилуносков) были включены в состав шхуны "Николай".

Перечислим этих людей: Авдей Медведсков, Михей Бутенко, Сезонт Лаптев, Ефрем Буковиков, Терентий Битинев, Степан Ткачев, Афанасий Петров, Яков Шилуносков, Петр Максимов, Михайла Чемерда, Иван Балыкин, Иван Пинюгин, Дмитрий Знаменщиков, Егор Пигохин, Сергей Лиспаев, Николай Внуков, Ларион Богомяков, Сергей Марьин, Алексей Грущенко, Арон Нильский, Михайла Кожевников. (ИЛ, ф.1, д.431).

К названным здесь спутникам Шевченко можно отнести его слова: "Солдат - самое бедное, самое жалкое сословие в нашем православном отечестве. У него отнято все, чем только жизнь красна: семейство, родина, свобода, одним словом, все..." (V, 16).

Это относится и к тем, кто прибыл в Раимское укрепление ранее, а в июне 1848 встречали транспорт уже на правах ветеранов.

"Навстречу нам вышел почти весь гарнизон. Бледные, безотрадные, точно у арестантов, лица. Мне сделалось страшно". ("Близнецы" - VI, 113).

"Подъезжая к Раиму, мы встретили много солдат, шедших небольшими группами встречать своих жен, выписанных Обручевым с мест их жительства и следовавших с нашим транспортом. Один из солдат спросил меня, нет ли в транспорте его жены, с которой он не видался девять лет. Я был смущен его вопросом, потому что несколько дней тому назад она родила на походе; но, после

минутного колебания, решился сказать ему правду. Почтенный служивый вовсе этому не огорчился и, как рассказывали потом, встретил жену и ребенка нежно и ласково, но когда угостил себя с радости водкою, то побил родильницу за неверность, а на другой день опять был к ней добр и нежен". (А. И. Макшеев. "Путешествие по Киргизским степям и Туркестанскому краю", стр.43-44).

Солдатская служба и солдатский быт запечатлены Тарасом Шевченко во многих законченных акварелях, а также зарисовках и эскизах этого периода (т.8, лл. 2, 4, 8, 9, 11, 101, 110, 126, 141, 143, 146, 147 и др.). Как художественно-документальная галерея о русском солдате, работы Шевченко пока еще не анализировались, хотя дают для этого все основания. Более широко должны они использоваться и как яркие иллюстрации солдатского труда в дальних краях России середины XIX века.

МЕДЕМ, Эмилия Богдановна - пассажирка парохода "Князь Пожарский".

Э.Б.Медем была женой титулярного советника М.Н. де Медем, который служил старшим неперменным заседателем в Балахнинском земском суде и являлся одним из акционеров и агентов компании "Меркурий" в Балахне. (ГАНУ, ф.5, 1858, д.172). В краеведческой литературе Эмилия Богдановна упоминается как деятельная участница любительских театральных спектаклей и концертов, пользовавшихся успехом у нижегородцев.

Знакомство ее с Т. Шевченко состоялось на пароходе "Князь Пожарский". Во время стоянки в Спасском Затоне поэт "набрал маленький букет и... преподнес его милейшей баронессе Медем..." Характеристика уточнена словами: "Милая, привлекательная женщина" (V, 125).

МЕЛЬНИКОВ, Павел Иванович, псевдоним Андрей Печерский (1818-1883) - русский писатель, уроженец Нижнего Новгорода.

Ко времени личного знакомства Мельникова-Печерского с Т. Шевченко он приобрел известность как автор повестей "Красильниковы", "Поярков", десятков рассказов, очерков, статей, рецензий. В этот период (1857-1858), являясь руководителем статистической экспедиции министерства внутренних дел, Павел Иванович вновь зачастил в родные места, оставленные в 1852 в связи с переводом в Петербург. Его разъезды дали обширный материал для создания в будущем таких значительных произведений, как романы "В лес ах" и "На горах", посвященные жизни и быту поволжских старообрядцев, нравам купечества.

О встречах Шевченко и Мельникова-Печерского в Нижнем Новгороде нам известно по сообщению сына писателя, А.П.Мельникова ("Сборник в память П.И.Мельникова", изд. Нижегородской ученой архивной комиссии, т.IX, 1910, стр.43) и статье Г.Демьянова "Т. Г. Шевченко в Нижнем Новгороде (1857-1858)", опубликованной в журнале "Исторический вестник" (1893, № 5, стр.337-344).

Процитируем рассказ А.П.Мельникова:

"... По просьбе губернатора Муравьева Шевченку приютил... у себя Шпр<ейдер>с, здесь и произошла встреча Мельникова с знаменитым малороссийским кобзарем. Сначала шел общий разговор, но вот коснулись какого-то исторического события. Заговорил отец. Все мало по малу смолкли, слушали отца. Переходя от одного к другому, отец наконец коснулся истории Малороссии. Он долго говорил, никто его не прерывал, но невзначай взглянул он на Шевченку и невольно замолк в смущении. Тарас Григорьевич зло сверк ал глазами, ноздри его надулись, он тяжело дышал. Произошло невольное замешательство.

- Что ж ты, Мельников, замолчал? - вдруг нервным голосом выкрикнул Шевченко. - Навалил два короба, вали третий.

... Шр-су много хлопот стоило успокоить Тараса Григорьевича. Оказалось, что отец, как ни знаком был с историей Малороссии, но все-таки о чем-то отозвался не так..."

В 1859-60 Шевченко встречался с Мельниковым-Печерским в Петербурге. Об этом сообщается в воспоминаниях Д.Л.Мордовца.

МЕНШИКОВ, Александр Сергеевич (1787-1869) - светлейший князь, русский адмирал; с 1827 - начальник Главного морского штаба, фактический глава морского ведомства Российской империи. Во время Крымской войны являлся главнокомандующим в Крыму, потерпел поражение при Альме и в Инкерманском сражениях.

В энциклопедию имя Меншикова включено в связи с делом от декабря 1850 г. "О сделании замечания капитан-лейтенанту Бутакову за упущение по наблюдению за рядовым Шевченко". (РГАВМФ, ф.283, оп.5, д.51). Собственноручная резолюция адмирала гласила: "объявить строжайший выговор". Ряд документов из этого дела - в кн. "Тарас Шевченко. Документальные материалы до биографии", стр.247-249.

МЕРТВАГО, Павел Степанович - капитан-лейтенант.

После пятнадцати лет службы на Балтийском море, в 1845, Мертваго был уволен, но год спустя поступил на службу в Оренбургский линейный батальон № 2, с переименованием в поручики. В 1847 он начал исследования Аральского моря на шхуне "Николай" и произвел закладку Раимского укрепления. В 1848-50 Мертваго состоял на службе в Неплюевском кадетском корпусе. Впоследствии, вернувшись на флот, дослужился до чина капитана первого ранга. ("Общий морской список", ч.Х, стр.680-681).

Шевченко встречался с Мертваго осенью-зимой 1849-50 гг. в Оренбурге, во время завершения работ описной экспедиции. Мертваго интересовался результатами плавания А. И. Бутакова и его помощников, общался с ними, делился собственными аральскими наблюдениями и в 1847 г. С Бутаковым Мертваго состоял в переписке, о чем свидетельствуют строки из письма Бутакова А. И. Макшееву: "Об убиении зверя я писал графу Цукато и Мертваго..." (ИЛ, ф.1, д.284).

Представляет интерес тот факт, что П.С.Мертваго сам являлся большим любителем живописи. В 1890 в Ташкенте экспонировались на выставке две картины, созданные по его рисункам: "Шхуна "Николай" под парусами в море" и "Десятивесельная шлюпка, везомая на башкирской телеге". (Сообщено Г.Н.Чабровым).

МЕШКОВ, Дмитрий Васильевич (1790-1860) - командир 5-го Оренбургского линейного батальона, капитан, а затем майор.

На военной службе находился в течение 37 лет - с 1820 по 1858, когда был уволен в отставку с чином подполковника и "пенсией полного оклада жалования". Умер 22 октября 1860 ("от болезни") в Оренбурге. По стопам отца пошел его сын, тоже Дмитрий, родившийся в Орской (1842 или 1843), а ко времени смерти Мешкова - юнкер Оренбургского линейного батальона № 2. Вдова, Анастасия Борисовна, небезосновательно жаловалась на "крайне бедное" свое положение. (РГВИА, ф.395, оп.167, д.533).

О прошлом Мешкова известно, что был он "из солдат" (об этом сообщил в своих воспоминаниях М. Лазаревский). Командиром батальона стал незадолго до присылки сюда Шевченко - в апреле-мае 1847. Звание майора ему было присвоено позднее: в документах о назначении Шевченко в пятый линейный батальон и о прибытии его на службу в Орскую крепость Мешков еще значится капитаном. (ИЛ, ф.1, ед.хр.483).

Ко времени доставки Шевченко в Оренбург Мешков находился там же, в штабе корпуса, куда и был препровожден новоявленный рядовой для представления батальонному командиру. (ИЛ, ф.1, д.451). Вероятно, тогда же состоялись и беседы с ним доброжелателей поэта по поводу возможного облегчения его участи. Просьбы должного результата не возымели. "Мешков понял просьбу нашу по-своему: принялся самолично по несколько часов в день мучить бедного Тараса солдатскою выправкой, учебным шагом в три приема и другими тонкостям строевой науки, выбиваясь из сил, чтобы образовать из него хорошего фронтовика..." (К.И.Герн). "Шевченко несколько раз сидел по милости Мешкова на гауптвахте, и вот за что: один раз он просидел сутки за то, что надел белые замшевые перчатки на улице; а в другой за то, что при встрече на улице с Мешковым снял перед ним фуражку правою рукою". (М. М. Лазаревский).

Но Мешкову добиться своего не удалось. "В незабвенный день объявления мне подтверждения, я сказал себе, что из меня не сделают солдата. Так и не сделали... Майор Мешков, желая задеть меня за живое, сказал однажды мне, что я, когда буду офицером, то не буду уметь в порядочную гостиную войти, если не выучусь, как следует бравому солдату, вытягивать носка. Меня, однакож, это не задело за живое..." (V, 23).

Тем не менее Мешков был наказан "за допущение предосудительных послаблений относительно этого преступника". Это произошло после ареста поэта в 1850-м за нарушение запрета писать и рисовать. Точнее вина была охарактеризована в распоряжении командира корпуса начальнику 23-й пехотной дивизии, впервые опубликованном в статье Е.Гаршина "Шевченко в ссылке". ("Исторический вестник", 1886, январь). "Строгий выговор" Мешкову объявили "за несообщение им в 4-й батальон при командировании Шевченка в Раимское укрепление высочайшей конфирмации над ним, что было поводом к тому, что этот рядовой продолжал вести переписку в бытность его в означенном укреплении". С Мешкова же взыскали "прогонные деньги, употребленные по этому делу" следователем - подполковником Чигирем.

Совершенно очевидно, что во время вторичного пребывания в Орской крепости отношение к Шевченко со стороны батальонного командира было еще более жестким.

Желая оправдать себя в глазах начальства, Мешков в декабре 1850 донес о "непозволительных сношениях" между рядовыми А.Ханыковым, И. Завадским, Ф.Грудзинским, В.Докальским, Э.Пожерским, с одной стороны, и прапорщиками П. Гурьевым, П. Невельским - с другой. По его доносам возникло дело о тех, кто ближе других стоял тогда к Шевченко в Орской крепости.

Материалы дела дополняют характеристику Мешкова, как грубого солдафона. А.В.Ханыков, говоря о том, что батальонный командир "дурак, сошел с ума", привел среди других примеров такой: "майор Мешков, ожидая когда-то приезда бригадного командира, оделся в полную форму, надел на голову, вместо каски, женский чепчик и, в таком виде, маршировал по комнате почти целую ночь, а потом брал солдатское ружье, подходил с оным к зеркалу и являлся точно так, как следует являться к генералу на ординарцы..." (РГВИА А, ф.395, оп.287-516, д.70, л.85).

Участники недозволенных встреч понесли наказания. Однако ожидаемого благоволения Мешков не получил. Он был переведен младшим штаб-офицером в 10-й Оренбургский линейный батальон. ("Адрес-календарь Оренбургского края на 1854 год", стр.257). В июне 1854 из батальона № 10 Мешкова перевели в Углицкий егерский полк. (ГАОО, ф.6, оп.12, д.1044, л.132). В марте 1858 его со службы уволили.

Этой статьей мы воспользуемся и для того, чтобы перечислить офицеров 5-го линейного батальона во время командования им майором Мешковым и службы в батальоне рядового Шевченко: капитан Лапин, штабс-капитан Мартынов, поручик Франковский, подпоручики Си маков, Григорьев, Растопчин, Бархвиц, Баландин, Лисюков, прапорщики Алибин, Невельский, Чесноков, Максимов, Сущинский, Юрасов, Киров, Псарский. (ГАОО, ф.6, оп.11, д.1813).

МЕШКОВ, Михаил Федотович - унтерцейхвартер, коллежский ассессор, а в дальнейшем цейхвартер, надворный советник в Новопетровском арсенале. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.224, л.3).

С этим лицом связаны две записи в Дневнике Т. Шевченко.

25 июля 1857 г., записывая об аресте Мостовского, Шевченко расценил его, как результат кляуз "отвратительнейшего надворного советника Мешкова". (V, 84).

28 июля, продолжая думать о дружбе с Мостовским, поэт радовался, что не принял в свое время его предложение поселиться вместе, так как только теперь понял, "какую подлюю кляузу мог вывести Мешков из нашего сожительства". "Теперь только он (Мостовский - Л. Б.) увидел пропасть, от которой его отвел, зная лучше отвратительного надворного советника Мешкова" (V, 90).

Возвращаясь к первой из приведенных записей, можно ее продолжить: "Арест Мостовского ничего больше, как маска. А надворному советнику велено подать в отставку..." (V, 84). К тому времени "прошение" об отставке уже было подано, так как в приказе командира Отдельного Оренбургского корпуса говорилось, что

28 июля "увольняется от службы... цейхвартер Новопетровского крепостного артиллерийского штата, надворный советник Мешков", но - "с награждением чином коллежского советника, с мундиром и с пенсионом полного жалованья". (ГАОО, ф.6, оп.12, д.1 690, л.149).

МЕШКОВА, Варвара Васильевна - жена Мешкова М.Ф. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.223, л.3).

Т. Шевченко упоминает ее, как источник сведений об одном из "событий" в жизни обывателей Новопетровского укрепления: "Сегодня же (16 июня 1857 г. - Л. Б.) милейшая миледи Мешкова сообщила мне, впрочем не по секрету, со всеми подробностями, историю о побоище, происшедшем между будущим тестем и будущим зятем. Из этой истории можно бы выкроить водевиль, разумеется, водевиль для здешней публики". (V, 18).

Впрочем, нечто водевильное было и в жизни Мешковых. Как сдержанно вспоминала А. Е. Ускова: "Мешков - комиссариатский чиновник, был старик, имел молодую жену, об них болтали много". ("Науковий збірник за рік 1 926", т.ХХІ, стр.170).

МЕШКОВСКИЙ, Станислав Мартынович - рядовой 5-го Оренбургского линейного батальона.

Крестьянин Варшавский губернии, Мешковский в 1848 г. был отдан на военную службу за принадлежность к познанским повстанцам. В 1850-м он являлся одним из сослуживцев Шевченко в Орской крепости. На службе в Отдельном Оренбургском корпусе Мешковский на ходился до мая 1857. (ГАОО, ф.172, оп.3, д.229).

МЕЩАНЕ.

Горожане, не записанные ни в одну из гильдий и не принадлежавшие к привилегированным сословиям, относились к мещанам - податному сословию (наряду с крестьянством). Они платили подати, отправляли (до 1874) рекрутскую повинность, до середины 19 в. подвергались телесным наказаниям; принадлежность к сословию была наследственной. Мещане имели право заниматься мелкой торговлей и промыслами, работать по найму. В каждом городе они образовывали мещанское общество, избирали мещанскую управу, которая вела списки мещан, занималась раскладкой платежей и выдавала виды на жительство; во главе управы стояли мещанские старосты.

Выход из мещанского сословия был возможен либо путем поступления на государственную службу (в случае получения образования), либо путем записи в гильдию (при наличии средств).

С лицами мещанского сословия Т. Шевченко общался на протяжении всей своей солдатчины и ссылки. В настоящей энциклопедии они представлены в статьях о Лаврентьеве (Орская крепость), Хлебникове (Оренбург) и др.

Сословные различия, сословные предпочтения Шевченко присущи не были.

МЕЩЕРЯКИ.

Этническая группа, близкая к поволжским татарам-мишарам. В Оренбургском крае составляли значительную часть населения, в т.ч. военного сословия (Оренбургское башкиро-мещерякское войско).

МИЛЛЕР, Генрик - рядовой 1-го Оренбургского линейного батальона.

Происходящий "из неутвержденных дворян Люблинской губернии", Миллер был отдан в 1849 г. на военную службу "за побег за границу и служение в рядах венгерских мятежников".

В 1855 Миллер получил чин унтер-офицера. Увольнение его произошло в 1857, когда он находился уже в 3-м линейном батальоне. В том же году бывший ссыльный выехал на родину, под строгий надзор местной полиции. (В.А.Дьяков. "Деятели русского и польского освободительного движения", стр.111).

Г.Миллер был одним из сотоварищей Шевченко по службе в первом линейном батальоне; поэт общался с ним как лично, в Новопетровском укреплении, так и заочно, пользуясь постоянными связями между Уральском и Мангышлаком.

МИН, Дмитрий Егорович (1818-1885) - доктор медицины, поэт, переводчик Данте, Шиллера и др., член Общества любителей российской словесности.

"Поэт и медик. Какая прекрасная дисгармония, - записал Т. Шевченко в Дневнике, познакомившись с Мином на правах пациента. - У старого друга моего Михайла Семеновича (М. С. Щепкина - Л. Б.) везде и во всем поэзия, у него и домашний медик поэт". (V, 211).

Мин лечил Шевченко в течение нескольких дней. (V, 212). Однако встречались они не только как врач и больной. Их объединяли также литературные интересы. Имя Мина он называет, перечисляя участников пира "московской учено-литературной знаменитости" по случаю новоселья книжного магазина Н.М. Щепкина. (V, 217).

Д.Е.Мин упоминается также в переписке Шевченко с М. С. Щепкиным. (VI, 226).

МИНИЦКАЯ, Олимпиада Ивановна - московская знакомая Т. Шевченко.

Миницкая являлась представительницей семьи, члены которой были близки к прогрессивным литературно-общественным кругам Москвы. И.Ф.Миницкий примыкал к кружку Т.Н.Грановского и являлся многолетним корреспондентом И.С.Тургенева; А.О.Миницкий поддерживал знакомство с семьей А.И.Герцена.

Сама Олимпиада Ивановна, как можно судить и по записи в Дневнике, была близка к семейству Станкевичей.

Миницкая названа в записи "старой знакомой" (V, 214). Это дает право предположить, что знакомство их состоялось еще в сороковые годы. Возобновилось оно на путях возвращения поэта в Санкт-Петербург 19 марта 1858 г.

МИХАЙЛОВ - крестьянин Нижегородской губернии, лоцман парохода "Князь Пожарский".

Общением с Михайловым, его рассказами о Волге и о Степане Разине вызвана дневниковая запись Т. Шевченко 29 августа 1857 г. (V, 112-113).

Имя Михайлова устанавливается на основании "Заметки о Шевченке..." И.Н.Явленского (ПД, ф.265, оп.2, д.3086). Она же, эта заметка, наталкивает на мысль о том, что именно названный крестьянин-лоцман запечатлен Шевченко на портрете, который явно ошибочно публикуется в качестве портрета Т.З.Эпифанова. (т.Х, л.6).

МИХАЙЛОВ, А. - учитель городского училища в Орске.

По свидетельству Г.П.Даценко, в 80-е годы XIX столетия Михайлов собирал сведения об орском периоде жизни Шевченко. ("Киевская старина", 1893, февраль, стр.261). Материалы А.Михайлова биографам поэта неизвестны.

МИХАЙЛОВ, Владимир Алексеевич - прапорщик 1-го Оренбургского линейного батальона.

В Новопетровском укреплении Михайлов служил до середины 1853 г., когда, в чине подпоручика, был переведен в батальон № 3, расположенный в Оренбурге. ("Адрес-календарь Оренбургского края на 1852 год", стр.8; то же на 1853, стр.240; то же на 1854, стр.252). Два года спустя он получил перевод в один из армейских полков и выехал за пределы края.

О знакомстве Шевченко с Михайловым сообщил в своих воспоминаниях Н. Ф. Савичев: "После завтрака, переодевшись на квартире и взяв письма к Ш-о, я пошел к нему в сопровождении прапорщика Михайлова, вызвавшегося указать мне жилище Тараса Григорьевича, и мы пришли в казарму... Когда уже мы подошли... близко, он (Шевченко - Л. Б.) встал, взглянул на меня, потом вопросительно на Михайлова. Последний отреккомендовал меня, сказав: "Вот человек, желающий видеть тебя". ("Казачий вестник", 1884, № 53).

Эти заметки, а особенно их заключительная фраза, дают основания предположить неформальные отношения поэта и офицера.

Об этом же свидетельствуют упоминания имени Михайлова в переписке Шевченко с друзьями.

В январском (1854) письме к Б. Залескому, отвечая на его, неизвестное нам, письмо, поэт писал: "С Михайловым ты виделся мимоходом, и говорил он тебе <о> "Быке с киргизом", и за то благодарю. Дай Бог ему всего того, чего он сам себе желает. ..." (VI, 92). В.А.Михайлов, как уже сказано выше, незадолго перед тем был переведен в батальон, который имел своим центром Оренбург. В том, что речь идет именно о нем, убеждает заметка самого Залеского: "Михайлов - молодой офицерик, перенесенный из Нов опетровска на службу в другое место". ("Листочки до вінка на могилу Шевченка в ХХІХ роковини його смерті", стр.40). Год спустя, в февральском (1855) письме к Залескому, Шевченко просит: "Если увидишь Михайлова, скажи ему от меня, пускай он мне напишет хоть что-нибудь". (VI, 111).

Последний, известный нам, привет от Михайлова Шевченко получил через художника Н.О.Осипова, который по дороге в Крым встретил офицера на одной из почтовых станций и тот с волнением ("язык

прилип к гортани") просил написать о нем поэту, поклониться ему, а сам обещал рассказать о встрече в письме личном. ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр.84).

Наиболее объективной следует считать характеристику, данную Михайлову самим Шевченко в его ответе на письмо Осипова. Вспоминая своего знакомого через три года после отъезда, он оценивает его критически и пишет: "Я очень рад, что случай привел вас уви деть хоть один экземпляр амфибий, между которыми я прозябаю столько лет. Но заметьте, что вы видели лучший экземпляр. Экземпляр, одушевленный чем-то походящим на мысль и чувство.

Доказательство, что он из линейного батальона переведен в армию. Это самая блестящая рекомендация. Но если бы вы увидели однородных с ним... Нет, Боже вас сохрани..." (VI, 129).

Все приведенные выписки относятся к одному лицу - молодому офицеру В.А.Михайлову, и это должно учитываться комментаторами, которые иногда склонны видеть за ним лиц разных.

МИХАЙЛОВ, Константин Иванович - старший адъютант штаба Отдельного Оренбургского корпуса, штабс-капитан.

Подпись Михайлова значится под перепиской 1849 г. о прикомандировании Шевченко к описной экспедиции А. И. Бутакова "для окончательных работ по описи Аральского моря". (ИЛ, ф.1, д.406; ГАОО, ф.173, оп.11, д.195).

МИХАЙЛОВ, Лев Андреевич - командир 1-го Оренбургского линейного батальона, майор.

На этом посту Михайлов находился до 1853 года; после него батальонным командиром стал Г.И.Львов. ("Адрес-календарь Оренбургского края на 1852 год", стр.7; то же на 1853-й - стр.224; то же на 1854-й - стр.250).

Михайлову было адресовано донесение коменданта Новопетровского укрепления Маевского о прибытии Шевченко на Мангышлак 17 октября 1850. В свою очередь, именно он доложил о том же командиру 23-й пехотной дивизии.

Весной 1852 майор Михайлов совершил инспекторскую поездку в Новопетровское укрепление; о ней рассказал в своей статье Н. Ф. Савичев. ("Казачий вестник", 1884, №№ 53 и 54).

В некоторых книгах значащая вместо фамилии Михайлова буква "М" расшифровывается как Михальский, но это совершенно необоснованно (А.Ведмицкий. "Т. Шевченко в оренбургской ссылке", стр.125).

Следует сказать, что даже Савичев, приглашенный в поездку "для компании" не кем иным, а Михайловым, не нашел и слова, чтобы хоть как-то смягчить в своем рассказе полное безразличие батальонного командира к судьбе Шевченко.

МИХАЙЛОВ, Михаил Ларионович (1829-1865) - русский поэт.

Внук крепостного, сын чиновника, получившего на склоне лет дворянство, Михайлов навсегда запомнил виденное и слышанное в родном ему Оренбургском крае. Он никогда не забывал, что дед его "умер, не вынеся позора от назначенного ему незаслуженного телесного наказания". "Такие воспоминания не истребляются из сердца", - писал Михайлов позднее.

С юных лет включился он в круг общественных интересов. В Петербургском университете юноша познакомился с молодым Чернышевским, затем стал сотрудничать в "Современнике", а уже к середине пятидесятых годов был широко известен как автор вольнолюбивых стихов и переводов.

С каждым годом его голос звучал все громче, призывнее. Укрепляя связи с революционными демократами, Михайлов, вместе с ними, гневно разоблачал душителей свободы и звал народ на борьбу: "Не жди, чтоб счастье и свобода к тебе сошли из царских рук". Подготовке к действиям - активным, революционным - служили прокламации, за выпуск которых взялись Чернышевский, Михайлов и их единомышленники. Особой взрывчатой силой обладала прокламация "К молодому поколению", содержащая резкую критику реформ 1861, непримиримое осуждение самодержавия, призыв к собиранию сил для борьбы.

Именно эта листовка и явилась непосредственным поводом к аресту М.Л.Михайлова. Приговоренный к каторге, он умер в Сибири, до последних дней пером своим продолжая сражаться за дорогие сердцу идеалы. (М.Михайлов. "Стихотворения". Чкаловское издательство. 1951. Вступительная статья П.С.Фатеева, стр.5-128).

Заочное знакомство Т. Шевченко с Михайловым произошло в 1856, когда он, в числе других литераторов, принял предложение журнала "Морской сборник" исследовать быт жителей, занимающихся морским делом и рыбной ловлей, в связи с чем выехал на родину - в Оренбургскую губернию. Первым пунктом его длинного маршрута стала Уфа. (Н.Мещерский. "М.Л.Михайлов и его литературная командировка в Оренбургский край". Альманах "Степные огни", 1941, стр.152-181).

В Уфе в то время находился Э.Желиговский, там бывал Б. Залеский. Друзья Шевченко и способствовали возникновению заочной связи двух поэтов.

"Варнак", приготовленный к печати, то есть переписан, остался у Сова, вместе с принадлежащим ему экземпляром - он этого желал, потому что хотел передать его Михайлову, одному из теперешних писателей, с которым он очень хорош, и который пишет во многих их журналах, - писал Б. Залеский в Новопетровское укрепление 18 сентября 1856. - Когда я был в Уфе, его там не было, и потому "Варнак" остался на попечении Сова; ему там будет хорошо..." ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр.90-91).

Можно предположить, что именно во время этой командировки возник у Михайлова (или укрепился в нем) интерес к творчеству Шевченко. Этот интерес нашел выражение в переводе трех стихотворений украинского поэта ("Іван Підкова", "До Основ'яненка", "Заповіт"). Михайлову принадлежит критико-библиографическая статья о "Кобзаре" (1860). Главным достоинством Шевченко автор статьи считал "силу поэтического чувства, глубокое сердечное понимание лишений и нужд, печалей и радостей народных". С волнением писал он о горькой судьбе поэта.

К тому времени уже состоялось их личное знакомство в Петербурге. О таком знакомстве имеются косвенные сведения в воспоминаниях Г.Малецкого, записанных В.Л.Левицким ("Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников", стр.335-336), в записке скульптора М. О.Микешина к М.Л.Михайлову (цитируется в той же книге, стр.465), в письме А.Г.Маркеловой ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр.148).

Но гораздо важнее факта их личного знакомства является бесспорная идейная близость этих людей, принадлежность того и другого к боевому стану демократов, участие в общем деле - борьбе за освобождение трудового народа.

МИХАЛЬКО, Яков Тимофеевич - рядовой 5-го Оренбургского линейного батальона.

Вместе с другими галицийскими украинцами (Дарчюком И.И., Маслоком П.Т., Чемердой М.Л.), Михалько прибыл в Орскую крепость в мае 1846 г. и служил в одной роте с Шевченко в 1847-48 и 1850 гг. Отправленный в солдаты "за нахождение с давнего времени в бегах", он находился в пятом батальоне под особым надзором начальства. (ИЛ, ф.1, д.437).

МИХАЛЬСКИЙ, Алексей Григорьевич - подполковник, штаб-офицер 1-го Оренбургского линейного батальона, в 1857 г. исполнявший должность его командира.

Еще в 1829 г. он стал кавалером ордена Св.Анны 4-й степени, в 1841 удостоился знака отличия за 15 лет службы (т.е. офицерское звание получил в 1826), предыдущий чин - майора - был ему присвоен в 1843. ("Список майорам по старшинству", СПб, 1848).

Вся служба Михальского протекала в отдаленных местах Российской империи. В предыдущие десять лет (после 1847) Михальский был начальником Оренбургского укрепления (ГАОО, ф.172, оп.3, д.98, лл.3-4), младшим штаб-офицером линейного батальона № 2 ("Адрес-календарь Оренбургской губернии на 1851 год", стр.251).

Подпись Михальского значится под предписанием от 26 июня 1857 об освобождении Шевченко от службы и отправке его "к батальонному штабу в город Уральск". Как известно, комендант Новопетровского укрепления майор Усков на свой страх и риск разрешил уволенному от службы "рядовому" выехать в Петербург через Астрахань, минуя Уральск. Его действия вызвали гнев Михальского. "Этот скотина Михальский, заведывающий в отсутствие Львова

батальоном, наплел галиматью насчет вашего увольнения и через это подверг меня большим неприятностям", - писал И. А. Усков 7 января 1858 г. ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр.120).

Имя Михальского в наследии поэта не упоминается, но волнение, в которое поверг его подписанный сим батальонным приказом, нашло выражение и в Дневнике, и в письмах. "Новопетровский комендант по моей просьбе выдал мне пропуск прямо в Петербург, а кома ндир батальона, мой ближайший начальник, обиделся распоряжением Ираклия Александровича и уведомил нижегородского полицмейстера, чтобы меня задержать и прислать в г.Уральск для получения указа об отставке с какими-то ограничениями". (VI, 173).

"Отвратительное положение", "гнусное положение" - так характеризует Шевченко свою жизнь сразу после освобождения в результате тяжбы, затеянной Михальским и другими недругами поэта.

МОДЕСТОВ, Николай Николаевич - член Оренбургской ученой архивной комиссии, священник.

Модестов - автор статей "Т. Г. Шевченко как бытописатель и историк Оренбургского края" ("Труды Оренбургской ученой архивной комиссии", вып.33, 1916, стр.155-163) и "К вопросу о надписи на доме Кутиной в память Т. Г. Шевченко" ("Труды...", вып.35, 1917, стр.213-218). Эти статьи, представляющие собою преимущественно сводку ранее опубликованных печатных сообщений о пребывании поэта в Оренбургском крае, сыграли положительную роль в увековечении его памяти в Оренбурге.

Несомненный интерес представляют не учтенные шевченковедами работы Н.Н.Модестова об Оренбурге и его деятелях середины XIX века. Среди них, прежде всего, надо назвать книгу "Бывший префект Гродненской гимназии, иеромонах Доминиканского ордена Кандид Зеленко в Оренбурге" (Оренбург, 1913), содержащую много ценных сведений как о ксендзе М.Ф.Зеленко - добром знакомом украинского поэта, так и об атмосфере Оренбурга того времени. Следует отметить также книгу "Магистр философии Фома Карлович Зан в Оренбурге". ("Труды Оренбургской ученой архивной комиссии", вып.35, 1917).

МОКРИЦКИЙ, Аполлон Николаевич (1811-1871) - русский художник.

Получив первоначальное образование в Нежинской гимназии высших наук, Мокрицкий обучался далее в Академии художеств, являясь здесь одним из учеников К. Брюллова. За свои успехи он получил серебряную медаль и право выехать в Рим, дабы совершенствоваться в искусстве живописи. В 1849 его удостоили звания академика. В 50-е годы Мокрицкого избрали профессором Училища живописи, ваяния и зодчества в Москве. Большинство работ художника - картины на исторические, библейские сюжеты, а также портреты.

Знакомство Т. Шевченко с А. Мокрицким относится к периоду их совместной учебы в Академии художеств. Теплые отзывы о нем, как о добром знакомом и приятеле, мы находим в повести "Художник" (VI, 158, 170); есть упоминания об этом человеке и в переписке того времени (VI, 126; "Листи до Т. Г. Шевченка", стр. 19). Мокрицкий участвовал в хлопотах, связанных с выкупом Шевченко из крепостной неволи. Об этом свидетельствуют, в частности, записи из его дневника. ("Дневник художника А. Н. Мокрицкого" - изд. "Изобразительное искусство", М., 1975).

Повесть "Художник" свидетельствует о том, что Шевченко о Мокрицком помнил и в годы неволи. Оказавшись в марте 1858 в Москве, он не преминул восстановить давнюю дружбу. "... Заехали мы (с М. С. Щепкиным - Л. Б.) в школу живописи, к моему старому приятелю А. Н. Мокрицкому, - записал поэт в Дневнике 18 марта 1858. - Старый приятель не узнал меня. Немудрено, мы с ним с 1842 года не видались". Два дня спустя визит повторился: "Отдохнул у него, полюбовался эскизами незабвенного друга моего, пок ойного Штернберга..." (V, 213, 214).

Надо полагать, что встречи происходили и в другие дни. Во время одной из них поэт свиделся со своим новопетровским знакомым Н. Ф. Савичевым.

С Мокрицким Шевченко встречался и в Петербурге. (V, 232). В Петербурге же он бывал у брата художника - чиновника И. Н. Мокрицкого и его жены, М. Л. Мокрицкой (урожденной Свичка). Все они выказывали ему внимание до конца жизни, а затем были среди тех, кто провожал поэта в последний путь.

МОЛЧАЛИН, А. - см. Жуйков А. Г.

Толкование упоминания "Молчалин А." в дневниковой записи Т. Шевченко от 15 июня 1857 г. (V, 17) дано в статье о Жуйковой О. П.

МОМБЕЛЛИ, Николай Александрович (1823-1902) - активный участник общественного движения 40-х годов XIX столетия.

Сын отставного офицера и сам с девятнадцати лет офицер, Момбелли в 1846-1847 гг. явился организатором кружка в лейб-гвардии Московском полку, а в 1848, когда встречи на его квартире, по настоянию начальства, были прекращены, стал постоянным участником кружка М. В. Буташевича-Петрашевского, причем принадлежал к числу тех, которые последовательно отстаивали необходимость революционных действий. (Подробно об этом - в книге В. Г. Вержбицкого "Революционное движение в русской армии", с тр. 195-204).

Как один из наиболее активных петрашевцев, Момбелли в декабре 1849 был приговорен к расстрелу, замененному лишением всех прав состояния и пятнадцатилетней ссылкой на каторжные работы.

"Когда... я был освобожден из каторжных работ, с переименованием меня в рядовые без выслуги, - рассказывал он впоследствии, - то мне пришлось странствовать, совершая передвижения по этапу из одной части войск в другую, так как куда меня не пересылал и, везде я оказывался как бы лишним. Из укрепления Орского меня перевели в Оренбург; в 1857 году, по ходатайству моих родных, мне удалось попасть на Кавказ, рядовым в Апшеронский пехотный полк". (Н. П. Хитрово. "Воспоминания об одном из петрашевцев". "Русская мысль", 1909, июль, стр. 88-108).

Из приведенного выше свидетельства становится ясным, что Н.А.Момбелли служил в том же Отдельном Оренбургском корпусе, что и Шевченко, причем в тех же местах, через которые прошел украинский поэт. Встретиться здесь они не могли, но обоюдный их интерес друг к другу сомнений не вызывает.

Этот интерес возник еще в сороковые годы (1844-1845), когда Момбелли не раз встречал Шевченко на вечерах у писателя Е.П.Гребинки и смог сделать для себя вывод, что это "истинный поэт, поэт с чувством, поэт с воодушевлением". После ареста Шевченко, вместе с членами Кирилло-Мефодиевского товарищества, Момбелли с одобрением писал о планах "малороссийских патриотов": "С восстанием... Малороссии зашевелился бы и Дон, давно уже недовольный мерами правительства. Поляки тоже воспользовались бы случаем. Следовательно, весь юг и запад России взялся бы за оружие". ("Воспоминания о Тарасе Шевченко", К., 1988, стр.214).

Момбелли, как свидетельствуют его ответы на допросе после ареста ("Дело петрашевцев", т.1, М., изд-во АН СССР, 1937, стр.329), не раз подтверждал свой интерес к деятельности и судьбе Шевченко. Конечно, петрашевец знал о месте солдатской службы поэта Украины, а, возможно, и получал известия о его жизни в Оренбургском крае. В пользу этого говорят, например, знакомство и, вероятно, переписка - приятеля Шевченко С.П.Левицкого со связанным с Момбелли магистром математики Н.А.Головко.

Тем более значителен факт одновременной службы Шевченко и Момбелли в линейных батальонах Оренбургского корпуса.

МОРДВА.

Первое письменное упоминание о племенах с этническим названием мордва датируется VI веком. Место их компактного жительства искони являлось междуречье Оки, Суры и Средней Волги. С XII в. мордва (обе ее основные финноязычные ветви - эрзя и мокша) вступает в тесные контакты с русскими; эти контакты непрерывно крепнут, народы сближаются.

Мордва - один из народов, увиденных и узнанных Т. Шевченко во время пребывания в Отдельном Оренбургском корпусе, а затем на Волге и в Нижнем Новгороде.

МОСТОВСКИЙ, Мацей Валентьевич - штабс-капитан Оренбургского артиллерийского округа в Новопетровском укреплении.

Родился в 1805 году, в семье дворян Калишского воеводства Валентия и Иустины Мостовских. В 1826 вступил в Польскую армию - ракетником артиллерийской батареи; два года спустя был произведен в унтер-офицеры четвертого класса. Участвовал, вместе с войском, в вооруженной борьбе, но часть потерпела поражение, а он попал в русский плен. После глубоких раздумий Мостовский принял решение: снова вернуться в строй, однако на этот раз - Российской армии. В 1833 его произвели в фейерверкеры. Служил в

Казани, Оренбурге, Орской крепости. За отличие по службе получил чин прапорщика (это произошло 15 июня 1844). Перед тем претендент на офицерское звание держал экзамен. В архивном деле сохранился экзаменационный лист от 4 апреля 1844. По большинству предметов ("краткий катехизис, правильное чтение печатных книг и рукописей, умение писать по правилам грамматики и четко под диктовку... арифметика до тройного правила включительно... воинские уставы...") комиссия дала соискателю по 9-10 баллов.

Подписи членов комиссии скрепил римско-католический священник Зеленко. Новоиспеченный прапорщик был назначен в Орский артиллерийский гарнизон. (РГВИА, ф.395, оп.150, д.154, лл.1-1 об., 6-7, 9, 12).

Сведения о последующей службе менее документированы. В "Адрес-календаре Оренбургского края на 1852 год" он значится подпоручиком, заведующим артиллерийскими чинами и имуществом в Оренбургском укреплении (стр.22), в "Календаре Оренбургского края на 1853 год" в той же должности, но уже поручиком (стр.241). Таким образом, в Новопетровское укрепление Мостовский был переведен не ранее 1853 года. В этом убеждает и упоминание его имени в письме Шевченко к Б. Залескому, относящемся к 5 февраля 1854 г. Уже здесь встречаем самые сердечные слова о Мостовском: "это один-единственный человек, с которым я нараспашку". (VI, 90).

К этому времени и следует отнести рождение дружбы офицера-поляка и опального украинского поэта. На первых же страницах Дневника Т. Шевченко пропел этой дружбе истинно-взволнованный гимн:

"Мостовский один-единственный человек во всем гарнизоне, которого я люблю и уважаю. Человек не сплетня, не верхогляд, человек аккуратный, положительный и в высокой степени благородный. Говорит плохо по-русски, но русский язык знает лучше воспитанников Неплюевского корпуса. Во время восстания поляков в 1830 году служил он в артиллерии бывшей польской армии и из военнопленных зачислен был рядовым в русскую службу. Я много от него слышал чрезвычайно интересных подробностей о революции 1830 года. Достоин замечания то, что поляк рассказывает о собственных подвигах и неудачах без малейших украшений... Одним словом, Мостовский - человек, с которым можно жить". (V, 17-18).

Мостовский, как и Шевченко, служил в Орской крепости. Служба их протекала в разное время (Мостовский, как мы убедились, был там раньше), но многое в воспоминаниях было у них общим. "... Мы... перенесли наш разговор на Орскую крепость, как ему, так и мне хорошо памятную. И Мостовский своим неживописным слогом так живо описывал эту неживописную пустынную крепость, что я заслушался его". (V, 73).

Уже в Астрахани, мысленно провожая лодку, которая возвращалась к берегам Мангышлака, поэт записывал: "Поклонитесь от меня коменданту и благородному Мостовскому. И больше никому". (V, 100).

"Старый незабвенный друг", Мостовский со страниц Дневника и писем предстает перед нами во всем многообразии характера, и мы понимаем, почему уже в начале их дружбы Шевченко увидел в нем "настоящий клад", хотя и был этот человек "без всякого понятия о прекрасном". (V, 48, 60, 84, 89, 95, 99, VI, 180, 207, 219).

Приходится пожалеть, что не сохранились (или не выявлены) возможные дары Мостовскому от Шевченко-художника. И уж, конечно, к числу найденных портретов, принадлежащих его кисти, надо отнести портрет Мацея Мосто вского, с которым Тарас Григорьевич проводил особенно много времени. "Мостовский, - вспоминала А. Е. Ускова, - был одним из немногих, с кем Шевченко любил вести шуточный разговор. Мостовский был артиллерист, кажется, в чине капитана, старый холостяк, очень добродушный человек". ("Науковий збірник за рік 1926", т. XXI, стр. 169).

М.В.Мостовский оставался в Новопетровском укреплении и после отъезда своего друга. Но в "Адрес-календаре Оренбургского края на 1861 год" указывается уже другое место его службы: форт № 1 (бывш. Раимское укрепление). Штабс-капитан Мостовский коман довал там "1/4 роты № 3" (стр.73). Как сложилась его судьба дальше - неизвестно.

МОЧАЛОВА, Настасия Никитична (урожденная Данилова) - актриса Нижегородского театра.

Свой сценический путь начала в Москве, после чего в течение многих лет работала на периферии. Выйдя замуж за актера И.Л.Мочалова, выступала в Одессе. Среди образов, созданных там, - Мирандолина, Дездемона, Офелия и другие. После смерти мужа оставила одесскую сцену и

некоторое время не работала. В 50-х гг. приехала в Нижний Новгород, где играла роли пожилых героинь и гранд-дам.

Т. Шевченко видел ее на сцене Нижегородского театра. Записывая впечатления о первом же просмотренном им спектакле ("Суд людской - не божий" А.Потехина), он отметил: "Г.Мочалова, независимо от своей бедной натянутой роли, мне понравилась. У ней есть движения настоящей артистки". (V, 144-145).

МУРАВСКИЙ, Игнатий Францевич - младший врач 45-го флотского экипажа в Астрахани.

Питомец Киевского университета, он (род. в 1824) по окончании в 1854 г. медицинского факультета был направлен в Севастополь, где участвовал в героической обороне этого города и других сражениях Крымской войны.

Муравский одним из первых встретил Т. Шевченко в Астрахани в августе 1857 и сразу же ввел ее в круг земляков.

МУРАВЬЕВ, Александр Николаевич (1792-1863) - Нижегородский генерал-губернатор.

Участник Отечественной войны и кампании 1813-1819 годов, полковник Генерального штаба, вышедший в отставку, он стал одним из основателей "Союза Спасения" и "Союза Благоденствия", но впоследствии, после женитьбы, от тайного общества отстал и, будучи и после восстания на Сенатской площади арестован, проявил раскаяние. В связи с этим Муравьева осудили только по шестому разряду, сослав в Якутск без лишения дворянства и чинов. В 1828 его назначили городничим в Иркутск; в 1831-1832 он служил там же председателем губернского правления. В последующие годы Муравьев занимал посты тобольского губернатора, председателя Вятской и Таврической казенных палат, архангельского губернского правления. От этой должности в 1839 его уволили в связи с делом о неповиновении крестьян. Однако в 1843 служебная деятельность Муравьева возобновилась. Сначала он был назначен членом Совета министерства внутренних дел, а в 1855 - нижегородским губернатором.

Весьма деятельно участвовал бывший декабрист в подготовке реформы 1861. При поддержке либеральной части дворянства ему удалось добиться того, что нижегородские дворяне первыми в России изъявили согласие немедленно образовать Комитет по "устройству и улучшению быта помещичьих крестьян". На первом заседании Комитета Муравьев произнес речь, в которой призывал оправдать "надежды царевы, надежды отечества, надежды 25 000 000 обоюбого пола братьев наших, ожидающих возвращения утраченных ими прав гражданской жизни и достоинства человека". Его речь жандармский офицер назвал в секретном донесении III отделению "возмутительной прокламацией".

Об этой-то речи мы находим похвальные отзывы в Дневнике Т. Шевченко. (V, 203). Интерес поэта к Муравьеву отражен и в других записях. (V, 186-187).

МУРЧИСОН, Родерик Импи (1792-1871) - английский геолог, по четный член Петербургской Академии наук (с 1845).

В 1840-41 гг., вместе с французским и русским коллегами, совершил путешествие по России и составил региональное описание геологии европейской части России и Урала в двух томах. (СПб, 1849).

В повести "Близнецы" Т. Шевченко рассказал о земляке, сообщившем его герою "самые дельные сведения о берегах и островах Аральского моря, - такие сведения (в геологическом отношении), за сообщение которых сам Мурчисон сказал бы спасибо".

"Вокруг Шевченко" в эти годы были не только те, с кем он общался и кого знал лично, но и люди, о которых услышал в разные периоды своей неволи.

МУСИН-ПУШКИН, Михаил Николаевич (1795-1862) - председатель Петербургского цензурного комитета, куратор столичного учебного округа, тайный советник.

Возглавлял работу по запрещению и изъятию произведений Т. Шевченко из библиотек и магазинов, а также любых упоминаний о них в газетах. ("Тарас Шевченко. Документи та матеріали до біографії", К., 1982, стр.137-138, 150-151).

МХИТАРОВ, Миней Мхитарович - священник Астраханской армяно-григорианской церкви.

Описывая именины у коменданта Маевского, которые состоялись в 1852 г., Н. Ф. Савичев вспоминал: "Шевченко сиял. Мы сидели с ним по обе стороны армянского священника, приехавшего для исполнения христианских треб к жившим в укреплении армянам. Это б ыл замечательно умный и образованный человек, не католик, а григорианец и говорил по-русски в совершенстве. Шевченко прилепился к нему; в свою очередь и священник очень заинтересовался Тарасом Григорьевичем. Мне было чего послушать и вблизи и около". ("Казачий вестник", 1884, № 54).

Имя священника устанавливается на основе памятных книжек Астраханской губернии и записей в метрических книгах церкви.

НАГАЕВ, Григорий Николаевич - прапорщик 1-го Оренбургского линейного батальона. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.234-а).

Военное образование Нагаев получил в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе. "Что же посредственные и худшие воспи танники, если лучший из них безграмотный и вдобавок пьяница? Проклятие вам, человекоубийцы - кадетские корпуса!" (V, 154).

В 1-й линейный батальон он был назначен сразу по окончании кадетского корпуса и производстве в прапорщики; это произошло в сентябре 1853. (ЦГА Башкортостана, ф.2, оп.1, д.15216).

Шевченко познакомился с Нагаевым в Новопетровском укреплении и сошелся ближе, чем с другими. (V, 24). Об этом свидетельствует уже то, что Нагаев стал переписчиком шевченковской повести "Матрос" ("Прогулка с удовольствием и не без морали"). Правда, весьма неудачным, и Шевченко, просматривая рукопись, не переставал "ругать безграмотного переписчика, пьяницу прапорщика Нагаева". (V, 155).

В те дни, приказом по Отдельному Оренбургскому корпусу от 12 июля 1857 г., "Нагаев-1-й" был произведен в подпоручики. (ГАОО, ф.6, оп.12, д.1690, л.149).

Справка о военной службе

Со времени Петра I прохождение военной службы начиналось с рядового, через последовательное производство сначала в унтер-офицерские и лишь затем в первый обер-офицерский чин. Все военнотружасящие разделялись на отбывающих рекрутскую повинность (распространяющуюся на лиц податных сословий) - т.н. сдаточных, т.е. сданных в рекруты, и на поступивших в службу по доброй воле (с целью достижения чинов или совершения военной карьеры) - вольноопределяющихся, или ох отников. По уставу все военнотружасящие могли достигнуть офицерских чинов; разница в сословной принадлежности сказывалась лишь в порядке поступления на службу и сроках производства. Однако на практике в дореформенной России получение первого офицерского чина недворянами было весьма затруднено.

Сразу в офицерском чине зачислялись на службу только выпускники Пажеского и кадетских корпусов. Основным же путем достижения первого офицерского чина (в гвардии, где все чины считались двумя классами выше армейских, - чин сержанта) для дворянских недорослей 18 в. стала запись в младенчестве в полк с поступлением на действительную службу уже в старших унтер-офицерских чинах на короткий срок, после чего следовало производство в офицеры. Павел I пресек этот порядок, потребовав явки всех зап исанных в полки на действительную службу. В начале 19 в. существовал порядок, по которому дворяне производились в унтер-офицеры после 3 месяцев службы рядовыми, а недворяне - после 4 лет. Затем дворяне производились в юнкера, а недворяне - из младших унтер-офицеров в старшие, потом в фельдфебели (в кавалерии - вахмистры). Установленных сроков для производства в офицерские чины не было.

Производство осуществлялось по старшинству службы в зависимости от наличия вакансий, появившихся в полку или отдельном батальоне (в соответствии со штатом). При этом дворян принимали в унтер-офицерские должности без вакансий, сверх штата, а недвор ян - только на вакансиях. По старшинству и на вакансии производили и в обер-офицерские чины. При открывшейся вакансии в первый обер-офицерский чин (прапорщика, корнета) производили старшего из унтер-офицеров дворян, пробывшего в службе 3 года, и лишь если такого не находилось, то старшего из "обер-офицерских детей", пробывшего в унтер-офицерах 4 года, из церковников, подьячих и солдатских детей - пробывшего 8 лет, а из рекрутов - 12 лет. Т.о., достижение офицерского чина для рекрута из сд аточных на практике оказывалось возможным лишь во время войны или на окраинах (например, на

Кавказе), в условиях больших потерь среди командного состава и в частях, не привлекавших дворян. С 1829 унтер-офицеры не из дворян стали получать за отказ от офицерского чина (выслуженного по закону) 2/3 оклада прапорщика, причем пенсия при отставке устанавливалась в размере жалования (если прослужил в унтер-офицерском звании 5 лет сверх 12-летнего срока); многие охотно пользовались этим правом.

Производство в следующие обер-офицерские и штаб-офицерские чины шло также "по линии", т.е. по старшинству и на вакансии, причем для штаб-офицерских чинов "линии" рассчитывались в целом по родам войск (по пехоте, по драгунским полкам, по кирасирским полкам и т.д.). Сроки производства не оговаривались. Производство в генеральские чины осуществлялось только по "высочайшему усмотрению".

(По материалам справочного приложения к т.2 энциклопедического словаря "Русские писатели").

НАЗАРОВ, Аким Власович - начальник Гурьева-городка, есаул Уральского казачьего войска. С 1851 г. - войсковой старшина; в 1853-м и последующих годах, выйдя в отставку, служил "смотрителем за войсковыми лесами".

(ГАОО, ф.6, оп.11, д.1078; "Адрес-календарь Оренбургского края на 1854 год", стр.276). К тому времени за плечами у него было тридцать лет офицерского стажа и почти сорок - пребывания на службе в войске. (РГВИА, ф.405, оп.6, д.7441, л.6 об.-7).

В октябре 1850 Назаров встретил в Гурьеве, принял на два-три дня и отправил далее, в Новопетровское укрепление, "доставленного при отношении командира линейного Оренбургского батальона № 1... рядового из политических преступников Тараса Ш евченко". Подпись Назарова значится под двумя документами о проследовании поэта-рядового на Мангышлак. ("Тарас Шевченко. Документи та матеріали". К., 1982, стр.244-245).

НАЛИВАЙКО, Александр - младший врач Астраханской строевой ластовой роты.

Его, сослуживца Ф.Чельцова, вместе с медиками 45-го флотского экипажа Макогоном и Бойко (сослуживцами С.Незабытовского и И.Муравского), можно, предположительно, считать участниками дружеских встреч Т. Шевченко с земляками, состоявшихся в первые дни после освобождения поэта от солдатчины.

НАЧАЛЬНИК ШТАБА - см.Фантон де Веррайон М.Л.

Упоминается в письме Т. Шевченко к Б. Залескому, написанном в начале 1854 года; речь идет о коллекции картин, которая состояла из копий, выполненных преимущественно самим Фантон де Веррайоном. (VI, 89).

НАЧАЛЬНИК ШТАБА - см.Бутурлин И.И.

К вопросу о том, кого называет Т. Шевченко в письме к Б. Залескому от 25 сентября 1855 года. (VI, 121). Речь идет уже не о М.Л.Фантон де Веррайоне, тоже коллекционере, а о его преемнике И.И.Бутурлине.

НЕБОЛЬСИН, Павел Иванович (1817-1893) - этнограф, статистик, литератор.

Небольсин родился в дворянской семье Нижегородской губернии. Учился в Петербургском университете. По окончании курса наук отправился на несколько лет с научными целями в Восточную Сибирь. По возвращении оттуда, приняв поручение Русского Географического общества, одним из основателей которого являлся, предпринял в 1850-51 гг. путешествие в казахские степи и

прикаспийские области для исследования, прежде всего, торгово-промышленных сношений России со Средней Азией. Результаты путешествий наш ли отражение в книгах "Рассказы проезжего" (1854) и "Очерки торговли России с Средней Азией" (1855). В дальнейшем продолжал свою научную и литературную деятельность, преподавал географию и статистику.

Находясь в Оренбургском крае, Небольсин был близок к В.А.Перовскому и его окружению, в которое входили А.М.Жемчужников, И.Ф.Бларамберг и другие. (П.П.Жакмон. "Из воспоминаний оренбургского старожила". "Исторический вестник", 1905, апрель, стр.80). Судя по его книгам, он выезжал в самые отдаленные места губернии, в том числе на Мангышлак, где находился Т. Шевченко.

Таким образом, Шевченко мог знать о Небольсине не только по его очеркам в журналах (в частности, "Библиотеке для чтения") или по книгам, вышедшим в 1854-55, но и по сведениям, полученным от оренбургских знакомых, а, возможно, и собственным впечатлениям.

Это дает возможность глубже прочесть строки из дневниковой записи от 12 июля 1857: "... Не знаю чем восхищается в уральцах этот статистико-юмористик и вдобавок враль Небольсин?.. Грязнее, грубее этих закоренелых раскольников я ничего не знаю... А помянутый враль в восторге от их общежития и мнимого гостеприимства... Бессовестны, вредны и подлы, наконец, такие писатели". (V, 63).

Шевченко явно не по душе идеализация консерватизма и вообще худших черт уральского казачества - это во-первых. Человек принципиальный, честный, прямой, он не терпит верхоглядства и лжи - это во-вторых. Личные впечатления об авторе позволяют лучше разобраться и в недостатках его литературного труда.

Встречался ли Шевченко с Небольсиным в Петербурге - неизвестно, но подписи их значатся в одном и том же списке лиц, выразивших в "Русском вестнике" негодование по поводу клеветнической антисемитской статьи журнала "Иллюстрация". (VI, 355).

НЕВЕЛЬСКИЙ, Павел Александрович (1828-1853) - прапорщик 5-го, а затем подпоручик 1-го Оренбургского линейного батальона.

По окончании 1-го Московского кадетского корпуса, в звании прапорщика, Невельский в 1848 г. был направлен для прохождения службы в 5-й линейный батальон Отдельного Оренбургского корпуса. (ГАОО, ф.6, оп.10, д.6057-б, лл.51-62). В Орской крепости он установил дружеские связи с рядовыми из "политических преступников" - петрашевцем А.В.Ханыковым, поляками И. Завадским, Э.Пожерским и В.Докальским. По доносам командира батальона майора Мешкова, против Невельского и его сослуживца прапорщика П.Ф.Гурьева, а вместе с ними - против названных рядовых, было возбуждено судебное дело. Все участники группы оказались разосланными по разным, весьма отдаленным, местам. Невельского, у которого к тому же обнаружили "недозволенные бумаги", перевели в линейный батальон № 1. (РГВИА, ф.395, оп.287/516, д.70; ГАРФ, ф.109-и, д.82). Умер Невельский в возрасте 25 лет 27 октября 1853 в Новопетровском укреплении. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.234-а, лл.21-22).

Знакомство Т. Шевченко с Невельским относится к июню-сентябрю 1850, когда поэт снова оказался в Орской крепости. Его прибытие не могло не привлечь внимания людей, объединенных идеями свободолюбия, хотя говорить о прямой причастности Шевченко к их кружку документальных оснований нет. Не вызывает сомнений, что о судьбе орского кружка он мог узнать раньше и подробнее всего именно от Невельского, который в недалеком будущем также оказался на Мангышлаке.

Нельзя не обратить внимания на одну из записей в Дневнике Т. Шевченко, имеющих, пожалуй, прямую связь с делом, разыгравшимся в 1850-51 в Орской крепости: "... он (Мостовский - Л. Б.)

благодарил меня за навещение и еще за то, что два года тому назад я не принял его благородного предложения поселиться у него на квартире. Теперь он только понял, какую подлую кляузу мог вывести Мешков (цейхвартер в Новопетровском укреплении, однофамилец командира пятого батальона - Л. Б.) из нашего сожительства. У него не дрогнула бы рука воспользоваться силою военных уголовных законов, где сказано, что офицер, позволивший себе фамильярное отношение с нижним чином, предается военному суду". Именно за это был наказан Невельский.

НЕВЕСТА - см.Васильева А.А.

Так именует Т. Шевченко невольную участницу (и единственную жертву) подлинной истории, рассказанной им на страницах Дневника. (V, 18, 51, 52, 60).

НЕДОБРОВО (Недобров-1), Евграф Васильевич - комендант Орской крепости с июня 1848 г., полковник.

Уроженец Тамбовской губернии, сын обер-офицера, он прослужил в общей сложности 44 года, из которых 2 года и 6 месяцев провел в походах и сражениях. Вне службы за все годы Недоброво находился всего 25 дней.

В службу поступил в 1808 году унтер-офицером. Начинал в Московском гарнизонном полку, отсюда был переведен в Санкт-Петербургский драгунский. В 20 лет он прапорщик, затем штабс-ротмистр, ротмистр, подполковник. В 1834 - "за отличие" - был произведен в полковники лейб-гвардии гусарского полка.

К тому времени Недоброво был в боях под Ошмяною, Витебском, Смоленском, отличился на Бородинском поле, прошагал пол Европы. Получал "высочайшие благоволения", "жалования не в зачет", наконец ордена.

Уже на излете военной карьеры Егор Васильевич получил назначение на должность коменданта Орской крепости; на службу прибыл в августе 1848 года. В этой должности пребывал до 15 января 1853-го, когда, по его просьбе, последовал высочайший приказ об увольнении Недоброво от службы - с чином генерал-майора, генеральским мундиром и "пансионом полного жалования". (РГВИА, ф.395, оп.45, 1 ч., 1 отд., д.158).

Из Аральской экспедиции Шевченко следовал через Орскую (октябрь 1849) при новом коменданте - полковнике, "состоящем по кавалерии".

Вторичное пребывание Т. Шевченко в Орской крепости (1850) протекало в комендантство Недоброво.

Известен рапорт орского коменданта от 23 июля 1850 года, в котором говорится, что он лично "отобрал" от "рядового Оренбургского линейного батальона № 5-го Тараса Шевченки" сведения о том, что тот "действительно... имел партикулярное платье", но "н осил оно только в квартире"; это платье по прибытии Шевченко в Орскую крепость было у него отобрано и, как удостоверился сам Недоброво, "хранится в батальонном цейхгаузе". ("Тарас Шевченко. Документи та матеріали", К., 1982, стр.237-238).

Полковник Недоброво осуществлял непосредственный контроль за соблюдением предписания "подвергнуть <Шевченко> строжайшему аресту в гауптвахте кр.Орской", а затем - за отправкой его в Новопетровское укрепление.

После увольнения Е.В.Недоброво должность коменданта Орской крепости принял подполковник К.К.Зендергорст. ("Адрес-календарь Оренбургского края на 1854 год", стр.262).

НЕЗАБЫТОВСКИЙ, Степан Андреевич (1829-1902) - младший врач 45-го флотского экипажа в Астрахани.

Казеннокоштный воспитанник Киевского университета, Незабытовский сразу же по получении звания лекаря (в 1854 г.) стал участником Крымской войны. Ему довелось оказывать помощь раненым на многих важнейших участках Севастопольской обороны.

Знакомство врача-земляка с Т. Шевченко произошло в августе 1857, по прибытии поэта из Новопетровского укрепления в Астрахань. Они подружились, о чем свидетельствуют и запись Незабытовского в Дневнике (V, 106), и упоминание о встречах с ним в письме к Клопотовскому (VI, 176), и подаренный ему автограф стихотворения "Ще як були ми козаками...", с посвящением. (II, 429).

"НЕСЧАСТНЫЙ" - см. Гуляев И.

Справка о людях, встреченных Т. Шевченко во время ареста на гауптвахте Орской крепости в 1850 и упоминаемых им в Дневнике. (V, 31).

НЕЧАЕВ, Павел - рядовой 5-го Оренбургского линейного батальона.

Нечаев оказался в 1850 году союзником Т. Шевченко на главной гауптвахте Орской крепости за то, что, неся службу в первой роте, он на ротном учении отказался "делать ружьем приемы", а потом допустил "грубые выражения против ротного командира подпоручик а Симакова".

Произошло это в двадцатых числах мая, когда Шевченко уже был в крепости. На гауптвахте Нечаев находился с 23 мая, причем длительное время - "за недоставлением от командующего 1 роту нужных к спросу людей" (вслед за ротным и, вероятно, батальонным и учениями производились смотры батальона бригадным и дивизионным командирами). Дальнейшая судьба этого рядового неизвестна. (ИЛ, ф.1, ед.хр.512).

НИВОЛЬСКИЙ, Адам - рядовой 5-го Оренбургского линейного батальона.

Нивольский прибыл в Орскую крепость из 4-го батальона 10 июня 1850 г. и являлся сослуживцем Т. Шевченко по четвертой роте 5-го батальона во время четырехмесячного пребывания его в этой крепости. (ИЛ, ф.1, д.489).

Не исключено, что он служил вместе с поэтом и в Раимском укреплении.

НИКИТИН, Виктор Никитич - рядовой неранжированного батальона 4-го учебного карабинерного полка в Нижнем Новгороде.

Впоследствии, на протяжении тридцати пяти лет, Никитин был директором Петербургского тюремного комитета. Известны его сочинения "Жизнь заключенных", "Многострадальные", "Быт военных арестантов в крепостях" и другие. Оставил он также богатые фактиче ским материалом "Воспоминания", которые публиковались в журнале "Русская старина" (1906, сентябрь-октябрь).

Восемнадцатилетний Никитин встречался с Шевченко в Нижнем Новгороде, о чем много лет спустя, в упомянутых воспоминаниях (сентябрьская книга журнала, стр.619), записал: "... Мы были, однажды, у богача, отставного поручика Огурцова, у которого в ту пору гостил его земляк - поэт и художник Т. Г. Шевченко, освобожденный из солдат Оренбургского гарнизона и возвращавшийся в Петербург. Он выглядел простым хохлом, но гости наперерыв за ним ухаживали, расспрашивали и внимательно его слушали. По его спросу ему подали в бумажке горсточку зерен. Он взял из кучки одно, показал его и сказал: "вот вам старший над всеми", потом бросил его в кучку и добавил: "вот

уже и нет его: так и люди могут". Все удивлялись его мудрости, а крестный (Н.Е.Валов - Л. Б.), идучи со мною от Огурцова домой, разъяснил мне загадку Шевченко тем, что власти от Бога поставлены, а потому все обязаны подчиняться старшим и своевольничать грешно, а Шевченко, как неверующий, пострадал за свои прегрешения, но так как не унимается, то Бог его еще накажет за вольнодумство. Такое же мнение слышал я, потом, от старика Никифорова Ои бывшего казначея Кузичкина, молодой же Никифоров с ними не соглашался, а почему - я не мог разобрать".

НИКИТИН, Константин - художник, рисовальщик экспедиции по изучению рыболовства на Каспийском море, возглавляемой академиком К.М.Бэрм.

В 1844-1852 гг. Никитин был вольноприходящим студентом Академии художеств и в течение первого своего учебного года являлся соучеником Т. Шевченко. В Новопетровском укреплении он был дважды - с 20 сентября по 3 октября 1853 и с 13 августа по 24 сентября 1854 (с длительными выездами в устье Эмбы).

Встречи Шевченко с Никитиным на Мангышлаке сомнений не вызывают, хотя в документах отражения не нашли. (П.Жур. "Встречи на Мангышлаке". "Звезда", 1966, № 8, стр.179).

НИКИФОРОВ, Николай Порфирьевич - казначей 4-го учебного карабинерного полка, поручик; сын П.М.Никифорова.

Как один из участников встречи с Шевченко на квартире отставного поручика Огурцова, упоминается в воспоминаниях В.Н.Никитина.

НИКИФОРОВ, Порфирий Мефодьевич - полковник в отставке, житель Нижнего Новгорода.

Никифоров называется в воспоминаниях В.Н.Никитина, как один из участников встречи с Шевченко на квартире Огурцова.

НИКОЛАЙ I (1796-1855) - российский император.

На престол вступил 12 декабря 1825 г.; день обнародования манифеста об этом (14 декабря) ознаменовался восстанием декабристов. Его правление - время наибольшего расцвета абсолютизма в России. Отличился жестоким преследованием вольнодумства; его ж ертвами стали Чаадаев, Пушкин, Лермонтов, Герцен и другие. По его повелениям были удушены польское восстание 1830-31, венгерская революция 1848-49, тайные общества декабристов, петрашевцев и т.д. При Николае I началась Крымская война 1853-1856.

Разоблачение деспотического самодержавного режима - один из главных мотивов творчества Т. Шевченко, особенно его политической поэзии. Законченный сатирический образ царя, а вместе с ним царицы Александры Федоровны и их приближенных, создан в поэме "Сон". Она явилась одним из главных козырей обвинения поэта во время следствия по делу Кирилло-Мефодиевского товарищества и послужила важнейшей причиной особенно жестокого приговора именно против него. По личному распоряжению Николая I он был максимал ьно усилен формулой о запрещении Шевченко писать и рисовать; отдача в солдаты также предопределялась им самим. В течение всей солдатчины царь категорически отказывал в облегчении участи ненавистного ему поэта.

Не менялось и отношение к самодержцу всероссийскому самого Шевченко. В его поэтических произведениях "А.О.Козачковському", "Юродивий", "Слава", "Я не нездужаю, нівроку" царь наделен убийственными характеристиками, самыми хлесткими эпитетами ("фельдфебель-цар", "творец зла", "лютий Нерон", "безбожний цар", "правди гонитель жестокий" и др.). Нелестные его оценки

содержатся в русских повестях и в Дневнике. "Коронованным палачом", "неудобозабываемым тормозом" Николай I прошел через всю жизнь великого сына Украины.

НИКОЛЬСКИЙ, Сергей Родионович - ст.лекарь полугоспиталя в Новопетровском укреплении, коллежский асессор, а с апреля 1856 - надворный советник.

(ГАОО, ф.6, оп.12, д.1388; "Адрес-календарь Оренбургского края на 1854 год", стр.263).

Т. Шевченко познакомился с Никольским по прибытии на Мангышлак. Он пользовался книгами, журналами и газетами, которые выписывал врач (VI, 80, 104), отмечал его осведомленность во многих вопросах (V, 72-73), но с каждым днем все отчетливее видел его недостатки: жестокосердие (в частности, отсутствие протеста против изуверской муштры солдат), цинизм (и в методах лечения, и в отношениях с людьми). Это нашло свое отражение в ряде записей Дневника. (V, 21, 22, 24, 60).

Судя по воспоминаниям А. Е. Усковой, Никольский был одним из тех, кто своими подозрениями разрушил простоту и искренность в отношениях между поэтом и женой коменданта. "Никольский, - сообщала она, - был старший доктор - очень умный человек, много читал, он заведовал библиотекой, делал метеорологические наблюдения, но Ш-ко, кажется, недолго любил его". ("Науковий збірник за рік 1926", стр.170, 173).

Ко времени знакомства с Шевченко Никольскому было 33 года (родился в 1817-м); жил лекарь холостяком - только в 1860 г., в возрасте 43 лет, вступил в брак с дочерью отставного есаула П.И.Решеткова - девушкой семнадцати лет. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.234-а). В Государственном Музее Т. Шевченко имеется ряд фотографий работы И. А. Ускова, на которых запечатлен и Никольский.

Эти фотографии могут быть использованы при идентификации художественных работ, в частности портретов работы Шевченко.

НИСТРЕМ, Джон В. - инженер-судостроитель.

Инженер Нистрем был учеником известного специалиста-кораблестроителя Карлзунда, имел опыт работы на судовой верфи и пароходах Америки, изучал практику речного судоходства во Франции. Находясь на службе в компании "Меркурий", а затем "Кавказ и Меркурий", он многое сделал для организации пароходного дела на Волге. (РГИА, ф.101, оп.1, д.683, 684, 2).

Т. Шевченко познакомился с Нистремом в Нижнем Новгороде. Запись в Дневнике, датированная 24 сентября 1857 (V, 140), посвящена их совместной поездке в Балахну. Фамилия инженера приведена в записи неправильно (Стрем).

НОВИЦКИЙ, Карл Иосифович - старший врач 44-го флотского экипажа в Астрахани.

Новицкий (род. в 1813) получил образование в Виленской медико-хирургической академии (окончил в 1842). В 1853-1855 участвовал в Крымской войне - в частности, в Синопском сражении и обороне Севастополя.

О знакомстве Новицкого с Шевченко свидетельствует автограф, оставленный в Дневнике поэта 19 августа 1857 г. (V, 107).

НОВИЦКИЙ, Михаил Михайлович (1892-1964) - литературовед, собиратель, текстолог.

На протяжении десятков лет жизни Новицкий изучал биографию Т. Шевченко, в том числе материалы и документы периода солдатчины. Особое значение имели его работы "Шевченко в процессе 1847 г. и его бумаги", "К истории ареста Шевченко в 1850 г." (1925), поиск и комментирование переписки поэта, в т.ч. периода солдатчины, сбор и публикация воспоминаний о славном сыне Украины. Творческое наследие Новицкого нуждается в углубленном изучении.

НОВИЦКИЙ, Николай Дементьевич (1833-1906) - участник кружка "генштабистов" в Петербурге (1857-1860), один из петербургских знакомых Т. Шевченко последних лет его жизни.

Друг Н.А.Добролюбова и Н.Г.Чернышевского, офицер Новицкий активно участвовал в 1860 г. в переговорах об освобождении из крепостной неволи родственников Шевченко. ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр.183, 193). Поэт тепло отзывался о его благородной деятельности. (VI, 257, 258). И в дальнейшем Новицкий близко стоял к передовым кругам общественности, в частности "землевозьцам".

Справка о Новицком дается в связи с принадлежностью ему ценного мемуарного источника о жизни Шевченко: Н.Д.Н. - "На Сырдарье у ротного командира. Из путевой книжки". ("Киевская старина", 1889, март, стр.561-581). Эта статья представляет собой живую и наиболее полную запись рассказа Е.М.Косарева, знавшего поэта-рядового на протяжении нескольких лет. В той же книге "Киевской старины" опубликована статья Новицкого "К биографии Т. Г. Шевченко" (стр.730-733), посвященная истории переговоров об освобождении родных поэта от крепостной зависимости.

НОРДСТРЕМ, Иван Андреевич (1814-1878) - чиновник III отделения, надворный советник.

Участвовал в допросах Т. Шевченко и других членов Кирилло-Мефодиевского товарищества во время их нахождения под арестом в Санкт-Петербурге, чем и запомнился поэту на долгие годы. Нордстрем (с ошибкой в написании его фамилии - "Дестрем") назван в выразительной записи Дневника от 15 сентября 1857, где идет речь об "отвратительном сновидении", воскресившем те тяжелые моменты, когда "... Дубельт с своими помощниками (Попов и Дестрем) в своем уютном кабинете перед пылающим камином меня тщетно на вращал на путь истинный, грозил пыткой..." (V, 128). Имя Нордстрема - под рядом документов следственного дела о Т. Шевченко. ("Кирилло-Мефодіівське товариство", т.2, К., "Наукова думка", 1990, стр.197, 200, 334).

НУДАТОВ, Эраст Васильевич - прапорщик 4-го Оренбургского линейного батальона.

Родился Нудатов в 1828 году. Военное образование получил в Оренбургском Неплюевском корпусе. В Оренбурге же, по присвоении офицерского звания, началась его служба. Вскоре на город нагрянула страшная беда - эпидемия холеры. Уцелев от болезни, Нудатов тем не менее оказался жертвой этого бедствия. Из находившейся под его началом партии арестантов, которые использовались на рытье братских могил и захоронении трупов, в один из дней бежало девять человек. Ответственность пала на девятнадцатилетнего прапорщика. Учитывая чрезвычайную обстановку, его, скорее всего, строго не судили бы, но он, как вспоминал сам, "вздумал оправдываться непосильностью лежавших на нем и на всех низших офицерах обязанностей", и это "сочли за жалобу на начальство" со всеми вытекающими последствиями - преданием дела в военную комиссию, а затем отправкой виновного в отдаленный, глухой гарнизон Раима.

Впоследствии Нудатов сделал карьеру чиновника. В 80-е годы был председателем Самарской губернской земской управы, управляющим отделением Дворянского и Крестьянского банка в Пензе.

Знакомство Т. Шевченко с прапорщиком Нудатовым произошло в конце 1848. Общение их носило характер добрых, приятельских отношений. Как рассказывал Нудатов, поэт был для юного офицера советчиком в сложных жизненных вопросах и в то же время сам и тогда делился с ним своими печальми; вместе они бывали на именинах, выезжали в ближайшие аулы, участвовали в охоте. Нудатов слышал его "мягкий, певучий, ласкающий голос", читающий "напамять какие-то отрывки на своем родном наречии", и был свидетелем х удожественных, живописных занятий Шевченко.

Трижды Шевченко рисовал самого Нудатова. К сожалению, и поясной его портрет, нарисованный тушью, и другой, запечатлевший офицера у джуламейки бия, лежащим на кошке и пьющим чай, наконец, карикатура на ухажеров дочери провиантского чиновника Цыбисов а, среди которых был и Нудатов, известны нам лишь по воспоминаниям.

Воспоминания Э.Нудатова, записанные Д.Г.Клеменсовым-Монтвидом (в статье о нем дана история публикации), при всей своей неполноте, являются главнейшим мемуарным источником о жизни Т. Шевченко в Раиме. Наиболее точная их публикация осуществлена Д.Иофановым в книге "Матеріали про життя і творчість Тараса Шевченка".

НУРУМОВ (Нурмухамедов), Алтынгазы - султан Кичкене-Чиклинского рода, состоявший при начальнике Раимского (Аральского) укрепления.

"По приблизительным сведениям, на правом берегу Сыра, от устья Казалы до Кос-Арала, зимует около 1500 кибиток", - доносил исполнявший должность начальника укрепления Е.М.Матвеев губернатору В.А.Обручеву в сентябре 1848 г. Характеризуя султана-пра вителя, он писал: "Алтын еще молодой человек, не лишен предприимчивости и молодечества, но жадный на взятки и хищения в высшей степени... Он и другие здешние киргизы не раз попрашивались у меня сделать набег на засырских киргиз..., что, конечно, я всегда отклонял". Нищенское положение казахов-бедняков и, наряду с этим, жадность, пресыщенность султана с его приближенн ыми, составляли разительный контраст. (ГАОО, ф.6, оп.10, д.6084, 6024, 5970).

Подстать Нурумому была его жена. Вот строки из письма А. И. Бутакова 0от 4 января 1849: "... Под Раимом женился мой приятель Бикмурза. У его кибитки была новая дверь. Султанша Алтынгазы, которой дверь эта понравилась, потребовала ее и взяла, не смотря на все убеждения в необходимости двери самому хозяину..." (РГАВМФ, ф.4, д.82, лл.77-80 об.).

Т. Шевченко мог наблюдать Алтынгазы Нурумова и его приближенных во время пребывания в Раиме. Как и бий того же рода Иралиев Кульбай, Алтынгазы привлекал внимание Шевченко-художника. Осознание этого нелишне при анализе многочисленных акварелей, сепи й, рисунков, эскизов из жизни казахов на берегах Аральского моря.

ОБЕРЕМЕНКО, Андрей - рядовой Астраханской подвижной инвалидной команды, хлебопек, квасник, огородник Новопетровского военного полугоспиталя.

Обеременко родился в Звенигородском уезде Киевской губернии. Был он старым солдатом, отдавшим военной службе не менее двадцати лет. Эти биографические сведения почерпнуты из Дневника Т. Шевченко, который в записях последних дней своей жизни на Ман гышлаке создал замечательный образ земляка-солдата. (V, 88-95).

"Настоящий, простой, благородный земляк" - так охарактеризовал его поэт, и каждый штрих, каждое слово в Дневнике подтверждают это.

"Невозмутимо холодная и даже суровая наружность его обличала в нем человека жесткого, равнодушного. Но это маска. Он страстно любит маленьких детей, а это верный знак сердца кроткого, незлобивого. Я часто как живописец любовался его темнобронзовой усатой физиономией, когда она нежно льнула к розовой щечке младенца. Это была одна-единственная радость в его суровой одинокой жизни. Независимо от его простого благородного характера, я полюбил его за то, что он в продолжение двадцатилетней солдатско й пошлой, гнусной жизни не опошил и не унизил своего национального и человеческого достоинства. Если мелькали светлые минуты в моем темном долголетнем заточении, то этими сладкими минутами я обязан ему, моему простому благородному другу Андрию Оберем енко".

Это из последней новопетровской записи Т. Шевченко в Дневнике, и это истинный гимн другу-земляку, гимн стойкости, благородству, душевной нежности родного народа. Думается, справедливо поступили бы почитатели Кобзаря, поставив на звенигородской земле памятник солдату Обеременко - верному спутнику и надежному другу Шевченко в тяжкие годы его жизни.

Что же касается внешнего облика Андрия Обеременко, то, на наш взгляд, приведенный ранее словесный его портрет совпадает с "Портретом неизвестного" (т.8, л.87). Не имея достаточных оснований для замены этой подписи более определенной, автор тем не мен ее не считает себя вправе о своей версии умолчать.

Сколько служил солдат?

Рекрут из податных сословий служил 25 лет. С 1818 в гвардии срок сократили до 22, а с 1829 - до 20 лет; в армии - с 1831 - до 22, а с 1834 - до 20 лет (последние 5 лет в резервных частях), после чего следовало увольнение в бессрочный отпуск, а через 5 лет - в отставку.

ОБЕРУЧЕВ, Константин Михайлович (1864-1938) - военный историк, собиратель документальных материалов о Т. Шевченко.

В мае 1899 г. полковник К.М.Оберучев посетил форт Александровский (бывшее Новопетровское укрепление), где предпринял сбор сведений о Шевченко - как от старожилов (Сухоруковых, Перепелюкова, Савченко, Малинникова), так и в заброшенном архиве укрепления , где сохранились постовые ведомости за 1852 и 1857 гг., а также некоторые другие бумаги шевченковских времен. "Документы эти я взял, во время службы в Закаспийском крае, из заброшенного архива форта Александровска, с разрешения воинского начальника..." , - писал Оберучев. Познакомился он тогда и с метрическими книгами местной церкви.

Заслуга Оберучева состоит в том, что он первым сообщил об этих документах в печати, вводя в научный оборот ряд интересных свидетельств современников. Это было сделано в статье "К биографии Т. Г. Шевченко. (Пребывание его в Новопетровском укреплении)", опубликованной в февральской книге "Киевской старины" за 1900 год (стр.157-162). О посещении этих мест К.Оберучев писал впоследствии также в статье "В Новопетровском укреплении. (Из старой тетради)", напечатанной в журнале "Украинская жизнь" (1912, № 2, стр.101-103).

Не будучи тогда, однако, исследователем-специалистом, тем более знатоком жизни Шевченко, Обручев не дал научной публикации найденных им документальных материалов, не произвел досконального анализа метрических книг (ограничившись констатированием то го, что имя Шевченко в них не упоминается) и даже не предпринял попытки отыскания его рисунков, которые могли быть у обитателей тех мест.

ОБНИНСКИЙ, Адам Иосифович - подпоручик 3-го Оренбургского линейного батальона.

Происходя из дворян Волынской губернии, Обнинский принял участие в организации Ш.Конарского и по судебному приговору в 1839 г., в возрасте двадцати четырех лет, был отдан в солдаты. Получив впоследствии офицерские чины, он продолжал оставаться под строгим надзором. (В.А.Дьяков. "Деятели русского и польского освободительного движения", стр.124; ГАОО, ф.173, оп.11, д.195).

Обнинский был женат на дочери Г.Ф.Генса, семью которого Шевченко знал лично. (Подробнее об этом - в статье о Генсе Д.Г.). С семьей Генсов (и, следовательно, Обнинским) поддерживали дружбу Чернышевы, Герны, другие близкие Шевченко люди. Это и дает нам основание причислить названное лицо к оренбургскому окружению поэта.

ОБРУЧЕВ, Владимир Афанасьевич (1793-1866) - Оренбургский военный губернатор, командир Отдельного Оренбургского корпуса, генерал от инфантерии.

Обручев родился в Архангельске. В 1805 году был определен юнкером в Инженерный корпус. Молодым офицером довелось ему участвовать в боях против Наполеона, в кампаниях 1813-1814 гг. В тридцатилетнем возрасте Обручев уже генерал-майор. В последующие годы принимал участие в сражениях с турецкими войсками, в подавлении польского освободительного движения. С начала 1842 стал Оренбургским военным губернатором и командиром Отдельного Оренбургского корпуса, на этом посту находился до марта 1851. По сле увольнения - в Москве: сенатор, председатель генерал-аудиториата. В 1865 вышел в отставку. Умер вскоре, на 73-м году жизни.

Около четырех лет солдатской службы Т. Шевченко (1847-1851) прошли в Оренбургском крае в бытность там высшим военным начальником В.А.Обручева.

"... Среднего роста, юркий, подвижный человек, с Георгием на шее, Обручев составил себе репутацию боевого генерала в кампании 1828-1831 гг. в Турции и Польше, а затем, посвятив себя деятельности мирной, в качестве начальника дивизии, прославился как один из самых исправных фронтовых командиров, о которых даже современники не без иронии говаривали, что они всякую ошибку в фронте подчиненного считают за личное для себя оскорбление.

... Я не знаю подробно, каков был генерал Обручев прежде; в бытность же в Оренбурге он пользовался репутацией человека честного, но вместе с тем деспотического, мелочного и крайне раздражительного, так что вскоре по его прибытии в город слова "Обручев" и "распеканка" сделались синонимами. Везде, где только ни появлялся генерал, как официальное лицо, везде раздавался крик и шла головомойка. Кричал он на ученьях, кричал в кадетском корпусе, кричал в институте, кричал даже на базаре, куда изредка ходил пробовать провизию...

Физиономия Обручева отличалась тем, что она всегда имела самое разобиженное выражение..." ("Записки Н.Г.Залесова". "Русская старина", 1903, апрель, стр.55-56).

Т. Шевченко прибыл в Оренбург (в 1847 г.) в отсутствие Обручева, объезжавшего в это время степные укрепления. Впервые опальный поэт увидел его в Орской крепости, в 1848, перед выступлением транспорта к Аральскому морю. К тому времени он имел осн ования связывать с Обручевым надежды на облегчение своей участи: по просьбе доброжелателей губернатор согласился

включить Шевченко в состав экспедиции А. И. Бутакова, открыв для него фактически возможность заниматься рисованием.

По возвращении с берегов Аральского моря Шевченко продолжал рисовать в Оренбурге, причем не только виды, а и портреты (в том числе супруги губернатора М.П.Обручевой). Обручевым было подписано распоряжение о командировании Шевченко в экспедицию для обследования месторождения каменного угля, что сулило возможность дальнейшего расширения живописных занятий, уже на Мангышлаке. Губернатор, не без воздействия ряда близких к нему друзей поэта, ставил - правда, весьма осторожно - вопрос о некоем послаблении для рядового Шевченко, считая их, как видно, возможными.

Однако первые же осложнения изменили, притом в корне, всю линию поведения Обручева в отношении Шевченко. Донос прапорщика Исаева о том, что тот ходит в гражданской одежде, живет на частной квартире и рисует (после того, как прибыл ответ, что Ни колай I отказался разрешить Шевченко заниматься рисованием), перепугал губернатора, тут же вызвав репрессии против "нарушителя царской воли". И обыск, и арест, и последующие меры против Шевченко явились для Обручева средством защиты от возможных обвинений его самого в попустительстве "политическому преступнику" - средством нечестным, жестоким, но предпринятым им без колебаний.

В связи с этим следует прокомментировать характеристику Обручева, данную ему Т. Шевченко в записи Дневника от 25 июня 1857 г. Вспоминая, как в 1850-м он оказался в одном каземате с колодниками и каторжниками, автор указывает, что сделано это было "по распоряжению бывшего генерал-губернатора, довольно видного политика Обручева". (V, 31). Что подразумевалось под словами "довольно видный политик"? Осуществленное Обручевым в крае и корпусе? Деятельность государственного масштаба? Конечно, нет. Для прочтения этих строк необходимо вернуться к изначальному их смыслу, а для того обратиться хотя бы к словарю В.И.Даля. Итак, что означало слово "политик" во времена Даля? "Умный и ловкий (не всегда честный) государственный деятель... скрытный и хитрый человек, умеющий наклонять дела в свою пользу, кстати молвить и вовремя смолчать". ("Толковый словарь живого великорусского языка", 1955, т.3, стр.261). Таким образом, автор Дневника высказывался вполне определенно, двумя-тремя словами дав достаточно полную, хотя и слегка завуалированную, характеристику поведения Обручева в отношении его, Шевченко.

В другой раз, вспоминая того же губернатора, но уже после своего освобождения от солдатской службы, Шевченко от иносказаний отказывается: "Во сне видел Орскую крепость и корпусного ефрейтора Обручева. Я так испугался этого гнусного ефрейтора, что от страха проснулся и долго не мог прийти в себя от этого возмутительного сновидения". (V, 116).

ОБРУЧЕВА, Матильда Петровна - жена В.А.Обручева.

"Одно из лучших украшений края, - писал видный оренбургский деятель Н.П.Беклемишев, - есть в настоящее время супруга <губернатора> Матильда Петровна. К уму и ловкости она соединяет красоту и необыкновенную стройность и приятность в обр ащении...". (ГИМ, ф.199, д.7, л.74).

"Мы познакомились с... Матильдой Петровной, урожденной Ригенсерин, француженкой по происхождению, писаной красавицей, высокой блондинкой, образованной и приветливой в обхождении..." (И.Ф.Бларамберг. "Воспоминания", стр.250).

В круг особых интересов Обручевой писавшие о ней включали устройство любительских спектаклей и вечеров, участие в благотворительных предприятиях. В этом последнем, ее вернейшим помощником выступал ксендз Зеленко. "... Пользуясь служебными сношениями с генеральшей, имевшей сильное влияние на крикуна-мужа, Зеленко вошел в милость и к последнему и таким образом получил возможность еще более влиять на дела администрации..." ("Записки Н.Г.Залесова". "Русская старина", 1903, май, стр.283).

Добрый знакомый Шевченко, пользовавшийся его глубокой симпатией, Зеленко, очевидно, и устроил приглашение поэта-художника в губернаторский дом для выполнения портрета М.П.Обручевой. Другим вероятным организатором полезного знакомства мог быть К.И.Герн; жена губернатора на протяжении ряда лет являлась восприемницей его детей. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.11, 189).

Однако надежды друзей Шевченко на помощь Обручевых в облегчении его участи не оправдались.

Что касается портрета красавицы-губернаторши, то, на наш взгляд, им является публикуемый в восьмом томе, на листе 50, как "Портрет неизвестной". Портретируемая - в интерьере балкона губернаторского дворца, на фоне еще по-весеннему разлившегося Урала, лицо и фигура ее соответствуют свидетельствам современников.

До революции портрет хранился у дочерей бывшего оренбургского губернатора, в Петербурге. (т.8, стр.73).

Тщательного изучения заслуживает альбом "Сувенир Оренбурга. 1842-1851", находящийся в Государственном Музее Т. Шевченко. Это альбом Обручевых. Считается, что в нем, среди других, имеются и копии шевченковских работ. Но правомерен вопрос: только ли копии? Отсутствие подписей, или даже подпись другого лица (Залеского), не является доказательством того, что отдельные работы принадлежат не Шевченко. На одном из листов, вместо подписи, явная подчистка.

ОБРЯДИН, Петр Иванович - подпоручик, а затем поручик 1-го Оренбургского линейного батальона. ("Адрес-календарь Оренбургского края на 1854 год", стр.250).

Родился в 1821 г., в семье обер-офицера Оренбургской губернии; в учебных заведениях не учился - "получил домашнее образование". В 1838-м поступил на службу рядовым линейного батальона № 3 в Оренбурге. Год спустя (1839) был произведен в унтер-офицеры, а в 1845 стал прапорщиком; тем же приказом переводился в линейный батальон № 1, те его роты, которые находились на полуострове Мангышлак и, в частности, возводили Новопетровское укрепление. Тут он оставался и далее, ненадолго переезжая в Уральск, но всякий раз возвращаясь снова.

В 1850-1852 Обрядин являлся субалтерн-офицером 2-й роты; в непосредственное ведение его Шевченко попал по прибытии в Новопетровское укрепление. К этим годам относится особенно ретивая муштра поэта-солдата. К.М.Обручев установил, что "в 1852 году Шевченко отбыл 63 караула, наравне со всеми нижними чинами". ("Спогади про Тараса Шевченка", стр.244-247).

"И тогда, и теперь я имею несчастье состоять в этой роте", - писал Шевченко в 1857 г., описывая эпизод, особенно ярко характеризующий нравственное, моральное падение ставшего ротным Обрядина. Этот эпизод произошел в то время, когда рота была переведена в Уральск. Бесчестный офицер обворовал своего вестового Скобелева, присвоив присланные ему деньги, а затем подвел им же оскорбленного рядового под шпигруты и арестантские роты. Поверили, конечно, Обрядину, хотя он, "будучи еще батальонным адью тантом и казначеем, не только подозреваем, но даже был уличаем в краже подобных присылок". Офицер, удивляется Шевченко, "как-то умел концы в воду прятать и слыть вообще порядочным человеком". Впрочем, на этот раз Обрядину "велели подать в отставку". (V, 54-55).

В отставку Обрядин не вышел. Произведенный в поручики, он получил в августе 1854 назначение в пятый линейный батальон (ГАОО, ф.6, оп.12, д.1044), но сумел нежелательного для себя перевода избежать, добившись "прикомандирования" к своему же батальону № 1, т.е. остаться там, где и был. А тем временем решился вопрос о переименовании поручика в сотники и переводе его в "пеший № 1-го батальон Оренбургского казачьего войска". (ГАОО, ф.6, оп.12, д.1130). "Офицеров-то туда собрали таких, что страх подумать, - пьяницы и негодяи первой руки," - писал в 1856 г. А.Н.Плещеев, называя среди офицеров казачьего полка и Обрядина. "От таких господ - избави Боже". ("Минувшие годы", 1908, октябрь, стр.123).

В 1856 Обрядин был уже есаулом. С роспуском батальона получил назначение на кордонную службу в первый казачий полк (1857), за неустановленные заслуги получил орден Св. Станислава (1859) и... вернулся в тот же новопетровский полубатальон Оренбургского линейного батальона № 1 с переименованием в капитаны. В 42-летнем возрасте (1863), прослужив около 25 лет, Обрядин подал рапорт, в котором, ссылаясь на "расстроенное здоровье", попросил уволить его от службы "с награждением следующим чином, мундиром и... пенсионом 2/3 жалования". (РГВИА, ф.395, оп.55, 1 отд., 1863, д.1681).

С гневом заклеил Шевченко Обрядина и ему подобных.

В изданиях сочинений Т. Шевченко, его академической биографии и ряде сборников воспоминаний современников имя-отчество Обрядина указывалось ошибочно (Яков Максимович).

ОВСЯННИКОВ, Николай Абрамович - делопроизводитель конторы Астраханского порта.

Не исключено, что знакомство с ним в Астрахани, в августе 1857 г., и повлекло за собою в дальнейшем приятное для Т. Шевченко общение с братом делопроизводителя - нижегородским архитектором П.А.Овсянниковым. Николай Абрамович, повидимому, также принадлежал к тем землякам поэта, которые доставили ему много радости в первые дни после освобождения из неволи.

ОВСЯННИКОВ, Николай Николаевич - нижегородский учитель, впоследствии директор начальных народных училищ.

Овсянников был известен как деятельный исследователь края. (А.С.Гациский. "Нижегородка". Н.Н., 1877, стр.231). Большой интерес проявлял он к материалам по истории литературы. В статье "К биографии В.А.Жуковского" им обнаружено несколько сохранившихся писем Жуковского к М. А. Дороховой, переданных Овсянникову самой Дороховой в бытность ее начальницей Нижегородского Мариинского института. ("Исторический вестник", 1895, март, стр.924-936).

Прямых указаний на знакомство Т. Шевченко с Овсянниковым нет, однако представляется оно вероятным.

ОВСЯННИКОВ, Павел Абрамович - помощник управляющего нижегородской конторой общества "Меркурий" по хозяйственной части, коллежский секретарь.

Уроженец Конотопского уезда, по образованию архитектор, Овсянников активно занимался организаторской деятельностью на Волге. Он был одним из учредителей общества "Русалка", делами которого заведывал, а после того, как это пароходное общество, не выдержав конкуренции с более сильным соперником, вошло в состав "Меркурия", перешел на новое место службы, где также вел разностороннюю работу. Например, в сентябре 1857 он составил "план на постройку в Нижнем Новгороде... каменного 3-х этажного дома со службами на месте, купленном... у купца Пачкунова" для конторы общества. В то же время им выполнялись многие поручения, связанные с оснащением и отделкой пароходов, закупкой необходимых вещей и т.д. Этим были вызваны и продолжительные командировки Овсянникова в Петербург, Москву, другие города. (РГИА, ф.101, оп.1, д.683, 684).

Т. Шевченко познакомился с П.Овсянниковым сразу по прибытии в Нижний Новгород и в первый же день отправился к нему домой, на свою "временную квартиру". По его (и Н. А. Брылкина) совету он прикинулся больным "во избежание путешествия, пожалуй, по этапам, в Оренбург, за получением указа об отставке". Овсянников уделял ему внимание на протяжении всего периода пребывания Шевченко в этом городе: способствовал расширению знакомств, снабжал книгами (в том числе и герценовскими изданиями), сообщал местные новости, устраивал развлечения, а во время служебных поездок выполнял поручения, связанные с доставкой писем, рукописей, покупкой

необходимых предметов и пр. В связи с этим имя Овсянникова упоминается в Дневнике и письмах Шевченко едва ли не в большинстве других. (V, 138, 139, 147, 151, 154, 155, 159, 163, 166, 180, 185, 208; VI, 174, 177, 180, 181, 184, 187, 189, 193, 197 и т.д.).

Первым портретом, выполненным Т. Шевченко в Нижнем Новгороде, был портрет П.А.Овсянникова. (V, 143; X, л.14).

ОВСЯННИКОВ, Филипп Васильевич (1827-1906) - русский физиолог и гистолог.

Овсянников сопровождал К.М.Бэру в его последних поездках по Каспийскому морю в 1856 г. Питомец Дерптского университета, к тому времени уже доктор медицины, ординатор Петербургского сухопутного госпиталя, он был командирован на Каспий в связи с наблюдавшимися в Астрахани и других местах случаями отравлений людей рыбьим ядом. Впоследствии являлся профессором Казанского и Петербургского университетов, удостоился избрания действительным членом Академии наук.

Зная и уважая Бэра, пользуясь неизменным его расположением, Шевченко был знаком и со всеми сотрудниками академика.

Овсянников глазами Бэра

"... С чисто патриотической целью, и как служитель науки, я осмеливаюсь обратить Ваше внимание на молодого человека, много обещающего для науки..."

Доктор Филипп Овсянников, уроженец Санкт-Петербурга и бывший студент Дерптского университета, занимающийся теперь, по поручению правительства, исследованием рыбного яда в Астрахани, в своей диссертации на степень доктора медицины - о внутреннем строении спинного мозга рыб, с такою ясностью изложил результаты тончайших аналитических исследований, что она обратила на себя внимание даже за границею. Впоследствии он распространил свои исследования на спинной и головной мозг человека и представил свои результаты Академии, которая напечатала их в своем бюллетене...

... Всего более желал бы я доставить д-ру Овсянникову место адъюнкта Академии. Но сомнительно, чтобы это удалось, ибо для получения места в Академии требуют некоторые еще больших ученых заслуг и более зрелого возраста. Между тем кафедра анатомии и физиологии в Казанском университете или уже вакантна, или должна вскорости сделаться вакантною. <...> Достойнейшего профессора из русских подданных Казанский университет не найдет".

(Архив Академии наук - Петербургское отделение, ф.129, оп.1, д.590, л.79).

ОГУРЦОВ (имя-отчество не установлены) - нижегородский помещик, отставной поручик.

На квартире Огурцова происходила встреча с Шевченко, описанная одним из ее участников - В.Н.Никитиным - в своих воспоминаниях (см. статью о Никитине).

ОДИНЦОВ, Евтихий (Евгений) Иванович - младший врач 46-го флотского экипажа в Астрахани.

Родился в 1831 г. Учился в Казанском университете, откуда и прибыл к месту службы (в 1855).

О знакомстве его с Т. Шевченко по приезду поэта в Астрахань свидетельствует запись, оставленная Одинцовым в Дневнике. (V, 106).

ОЛЕЙНИКОВ - см. Аленников Н.С.

"Олейников" фигурирует в ряде записей Дневника (V, 180-182, 185, 225), а также в переписке. (VI, 199; "Листи...", стр.128).

ОЛЬШЕВСКИЙ, Эразм - рядовой, а с 1856 г. - унтер-офицер 1-го Оренбургского линейного батальона.

Ольшевский происходил из дворян Волынской губернии; в солдаты был отдан в 1849-м "за содействие некоторым лицам к побегу в Галицию". Уволенный со службы в возрасте 38 лет, выбыл на родину в сентябре 1857. (В.А.Дьяков. "Деятели русского и польского освободительного движения", стр.128; ГАОО, ф.6, оп.18, д.375).

Ольшевский был одним из сослуживцев Т. Шевченко по Новопетровскому укреплению. К нему, в числе других, относится шевченковская характеристика известных ему подтвержденных поляков на Мангышлаке: "... все они люди замечательные по своим нравственным качествам..." (V, 30).

Ольшевский упоминается в рапорте капитана Косарева коменданту Ускову от 29 июля 1857 г. об увольнении его, вместе с Шевченко, унтер-офицерами Храбчинским, Фиялковским и рядовым Доморацким, со службы и необходимости отправки названных лиц "к батальону штабу в город Уральск". 8 августа, находясь в Астрахани, поэт тепло вспоминал "Фиялковского и прочих освобожденных вместе со мною", которые в тот день должны были отплывать из Новопетровского в Гурьев. (V, 99).

ОРЛОВ, Александр Васильевич - помощник столоначальника Оренбургской Пограничной комиссии, губернский секретарь.

Из духовного сословия, бывший семинарист, Орлов избрал для продолжения учения юридический факультет Казанского университета, который окончил со степенью действительного студента. Желание служить в Пограничной комиссии изъявил в январе 1849 г.; решение о зачислении в штат последовало 15 марта с указанием на то, что новый чиновник "предназначается к исправлению должности столоначальника в судном отделении, вместо коллежского регистратора Ванькевича, который по болезни просит об увольнении от службы". (ГАОО, ф.6, оп.10, д.6060, лл.3-5, 12, 34). По службе Олова аттестовали с похвалой: "весьма хорош". (ГАОО, ф.6, оп.6, д.12266, лл.37, 46). Однако и служба, и жизнь 26-летнего чиновника были недолгими: 24 сентября 1850 г. он умер. (Там же, л.66)

В Оренбурге Орлов был особенно дружен с Сергеем Левицким. Левицкий ввел в дом сослуживца-приятеля и Т. Шевченко. Подтверждением тому - письмо молодого оренбургского чиновника своему другу в Санкт-Петербург, а в нем такие слова: "... последнее письмо Бикмаев принес в то время, когда у меня сидели Тарас Григорьевич и Ксенофонт Егорыч (Поспелов - Л. Б.); нечего говорить, что мы с жадностью принялись за чтение его... Считаю нужным... просить Вас обрадовать и их, особенно Тараса Григорьевича..." Письмо Орлова повлекло за собою ответное: Левицкого - Шевченко, за 6 марта 1850, которому суждено было навлечь на поэта-солдата беду и стать одним из козырей следствия против него, арестованного в апреле по обвинению в нарушении царской воли. ("Листи до Т.Г. Шевченка, стр.78-79).

ОРЛОВ, Алексей Федорович (1787-1862) - граф, генерал-адъютант, шеф корпуса жандармов и главный начальник III отделения (с 1844 по 1856).

Военный и дипломат, он был палачом декабристов и стал главным палачом Т. Шевченко. Как руководитель следствия по делу Кирилло-Мефодиевского товарищества, лично вел допросы и настаивал на том, чтобы Николай I особенно жестоко наказал поэта. В течение многих лет

шевченковской солдатчины Орлов отказывал во всех ходатайствах облегчить его участь (позволить рисовать, произвести в унтер-офицеры). Имя Орлова - в десятках документов, непосредственно касающихся Т. Шевченко. О нем же - в переписке лично й. (VI, 64, 141). Шеф жандармов старался поставить ненавистного ему "преступника" в условия полной изоляции (известно его жесткое предупреждение княжне Репниной).

В 1856 Орлов был возведен в княжеское достоинство с назначением председателем Государственного совета и кабинета министров. Недругом Шевченко он оставался до конца жизни - его и своей .

ОРЛЯНСКИЙ, Григорий - матрос первой статьи, участник экспедиции по изучению и описанию Аральского моря.

На службе в 45-м флотском экипаже (Астрахань, Каспий) находился с 1840 года; матросом первой статьи стал в 1845-м; на Арал, а до того - в Оренбург, был назначен в январе 1848-го вместе с унтер-офицером своей, второй, роты Клюкиным.

Шевченко и Орлянский вместе ходили по морю в навигацию 1848 года, а затем зимовали на Кос-Арале; в следующем году матрос был назначен на шхуну "Николай".

ОСВЕЦЫНСКИЙ (Освецимский), Валериан Антонович - рядовой 5-го Оренбургского линейного батальона.

Происходивший из дворян Минской губернии, Освецынский был отдан на военную службу в возрасте 22-х лет, за участие в раскрытом в 1849 г. тайном обществе в Вильно. В Орской крепости находился с начала 1850 и оставался здесь еще в 1852-м. Небезынтересен факт его знакомства с Б. Залеским: в 1852, в один из приездов Залеского в Орскую крепость, они вместе являлись свидетелями на свадьбе рядового пятого батальона Д.И.Позднякова. (ГАОО, ф.172, оп.3, д.229).

В 1855 Освецынский был произведен в унтер-офицеры и переведен во 2-й Оренбургский батальон. Увольнение его со службы состоялось в мае 1857; на родину он был отпущен в августе того же года с продолжением строгого секретного надзора. (В.А.Дьяков. "Деятели русского и польского освободительного движения", стр.129; ГАОО, ф.6, оп.18, д.375).

В.А.Освецынский может быть назван среди сослуживцев Шевченко периода вторичного его пребывания в Орской крепости (1850).

ОСИПОВ, Николай Осипович (1825-1901) - художник-портретист, академик Петербургской Академии художеств (с 1855).

"... Еще незадолго перед тем (размолвкой, охлаждением чувств - Л.Б.) мы были так сплочены вместе одной общей радостью, одним важным делом, инициатором которого был Осипов, я говорю об освобождении Шевченки. Н.О. первым подумал об этом, он устроил переписку моей матери с Шевченком, он горячо стоял за то, чтобы отец мой взялся за это дело, даже и тогда, когда государь собственноручно вычеркнул Шевченка из списка прощенных при вступлении на престол..." (Из воспоминаний Е.Ф.Юнге - ГИМ, ф.344, оп.18, д.18, л.77-77 об.).

Близкий к Ф.П. и А.И.Толстым, Осипов в 1855-1858 гг. переписывался с Т. Шевченко, оказывал ему моральную поддержку. При его посредстве велись переговоры о публикации шевченковских повестей "Варнак" и "Княгиня" в "Отечественных записках". (VI, 127-133, 137-138, 186-187; "Листи до Т. Г. Шевченка", стр.80, 82-84, 134-135). Особое внимание обращает на себя "исповедальное" письмо Шевченко от 20 мая 1856.

Впоследствии, по возвращении в Петербург, они общались лично.

ОСКИН, Абдул - матрос первой статьи, участник экспедиции по изучению и описанию Аральского моря.

На службе в 45-м флотском экипаже находился с 1841 года; первой статьи был удостоен в 1845-м. В конце января 1848 вместе с группой матросов третьей роты под непосредственным началом унтер-офицера Садчикова отправился к новому месту службы (Оренбург, Аральское место). Участвовал в двух плаваниях (1848, 1849). На шхуне "Константин", вместе с Т. Шевченко, ходил в 1848-м; вторую навигацию провел на шхуне "Николай". Их соединяла также зимовка на Кос-Арале.

ОСТАФЬЕВА, Варвара Рафаиловна - младшая сестра управляющего конторой Спасского затона Д.Р.Остафьева.

В Дневнике о "Вареньке Остафьевой" говорится как о "кроткой любимице" капитана парохода "Князь Пожарский" В.В.Кишкина, служившего, как и Остафьев, в обществе "Меркурий". (V, 186).

ОТЕЦ ПРЕФЕКТ - см. Зеленко М.Ф.

Под этим именем Зеленко упоминается в ряде писем Т. Шевченко к Б. Залескому. (VI, 90, 93, 105, 106, 114, 122).

ОЧЕРЕТНИКОВА, Александра (Саша) - нижегородская знакомая Т. Шевченко.

В записи Дневника за 28 февраля 1858 г. поэт раздумывает над ее судьбой: "Жалкое, безвозвратно потерянное, а прекрасное создание. Ужасная драма!" (V, 207).

ПАВЛОВ, Гавриил - рядовой 5-го Оренбургского линейного батальона.

За участие в беспорядках бывший матрос Балтийского флота Г.Павлов был арестован и отправлен в Кронштадтскую арестантскую роту. Оттуда его сослали "в крепостную работу" в Отдельный Оренбургский корпус. В августе 1845 г. он поступил в 5-й линейный батальон, где в 1847-1848 являлся сослуживцем Т. Шевченко.

Имена Шевченко и Павлова значатся рядом в датированном январем 1848 "Списке нижним чинам Оренбургского линейного № 5-го батальона 3-й роты, поступившим в военную службу по высочайшему повелению и по конфирмациям главнокомандующего действующей армией". (ИЛ, ф.1, д.513).

ПАВЛОВ, Иван Васильевич (1832-1904) - врач при Оренбургском и Самарском генерал-губернаторе.

И.В.Павлов родился в дворянской семье Мценского уезда Орловской губернии. Учился в Московском университете, и во время учения был близок к кружку крупного русского ученого и общественного деятеля Т.Н.Грановского. "Все, что было в Москве благороднейшего между людьми молодого поколения, соединилось вокруг него", - писал о Грановском Н.Г.Чернышевский. По окончании университетского курса со званием уездного врача Павлов в 1851 был определен в Оренбург, лекарем к генерал-губернатору. Здесь он находился до 1854, когда, по собственной просьбе, получил перевод на родину в Орловскую губернию. (ГАОО, ф.6, оп.6, д.13139).

Выехал Павлов отсюда с женой Надеждой Николаевной и двумя детьми. (ф.173, оп.11, д.190).

Впоследствии, продолжая служебную карьеру, он вел также активную литературную, журналистскую деятельность (псевдоним Л.Оптухин). Павлов встречался с А.И.Герценом, был знаком и переписывался с Н.А.Некрасовым, М.Е.Салтыковым-Щедриным, А.Ф.Писемским, А.Н.Плещеевым и другими деятелями литературы, поддерживал связи с прогрессивными кругами.

И.В.Павлов упоминается в воспоминаниях К.И.Герна, как один из тех, кто хлопотал перед В.А.Перовским об облегчении участи Шевченко.

ПАВЛОВ, Николай Васильевич - казначей и экзекутор Пограничного отделения канцелярии Оренбургского и Самарского губернатора, губернский секретарь.

В этой должности состоял с ноября 1851 г. Что касается предыдущих лет, то они очень схожи с биографией брата, И.В.Павлова, с той лишь разницей, что учился Николай Васильевич на юридическом факультете. (ГАОО, ф.6, оп.6, д.12340, 13401).

Как и его брат, Н.В.Павлов прилагал усилия к тому, чтобы доля Шевченко была облегчена, действуя в этом направлении через генерал-губернатора В.А.Перовского и его окружение.

ПАЛЬМОВ, Гавриил Яковлевич - ключарь Астраханского кафедрального Успенского собора.

Как духовное лицо, заведующее ризницей и церковную утварью, "отец Гавриил" познакомил Т. Шевченко с историей и достопримечательностями этого храма, а также других церквей в Астрахани. Узнанное от Пальмова записано в Дневнике 11 августа. Сопоставлены сведения, почерпнутые поэтом из бесед с ключарем (V, 101-103), с материалами об астраханских соборах, содержащимися

в книгах (М.Рыбушкин. "Записки об Астрахани". М., 1841; "Астраханский кафедральный Успенский собор", Астрахань, 1880; "Астраханский Троицкий собор", место и год издания те же) свидетельствует об осведомленности и добросовестности "гида", сообщившего своему спутнику все, что его интересовало.

ПАНОВ, Алексей Панфилович - буфетчик парохода "Князь Пожарский".

Крепостной крестьянин, он был "отпущенником г-на Крюкова" и служил в пароходном обществе "Меркурий".

Т. Шевченко восхищался его талантом скрипача: "Благодарю тебя, крепостной Паганини... Из твоей бедной скрипки вылетают стоны поруганной крепостной души..." (V, 109).

В Нижнем Новгороде поэт вспоминал своего "возлюбленного виртуоза", искал его и, не найдя 30 сентября 1857 (V, 144), отыскал, возможно, в дальнейшем.

Рукою Павлова в Дневник вписаны несколько строк и ноты мелодии - одной из тех, которые он играл. (V, 103).

ПАНЧЕНКО, Елисей Харлампиевич - медицинский инспектор Астраханского порта.

Родился в 1813 г. По окончании Петербургской медико-хирургической академии (1840) стал служить по морскому ведомству, на Каспийском море и в Астрахани.

В Астрахани же, предположительно, познакомился с ним Т. Шевченко. Но сблизилась они во время рейса парохода "Князь Пожарский", о чем свидетельствуют, прежде всего, записи в Дневнике. (V, 118, 129, 130). На пароходе был нарисован и портрет Шевченко, который, на наш взгляд, следует считать неотысканным. Фамилия указанного лица под одним из опубликованных портретов (X, л.12) дана без реальных оснований.

Надо сказать, что Панченко в Дневнике поименован Елисеем Александровичем. Такое отчество дано и в "Адрес-календаре". Однако в формулярных списках он - Харлампиевич; это следует учитывать при разыскании дополнительных архивных материалов.

ПАРОВЧИ, Павел Францискович - рядовой 3-го Оренбургского линейного батальона.

Причины, повлекшие определение дворянина Паровчи на солдатскую службу в Отдельный Оренбургский корпус, пока не установлены. Известно, что в 1849-м и последующих годах он находился в Оренбурге; у него и его жены Магдалены Келиановны (урожденной Дзюг лова) было несколько детей.

Изучение метрических записей в книге римско-католической церкви позволяет сделать вывод о тесном общении Паровчи со многими людьми, близкими к Т. Шевченко. Среди восприемников его детей в 1849-50 были Е.Середницкий, Л.Липский, З. Сераковский, Р.К опровский и другие. Исходя из этого, Павел Паровчи также может быть причислен к кругу оренбургских знакомых поэта.

Паровчи умер в Оренбурге в 1860 г. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.189).

ПАРФЕНОВ, Калистрат - матрос первой статьи, участник экспедиции по изучению и описанию Аральского моря.

Старший по возрасту в команде матросов 45-го флотского экипажа, командированных на Арал (на Волге и Каспии служил в 1831, на первую статью был аттестован еще в 1839), к новому месту службы следовал под непосредственным начальством унтер-офицера первой роты Абизарова.

С Шевченко на "Константине" провел первую навигацию (1848). В следующем году ходил на шхуне "Николай".

ПЕРВУХИН, Михаил Борисович - попечитель Оренбургской дистанции прилинейных киргизов (казахов).

Родился в 1813 г., в семье обер-офицера. Закончил отделение словесных наук Казанского университета, после чего там же был учителем арабского языка в гимназии. Далее служил в палате уголовного суда, в Пограничной комиссии. В 1849 получил назначение на указанную свою должность. (ГАОО, ф.6, оп.6, д.13524/б).

Первухин входил в круг общения Б. Залеского, на квартире которого с ним встречался Т. Шевченко. В связи с этим его имя упоминается в следственном деле 1850.

ПЕРЕКРЕСТОВ, Александр Васильевич - побочный сын генерал-губернатора В.А.Перовского.

"Между многими неинтересными степными новостями он (Круликевич - Л. Б.) сообщил отвратительно интересную новость. Побочный сын гнилого сатрапа Перовского собственноручно зарезал своего денщика, за что был разжалован в солдаты; но мелкая душонка <не вынесла> и этого всемилостивейшего наказания, он вскоре умер или отравил себя. Туда и дорога..." (Из записки Т. Шевченко в Дневнике от 7 января 1858 - V, 184-185).

Перекрестов служил в Орской крепости с января 1847, и Шевченко мог знать его еще на первом году своей службы. (ИЛ, ф.1, д.437).

В метрической книге Оренбургской Полковой Петропавловской церкви за 1851 год есть запись о рождении у рядового пятого батальона Перекрестова и его жены сына Петра. Восприемниками названы В.А.Перовский (за отсутствием его в церкви находился адъютант - поручик П.А.Толмачев, сын командира 23-й дивизии) и жена обер-квартирмейстера корпуса Е.П.Бларамберг. (ГАОО, ф.172, оп.3, д.208). Необычен тут не только особый состав восприемников, но и место совершения обряда: он происходил не в Орской крепости, где размещался батальон, а в Оренбурге. Такое для рядового, даже для "рядового из дворян", могло стать возможным лишь с высокого покровительства - в данном случае губернатора, доведившегося Перекрестову отцом.

Рядовым Перекрестов пребывал недолго. Год спустя он стал прапорщиком 9-го, а в 1854 - 4-го линейного батальона. (ГАОО, ф.6, оп.12, д.1044).

Большее представление о нем дает еще одно архивное дело: "О жестоких побоях, нанесенных прапорщиком Перекрестовым рядовому Гилеву", относящееся к 1855 г. (ГАОО, ф.6, оп.18, д.321).

Становится известным, что был Перекрестов в прошлом штабс-капитаном Отдельного Кавказского корпуса, но оказался разжалованным в рядовые "за разные злоупотребления и жестокое обращение с подчиненными". Прослужив рядовым короткий срок, он снова получил офицерское звание, пошел в гору и в 1855 являлся не только казначеем 11-го линейного батальона, а и начальником

Самарской инвалидной команды. Здесь, однако, вновь проявил свой деспотичный нрав. Как значится в названном деле, 8 сентября на сборном дворе он, "неизвестно по какой причине", избил рядового инвалидной команды Федора Гилева, причем "до того избил собственноручно, что тот, лишась

чувств, упал во фронте и потом, в то же время, отвезен был на излечение в городскую больницу", где находился долго.

Имея в виду самого В.А.Перовского, Шевченко в цитированной записи отмечал: "Выходит, яблоко не далеко от яблони упало". То же архивное дело содержит подтверждение и этих шевченковских слов.

Штабс-капитан корпуса жандармов в Самарской губернии полковник Андреев счел необходимым поставить перед командиром батальона вопрос об отстранении Перекрестова "от командования частью и всякой интересной должности", о чем не преминул донести ко мандиру Отдельного Оренбургского корпуса Перовскому. В ответ Андреев получил строгое губернаторское внушение насчет того, что ему "не следовало входить от себя в сношение с командиром батальона об отстранении прапорщика Перекрестова от командования, а до лжно было ограничиться донесением об означенном случае главному начальнику края..." Меры, принятые Перовским по этому случаю, выразились в выдаче им жене избитого рядового Варваре Гилевой двадцати пяти рублей "из экстраординарных сумм". Как тут не повторить слова Шевченко о Перовском, записанные им в свой Дневник еще в Новопетровском укреплении: "Холодное, развращенное сердце"? (V, 23).

О смерти Перекрестова в официальных приказах по Отдельному Оренбургскому корпусу ни в 1857-м, ни в 1858-м годах упоминаний нет. Это могло быть просто слухом. (Слухом того же порядка, что и услышанная Шевченко весть о позорной отставке подпоручика Обр ядина - виновника мук рядового Скобелева, в то время, как, на самом деле, Обрядин был всего-навсего переведен в казачье войско). Ничего не пишет о смерти Перекрестова и знавший его И.В.Чернов; в своих "Записках" он отмечает, что сын унаследовал "в спыльчивый характер" отца, подтверждая это тем же фактом: "в пылу раздражения убил своего слугу". (стр.105).

Перекрестов - один из представителей развращенной уродливым воспитанием дворянской молодежи, образы которой нашли воплощение в повестях "Близнецы", "Несчастный" и других произведениях Т. Шевченко.

ПЕРЕПЕЛЮКОВ, Андрей Михайлович - казак Николаевской станицы Уральского казачьего войска, состоявший на службе при Новопетровском укреплении. Сын Михаила Ивановича и Агафьи Ивановны Перепелюковых - первопоселен цев станицы. (ГАОО,ф.173, оп.11, д.234-а).

А.М.Перепелюков упоминается К.М.Оберучевым как старожил, тепло вспоминавший Т. Шевченко. Тогда, в 1899, это был уже "седой, как лунь, столетний старец". ("Киевская старина", 1900, февраль, стр.157-162).

ПЕРОВСКИЙ, Василий Алексеевич (1795-1857) - "Оренбургский и Самарский генерал-губернатор, командир Отдельного Оренбургского корпуса и заведующий Оренбургским Пограничным краем, член Государственного Совета, член Адмиралтействсовета, генерал-адъютант, генерал от кавалерии".

("Адрес-календарь Оренбургского края на 1854 год", стр.287).

Внебрачный сын графа А.К.Разумовского и М.М.Соболевской, Перовский окончил курс в Московском университетском пансионе, а затем Школу колонновожатых, из которой в 1811 был выпущен прапорщиком. Участвуя в Отечественной войне 1812, Перовский получил ранение под Бородино; при отступлении русских войск из Москвы французы его взяли в плен, и там он оставался до взятия Парижа. По возвращении Перовский сделал быструю карьеру. В 1818 стал капитаном, в 1819 - полковником, в 1825 - флигель-адъютантом.< /P>

Перовский близко стоял к литературным кругам; среди его знакомых были Пушкин, Карамзин, Вяземский, Жуковский, некоторые из будущих декабристов. Во время следствия по делу декабристов Перовского называли "не долго принадлежавшим к Военному обществу", но злонамеренных действий в его поведении установлено не было, к тому же сам он объявил обо всем в записке на имя царя и тот повелел "оставить без внимания".

В 1828 Перовский (оправившийся от нового ранения - в турецкой кампании) - генерал-майор свиты, в 1829 - директор канцелярии Морского штаба и генерал-адъютант. В 1833-1842 он являлся Оренбургским военным губернатором. В последующие годы, до вторичного назначения в тот же край, уже в качестве Оренбургского и Самарского генерал-губернатора, был членом Государственного Совета и Адмиралтействосовета, выполнял важнейшие поручения - в частности, возглавлял следствие по делу петрашевцев.

Сменив на посту губернатора В.А.Обручева, Перовский прибыл в Оренбург в мае 1851 и нес обязанности полномочного начальника края до апреля 1857, когда его сменил А.А.Катенин. ("Военная энциклопедия", т.18, СПб, 1915, стр.372-373; "Восстание декабристов", т.VIII, Л., 1925, стр.149, 374; ГАОО, ф.6, оп.6, д.12845).

Отношение Т. Шевченко к Перовскому претерпело в течение нескольких лет серьезную эволюцию. Впервые мы встречаем это имя в письме поэта из Орской крепости (1847): он просит, через В.И.Даля, умолить находившегося в Петербурге и весьма влиятельного там Перовского выволить его хотя бы из казарм. (VI, 45). Перовский, еще не будучи губернатором, хлопотал в 1850 об облегчении участи Шевченко. Естественно, что с приездом Перовского в Оренбург поэт связывал большие надежды, хотя в дошедших до нас письмах упоминал о нем лишь вскользь. (VI, 84). Но вот в 1854-м - первое серьезное разочарование: "Добрый Л.Ф. (Еккельн - Л. Б.) просил В.А., чтобы позволил мне написать образ для здешней церкви, и мне отказано!" (VI, 102). Новые надежды - и еще одно разочарование: отказ произвести в чин унтер-офицера, дававший право на отставку. (VI, 111, 115, 116, 124, 128). "Чем и как я могу уничтожить предубеждения В.А.?" - горестно спрашивал Шевченко себя и друзей в ноябре 1856. (VI, 141).

В письмах он был осмотрителен, осторожен: помнил о возможности прочтения их непрошенными цензорами. Иное дело - Дневник. Записи свидетельствуют о вполне сложившемся мнении Т. Шевченко о губернаторе Перовском.

"Бездушному сатрапу и наперснику царя пригрезилось, что я освобожден от крепостного состояния и воспитан на счет царя, и в знак благодарности нарисовал карикатуру своего благодетеля. Так пускай, дескать, казнится неблагодарный. Откуда эта нелепая басня - не знаю. Знаю только, что она мне недешево обошлась. Надо думать, что басня эта сплелась на конфирмации, где в заключение приговора сказано: "строжайше запретить писать и рисовать". Писать запрещено за возмутительные стихи на малороссийском языке. А рисовать - и сам верховный судья не знает, за что запрещено. А просвещенный блюститель царских повелений непоясненное в приговоре сам пояснил, да и прихлопнул меня своим бездушным всемогуществом. Холодное, развращенное сердце. И этот гнилой старый развратник пользуется здесь славою щедрого и великодушного благодетеля края. Как близоруки, или, лучше сказать, как подлы эти гнусные славильщики. Сатрап грабит вверенный ему край и дарит своим распутным прелестницам десятитысячные фермуары, а они прославляют его щедрость и благодеяния. Мерзавцы!" (V, 23-24).

Перовский - "весьма неразборчив на своих приближенных и приближает к своей высокой персоне именно шваль". (V, 26-27). "Оренбургской сатрапией" называет Шевченко край собственной неволи. Сатрап для него это Перовский, сатрапия - губерния, которой тот правит. "Есть еще у меня в запасе один план, основанный на происшествии в Оренбургской сатрапии. Не присоединить ли его

как яркий эпизод к "Сатрапу и Дервишу"?" (V, 78). Узнав, уже в Нижнем Новгороде, новое о побочном сыне незадолго перед тем умершего Перовского - Перекрестове, Шевченко вновь именует

Перовского "гнилым сатрапом", "растленным сатрапом" и восклицает: "О Николай, Николай! Какие у тебя лихие сподручники были. По Сеньке шапка". (V, 185).

Здесь нелишне сделать отступление и провести литературную аналогию. Почти в одно и то же время задумали писать о Перовском Тарас Шевченко и Лев Толстой.

"История Перовского" - записал Толстой в своем Дневнике 29 октября 1857, впервые услышав о пребывании его, русского офицера, в плену у французов. (т.47, стр.161). Шевченко к тому времени уже узнал Перовского-губернатора, - и узнал настолько, что решил немедленно приступить к произведению, основанному "на происшествии в Оренбургской сатрапии". Таким "происшествием" могла, на наш взгляд, явиться и история с тяжким увечьем, которое нанес в 1855 ни в чем не повинному солдату тот самый побочный его сын Перекрестов, который появился от связи Перовского с женой некоего барона, и к которому Перовский, по всему судя, весьма благоволил (в том же "происшествии" он принял все меры, чтобы прикрыть преступление сына и наказать тех, кто пытался сделать его достоянием "гласности"). Нужно сказать, что впоследствии, продолжая думать над тем же образом, Толстой также пришел к замыслу произведения, "местом действия которого должен быть Оренбургский край, а время - Перовского". Он размышлял: "... такая фигура - одна наполняющая картину - биография его - была бы груба, но с другими, противоположными ему, тонкими, мелкой работы, нежными характерами... выражает вполне то время". (т.62, стр.371, 383). К сожалению, замыслы и Шевченко, и Толстого остались неосуществленными.

Нам думается, что на гневных шевченковских характеристиках Перовского сказались не только личная боль и обида, но и знание поэтом его, Перовского, отступничества в 1825-м, его роли в подавлении движения петрашевцев, его, наконец, действий в Оренбургском крае, в том числе в отношении политических ссыльных.

Следует отметить, что характеристики отношений Шевченко и Перовского касались в своих воспоминаниях многие современники (Л.М.Жемчужников, К.И.Герн, Б.Ф.Залеский, А. Е. Ускова, И.С.Тургенев). Отдельные мемуаристы, а еще более биографы (Е.Гаршин), серьезно погрелись против правды, договорившись чуть ли не до того, что Перовский, якобы, ударил Шевченко по лицу. Нет, они (по крайней мере, в Оренбургском крае) не встречались никогда,

о пощечине не могло быть и речи, но все поведение Перовского в отношении поэта, весь характер его деятельности глубоко возмущали Шевченко, вызывая к жизни самые злые эпитеты-оценки.

"Объявляю о сем для сведения..."

Апреля 22-го дня, 1857 года, № 127

Шесть лет тому, с расстроенным уже на службе здоровьем, принял я вторично управление Оренбургским краем и командование Отдельным Оренбургским корпусом. Единственное сердечное желание мое было посвятить себя на пользу и устройство страны, давно мною любимой, и умереть на поприще, указанном мне волею и доверием Царя; но тяжкая, изнурительная болезнь истощила меня, и я с горестию вынужденным нашелся просить Государя Императора о сложении с меня должностей ей, требующих деятельности, на которую недостает моих сил. Всемилостивейше снисходя ко всеподданнейшей моей просьбе, Его Императорскому Величеству благоугодно было осчастливить меня рескриптом, исполнившим душу мою невыразимую благодарностию. С благоговением передаю здесь слова этого священного для меня свидетельства Монаршаго благоволения, далеко превышающего слабые мои заслуги:

"Граф Василий Алексеевич! Выраженное вами убеждение, что расстроенное состояние здоровья не позволяет вам, с необходимою деятельностью, продолжать управление Оренбургским краем и начальствовать над войсками, в нем расположенными, побудило Меня, с душевным соболезнованием, согласиться на просьбу вашу об увольнении вас от должностей

Оренбургского и Самарского генерал-губернатора и командира Отдельного Оренбургского корпуса.

Поставляю Себе при этом в особенное удовольствие изъявить вам совершенную Мою признательность за долголетние, всегда достойно оцениваемые блаженные памяти Родителем Моим, неусыпные труды ваши на пользу вверенных вам края и войск, положившие твердые основы их благоустройству, и за полную откровенность, с которою вы познакомили преемника вашего с истинным положением Оренбургского края и с видами на дальнейшее развитие его благосостояния.

Желая, чтобы отдохновение от трудов послужило к прочному восстановлению здоровья вашего, дорого ценимого Мною, по уважению к просвещенной опытности и пламенному усердию вашему к нужным пользам Престола и Отечества, пребываю навсегда неизменно благосклонный и искренно доброжелательный к вам,

На подлинном собственною Его Императорского

Величества рукою написано: "вас душевно любящий и благодарный Александр."

**Санкт-Петербург
7 апреля 1857 года**

Вместе с тем Господин Военный Министр сообщил мне Высочайшую Его Императорского Величества волю, чтобы я продолжал управление на прежнем основании до прибытия сюда назначенного Государем Императором на мое место генерал-адъютанта Катенина.

Объявляю о сем для сведения и надлежащего исполнения.

Я не в праве говорить по настоящему случаю о достоинствах моего преемника, избранного отеческою заботливостью возлюбленного нашего Царя; но должен сказать, что назначение генерал-адъютанта Катенина радует и утешает меня, душевно сроднившегося я с Оренбургским краем.

Прощаясь с вами, любезные сослуживцы, прошу вас, если успел заслужить вашу привязанность и доброе расположение, выразить мне эти чувства, содействуя новому вашему начальнику с такою же ревностью к Царской службе, какие встречал я в вас постоянно во все продолжение двукратного пятнадцатилетнего моего управления.

Подписал Генерал-адъютант граф Перовский".

ПЕРОВСКИЙ, Лев Алексеевич (1792-1856) - министр внутренних дел, старший брат В.А.Перовского.

Окончил Московский университет, служил колонновожатым в царской свите, во время Отечественной войны против Наполеона был ранен. Перейдя на гражданскую службу, с 1841 г. являлся министром внутренних дел, а с 1852 - министром уделов.

Л.А.Перовский привлекался друзьями Т. Шевченко к оказанию помощи в облегчении его участи, но эти попытки успеха не имели.

В 1849, будучи в Аральской экспедиции, Шевченко непосредственно участвовал в выполнении "археологического" поручения министра внутренних дел.

Из письма Л.А.Перовского В.А.Обручеву

"... Получив сведения об открытии на Аральском море неизвестных доселе островов, из коих один в особенности отличается величиною, я обращаюсь к Вашему высокопревосходительству с покорнейшею просьбою приказать исследовать при первой возможности острова эти в отношении археологическом, полагая, что это могло бы повести к довольно важным открытиям. Бактрианское царство, столь знаменитое по влиянию на него греческого образования, вероятно заключало в пределах своих и Аральское море, коего острова не могли остаться чуждыми этого предприимчивого, промышленного народа..." (1849; ГАОО, ф.6, оп.10, д.6136, л.1-2).

ПЕСЛЯК, Алоизий - польский ссыльный.

В период оренбургской неволи Т. Шевченко Песляк являлся старейшим представителем польских ссыльных в губернии. Он был осужден еще в начале 20-х годов за учреждение тайного общества "Черных братьев", объединявшего свободомыслящую молодежь.

Песляк оставался под строгим надзором и в 50-е годы. (ГАОО, ф.6, оп.18, д.191, 215). Его фигура представляет интерес для характеристики всего разнообразия политического окружения Шевченко того периода.

Надо добавить, что в Оренбургскую губернию были отправлены и другие организаторы того же тайного общества. Среди них - Виктор Карлович Ивашкевич, который впоследствии, в 30-х годах, принял участие в "злонамеренном заговоре поляков" в Оренбурге. (ГАОО, ф.6, оп.18, д.94). В пятидесятые годы он еще оставался в губернии.

ПЕТР (фамилия не установлена) - академический служитель при К.М.Бэре. Вместе с ученым участвовал в ряде его экспедиций, в том числе Каспийской.

Т. Шевченко познакомился с ним в 1853, во время первого пребывания экспедиции Бэра в Новопетровском укреплении. Служитель академика (конечно, с согласия его самого) стал непосредственным исполнителем поручений Шевченко, который, находясь на Мангышлаке, увлекся искусством скульптуры и в связи с этим нуждался в помощи петербургских друзей.

С ним, Петром, Шевченко передал для С.С.Гулака-Артемовского "небольшой ящик" с "делом рук" своих - скульптурной группой "Трио". "Ежели в декабре или в январе ты не получишь своего добра, то, як будеш на Васильевском острове, зайди в Академию наук... и спроси на квартире у академика Бэра камердинера его Петра, а у Петра спроси ящик на твое имя". Через Петра же, который в следующем году вновь придет в Новопетровское укрепление, Шевченко просил переслать ему какой-нибудь "маленький барел ьефик": "хотелось бы хоть посмотреть на что-нибудь хорошее". (VI, 87-88).

ПЕТРЕНКО, Иван - марсовой на шхуне "Константин", участник экспедиции по изучению и описанию Аральского моря.

"Марс... дощатая или решетчатая площадка у топа (вершины) мачты, на первом колене рангоута, при соединении мачты со стенгою... Марсовой, к марсу относящийся; матрос, которого место на марсе (шканечные, ютовые и баковые - на палубе)" - Даль. На парусном судне марсовой являлся матросом самой высокой квалификации.

Прослужив в 45-м флотском экипаже с 1840 года, Петренко состоявший в первой роте, удостоился этого звания непосредственно перед назначением его в состав командированных для участия в описной экспедиции А. И. Бутакова.

На шхуне "Константин", Кос-Арале и в других местах Шевченко и Петренко общались в течение всего срока деятельности экспедиции.

ПЕТРОВ, Иван Григорьевич - писарь штаба 23-й пехотной дивизии. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.195, л.25).

Названный Петров запомнился Шевченко, вероятно, еще по первым дням пребывания в Оренбурге, в связи с тягостной процедурой оформления на долгую и страшную солдатскую службу. Десять лет спустя, 29 июня 1857 г., в томительном ожидании официального уведомления о свободе, поэт записывал: "... А свобода моя где-нибудь с дельцом-писарем в кабаке гуляет. И это верно, верно потому, что ближайшие мои мучители смотрами, учениями, картами и пьянством прохлаждаются, а письменные дела ведает какой-нибудь писарь Петров, разжалованный в солдаты за мошенничество. Так принято искони..." (V, 37). Биография подлинного Петрова неизвестна, однако связь этих имен представляется реальной.

ПЕТРОВ, Иван Фадеевич - ассессор комиссии военного суда

Уральского казачьего войска. (ГАОО, ф.6, оп.6, д.12509; "Адрес-календарь Оренбургского края на 1854 год", стр.277).

В казачьем войске Петров служил с 1837 г. Первый офицерский чин он получил в 1843-м. С 1846 - сотник. Учился в Уральском войсковом училище, которое успешно окончил. По всем статьям аттестовался похвально. (РГВИА, ф.405, оп.6, д.7441, л.27 об.-28).

В майском письме 1848 Ф. Лазаревский писал Т. Шевченко: "На Раиме, где, конечно, я не предполагаю для вас лишних удовольствий, я компаную для вас товариство... податель сего возник Иван Фадеевич Петров; познакомьтесь с ним - хороший человека". ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр.75).

Автограф письма неизвестен, печатается оно по первой публикации. ("Листування", 1929, стр.261). Там же, по всему судя, допущена ошибка в написании слова, предшествующего имени-отчеству Петрова, и должно быть не "возник" (возчик), а "возный" (от - возиться, устраивать дела). Украинец Лазаревский, пересыпавший свои письма словами родной речи, применил его, как синоним судейского, юриста, и Шевченко это было вполне понятно.

Других сведений о знакомстве Шевченко и Петрова в нашем распоряжении нет. В одном из своих писем к А. И. Макшееву (от 16 декабря 1848) "Ивана Фадеевича" упоминает А. И. Бутаков, характеризуя как "политичного и тонко образованного человека". (ИЛ, ф. 1, д.284). Это свидетельство дополняет наши представления о лице, упоминаемом в шевченковской переписке.

ПЕТРОВ, Иустин Никитич - командир кусовой лодки, лейтенант.

Петров был старым моряком. Еще в 1815 г. поступив учеником в Николаевское флотское училище, много лет ходил по Черному морю, а с 1838 служил на Каспийском. В 1851-58 командовал кусовой лодкой № 1. ("Общий морской список", т.ХI, стр.182-183). Эта лодка занималась перевозкой живой рыбы, прежде всего воблы, а также ловкой белуг "на кус" - преимущественно для отправки ко двору. "Для этого вся середина ея (кусовой лодки - Л.Б.) занята

чаном, садком, со сквозными прорезами, и лодка держится на воде только кормою и носом". (В.И.Даль. "Толковый словарь живого великорусского языка", т.2, стр.226). Лодка перевозила также новопетровских рыбаков, торговавших рыбой в Астрахани.

На этой лодке - кусовой № 1, курсировавшей между Астраханью и Новопетровским укреплением, - совершил Т. Шевченко, предположительно, последнее свое путешествие по Каспийскому морю. "В 5-ть часов вечера приплыл я на самой утлой рыбацкй ладье в город Астрахань", - записал он в Дневнике 5 августа 1857, тут же уточнив: "после трехдневного благополучного плавания по морю и по одному из многочисленных рукавов Волги". (V, 95). Первые представления об Астрахани (V, 95-

96) Шевченко получил с борта этой кусовой лодки. 9 августа он ходил к пристани "проведать... новопетровских аргонатов", готовившихся в обратный рейс. "Желаю вам счастливого плавания, бесстрашные плователи, - записал далее. - Поклонитесь от меня прибрежным скалам, на которых я провел столько бессонных ночей". (V, 100).

Петров - командир "бесстрашных плователей" - продолжал свою службу на флоте еще два года. В 1860 он был уволен с чином капитан-лейтенанта.

ПЕТРОВ, Константин Петрович - унтер-офицер 1-го Оренбургского линейного батальона; занимался письмоводством при заведующем двумя ротами этого батальона, расположенными в Новопетровском укреплении.

(ГАОО, ф.1 73, оп.11, д.234-а).

"По протекции писаря Петрова" Шевченко был назначен в "почетный караул" в связи с пущенными кем-то слухами о предстоящем приезде "августейшего гостя". Визит не состоялся, тем не менее ему по сему случаю еще раз довелось вкусить все тяготы солдатской муштры. (V, 52-53).

ПЕТРОВ, Степан - заштатный дьячок Спасопреображенской церкви в Орской крепости.

Еще в 1793 г. он был определен пономарем в крепость Орскую, в 1794 посвящен в стихари. В 1805 получил перевод в форштадтскую церковь Оренбурга причетником, но в 1806 возвратился и до 1840 (когда был уволен в отставку по старости) служил здесь в ш тате. (ГАОО, ф.173, оп.1, д.264).

Т. Шевченко не мог не знать старейшего жителя и церковнослужителя крепости, продолжавшего участвовать в службах несмотря на свой восьмидесятилетний возраст.

ПЕТРОВА, Анна Алексеевна - жена унтер-офицера К.П.Петрова.

(ГАОО, ф.173, оп.11, д.234-а).

Петрова упоминается Т. Шевченко как невольная участница комедии, разыгравшейся в связи с неудачной женитьбой подпоручика А.В.Чирца. Чирц отдал "унтер-офицерше Петровой сшить для своей невесты ситцевое платье и коленкорovou кофту"; когда же между з ятем и тестем "вышло контро", жених отобрал у портнихи недошитую кофту и заложил ее "за две чары водки". (V, 18-19).

Если бы Шевченко написал на этом материале тот "премиленький и назидательный... водевильчик", о котором говорится в цитированной записи Дневника от 16 июня 1857, была бы в нем роль и унтер-офицерши Петровой.

ПЕТРОВИЧ, Григорий Фердинандович - капитан корпуса лесничих, чиновник Нижегородской строительной и дорожной комиссии.

В Нижнем Новгороде Петрович руководил благоустроительными работами. Непосредственно участвовал он и в сооружении железной дороги, в связи с чем в Дневнике назван "путейским капитаном".

"Петрович по происхождению серб, образованный, прямой и сердечный человек, хорошо разумеющий и глубоко сочувствующий всему современному..." - так написал о нем Т. Шевченко 27 февраля 1858 г. (V, 207).

ПЕТРОВСКИЙ, Иосиф - рядовой 1-го Оренбургского линейного батальона.

Родился в Вильно в 1829 (или 1830) году, в дворянской семье. На военную службу его определили "за прикосновенность к тайному обществу, открытому в 1849 году в Вильне". Уволенный в отставку с чином унтер-офицера, отбыл на родину в августе 1857, без снятия секретного над ним надзора. (ГАОО, ф.6, оп.18, д.375, лл.19-20; В.А.Дьяков - "Деятели русского и польского освободительного движения", стр.134).

И.Петровский являлся одним из сотоварищей Шевченко в Новопетровском укреплении.

ПИКУЛИН, Павел Лукич (1822-1885) - адъюнкт-профессор терапевтического отделения госпитальной клиники при Московском университете.

Воспитанник Московской медико-хирургической академии, он был известен как образцовый диагност, что снискало ему широкую врачебную популярность.

Со времен студенчества Пикулин поддерживал приятельские отношения с А.И.Герценом, Т.Н.Грановским и их окружением. В центре общественной жизни он находился долгие годы. В 1855 Пикулин ездил в Лондон с тайной целью доставить Герценому материалы для бесцензурной печати. В 1856-59 редактировал "Журнал садоводства", выступая в нем также в качестве одного из основных авторов. ("Шукинский сборник", вып. VII, М., 1907, стр.113-117; Н.А.Белоголовый. "Воспоминания", М., 1897).

Имя П.Л.Пикулина в литературно-эпистолярном наследии Т. Шевченко не упоминается. Нет сведений о знакомстве с ним поэта и в мемуарной литературе, биографических и других изданиях. Тем не менее оно заслуживает быть названным. Пикулин входил в круг лиц, с которыми Шевченко общался в Москве; он был близок к Щепкиным, Аксаковым, Кетчеру, Бабсту и другим московским его знакомым. Это, а также изучение обстоятельств жизни Пикулина того периода, позволяет с достаточной убежденностью сказать, что Т.Шевченко имел возможность познакомиться и с ним, причем - что особенно вероятно - на новоселье книжного магазина Н.М. Щепкина. Известно, что в дневниковой записи за 24 марта 1858 поименно названы не все участники той, весьма важной, дружеской встречи. (V, 217).

ПИЛИПЕНКО, Сергей Владимирович (1891-1941) - писатель, журналист, литературовед.

Являясь одним из руководителей Института Тараса Шевченко в Харькове, членом Всеукраинского Шевченковского комитета, Пилипенко многое сделал по выявлению и сбору художественных работ и других реликвий из творческого наследия гения Украины.

Именно ему принадлежала честь приобретения в Бугуруслане коллекции семьи Усковых, хранившейся у дочери коменданта Новопетровского укрепления Надежды Ираклиевны, по мужу - Смоляк. Коллекция содержала портреты Усковых, акварельные пейзажи, фотография работы главы семейства, наконец письмо Т. Шевченко, посланное из Нижнего Новгорода. Все это было доставлено на Украину. Одновременно Пилипенко привез семь шевченковских художественных работ, хранившихся в Русском музее, и три полученные от наследницы коллекционера И.А.Никольского. Они легли в основу будущего Шевченковского музея.

О своих поездках и находках С.Пилипенко рассказал в статье "Про Шевченкові малюнки" (журн."Плуг", кн.2, 1929).

ПИСАРИ - см. Епанешников Е.А.

Называя имена писарей канцелярии Новопетровского укрепления, мы устанавливаем авторство шуточного письма без подписей, датированное 23 июля 1857. ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр. 101-102).

ПИСЕМСКИЙ, Алексей Феофилактович (1821-1881) - русский писатель.

Литературную деятельность Писемский начал в 40-х годах, когда им был написан роман "Боярщина". В 1853 г. он издал "Повести и рассказы" в трех томах. Трехтомник принес ему известность реалистическим изображением темных сторон русской жизни. Но лучшие произведения Писемского относятся к 60-м годам; это роман "Тысяча душ" и драма "Горькая судьбина", высоко оцененные Н.Г.Чернышевским, Д.И.Писаревым, М.Л.Михайловым и другими.

Знакомство Т. Шевченко с А.Писемским произошло в Новопетровском укреплении в период с 27 по 31 мая 1856 при содействии академика К.М.Бэра, в поездке которого на Мангышлак принял участие и писатель, выезжавший туда как этнограф.

"Шевченко выглядит хорошо. Я познакомил с ним Писемского", - записал Бэр в дневнике 29 мая. (Публикация П.Жура; "Звезда", 1966, № 8, стр.183). После этой встречи Писемский стал одним из активных участников хлопот об освобождении Шевченко от солдатск ой службы, а, одновременно, и помощником в публикации его литературных произведений. Об этом говорится в письмах Шевченко (VI, 140, 144, 156), а также в письме Писемского, посланном в Новопетровское укрепление из Астрахани, вскоре после его отъезда. "Душевно рад, что мое свидание с Вами доставило Вам хоть маленькое развлечение", - писал он. ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр.88-89).

О полуострове Мангышлак и Новопетровском укреплении писатель рассказал в одном из своих очерков. ("Полное собрание сочинений А.Ф.Писемского", т.VII, СПб, 1911, стр.543-545).

После возвращения в Петербург Шевченко не раз встречался с Писемским, участвовал вместе с ним в литературных вечерах, был дружен. Среди книг, оставшихся после смерти поэта, - и книга А.Ф.Писемского с сердечной дарственной надписью.

ПИУНОВА, Екатерина Борисовна (1843-1909) - артистка Нижегородского театра.

Пиунова была "дочерью сцены": впервые она "участвовала" в спектакле в возрасте двух лет, а в шесть-семь выступала почти ежедневно. "Я росла... чуть не на руках у всех знаменитостей сцены того времени..." - вспоминала она впоследствии. По реком ендации В.И.Живокини и И.В.Самарина ее приняли в Московскую театральную школу. Не закончив курса, после двух лет обучения,

она вернулась в Нижний Новгород; здесь юная актриса стала "водевилисткой" местной театральной труппы, снискав себе успех и популярность, которые затем не покидали ее на протяжении десятков лет. Пиунову по-праву называют среди известных актрис русск ой провинциальной сцены второй половины XIX века.

Т. Шевченко, оказавшись в Нижнем Новгороде, в конце 1857 г. познакомился с Пиуновой, сердечно привязался к ней и даже хотел видеть ее своей женой. Предложение было отвергнуто. Историю этого увлечения можно проследить по многочисленным записям в Дневнике.

Предметом внимания, заботы поэта являлась и творческая судьба артистки, о чем, кроме записей дневниковых и переписки (в частности, с М. С. Щепкиным), говорит написанная им статья "Бенефис

И. И. Журавлев
Портрет Е. Б. Пиуновой
1872

г-жи Пиуновой, января 21 1858 года", помещенная в "Нижегородских губернских ведомостях" 1 февраля 1858 года. (VI, 316-318).

Для более глубокого выяснения взаимоотношений Т. Шевченко с Е.Пиуновой интересны воспоминания актрисы. (Н.Ф.Юшков. "К истории русской сцены. Екатерина Борисовна Пиунова-Шмидгоф в своих и чужих воспоминаниях". Казань, 1889). Следует, правда, учитывать, что, наряду с достоверными сведениями о знакомстве с поэтом, они содержат некоторые ошибки, неточности.

Особенно важны эти воспоминания для характеристики самой Пиуновой - той, которую Шевченко полюбил и которая не смогла (да, пожалуй, и не могла) принести ему счастья.

ПИУНОВЫ - семья актрисы Е.Б.Пиуновой.

Старшей представительницей семьи являлась бабушка, Настасья Ивановна Пиунова, урожденная Полякова, в прошлом актриса крепостного театра князя Шаховского.

Ее сын, Борис (отчество установить не удалось), в молодости был танцором театра, а позднее выполнял в нем административные функции.

В отношении к дочери он проявлял строгость. "Лет 6-7-ми я уже отплясывала разные пляски и "разыгрывала" роли, - ...чуть что не так, отец наградит розгой", - вспоминала Ек.Пиунова.

Из семьи, близкой к театру, происходила и Феона Ивановна, мать актрисы.

Кроме Екатерины, у Пиуновых было несколько детей разного возраста Т. Шевченко был знаком со всеми членами этой семьи, бывал в гостях, однажды устроил катанье за город, любил играть с младшими - особенно с малышами. Однако по мере того, как его намерения жениться становились серьезнее, отношение к нему в семье менялось. Родители Пиуновой всячески старались помешать нежелательному им браку и своего добились. (V, 186, 187, 190, 192-193, 196-197, 202).

ПЛАЩЕВСКИЙ, Ипполит - рядовой 1-го Оренбургского линейного батальона.

Родом из неутвержденных дворян Радомской губернии, Плащевский (год рождения - 1816 или 1817) был отдан в 1846 г. в солдаты за то, что "хранил стихи, написанные в духе, неприязненном правительству, укрывался за границей и питал неблагонамеренный образ мыслей". Первые годы его службы прошли в 1-м батальоне; впоследствии служил в 4-м и 10-м, откуда, в чине унтер-офицера, был в 1857 уволен с установлением строгого надзора. (ГАОО, ф.6, оп.18, д.375, лл.27-28; В.А.Дьяков - "Деятели русского и польского освободительного движения", стр.136).

Плащевский являлся одним из сотоварищей Т. Шевченко в бытность их в Новопетровском укреплении.

ПЛАТОНОВ (имя-отчество неизвестны) - артист Нижегородского театра.

По амплу своему резонер, он был одним из популярных актеров провинциальной сцены. Объективную характеристику дал ему Е.Климовский: "Платонов мне друг, а судить своих друзей весьма нелегко... Г.Платонов человек, не обладающий большим талантом, но и не без дарования. Как провинциальный актер,... он сплошь и рядом исполняет все, а потому на его долю очень часто выпадают так называемые роли неблагодарные... Многие - не в его средствах (например, любовники, в которых он смешон, драматические, в которых он только пыхтит как паровоз, важных лиц, для которых у него не хватает приличия). А Осип в "Ревизоре", слуга-старик в водевиле "Собачкин" и т.д. - очень удачно".

Т. Шевченко ценил Платонова как артиста, поддерживал приятельские с ним отношения. (V, 148, 172).

ПЛЕМЯННИКОВ, Андрей Васильевич - майор в отставке, помещик Бузулукского уезда, Оренбургской губернии.

Еще в 1838 г. возник вопрос о взятии в опеку имения жестокого крепостника в селе Покровском (по другому - Племянниково). Наказания батогами и розгами за малейшую провинность, а чаще без всякой вины, приковывание крестьян за шею на несколько суток железной цепью к стене - эти и другие пытки применялись едва ли не каждый день. Это вызвало многочисленные жалобы, однако все они остались без последствий, лишь еще более обозлив мучителя. И только в ноябре 1849 губернатор Обручев, наконец-то, вынужден был обратиться в Правительствующий Сенат насчет "наложения опеки" на имения Андрея Васильевича, а также его двух братьев, живших неподалеку и не уступавших ему в кровопийстве. (ГАОО, ф.6, оп.5, д.10684; ф.6, оп.6, д.13055). В связи с ноябрьским решением Обручева А.В.Племянников и предпринял поездку в Оренбург, где передал губернатору прошение на десяти страницах о справедливом (конечно, в его пользу) решении по "несчастному делу о моих крестьянах" (на которых обрушил весь свой гнев). Приезд помог, и 31 марта 1850 начальник края уведомил, что не считал нужным к опеке прибегнуть. (ГАОО, ф.10, оп.10, д.9).

В январе 1850 г. Т. Шевченко написал в Оренбурге акварельный портрет А.В.Племянникова. (т.8, л.53). Это была работа на заказ, для заработка. Ныне она хранится в Государственном музее Тараса Шевченко в Киеве. Жестокость портретированного в портрете передана достаточно выразительно.

ПЛЕЩЕЕВ, Алексей Николаевич (1825-1893) - русский поэт, рядовой, а в конце службы офицер Отдельного Оренбургского корпуса.

Автор популярнейшего стихотворения "Вперед без страха и сомненья" - этой "Марсельезы сороковых годов", он закономерно, по своим демократическим настроениям и стремлению бороться за свободу, пришел в кружок петрашевцев, проявил себя здесь одним из деятельных участников, за что в 1849 был лишен всех "прав состояния" с отправкой на солдатскую службу в Оренбургскую губернию.

Службу свою Плещеев начал рядовым 1-го линейного батальона (в Оренбург был доставлен 6 января 1850). В марте 1852 состоялся его перевод из Уральска в Оренбург, где располагался 3-й линейный. "За отличие при Ак-Мечети", 27 декабря 1853, поэт получил производство в унтер-офицеры. (ГАОО, ф.6, оп.12, д.1044, л.3). Проведя зиму в Оренбурге, он затем около двух лет оставался в форте Перовском (бывш.Ак-Мечеть). 12 июня 1856 Плещеев стал прапорщиком. (ГАОО, ф.6, оп.12, д.1388, л.99). Вскоре он с военной службы был уволен, но желанной свободы не обрел. Циркуляр департамента полиции от 8 июля 1857 предписывал: "Уволенным от службы прапорщикам Плещееву, Европеусу, коллежскому регистратору Головинскому воспретить въезд в обе столицы и жительство в них. .. За прапорщиком Плещеевым... учредить секретный надзор..." (ГАОО, ф.6, оп.6, д.13486).

Находясь на службе в Оренбургской Пограничной комиссии, поэт продолжал хлопотать о разрешении выезда в Петербург и Москву, однако добился лишь права на четырехмесячный отпуск с января 1858. Отпуск, путем разных ухищрений, продлевался, пока, наконец, в июле 1859 не последовало сообщение о разрешении Плещееву поселиться в Москве (но - "чтобы он вел себя... как можно осторожнее и не входил в сношения с лицами, не пользующимися доверием правительства и что в противном случае он подвергнет себя са мой строгой ответственности"). Из Оренбургской губернии Плещеев выехал с женой, Е.А.Рудневой, дочерью надзирателя соляного рудника в Илецкой Защите; их брак состоялся в 1857. (ГАОО, ф.6, оп.6, д.13486).

"Вот шестой год, как я в этом крае, как я солдат, - писал А.Н.Плещеев в одном из писем 1855. - 24-х лет прибыл я - теперь мне 30-й. Лучшие годы жизни прошли - Бог знает как... без толку для себя и для других... Столько унижений, оскорблений всякого рода довелось мне изведать..." ("Минувшие годы", 1908, октябрь, стр.137). Важными документами оренбургской ссылки Плещеева являются его письма, особенно к В.Д.Дандевиллю. (Названный журнал, стр.103-141; "Литературный архив", т.VI, 1961). Представляет интерес переписка А.Н.Плещеева с оренбургским гражданским губернатором Е.И.Барановским. Его письма к Барановскому опубликованы в альманахе "Степные огни" № 2 (1939, Оренбург, стр.168-225; публикация Н.Е.Прянишникова).

О Плещееве Шевченко мог узнать от петрашевца А.В.Ханыкова в Орской крепости (1850), а еще ранее - в 1848-49 - от близкого в свое время к этому кружку А. И. Макшеева. Личное знакомство двух поэтов могло произойти в Уральске, осенью 1850, когда Шевченко, переведенный в Новопетровское укрепление, сделал кратковременную остановку в городе, где служил Плещеев. Не исключено, что это случилось раньше - по прибытии в Оренбург, 6 января, или в ближайшие после того дни. Предположительность сказанного вызывается отсутствием прямых на этот счет сведений. Нет точных данных и о том, когда между ними возникла переписка. Тем не менее и личное знакомство, и продолжительность переписки сомнений не вызывают.

Переписка возникла не позднее 1853 (хотя не исключена возможность существования ее еще в 1852-м). Об этом свидетельствует уже январское (1854 г.) письмо Шевченко к Б. Залескому. "Поздравь Фому <Вернера> от меня <с производством в прапор щики> и извинись за меня, что я ему не пишу с этой почтой; завтра ученье и караул, и Алексею скажи то же". (VI, 92; комментарии в тексте и разрядка наши - Л. Б.).

Позднее Шевченко Плещееву написал и тот ему ответил. Об этом свидетельствуют строки шевченковского письма к тому же Б. Залескому от 6 июня 1854: "У П<лещеева> действительно не оказалось германских книг, не оказалось даже денег, чтобы ку пить их: это естественно, человек перед походом". (VI, 101).

Отличившись при взятии Ак-Мечети, зиму 1853-1854 гг. Плещеев провел в Оренбурге, а весной 1854 отправился в форт Перовский, основанный на месте бывшей кокандской крепости. "Германские книги", о которых идет речь в письме, - это стихи Кернера, которые Шевченко хотел подарить А. Е. Усковой. Впоследствии стихи были получены от Б. Залеского, которому это дело препоручил, вероятно, Плещеев.

С отъездом Плещеева в степь переписка Шевченко с ним прервалась, примерно, на год. "Перед отъездом вашим в степь писали вы ко мне письмо, на которое я вам не отвечал, во-первых, по недостатку адреса, а во-вторых, потому, что совершенно не о чем было писать..." - читаем в единственном дошедшем до нас письме Шевченко к Плещееву от 6 апреля 1855. (VI, 111).

Прервав на время переписку, Шевченко о Плещееве не забывал. Он интересовался его творчеством; например, писал о плещеевских переводах стихов Э.Желиговского. (VI, 104). Вопросы о Плещееве есть и в письмах этого периода к Залескому. (VI, 110).

Первым нарушил молчание А.Плещеев; произошло это в самом начале 1855. Отвечая на полученное от него, Плещеева, письмо, в котором был, по всему судя, и вопрос, не обиделся ли его адресат на что-нибудь в давнишних плещеевских письмах, Шевченко писал: "Как вам пришло в голову такое предположение! можете ли вы что-нибудь написать, что бы мне было не по сердцу?" (VI, 112). Письмо исполнено дружеских чувств. Как другу, рассказывает ему Шевченко о несбывшейся своей надежде на производство в унтер -офицеры; как друга, просит об услуге, связанной с печатанием повести "Княгиня". (VI, 112). К сожалению, последующих писем из переписки Плещеева и Шевченко, как и ряда предыдущих, отыскать не удалось.

Плещеев стал одним из первых переводчиков произведений Шевченко на русский язык. Начав эту работу еще в Оренбуржье, он вел ее в течение нескольких лет. В плещеевской Шевченкиане - "Сон", "Наймичка", "Ще як були ми козаками" и другие поэтические шедевры поэта Украины.

В рецензии на "Кобзарь" 1860 г. Плещеев писал: "Что касается до нас лично, то поэзия Шевченко производила на нас всегда глубокое впечатление, мы всегда останавливались в изумлении перед этим богатством поэтических образов..." ("Московский вестник", 1860, 1 апреля).

Лучшим исследованием вопроса о творческих взаимосвязях Шевченко и Плещеева является статья Н.Н.Павлюка "Плещеев як перекладач Шевченка" ("Радянське літературознавство", 1967, № 9, стр.51-65). Она содержит в себе обширный биографический материал и дает анализ творческого наследия как Шевченко, так и того, кого он почитал "как... брата, как... искреннего друга" (VI, 112).

Надо отметить, что не только письма, а и художественные произведения Плещеева, представляют интерес как живые свидетельства современников об Оренбурге шевченковских времен и должны при изучении эпохи использоваться возможно шире. Особенно - повесть "Пашинец". ("Русский вестник", 1859, декабрь).

ПЛОТНИКОВ, Павел Зиновьевич - капитанармус 5-го Оренбургского линейного батальона, унтер-офицер. (ГАОО, ф.172, оп.3, д.211, 229).

Плотников упоминается в рапорте коменданта Орской крепости Недоброво Окомандиру Отдельного Оренбургского корпуса о гражданской одежде, найденной у Шевченко во время обыска в апреле 1850 г. Комендант уведомляет, что "партикулярное платье... по прибытии... в Орск... отобрано и ныне (в июле 1850 - Л. Б.) хранится в батальонном цейхгаузе", но одно пальто - "драдедамовое горохового цвета" - подарено Шевченко "унтер-офицеру 4-й роты Плотникову". ("Тарас Шевченко. Документи та матеріали", стр.23 8).

ПОГОДИН, Михаил Петрович (1800-1875) - историк, публицист и писатель.

Занимая в течение десяти лет кафедру русской истории Московского университета (1835-1844), издавая на протяжении пятнадцати лет (1841-1856) журнал "Москвитянин", выступая в печати с трудами научными и публицистическими, Погодин зарекомендовал себя как выразителем официального политического учения "православия, самодержавия и народности", поборником норманской теории происхождения Руси, активным деятелем панславизма.

Встреча Т. Шевченко с Погодиным произошла в Москве, 25 марта 1857 года. Судя по дневниковой записи (V, 218), знакомству личному предшествовало заочное. Убедившись в том, что Погодин "еще не так стар", Шевченко тем не менее охарактеризовал его как одного из "ветхих деньми". Как указывал В.И.Даль, это выражение означает: "Отживающий, дряхлый, пришедший в негодность от долгого употребления". ("Толковый словарь живого великорусского языка", т.1, М., 1955, стр.188). Рассматривая запись в целом (в

частности, кажущееся парадоксальным противопоставление "ветхий деньми" и "не так стар"), приходишь к выводу: в глазах поэта Погодин стар, ветх не физически, но идейно. Тут, думается, прямая оценка его взглядов, для Шевченко неприемлемых.

ПОГОЖЕВ, Василий Николаевич (1802-1859) - инженер-майор ведомства путей сообщения.

Родился 19 января 1802 г. в Москве. (Нижегородская встреча с Шевченко состоялась, следовательно, в канун дня его рождения, когда имениннику исполнялось пятьдесят пять). Отец Погожева - сын купца, именитого гражданина Великого Устюга - получил образование в Голландии, однако, блестяще начав карьеру и дослужившись до обер-секретаря Правительствующего сената, на 32-м

году жизни умер, оставив на попечении совсем молодой жены трех сыновей. Старшему, Василию, едва исполнилось пять. Воспитывался он с детства в школе при немецкой кирке, потом "в одном знатном доме, где все... говорили по французски", далее определили его в пансион Московского университета и там, одиннадцатилетним, стал Погожев свидетелем бурных событий Отечественной войны.

В 1821 Погожева произвели в офицеры. Служба угнетала юного прапорщика настолько, что он даже вознамерился... постричься в монахи. Но вскоре явилась перспектива учиться: как способного к инженерным наукам, его назначили адъютантом к профессору фортификации. Аттестат об окончании курса высшего военного образования стал не единственным признанием его успехов. О многом говорило то, что именно ему, пусть временно, поручили, в дополнение к другим предметам, преподавать в юнкерской школе... словесность и историю. В 1827-м он был переведен в чине поручика в строительный отряд путей сообщения, который вел работы между Новгородом и Валдаем. В 1840 г. его назначили на службу в Санкт-Петербург, где Погожев оставался и в пятидесятые.

Нижегородская встреча с ним Шевченко (V, 188) была не первой - их знакомство состоялось в начале 40-х гг. в Петербурге. После свидания в Нижнем Новгороде Погожев выполнил ряд поручений поэта в Москве. (V, 200, "Листи до Т. Г. Шевченка", 127-129).

ПОГОРЕЛОВ, Гаврила - матрос второй статьи, участник экспедиции по изучению и описанию Аральского моря.

На службе в 45-м флотском экипаже (Астрахань, Каспий) находился с 1841 года; на Арал, а до того - в Оренбург, был отправлен в конце января 1848-го вместе с группой матросов под непосредственным началом унтер-офицера Садчиков. Участвовал в обоих плаваньях (1848, 1849) на шхуне "Константин" вместе с Т. Шевченко. Совместно зимовали на Кос-Арале.

В архивном фонде флотского экипажа (РГВИА, ф.827, оп.1, д.68) фамилия матроса читается иначе: "Погорелой". В ней звучит его предыдущая жизненная судьба.

ПОЖЕРСКИЙ, Эдуард Феликсович - рядовой 5-го Оренбургского линейного батальона.

Происходя из дворян северо-западных губерний России, он "оказался в числе прочих 29 человек прикосновенным к открытому в 1849 году в г.Вильне злоумышленному обществу" и без предания суду был отдан на военную службу - рядовым в Отдельный Оренбургский корпус.

Прибыв в Орскую крепость 5 июня 1850 г., Пожерский вскоре стал участником кружка, который группировался вокруг А.В.Ханыкова и И.Л.Завадского.

После разоблачения "недозволенных связей", во время произведенного обыска, у Пожерского были обнаружены, кроме запрещенных книг, также "четыре листа, без заглавия, заключающие мысли о правах народа". Эти "мысли" достаточно ясно характеризуют и Пожерского, и характер разговоров в кружке. Вот что, в частности, волновало их, рядовых пятого линейного: "... ответственность министров, право выбирать верховную власть, свобода книгопечатания и право на труд, на безвозмездное воспитание и на наименьшее содержание тем, которые не имеют средств к существованию".

Т. Шевченко, находясь в Орской крепости, был знаком с лучшими представителями политических ссыльных - и, прежде всего, с членами этого кружка, разгромленного менее чем через три месяца после того, как поэта отправили в Новопетровское укрепление.

В 1851 Пожерского перевели в Сибирский линейный батальон № 2. Там, в Западной Сибири, в 1856 он получил производство в унтер-офицеры, а в 1857 - увольнение от службы с чином коллежского регистратора. Только в 1859 ему было разрешено вернуться на родину, где он вскоре включился в активную деятельность под знаменами З. Сераковского. (ГАРФ, ф.109-и, 1 эксп., д.82, лл.1-82).

ПОЛЕТАЕВ, Ион - матрос первой статьи, участник экспедиции по изучению и описанию Аральского моря.

В 45-м флотском экипаже (Астрахань, Каспий) служил с 1840. По первой статье был аттестован в 1847, незадолго до включения в состав отобранных для службы на Аральском море. Входил в команду унтер-офицера Клюкина (матросы из второй роты).

Шевченко и Полетаев вместе провели плавание 1848 г. После первой навигации матрос из состава экспедиции выбыл (причина не установлена).

ПОЛЬ, Р. - художник-любитель.

В 1852 г. Поль запечатлел в акварелях Орскую крепость, изобразив общий вид ее со стороны степи, а также одну из улиц. Эти акварели могут служить выразительными иллюстрациями к посвященным Орской крепости страницам повестей Т. Шевченко "Несчастный" и "Близнецы".

По утверждению Г.Н.Чаброва, кроме Р.Поля никто из русских художников изображений крепости того времени не оставил. (Рукопись диссертации "Изобразительные источники по истории Средней Азии и Казахстана XVIII - первой половины XIX в.", с тр.222-224). В изданиях о Т. Шевченко акварели Р.Поля до 70-х гг. XX в. не воспроизводились.

Биография художника неизвестна.

ПОНОМАРЕВ, Федор Павлович (1812-1884) - русский художник-модельер.

В 1837-1844 гг. учился в Академии художеств вместе с Т. Шевченко. "Я был с Шевченко самый близкий друг", - так начинались его краткие мемуарные заметки, впервые опубликованные в журнале "Русская старина" (1880, № 3). Новейшая публикация их - "Воспоминания о Тарасе Шевченко" (К., "Дніпро", 1988, стр.77-78).

Во время своей солдатчины Шевченко помнил о давнем приятеле, больше того - знал о характере его занятий. 6 июня 1854 он писал Б. Залескому: "... Иракий просит тебя, чтобы заказал для него в Екатеринбурге яшмовую или топазовую печатку <...> ЕСТЬ у меня в Екатеринбурге на гранильном заводе товарищ мой некто Пономарев: обратися к нему, или как найдешь лучше". Шевченко выразил конкретные пожелания относительно "величины и формы" печатки, а также ее рисунка-"содержания". Судьба заказа неизвестна; в шевченковской переписке Пономарев более не упоминается.

Ф.Пономарев - Н.Рамазанову (Из письма 1857 г.)

.. Должен сознаться, что и в Академии-то я был не очень силен в искусстве, а на службе остальное забыл, теперь начинаю учиться снова в академии Уральских гор, в мраморных ямах, под присмотром старых кедров, в постоянном соседстве волков и медведей, с которыми нередко случается видеться; но ужасные невежды или прочь бегут, или лезут драться...

... Труд модельеров невообразимый; представляемое при сем распятие вырезано из твердейшей союзной яшмы, оправлено в серебро с топазовыми камнями, стоит 25 рублей и нет охотников, а сидим собственно за вырезкой около 3-х месяцев...

ПОПЕЛЬ, Александр (Иосиф?) Каетанович - прапорщик 5-го Оренбургского линейного батальона.

"По высочайшему повелению от 12 марта 1839 года за участие в тайных возмутительных обществах" Попель был разжалован в солдаты и отправлен в Орскую крепость. (ИЛ, ф.1, д.437).

Эти сведения, ранее не учтенные, полностью подтверждают версию В. Дьякова ("Тарас Шевченко и его польские друзья", стр.80) о том, что подпись, сделанная под известным рисунком А. Ф. Чернышева О позднее, искажила имя этого человека, или дал а лишь одно из двух или трех имен, которые тот, по традиции, мог иметь официально.

Приведенная исследователем биография Иосифа Попеля соответствует архивным данным об Александре и портрету, нарисованному Чернышевым.

Запечатленный художником выглядит старше многих других, носит офицерские погоны, держит в руке палку, свидетельствующую о болезни или ранении, наконец - находится в центре внимания значительной группы людей.

Все это, повторяю, соответствует сообщенным Дьяковым сведениям об Иосифе Попеле, бывшем репетиторе в дворянском училище, который был определен на военную службу ранее всех - еще в 1839 году (у него оказались "тетради и книги весьма вредного содержания, несколько мятежных стихов польских и записки, обнаруживающие действительность того, что Попель внушал... детям самые преступные мысли противу правительства..."), через десять лет получил первый офицерский чин - прапорщика, а в июле 1850 вышел в отставку по болезни.

Т. Шевченко, скорее всего, познакомился с Попелем еще в период первого своего пребывания в Орской крепости.

Военный госпиталь, где проходили лечение офицеры, находился в Оренбурге. Принадлежность Попеля к 5-му линейному батальону (Орская крепость, Илецкая Защита) ни в какой степени не исключает возможности длительного пребывания его в Оренбурге и близких связей с другими людьми, запечатленными на рисунке.

Названный Попель служил до ареста в местечке Златополь Чигиринского уезда, Киевской губернии. Обращая внимание на этот факт, следует сказать, что на рисунке изображено, по меньшей мере, три земляка: Шевченко, Попель и Средницкий.

ПОПОВ, Иван - купец, торговец в Новопетровском укреплении.

"Из торговых промышленников, постоянно поселившихся при укреплении, находится (в 1855 - Л. Б.) только один из астраханских армян Иван Попов; временно торгующих в укреплении находится из астраханских же армян трое: Красильников (в другом источнике у казано имя: Аким), Айвазов (Авет), Бендерцов (Никита) и один из русских: третьей гильдии купец Иван Смирнов, он же Старцов, которые занимаются меновою торговлею с кочующими в окрестностях укрепления киргизами... Наиболее из них привозит товаров армян ин Попов - тысячи на три рублей серебром в год". (ГАОО, ф.6, оп.12, д.1179; оп.10, д.7264/л). Несмотря на такой размах торговли, Попов не умел даже расписаться. (ГАОО, ф.6, оп.12, д.800). Два года спустя к постоянно живущим в укреплении торговцам прибавился Герасим Турпаев. (ГАОО, ф.6, оп.12, д.2068, л.6).

Имя Попова упоминается Т. Шевченко в Дневнике (запись от 14 июня 1857): "Вчерашний пароход разрешился порядочным мешком целковых и арапчиков. Это третное жалованье гарнизона. Офицеры сегодня же его и получили, и сегодня же отнесли его Попову (маркитанту)..." (V, 15).

О нем, вероятнее всего, идет речь и в первой записи Дневника - от 12 июня 1857: "Обрезывая сию первую тетрадь для... записок, я сломал перочинный нож... Случись этот казус в столице или даже в порядочном губернском городе, то, натурально, он не попал бы в мою памятную книгу. Но это случилось в киргизской степи, т.е. в Новопетровском укреплении, где подобная вещица

для грамотного человека, как, например, я, дорого стоит; а главное, что не всегда ее можно достать и даже за порядочные деньги. Если вам удастся растолковать свою нужду армянину-маркитанту, который имеет сообщение с Астраханью, то вы все-так и не ближе как через месяц летом, а зимою через пять месяцев, получите прескверный перочинный ножик... Но Бог с ним - и с укреплением, и с ножом, и с маркитантом; скоро, даст Бог, вырвуся я из этой безграничной тюрьмы".(V, 11-12).

ПОПОВ, Михаил Иванович - губернский секретарь, чиновник Нижегородской казенной палаты. ("Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве. 1857", ч.2, стр.93).

Взгляды и настроения Попова характеризует его интерес к нелегальным изданиям А.И.Герцена, о чем свидетельствуют материалы III отделения. ("Революционная ситуация в России в 1859-1861 гг.", М., 1962, стр.335-360).

Сотрудник К. А. Шрейдерса, Попов поддерживал со своим сослуживцем (старшим по должности) приятельские отношения, бывал у него. Там и встретил "милейшего М.И.Попова" Т. Шевченко 1 ноября 1857 г. (V, 158). Однако знакомство их состоялось еще до того. (V, 152). Связь между ними поддерживалась до самого отъезда поэта из Нижнего Новгорода. (V, 206).

ПОПОВА, Анна Николаевна - жена М.И.Попова.

Т. Шевченко бывал у Поповых дома. "Красивая и еще молодая женщина, но увя, маненько простовата", - так описывал он гостеприимную хозяйку. 13 октября 1857 г. Шевченко "рисовал карандашами портрет Анны Николаевны Поповой, слывающей здесь красавицей п ервой стати". Это был первый заказ, выполненный им в Нижнем Новгороде. 14 октября портрет был закончен. (V, 150-152).

Портрет относится к числу не найденных произведений художника Шевченко.

ПОПОВ, Михаил Максимович (1800-1871) - начальник секретной экспедиции III отделения, статский советник.

Наряду с Л.Дубельтом, непосредственно руководил следствием по делу участников Кирилло-Мефодиевского товарищества в Санкт-Петербурге. Его фамилия, но уже в качестве действительного статского, а затем тайного советника, значится и под докумен тами следственного дела последующих лет, вплоть до 1862-го.

Надо отметить, что Попов, закончивший в 1821 г. Казанский университет, в начале своей карьеры слыл также литератором.

Названное лицо Т. Шевченко вспомнил в записи Дневника за 15 сентября 1857, как одного из трех, вместе с Дубельтом Ои Нистремом, которые его пристрастно допрашивали ("тщетно навращал на путь истинный, грозил пыткой, и в заключение плюнул и назвал м еня извергом рода человеческого" - V, 128).

ПОРЦИЕНКО (Порцьянко), Юлиан Антонович - рядовой 1-го Оренбургского линейного батальона. В Новопетровское укрепление прибыл не позднее первой половины 1854 года.

(ГАОО, ф.173, оп.11, д.234-а).

"Странное и непонятное для меня явление этот отвратительный юноша. Где и когда успел он так глубоко заразиться всеми гнусными нравственными болезнями? Нет мерзости, низости, на которую бы он не был способен. Романы Сю с своими отвратительными героями - пошлые куклы перед этим двадцатилетним извергом. И это сын статского советника, следовательно, нельзя предполагать, чтобы не было средств дать ему не какое-нибудь, а порядочное воспитание. И что же? Никакого. Хорош должен быть и статский советник..." (V, 27-30).

Знакомство с Порциенко и ему подобными - сначала в Орской крепости, а затем в Новопетровском укреплении - дало Т. Шевченко обильный материал для повести "Несчастный". (III, 283-343). В дворянском, помещичьем сыне Ипполите - многое от его реального сверстника, дворянина по происхождению, сына крупного чиновника Минской губернии, вконец испорченного уродливым воспитанием Юлиана Порциенко (Порцьянко).

ПОСКОЧИН, Петр Васильевич - капитан первого ранга, с 1853 г. - генерал-майор, командир Астраханского порта.

Поступив в 1812 в Морской корпус, Поскочин в дальнейшем много лет плавал на Балтийском и Белом морях, где командовал фрегатом "Елена", кораблем "Гангут" и другими судами; до перевода на Каспийское море был помощником капитана над Кронштадтским портом. Службу на Каспии начал в 1852-м.

О нем пишет в своих воспоминаниях о посещении Новопетровского укрепления в 1852 Н. Ф. Савичев, Т. Шевченко познакомился с Поскочинным на именинах у коменданта А.П.Маевского, которые в тех же воспоминаниях описаны довольно подробно. ("Казачий вестник", 1884, № 54).

В 1853 г. П.В.Поскочин, уже генерал, был назначен "капитаном над Астраханским портом". ("Общий морской список", ч.VIII, стр.66-68).

ПОСКОЧИН, Николай Петрович (1826-1857) - лейтенант, командир почтового парохода, сын П.В.Поскочина.

Сын морского офицера, он, по существовавшей тогда традиции, оказался приписанным к флоту в девять лет (1835), а уже в шестнадцать ходил гардемарин по Финскому заливу, в восемнадцать - мичманом на Балтике, в двадцать - лейтенантом на пароходе в Кронштадте. Участвовал в походах и боях. В 1856-1857 командовал пароходом "Куба" на Каспийском море. ("Общий морской список", ч.XI, СПб, 1900, стр.259).

Упоминается в Дневнике Т. Шевченко (запись от 17 июля 1857). В Новопетровском укреплении ожидали "ежели не великого князя Константина Николаевича, то непременно адмирала Васильева, губернатора астраханского", но когда прибыл пароход, оказалось, что там "кроме его командира лейтенанта Поскочина, никого не имеется". Вечером Шевченко видел Поскочина и других моряков на "огороде" у коменданта, но "мне так опротивели эти пустые хвастунишки, астраханские моряки, что я, издали слышав их громкие гол оса, сделал полоборота направо и до пробития зори обошел вокруг укрепления". О командире парохода и его спутниках говорится также в записи от 18 июля. (V, 72-74).

Пароход, о котором идет речь, назывался "Куба" - в честь стародавнего прикаспийского города, основанного еще в XV веке. Некоторое время спустя о пароходе узнали повсюду. "Состоящий... для гидрографических работ на Каспийском море в 100 сил железный пароход "Куба" 14 сентября <1857 г.>, следуя в Апшеронский пролив, потерпел крушение у мыса Шоулан. Командир, половина офицеров и четвертая часть нижних чинов сделались жертвою этого несчастья..." (РГАВМФ, ф.256, оп.1, д.264). В деле на 44 листах, как и в другом, из того же петербургского архива (д.216), - вся

трагедия, случившаяся в штормовую ночь с 14 на 15 сентября у скалистого берега близ Баку, как и полное признание истинного героизма капитана и команды.

*Ужасно Каспий бушевал,
Приняв характер Океана,
В ту ночь, как страшно погибал
"Куба" на камнях Шоулана.
... Как палачи его стоят,
Чернея, скалы Шоулана,
И сердцу внятно говорят
О славной смерти Капитана.*

("Астраханские губернские ведомости", 1857, 6 декабря, № 49)

"Я проводил его глазами..."

Рассказ о поисках и находках

Даже в малолюдые дальнего-предальнего укрепления, где вот уже который год были перед ним одни и те же, привычные, примелькавшиеся лица, вопреки расхожей поговорке "на безрыбье и рак рыба", не хотелось ему у порою ни видеть, ни слышать никого, и "новых" в том числе.

Эти новые как пришли, так и уйдут, как приехали, так и уедут, ему же оставаться - и сколько еще оставаться?!

Каждый день начинался надеждой, а заканчивался разочарованием.

На этот раз глухое свое раздражение он излил на "флотских". Вспомним записи в его Дневнике - июльские, за семнадцатое и восемнадцатое. Подробные и... неопределенные.

Перед вечером 17 июля на горизонте показался пароход, который шел из Астрахани, и в укреплении засуетились, зашпорили. Уж не следует ли с ним великий князь Константин? Или губернатор Васильев? Был бы повод гадать, а уж в предположениях недостатка не будет... Вот и теперь: гадали долго, пока с пристани не прискакал гонец-казак, сообщивший что самый высокий чин на пароходе - его капитан, по званию лейтенант, Поскочин. Усков послал за ним свой парадный выезд - тарантас.

Шевченко к коменданту не пошел. Ни командира парохода, ни других моряков видеть ему не хотелось. Опять будут праздные разговоры, снова разбередит душу их свобода, а твоя неволя... Предпочел уйти в казарму, потом наведаться к Мостовскому. Поговорили, повспоминали общее, а моряки все еще продолжали любезничать с комендантшей, и он, издали заслышав их голоса, отправился бродить вокруг укрепления, пока не потянуло ко сну. "За что я в душе поблагодарил любезных астраханских мореходов.. ." ("Любезных" означало в шевченковские времена отнюдь не только степень расположения, сердечную привязанность, но и нечто иное: "любезник - ... угодник, миловзор, волокита". Не случайно: "мне так опротивели эти пустые хвастунишки...").

Поутру пароход вышел из гавани и "направился к Кизляру" (Тарас Григорьевич вроде ничего о нем не знал, а вот, на тебе, выяснил даже путь следования!). Впрочем, это могло произойти уже позднее, когда с деланным равнодушием слушал от Усковой и Бажановой изрядно путанную информацию о целях моряков (и их "штатских спутников"); один спрашивал о Шевченко ("но так двусмысленно, что милые собеседницы даже косвенно не умели удовлетворить его любопытства"). Уже днем, за обедом, относительно ясно стал внес Ираклий Александрович Усков: экипаж парохода вел, как оказалось, съемку и промер

Каспийского моря, а "главным двигателем всей этой суматохи" являлся "астроном", которого среди гостей коменданта не было, так как он предпочел использовать время для своих "вычислений".

На Шевченко выплеснулось множество новостей-слухов, снова взбудораживших его душу, но не ответивших на главный для него вопрос: "Кончится ли, наконец, это гнусное существование, это однообразное записывание однообразнейших бесконечных дней?"

Вопрос был главным итогом дней, отмеченных приходом парохода и разговорами вокруг такого события.

И уже является мне мысль: не испытал ли он, Шевченко, запоздалое сожаление в связи с тем, что от встречи с моряками уклонился - не повидался, не поговорил?

А может мне все это кажется потому, что знаю, какая участь пароход постигла менее двух месяцев спустя, в той же экспедиции, и какими оказались "пустые хвостунишки" в деле, в час смертный?

"Я проводил его глазами на горизонт..."

Проводил, будто попрощался навсегда.

Пароход назывался "Куба". В Петербурге, в Российском Государственном Архиве Военно-Морского Флота, случившемуся с ним посвящено дело 264 в фонде № 256: "О крушении парохода "Куба" у мыса Шоулан, следуемого из Астрахани в Баку чрез Апишеронский пролив для гидрографических работ, бывшего в распоряжении начальника экспедиции для съемки и промера каспийского моря капитана-лейтенанта Ивашинцева. Начато 19 сентября, кончено 4 декабря 1857 года. На 44 листах".

"Главный двигатель" - Ивашинец Николай Алексеевич, капитан-лейтенант флота и... причастный к кружку петрашевцев. В Оренбургской губернии он был известен: после двадцати лет службы на Балтийском море бывалого моряка в 1853-м командировали в распоряжение здешнего генерал-губернатора и довелось ему участвовать в хивинском походе, в боях за Ак-Мечеть. С ним дружили А. И. Бутаков и А. И. Макшеев - аральские начальники Шевченко; по просьбе Бутакова именно он, Ивашинец, огласил его доклад о результатах описи Арала на собрании членов Русского Географического общества. Может, и шевченковские рисунки тогда показывал. А что ж, вполне возможно... Когда ак-мечетский поход окончился, взялся Ивашинец за новое дело, суть которого изложил достаточно ясно: "Употребляемые в настоящее время карты Каспийского моря, составленные около 40 лет тому назад штурманом Колодиным, устарели, и при настоящем преобразовании Каспийской флотилии новая точнейшая карта становится совершенно необходимою для общего успеха и развития Каспийского судоходства - как военного, так и коммерческого". Карта... а значит и экспедиция, рассчитанная на несколько лет... Гидрографический департамент обращаясь к "высочайшему покровителю" - великому князю Константину, Константин ходатайствовал перед "августейшим братом", но решилось все лишь в 1856-м, когда Ивашинец с помощниками и прибыли из Санкт-Петербурга в Астрахань, а затем, без промедления, стали разворачивать "первоначальные гидрографические работы" на выделенном им пароходе "Волга".

(В Дневнике на сей счет "пущена шпилька": дескать, "в прошлом году каким-то не совсем дошлым звездочетом" астрономические измерения были проведены так, что потребовалась их "проверка". Но Шевченко записал это как версию, почерпнутую в разговоре с Усковыми. На самом деле измерения и описания продолжали те же люди, что и в 1856-м, разве что умер от холеры лейтенант Остолопов).

Экспедиция рассчитанная на семь лет, выполняла программу своего второго года и в деле 216 штаба главного командира Астраханского порта (тот же фонд № 256) подшит фирменный бланк с рапортом Ивашинцева, датированным 6 июля 1857 года: "Окончив ус пешно определение разности долготы между Баку и Бирючьей косою, сего числа отправился на пароходе "Куба" к восточному берегу для определения астрономических пунктов между Тюк-Караганом и Красноводским заливом, о чем Вашему превосходительству имею ч есть донести".

Следующий рапорт он, Ивашинцев, отправил 25 июля уже с Бакинского рейда. В нем присутствует и остановка, наделавшая шума в Новопетровском укреплении, запечатленная, во всей своей противоречивости, в шевченковском Дневнике. Как, следовательно, это т рапорт не привести?

"16 июля отправился я на пароходе "Куба" к восточному берегу и на следующий день (действительно 17-го!) прибыл в Тюк-Караганский залив; определив его (с вечера до утра!), я продолжал плавание к югу, вдоль берега, и останавливался: у Мелового угла в Александр-бее и Кендерлинском заливе. В каждом из этих пунктов определены широта, время и азимут и везде, кроме Мелового угла, магнитное склонение и наклонение.

22 июля пришел я в Баку и, сделав на следующий день наблюдения, связал таким образом определенные пункты с Баку и Бирючьей косою. 24-го пароход перевез промерное отделение подпоручика Филиппова в Апшеронский пролив... Завтрашнего числа (т.е. 26 июля...) отправляюсь ко входу в Карабугазский залив, откуда пойду вдоль берега до Астрабадского залива и возвращусь в Баку для связи и этой части берега..."

(Промеры предстояли по всему морю, до южных его оконечностей, которые контролировала Персия, отсюда исходили и многозначительные выводы новопетровских дам о том, что моряки вовсе не моряки, а "политические шпионы"; впрочем, Шевченко сразу же выяснил, что были то не более, чем слухи).

О дальнейшем в деле нет ничего. И о крушении тоже. Заканчивалось оно планами на следующий, 1858 год. Гидрографический департамент задачи все усложнял: "О порядке работ вам известно, что во-первых они должны состоять в астрономической связи избранны х точек... При этом желательна однако, чтобы вы обратили внимание ваших помощников и на прочие предметы и обстоятельства полезных сведений для подробного описания края: в отношении гидрографий, военных удобств, геологии, метеорологии, климате, магнетизме, высоте и изменении уровня моря, статистике, этнографии и прочих естественных наук.

Ждало Ивашинцева, его товарищей, экипаж "Кубы" такое, что предвидеть было невозможно.

"Состоящий... для гидрографических работ на Каспийском море в 100 сил железный пароход "Куба" 14 сентября, следуя в Апшеронский пролив, потерпел крушение у мыса Шоулан. Командир, половина офицеров и четвертая часть нижних чинов сделались жертвою этого несчастья..."

В бурную, ненастную ночь с четырнадцатого на пятнадцатое сентября пароход напоролся на огромный подводный камень и левым бортом - на утесистый, скалистый берег. Положение было безнадежным. Многие погибли сразу. Пароход неумолимо шел ко дну, но П оскочин выполнял свой долг до конца - спасал тех, кого еще можно было спасти. Он погиб "мученическою, но геройскою смертью".

"Капитан-лейтенант Ивашинцев при донесении об этом несчастном событии свидетельствует об отличных действиях мичмана 46-го флотского экипажа Ясенского, прапорщика корпуса штурманов Зенилова и лекаря 44-го флотского экипажа Зимодро,

которые, несмотря на полученные ими ушибы, не переставали в продолжение целой ночи подавать собою нижним чинам пример самоотвержения и энергии при спасении погибающих сослуживцев..."

Горестен он, список тех, кто погиб в ту страшную ночь. Выписываю всех, поименно:

командир парохода лейтенант Николай Поскочин,
лейтенанты Николай Симонов, Василий Кошкуль,
корпуса штурманов подпоручик Василий Иванов,
46-го флотского экипажа - квартирмейстер Алексей Токарев,
писарь Ион Пудовкин,
матросы Андрей Токарев, Хрисанф Пономарев, Федор Толстов, Ефим Богдановский, Афанасий Никонов, Андрей Тулаев, Григорий Гетманенко,

44-го флотского экипажа -матросы Сидор Козлов, Прокофий Юдаев, Фрол Левин, Иван Хованов,
Каспийской роты - унтер-офицер Петр Ирдебенев,
10-го рабочего полукэкипажа - Василий Степанов, Андрей Шерстобитов, Юзеф Бурачек,
крепостной человек - Всеволод Трофимов.

Тела одних нашли и предали земле, других унесло безвестно, но со временем на мысе появился обелиск, на котором было начертано: "В память бедственного события, постигшего пароход "Куба" в ночь с 14-го на 15-е число сентября 1857 года и геройской к ончины гг. офицеров и нижних чинов".

Памятник соорудили на деньги, собранные по подписке.

Тараса Григорьевича, когда явился он к Бажановой "на чашку кофе", занимали, разумеется, и "вчерашние гости". Не вчерашние даже - пароход снялся с рейда только-только. Кто вчера любезничал с комендантшей, от чье го общества он отказался?

А и впрямь: кого это поэт в дневниковых своих записях окрестил "таинственными посетителями"?

Прежде всего, Поскочина Николая Петровича. Шел ему тогда всего-навсего тридцать первый. Был он сыном офицера (в это время - уже генерал-майора и начальника Астраханского порта). Приписанный к морскому корпусу в неполные свои девять лет, гардемарину м ходил по Финскому заливу, мичманом - по Балтийскому морю, лейтенантом - из Кронштадта в прусские и датские порты. В 1854-м Поскочин-младший отличился при защите Кронштадта от нападения англо-французского флота. И вот теперь - новый пароход, другое море, необычные задачи...

Штурманская работа в экспедиции лежала на подпоручике Иванове и прапорщике Зенилове. Но сорокатрехлетнего Иванова к молодым людям не причислишь. С Поскочиным был Исхак Юсупович Зенилов, в котором рассказчицы и разглядели "весьма образованного молод ого человека" (а Ивашиинцев, в час испытаний, - личность поистине героическую).

Еще трое? те, что в штатском? "Два ученые, а третий доктор..." Доктор в экспедиции был один - Адам Николаевич Зимодро, римско-католического вероисповедания, из дворян. Лекарский диплом он получил в университете Св.Владимира в Киеве, тогда же, в 1854-м, выехал на театр военных действий, отличился в защите Севастополя и... в спасении людей во время крушения "Кубы". Что касается "ученых", то, кроме Ивашиинцева, ими на пароходе являлись лейтенанты Кошкуль и Симонов - официальные его помощники по астрономической части. Оба они прошли курс обучения в Главной Николаевской обсерватории и под

руководством крупных специалистов России и Европы приобрели основательные знания по части наблюдений и вычислений. Тот и другой имели собственные печатные труды (например, Василий Карлович Кошкуль незадолго до посещения Мангышлака опубликовал свои "Воспоминания о Пулкове" в "Морском сборнике", который в Новопетровском укреплении получали и читали). Все трое были офицерами, но... неофициальный визит к ношеной форме не обязывает.

От новопетровских дам получил Шевченко по поводу гостей "ответ довольно косвенный и перепутанный"; он "выслушал из милых уст такую чепуху, какой иному не удастся выслушать и в модном салоне". Прямое отражение этой путаницы - в записях тех дней. Так и чувствуешь: информация для него важна, но не менее интересен дух, характер самого рассказа, малейший, мельчайший его штрих. Сколько их на читаемых сейчас страницах!..

Как читаешь, так и вычитываешь.

ПОСПЕЛОВ, Ксенофонт Егорович - прапорщик Корпуса флотских штурманов, участник экспедиции А. И. Бутакова, ближайший его помощник в организации и проведении плаваний 1848-1849 гг.

Родился в 1820 г. в семье штурмана девятого класса. Уже в 1831 был приписан к первому штурманскому полуэкипажу. Совсем юным, еще подростком, начал ходить по морям. На фрегатах "Нева", "Император Александр I", "Елизавета", на шхуне "Дождь", тендере "Лебедь" и лоцсудне "Тритон" не раз бороздил Балтийское море. В 1839 Поспелова произвели в кондукторы Корпуса флотских штурманов, и он продолжал морскую службу уже в новом качестве. На разных кораблях ему довелось участвовать в съемках берегов, в десантных операциях, в описных походах. В 1845 был произведен в прапорщики. Моряком Балтийского флота оставался до начала 1848.

"18 февраля 1848 г., будучи откомандирован по высочайшему повелению к описи Аральского моря, отправился из Санкт-Петербурга в Оренбург, где находился при постройке шхуны "Константин" до 29 апреля, после чего отправлен с разобранным шхуну в крепость Орскую, откуда выступил 11 мая с транспортом в Раим. Прибыл туда 14 июня, находился на Сырдарьинской пристани при составлении вновь и приготовлении к походу означенной шхуны до 25 июля. По окончании кампании 6 октября зимовал в Кос-Аральской форте при устье реки Сырдарьи до 6 мая 1849 года. По окончании кампании 1849 года возвратился 31 октября в Оренбург". (Из формулярного списка; РГАВМФ, ф.406, оп.3, д.353, лл.958-961).

В 1849 Поспелов являлся командиром шхуны "Николай". В "Дневных записках..." Бутаков особо отмечает эту шхуну, "отлично исполнившую все возложенные на нее поручения". (стр.53). "Дурные качества шхуны, вовсе не могущей лавировать, хотя паруса и приспособлены для этого, значительно задерживали его <Поспелова - Л.Б.> и в опасных случаях усугубляли опасность". (стр.40). "18 мая он бедствовал так же, как я; у него так же рвались канаты, и он, как и я, был на краю гибели" (стр.40).

О том, в каких условиях приходилось работать экипажам, можно судить по такому эпизоду, рассказанному Бутаковым: "... чтоб не возбудить подозрений хивинцев, я отправил ночью гг. прапорщиков Поспелова и Акишева на шлюпке, чтобы промерить далее к югу, дав им глухой фонарь, компас, достаточное количество огнестрельного и белого оружия, и приказав обвертеть вальки весел, чтоб не было слышно гребли. Сам же я остался на судне, приведя его в совершенную готовность отразить всякое нападение..." (стр.24).

Для характеристики Поспелова интересны также заметки Макшеева: "В последнюю свою поездку из устья Сыра в Малое море Поспелов не погиб с командой единственно благодаря своему присутствию духа. Море бушевало страшно, волны бросали шхуну с боку на бок, перекачивались через нее и каждую секунду угрожали потоплением. Матросы, надев белые рубахи, приготовились к смерти и отказались от работы. Тогда Поспелов сам стал рубить мачту. Энергия начальника

подействовала на подчиненных и они последовали его примеру. Мачты были свалены в море. Затем, по приказанию Пospelова, все убралось в каюты и заколотили люки. Двое суток просидела команда внизу, а на третьи, когда море стало затихать, вышла на палубу, приладила как-то паруса на уцелевших реях и благополучно добралась до устья Сыра". "Пospelов, - продолжал Макшеев, - был человек, сведущий по своей части, предприимчивый, энергичный и вместе с тем чрезвычайно скромный, добрый и мягкий. По окончании описи он несколько лет оставался на Сырдарье, но мало-помалу стал впадать в меланхолию, постепенно угасал и, наконец, скончался, оставив по себе самые теплые воспоминания во всех, кто его знал близко". (А. И. Макшеев. "Путешествие по Киргизским степям и Туркестанскому краю", стр.80-81).

Т. Шевченко мог познакомиться с Пospelовым еще в Орской крепости в период сборов "тележного транспорта" к отправке; при этом транспорте следовала и флотская команда со шхуной "Константин", построенной в Оренбурге. Не вызывает сомнения общение с экипажем, к которому был прикомандирован сам, в продолжение пути. На шхуне "Константин" Шевченко жил в одной каюте с Бутаковым, Макшеевым, Пospelовым и еще тремя участниками экспедиции. (Там же, стр.25, 29, 56-57).

Но главные свидетельства дружбы Шевченко с Пospelовым относятся к осени 1849 - весне 1850 гг. Вот что писал Ф. Лазаревский: "Вернувшись однажды из командировки глубокой осенью, я застал в своей квартире Шевченко и моряка Пospelова... Тарас, Пospelов, Левицкий и я зажили, что называется, душа в душу: ни у одного из нас не было своего, все было общее... Вечера наши проходили незаметно. Пили чай, ужинали, пели песни..."

Эта дружба, после ареста Шевченко весной 1850, была поставлена Пospelову в вину; его призвали к ответу, как одного из виновников послаблений, сделанных в отношении наказанного поэта. Тем не менее связывавшие их нити сердечной приязни не оборвались. Шевченко спрашивает о нем у Ф. Лазаревского в 1852-м, просит Б. Залеского - "Поцелуй Пospelова, ежели он в Оренбурге" - в 1853-м. (VI, 77, 92). Встретиться им более не привелось.

Бутаков о Пospelове

"Осчастливленный всемилостивейшею наградою, беру смелость почтительнейше представить на благоусмотрение Вашего высокопревосходительства, что один я никак не мог достигнуть результатов, удостоившихся высочайше го одобрения, если б у меня не было усердных и деятельных помощников. Прапорщик Корпуса флотских штурманов Пospelов был весьма полезен во время постройки судна и наблюдал за кузнечными работами; он же был при заготовке морской провизии. Астрономические наблюдения мы делали вместе. Во время плавания он вел шканечный журнал и счисление пути шхуны и весьма облегчал мне управление судном, так что, оставляя его наверху, я мог быть совершенно спокоен и мог вполне положиться на его знание и бдительность. Вообще, он показал себя во всех отношениях офицером, знающим свое дело, отважным и отлично усердным..."

(ГАО, ф.10/2, д.2, л.22).

ПОТАПОВ, Меркул Матвеевич - штабс-капитан, командир 4-й роты 1-го Оренбургского линейного батальона и, одновременно, заведующий двумя ротами этого батальона, расположенными в Новопетровском укреплении.

Потапов был первым ротным командиром Т. Шевченко на Мангышлаке; ему поручили "строгий надзор" над вновь прибывшим "рядовым из политических преступников".

"Это был настоящий фронтовик, прекрасно усвоивший систему дисциплинарных взысканий графа Аракчеева. Фухтеля у него были самым обычным приемом для водворения в подчиненных дисциплины и чинопочитания... К счастью, он скоро был лишен командования ротой "за жестокое

обращение с солдатами". Каково же было это "обращение", если даже в то суровое и строгое время его находили "жестоким"? (По воспоминаниям вдовы поручика Воронцова).

"Необразованный, несердечный да притом - что таить правду! - часто и неуместно грубый и строгий был это человек. Не любили его даже офицеры, а уж про роту и про Шевченко и говорить нечего: они просто его ненавидели!" (По воспоминаниям Е.М.Косарева).

По первому из цитированных воспоминаний следует сделать существенную поправку: Потапов был освобожден от командования ротой не "скоро", а лишь в 1852 году, и не "лишен" командования, а переведен в другое место - в Уфу, где, оставаясь в том же звании, стал командиром "арестантской роты гражданского ведомства". ("Адрес-календарь Оренбургского края на 1854 год", стр.300).

ПОЧЕМЕВ - см. Почешев Г.П.

В биографиях Т. Шевченко поручик Почемев упоминается как "начальник этапной команды", в составе которой отданный в солдаты поэт проделал, якобы, путь от Оренбурга до Орской крепости в июне 1847 г.

ПОЧЕШЕВ, Герман Павлович - поручик 5-го Оренбургского линейного батальона.

Родился в 1810 г., отец и мать были из солдатских семей. Павел Федотович вступил на военную стезю еще в 1789 и дослужился до чина штабс-капитана; по его стопам шел и сын. (РГВИА, ф.395, оп.126, д.116). Немолодой поручик выполнял, в основном, приказы, связанные с длительными поездками и походами (например, к Аральскому морю). В 1847 г. пережил большое личное горе: от чахотки умерла его пятнадцатилетняя дочь. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.169, л.57). Это произошло незадолго до знакомства с Шевченко, связанного с доставкой его в Орскую крепость (июнь 1847).

В следующем, 1848-м, Ф. Лазаревский писал на Аральское море: "Кажется Бог вас снова сведет с Погешовым; и он поплелся на Раим. Поклонитесь ему". ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр.75). Выделенное нами "снова" как нельзя лучше свидетельствует о знакомстве, состоявшемся ранее. В связи с этим возникают предположения, когда такое знакомство могло случиться. Автор убежден, что "Погешов" это именно Г.Почешев, фамилию которого в документах и биографиях ошибочно называли также "Почемев", - тот самый, которому в 1847 и поручили доставить Шевченко к месту службы.

Как явствует из цитированного письма Лазаревского, в лице этого поручика Шевченко и его оренбургские друзья видели сочувственно-настроенного человека. Не случайно, стало быть, именно к нему обратился поэт с претензией на то, что "по отбытии его из г.Киева остались там собственные его вещи у господина Киевского гражданского губернатора" и просьбой о "высылке тех вещей" (прежде всего, рисовальных принадлежностей).

Рапорт командиру 5-го линейного батальона с изложением претензии-ходатайства Шевченко (ИЛ, ф.1, ед.хр.490) заслуживает внимания и для выяснения вопроса о продолжительности первого пребывания поэта в Оренбурге.

Дело в том, что под рапортом стоит дата: "20 июня 1847 года" и тут же помета: "Оренбург". Между тем, в биографической литературе указывалось, что отправка к месту службы состоялась не позднее 14 июня. (М.М.Ткаченко. "Літопис життя і творчості Т.Г.Шевченка", стр.112). Не слишком ли долгий срок - семь или даже восемь дней - для преодоления на перекладных тех 285 километров, которые разделяют Оренбург и Орскую крепость?

Рапорт мог быть написан либо в Оренбурге, либо в Орской, но никак не в дороге: отправка его с маршрута осуществлена быть не могла. Будь рапорт написан уже в крепости, под ним значилось бы другое географическое название, не говоря уже о другой, более поздней дате. Так что остается сам

Оренбург. Поручик писал, скорее всего, непосредственно перед отъездом. В таком случае, 20 июня - это день выезда Шевченко из Оренбурга, где он находился не три-пять, а десять дней. Выезд 20-го утром не исключает прибытия в Орскую 23-го, или даже 22-го, в конце дня. Вспомним, что из Петербурга в Оренбург его привезли на восьмые сутки, тут же расстояние было несравненно короче.

В летописи жизни Т. Г. Шевченко должна быть внесена существенная поправка.

Некоторые впечатления о переезде из Оренбурга в Орскую крепость описаны в повести "Близнецы". (VI, 99-102). Правда, здесь "путешествует" свободный человек, а не подневольный солдат, но встреча с земляками в Островной не выдумана, и одно это наводит на мысль, что Почешев понимал горе подопечного "нижнего чина" и старался его облегчить.

Состоялась ли вторая их встреча, сказать нельзя: таких данных в нашем распоряжении нет.

Почешев умер не позднее 1851 года. (ГАОО, ф.172, оп.11, д.219).

ПРИБЫТКОВ, Иван Степанович - писарь Орского комендантского управления. (ГАОО, ф.172, оп.3, д.211).

Находясь на службе в Орской крепости, Прибытков поддерживал связи с "политическими" - рядовыми 5-го линейного батальона и, вероятно, пользовался у них определенным доверием. Об этом свидетельствует уже тот факт, что в самом начале возникшего в декабре 1850 г. следствия по делу о дружеских связях между молодыми офицерами батальона и рядовыми из "политических преступников" один из них, В.Докальский, двумя записками просил писаря скрыть некоторые бумаги, письма и книги, имевшиеся у Ханыкова, Завадского и Пожерского. Указанные записки, переданные Прибытковым военным властям, стали одним из доказательств обвинения. (ГАРФ, 1 эксп., д.82, л.1-об.).

Писарь Прибытков может быть причислен к орским знакомым Т. Шевченко, который поддерживал связь со всеми участниками "орского кружка".

ПРИБЫТКОВ, Павел Иванович - начальник штаба Отдельного Оренбургского корпуса в 1847-1848, генерал-майор.

("Памятная книжка на 1847 год", стр.167-168; "Памятная книжка на 1848 год", стр.170).

Подпись Прибыткова значится под некоторыми документами, касающимися судьбы Шевченко - в частности, под предписанием корпусного штаба о зачислении его в 5-й линейный батальон, "учредив за ним строжайший надзор с запрещением ему писать и рисовать".</P>

Называется это имя и в воспоминаниях. У К.И.Герна читаем:

"Первый сообщил мне об этом (об отправке поэта в Орскую крепость? - Л. Б.) полусумасшедший, наш начальник штаба Прибытков... "Вообразите себе, Карл Иванович, какого господина к нам... прислали: ему запрещено и петь, и говорить, и еще что-то такое! Ну как же ему при этих условиях можно жить?" ("Русский архив", 1898, декабрь, стр.550).

"Полусумасшедшим", "полупомешанным" аттестуют Прибыткова и другие современники. Уже в "Памятной книжке на 1849 г." этого имени мы не встречаем: исправляющим должность начальника штаба корпуса значится М.Л.Фантон де Веррайон.

ПРИЯТЕЛЬНИЦА - см. Бажанова Е.А.

Авторское толкование упоминания "приятельницы" (или "скромной приятельницы") в дневниковой записи Т. Шевченко от 15 июня 1857 г. (V, 17) дано в статье "Жуйкова".

ПСЕЛ, Александра Ивановна (1817-1887) - украинская поэтесса.

Т. Шевченко познакомился с нею и ее сестрами в Яготине, где они жили вместе с Репниными (1843-1844 гг.). Поэт ценил ее дар стихотворца, особенно отмечая ранний опыт Александры под названием "Свячена вода". По его просьбе стихотворение было переслано ему в Орскую крепость.

Как личную трагедию, А.Псел переживала суровое наказание Шевченко. Расправа над Кирилло-Мефодиевским товариществом побудила ее создать уже в 1847 триптих, посвященный любимому ею автору "Кобзаря".

*Молим тебе, Боже правди, Боже благостині,
Не покидай сиротою у степу-пустині
Брата нашого! Як батько, як рідная мати,
Озовись до його душі, не дай унівати!..*

Стихи дошли до Т. Шевченко вместе с письмом В. Репниной. Они согрели его душу, подняли настроение.

ПУТОЛОВ, Иван Федорович - оренбургский купец первой гильдии.

Путолов вел постоянную торговлю в Орской крепости. В 1848 г. торговал в этой крепости и другой купец из Оренбурга - Дмитрий Ковалев (купец второй гильдии). Остальные купцы были, в основном, из Казани: Ш.Сейфульмулюков, Ф.Ярулин, Ш.Ахмаметев и др. (ГАОО, ф.6, оп.11, д.1813; оп.6, д.12564).

Справка дается в связи с письмом Т. Шевченко к Ф. Лазаревскому от 22 апреля 1848, в котором указывается на услугу купца (Путолова или Ковалева? - Л. Б.), взявшего на себя передачу заимствованной поэтом для чтения книги - учебника по русской истории . "... Купец, что привез вам ту живучую "Историю" Устрялова, что и в солдатских руках не погибла, божился мне, что в собственные ваши руки отдал..." (VI, 53).

Клясться для купца было, как видно, делом привычным: только через продолжительное время передал он книгу по назначению с каким-то солдатом. ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр.74-75). Тем не менее и этот, еще один, путь общения Шевченко с оренбургскими друзьями иметь в виду следует.

Путолов вел торговлю также в Раимском укреплении, во время пребывания там экспедиции А. И. Бутакова. (ГАОО, ф.6, оп.10, д.6134).

ПУЩИНА, Анна Ивановна (1842-1863) - дочь декабриста И. И. Пущина.

Анна родилась в Ялutorовске; ее матерью была местная жительница, с которой Пущин прожил несколько лет (от этой связи у них был еще один ребенок - сын Иван, родившийся в 1849 г.). Детство Анны прошло в Сибири. На четырнадцатом году жизни ее в зяла на воспитание начальница Нижегородского Мариинского института М. А. Дорохова, отдавая Нине (как называла девушку она) всю свою нерастраченную материнскую любовь. В конце 1860 Пущина вышла замуж за А.А.Палибина. Но брак был кратковременным - в начале 1863 дочь декабриста умерла.

О любовном, отеческом отношении Т. Шевченко к дочери И.Пущина, о его живейшем участии в судьбе девушки рассказано в повести "Дорохова и другие". (Л.Н.Большаков. "Іхав пост із заслання...", К., "Дніпро", 1977).

ПШЕВЛОЦКИЙ (Пржевлоткий), Северин - рядовой 1-го Оренбургского линейного батальона.

В солдаты Пшевлоцкий был отдан в июня 1849 г. Являясь чиновником (апликантом) Варшавского мирового суда, он, вместе с В.Станишевским и А.Яблонским, также определенными в Отдельный Оренбургский корпус, был признан одним из главных организаторов н елегального общества молодежи. Пшевлоцкого и его друзей обвинили "в тайных неблагонамеренных связях, в чтении зловредных сочинений, а в том числе и самого злейшего, в коммунистическом духе, под заглавием "Слово Божие к польскому народу", в декламации о вании по квартирам патриотических стихов и ведении вредных разговоров о правительстве". (ГАОО, ф.6, оп.6, д.13043).

Доставленный к месту своей солдатчины, в Уральск, не ранее конца октября - начала ноября 1850, Пшевлоцкий мог познакомиться с Т. Шевченко только в Новопетровском укреплении; дислоцированная здесь часть 1-го линейного батальона, как известно, систематически обновлялась за счет солдат, находившихся в Уральске.

С Пшевлоцким прямо или косвенно связан ряд записей в шевченковском Дневнике. Это он, будучи уволенным в конце 1856 со службы и собираясь на родину, передал для Шевченко из Уральска "Эстетику или Науку о прекрасном" Кароля Либельта - трехтомный труд польского искусствоведа и философа, над которым поэт много размышлял в последние мангышлакские недели и о котором беседовал-спорил с друзьями. (V, 50-51, 57-59, 60, 64, 82-83).

Сотоварищи Пшевлоцкого по тайному обществу - Валериан Станишевский и Адольф Яблонский (Ю.Ясенчик) - могли быть известны Шевченко лишь по рассказам Пшевлоцкого. Личное знакомство исключается, так как оба они, определенные в 5-й линейный батальон, как явствует из того же архивного дела, прибыли в Орскую крепость лишь 1 ноября 1850 г.

РАБЕНЦКИЙ, Игнатий - рядовой 5-го Оренбургского линейного батальона.

В Орскую крепость бывший мещанин Варшавской губернии прибыл в начале 1850, наказанный отдачей в солдаты "за служение в рядах познанских мятежников". Служил в батальоне до 1857, когда, будучи незадолго перед тем произведенным в унтер-офицеры, получил увольнение с правом вернуться на родину, но под секретный надзор. (В.А.Дьяков. "Деятели русского и польского освободительного движения", стр.144).

И.Рабенцкий в 1850 г. являлся сослуживцем Т. Шевченко в пятом линейном батальоне.

РАДЗИЕЙОВСКИЙ, Павел - астраханский знакомый Т. Шевченко.

Один из участников встречи 19 августа 1857 г. Вместе с К.Новицким и Т.Шалевичем оставил автограф (ропись) в Дневнике. (V, 107). Биографические сведения об этом лице в нашем распоряжении отсутствуют.

РАЗУМАНОВЫ - казаки Уральского войска, поселенцы Николаевской станицы.

Разуманов Андрей Кондратьевич состоял на службе при Новопетровском укреплении. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.234-а). Другой представитель этой семьи - Наум Кондратьевич. (ГАОО, ф.6, оп.12, д.1179).

"Шевченко, узнав, что я порисовываю, рекомендовал мне съездить в Разумановский сад, верстах в семи от крепости, но сам почему-то отказался ехать туда. Я поехал. Вместо сада я увидел нечто поражающее своей дикостью и оригинальностью. Громадные обломки скал, поверженных одна на другую, спускаются в живописном беспорядке с пятидесятисаженной высоты к плоскому прибрежью моря... Это водоройна, образовавшаяся в течение веков от стока снеговой воды с Мангышлакского плато.

На одной из маленьких площадок, натурально огороженной с трех сторон каменной оградой, стояли три большие дикорастущие тутовые деревья; несколько грядок с цветами, молодой виноградник на тычинках, мостик через трещину, несколько скамеек - вот весь сад Разуманова, прозванный по фамилии одного богатого купца, открывшего и облюбовавшего эту местность..." (Н. Ф. Савичев - "Кратковременное знакомство с Тарасом Григорьевичем Шевченко").

Здесь верно все, кроме версии о происхождении названия. Имя Разуманова среди купцов, когда-либо в этих местах торговавших, не встречается ни разу. Такого, как видно, и не было.

К "саду" приложили свои охочие до дела руки поколения казаков Разумановых, их имя и закрепила за неповторимым уголком народная молва.

Шевченко, который знал жителей станицы Николаевской, запечатлел Разумановский ("Мангышлакский") сад в ряде работ, выполненных сепией, тушью, белилами, акварелью (т.9, лл.19-28, 40 и др). Этим он выразил свое восхищение не только чудесами природы, но и делом рук простых людей.

Нелишне отметить, что о "саде" знали и пеклись также военные власти, причем не только укрепления, но и корпуса, края. Об этом свидетельствует рапорт и.д. командира Новопетровского укрепления подполковника Маевского от 12 августа 1849: "Вследствие пред писания Вашего высокопревосходительства от 29 января сего года за № 7-м, мною полученного 10-го апреля, честь имею донести, что в Разумановском саду сделаны работы, а именно: дорога в сад от каменьев очищена, спуски и въезды в 3-х оврагах сделаны удобными, самый сад по возможности от каменьев очищен, устроены в оном извилистые дорожки, сделаны во многих местах каменные ступени, два родника обложены тесаным камнем, в нижнем ущельи из камней сделана полукруглая скамейка в виде дивана, в верхнем такая же, а пред нею стол; тут же для защиты от ветра складена передняя

стенка и две боковые, все из тесаного камня, некоторые овраги завалены и сделаны удобно проходимыми; затем дальнейшие работы сада ныне прекращены. (ГАОО, ф.6, оп.6, д.12830, лл.148-148 об.).

Многое из перечисленного в рапорте мы видим в рисунках Т. Шевченко, выполненных вскоре по прибытии в Новопетровское укрепление, в 1851-1852 гг."

РАЙКОВСКИЙ, Измаил Иванович - врач Приказа общественного призрения в Нижнем Новгороде.

Для понимания оценки, данной ему Тарасом Шевченко, охарактеризовавшим "доктора Рейковского" - при первом же знакомстве - "ученым и весьма интересным человеком" (V, 184), немаловажным представляется тот факт, что нижегородский врач являлся братом видных петербургских профессоров А.И. и С.И.Райковских; к этой семье был близок Н.Г.Чернышевский.

РАСЕВИЧ, Николай Станиславович - подпоручик 1-го Оренбургского линейного батальона; предположительно - из конфирмованных поляков. В 50-х годах, одновременно с Т. Шевченко, он служил в Новопетровском укреплении; жил здесь с женой Анной Андреевной, тут же, в 1855 г., родился его первенец.

(ГАОО, ф.173, оп.11, д.234-а).

В литературе о поэте Расевич не упоминается. Прямыми сведениями об их знакомстве мы не располагаем. Тем не менее факт одновременной их службы на Мангышлаке заслуживает быть отмеченным.

РАСТОПЧИН, Александр Степанович - адъютант 5-го Оренбургского линейного батальона в 1847-48 гг., командир 4-й роты того же батальона в 1850 г., подпоручик.

В последующие годы Растопчин продолжал служить в Орской крепости; до 1854 - поручик ("Адрес-календарь Оренбургского края на 1854 год", стр.253), с сентября 1854 - штабс-капитан (ГАОО, ф.6, оп.12, д.1044, л.178).

Во время вторичного своего пребывания в этой крепости Т. Шевченко служил в роте, которой командовал Растопчин. Его подпись значится под несколькими документами, касающимися поэта. Среди них - рапорт о "нижних чинах", поступивших в роту за политические преступления (в том числе - Тарасе Шевченко), список "нижним чинам Оренбургского линейного батальона № 5, над коими производится следствие" (указывается, что Шевченко находится под арестом "по высочайшему повелению за неисполнение воспрещения писать и рисовать" и следствие производится командиром 2-го батальона подполковником Чигирем) и др. (ИЛ, ф.1, д.437).

В ходе следствия оказалось, что Шевченко не присягал "на верность службе". Командир батальона майор Мешков 2 июля 1850 приказал подпоручику Растопчину "привести этого рядового на верность службе к присяге, а как он в настоящее время содержится под арестом, то к присяге вести его за строжайшим караулом". 3 июля Шевченко к присяге был приведен. Под его "клятвенным обещанием" значится, что "при приводе к присяге находится командующий ротой № 4-го подпоручик Растопчин". (там же, ф.1, д.448, 441).

В связи со следствием о Шевченко, производившимся подполковником Чигирем, призывался к ответу и сам Растопчин, так как Мешков, оправдывая свои "упущения" в деле продолжения строгого надзора за Шевченко во время пребывания его в Аральской экспедиции, заявил, что это произошло "по недокладу мне о сем батальонного адъютанта подпоручика Растопчина". ("Тарас Шевченко. Документы та матеріали", К., 1982, стр.222).

РЕМИШЕВСКИЙ, Марцелий Бартоломеевич - заведующий артиллерийскими чинами и имуществом Раимского (Аральского) укрепления, поручик.

Родился в 1804 г. В Отдельном Оренбургском корпусе служил с тридцатых годов; попал он сюда, вероятно, после подавления восстания 1830-31 гг., и здесь, получив офицерское звание, оставался в течение многих лет. В 1852, в возрасте 48 лет, женился на дочери учителя Неплюевского кадетского корпуса. Бракосочетание произошло в военно-походной церкви Аральского укрепления. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.223).

В этом укреплении Ремишевский находился весь период службы в нем Т. Шевченко и потому может быть причислен к тем офицерам из поляков, которых поэт встретил в годы своей неволи (Шкупь В.А, Мостовский М.В. и др.).

В конце военной карьеры Ремишевский командовал пехотной дивизией, был генерал-майором.

РЕННЕНКАМПФ, Рудольф Павлович - председатель Симбирской палаты уголовного суда, статский советник; одновременно исполнял обязанности доверенного лица дирекции паровой компании "Меркурий" в Симбирске.

Меткая зарисовка-характеристика его дана в дневниковой записи от 9 сентября 1857 года: "В 6 часов вечера приходил к капитану нашему некий гер Ренненкампф... Пошлая, лакейско-немецкая физиономия, и ничего больше!.." (V, 124).

РЕПНИНА, Варвара Николаевна (1808-1891) - княжна, дочь героя Отечественной войны Н. Г. Репнина, племянница декабриста С. Г. Волконского.

Т. Шевченко познакомился с В. Репниной в 1843 году в Яготине, но горячее чувство княжны не нашло в нем ответа. Тем не менее они оставались друзьями. Репнина высоко ценила его поэзию, помогала распространять эстампы "Живописной Украины". Шевченко посвятил ей свою поэму "Тризна".

Оказавшись в неволе, Шевченко переписывался с Репниной, а она обращалась с ходатайствами об облегчении судьбы отданного в солдаты друга. Переписка продолжалась до 1850, когда, одновременно с отправкой Шевченко в Новопетровское укрепление, Репнина была строго предупреждена о "неуместности такого ее участия" и о том, что, продолжая его выказывать, "она сама будет виновницей, может быть, неприятных для нее последствий". После такого предупреждения переписка прекратилась.

Однако Шевченко продолжал считать княжну своим другом. По приезде в марте 1858 в Москву он, несмотря на врачебное запрещение выходить из дома, "втихомолку" навестил Репнину, а неделю спустя был у нее снова. (V, 212, 217). Ранее, из Нижнего Новгорода, он неизменно передавал ей приветы в письмах к М. С. Щепкину. (VI, 184, 189, 195, 199). Приветы продолжали идти и после московских встреч (VI, 222), которые Шевченко весьма разочаровали.

Г. И. Псел

**Портрет В. Н. Репниной
1839**

Понять это разочарование, его причины помогает знакомство с литературными произведениями княжны, с которыми она выступала в печати с 60-х годов ("Письма к молодой женщине о воспитании", "Из воспоминаний о Гоголе", "Воспоминание о бомбардировке Одессы в 1854 году" и др.). Последняя из названных статей ("Русский архив", 1891, № 11, стр.413-418), рассказывая о событиях, непосредственно предшествовавших московской встрече и, возможно, бывших предметом их разговора, свидетельствует о непонимании Репниной сути событий. Ей одинаково жаль и тех, кто защищал Одессу, и тех, кто пытался ее захватить. ("Французы, снарядив канонирскую шлюпку, подъехали к Пересыпи, но были встречены сильным огнем, и несчастные потонули. О, какой ужас война!"). Среди самого существенного она выделяет такое: "Мы все дамы снабжали графа Сакена булавками, чтобы прикалывать кресты на грудь героев".

Правда, воспоминания были записаны много лет спустя, но для понимания Репниной 50-х годов они, думается, полезны.

Для характеристики княжны Репниной московского периода интересны и письма вдовы декабриста А. В. Ентальцовой, которая сблизилась с нею в 1857-1858. В одном из посланий к И. И. Пущину она рассказывала: "Доброй Иван Иванович, адресуйте письма в квартиру княгини Репниной в доме Аксакова (имеется в виду брат писателя, Н. Т. Аксаков - Л. Б.)... У них квартира славная, но до сих пор все комнаты вверху заняты больными, они всех своих знакомых, приезжающих лечиться в Москву, принимают к себе. Теперь, слава Богу, не сколько уже выздоравливающих, сверх того у них столько сирот, воспитанниц всех возможных возрастов, что я и счету им не знаю. Княгиня и дочь ее так удивительно добры, так трогательно ласковы, что нельзя не привязаться к ним, и воспитанницы их очень милые особы. Я уже вам когда-то писала, что мы с княжной как-то очень дружески сошлись, как-будто век жили вместе; ее немудрено полюбить, она необыкновенно доброе и очень умное существо, но за что она меня так полюбила, не знаю." ("Летописи Государственного Литературного Музея", книга третья, М., 1938, стр.140). Благотворительность княжны Репниной, как можно судить по тем же письмам, носила, в большой степени, религиозно-фанатический характер. После знакомства, состоявшегося у Шевченко в Нижнем Новгороде с М. А. Дороховой - носительницей истинно-человеческой доброты и сердечности, - он сразу же был удивлен тем, что его давняя приятельница "ударилась в ханжество".

РЕШЕТКОВ, Петр Иванович - есаул Уральского казачьего войска, командир двухсотенного отряда в Новопетровском укреплении.

В казачьем войске Решетков служил с 1818 г. Офицерское звание получил в 1836-м. Чин есаула носил с 1845. Аттестовался в кондуктном списке в высшей степени похвально. (РГВИА, ф.405, оп.6, д.7441, л.13 об.-14).

Шевченко мог встречаться с Решетковым в доме коменданта И. А. Ускова, куда старший казачий офицер укрепления, несомненно, был вхож, у своего доброго приятеля хорунжего Ф.Е. Чаганова, а также у поручика А.Г. Жуйкова и старшего лекаря С.Р. Никольского, которые в разные годы (Жуйков - в 1856-м, а Никольский - уже после освобождения Шевченко) стали зятями есаула, взяв в жены его дочерей. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.234-а).

РОГОЖИН, Иван - см. Чельцов Ф.И.

От имени "Ивана Рогожина" - черта, отбывавшего солдатскую службу, - в Дневнике Т. Шевченко за 16 августа 1857 г. сделана запись, автором которой являлся Федор Чельцов. Поэт и сам иногда называл астраханского флотского врача Иваном Рогожиным - в дневник овых записях, переписке, дарственной надписи на книге. (V, 106, 107, VI, 176 и др.).

РОДЗЕВИЧ, А.И. - автор статьи "Тарас Шевченко в Закаспийском крае. К тридцатилетней годовщине смерти поэта. 1861-1891".

Статья, опубликованная в журнале "Русская старина" (1891, т.70, май, стр.432-446), ввела в научный оборот шевченковедения ряд важных дел из архива Новопетровского укрепления. "Переписка эта, - сообщил Родзевич, - найдена мною в г.Асхабаде, в архиве шт аба войск Закаспийской области, куда попала в числе архивных дел, перевезенных из форта Александровского..."

Среди наиболее важных документов четырех дел, открытых Родзевичем, - "билет № 1403", с которым Шевченко выехал с Мангышлака.

В дальнейшем дела из военного архива неизвестным путем оказались у ростовского коллекционера антиквара Ф.С.Романовича, от которого перешли в собственность Екатеринославского музея им.А.Н.Поля. Первая научная их публикация была осуществлена Д.И.Яворн ицким в книге "Матеріали до біографії Т. Г. Шевченка" (Екатеринослав, 1909, стр.23-44).

Некоторые документы после публикации их в статье А.И.Родзевича считались утраченными. Они обнаружены несколько лет тому назад в Петербурге.

История этих документов подробнее изложена в статье Л.Ф.Хинкулова "Невідомі рукописи і документи з архівів Новопетровського укріплення".

РОМАНИН, Иван Антонович - инспектор городского училища в Орске.

По свидетельству Г.П.Даценко, в 80-е годы XIX столетия Романин собирал сведения о Шевченко, которые, согласно предположению того же Даценко, помещал в губернских ведомостях. ("Киевская старина", 1893, февраль, стр.261). Эти материалы биографами поэта не учтены.

Романин состоял в переписке с М.К.Чалым. (ИЛ, ф.77, д.127).

РОМАНОВ (имя и отчество не установлены) - пом. казначея военного ведомства в Санкт-Петербурге.

"Деньги 354 руб. 62 коп. серебром", принадлежавшие Т. Шевченко, были приняты им от III отделения 30 мая 1847 для отправки вместе с арестантом, определенным в рядовые Отдельного Оренбургского корпуса. ("Кирило-Мефодіівське товариство", т.2, К., 1990, ст р.333-334).

РОМАНОВ, Алексей Андреевич - старший адъютант штаба Отдельного Оренбургского корпуса, поручик.

Его подписью удостоверен документ от 22 января 1850 года о предполагавшемся прикомандировании Шевченко к экспедиции по поискам каменного угля. (ИЛ, ф.1, д.406, лл.30-31).

РОМАНОВИЧ, А.П. - генерал-майор, исследователь Средней Азии.

Романовичу принадлежит статья об Аральской экспедиции 1848-1849 гг. и участии в ней Т. Шевченко: "Туркестанская старина. Заметка о начале судоходства на Аральском бассейне" ("Туркестанские ведомости", 1890, 11.IX, № 37, 1891, 9.IV, № 15).

Заслуживает быть учтенной и другая работа автора - его книга "Судоходные пути из Амударьи в Аральское озеро". (Ташкент, типография окружного штаба, 1889).

РОМАНОВИЧ, Иван Игнатьевич - начальник 23-й пехотной дивизии в 1851-52 гг., генерал-лейтенант.

(Адрес-календарь Оренбургского края на 1852 год", стр.7).

На этом посту Романович сменил А.Е.Толмачева, передав впоследствии свои обязанности Х.В.Глухову.

В шевченковской литературе Романович не упоминается. Однако именно в период его командования дивизией потерпели крах первые попытки доброжелателей добиться облегчения участи опального поэта на Мангышлаке (в частности, путем дозволения ему заниматься живописью).

РУДЕВИЧ, Федор - рядовой 54-й Оренбургской арестантской роты.

Уроженец Черниговской губернии, сын священника, Рудевич, в возрасте двадцати трех лет, был арестован и сослан в 1848-м за "возмутительные и в высшей степени дерзкие разговоры против... государя императора и правительства".

Следствие показало, что двадцатидвухлетний Рудевич, находясь в Могилевской губернии, познакомился с отставным полковником А.Жеребцовым и тремя другими офицерами. Все они вели разговоры, исполненные вольнолюбия и свободомыслия. О взглядах Рудевича пред ставление дают уже такие его слова, зафиксированные следствием: "Прекрасное дело..., что все науки приняли республику, да кажется, что и Россия скоро примет. В России не император, а грабитель". Небезынтересно отметить, что Жеребцов был знаком с Пестелем и другими декабристами и, как установили исследователи, "знал о их замыслах". Таким образом, многое во взглядах Рудевича шло от знакомства с воззрениями декабристов. И, конечно, огромное влияние на него оказали революционные события 1848 года.

В 54-й арестантской роте, находившейся в Оренбурге, Ф.Рудевич служил вместе с другими политическими ссыльными, в частности петрашевцем П.Г.Шапошниковым.

За связь в Рудевичем впал в немилость (был взят под строгое негласное наблюдение и уволен со службы) А.Н.Венгржиновский.

По отбытии наказания Рудевич был переведен в 3-й Оренбургский линейный батальон, из которого и получил увольнение в 1857 - с учреждением секретного надзора в любом месте его жительства. (ГАОО, ф.6, оп.18, д.375, лл.15-16; В.Г.Вержбицкий. "Революционно е движение в русской армии", стр.235-239).

Учитывая широкий круг знакомств Т. Шевченко в период его "оренбургской зимы" 1849-1850, и особенно близость с Венгржиновским, можно реально предположить, что он знал о своем земляке-украинце и, не исключено, был знаком с ним самим.

РЫБАКОВ, Николай Хрисанфович (1811-1876) - известный русский трагик.

С 1826 года Рыбаков играл на сценах крупнейших русских театральных центров. Им созданы образы Любима Торцова, Несчастливцева, Большова (в произведениях А.Н.Островского), Мельника в "Русалке" и многие другие.

В сезоне 1857-1858 Рыбаков работал на нижегородской сцене. Т. Шевченко, предположительно, видел его в ряде спектаклей ("Не в свои сани не садись", "Испанский дворянин" и др.), однако отзывов об актере не оставил.

РЫБАКОВА, Паулина Герасимовна - драматическая артистка, жена Н.Х.Рыбакова.

Рыбакова была дочерью известного провинциального антрепренера и актера К.М.Зелинского; на сцене она выступала с детства и до конца шестидесятых годов , объехав с мужем многие театральные города России. С конца 50-х годов играла роли старух в современных драмах и трагедиях.

В нашу энциклопедию П.Г.Рыбакова включена в связи с тем, что в сезоне 1857-1858 играла на нижегородской сцене, и Шевченко, хотя имени ее и не упоминает, актрису на сцене видел.

РЫБАЧЕК, Матвей - рядовой 5-го Оренбургского линейного батальона.

Житель Люблинской губернии, 1814 (или 1815) года рождения, Рыбачек был в 1849 отдан в солдаты "за возмутительные разговоры". Увольнение от службы он получил восемь лет спустя, в 1857-м; на родину в июле того же года выехал с женой и двумя детьми. Секр етный надзор снят с него не был. (ГАОО, ф.6, оп.18, д.375, лл.24-25).

Рыбачек поступил в Орскую крепость 1 марта 1850 и служил в той же роте, что и Шевченко. В "Списке нижним чинам, поступившим в 4-ю роту Оренбургского линейного № 5 батальона за разные преступления" он значится как Матвей Рыбаченко. (ИЛ, ф.1, д.484, 489).

РЫБИН, Козьма Данилович - унтер-офицер, а затем прапорщик Корпуса топографов, член экипажа шхуны "Константин" - участник экспедиции А. И. Бутакова в 1849 г.

К этому времени Рыбин (род. в 1807) имел за плечами двадцать с лишним лет службы. Солдатский сын, воспитанник Оренбургского батальона военных кантонистов, он служил на поприще топографии с юношеских лет и до старости. В возрасте 50 лет, дослужившись до чина капитана, продолжал свою службу в качестве начальника топографического архива военно-топографического отдела Оренбургского военного округа. В конце 70-х годов Рыбин вышел в отставку с чином полковника. Он удостоился орденов Св.Анны 3-й ст. и Св.Ст анислава 2-й ст. (ГАОО, ф.233, оп.1, д.24, 425; ф.38, оп.1, д.425; "Исторический очерк деятельности Корпуса военных топографов", СПб, 1872, приложения, стр.52, 111).

А. И. Бутаков в "Дневных записках..." неоднократно отмечал высокие профессиональные качества Рыбина, стойкость его перед лицом трудностей.

Несомненный интерес представляет запись в формулярном списке Рыбина: "7 мая 1848 г. командирован из крепости Орской в степь с отрядом, состоявшим из 176 казаков Оренбургского войска, под начальством Корпуса топографов подпоручика Яковлева, для производства полуинструментальной съемки пространства, заключающегося между р.Сырдарьею и северными окраинами песков Каракумов; на пути следования по означенной дороге к Уральскому укреплению, 26 мая, участвовал в отражении напавших на съемочный отряд вооруженных хивинцев и туркмен - около 1000 чел. При обратном следовании съемочного отряда к линии, командирован на службу в Раимское укрепление, где состоял в экспедиции при капитане-лейтенанте Бутакове для производства съемки берегов и островов Аральского моря, откуда возвратился в Оренбург 31 октября 1849 г."

За отличие при съемке берегов Аральского моря, приказом от 22 января 1850 года, топограф второго класса унтер-офицер Рыбин был произведен в прапорщики "с состоянием по армии и в Корпусе топографов". (РГВИА, ф.1441, оп.1, д.34, лл.230-230 об.).

Т. Шевченко общался с Рыбиным длительное время - на Аральском море, затем в пути из Раимского укрепления в Оренбург и, наконец, в самом Оренбурге, где ими сообща составлялись отчеты по экспедиции. ("Несколько новых материалов для биографии Т. Г. Шевченко ". "Киевская старина", 1893, № 2, стр.248).

Имя Рыбина в произведениях Т. Шевченко не упоминается, но в акварелях (т.8, лл.24, 30) и набросках (лл.172, 173) работа топографов экспедиции запечатлена.

САВИЧ - см. Савичев Н.Ф.

Под этим именем Савичев упоминается в Дневнике Т. Шевченко - записи от 20 марта 1858 г.

САВИЧ, Норберт Иосифович - рядовой 5-го Оренбургского линейного батальона.

Являясь студентом Петербургского университета, "за прикосновенность к произведенному в Вильне исследованию над политическими арестантами", дворянин Савич был отдан в 1849 г. на военную службу. В 1850-1854 служил в Орской крепости, откуда был переведен на Кавказ. (В.А.Дьяков. "Деятели русского и польского освободительного движения", стр.154).

Н. Савич являлся в 1850 г. сослуживцем Т. Шевченко.

САВИЧЕВ, Никита Федорович (1820-1885) - хорунжий Уральского казачьего войска.

Коренной казак, он в 1838-м закончил войсковое училище и вскоре стал полковым писарем. Вместе с полком ему довелось участвовать во многих походах - как в пределах Оренбургского края, так и в западных, центральных губерниях России. Первый офицерский чин получил в январе 1852 г. Человек одаренный, Савичев проявил себя позднее как этнограф, историк, литератор, художник, многое сделавший по изучению прошлого, быта и нравов уральских казаков. Его статьи, рассказы, поэмы, рисунки печатались в "Казачьем вестнике", "Иллюстрированной газете", "Туркестанских ведомостях" и других изданиях. Дослужился до чина войск ового старшины.

Т. Шевченко познакомился с хорунжим Савичевым в мае 1852 в Новопетровском укреплении. Знакомству предшествовало пребывание уральца, вместе с полком, в родных для поэта местах, где он впервые услышал о Шевченко, узнал о его изгнании в оренбургские степи. Вернувшись в Уральск, Савичев встретился с офицерами, знавшими Шевченко уже по солдатской его службе. Они сообщили, что поэт-рядовой находится в Новопетровском укреплении. Это, по словам Савичева, и повлияло на его решение принять предложение командира 1-го линейного батальона майора Л.А.Михайлова о совместной ("для компании") поездке на Мангышлак.

Савичев довольно подробно описал свои встречи с Тарасом Шевченко, дал интересные зарисовки его жизни в первые годы пребывания на берегу Каспийского моря. ("Кратковременное знакомство с Тарасом Григорьевичем Шевченко". Газета "Казачий вестник", 1884, № № 53 и 54).

Т. Шевченко вспоминал свои встречи с Савичевым, который привез ему живые приветы от милой сердцу Кирилловки и письма от друзей по первым годам солдатчины. Он остался в памяти поэта человеком, которого занимали социальные проблемы, литература, живопись.

От Савичева, вероятно, Шевченко впервые узнал о И.И.Железнове, другом которого являлся его новый знакомый.

Когда Савичев находился в Москве, Шевченко в письме рекомендовал его О.М.Бодянскому (май 1854) как "хорошего человека и искреннего уральского казака", а заодно просил передать через этого "казачину" издание "Слова о полку Игореве" для задуманного поэта в Новопетровском укреплении перевода поэмы на украинский язык. (VI, 99). Несколько месяцев спустя (1854, ноябрь), не получив желанного ответа, Шевченко в письме к тому же Бодянскому выражает по этому поводу недоумение, вновь вспоминая своего "большого приятеля, уральского казака". (VI, 106). Однако повинным в неаккуратности оказался не Бодянский, а Савичев. Только о будучи в Москве, уже в 1858-м, Шевченко встретился с казаком, служившим там в сводном полку, и забрал у него книгу, которую тот получил "два года тому назад для пересылки и держал у себя, сам не знает, с каким намерением".

Судя по воспоминаниям Савичева, приятельские отношения между ними в 1858 году не возобновились, беседовали они недолго. Тем не менее встреча с "уральским козачиной Савичем" отражена в дневниковой записи наша. (V, 214).

Во время пребывания Савичева в Новопетровском укреплении Шевченко нарисовал его портрет. (т.9, л.29).

Воспоминания казака широко (но еще не до конца) используются при комментировании художественных работ первых лет пребывания Шевченко на Мангышлаке.

Для оценки самого Савичева бесспорный интерес представляют его сатирические стихотворения "Разговор пьяного с самим собою", "Похождения аркадского принца в Уральске" и др., вписанные автором в альбом Л.С.Алексеева (Киевский Государственный Музей Т.Шевченко). Они, в известной степени, характерны для выяснения взглядов новопетровского знакомого поэта Украины.

САВЧЕНКО, Ефросиния Захаровна - казачка Николаевской станицы.

Вдова Савченко в округе была известна, как повитуха. Умерла она в возрасте 62-х лет 28 октября 1855 г. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.234-а).

По записанным К.М.Оберучевым воспоминаниям ее дочери Александры Степановны (в замужестве Сухоруковой), Т. Шевченко бывал у Савченко, беседовал с ними и те даже "одно время интересовались узнать, не родственники ли они с Шевченком, но родства не оказалось". ("Киевская старина", 1900, февраль, стр.157-162).

САДОВСКИЙ, Александр Петрович - унтер-офицер 3-го Оренбургского линейного батальона. (ГАОО, ф.172, д.195, л.4).

В период "оренбургской зимы" Садовский, как и Шевченко, состоял на службе в Оренбурге. Упоминается в письме Ф.Фиялковского, посланном из Радома в начале 1861: "Теперь у меня гостит Садовский из Оренбурга - об остальных наших товарищах ничего не знаю".

САДЧИКОВ, Дмитрий - унтер-офицер, участник экспедиции по изучению и описанию Аральского моря.

Морская его служба началась еще в 1831 году, одновременно с Абизаровым и Клюкиным. В 1840-м, первым среди них, он был произведен в чин унтер-офицера. Служил в третьей роте 45-го флотского экипажа, постоянно отмечался среди самых лучших, получал награды. Последующая его служба, в главном, такая же как и у Абизарова.

На "Константине" Шевченко и Садчиков служили вместе в первое плавание (1848). После совместной зимовки на Кос-Арале унтер-офицер был назначен на шхуну "Николай".

САКСЫБАЕВ, Даукара - каракалпак, пленник в Раимском укреплении.

Саксыбаев, а вместе с ним десять других каракалпаков (Мамын Султанов, Картбай Худайкулов и пр.) были захвачены в плен бывшим начальником укрепления подполковником Ерофеевым и задержаны им здесь на длительный срок. Сменивший Ерофеева Матвеев счел необх одимым отпустить пленников; по этому поводу велась долгая переписка. Тем временем было организовано лечение заболевших каракалпаков в лазарете. Однако большинство пленников умерло и лишь отдельные дождалась отправки к пограничной линии. (ГАОО, ф.6, оп.10, д.5999, 5966-а).

Будучи знаком как с Матвеевым, так и с врачами лазарета Беловым и Лавровым, Шевченко навещал их, и в связи с этим можно считать, что в 1848 он получил возможность узнать представителей еще одного степного народа - каракалпаков, равно как увидеть и раз личный подход к решению вопроса об отношениях с коренными жителями степей.

САМАРИН, Иван Васильевич (1817-1885) - актер Малого театра.

Придя на сцену этого театра восемнадцатилетним начинающим артистом, он, сын крепостного, стал здесь одним из прославленных корифеев - блестящим исполнителем ролей классического репертуара и мелодрамы. Самарин был одним из лучших воплощений образов Чацкого в "Горе от ума", Мортимера в "Марии Стюарт" и других. Игра его с молодости отличалась обаянием, взволнованностью, внутренней силой. В дальнейшем огромный успех артисту принесло исполнение ролей Фамусова и Городничего. С 1862 Самарин вел также педагогическую работу, воспитывая новых мастеров сцены. Среди его учениц - Федотова, Никулина и другие.

Т. Шевченко познакомился с Самариным в Москве, в марте 1858, в доме М. С. Щепкина, учеником и другом которого Иван Васильевич являлся. От него поэт услышал эпиграмму А.Н.Апухтина, внесенную в Дневник 23 марта. (V, 216-217). В этой записи автором эпиграммы ошибочно назван Н.Ф.Щербина. Ошибка исходила, наверное, от Самарина.

САНТИФОЛИЯ ("едва развернувшаяся сантифолия") - см. Голицына Л.Ф.

В заметке устанавливается имя и даются биографические сведения о младшей сестре князя В.Ф.Голицына; о ней говорится и в записях Дневника от 12 и 18 ноября 1857. (V, 107, 109).

Сантифолия - разновидность французской розы.

САПОЖНИКОВ, Александр Александрович (1828-1887) - астраханский рыбопромышленник-миллионер, купец первой гильдии, коллекционер.

Компания "Братья Сапожниковы" возникла в 1819 г. и в середине XIX века владела 42 тысячами десятин земли, 12 крупными рыбными промыслами, 8 пароходами, 12 баржами и многим другим. Годовой оборот ее составлял 9 миллионов рублей. На компанию работали свыше 11 тысяч рабочих (только постоянных).

Шевченко знал Сапожникова еще в начале 40-х годов, в Петербурге, когда учился в Академии художеств, а юный Александр, сын богатея-мецената, брал у него уроки живописи. "... 16 августа (1857 г., в Астрахани - Л. Б.) я возобновил старое знакомство с Александром Александровичем. Это уже был не шалун-школьник в детской курточке, которого я видел в последний раз в 1842 году. Это уже был мужчина, муж и, наконец, отец прекрасного дитяти. А сверх всего этого, я встретил в нем простого, высокоблагороднейшего, доброго человека". (V, 108).

Сапожников упоминается во многих записях Дневника. (V, 98, 104, 110, 112, 113, 115, 116, 118, 128-130, 133, 138, 139, 214, 236). Кстати, последняя из этих записей, сделанная 4 мая 1858, вносит существенную поправку в характеристику Сапожникова как "пр остого человека"; когда Шевченко, уже в Петербурге, пришел к нему, то не был принят "по случаю скорого обеда".

О Сапожникове говорится в некоторых письмах поэта. (VI, 176, 179, 182). Об отношениях между ними мы знаем также по воспоминаниям И.П.Клопотовского (В.Кларк. "Тарас Григорьевич Шевченко в Астрахани", "Русская старина", 1896, кн.3, стр.655-658).

Однако, говоря о знакомстве Шевченко с Сапожниковым, исследователи упускают одно немаловажное обстоятельство (им и вызвано упоминание Сапожникова среди тех, кто составлял окружение поэта периода оренбургской неволи).

Уже в один из первых дней пребывания своего в Астрахани, увидев табличку: "дом Сапожникова", Шевченко не только не удивился, но и записал: "Не будь Александр Александрович Сапожников бриллиантовой звездой астраханского горизонта и безмездным (даровым, ничем не вознаграждаемым - Л. Б.) астраханским метрботом, я зашел бы к нему, как старому знакомому, но эти великолепные его недостатки меня остановили". (V, 98).

Откуда эти сведения - и о том, что Сапожников тот самый "старый знакомый", и - тем более - что он "безмездный метрбот"? Такие сведения Шевченко получил либо от К.М.Бэра, либо от других участников его экспедиции. "В доме купцов Сапожниковых... находилась "штабс-квартира" экспедиции в течение 2 лет, до июня 1855 г., когда дом Сапожниковых сгорел". (М.Соловьев. "Бэр на Каспии", стр.43). Экспедиция располагалась здесь именно "безмездно", щедрейшие угощения Сапожникова нашли отражение даже в дневниковых записях Бэра. (Цитируются в той же книге Соловьева).

Как можно предположить, уже во время первого посещения Мангышлака, в 1853, академик и его спутники рассказали Шевченко о своем астраханском "хозяине"; через них же о местопребывании известного ему поэта и художника мог узнать по возвращении экспедиции А.А.Сапожников. Подобный обмен сведениями продолжался в течение ряда лет.

Никаких данных о личном общении Шевченко и Сапожникова в эти годы, хотя бы посредством их переписки (равно как и о материальной поддержке со стороны Сапожникова, которая могла быть весьма кстати), в нашем распоряжении нет. Таких связей, скорее всего, не было. Но, выезжая в Астрахань, Т. Шевченко о Сапожникове несомненно знал и на помощь его мог рассчитывать. Воспользоваться помощью богача сразу по приезде из Новопетровского укрепления не позволило чувство гордости; он принял ее лишь после того, как его разыскал сам Сапожников. Их общение было особенно тесным на пароходе "Князь Пожарский".

САПОЖНИКОВА, Нина Александровна (1838-1898) - жена А.А.Сапожникова.

Дочь управляющего Астраханской казенной палатой А.П.Козаченко, совсем молодая женщина, которой шел двадцатый год, она снискала симпатию Т. Шевченко как "милая хозяйка" во время путешествия по Волге. На страницах Дневника поэт отмечал "дружескую простоту", "милую наивность" и другие черты характера Сапожниковой. (V, 108, 110, 127, 128). Последняя их встреча состоялась в Нижнем Новгороде, перед отъездом Сапожниковых в Москву. (V, 138).

Сапожникова, на много лет пережив своего мужа, сохранила ряд семейных реликвий, имевших прямое отношение к Т. Шевченко, в том числе выполненные им портреты. (X, лл.3, 6, 11, 12).

САРЫМБЕК (Саранбек) -

казах, вожак Чиклинского рода; служил на рыболовной шхуне "Михаил", а затем на шхуне "Константин" во время плавания по Аральскому морю в 1848-49 гг. За отличия при съемке берегов Аральского моря Сарымбек (Саранбек), приказом от 22 января 1850, был награжден "суконым кафтаном, обшитым галуном". (РГВИА, ф.1441, оп.1, д.34, лл.230-230 об.).

А. И. Бутаков ценил и уважал своего "киргиза-вожака", который, одновременно, служил для него и команды также переводчиком в сношениях с местными жителями. На страницах его записок часты ссылки: "по словам моего киргиза...", "по словам моего киргиза-вожака" и т.п. Они говорят об осведомленности Сарымбека в истории степных поселений, знании им коварных аральских вод, практической его сметке. ("Дневные записки...", стр.18, 19, 44, 47).

Шевченко, как свидетельствует его "живописный дневник" - акварели, рисунки, зарисовки периода экспедиции, общался с Сарымбеком во время совместных выездов на острова Барса-Кельмес, Николая и др. Казах-вожак являлся для него одним из источников приобщения к казахскому языку,

казахскому фольклору, интерес к которым нашел отражение в литературном творчестве Шевченко этих и последующих лет. Известны его зарисовки казахских типов, в которых, возможно, присутствует и Сарымбек. (т.8, лл.61, 84, 85, 135 и др.).

САХНОВ, Андрей

- матрос второй статьи, переведенный из 45-го флотского экипажа, участник экспедиции А. И. Бутакова в 1848-49 гг. На флоте служил с 1840 г. (РГВИА, ф.827, оп.1, д.65).

Шевченко запечатлел в карандашном наброске его танец на палубе шхуны. (т.8, л.119).

Характер рисунка в сочетании со сделанной на нем пометой "22 сентября" дает основание утверждать, что в рисунке изображен тот же эпизод, который описал Макшеев: "... Все люди повеселели и снова явилась у них готовность к новым трудам. В матросско м кружке затеялись песни и пляски. Сохнов, на пространстве какой-нибудь сажени, выделявал ногами такие штуки, которым бы позавидовал любой канканер из Мабиля". (А. И. Макшеев. "Путешествие по Киргизским степям и Туркестанскому краю", стр.73).

На этом основании имеется возможность более точной датировки и рисунка: он сделан 22 сентября 1848 года, перед отходом от острова Николая I, на шхуне "Константин". Шевченко, таким образом, участвовал в открытии этого острова в первом путешествии по его берегам, что позволяет установить более точную датировку и всего цикла "Остров Николая" (т.8, лл.23-31, 165-172).

Уместно заметить, что Сахнов был не только танцором. Вот еще одна выписка из книги Макшеева: "7-го сентября, во время лавирования в юго-восточной части Арала, вдали от берегов, матрос Сохнов, первый канканер и весельчак на шхуне, заметил с мачты какую-то землю среди моря. Бутаков взял направление, указанное Сохновым, и мы скоро увидели низменный и песчаный островок..." (стр.71). Это был первый из островов, открытых экспедицией; ему дали имя В.А.Обручева.

СВЕТОВ (имя и отчество не установлены) - самарский купец, деятель движения молокан.

В записи Дневника, сделанной на пароходе "Князь Пожарский" 6 сентября 1857 г. читаем: "В Самаре живет богатый купец Светов. Глава секты молоканов. Правительство (кроткими мерами) заставляло его принять православие, но он, несмотря на кроткие меры, решительно отказался от православия и изъявил желание принять кальвинизм. На что, однако ж, правительство не изъявило своего желания и оставило его в покое, запретив ему и его секте торговать (одна из кротких мер)".

В это время шла официальная переписка о высылке Светова в Вологду; она продолжалась два года (май 1856 - май 1858), однако молоканский деятель остался в Самаре. (ГАОО, ф.6, оп.18, д.357).

СЕМЕНОВ, Николай Михайлович - помощник начальника и младший естествоиспытатель экспедиции К.М.Бэра во время ее работы в Новопетровском укреплении в 1854 году.

Семенов родился в 1830 г.; образование он получил в Московском университете, который закончил в 1851-м. В экспедицию отправился, оставив должность хранителя университетского Ботанического музея. При этом он согласился даже на работу без жалованья. (П.Жур. "Встречи на Мангышлаке". "Звезда", 1966, № 8, стр.178-186).

В Новопетровском укреплении Семенов познакомился и сошелся с Т. Шевченко. Накануне отъезда нового знакомого в Москву, 3 ноября 1854 г., Шевченко передал с ним для О.М.Бодянского

автопортрет и письмо, в котором заметил: "... а про мою поганую до лю р аспроси у г.Семенова, он тебе расскажет обо мне, о таком, каким меня хорошо видел". (VI, 106).

Из представления К.М.Бэра

"... Коллежский секретарь Семенов, совершив, по моему приказанию, отдельное плавание по Каспийскому морю для собрания различных образцов воды из разных мест оного, обьвил мне по возвращению, что химически ми исследованиями собранных им образцов он может свободно заняться только в Москве, куда и просил меня отправить его..."

Из Астрахани я писал ему, чтобы он представил мне свои исследования, но требование это осталось без ответа. Проезжая Москву на пути в Санкт-Петербург, я лично требовал от г.Семенова представить мне результаты своих занятий. Вместо их он подал мне прилагаемую при сем бумагу, в которой просит о исходатайствовании ему увольнения, по расстроенному здоровью и непредвиденным домашним обстоятельствам, от должности помощника в экспедиции..."

<...> Особой бумагой честь имею Вам (директору департамента сельского хозяйства - Л. Б.) представить о том, как выполнить открывшийся недостаток в помощи..."

(28 февраля 1855; Архив Академии наук - Петербургское отделение, ф.129, оп.1, д.569, л.49-49 об.).

СЕМЕНЮТА, Антон Павлович - чиновник особых поручений при Черниговском гражданском губернаторе, губернский секретарь.

Выполняя предписание гражданского губернатора Гессе, Семенюта в первых числах апреля 1847 г. вел в Черниговском уезде активный розыск Шевченко с целью его задержания, проехал по всему пути следования "преступника", но арест состоялся без его прямого участия. ("Тарас Шевченко. Документи та матеріали до біографії", К., 1982, стр.107).

СЕМИХАТОВ, Захарий Михайлович - священник военно-походной Воскресенской церкви в Раимском укреплении.

Церковь являлась центром Раима. Шевченко зарисовал ее цветным карандашом - вероятно, в 1849-м. (т.8, л.148). На церковной площади происходили встречи и знакомства; тут устраивались парады. Изучение церковных - в частности, метрических - книг. (ГА ОО, ф.173, оп.11, д.186) дает возможность получить более полное представление о жизни укрепления, где редкими были рождения, всего дважды - за два года - случились свадьбы, зато умирали каждый месяц, и не по одному: от цынги, тифа и других бол езей. В метрических записях значатся имена многих знакомых Шевченко. Раимский священник являлся одновременно и духовником гарнизона. Все это позволяет сделать вывод о знакомстве Шевченко с Семихатовым. Подтверждается это упоминанием священника в пов ести "Близнецы". (IV, 109, 110).

Что касается характера Семихатова, то достаточно полное представление о нем дает А. И. Макшеев в книге "Путешествие по Киргизским степям и Туркестанскому краю" (стр.31-32). Сообщая о том, как "священник, следовавший в Раим" освятил новый форт, заложенный на реке Карабутак, Макшеев вспомнил и события следующего дня. "На другой день, - записал он, - священник, обиженный, что его не пригласили на обед (к К.И.Герну - Л. Б.) и успевший уже, по собственному его выражению, наполниться духом, то- есть спиртом, обратился в сторону форта и, торжественно подняв руки кверху, произнес: "Да не будет благословения Божия над фортом сим!" Возглас этот сопровождался нескончаемыми причитаниями попадьи, любившей еще больше мужа наполнять себя духом. Это б ыл один из немногих скандалов, которыми отличалась согласная чета в походе и потом в Раиме".

"В Раиме... есть жемчужина и львица попадья", - писал в августе 1848 г. А. И. Бутаков. (РГАВМФ, ф.4, д.82, лл.67-72). Попадью вспоминал много лет спустя Нудатов. Семихатова Елена Тихоновна была одной из немногих представительниц "женского общества" в укреплении.

СЕРАКОВСКИЙ, Зыгмунт Игнатьевич (1826-1863) - деятель польского национально-освободительного движения, "соизгнанник" Т. Шевченко оренбургского периода.

Родился на Волыни в семье мелкопоместного дворянина, погибшего в боях с карателями во время восстания 1830-1831 гг. блестяще окончив Житомирскую гимназию, поступил в Петербургский университет. Впитав с детства традиции своей семьи, Зыгмунт сбл изился здесь с прогрессивными кругами польского и русского студенчества, включился в патриотическую пропаганду, а в непродолжительном времени стал признанным вожаком "Союза литовской молодежи". Активная деятельность в составе Союза, ставившего революционные цели, повлекла за собой в 1848-м арест Сераковского и отправку его рядовым в Отдельный Оренбургский корпус.

Тут изгнанник пробыл восемь лет - служил в Новопетровском укреплении, в Уральске, Оренбурге, Ак-Мечети и снова в Оренбурге. В долгой неволе он продолжал быть притягательным центром и пользовался особым авторитетом среди собратьев. Сераковский явился организатором взаимной помощи между изгнанниками, поддерживал в них бодрый, боевой дух, помогал в самообразовании, в подготовке к будущей деятельности на благо народа. "Один изгнанник поддерживал другого, - вспоминал впоследствии Б. Залеский. - Высшим счастьем было пребывание в кругу своих товарищей. После муштры собирались часто дружеские собеседования. Письма с родины, новости, принесенные газетами, были предметом бесконечного обсуждения. Сераковский, где бы ни находился, был душой подобных объединений..."

В марте 1856, будучи произведен в прапорщики, Сераковский получил перевод из 1-го Оренбургского линейного батальона в 7-й батальон Брестского пехотного полка. (ГАОО, ф.6, оп.12, д.1388).

По возвращении в Петербург, в том же 1856-м, он с прежней энергией включился в общественную жизнь. Друг Н.Г.Чернышевского, единомышленник А.И.Герцена, Сераковский выступил поборником неразрывного единения революционной России и Польши в борьбе за освобождение от угнетения и насилия. Прошло еще несколько лет, и "пламенный Зыгмунт" стал предводителем восстания 1863 г. Свою жизнь Сераковский закончил на виселице в Вильно 15 июня того бурного, вошедшего в историю освободительного движения, года. (Подробно о его жизни и деятельности - в книге А.Ф.Смирнова "Сигизмунд Сераковский", из-во АН СССР, М., 1959; там же - солидная библиография).

Достоверных сведений о личном знакомстве Т. Шевченко с Зыгмунтом Сераковским до настоящего времени не обнаружено. Такое знакомство могло бы произойти только в начале октября 1850, когда Шевченко направлялся через Оренбург и Уральск в Новопетровское укрепление. В другое время в течение десятилетней шевченковской неволи их пути не пересекались нигде. Однако и осенью пятидесятого встреча не состоялась.

"Недели за две до приезда Сигизмунда, через Оренбург провезли Шевченко... Шевченко пробыл в Оренбурге не более двух дней... С Сигизмундом разминулись где-то в дороге и встретились только в Петербурге по возвращении Шевченко из ссылки..." Так писал в своих воспоминаниях Ян Станевич. (Цитируется по указанной книге А.Ф.Смирнова, стр.121).

Свидетельство Станевича - наиболее достоверное из всего, что по этому вопросу написано за долгие годы изучения шевченковской биографии. За его строками - осведомленность не только "соизгнанника оренбургского", но также друга Сераковского и Шевченко до конца их жизни -

друга, который имел впоследствии возможность проверить свои личные воспоминания в беседах с теми, кого они непосредственно касались.

Тем не менее ряд исследователей (особенно Л.Хинкулов в книге "Тарас Шевченко і його сучасники") начисто отверг достоверность воспоминаний Я.Станевича. Ссылаясь на формулярный список Сераковского и значащиеся там даты его перемещений по службе в Отделе Оренбургском корпусе, Хинкулов счел приведенные выше утверждения современника "фантастическими", "полнейшей путаницей" и т.п. Главные его доводы против свидетельств Станевича состояли в том, что, во-первых, Шевченко "пробыл в Оренбурге вовсе не два дня, а полгода - с ноября 1849 г. до мая 1850 г.", и, во-вторых, "в 1850 году в жизни Сераковского, как известно из... формулярного списка, никаких перемещений из батальона в батальон не происходило". (стр.200-202).

При этом исследователь сбросил со счетов третье - мимолетное - пребывание Шевченко в Оренбурге (октябрь 1850) и не сделал даже попытки вникнуть в передвижения Сераковского по службе.

Автором обнаружено неопровержимое документальное подтверждение того, что Сераковский, вопреки сведениям из формулярного списка, был в Оренбурге именно в 1850-м и именно в октябре. В "Метрической книге для записей крестных метрик Оренбургской римско-католической церкви" имеется запись от 28 октября 1850, утверждающая, что в этот день в церкви был крещен сын рядового Паробчи Людвиг и среди свидетелей находился "рядовой линейного

Оренбургского батальона № 1-го Зыгмунд Игнatieв Сераковский". (ГАОО, ф.172, д.189, л.12).

Точная дата приезда Сераковского в Оренбург неизвестна. Но и приведенной записи достаточно, чтобы "реабилитировать" несправедливо развенчанного Л.Хинкуловым Яна Станевича и подтвердить ценность его воспоминаний.

Уместно сказать, что они совпадают со свидетельством Б. Залеского, который в одном из писем к Сераковскому, посланных в 1851 из гор Каратау, написал: "Тарас с нами... Он тебя, мой Зыгмунт, велел обнять, - очень сожалел, что вы разминулись, но если его переведут в Оренбург, то познакомьтесь". ("Питання шевченкознавства", т.1, стр.112).

Знакомство Шевченко и Сераковского, скоро перешедшее, несмотря на заочный его характер, в сердечную близость-дружбу, состоялось, вероятно, при посредстве Б. Залеского и Л. Турно в период проведенной вместе Каратауской экспедиции. Значительная (если не основная) часть шевченковской переписки не сохранилась, но с уверенностью можно сказать, что имя Сераковского мы встретили бы и в письмах 1851-53 гг. В дошедшей до нас переписке 1854 и последующих лет солдатчины о нем говорится как о постоянном корреспонденте и близком друге поэта. (VI, 90, 101, 103, 105-106, 111, 118, 120, 124, 136, 142-143, 152, 162, 175; "Листи до Т. Г. Шевченка", стр.85-86, 87, 91, 96-97, 101). Из переписки (по всему судя, обширной) Шевченко и Сераковского сохранились только одно письмо Шевченко (VI, 113) и два - Сераковского. ("Листи...", стр.86-87, 88).

Взволнованно звучит письмо, написанное 3 июля 1856, перед отъездом из Оренбурга (оно печатается как "приписка" к письму Б. Залеского, хотя имеет вполне самостоятельное значение):

"Батьку! До свидания в Петербурге или в Киеве... Еду с полной надеждой, что судьба всех нас облегчится...

Батьку! Великие люди великие перенесли страдания. Одно из величайших - степь безвыходная, дикая пустыня.

- На пустыне жил певец Апокалипса

- На пустыне ты теперь живешь, наш лебедю!

- Твои киргизята прекрасны! Ты олицетворяешь идеи.

Прощай. Целую тебя. До свидания.

Твой Сигизмунд".

По прибытии в Петербург Сераковский активно хлопотал об освобождении Шевченко. В столице - 28 марта 1858 - и произошла их встреча после многих лет дружбы заочной. (V, 220). Кстати, участником ее был и Станевич. (Ему ли не знать, встречались ли Сераковский с Шевченко ранее?). За первой встречей последовали другие. (V, 224, 226). Сераковский сыграл большую роль в сближении поэта Украины с русскими революционными демократами и передовыми представителями польского народа.

СЕРГЕЕВ, Капитон Порфирьевич - прапорщик 1-го Оренбургского линейного батальона. ("Адрес-календарь Оренбургского края на 1854 год", стр.250).

Сергеев упоминается в воспоминаниях Косарева как один из молодых офицеров Новопетровского укрепления, служивших там в первые годы пребывания Т. Шевченко на Мангышлаке. Прапорщик Сергеев и прибывший вместе с ним прапорщик Гарлих участвовали в вечерах, которые устраивались в укреплении при коменданте Маевском. Как известно, на этих вечерах выступал и Шевченко. ("Киевская старина", 1898, февраль, стр.39).

Представляет интерес тот факт, что К.П.Сергеев сам являлся большим любителем живописи. Девять его акварелей помещены как иллюстрации к статье Г.Н.Чаброва "Русские поселения между Оренбургом и Ташкентом в XIX - начале XX века" ("Труды Среднеазиатского государственного университета", вып. ХС, Ташкент, 1957, стр.153-191). Альбом Сергеева, заполненный им, главным образом во время службы в 4-м Оренбургском линейном батальоне, хранится в Институте истории и археологии АН Узбекистана.

СЕРДЮКОВ, Моисей Дмитриевич - чиновник Оренбургской Пограничной комиссии, титулярный советник.

Родился в 1807 г., в дворянской семье Черниговской губернии (Кролевецкого уезда). Службу свою начинал на родине (уездный суд, почтамт). Позже выехал в Сибирь, а уже оттуда в Оренбург, где к началу 50-х гг. являлся советником Пограничной комиссии. (ЦГА Казахстана, ф.4, оп.1, д.2357).

Сердюков входил в круг общения Б. Залеского, на квартире которого с ним встречался Т. Шевченко. В связи с этим его имя упоминается в следственном деле 1850.

СЕРЕДА, Николай Акимович - чиновник канцелярии Оренбургского и Самарского генерал-губернатора.

Коренной оренбуржец, сын влиятельного деятеля края, он с 1842 года воспитывался в Царскосельском лицее, по окончании которого начал служебную карьеру в Оренбурге. (ГАОО, ф.6, оп.6, д.11817). В дальнейшем - автор ряда сочинений о родном крае: "Оренбургский край и его история", "Оренбургский театр", "Бунт киргизского султана Кенисары Касымова", опубликованных в "Вестнике Европы", "Оренбургских губернских ведомостях" и других изданиях. В пятидесятые годы принадлежал к кругам образованной, прогрессивно мыслящей молодежи Оренбурга. Умер в 1897 г.

В воспоминаниях К.И.Герна Середа называется среди тех, кто хлопотал перед Перовским об облегчении участи Шевченко.

СЕРЕДНИЦКИЙ, Евстафий Фадеевич (1813-1886) - офицер 2-го Оренбургского линейного батальона.

Середницкий родился в богатой дворянской семье Чигиринского уезда Киевской губернии. Участвовал в восстании 1830-1831 гг., однако тогда наказания ему удалось избежать и он смог продолжать активную деятельность в одной из конспиративных групп Ш.Конарского. В 1838 Середницкий был арестован и отправлен рядовым в Отдельный Оренбургский корпус. На десятом году службы, в 1848, получил чин прапорщика, в 1851 был произведен в подпоручики, в 1856 - в поручики. В ноябре того же, 1856, пришло долгожданное увольнение, а затем и разрешение проживать в своем Чигиринском уезде. (ИЛ, ф.278; ГАОО, ф.6, оп.12, д.388; ф.172, д.189; "Адрес-календарь Оренбургского края на 1854 г од", стр.251; В.А.Дьяков - "Тарас Шевченко и его польские друзья", стр.76-77).

Т. Шевченко познакомился с Середницким зимой 1849-1850 в Оренбурге, где тот уже более пяти лет служил во 2-м батальоне и за год до их встречи был произведен в офицеры. Сближению способствовало чувство землячества: оба родились в одних и тех же местах. Это, полагаем, о нем писал впоследствии Шевченко, называя своего знакомого "земляком из Тального" (VI, 92). Тальное и Моринцы разделяло всего несколько десятков верст.

Евстафий Середницкий - на рисунке А. Ф. Чернышева, где Шевченко запечатлен среди польских изгнанников. Уже это - свидетельство близости поэта Украины и патриота Польши.

В дальнейшем, будучи в Новопетровском укреплении, Шевченко интересовался судьбой Середницкого, передавал ему теплые приветия. (VI, 92, 122, 124).

За год до увольнения со службы, в октябре 1855, Середницкий был переведен в 1-й Оренбургский линейный батальон, в котором служил и Шевченко, но о личных их контактах в это время сведений нет.

СИБАМАГИН (имя и отчество не установлены) - полковник, ст.адъютант инспекторского департамента военного ведомства.

Ему был вручен 30 мая 1847 г. "секретный пакет на имя г-на военного министра за № 876" с объявлением "высочайшей воли" об определении Т. Шевченко рядовым Отдельного Оренбургского корпуса "для зависящего с вашей стороны распоряжения". Сибاماгин обязывался сообщить, "куда именно Шевченко будет отправлен на службу". ("Кирило-Мефодіівське товариство", т.2, К., 1990, стр.333-334).

СИДОРОВ, Марковой - крестьянин Нижегородской губернии, денщик А. И. Макшеева в экспедиции на Аральское море.

Во время перехода из Орской крепости к Раимскому укреплению Шевченко имел пристанище в джуламейке Макшеева и тогда же свел знакомство с Сидоровым.

"Походная обстановка его (Шевченко - Л. Б.) нисколько не тяготила; но когда, после продолжительного похода, мы приходили в укрепление, где имели возможность заменить сухари и воду свежим хлебом и хорошим квасом, Тарас Григорьевич шутливо обращался к моему человеку со словами: "дай, братец, квасу со льдом, ты знаешь, что я не так воспитан, чтобы пить голую воду".

(А. И. Макшеев. "Путешествие по Киргизским степям и Туркестанскому краю", стр. 30).

О Сидорове Макшеев пишет: "Он сделал со мною все без исключения походы по степи, удивлял всех наших спутников своим проворством и умением применяться без суеты к какой бы то ни было

обстановке. Все алчущие, жаждущие и страждущие обращались к нему, так как у него всегда находились и лишний кусок чего-нибудь, и посудина-другая с водою..." (там же, стр.28-29).

С Сидоровым Шевченко общался до 25 сентября 1848 г., когда Макшеев и его денщик оставили Кос-Арал. Могли они встречаться и в Оренбурге.

СИМОНОВ, Николай Иванович (1832-1857) - лейтенант флота на пароходе "Куба".

Родился в 1832 г. в дворянской семье Казанской губернии. Учился в Морском кадетском корпусе; в 17 лет (1847) - мичман флотского экипажа; с 1855 - лейтенант. Владел французским и английским языками, знаниями астрономии, в которых совершенствовался при Главной обсерватории под руководством астронома Делена. Вместе с В.К.Кошкулем исполнял на пароходе "Куба" обязанности помощника начальника экспедиции Н.А.Ивашинцева по астрономической части. Погиб при крушении парохода в ночь с 14 на 15 сентября 1857. (РГАВМФ, ф.406, оп.3, д.487; ф.256, оп.1, д.264, л.14).

Симонов являлся одним из участников встречи группы моряков с "Кубы" на комендантском "огороде" 17 июля 1857. (см. статью Поскочин Н.П. и приложение к ней).

СКОБЕЛЕВ - рядовой 2-ой роты 1-го Оренбургского линейного батальона, сослуживец Т. Шевченко по Новопетровскому укреплению.

Его жизнь нам известна только от Тараса Шевченко, любившего его "как земляка и как честного человека".

Родом из Херсонской губернии, беглый крепостной, он долго бродяжил, был пойман, сказался непомнящим родства и попал в солдаты, где получил прозвище Скобелев, ставшее его фамилией. Удивительно пел родные украинские песни. Шевченко о нем писал: "По сложению своему и по манерам он не был похож на бравого солдата, за что я его особенно уважал. Но он пользовался в роте славою честного и смышленного солдата. И несмотря на смуглое, аляповатое и оспую изрытое лицо, в его лице светилась отвага и благородство".

Они расстались в 1855: вторая рота переезжала в Уральск. Когда же она, спустя два года, вернулась, Шевченко узнал от унтер-офицера Кулиха "печальное и, к несчастью, не единственное в этом роде происшествие", случившееся со Скобелевым, точнее - с делавшее его жертвой бесчеловечных законов.

"Происшествие" заключалось в том, что Скобелев, узнав о присвоении ротным командиром поручиком Обрядиным кем-то присланных ему, солдату, десяти рублей, попросил возвращения денег и когда тот дал пощечину - нанес ему ответный удар. Произошло это при свидетелях-офицерах. По рапорту Обрядина Скобелева предали военному суду, он получил 2000 шпицрутен, а затем был отправлен в Сибирь, в арестантские роты.

"... Бедный, несчастный Скобелев. Ты честно, благородно возвратил пощечину благородному вору, грабителю, и за это честное дело прошел ты сквозь строй и понес тяжелые кандалы на берега пустынного Иртыша и Оми. Встретишь ли в своей новой неволе тако го внимательного и благородного слушателя, товарища твоих заунывных сладких песен, как я был?.. Бедный, несчастный Скобелев" (V, 54-56).

Страницы, посвященные Скобелеву, относятся к самым сильным образцам публицистической прозы Тараса Шевченко.

СЛАПОГУЗОВ, Николай Лукич - обер-аудитор военно-судного отделения штаба Отдельного Оренбургского корпуса.

Слапогузов вел следственные дела о нарушении Т. Шевченко запрещения писать и рисовать (ИЛ, ф.1, д.406) и о связанном с поэтом кружке Ханыкова, Завадского и других в Орской крепости. (ГАРФ, ф.109-и, 1 эксп., д.82, лл.1-82).

СЛИГИН, Иван Филимонович - мастерской Уральского горного ведомства, участник Каратауской экспедиции А.И.Антипова. (ГАОО, ф.6, оп.12, д.229).

На протяжении трех с половиной месяцев, с 21 мая по 7 сентября 1851 г., Шевченко ежедневно общался со Слигиным и его товарищами - горнорабочими Гонибесовым, Трубеевым, Кормышевым, делил с ними все трудности и невзгоды походной жизни.

Слигин являлся свидетелем живописных занятий Шевченко периода Каратауской экспедиции, а, возможно, и участником их (в качестве натурщика).

СМОЛЬКОВ, Федор Константинович - антрепренер.

Многолетний распорядитель Нижегородского театра, он снискал себе известность невероятной скупостью и беззастенчивой эксплуатацией актерского труда.

"Большинству актеров Смольков говорил "ты" и не только не подавал руки, но, случалось, даже делал своей рукой "отеческое внушение" в виде двух-трех пощечин..." - вспоминал А.П.Ленский, посвятивший ему несколько страниц. ("Александр Павлович Ленский. Статьи. Письма. Заметки". М., 1950, стр.65-73). Писал о Смолькове и П.М.Медведев, обративший внимание на те же, что и Ленский, качества характера предпринимателя. "Несмотря на его недостатки, - замечал, однако, мемуарист, - он как-то пришелся по душе актерскому люду". Медведев оставил и словесный портрет Смолькова: "Ф.К. представлял из себя человека среднего роста, худощавого, с бледным продолговатым лицом, маленькими карими глазами, каштанового цвета волосами и небольшими бачками..." (П.М.Медведев. "Воспоминания", Л., 1929, стр.180-183).

Т. Шевченко, постоянно бывая в театре и, имея широкий круг знакомств среди актеров Нижнего Новгорода, знал Ф.К.Смолькова и его нравы. Несмотря на то, что имя этого человека поэтом не упомянуто ни разу, многие записи Дневника, касающиеся "бедных нижегородских спектаклей", относятся к нему непосредственно.

СОВА, Антоний - см. Желиговский Э.-В.

Под этим псевдонимом Желиговский вошел не только в литературу, как автор "Иордана", но и в переписку Шевченко периода солдатчины - во всех случаях, где речь идет о поэте Польши. (VI, 90, 92, 101, 104, 105, 109, 111, 114, 119, 121, 124, 136, 143; "Листи до Т. Г. Шевченка", стр.85, 90, 91).

СОДАЛЬСКИЙ, Стефан Михайлович - протоиерей Полковой Петропавловской церкви в Оренбурге.

В священники отец Стефан был рукоположен еще в 1803 году (по окончании Вятской семинарии нес службу в Сарапульском уезде). В Оренбург прибыл в 1817-м и служил тут более тридцати лет. Он также вел Закон Божий и, одновременно, русскую словесность в школе кантонистов, военном училище и других учебных заведениях. Старый протоиерей вдовствовал, жил в своем доме вместе с бобылем-сыном - отставным унтер-офицером. (ГАОО, ф.173, оп.5, д.9825; ф.10, оп.3, д.344 и др.).

Наиболее значительные воспоминания о Содальском связаны с его поведением во время эпидемии холеры 1848 г. "Этот почтенный старец, несмотря на жар и свои лета, день и ночь разъезжал... по больным" ("Записки Н.Г.Залесова", "Русская старина", 1903, май, стр.268). "Соборный протоиерей Содальский в разгаре эпидемии предложил всенародную исповедь, и тысячные толпы калялись

вслух..." (Из воспоминаний Э.Нудатова; в книге Д.Иофанова "Материалы про життя і творчість Тараса Шевченка", стр.58).

Содальский - одна из примечательных фигур Оренбурга периода пребывания там Шевченко, который, как и все состоявшие на службе в Отдельном Оренбургском корпусе, являлся прихожанином именно этой, военной, церкви.

СОКОЛОВСКАЯ, Татьяна Павловна - пассажирка парохода "Князь Пожарский", жительница г.Саратова.

От Соколовской Т. Шевченко узнал о Н.И.Костомарове и его матери; по ее указаниям отыскал он квартиру Т.П.Костомаровой. Не без участия "любезной", "обязательной" пассажирки состоялась, полагаем, и встреча с П.У.Чекмаревым, пришедшим к нему в качестве представителя "саратовской братии".

Прочтение записей, сделанных поэтом 30-31 августа и 1 сентября 1857 г. (V, 113-115), подводит к выводу о причастности Соколовской к лучшим кругам саратовской интеллигенции.

СОЛДАТЕНКОВ, Козьма Терентьевич (1818-1901) - московский купец, книготорговец и издатель.

В пятидесятые годы он тесно сотрудничал с Н.М. Щепкиным в деле издания книг и торговле ими. Известна его дружба со многими лицами, близкими к семье Щепкиных (Кетчер, Крузе и др.). Именно это, прежде всего, дает основания полагать, что Т. Шевченко мог встретиться и познакомиться с Солдатенковым уже в марте 1858 г. в Москве. Одним из наиболее вероятных мест такой встречи следует назвать книжный магазин Щепкина, а среди поводов к ней - новоселье магазина, к которому сам Солдатенков имел прямую причастность. То, что Шевченко не назвал его среди участников новоселья, не может служить основанием для вычеркивания Солдатенкова из списка лиц, собравшихся здесь; сам поэт, перечислив ряд фамилий, отметил, что присутствовали и "многие другие". (V, 217).

От Солдатенкова Шевченко получил фотографию картины К.Брюллова "Вирсавия", владельцем которой являлся. На основе фоторепродукции был выполнен офорт. На другом офорте, с картины Рембрандта "Притча о работниках на виноградниках", выполненном в ноябре 1858, имеется дарственная надпись Шевченко, свидетельствующая, что этот отпечаток тогда же был подарен им Солдатенкову. Надо думать, что Шевченко познакомился в Москве и со всеми другими шедеврами из его коллекции.

В 1860 поэт вел с Солдатенковым, через М. М. Лазаревского, переговоры об издании "Кобзаря". Переговоры положительных результатов не принесли. "Кобзарь" был выпущен тогда же другим издателем. На титульном листе одного из сохранившихся экземпляров значится: "Косьме Терентьевичу Солдатенкову. На память Т. Шевченко" (Репродуцировано в книге: "Записки Отдела рукописей

Государственной Библиотеки СССР им.В.И.Ленина", вып. V, М., 1939, стр.13).

СОЛЮНИНА, Захарий Константинович - гусарский офицер (ротмистр), впоследствии, после отставки, чиновник в Саратове.

Офицерскую службу нес с 1824; в 1847-м - в Лубенском полку. Его отец был крестным Глафиры Псел, по мужу - Дуниной-Борковской, доброй знакомой Т. Шевченко.

Солонина являлся очевидцем ареста поэта на переправе через Днепр. Н.М.Белозерский вспоминал: "Об арестовании Шевченка я слышал следующие рассказы <...>: когда на пароме под Киевом заметили присутствие полиции, наблюдавшей за Шевченком, то будто артиллерийский (?) офицер С-а предлагал Шевченко столкнуть его чемодан в Днепр, но Шевченко отверг это предложение: "Не треба, нехай забирають". Затем Шевченко и С. были арестованы". ("Воспоминания о Тарасе Шевченко", К., 1988, с.202; П.Жур. "Дума про огонь", К., 1985, стр.359-360).

СОЛОНИНА, Мария Григорьевна, урожд.Гамалея (1829-1917) - жительница Саратова.

Украинка, из Лохвицкого уезда, она была женою офицера, а затем, после отставки, чиновника провиантской комиссии З.К.Солонины, в связи с чем длительное время жила в Саратове.

Узнав о пребывании Т. Шевченко на пароходе "Князь Пожарский", она "за полчаса до поднятия якоря", как "землячка и поклонница", передала поэту "сердечный сестрин поцелуй". Шевченко, тронутый этим, отослал в дар ей - "милой, сердечной землячке" - "ка кую-то песенку", очевидно автограф своего стихотворения. (V, 114-115).

СТАНЕВИЧ, Ян Фердинандович (1832-1904) - рядовой 2-го Оренбургского линейного батальона.

Восемнадцатилетний воспитанник Дворянского полка, он был исключен оттуда в 1850 г. за "дурное поведение". Как предполагают исследователи, поводом к исключению послужили причины политические. После второго батальона служил в третьем (тоже Оренбург) и четвертом (Ак-Мечеть). За отличия получил чины портупей-прапорщика, а в августе 1855 - прапорщика, с переводом в линейный батальон № 5. Впоследствии, учась вместе с З. Сераковским в Академии Генерального штаба, стал одним из ближайших его соратников по революционному подполью перед восстанием 1863 г. (В.А.Дьяков. "Тарас Шевченко и его польские друзья", стр.67; ГАОО, ф.6, оп.12, д.1251).

Личное знакомство Т. Шевченко и Яна Станевича во время солдатчины было кратковременным. Оно состоялось в Оренбурге, осенью 1850, когда поэт, препровождаемый в Новопетровское укрепление, получил возможность ненадолго заглянуть к оренбургским своим друзьям, в частности, к Б. Залескому. Возможно у Залеского и произошло его знакомство с вновь прибывшими ссыльными, среди которых был и Станевич. Но, учитывая мимолетный характер их общения, следует думать, что приведенные в воспоминаниях Станевича рассуждения и выводы о взглядах Шевченко ("он всегда заявлял, что у Польши и Украины - один общий враг - русский царизм") не основываются на впечатлениях от первой встречи, а являются обобщающими.

Станевичу принадлежит наиболее достоверное свидетельство по поводу личного знакомства Шевченко с Сераковским.

В дальнейшем, в бытность поэта в Новопетровском укреплении, между ним и Станевичем наладилась переписка, которая, к сожалению, не сохранилась. В шевченковских письмах к Сераковскому и Залескому этот молодой человек упоминается весьма тепло: "Поцелуй доброго Станевича за его ласковые письма...", "Я знаю, что это добрый человек...", "Кланяйся... Станевичу...". Шевченко хочет узнать о нем больше и просит Залеского написать о мимолетном знакомом подробнее. (VI, 113, 114, 119).

Поверхностность личного их знакомства видна и из того, что в одном из цитированных писем Ян Станевич именуется И.Станкевичем, а в двух других - Станкевичем.

Следующая встреча Шевченко со Станевичем произошла сразу по приезде поэта в Петербург. "Радостная, веселая встреча", - записал он в Дневнике 28 марта 1858, после встречи с "соизгнанниками оренбургскими" Сераковским, Станевичем и Желиговским. (V, 220).

Станевич был одним из тех, кто активно способствовал знакомству и сближению поэта Украины с Чернышевским и Добролюбовым.

СТАНИСЛАВСКИЙ, Станислав Иванович - польский ссыльный, лекарь Неплюевского кадетского корпуса.

На военную службу Станиславский был отдан "за прикосновенность к существовавшему между студентами Медико-хирургической академии тайному обществу". (ГАОО, ф.6, оп.18, д.242, 350).

В Оренбурге он был дружен с семьей Кирша (ГАОО, ф.172, оп.3, д.189), где, по воспоминаниям Ф. Лазаревского, "всегдашними гостями" бывали многие поляки и куда любил заходить Т. Шевченко. Это, на наш взгляд, служит основанием для включения С.Станиславского в число оренбургских его знакомых.

СТАНКЕВИЧ, Александр Владимирович (1821-1912) - брат известного общественного деятеля 30-х годов Н.В.Станкевича, беллетрист, биограф и издатель литературного наследия Т.Н.Грановского.

После смерти брата, последовавшей в 1840, Александр Владимирович составил собственный кружок, в который входили многие заметные представители московской молодежи.

"... В доме Станкевича собиралось все, что было мыслящего и порядочного в тогдашнем литературном обществе, за исключением славянофилов, которые держались особняком. Обладая довольно крупным состоянием, он давал обеды и литературные вечера, которые были истинным умственным наслаждением. Тут не было толпы всякого народа, как в редакции "Русского вестника"; это не были ристалища, подобные тем, которые происходили в сороковых годах между славянофилами и западниками. Собирался избранный кружок людей, более или менее одинакового направления; обменивались мыслями, толковали обо всех вопросах дня. Здесь читались только что вышедшие статьи. Это было время всеобщего одушевления и надежд... И когда все это исчезло... в доме Станкевича все еще продолжали собираться прежние друзья; но ряды их более и более редели... Дом Станкевича остался теплым приютом для более тесного кружка друзей... Они находили здесь самое теплое участие, самое чуткое внимание, самую заботливую предупредительность..." ("Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Москва сороковых годов", М., 1929, стр.198-202).

Можно согласиться с мемуаристом, который писал, что не беллетристические произведения, написанные Станкевичем, принесли ему популярность, и даже не "биография Грановского, на которую он положил всю свою душу", а именно такое бескорыстно-преданное внимание к литературе и литераторам, ко всему, что происходило в общественной жизни.

Т. Шевченко познакомился с А.В.Станкевичем в Москве, в марте 1858, и встречался с ним не раз - и у Щепкиных, и у Станкевичей, и на новоселье книжного магазина. "Весело, нецеремонно" чувствовал себя поэт в гостях у Александра Владимировича и его жены. В записи от 24 марта Станкевич назван им среди московской "учено-литературной знаменитости", которая его "очаровала". (V, 215-217).

В связи с этим требуют специального изучения материалы А.В. и Е.К.Станкевичей в фонде 351 отдела письменных источников Государственного Исторического Музея. Не исключено, что они содержат и сведения о связях этой семьи с Т. Шевченко.

СТАНКЕВИЧ, Елена Константиновна, урожд. Бодиско (1824-1904) - жена А.В.Станкевича, двоюродная сестра Т.Н.Грановского.

По свидетельству того же Б.Н.Чичерина, она была верным другом и единомышленником своего мужа. "Пылкая, страстная, энергическая, часто нетерпимая относительно тех, кто приходился ей не по душе, она расточала на близких ей людей все сокровища любвеобильного сердца..."

К таким людям относился и Т. Шевченко. Они познакомились еще в 1844 г. на Украине. Об этом напоминает сохранившееся письмо ее (Е.Бодиско), полное восторженных отзывов о поэме "Тризна" и других произведениях поэта. ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр.32-33). Вот почему в записи от 19 марта 1858 он называет Елену Константиновну "старой знакомой". В 1858, в Москве, дружеское общение возобновилось. (V, 214, 215, 217).

СТАНКЕВИЧ, И. - см. Станевич Я.Ф.

Такое написание имени и фамилии одного из оренбургских соизгнанников Т. Шевченко имеет место в его письмах 1855 г. (VI, 113, 114, 119).

СТАРИКОВ (имя-отчество не установлены) - судейский чиновник в Орской крепости.

С его слов А.И.Матов сообщил: "Старожил Старилов, семидесятипятилетний старик, передавал нам, что всякий раз, как только он выходил на охоту, встречался здесь с Шевченко. Поэт или отдыхал на мягкой зелени, пристально всматриваясь в далекую, бесстрастную синеву небес, или, обвешанный разнообразной дичью, бродил по болотам. Старилов, бывший в то время повытчиком, не знался с поэтом и, видимо, избегал его". (Газ. "Камско-Волжский край", 1897, № 307).

СТЕПАНОВ, Алексей Иванович - командир третьей роты 5-го линейного батальона во время службы Т. Шевченко в Орской крепости.

Степанов родился в 1812 году. В 1847 - штабс-капитан. В октябре того же года, в возрасте 35 лет, вступил в брак с двадцатилетней Прасковьей Николаевной Ледомской. (ГАОО, ф.172, оп.1, д.169, л.53).

А. И. Макшеев вспоминал рассказ Шевченко о первом годе своей солдатчины: "По мере понижения ступеней военной иерархии, со мною обращались все грубее и грубее, и когда очередь дошла до ротного командира, то он пригрозил мне даже розгами, если я дурно буду себя вести. Чтобы ограничить себя от опасности, я прибег к очень простой и, как оказалось, весьма действительной мере: купил очень много водки и весьма мало закуски, пригласил ротного командира и несколько офицеров на охоту и упоил их. С тех пор отношения наши сделались наилучшими, а когда угощение начинало забываться, я повторял его".

Впоследствии, когда подпоручик 5-го батальона Бархвиц, отказавшись вернуть Шевченко долг, потребовал привлечь его "по всей строгости закона за ложное предъявление претензий" (1849), Степанов подтвердил, что о долге он знал и требование рядового Шевченко основательно.

Под командою штабс-капитана Степанова Шевченко проделал в 1848 путь до Раимского укрепления (части роты № 3 было поручено прикрытие транспорта), а затем некоторое время находился на Аральском море. Степанов, как сообщал в 1850 на следствии майор Мешков, имел "у себя в роте приказ по батальону о надзоре за Шевченко".

Поход к Аральскому морю описан в повести "Близнецы". (IV, 106-113).

СТОРОЖЕНКО, Николай Ильич (1836-1906) - профессор кафедры всемирной литературы Московского университета, историк западноевропейской, русской и украинской литератур.

В научный оборот Стороженко ввел много новых материалов о жизни и творчестве Т. Шевченко. Наиболее значительными среди статей-публикаций о нем (и, в частности, его солдатчине) являются: "Первые четыре года ссылки Шевченко" ("Киевская старина", 1888, октябрь) и "Новые материалы для биографии Шевченко" ("Киевская старина", 1893, март). Полная публикация последней из названных статей по рукописи, с восстановлением всех цензурных сокращений, осуществлена Д.Иофановым ("Матеріали про життя і творчість Тараса Шевченка", стр.6-18).

СТРЕМ - см. Нистрем Д.В.

Имя "Стрема" названо в дневниковой записи за 24 сентября 1857 г. (V, 140).

СТРУЧИНСКИЙ, Северин - рядовой 5-го Оренбургского линейного батальона.

Являясь мещанином г.Кракова, Стручинский "рассуждал о политических делах и вел неуместные разговоры", за что в 1848 г. был отдан на военную службу. В пятом батальоне находился по день "прощения", последовавшего в 1857-м. (В.А.Дьяков. "Деятели русского и польского освободительного движения", стр.167).

С.Стручинский был сослуживцем Т. Шевченко в Орской крепости (1850).

СУБХАНКУЛОВ, Абдулкадыр Фейзулович - старший толмач Оренбургской Пограничной комиссии, коллежский секретарь, а затем титулярный советник.

20 апреля 1848 г., "приняв во внимание отлично-усердную служебную деятельность и опытность" Субханкулова, его назначили "в Раимское укрепление для пребывания там" с целью "содействия начальнику онога в сношениях с туземцами". Долгое время он "исполнял эти обязанности удовлетворительно и сверх того доставлял в Комиссию нередко довольно интересные очерки о присырдарьинских киргизах..." Когда в степь пришла беда - саранча уничтожила посевы, он явился организатором помощи голодающим казахам. Однако о доброе дело обернулось для Субханкулова крупной неприятностью: не сумел соблюсти все формальности при раздаче зерна и оказался под подозрением в растрате. Началась полоса невезения. 20 декабря 1851 М.В.Ладыженский направил донесение В.А.Перовскому "о неприличной жизни чиновника Субханкулова". "В последнее время до нас начали доходить неблагоприятные о службе Субханкулова и поведении его слухи, впрочем более или менее между собою несогласные, почему для проверки их я обращался к командированному в нынешнем году на Раим с транспортными командами полковнику Оренбургского казачьего войска Подурову..., прося его, если найдет, что чин этот действительно предан слабости, внушить ему, что должен будет уже на себя пенять за неприятные для его службы последствия..." Подуров предостережение передал, но оно не возымело должного действия, и "безукоризненностью поведения" чиновник отличаться не стал. Чашу терпения переполнило донесение майора Энгмана, назначенного начальником Аральского (бывш.Раимского) укрепления. Энгман писал, что "с самого прибытия его... к настоящей должности" Субханкулов "ведет нетрезвую жизнь", замечаниям не внимает, чем ставит майора "в большое затруднение, заставляя самого входить в разбирательства киргизов по частным их делам". (ГАОО, ф.6, оп.10, д.5936).

В 1852 г. Субханкулова вызвали в Оренбург, ему предложили "просить увольнение вовсе из ведомства Комиссии", но после двухлетних расследований на службе оставили, объявив "строжайший выговор". (ГАОО, ф.6, оп.10, д.6222).

В течение многих последующих лет Субханкулов продолжал свою службу в степи в качестве чиновника по производству следствий и переводчика. ("Справочная книга Оренбургской губернии на 1868 год", стр.50).

Т. Шевченко познакомился с Субханкуловым не ранее мая 1848. "... Там будет чиновник нашей комиссии Субханкулов; в нужде - пусть ее Бог мимо несет - обратитесь к нему... Через него можно будет ко мне пересылать письма; что нужно будет, а может и теп ерь нужно, пишите". (Из письма Ф. Лазаревского от 27 апреля 1848 г.; "Листи до Т. Г. Шевченка", стр.75).

Надо полагать, что Шевченко этим предложением воспользовался.

Хочется высказать предположение, что именно Абдулкадыра Субханкулова имел в виду поэт, посылая в августе 1852 г. из Новопетровского укрепления в Оренбург поклон "старому тому Татарину" (VI, 78). Это предположение основано на том, что о Субханкулове речь в письме идет сразу же после расспросов о Раиме и чиновниках Пограничной комиссии и что он, Субханкулов, незадолго перед тем (месяца за два) вернулся в Оренбург; Шевченко об этом уже мог узнать из писем. Ссылка на какое-то пикантное происшествие, случившееся с тем "старым татаринном" на Украине, расшифрована быть не может; но происшествие это вполне могло быть и с Субханкуловым, так как служить на западе России ему доводилось.

Из донесения Субханкулова

"... Везде, куда ни помотришь, бродят несчастные, как бы ума лишенные, не зная, что делать с голода, и если в предстоящее лето саранча, оставившая, конечно, прошлую осенью семена свои в окрестностях Раима, появится снова, киргизы останутся решительно без куска хлеба и голод станет истреблять их несметно..."

(1850; ГАОО, ф.6, оп.10, д.6222, лл.11-13).

СУХОРУКОВЫ - рыбаки Николаевской станицы близ Новопетровского укрепления.

"... На самом берегу моря, верстах в трех от форта, раскинулась небольшая рыбацкая станица, начало которой современно постройке укрепления". (К.М.Оберучев. "К биографии Т. Г. Шевченко". Журнал "Киевская старина", 1900, кн.2, стр.151-162). Отмечая душевное отношение Шевченко к поселенцам этой станицы, автор ссылается на свидетельства старожилов - Сухоруковых и Перепелюкова.

Эти люди, с которыми Оберучев встретился в 1899, были представителями уже второго поколения поселенцев. В период солдатчины Шевченко на Мангышлаке тут жили Филипп и Яков Сухоруковы, пасынки первопоселенца Петра Ломакина, к тому времени семейные. До 1855 они вели хозяйство и промысел вместе, имея на двенадцать душ семьи одну казенную и две собственные лодки, 25 тысяч "самоловных крючьев" и 15 "концов сетей". В 1854 Ломакины-Сухоруковы добыли 149 пудов рыбы и 130 пудов тюленя. Рыбные товары реализовались преимущественно в Астрахани, через скупщиков.

Александра Степановна Сухорукова, беседовавшая с Оберучевым, носила в девичестве фамилию Савченко. Эту фамилию из поселенцев станицы представляла в шевченковские времена только казачка Ефросинья Савченко, обремененная детьми вдова, тоже рыбацка и, одновременно, повитуха.

Другими поселенцами станицы являлись: казаки-рыбаки Иван Черемушников, Иван Севреткин, Михаил Перепелюков (вероятно, отец упоминаемого Оберучевым А.М.Перепелюкова), Никифор Белунин, Харитон Шилов, Петр Кривохижинов, Аким Долгалев, Борис Куценков, Игнат Елистратов, Трофим Масленников, Петр Кулигин, Андрей Разуманов, Филипп Багрыкин, Федот Бекетов, Михаил Белоусов, Наум Разуманов (см. Разумановы), Степан Медведев, Дарья Дынькова и казаки-бедняки,

не имевшие орудий лова - Дмитрий Карамзин, Яков Колесниченко, Сидор Шапарев, Клим Колодочка, Емельян Верещагин. (ГАОО, ф.6, оп.12, д.1179, лл.3-4).

ТАДЖИКИ.

В конце второго - начале первого тысячелетия до нашей эры из евразийских степей пришли и расселились в Средней Азии ираноязычные племена. Длительное время они находились под властью Бухарского эмирата. Лишь в середине 19 в. северные районы обитания таджиков начали вхождение в состав России.

Т. Шевченко узнал таджиков в годы своей солдатчины и ссылки. Его отзывы о бухарцах относятся как к узбекам, так и к таджикам; они привлекали его и внешне, и внутренне. Художник видел в них прекрасную натуру для своих живописных работ.

ТАТАРИН ("старый Татарин") - см. Субханкулов А.Ф.

Упоминается в письме Т. Шевченко к Б. Залескому, отправленном из Новопетровского укрепления в августе 1852 г. (VI, 78).

ТАТАРИНОВ, Сергей Петрович - чиновник "при компании, строящей железную дорогу" в Нижнем Новгороде.

Татаринов принадлежал к дворянской семье, владевшей землей в Нижегородской и Симбирской губерниях. Братья его, Дмитрий и Николай, являлись офицерами, сам он был тогда чиновником десятого класса. (ГАНУ, ф.180, 1856, д.315).

Т. Шевченко восхищался Татариновым как пианистом-виртуозом, "какого... и не подозревал услышать здесь в захолустьи", и обладателем бесценной картины - "настоящего, великолепнейшего Гюдена". Их встречи продолжались вплоть до отъезда поэта из Нижнего Новгорода. Ему доставило немало удовольствия исполнение музыки Гайдна, Мейербера и других композиторов. Татаринов знал и любил поэзию; это от него Шевченко впервые услышал "Старого холостяка" Беранже в переводе Д.Ленского. (V, 174, 194, 209).

ТАТАРЫ.

Наиболее древним этническим слоем, который лег в основание татарского народа, стали финно-угорские племена. В первом тысячелетии нашей эры в Среднее Поволжье начали проникать племена тюркоязычные. Огромную роль в консолидации аборигенов сыграло переселение сюда болгарских племен из Приазовья. В процессе многовековой истории и произошло формирование народности казанских татар, расселившейся по ряду территорий обширного региона.

Т. Шевченко в годы своей солдатчины и ссылки близко узнал многих татар, особенности их характеров, быт и нравы татарского населения края. В Орской крепости он некоторое время квартировал в "татарской лачуге" Даутова, из Оренбурга ездил в Каргалу - татарское село близ города, его близкими знакомыми были красавица Забаржад, "старый татарин" А.Ф.Субханкулов, А.М.Бикмаев и другие.

ТЕПЛЯКОВА, Феодосия Осиповна - младшая сестра А.О.Лаврентьевой.

Со слов сестер, знавших Т. Шевченко лично, журналист А.И.Матов записал в 1895-1896 гг. воспоминания о пребывании поэта в Орской крепости, о дружбе его с семьей писателя инженерной команды П.С.Лаврентьева и отношениях с местными жителями. Первая публикация рассказов сестер была осуществлена в газете "Камско-Волжский край" (Казань, 1897, №№ 307, 313, 318).

Много лет спустя с Феодосией Осиповной Тепляковой и ее сестрой Агафьей Осиповной (не Тепляковой, а Лаврентьевой) беседовала орская учительница С.Г.Рукавицына и, уже с ее слов, в

1938, И.И.Волошин записал, что Шевченко квартировал у этих "старушек-сестер" в их "небольшом домике на улице, которая носит имя Пугачева".

Пересказ воспоминаний чрезвычайно короток, но в отдельных чертах совпадает с записями Матова. Утверждение об этом доме, как месте жительства Шевченко, можно объяснить только тем, что рассказ был записан не из первых уст, а от третьего лица, говорившего по памяти; кроме того, рассказчицами являлись женщины престарелого возраста, которые могли забыть многое.

Тем не менее опубликованная запись ("Народ и Шевченко", стр.112-113) дает основание сказать, что дом Лаврентьевых, где бывал поэт, находился в Орске на нынешней улице Пугачева и, таким образом, ориентировочно обозначить еще один "орский адрес" шевченковских времен.

ТЕРМ (Терн), Густав - матрос первой статьи, участник экспедиции по изучению и описанию Аральского моря.

В 45-м флотском экипаже служил с 1840 года; в матросы первой статьи был произведен перед отправкой на Арал, куда следовал под начальством унтер-офицера своей, первой, роты Абизарова.

Вместе с Шевченко Терм (Терн) провел на шхуне "Константин" обе навигации (1848, 1849) и зимовку на Кос-Арале.

ТЕСТЬ - см. Васильев А.В.

Так именует Т. Шевченко одного из главных действующих лиц истории о готовившейся, но не состоявшейся свадьбе - истории, которая наделала много шума в Новопетровском укреплении. (V, 17, 18, 52).

ТИМАШЕВ, Александр Егорович (1818-1893) - флигель-адъютант, поручик лейб-гвардии кавалергардского полка, впоследствии видный государственный деятель.

Сын крупного помещика Оренбургского края и сам богатый землевладелец здешних мест, сей "пронырливый сын оренбургских степей" (как называл его в своих "Петербургских очерках" П.В.Долгоруков) сделал головокружительную карьеру, став начальником штаба корпуса жандармов и управляющим III отделением, а позднее министром внутренних дел.

Т. Шевченко упоминает Тимашева в дневниковой записи от 16 октября 1857 г. как "теперешнего начальника штаба корпуса жандармов", у которого он хотел бы узнать: "долго ли еще продлится мое изгнание и могу ли я когда-нибудь надеяться на совершенную свободу?" (V, 152-153).

Не вызывает сомнений, что поэт запомнил его еще по "оренбургской зиме", когда приезд блестящего кавалергарда стал событием для города. Как вспоминал старожил, Тимашева "приглашали на все балы с целью посмотреть, как танцует он польку, а Обручев и змучил до последней степени, возя его по всем заведениям и караулам, чтобы показать существующие у него порядки". ("Записки Н.Г.Залесова". "Русская старина", 1903, май, стр.289).

ТИМАШОВ, Петр Михайлович - священник Орской Спасопреображенской церкви.

Тимашов происходил из семьи потомственных священнослужителей: его отцом был диакон Михайлоархангеловской церкви г.Белебея. Обучался в Оренбургской духовной семинарии, по окончании которой, в 1844, получил аттестат второго разряда и вскоре (1845) рукоположение в диаконы, а затем священники. Уже в 1847 26-летний священник получил "архипасторское благоволение". (ГАОО, ф.173, оп.1, д.264).

"Как только привезли Шевченко в Орск, поп военной церкви произнес с амвона специальную проповедь, ему посвященную. "Вот, - говорит, - какая участь постигает всякого, кто богохульствует и не почитает царя". Этот рассказ записан со слов орского стар ожила П.Ф.Жилина ("Народ и Шевченко", стр.112); в свою очередь тот ссылался на деда, С.Р.Жилина.

Не имея документальных оснований, чтобы подтвердить или опровергнуть фактическую достоверность подобной проповеди, следует сказать, что упоминание в фольклорной записи священника не случайно.

Тимашов "увещевал" Шевченко перед допросом поэта следователем Чигирем на гауптвахте Орской крепости и скрепил своей подписью протокол этого допроса ("вопросные пункты") от 1 июля 1850. Тимашов же приводил Шевченко к присяге 3 июля 1850, когда стало известно, что ранее он на верность службе не присягал. (ИЛ, ф.1, д.441).

Участие священника в тяжелых для Шевченко процедурах и могло со временем трансформироваться в народной памяти в акт гневной поповской проповеди, якобы "заклеймившей" опального свободолюбца. Тем более, что запись относилась ко времени гонений на церковь и ее служителей.

Подобных документов периода первого пребывания Шевченко в Орской крепости (июнь 1847 - май 1848) мы не знаем. Напротив, в февральском (1848) письме к В.Н. Репниной имеются едва ли не единственные во всей шевченковской переписке того времени строк и о посещении церкви, приобщении к "святым тайнам" и о том, что он "так радостно, чисто молился, как, может быть, никогда прежде". (V, 50-51).

Учитывая характер взаимоотношений Шевченко в первый период его солдатчины, можно предположить и общение со священником, с "матушкой" также вне церкви и службы.

ТИМАШОВА, Анна Алексеевна - жена П.М.Тимашова.

Ко времени прибытия Т. Шевченко в Орскую крепость молодая попадья, также происходившая из духовного сословия, имела от роду около 19 лет; в семье рос годовалый Евграф. (ГАОО, ф.173, оп.1, д.264).

С этим именем связана загадка "орских альбомов Шевченко". По воспоминаниям внучки Тимашовых, Н.Борецкой, записанным в сороковых годах нашего столетия петербургским историком Н.Моренцом ("Литературная Россия", 1965, № 20). Анна Тимашова (в статье она ошибочно названа Антониной) "встречалась с поэтом на домашних вечеринках во время пребывания его в Орской крепости", и долгое время потомки хранили "два альбома с рисунками и стихами, созданными самим Шевченко и его товарищами - ссыльными поляками". Насколько помнит Н.Борецкая, "эти альбомы... оставались в их семье до 1927-1928, а затем, вероятно, перешли к другим родственникам". Следы их с тех пор затерялись.

Интересующихся вопросом о судьбе "орских альбомов" мы отсылаем к названной выше статье, призвавшей читателей к поискам бесценных материалов. Можно только высказать предположение, что альбомы относились к периоду 1847-1848, так как в это время Шевченко был вхож в дома коменданта Г. Г. Левитского, попечителя прилинейных казахов М.С.Александрийского, некоторых других офицеров и чиновников крепости. В 1850 возможностей "домашнего общения" он был лишен, так как находился под арестом и следствием. Священник Тимашов, как явствует из уже приведенных фактов, об этом знал лучше многих других.

ТИТОВ, Петр Алексеевич - комендант Оренбурга в 1848-1850 гг., генерал-майор. ("Памятная книжка на 1849 год", стр.372; "Памятная книжка на 1850 год", стр.376).

Заняв этот пост после смерти М.К.Лифлянда, в 1848-м, Титов являлся комендантом и в период второго пребывания здесь Шевченко (1849-1850). В связи с этим и его имя может быть названо среди тех, кто был причастен к оренбургскому аресту поэта.

ТИХОВ, Иван - денщик А. И. Бутакова в экспедициях на Аральское море.

Бутаков ценил его расторопность, сметку, способности кашевара. Тихов ездил с ним на Арал в течение нескольких лет. Упоминания о денщике встречаются в бутаковских письмах. (ИЛ, ф.1, д.284-286).

Шевченко общался с Тиховым на протяжении всего периода совместного пребывания в Аральской экспедиции, а затем в Оренбурге, куда они прибыли вместе.

ТОВБИЧ, Лев Осипович - майор, старший чиновник особых поручений при Нижегородском губернаторе.

Знакомство Т. Шевченко с Товбичем нашло отражение в ряде дневниковых записей последнего периода пребывания поэта в Нижнем Новгороде. Это лицо названо среди участников обеда, которым нижегородские знакомые отметили день рождения Шевченко 25 февраля; с Товбичем связана его двухдневная (26-28 февраля) поездка в село Медновку - один из пунктов строительства новой железной дороги. (V, 206, 207).

Сооружение Нижегородской железной дороги наталкивалось на сопротивление крестьян, которые "распахивали вблизи оной местность, уничтожали выставляемые строителями дороги знаки". (ГАНУ, ф.2, оп.4, д.1858). Поездка Товбича, вместе с "путейским капи таном" Петровичем, могла быть связана именно с этими делами.

ТОЛМАЧЕВ, Афанасий Емельянович - начальник 23-й пехотной дивизии в первые годы пребывания Т. Шевченко на военной службе, генерал-лейтенант.

В июньские дни 1847 г., когда Шевченко был доставлен в Оренбург, Толмачев исполнял обязанности командира Отдельного Оренбургского корпуса. Первый из публикуемых документов о зачислении поэта на службу, датируемый 11-м июня, подписан им, Т. Толмачевым. В марте 1848, также "за отсутствием" корпусного командира, отвечая начальнику III отделения на запрос об "образе мыслей" Шевченко, Толмачев засвидетельствовал, что "он заслуживает ходатайства о дозволении ему заниматься рисованием". На имя Толмачева был адресован рапорт А. И. Бутакова о прикомандировании к нему Шевченко и отправления его по завершении Аральской экспедиции "для окончания отделки живописных видов" и "для перенесения гидрографических видов на карту после того, как она будет со ставлена в Оренбурге". Известен и ряд других писем начальнику дивизии, касающихся последующих месяцев солдатской службы поэта в 1849-1850.

Шевченко мог познакомиться с А.Е.Толмачевым в период "оренбургской зимы". В связи с этим заслуживает внимания факт добрых личных отношений Толмачева с Бутаковым в период подготовки и проведения Аральской экспедиции. 29 января 1849 Бутаков писал ро дным: "Получил письмо... от генерала Толмачева, который вместе с тем прислал мне груду гостинцев: 20 рябчиков (из Башкирии, где деревня его зятя), сигар, табаку, стеариновых свеч, окорок, масла, булочек и сухариков, муки крупчатой целый пуд, зеленого го роху..." (РГАВМФ, ф.4, д.82, лл.81-84). Можно предположить, что не без таких взаимоотношений Бутакова с Толмачевым состоялось назначение Шевченко в экспедицию. Не следует, на наш взгляд, оставлять без внимания, что упомянутое выше свидетельство Толмачева в пользу дозволени я Шевченко заниматься рисованием было написано 30 марта, а Бутаков прибыл в Оренбург на три с половиной недели ранее того, 5 марта. Подобные отношения не могли не вызвать у Шевченко определенных надежд на облегчение учас ти. И, конечно, при первом же удобном случае Бутаков представил поэта генералу.

В "Записках Н.Г.Залесова" Толмачев характеризуется, как человек крутого нрава. Вот как описывает современник, тогда начинающий офицер, свое представление дивизионному командиру:

"... После часового ожидания в приемной к нам быстро вышел видный, с ястребиным носом генерал в сюртуке нараспашку и, не кланяясь, начал спрашивать по очереди наши фамилии... Обойдя всех, он бойким голосом и весьма отрывисто сказал нам:

- Смотрите, служить хорошо!.. Тут пьяниц много, не балуйтесь, в карауле не спать.

В заключение, обратившись к батальонным командирам, сказал им, чтобы они нас подтянули хорошенько, повернулся и ушел..." ("Русская старина", 1903, апрель, стр.54-55).

Эти живые штрихи к портрету одного из главных военных начальников Оренбургского края кажутся не лишними, когда мы рассматриваем отношение Толмачева к Шевченко, отмеченное некоторым вниманием вначале, но в принципе своем и тогда, и, особенно, с 1850 глубоко равнодушное.

ТОЛСТОЙ, Федор Петрович (1783-1873) - скульптор и живописец, в 1828-1859 гг. вице-президент Академии художеств.

Знакомство Толстого с Т. Шевченко состоялось еще в 1835.

В апреле 1855 изгнанник обратился к Ф. П. с просьбой хлопотать насчет облегчения его участи (VI, 115-117). Энергичные хлопоты, на которые и надеялся Шевченко, помогли поэту-художнику обрести свободу и разрешение вернуться в Петербург. Последнему способствовало также июльское (1857) письмо к Толстому из Нижнего Новгорода. (VI, 168-170).

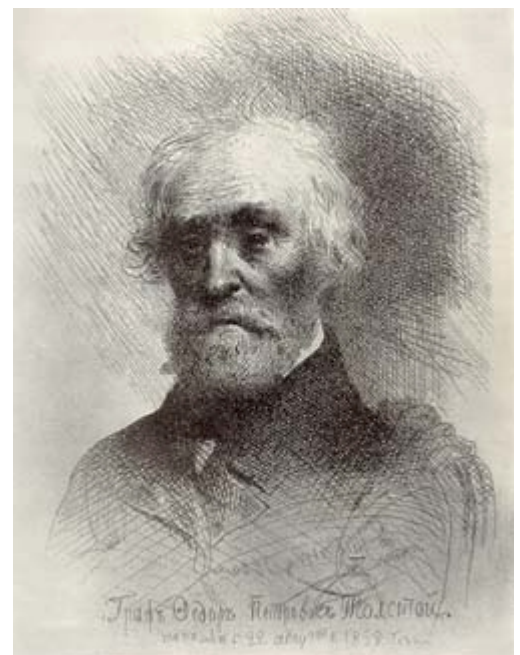
До конца своей жизни Шевченко испытывал самые теплые чувства к Ф. П. и его семье. По возвращении из долгой неволи он обрел здесь родной дом. В 1860 им был выполнен портрет своего искреннего доброжелателя.

ТОЛСТАЯ, Анастасия Ивановна (1817-1889) - жена Ф. П. Толстого.

Ее сердечное отношение к Т. Шевченко нашло свое выражение в девяти письмах 1856-1858 гг. Пять писем адресовал А. И. поэт, величавший славную женщину "святой заступницей" и "сестрой". Ощутимой была и материальная поддержка возвращавшегося к новой жизни талантливого украинца. С уверенностью можно сказать, что последний период солдатчины и месяцы, предшествовавшие возвращению Шевченко в Петербург, Анастасия Ивановна согрела теплом своей щедрой души.

Много ценных крупиц воспоминаний об отношении семьи Толстых к Шевченко можно извлечь из бумаг фонда 344 в отделе письменных источников ГИМ. Обширный комплекс материалов, в т.ч. черновых, нуждается в тщательном изучении и научном издании.

ТОРНАУ, Федор Федорович (1810-1890) - барон, полковник Генерального штаба.

Т. Г. Шевченко
Портрет Ф. П. Толстого
1860

Внизу зеркально расположенная подпись художника: "Т. Шевченко. 1860". Ниже под портретом: "Граф Федор Петрович Толстой. На память 22 августа 1858 года"

Представитель рода, происходившего из Померании и ведшего начало с половины XV века, он учился в Благородном пансионе при Царскосельском лицее, после чего поступил на военную службу и участвовал в войне 1828 г. против турок, в "польской кампании" 1831, в сражениях на Кавказе и др. В течение двух лет Торнау находился в плену у кабардинцев. С 1856 (по 1873) служил русским военным агентом в Вене и состоял членом военно-ученого комитета. Известен Торнау также как автор ряда мемуарных произведений ("Воспоминания кавказского офицера", "Воспоминания о кампании 1829 года в европейской Турции", "От Вены до Карлсбада" и т.д.). Сведения о Торнау имеются в "Энциклопедическом словаре" Ф.Брокгауза и И.Ефрона (т.33-а, 1901, стр.639), в журнале "Русская старина" (1890, книга седьмая), в книге Д.Языкова "Обзор жизни и трудов русских писателей и писательниц" (вып.10, М., 1907, стр.76).

Т. Шевченко познакомился с бароном Торнау у своего нижегородского приятеля Шрейдерса и охарактеризовал его как "человека либерала, прекрасно и неутомимо говорящего". Судя по характеру записи от 8 октября 1857, кратковременный их разговор был посвящен, прежде всего, событиям Крымской войны 1853-1856, в последний год которой один из собеседников мог близко наблюдать политику европейских государств в качестве официального военного представителя России. Судя по той же дневниковой записи (V, 149), шла речь и о планах Шевченко по прибытии его в Петербург; Торнау рекомендовал поэту познакомиться с Е.П.Ковалевским - путешественником, дипломатом и писателем, который, кроме того, был известен как один из основателей и первый председатель "Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым". Полученным советом Шевченко воспользовался.

ТРАВКОВСКИЙ, Людвиг Иосифович - унтер-офицер 1-го Оренбургского линейного батальона.

В первой половине 50-х годов Травковский нес службу в Новопетровском укреплении, где являлся сослуживцем Т. Шевченко. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.234-а).

Более подробными сведениями о знакомстве Шевченко с Травковским мы не располагаем, равно как нет в нашем распоряжении и данных о прошлом этого человека.

ТРАНЦЕВИЧ, Николай Мартынович - унтер-офицер Астраханской инвалидной подвижной команды.

Транцевич в первой половине 50-х годов служил в Новопетровском укреплении, где находился тогда и Шевченко. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.234-а).

Прямых сведений о знакомстве Шевченко с Транцевичем нет, как и дополнительных данных о его жизни.

ТРАСКИН, Александр Семенович (1805-1855) - куратор Киевского учебного округа.

Этот пост он занял в 1846 г., оставив военную службу в чине генерал-майора "свиты его величества". Донос студента университета св.Владимира А.Петрова о существовании Кирилло-Мефодиевского товарищества был адресован непосредственно Траскину, и уже от его официальных писем потянулась цепь расследований, которые привели к разгрому тайного общества и аресту его участников, в том числе Т. Шевченко.

Имя Траскина значится под многими документами следственного дела. Не без признания его "заслуг" в этом он уже в 1849 был назначен Харьковским гражданским губернатором. ("Тарас Шевченко. Документи та матеріали до біографії", К., 1982, стр.83, 85-88, 90-91, 98-99, 103, 112, 122, 125-126, 129, 135, 140, 142-143).

ТРЕТЬЯКОВ, Александр Герасимович - прапорщик 1-го Оренбургского линейного батальона.

Молодой офицер прибыл в Новопетровское укрепление в мае-июне 1857 г. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.234-а).

Можно предположить, что Третьяков участвовал в том мрачном эпизоде, непосредственным виновником и организатором которого стал инженер-подпоручик Компиони, и его, в числе других, имел в виду автор Дневника, говоря о "вновь прибывших лихих ребятах", которые, когда в офицерском флигеле - не по своей воле - появился Шевченко, "сидели и лежали в одних красных рубахах на разостланной кошме", где "красовалась полуведерная бутылка сивухи". Рассказывая об издевательствах над ним, учиненном Компиони и его приятелями, Шевченко назвал их "патентованными мерзавцами". (V, 34-37).

Подробнее об этом - в статьях "Компиони А.А." и "Ледомский А.Н."

ТРИФОНОВ, Николай - матрос второй статьи, участник экспедиции по изучению и описанию Аральского моря.

На службе в 45-м флотском экипаже (Астрахань, Каспий) находился с 1840 года; на Арал (а до того в Оренбург) был отправлен в конце января 1848-го в составе группы матросов второй роты под непосредственным началом унтер-офицера Клюкина. Участвовал в двух кампаниях (1848, 1849); на шхуне "Константин", вместе с Т. Шевченко, плывал в 1848-м, вторую же навигацию провел на шхуне "Николай". Зимовку все матросы проводили на Кос-Арале.

ТРУБЕЕВ, Петр Ивойлович - горнорабочий экспедиции А.И.Антипова, мастеровой Миасского завода.

В тринадцать лет Трубеев начал работать на золотых рудниках. В 22-летнем возрасте (1850) получил командировку "для исследования каменноугольных формаций, открытых на северо-восточном берегу Аральского моря и полуострове Мангышлак". В послужном его списке - и 60 ударов розог "по обвинению в краже казенного листового железа", и награждение "единовременную денежную выдачу" после экспедиции в Каратау. Выезжая в экспедицию Антипова, Трубеев оставил дома жену Ефросинию и годовалого сына. (ГАОО, ф. 6, оп.10, д.6899).

На протяжении трех с половиной месяцев - с 21 мая по 7 сентября 1851 - Шевченко ежедневно общался с Трубеевым и его товарищами по экспедиции в горы Каратау Гонибесовым, Кормышевым, Слигиным, работал вместе с ними, делал с них зарисовки. Не исключено, что Трубеев являлся одним из натурщиков Шевченко и безымянно присутствует в этюдах и рисунках каратауских месяцев, опубликованных в девятом томе (лл.10, 14, 18, 71, 73, 100, 101 и др.).

ТРУБЕЦКОЙ, Владимир Александрович (1825-1879) - князь, председатель Нижегородской палаты гражданского суда.

Т. Шевченко отдавал своему знакомому должное как "весьма милому князю-человеку". (V, 157).

Указание на то, что Шевченко ходил к нему домой, дает основание сказать, что поэт был знаком и с семьей Трубецкого - в частности, его женой Марией Алексеевной (1817-1889), урожденной Пещуровой, до замужества фрейлиной. Обе эти семьи имели родственные и поддерживали дружеские связи с декабристами. Трубецкие были близки также к семье Добролюбовых.

ТРУБЕЦКОЙ, Сергей Васильевич (1815-1859) - князь, в 1853-1855 гг. - унтер-офицер, а затем прапорщик Отдельного Оренбургского корпуса.

Во многих биографиях Т. Шевченко названный Трубецкой именуется декабристом, хотя к декабристскому движению отношения не имел и иметь не мог уже потому, что родился лишь в 1815 г. Тем не менее фигура эта представляет значительный интерес.

Сын блестящего генерал-адъютанта Александра I, С.В.Трубецкой принадлежал к одной из знатнейших аристократических фамилий России. С отрочества камер-паж, он уже на восемнадцатом году жизни стал корнетом кавалергардского полка. Окунувшись в жизнь "золотой молодежи", Трубецкой снискал себе репутацию "высокодаровитого проказника". Двадцати пяти лет от роду, в 1840-м, молодой князь оказался на Кавказе. И если в Петербурге он был свидетелем травли А.С.Пушкина (в ней участвовал брат, Александр Трубецкой, являвшийся другом Дантеса), то на Кавказе судьба свела его с Лермонтовым; впоследствии С.В.Трубецкому привелось стать секундантом поэта на дуэли с Мартыновым.

В 1842 закончилась военная карьера родовитого князя - в чине штабс-капитана он вышел в отставку "для определения к статским делам". Но судьба уготовила ему продолжение армейской службы, притом совершенно неожиданное. В 1851 за увоз от деспота-мужа молоденькой жены-красавицы, с которой Трубецкого свела взаимная любовь, а точнее - за ущемление самолюбия царя, лелеявшего собственные планы в отношении Лавинии Жадимировской, Николай I повелел упрятать Трубецкого в Алексеевский рavelин. Отсидев определенный срок, он вышел оттуда без титула, чина и знаков отличия, чтобы оказаться рядовым одного из пехотных полков в Петрозаводске - туда его отправили "под строжайший надзор, на ответственность батальонного командира".

Только два года спустя опального князя произвели в унтер-офицеры. При этом Николай распорядился: "Трубецкого отправить на службу туда, где есть случай к делу: в Аральск или в новый форт Перовский". В Оренбург он прибыл 24 июля 1853. Живя здесь, подружился с А.М.Жемчужниковым и вошел в кружок оренбургской интеллигенции. Приняв участие в боях под Ак-Мечетью, унтер-офицер Трубецкой в апреле 1854 был за отличие произведен в прапорщики. (ГАОО, ф.6, оп.12, д.1044). Однако лишь после смерти Николая I стало для него возможным получить увольнение от службы. Это произошло в ноябре 1855. (ГАОО, ф.6, оп.12, д.1251).

Секретный надзор за Трубецким продолжался и далее, до самой его смерти, последовавшей в 1859 в собственном имении под Муромом. Своей любви к Жадимировской он остался верен до конца. После возвращения Трубецкого из Оренбурга женщина приехала к нему и жила в его имении под видом экономки. (С.В.Трубецкому посвящен очерк "Любовь в рavelине" - в книге П.Е.Щеголева "Алексеевский рavelин", М., изд-во "Федерация", 1929, стр.7-28).

Шевченко мог узнать о Трубецком в связи со своим интересом к Э.Желиговскому, которого привезли из Петрозаводска в Оренбург с Трубецким вместе. Их совместная поездка была признана предосудительной и вызвала долгую официальную переписку. (ГАОО, ф.6, оп.18, д.253).

Закономерно, на наш взгляд, предположение, что в январском (1854) письме к Б. Залескому, где говорится о Желиговском, имеются в виду и друзья польского поэта С.Трубецкой и А.Жемчужников, что им - "... тем, которые знают меня не лично и вспоминают обо мне" - посылает Шевченко "тысячу кровосердечных поцелуев и братскую любовь". (VI, 92).

Трубецкой и Жемчужников жили в Оренбурге вместе; Желиговский был дружен с обоими; судьба свободолюбивого сына Украины не могла быть им безразличной. Это и убеждает в закономерности такой версии.

Трубецкой был связан со многими знакомыми Шевченко. Например, в октябре 1853 генерал-губернатору были представлены образцы окаменелого дерева, обнаруженные близ берега Сырдарьи, и, "найдя образцы эти весьма интересными в отношении ученому и весьма красивыми для отделки на гранильной фабрике", губернатор приказал К.И.Герну "доставить их в возможно большем

количестве". По предложению Герна, выбор экземпляров был возложен на Трубецкого, "которому условия хорошего качества сего минерала весьма известны". (ГАОО, ф.6, оп.15, д.1261).

Стоит заметить, что С.В.Трубецкой принадлежал к роду, с представителями которого Шевченко встречался в конце 1857 в Нижнем Новгороде. "Ходил к Трубецкому, весьма милому князю-человеку..." (V, 157). "Князем-человеком" был и тот, кто оказался в оренбургской ссылке в одно время с поэтом Украины.

ТРУСОВ, Владимир Максимович (1816-1879) - актер и режиссер Нижегородского театра.

В детстве крепостной, он в 1824 году получил вольную и с 1833 начал выступать на сцене в Нижнем Новгороде, где работал в течении 46 лет. По утверждению А.Гациского, Трусков появлялся перед жителями этого города около 5 тысяч раз, в 1000 различных ролей. ("Нижегородский театр", Н.Н., 1867, стр.79-80). Его игру отмечал А.Н.Островский. С конца 40-х гг. он, дотоле только артист, был также постановщиком спектаклей и руководителем труппы театра. Под руководством Трускова начинала свою театральную карьеру Е.Б.Пиунова, вошедшая в биографию Шевченко.

Отзывов об игре В.М.Трускова, а равно свидетельств их личных встреч, в Дневнике, как и наследии поэта вообще, нет; однако знакомство его с Трусковым - на сцене, а, возможно, и в жизни - сомнений не вызывает.

ТРУСОВА, Елизавета Агафоновна, урожденная Вышеславцева (1803-1859) - актриса Нижегородского театра.

Начав творческий путь крепостной артисткой в театре князя Шаховского, она, по получении вольной, осталась в Нижнем Новгороде и до последнего дня своей жизни играла на его сцене. Многие годы Трусова исполняла роли молодых героинь, а с конца 40-х гг. перешла на новое для нее амплуа - пожилых женщин, преимущественно в комедиях и водевилях. По утверждению историка Нижегородского театра А.С.Гациского, вершиной ее искусства было исполнение роли Атуевой в "Свадьбе Кречинского". ("Нижегородский театр", Н.Н., 1867, стр.80).

Т. Шевченко видел Трусову в ряде ролей ее репертуара. Отметил он игру артистки в инсценировке "Станционного зрителя" Пушкина ("так естественно-зло исполнила роль помещицы Лепешкиной") и в водевиле А.Н.Баженова "Бедовая бабушка" - "так добродушно-комична бабушка". (V, 174; VI, 316).

ТУРКМЭНЫ.

Наиболее ранняя основа в этногенезе туркмен - древние местные ираноязычные (кочевые и некочевые) племена степей. В 6-м веке н.э. местное население было подчинено тюркоязычным племенам и подверглось тюркизации. В 7-8 вв. территория нынешнего Туркменистана находилась под властью Арабского халифата. Основная масса людей была насильно обращена в ислам. Решающая роль в формировании народа принадлежала тюркоязычным огузам (сельджукам). Смешение их с оседлым населением и привело к образованию туркменского народа.

Т. Шевченко близко узнал туркмен на Мангышлаке, в годы службы своей в Новопетровском укреплении. Он общался с их семьями, о чем имеются упоминания в Дневнике. Поэт-художник видел и знал памятники сельджукской цивилизации, как и более близкие по времен и произведения туркменской культуры. От И. А. Ускова и других офицеров Шевченко был осведомлен о характере взаимоотношений казахов и туркмен, в разбирательстве, умиротворении которых иногда участвовал гарнизон укрепления. Не всегда такие операции обходились без жертв.

ТУРНО, Людвиг Сигизмундович - рядовой 3-го Оренбургского линейного батальона.

Сын активного участника восстания 1830-1831 гг., Турно был признан в 1847 виновным в намерении присоединиться к краковским повстанцам, за что, вместе с И. Завадским, С. Круликевичем и другими, оказался на военной службе в Отдельном Оренбургском корпусе. В 1853 Турно произвели в прапорщики, в 1856 - в подпоручики (с переводом из 3-го в 6-й линейный батальон), в 1857 он получил право выехать на родину в отпуск, а в 1859 был уволен с чином поручика. (В. Дьяков. "Деятели русского и польского освободительного движения", стр.172; ГАОО, ф.6, оп.12, д.1388, 1690).

Заочное знакомство Т. Шевченко с Л. Турно произошло, вероятно, в Орской крепости, где отбывали солдатчину названные выше его сотоварищи. Дружба между ними возникла в Оренбурге в 1849-1850. Подтверждением тому может служить присутствие Турно на рисунке А. Ф. Чернышева, запечатлевшем Шевченко в кругу польских изгнанников. По воспоминаниям Ф. Лазаревского, поэт встречался с ним в доме Кирша; Людвиг Турно осведомленный мемуарист называет среди поляков, к которым поэт стоял "ближе всех".

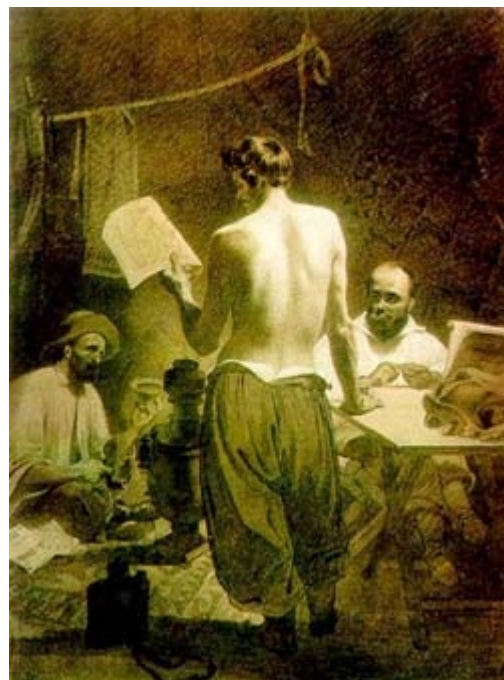
Но, особенно, их близость укрепило совместное участие в экспедиции А.И.Антипова, предпринятой в 1851 для поисков месторождений угля в горах Каратау. Б. Залеский и Л. Турно "упросили" (по словам Залеского) прикомандировать к экспедиции Шевченко. "В одной палатке, то-есть в так называемой киргизской кибитке, пробыли мы все лето. Шевченко рисовал и чувствовал себя свободным," - вспоминал он в примечаниях к своей переписке с Шевченко. ("Листочки до вінка на могилу Шевченка в ХХІХ роковини його сме рті", стр.28).

В этой кибитке была выполнена шевченковская сепия, известная под названием "Т. Г. Шевченко среди товарищей" (т.9, л.15). В центре листа - полуобнаженная мужская фигура, на которую устремлен взгляд художника. "Натурщиком служил поручик Турно, член Мангышлакской ученой экспедиции", - свидетельствовал Н. Ф. Савичев, наверное со слов самого Шевченко. ("Казачий вестник", 1884, № 54).

Можно предположить, что и в работе над другими произведениями этого плодотворного для художника времени Турно был у него не только одним из первых внимательных зрителей, но и заинтересованным помощником.

Дружбе с Турно Шевченко остался верен и в дальнейшем.

Из писем поэта: "Где Турно и что с ним?" (VI, 90); "Людвига поцелуй от щирого сердца" (VI, 83); "Что делается с Людвигом?" (VI, 111); "Что делает Турно и где он?" (VI, 120); "Ты вероятно заедешь в Уфу, - поцелуй Сову и Людвика" (VI, 136). "Вчера был я на Ханга-Бабе, обошел все овраги, поклонился, как старым друзьям, деревьям... Я вспоминал наш каратавский поход со всеми его подробностями, тебя, Турно..." - писал он Б. Залескому 25 сентября 1855. (VI, 119). Однако нередко допускается ошибка, когда за именем Людвиг комментаторы видят Турно даже там, где это сомнительно или вообще невероятно. Явно не о Турно (а о Л.Балинском) идет, например, речь в письме Б. Залеского от 3 июля 1856. ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр.87, 253).

Т. Г. Шевченко

Среди друзей в ссылке

1851

На обороте надпись: "В белом кителе за столом сидит Шевченко и чинит карандаш, перед ним стоит его товарищ-натурщик обнаженный до бедер и рассматривает нарисован[ое]. (Написано в ссылке)". На картине изображены польские друзья Шевченко - [Бронислав Залеский](#) и Людвиг Турно, вместе с которыми он участвовал в Каратаусской экспедиции.

Для более глубокого уяснения роли Л. Турно в жизни Шевченко представляется перспективным тщательное изучение его и Б. Залеского писем к А. Венгржиновскому и З. Сераковскому, хранящихся в Ягеллонской библиотеке (Краков).

К сожалению, не выяснена еще дальнейшая судьба Л. Турно, а, следовательно, и его архива, в котором могли (могут?) быть ценные сувениры каратауских месяцев - рисунки Тараса Шевченко.

ТУРПАЕВ, Герасим - купец третьей гильдии, а затем переводчик в Новопетровском укреплении.

Родом из астраханских армян, без какого-либо официального образования, Турпаев много лет был связан с Мангышлаком, знал языки и обычаи обитавших тут народов (казахов, туркмен и др.), вел в здешних местах успешную торговлю, участвовал в походах и экспедициях, в т.ч. научных. С 30-х гг. он исполнял должность переводчика, но с назначением сюда окончившего Казанский университет А.Хаирова от этих обязанностей был уволен и занимался исключительно торговлей.

В мае 1852 комендант Новопетровского укрепления Маевский обратился к генерал-губернатору Перовскому с рапортом о том, что "переводчик сотник Хаиров желает перейти в это же звание в башкиро-мещеряцкое войско, но только не к попечителям кантон ов оного", а посему он просит дать согласие назначить переводчиком "3-й гильдии купца Герасима Турпаева, который изъявляет желание" и т.д. В рапорте содержалась самая похвальная характеристика кандидата: он, мол, и четырнадцатилетний переводческий опы т имеет, и "знает хорошо здешний край", а также "характер кочующих жителей", в связи с чем "с большою пользою может быть определен переводчиком в укреплении во всех потребных случаях, какие только могут коснуться до азиатцев". Тут же упрек его п редшественнику: "нежели теперь находящийся в этой должности сотник Хаиров, от коего кочующие в окрестностях оного ордынцы с трудом могут понимать разговор". Не в этом ли нас тоящая причина отставки молодого башкирина и предпочтения ему уже бывалого армянина?

В дальнейших бумагах дела (ЦГА Башкортостана, ф.2, д.721) о Турпаеве немало существенных сведений. О том, что он участвовал в "секретной экспедиции" Г.С.Карелина (1834), что выручил из плена трех русских подданных и получил за это золотую медаль на анненской ленте (1835), что во всех делах, год за годом, проявлял себя как "храбрый человек" (например, тогда, когда, в мае 1848, "находился в настоящем действии противу неблагонамеренных трухменцов и хивинцов в районе укрепления").

Рапорт Маевского возымел действие, и Турпаев был вновь назначен переводчиком с 15 августа 1852. В этом качестве он служил много лет.

Не вызывает сомнений самое тесное общение Т. Шевченко с Турпаевым на протяжении всех лет службы в Новопетровском укреплении. В литературно-эпистолярном наследии он не упомянут, но колоритнейшая фигура из ближайшего окружения комендантов укрепления не привлечь поэта-солдата не могла.

ТЮТНЕВ, Филипп Матвеевич - плац-майор Орской крепости в 30-40-х гг., майор по армии.

"У полковника Исаева я познакомился с майором Тютчевым (ошибка публикации - Л. Б.), суворовским ветераном, который получил три памятные медали за участие в штурме Очакова, Измаила и Праги. Кроме того, он был с Суворовым в Италии и Швейцарии. В сражении и у Цюриха он попал в плен. Тютчев (Тютнев!) был еще бодрый старик, никогда не спал в кровати, а всегда на полу, на ковре или на войлоке и укрывался шинелью - настоящий русский солдат XVIII столетия. Он был одним из последних оставшихся в живых сподв ижников знаменитого русского полководца и рассказал мне много интересного о своей молодости". (И.Бларамберг, "Воспоминания", стр.245).

Уйдя в отставку в 1847 г., Тютнев, получивший чин подполковника, продолжал жить в Орской, где его знали все.

ТЫРЫДАНОВ, Григорий Александрович - есаул Оренбургского казачьего полка № 4.

Потомственный казак, он поступил на службу в 1818 г. и нес ее на протяжении трех десятилетий. В 1828 - урядник, в 1832 - зауряд-хорунжий, затем последующие офицерские чины. (ГАОО, ф.38, оп.1, д.453).

Отличавшийся жестокостью в отношении коренных жителей степей, Тырыданов был выслежен и взят в плен. "А чтобы он не убег, - вспоминал орский старожил И.С.Васильев, - разрезали ему пятки и набили в раны сеченого конского волоса. Пятки срослись с к онским волосом. Два года мучили в плену этого Таридонова. Но вот как-то киргизы выехали из аула на байгу - так называется ихний праздник. Во время байги все они съезжаются к своему святому дереву и увешивают его всякими подарками. В это время Тарид онов и убежал из плена. Вызволила его молодая киргизка. Она дала ему лошадь и показала дорогу к русским..." ("Народ і Шевченко", стр.113).

Во время переезда Т. Шевченко из Оренбурга в Орскую крепость (1847) Тырыданов командовал Губерлинской станицей; в Губерле новоиспеченный рядовой провел ночь и половину последнего дня пути.

В Орской Тырыданов, вскоре уволенный со службы, имел дом и являлся заметной фигурой: история его пленения и побега была здесь известна всем.

УГЛА, Магнус Иванович - прапорщик 1-го Оренбургского линейного батальона.

Дворянин Великого Княжества Финляндского, лютеранин по вероисповеданию, Угла прибыл в Отдельный Оренбургский корпус по окончании Финляндского кадетского корпуса в 1848 г. (ГАОО, ф.6, оп.10, д.6057/б, лл.51-52).

По воспоминаниям Е.М.Косарева, он участвовал в любительском спектакле "Свои люди - сочтемся", где Шевченко исполнял роль Рисположенского, а Угла играл Липочку. Единственный "рецензент" спектакля, состоявшегося в казарме Новопетровского укрепления, выделяет двух "актеров" - Шевченко и Углу. ("Несколько новых материалов для биографии Т. Г. Шевченко". "Киевская старина", 1893, № 2, стр.250-251).

Общение Т. Шевченко с Углой продолжалось сравнительно недолго, так как в 1854 г. офицер, по его просьбе, был переведен в линейный батальон № 8, дислоцированный в Екатеринбурге.

УЛЫБЫШЕВ, Александр Дмитриевич (1794-1858) - русский историк и теоретик музыки.

Служебная карьера чиновника Улыбышева отличалась стремительностью. К 1830 г. он дослужился до чина действительного статского советника и, выйдя в отставку, поселился в родовом селе под Нижним Новгородом - Лукино. Тут были написаны все его главные произведения.

В 20-е гг. он был близок ко многим декабристам, но во время следствия избежал серьезных обвинений.

Музыковед, литератор, публицист, Улыбышев снискал себе особенно широкую известность как автор первого в Европе исследования о Моцарте, книги о Бетховене; кроме того, его перу принадлежали солидные статьи на музыкальные и литературные темы, пьесы и другие сочинения.

Т. Шевченко познакомился с А.Улыбышевым в Нижнем Новгороде, общался с ним в театре, на музыкальных вечерах, в его нижегородском доме. Имя этого человека часто встречается в Дневнике и переписке. В январской дневниковой записи 1858 поэт зафиксировал также факт смерти и похорон своего доброго знакомого.

А.Улыбышев - М.Балакиреву

... Старый год кончился как нельзя лучше. Первой из всех Нижегородская губерния ответила единогласно на призыв царя и всего образованного мира, вопиющего против невольничества в христианском государстве. Но это покамест задняя мысль. Теперь дело идет лишь об улучшении быта помещичьих крестьян. Государь прислал нам, через Муравьева, великолепный рескрипт, который, я думаю, будет напечатан в газетах. Велено открыть Комитет 15-го

сего месяца. Я, столь много хлопотавший на выборах об успехе великого дела, надеялся попасть в члены этого Комитета; чувствовал, что могу тут принести пользу. Но увы! Время мое прошло. Старая моя болезнь возобновилась в третий раз и приняла оборот не овидимому безнадежный. Это напоминает мне третий звонок на железной дороге. Четвертого не будет...

... Ты знаешь, я не терплю никакой сентиментальности; но теперь я должен сказать, что люблю тебя как сына и много-много благодарил бы Господа, если б ты был действительно мой сын...

... Прощай, кланяйся от меня всем добрым знакомым и скажи, чтобы не поминали меня лихом.

(ГПБ, ф.41, Балакирева, письма Улыбышева, л.40-43).

УМНОВ, Василий Федорович - крепостной К.И.Герна, его "дворовой человек" в период, когда Шевченко нашел приют в доме своего оренбургского друга.

Живя здесь, поэт, несомненно, общался с Умновым, с супругами Яковом и Маланьей Ивановыми, Орестом Васильевым, Анной Тимофеевой и другими дворовыми Герна, имена которых почерпнуты из архивных дел. (ГАОО, ф.172, оп.3, д.219; ф.173, оп.11, д.183).

Т. Г. Шевченко
Портрет И. А. Ускова
1853-1857

УСКОВ, Ираклий Александрович (1810-1882) - майор, затем подполковник, комендант Новопетровского укрепления.

"На восточном берегу Каспийского моря устроено Новопетровское укрепление с тремя оборонительными башнями, вооруженное 26-ю орудиями и 6-ю мортирами, при гарнизоне из 723 человек... При Новопетровском укреплении два мореходные с палубами косовые судна для сообщения с Гурьевым-городком и Астраханью". (ГАОО, ф.6, оп.6, д.12941, лл.5-6).

Потомок коренных запорожцев, Усков родился в семье квартирмейстера Кавказского казачьего полка, которая жила в то время в станице Ладовской на Кубани. На военную службу был определен в 1830 и трудом всей жизни в самых далеких местах России за тридцать пять лет дослужился до полковника. (Эти сведения об Ускове впервые опубликовал П.Жур; "Звезда", 1966, № 8, стр.183-184).

Женился он поздно, уже в зрелом возрасте. Точных сведений о годе женитьбы и последующих местах жительства семьи Усковых пока не отыскано. Утверждение Надежды Усковой о том, что "из Киева Усковы переехали в Орскую крепость"

(там же, стр.120) сомнительно.

Являясь старшим адъютантом штаба Отдельного Оренбургского корпуса, Усков именовался капитаном Екатеринбургского пехотного полка. ("Адрес-календарь Оренбургского края на 1852 год", стр.4). Полк входил в состав 10-й пехотной дивизии 4-го армейского корпуса и находился в одной из центральных губерний России. Это, на наш взгляд, более точно определяет, где именно протекала служба Ускова до перевода его в Оренбург.

В этот город Усковы приехали не позднее осени 1849 - весны 1850. Подтверждением может служить запись в метрической книге Оренбургской Полковой Петропавловской церкви о том, что 9 августа 1850 г. у них умер от "родимца" десятимесячный младенец Александр. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.195). Значит, к тому времени супруги жили в Оренбурге уже не один месяц.

Надо заметить, что в семейной тетради-хронике М.И.Кутина - владельца дома, где в 1849-1850 жил Ф. Лазаревский и часто бывал Шевченко, - значилось, как явствует из статей Н.Прянишникова и А.Бочагова, также имя Ускова, который квартировал здесь в 1849-м. ("Т. Г. Шевченко в ссылке", стр.73, 169). К сожалению, эта тетрадь загадочно исчезла и дополнительные исследования ее ныне невозможны.

С 1853 Усков служил в Новопетровском укреплении - исполняющим должность коменданта; лишь в феврале 1857 его в этой должности утвердили официально. (ГАОО, ф.6, оп.12, д.1388, 1690). Он сыграл благородную роль в жизни Т. Шевченко. Несмотря на явную угрозую своей карьере и благополучию семьи, не имевшей никаких иных источников существования, кроме должностного оклада Ускова, комендант фактически вернул ему право писать и рисовать, раскрыл перед ним двери своего дома, освободил от муштры. Делалось это не только по просьбам оренбургских друзей поэта, но, прежде всего, по собственным душевным побуждениям.

Подвигом дружбы со стороны Ускова явился отпуск освобожденного от службы Шевченко в Петербург без заезда в Уральск и Оренбург. Сам он при этом оказался под угрозой отставки.

Имя Ускова упоминается почти во всех письмах Шевченко с Мангышлака, написанных в 1853-1857, во многих записях его Дневника. После отъезда из Новопетровского укрепления Шевченко переписывался с Усковым (VI, 179-180, 206-207, 218-219; "Листи до Т.Г. Шевченка", стр.120-121, 144-145, 145-146).

Письма Ускова (их автографы), долгое время считавшиеся бесследно исчезнувшими, обнаружены нами в отделе рукописей Центральной научной библиотеки Академии наук Украины (III, №№ 4877, 4878, 4879); об этом в книге: Л.Н.Большаков, "Іхав поет из заслання", К., 1977, стр.122-125).

Усков дал Шевченко ряд товарищеских поручений перед выездом с Мангышлака. (ИЛ, ф.1, д.424). Мемуаров о Шевченко он не оставил. Часть семейных воспоминаний впоследствии была написана (или рассказана для записи) другими членами его семьи.

И. А. Усков - К.М.Бэру

(из писем 1857-1858 гг.).

8 сентября 1857 г.

"... Шевченко уволен уже от службы благодаря ходатайству Вашего превосходительства. Но увольнение его было для меня нежданною бедою; вот как было дело: первая бумага была получена от баталио на, что Шевченко вместе с другими по Высочайшему повелению уволен от службы, которою и предписано было отправить в Уральск. Как в бумаге той не было упомянуто ни о каких условиях при увольнении Шевченки, то полагал, что в

Уральск, в батальонную квартиру, требовали его только для выдачи билета и отправления на место жительства, поэтому Шевченко стал меня просить, чтобы отправить его отсюда прямо в Петербург, дабы не делать лишнее расстояние чрез Уральск. Я выдал ему билет от себя в Петербург, и Шевченко 1-го августа отправился отсюда в Астрахань, а от туда Волгою на Нижний и так далее; между тем по отправлении уже Шевченки, 23 августа получен приказ о том, что они требуются в Уральск для отправления в Оренбург, где Шевченко вместе с другими должен иметь место жительства впредь до окончательного отправления его из Оренбурга на родину, и что ему воспрещено въезд в обе столицы. Это меня поставило теперь в неприятное положение и большую ответственность. Я написал в полицию Московскую и Петербургскую, чтобы объявили о сем Шевченке, а также написал и в Академию художеств, и просил, чтобы воротился Шевченко в Оренбург. Теперь не знаю, что будет.

Если будите еще столь милостивы ко мне, Ваше превосходительство, не оставьте замолвить обо мне несколько слов у г. корпусного командира генерал-адъютанта Александра Андреевича Катенина, в том же смысле, как Вы писали обо мне графу Перовскому у. Это может облегчить мою вину хоть несколько. Я хотел сделать добро Шевченке и сделал себе

зло. Корпусный командир человек новый, если примет это строго, то меня могут за это выгнать из службы. Поэтому я решился прибегнуть под милостивое покровительство особы Вашей.

С глубочайшим высокопочтением и неограниченной преданностью имею честь быть..."

(Архив Академии наук - Петербургское отделение, ф.129, оп.1, д.590, л.61-62).

6 января 1858 г.

"... Простите меня великодушно, Ваше превосходительство, что я обеспокоил Вас относительно увольнения Шевченки, я хотел только упомянуть об этом в письме, как о случае не приятном для меня; и хотел, чтобы Вы написали теперешнему губернатору что-нибудь обо мне относительно услуг моих во время пребывания Вашей экспедиции здесь; но вероятно я худо выразился, что Ваше превосходительство поняли, что я желал дабы написать губернатору о увольнении Шевченки; само собою разумеется, что это мне более повредило нежели принесло пользы, как Ваше превосходительство справедливо об этом заключили сами. Делать теперь нечего; если Вы написали в таком смысле губернатору, то я сам виноват.

... За увольнение Шевченки отсюда в Петербург я получил уже строгое замечание от корпусного командира. А Шевченку успели остановить по дороге в Нижнем Новгороде, от куда он отправится на родину и кажется поедет сперва в Черноморию к своему знакому Кухаренки.

... Жена моя и я свидетельствуем Вашему превосходительству искреннее и глубокое почтение, с каковым остаюсь навсегда..."

(Там же, л.152-153).

УСКОВА, Агафья Емельяновна (1828-1899) - жена коменданта Новопетровского укрепления И. А. Ускова.

"... Агафья Емельяновна Ускова, в девичестве Колосова, круглой сиротою воспитывалась до 15 лет в шведской семье Шарнбергов, которая жила в Киеве. До 15 лет она говорила только по-шведски и по-немецки, а русским языком не владела вовсе. Мы потом часто смеялись над ее русской речью. Русскому языку она научилась, когда из семьи Шарнбергов переселилась в семью Матвея Яковлевича Ускова, который также жил в Киеве. Матвей Яковлевич был родным дядей моему отцу. Отец, навещая семью дяди, познакомился с красавицей Агатой, как тогда называли мою мать. Он был на семнадцать лет старше ее. Как вспоминала моя мать, ей не хотелось встречаться с моим отцом, тем более, что она увлекалась одним молодым шведом. Однако дело сложилось так, что они с Ираклием Александровичем поженились..." (Из рассказа Надежды Усковой, записанного И. Прониным; журнал "Життя й революція", 1928, март, стр.119).

Т. Г. Шевченко
**Портрет А. Е. Усковой с дочерью
Наташей
1854**

Сопоставление данных, в т.ч. приведенных выше (в ст. "Усков И.А."), позволяет предположить, что Усковы могли знать о Шевченко (и даже встречать его самого) еще в Оренбурге. Это, однако, не

означает, что они были знакомы лично. Если бы такое знакомство имело место, мы знали бы о нем из воспоминаний А. Усковой и ее близких. Но то, что Усковой, как и ее мужу, о пребывании Шевченко на Мангышлаке было известно еще до выезда туда, воспоминаниями подтверждается полностью.

А. Е. Ускова приехала в Новопетровское укрепление ранним летом 1853. Ей тогда исполнилось двадцать пять лет. Переезд был совершен на последних месяцах беременности; вместе с родителями прибыл сын Дмитрий. 4 июня Агафья Емельяновна родила дочь, Наталью, а две недели спустя любимец семьи Дмитрий умер.

Т. Шевченко по этому поводу писал: "Бедная, горестная мать, утратившая своего первенца!.." (VI, 86). Исходя уже из этих строк, можно сделать вывод, что сближение его с Усковыми произошло вскоре по приезде семьи на Мангышлак; близкое же знакомство в столь короткий срок могло состояться лишь благодаря соответствующей подготовке Усковых друзьями поэта еще в Оренбурге. Знакомство их с Б. Залеским подтверждается письмами Шевченко.

(VI, 105, 107). "... Помнится, мою мать просили, чтобы она приголубила несчастного поэта, который мучится в ужасной ссылке..." - рассказывала много лет спустя Надежда Ускова. (Названная статья И. Пронина, стр.120).

Отношения Т. Шевченко к Агафье Усковой в течении лета 1853 - весны 1855 характеризуются его же словами: "... Эта прекраснейшая женщина для меня есть истинная благодать божия. Это одно, единственное существо, с которым я увлекаюсь иногда даже до поэзии. Следовательно, я более или менее счастлив; можно сказать, что я совершенно счастлив; да и можно ли быть иначе в присутствии высоконравственной и физически прекрасной женщины?" (VI, 105). "Какое чудное, дивное создание непорочная женщина! Это самый блестящий перл в венце созданий. Если бы не это единственное, родственное моему сердцу, я не знал бы, что с собою делать. Я полюбил ее возвышенно, чисто, всем сердцем и всей благодарной моею душою. Не допускай, друже мой, и тени чего-либо порочного в непорочной любви своей". (VI, 109-110).

Вернемся к словам: "до поэзии..." Для истинного поэта это высшее выражение чувства. Тем паче для поэта, лишённого права на поэзию по приговору царя. Окрыленный вдохновением, способным заслонить собою все мрачное, черное, он испытывает благоговение перед той, которая смогла вызвать к жизни спрятанные где-то в глубине души поэтические строки-образы. Думается, что подобно тому, как запечатлел Шевченко Ускову в художественных своих работах (портретах - т.8, лл.34, 35, 41, сепии "Молитва матери" - л.31 и др.), так было посвящено ей и немало строк поэтических. К сожалению, эти, как и другие, стихи новопетровского периода, остаются для нас загадкой.

О характере взаимоотношений Шевченко с Усковой достаточно ясно сказала она сама. В своих скупых, но безусловно достоверных воспоминаниях, Ускова писала: "Разговора о его сердечных чувствах у нас никогда не было... Шевченко часто гулял со мною; я была рада такому собеседнику... Разговоры с ним всегда были далеки от местных сплетен и доставляли большое удовольствие..."

Но именно они, "местные сплетни", разрушили непосредственность их отношений. "Чтобы разом прекратить толки, я перестала ходить гулять. Ш-ко удивлялся почему, но я никому не объяснила настоящей причины. Вот после этого началось его охлаждение ко мне" (Мы цитируем очень ценные воспоминания А. Е. Усковой; ценность их, прежде всего, в достоверной передаче лично ей известного: "Про что я не пишу, - значит, о том ничего не знаю". Опубликовано М.Возняком в книге "Науковий збірник за рік 1926", стр.168-173).

Шевченко поначалу истинных причин перемен в отношениях к нему Усковой не понял ("А<гата> моя нравственная, моя единственная опора, и та в настоящее время пошатнулась и вдруг сделалась пустой и безжизненной: картежница, ничего больше! или это мне кажется так, или оно в самом деле так есть..." - VI, 114). Прежнее уже не вернулось, но в последующие годы они поддерживали между

собою добрые отношения, о чем свидетельствуют и записи в Дневнике, и строки переписки. "Когда он уехал,... мы все очень загрустили, нам всем его не хватало..." - передавала слова А. Е. Усковой ее внучка Е.Литвинова. Черты Усковой Шевченко запечатлел в "кузине" - персонаже повести "Прогулка с удовольствием и не без морали" (IV, 266-270 и др.).

Агафья Емельяновна умерла на 71-м году жизни. Она пережила своего мужа на семнадцать лет. Как дорогие реликвии, сохраняла женщина художественные работы Шевченко, его письмо, а также фотографии, сделанные Усковым в новопетровские годы. Все это побывало с семьей бывшего коменданта сначала в Саратове, потом в Москве, а далее было перевезено в Бугуруслан и со временем перешло к дочери, Над.И.Усковой, которая, в конце концов, передала их Украине.

К.М.Бэр - В.А.Перовскому

Считаю приятным долгом довести до сведения Вашего сиятельства, что командир Новопетровского укрепления г. майор Усков был весьма полезен Высочайше учрежденной экспедиции для исследования Каспийского рыболовства. Не говоря уже о том, что каждый из членов экспедиции лично обязан как ему, так и почтеннейшей и любезной супруге его, за их радушие, гостеприимство во все время нашего двухкратного там пребывания, продолжавшегося по несколько недель, я чувствую настоятельную обязанность выразить официальным образом мою искреннюю, душевную признательность за то содействие, которое г. новопетровский комендант постоянно оказывает нашим ученым разысканиям. Только при его пособии получили мы возможность исследовать <...> море, улов рыбы, особенности жизни рыбаков <...>. При его посредстве получил я возможность посетить остров Куланы. Через него <...> доставлено было мне несколько редких животных пустыни...

(Из письма 1856 г.; Архив Академии наук - Петербургское отделение, ф.129, оп.1, д.590, л.122-122 об.).

УСКОВ, Дмитрий Ираклиевич - сын Усковых.

Дмитрий родился 10 февраля 1851 г. в Оренбурге, а умер 18 июня 1853 в Новопетровском укреплении. (ГАОО, ф.172, оп.11, д.208, л.17; ф.173, оп.11, д.195, л.41; д.234-а, лл.17-18).

"Недавно прибывший комендант привез с собою жену и одно дитя, по третьему году. Милое, прекрасное дитя (а все, что прекрасно в природе, как велица вьется около нашего сердца). Я полюбил это прекрасное дитя, а оно, бедное, так привязалось ко мне, что бывало и во сне звало к себе лысого дядю...

И что же? Оно, бедное, захворало, долго томилося и умерло, мне жаль моего маленького друга, я тоскую, я иногда приношу цветы на его очень раннюю могилу и плачу..." (VI, 86).

"... Шевченко был архитектором его памятника. Он был сделан прекрасно. Шевченко сам следил за его работой. Он сделан был в рыцарском стиле из белого камня". (Из воспоминаний А. Е. Усковой; "Науковий збірник за рік 1926", стр.172).

Этот памятник,возможно, является одним из двух, запечатленных на переднем плане в карандашном рисунке Т. Шевченко "Кладбище Новопетровского укрепления". (т.9, л.162). Предположительно - памятник слева, со скамьей для посетителей.

Существует также предположение, что сепия "Молитва матери" навеяна горем А. Е. Усковой, вызванным смертельной болезнью сына-первенца. (т.9, л.31; примечания - стр.22).

УСКОВА, Наталья Ираклиевна, в замужестве Зарянка (1853-1918) - старшая дочь Усковых.

Наталья Ускова родилась в Новопетровском укреплении, 4 июня 1853 года. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.234-а, лл.3-4).

"Детей Шевченко очень любил, - вспоминала впоследствии А. Е. Ускова. - Мою старшую, Наталью, он очень баловал и всегда искал случая быть с нею". ("Науковий збірник за рік 1926", стр.172). Теплые упоминания "Наташеньки" имеются как в Дневнике Шевченко (V, 19, 61), так и в его письмах. (VI, 180, 206-207, 219).

Известны воспоминания Натальи Усковой в записи ее мужа и дочери. ("Киевская старина", 1889, кн.2, стр.297-313; "Життя й революція", 1928, кн.3, стр.111-116).

Т. Шевченко создал "Портрет А. Е. Усковой с дочерью Наташей" (т.9, л.41). Еще одна портретная композиция сохранилась в карандашном наброске (л.158). Портрет Наталии Усковой с надписью: "Милой умнице Наташеньке на память от дяди Тараса Шевченка" известен только по воспоминаниям; он, к сожалению, не сохранился.

Наталья Ираклиевна умерла в Бугуруслане, где жила вместе с сестрой, Надеждой Ираклиевной Усковой (Смоляк). Их общая собственность - коллекция художественных работ Шевченко периода его новопетровской солдатчины была сохранена младшей сестрою.

УСКОВА, Надежда Ираклиевна, в замужестве Смоляк (1856-1935) - младшая дочь Усковых.

Надежда Ускова родилась в Новопетровском укреплении в ноябре 1856 года. Шевченко с любовью относился к маленькой Наденьке, охотно нянчил ее, а затем еще долго сердечно вспоминал. Об этом имеются свидетельства в Дневнике и письмах поэта (V, 19; VI, 180, 206-207,219), а также в воспоминаниях, записанных со слов сестер Усковых. Воспоминания Надежды Усковой - в очерке И. Пронина ("Життя й революція", 1928, № 3, стр.117-123).

Ускова-Смоляк сберегла для народа одно из писем Т. Г. Шевченко к И. А. Ускову, а также восемь художественных работ, выполненных на Мангышлаке ("Сад возле Новопетровского укрепления", "Лунная ночь среди гор", "Казашка Катя" и др.). Коллекция долгое время находилась в г.Бугуруслане, Оренбургской области, где она жила; там и состоялась их первая выставка перед отправкой на Украину. (С.Пилипенко. "Про Шевченкові малюнки". Журнал "Плуг", 1929, № 2, стр.70-75).

Младшая дочь новопетровского коменданта, как и ее старшая сестра, умерла в Бугуруслане.

УТТЕРМАРК ("Ультрамарк"), Николай Иванович (20-е гг.- 1881) - подпоручик, чиновник Нижегородской строительной и дорожной комиссии по производству работ.

Уттермарк был сыном московского архитектора и фабриканта, снискавшего известность изобретением кровельного толя и производством "уттермарковских печей", получивших большое распространение. Однако, являясь в течение всей жизни увлеченным, страстным музыкантом, отец в 1830 г. отправился с оркестром за границу, где следы его и затерялись. Жена с четырьмя малолетними детьми и престарелыми родителями осталась без средств к существованию и жила, прежде всего, на деньги, заработанные ею как учительницей музыки.

По протекции высокопоставленных лиц старшая сестра, Амалия, была принята в придворный штат. Это способствовало получению Николаем образования в корпусе инженеров путей сообщения. По окончании курса его направили в Нижний Новгород, где вскоре, по воспоминаниям названной сестры (в замужестве Яковлевой), "женили - обманули на приданном и пустили с женою мыкать

горе на крошечном жалованье". Описывая "безалаберную" жизнь брата, А.И.Яковлева сообщает, что в конце жизни он стал "несостоятельным кредитором". (ГПб, ф.897, д.3).

Т. Шевченко познакомился с ним в Нижнем Новгороде. 1 декабря 1857 г. он записал в Дневнике о том, что "случайно попал... на полупьяный музыкальный вечер к путейскому офицеру Ультрамарку..." (V,171). Это, думается, была не первая и не последняя его встреча с инженером-музыкантом.

ФАНТОН ДЕ ВЕРРАЙОН, Михаил Львович (1804-1887) - полковник, а затем генерал майор, начальник штаба Отдельного Оренбургского корпуса.

Происходил из обрусевших французских дворян. Военное образование получил в училище колонновожатых. В службу вступил поручиком (1827). Отличившись в войне с Турцией (в частности - освобождении Болгарии), сделал быструю карьеру - уже в 1836 стал полковником. В 1848 Фантон де Веррайон был назначен на должность начальника штаба Отдельного Оренбургского корпуса; в Оренбург прибыл в начале июня. (ГАОО, ф.6, оп.10, д.6928). Дослужился до чина генерал-лейтенанта.

В 1821-1823 Фантон, служивший тогда в Бессарабии, где занимался топографической съемкой, поддерживал знакомство и тесно общался с А.С.Пушкиным. "Можно с уверенностью предположить, что под обозначением "Фант" в "Плане автобиографии" Пушкина (1833) под разумеается Фантон". (Л.А.Черейский. "Пушкин и его окружение". Л., "Наука", 1976, стр.439).

Подпись Фантона де Веррайона значится под материалами официальной переписки о Т. Шевченко периода Аральской экспедиции, о переводе его в Новопетровское укрепление и пересылке туда (ИЛ, ф.1, д.406), под ответом 1854 г., содержащим отказ на просьбу о до зволении "рядовому Оренбургского линейного № 1 батальона Тарасу Шевченко нарисовать запрестольный образ для церкви" и другими документами.

Начальник штаба обладал коллекцией картин, в основном репродукций работ мастеров, выполненных им самим и другими. Шевченко коллекцию не видел - она могла прибыть уже по окончании его "оренбургской зимы". В противном случае Б. Залескому не пришлось бы рассказывать об этих картинах в своих, не дошедших до нас, письмах, адресованных в Новопетровское укрепление. Отвечая ему, Шевченко писал: "... на безрыбьи и рак рыба, может быть в его копиях есть что-нибудь похожее на оригинал, а если и этого нет, то в се-таки есть человек, любящий прекрасное божественное искусство, а между варварами это дар божий". (VI, 89).

Запрещение большому художнику рисовать запрестольный образ в церкви глухого полуострова, исходящее от человека, посвящающего досуг репродуцированию работ мастеров, - по своей противоречивости факт разительный.

ФАНТОН ДЕ ВЕРРАЙОН, Анастасия Григорьевна - жена М.Л.Фантон де Веррайона. Урожденная Филипеско - дочь валахского боярина.

Кроме названных представителей этой фамилии, в Оренбурге, вместе с родителями, жили их дочери: Софья - 1837 года рождения, и Ольга - 1841-го. (ГАОО, ф.6, оп.10, д.6928).

Учитывая тот факт, что Шевченко рисовал портреты М.П.Обручевой и Е.П.Бларамберг, можно высказать предположение и о возможности выполнения им портрета "второй дамы" Оренбурга - жены начальника корпусного штаба.

ФЕДОРОВ, Степан Николаевич - оренбургский литератор, автор очерков и драматических сцен.

Его способности ценил А.Н.Плещеев, познакомившийся с Федоровым в Оренбурге и рекомендовавший провинциального автора Н.А.Некрасову, Ф.М.Достоевскому, Н.А.Добролюбову и другим известным писателям.

Многие произведения Федорова выражают его резко-отрицательное отношение к "оренбургскому обществу". После появления повести Плещеева "Пашинцев" (1859), явившейся сатирой на нравы Ухабинска (Оренбурга), Федоров смело высказал свое одобрение поэзии автора и опубликовал фельетон, сатирически изобразив оренбургских чиновников, озлобленно набросившихся на А.Плещеева. ("Искра", 1860, № 8, стр.92-102).

О знакомстве Т. Шевченко с Федоровым (умер в 1868 г.) сведений нет. Но, независимо от их личных контактов, сам он и его произведения представляют значительный интерес для характеристики людей и нравов Оренбурга шевченковских времен.

Перечень произведений С.Н.Федорова дан в шестом томе "Литературного архива" (М.-Л., 1961, стр.242).

ФЕДЯЕВ, Логвин Иванович (1794-1858) - командир 1-й бригады 23-й пехотной дивизии, генерал-майор.

Офицерское звание Федяев получил в 1812 г., генеральское - в 1844-м. Ко времени прибытия Т. Шевченко в Оренбург - командир бригады.

"Бригадным командиром был тогда Логвин Иванович Федяев - человек невероятной толщины, который в 30-градусный мороз ходил не иначе, как в одном сюртуке, и ежедневно, не исключая зимы, обливался в холодных сенях ледяной водой. Федяев был добряк, отличался, даже в то известное своим казнокрадством время, безукоризненной честностью, но, как бригадный командир, не имел почти никакого значения по службе". ("Записки Н.Г.Залесова". "Русская старина", 1903, апрель, стр.54).

К.И.Герн, вспоминая, какое впечатление на него произвела весть о том, что присланному в Оренбург Шевченко запрещено писать и рисовать, тут же говорит, что он отправился к "добрейшему бригадному генералу" Федяеву и сообщено было написано письмо командиру пятого линейного батальона с просьбой помочь ссыльному. Э.В.Нудатов, сослуживец Шевченко на Аральском море, утверждает, что "генерал Федяев, прибывший в Раим (в 1848 г. - Л. Б.) для смены гарнизона, привез Тарасу Григорьевичу набор красок". Это с видением и о личном их знакомстве.

Л.И.Федяев умер в июне 1858 г. от "продолжительной тяжелой болезни"; было ему тогда 64 года. (РГВИА, ф.395, оп.50, 1 отд., 3 ст., 1858, д.2041).

ФЕЙЗУЛЛИН, Шарафутдин - смотритель Орской почтовой станции в 1847-1850 гг.

(ГАОО, ф.6, оп.11, д.1813).

Во время следствия над Т. Шевченко, производившегося подполковником Чигирем в Орской крепости 1 июля 1850, призывался к ответу и Фейзуллин.

В отношении своей переписки Шевченко показал: "Письма были адресованы на мое имя, и получил я через Орскую почтовую станцию. Чему может быть свидетель под присягою

Орской почтовой станции смотритель... Ответы посылал я через почтовую станцию от своего имени..."

Смотритель, "подтвердив получение и отправление Шевченко простых писем, о числе их отозвался неизвестностью". При этом он "присовокупил, что о непринятии от рядового Шевченко писем для отправления по адресам не имел ввиду распоряжения губернского почтового начальства".

Архивное дело, хранящееся в Институте литературы им. Т. Шевченко (ф.1, д.406), содержит ряд материалов о поведении Фейзуллина на следствии - в частности, об отказе давать показания до тех пор, пока не было получено разрешение Уфимской почтовой конторы.

В допросе Фейзуллина в качестве переводчика участвовал урядник четвертого казачьего полка Сулейман Даминов.

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ - см. Анакиев М.Ф.

Упоминается в записи Дневника от 16 июня 1857 г. как один из ближайших начальников Т. Шевченко в Новопетровском укреплении. (V, 19).

ФИШЕР, Оттон Людвигович - рядовой 5-го Оренбургского линейного батальона.

Уроженец Калиша (родился в 1818 году), писарь мирового суда в родном городе, он в 1846 был арестован "за принятие к себе подозрительного человека, вспомоществование ему к побегу и прочие поступки, открытые следственной комиссией, составленную над злоумышленниками по делу о политических преступлениях в Царстве Польском".

В 1847 Фишер был определен на службу в Орскую крепость. В дальнейшем служил в одном из батальонов Оренбурга, а затем, в 1853, участвовал и отличился в штурме Ак-Мечети, за что получил чин подпрапорщика. В конце 1856 Фишер был переведен во Владимирский пехотный полк, но полгода спустя, в мае 1857, получил назначение в 10-й Оренбургский линейный батальон, уже в чине прапорщика. Уволен со службы подпоручиком. Дальнейшая судьба его автору неизвестна. (ИЛ, ф.1, д.437; ГАОО, ф.6, оп.12, д.1690).

Для Т. Шевченко Оттон Фишер был одним из первых польских ссыльных, с которыми он в 1847 свел знакомство в Орской крепости. "В Орской Ш. скоро познакомился с сосланными туда поляками, и один, Фишер, бывший учителем детей Исаева (бывшего коменданта Орской крепости - Л. Б.) сошелся ближе других с Ш. Через него Ш. был принят в доме Исаева и получил дозволение жить в наемной квартире..." (Из воспоминаний М. М. Лазаревского; "Русский архив", 1899, апрель, стр.644).

Как установлено нами, мемуарист ошибся: комендантом в Орской был тогда не Исаев, а Г. Г. Левитский.

О.Фишер, вместе с орскими соизгнанниками - И. Завадским, С. Круликевичем и др., стал одним из адресатов первого варианта стихотворения "Полякам" ("Ще як були ми козаками"), явившегося непосредственным откликом поэта на близкое его знакомство с участниками польского освободительного движения. (II, 51-52).

ФИЯЛКОВСКИЙ (Фиалковский), Феликс - рядовой, а затем унтер-офицер 1-го Оренбургского линейного батальона.

В этот батальон Фиялковский был назначен в 1850 г.; в солдаты же он, происходивший из дворян Радомской губернии, был отдан в возрасте двадцати четырех лет, в 1848-м, "за самовольную отлучку за границу с намерением присоединиться к венгерским бунтовщикам". (В.А.Дьяков. "Тарас Шевченко и его польские друзья", стр.93-94; ГАОО, ф.6, оп.18, д.375).

Первые упоминания о Фиялковском среди состоящих на военной службе в Новопетровском укреплении встречаются в 1856: вероятно, он был переведен сюда сразу по получении унтер-офицерского чина. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.234-а). В Оренбурге, по возвращении с Мангышлака, Фиялковский находился под секретным надзором с 10 августа по декабрь 1857, когда, наконец, получил дозволение выехать на родину. (ГАОО, ф.6, оп.18, д.375).

Т. Шевченко упоминает Ф.Фиялковского в нескольких записях своего Дневника за июль-август 1857. (Уместно сказать, что его написание этой фамилии - Фиялковский - совпадает с встречающимся на страницах метрической книги Новопетровского укрепления и поэтому кажется более вероятным, чем принятое в литературе - Фиалковский). Он пишет о нем, как о "веселом и умном малом", "неистощимом" насмешнике, живом, интересном собеседнике-спорщике.

Таким, например, предстает Фиялковский в споре о Либельте и его "Эстетике"; и философа, и его книгу он развенчивает начисто. (Запись от 23 июля). Последняя запись в Дневнике с упоминанием имени польского друга относится уже к астраханским дням поэта: "Сегодня 8-е августа. Сегодня выйдет почтовая лодка из Новопетровского укрепления в Гурьев-городок и возьмет с собою Фиялковского и прочих освобожденных вместе со мною. Желаю тебе лучшей будущности, Фиялковский, ты вполне ее достоин. На расставаньи он и Мостовский дали мне свои будущие адреса, но едва ли у нас завяжется какая-нибудь переписка, потому что я не принадлежу к касте пустомелей, а они, как люди более меня практич еские, тоже не будут переливать из пустого в порожнее. Но я всегда сохраню воспоминание о вас, мои благородные друзья". (V, 80, 82, 88, 89, 99).

Фиялковского влекло к Шевченко. "Был у меня твой товарищ по Новопетровскому Феликс Фиалковский и спрашивал о тебе, и как жалел, узнав, что ты в Нижнем и он через него ехал". (Из письма М. С. Щепкина от 6 февраля 1858; "Листи до Т. Г. Шевченка", стр.129-130). В той же книге помещено письмо и самого Фиялковского, датированное январем 1861 и переданное через студента Петербургского университета В.Домарацкого. (стр.213-216). В этом письме, написанном по-польски, много сердечных слов дружбы и доброй памяти. Как другу, рассказывает Фиялковский о мытарствах возвращения с берегов Каспия. (Такие же мытарства ожидали самого Шевченко, если бы избежать их не помогло доброе участие к оменданта Ускова). Ответил ли на письмо Шевченко - неизвестно. Но если ответил, то было это одним из последних писем перед его безвременной смертью.

В комментарии к письму Т. Шевченко, адресованному Ф. Лазаревскому и датируемому 2 августа 1852, высказано предположение о том, что упоминаемый поэтом "F" это, возможно, Феликс Фиялковский. Но такое предположение не имеет под собой достаточных оснований.

ФОК, Александр Александрович (1803 или 1804 - 1854) - декабрист.

После разгрома восстания на Сенатской площади Фок был доставлен под арест в Петропавловскую крепость, а затем приговорен к разжалованию в солдаты дальних гарнизонов. Служил в Усть-Каменогорске, на Кавказе, затем в Отдельном Оренбургском корпусе. С 1835, после увольнения со службы, жил в Оренбургском крае, под секретным надзором. ("Восстание декабристов", ГИЗ, Л., т.8, 1925, стр.194, 410; ГАОО, ф.6, оп.18, д.191, 215, 218).

Данных о знакомстве и встречах Т. Шевченко с декабристом Фоком нет, однако факт одновременного их пребывания в Оренбургской губернии заслуживает быть отмеченным, как показательный для характеристики политического окружения поэта.

ФОМА ЛАЗАРЕВСКИЙ - см. Лазаревский Ф.М.

Под этим именем Ф.М. Лазаревский упоминается в письме Т. Шевченко к Б. Залескому. (VI, 93). "Фома" вместо "Федор" - не ошибка, как расценивают некоторые комментаторы (VI, 441), а дружеское имя, которым наделил он своего оренбургского приятеля, и каким, возможно, звал во время дружеских встреч. В данном случае оно, думается, происходит от начальных букв имени-отчества Лазаревского.

ФРЕЙМАН, Густав Антонович - генерал-майор, начальник артиллерии гарнизонов Оренбургского округа.

Офицерское звание Фрейман получил в 1809 году, генеральское - в 1845-м. Он неоднократно посещал с инспекторскими целями Новопетровское укрепление во время пребывания там Шевченко (в 1854, 1855, 1857) и оставил обстоятельные отчеты, содержащие много сведений о Мангышлаке и его форте. (ГАОО, ф.6, оп.12, д.1079, 1179, 2068).

Личное знакомство Т. Шевченко с генерал-майором Фрейманом произошло не позднее 1854, так как уже в феврале 1855 поэт писал своему другу Б. Залескому: "Уведоми меня, принял ли В<асилий> А<лексеевич> представление Фреймана обо мне... Если ты знаком с Фрейманом, то попроси его, пускай он тебе покажет мою "Ночь" акварелью". (VI, 111). Речь идет о представлении Шевченко к чину унтер-офицера; это ходатайство было подано в октябре 1854, но успеха не имело. (VI, 112). "Ночь" - шевченковская работа, подаренная художником Фрейману (в настоящее время неизвестна). В 1855 Шевченко послал Залескому через генерала своего "Спасителя". (VI, 120).

В Дневнике Фрейман упоминается в связи с арестом друга поэта, Мостовского, арестованного "на неделю по распоряжению начальника артиллерии генерала Фреймана..." (V, 84).

ФРЕЛИХ ("Фрейлих"), Николай Адамович - нижегородский городской архитектор, коллежский секретарь.

Т. Шевченко общался с Фрелихом на протяжении длительного периода своего пребывания в Нижнем Новгороде. Он бывал у архитектора строительной и дорожной комиссии дома, обедал у него, провожал его в Петербург, принимал, как хозяин, во время празднования с его дня рождения, наконец - рисовал (во всяком случае, собирался рисовать) его портрет. И это лишь то, что нам известно по записям в Дневнике. (V, 167, 171, 185, 189, 200, 206). На деле их общение было, конечно, более разносторонним.

Портрет Н.А.Фрелиха, заказанный им 26 ноября 1857 г., не был выполнен художником еще 12 февраля - два с половиной месяца спустя. Успел ли сделать его Шевченко до своего отъезда, сведений нет. Во всяком случае, нет никаких подтверждений тому, что не известное лицо, запечатленное Шевченко в 1858 (X, л.22), это действительно Фрелих. Подпись "Портрет неизвестного", значившаяся под этой работой на выставках 1911 и 1939 гг., пока снята быть не может.

ФУНДУКЛЕЙ, Иван Иванович (1804-1880) - киевский гражданский губернатор с 1839 по 1852 гг.

Шевченко знал о нем как об администраторе, мог убедиться в его интересе к истории, археологии, литературе, однако 5 апреля 1847 увидел в Фундуклее уже тюремщика (сразу по аресте был доставлен в кабинет губернатора). "Между его бумагами оказалась рукописная книга с малороссийскими, собственного его сочинения стихами, из коих многие возмутительного и преступного содержания", - доносил Фундуклей Д.Г.Бибикову, уведомляя, что как арестант, так и изъятые у него бумаги тотчас отправлены в Петербург, в распоряжение III отделения. ("Тарас Шевченко. Документи та матеріали до біографії", К., 1982, стр.104-105). Другие официальные бумаги характеризуют Фундуклея как активного участника следствия по делу Кирилло-Мефодиевского товарищества, старавшегося, чтобы ни одно из "преступлений" Шевченко не ускользнуло от бдительного ока его будущих судей. (стр.106, 136, 141). Всячески старался он для осуществления запрета шевченковского "Кобзаря". (стр.149, 152-158, 162, 165).

Из Орской крепости 16 июля 1847 г. Шевченко писал Фундуклею письмо с просьбой о возвращении его вещей, отобранных при аресте (VI, 40), но на это письмо ответа не последовало.

ФРОЛОВ, Алексей Егорович - подпоручик 1-го Оренбургского линейного батальона.

В Новопетровском укреплении Фролов служил до 1852 г. так как уже в 1853 он значится среди офицеров линейного батальона № 10. ("Адрес-календарь Оренбургского края на 1852 год", стр.8; "Календарь Оренбургского края на 1853 год", стр.233).

Известны "Воспоминания поручика Фролова о солдатской службе Шевченко в Новопетровском укреплении", записанные с его слов Ф.Пискуновым. ("Киевский телеграф", 1876, № 53). Эти воспоминания содержат некоторые штрихи жизни поэта в первые годы пребывания на Мангышлаке, характеризуют отношение к нему со стороны коменданта Маевского, доктора Никольского и некоторых других.

По сообщению Фролова, Шевченко нарисовал его портрет (ныне неизвестный).

ФУНИН, Тарас - матрос первой статьи, участник экспедиции по изучению и описанию Аральского моря.

С 1840 г. служил в 45-м флотском экипаже (Астрахань, Каспий), в 1845 был аттестован по первой статье. На службу в составе Аральской описной экспедиции отправился в январе 1848 в команде матросов второй роты под непосредственным началом унтер-офицера Клюкина.

На шхуне "Константин" ходил по морю, вместе с Т. Шевченко, в первую навигацию (1848), далее делил с ним осенне-зимние будни на Кос-Арале. Второе плавание (1849) Фунин проделал на шхуне "Николай".

ХАИРОВ, Ахмет - переводчик Новопетровского комендантского управления.

"Поступивший в 1844 году в число студентов Казанского университета по медицинскому факультету, из учеников 1-й Казанской гимназии, воспитанник Оренбургского края Ахмет Хаиров по неспособности к медицинским наукам в 1845 году был перемещен в разряд а рабско-персидской словесности. Ныне Хаиров окончил полный курс наук и удостоен звания действительного студента, а потому я приказал отправить его в г.Оренбург..." (Из письма попечителя

Казанского учебного округа Оренбургскому губернатору). В 1849 уроженец деревни Сибашевой и действительный студент был назначен переводчиком в Новопетровское укрепление с последующим "переименованием в соответствующий войсковой чин сотника". (ЦГА Башкортостана, ф.2, оп.65, д.6084). Служил он здесь до августа 1852, когда передал свою должность бывшему предшественнику Г.Турпаеву. (Там же, д.721).

При отъезде Хаирова в Оренбург поэт передал с ним письма друзьям, в частности Ф. Лазаревскому (от 2 августа 1852). Шевченко просил приветствовать "этого доброго и благородного сотника Хаирова" и заявлял: "Мы с ним вместе жили два года и ни разу не бра нились..." (VI, 77). Поэт спрашивал о своем новопетровском знакомом и далее. Узнав из недошедшего до нас письма от того же Ф. Лазаревского, что Хаиров у них не появляется, он несколько месяцев спустя писал: "А башкирский офицер, которого я вам рекомендовал, должно быть умер, если он к вам не ходит, а если не умер, то, наверно, с ума спятил, а еще Казанского ун иверситета!" (VI, 78).

В дальнейшем Хаиров служил много лет в башкиро-мещерякском войске, был начальником кантона, занимал другие офицерские должности.

ХАЛЕЦКИЙ, Киприан Матвеевич - плац-майор Оренбургского комендантского управления, подполковник.

Сын офицера, Халецкий поступил на военную службу еще в 1798 г. Участвовал во многих сражениях, в том числе под Измаилом. Прибыв в 1807 в Орскую крепость, он затем был перемещен в Оренбург, где прослужил десятки лет. Отчим В.П.Колесникова - одного из руководителей Оренбургского тайного общества, разгромленного в 1827. (ГАОО, ф.38, оп.1, д.475).

При Обручеве Халецкий принадлежал к наиболее доверенным лицам в части надзора над политическими ссыльными. Эпизод, подтверждающий это, описан в статье о Зеленко. В непосредственном его ведении находилась и главная гауптвахта корпуса - место ареста Шевченко.

ХАНЫКОВ, Александр Владимирович (1825-1853) - рядовой 5-го Оренбургского линейного батальона.

Один из виднейших петрашевцев, по словам Н.Г.Чернышевского - "человек умный, убежденный, много знающий", "человек с убеждением и сердцем горячим", Ханыков понимал необходимость политической борьбы и неизбежность революционной схватки с царизмом, исповедывал социалистические теории и воинствующий атеизм. Яркую программную речь он произнес на обеде в честь Шарля Фурье 7 апреля 1849 г. В этой речи оратор горячо "порицал Бога и государственное... устройство" России.

Вместе с М.В.Буташевичем-Петрашевским и его соратниками Александр Ханыков был приговорен к расстрелу. В последнее мгновение перед казнью, 22 декабря 1849, смертные приговоры заменили каторжными работами, арестантскими ротами и отправкой в отдаленные батальоны. Ханыкова определили рядовым Отдельного Оренбургского корпуса. (В.Р.Лейкина-Свирская. "Петрашевцы". М., изд. "Просвещение", 1965).

В 5-й Оренбургский линейный батальон он поступил 5 января 1850-го. (Сопоставление этих двух дат - 22 декабря и 5 января - исключает возможность знакомства Шевченко с Ханыковым в Оренбурге; переезд из Петербурга, да еще в разгар зимы, не оставлял времени для сколько-нибудь значительной здесь остановки).

Препроводительная, полученная в Орской крепости, предписывала, чтобы Ханыков "находился постоянно под строжайшим надзором и был употреблен на службу без малейшего послабления; облегчение же участи его в будущем времени будет зависеть от его поведения и монаршего милосердия, но отнюдь не от снисхождения к нему ближайшего начальства".

Ханыков, однако, и здесь от своих взглядов не отказался. Он установил связи с рядовыми из польских ссыльных - И. Завадским, В.Докальским и другими. Возник кружок, в котором читали и обсуждали книги, обменивались мнениями по волновавшим вопросам. Сближился Ханыков и с молодыми офицерами П. Гурьевым и П. Невельским.

В июне-сентябре 1850, находясь в Орской крепости, Шевченко познакомился с Ханыковым и его друзьями, общался с ними.

О разгроме кружка он мог узнать уже в Новопетровском укреплении от переведенного туда прапорщика Невельского.

Ханыков, кроме всего, был обвинен " в самовольном уходе из казарм, в слушании против рядового Егорова, который требовал, чтобы он из квартиры прапорщика Гурьева шел в казармы", а, кроме того, "в произношении бранных и дерзких слов, в присутствии родного командира и бытность при том троих нижних чинов, - против батальонного его командира" (майора Мешкова). За это, последнее, его предали военному суду.

Ханыкову грозили арестантские роты. Помогло вмешательство генерал-губернатора В.А.Перовского. В письме на имя Л.В.Дубельта Перовский писал: "Родные сочтут милостью,если он будет сослан в какой-нибудь гарнизон, где люди скоро умирают от болезни, или даже заключен в дом умалишенных; это будет для них легче, чем видеть его в арестантских ротах и каждый день страшиться нового позора". По указанию Николая I Ханыков был переведен в 1-й Оренбургский линейный батальон - в Уральск. (ГАРФ, ф.109и, 1 эксп.,д.82, лл.1-82).

О добрых отношениях между Шевченко и Ханыковым говорится в воспоминаниях Лаврентьевой, записанных А.И.Матовым. Однако эта часть воспоминаний полной достоверностью не отличается: в ней много путаницы. Зато не вызывает сомнений факт,сообщенный Н.Ф.Савичевым: "Знакомцы Шевченко, узнав, что я еду с М<ихайловым> в Новопетровск, надавали мне писем и разных словесных поручений к Тарасу Григорьевичу. Это были трое молодых поляков, из подтвержденных по их выражению, и четвертый А.В.Ханыков, облеченный в "сермяжную броню" по делу Петрашевского. Ханыков незадолго перед тем был прислан в Уральск..." ("Казачий вестник", 1884, № 53).

Ни в Уральске, ни в других местах Шевченко с Ханыковым встречаться в дальнейшем не могли. Несломленный петрашевец умер вскоре, от холеры, в возрасте двадцати восьми лет.

В литературном наследии поэта и в письмах к нему имя Ханыкова не упоминается.

ХИТРИН, Илья Алексеевич - прапорщик 1-го Оренбургского линейного батальона.

Происходивший из дворян Оренбургской губернии (родился в 1832 г.), он был назначен в Новопетровское укрепление в декабре 1855. (ГАОО, ф.38, оп.1, д.479; ф.173, оп.11, д.234-а; ф.6, оп.12, д.1251).

В отсутствие плац-адъютанта Бурцова Хитрин исполнял его обязанности, и в связи с этим подпись Хитрина, вместе с подписью коменданта, значится под двумя документами - карантинным свидетельством на право въезда Шевченко в Астрахань и "Билетом № 1403", удостоверяющим увольнение его от службы и разрешение на выезд в Петербург.

ХЛЕБНИКОВ, Николай Петрович - оренбургский художник-самоучка.

Родился в 1830 г., рос в многодетной семье мещанского сословия; в 1849 закончил уездное училище. Жил в Голубиной слободке, неподалеку от семьи Гернов. (ГАОО, ф.77, оп.1, д.1; ф.233, оп.1, д.220).

По воспоминаниям К.И.Герна, Шевченко, "сидя уже под арестом на гауптвахте, узнал о существовании в Оренбурге бедного мещанина Хлебникова с необыкновенным дарованием к живописи; добрался до него, удостоверился в действительно замечательных способностях этого молодого человека, и, отъезжая, передал его на мои руки".

Герн ошибочно относит это знакомство к дням перед отправкой Шевченко в Новопетровское укрепление, на самом же деле оно произошло либо перед его арестом в апреле 1849, либо в ожидании отправки в Орскую (май).

Мечта Хлебникова о поступлении в Академию художеств не осуществилась. Впоследствии он служил поручиком Оренбургского губернского батальона ("Справочная книжка Оренбургской губернии на 1868 год", стр.89), одновременно, по воспоминаниям Герна, давая уроки рисования в уездном училище.

Известна только одна работа Н.П.Хлебникова - портрет бухарца в Альбоме Обручевых, который хранится в Государственном музее Т. Шевченко в Киеве.

ХОДОРОВИЧ, Михаил - унтер-офицер Отдельного Оренбургского корпуса.

Происходил из дворян Волынской губернии. В рядовые Оренбургского корпуса был определен за "политические преступления". Служил здесь вплоть до 1855, когда был уволен с чином коллежского регистратора. В 1855-1857 постоянно жил в Оренбурге. (ГАОО, ф.6, оп.6, д.13456, лл.1, 10, 12).

О личном знакомстве Т. Шевченко с М.Ходоровичем сведений нет. Но о близости - хотя бы заочной - свидетельствуют слова Шевченко в январском, 1854 г., письме к

Б. Залескому: "... Михайла, земляка С<ераковского>, обними и поцелуй так, как я бы его поцеловал". (VI, 92).

"Земляк Сераковского", по нашему мнению, это и есть М.Ходорович. Оба они - уроженцы Волыни, оба принадлежали к семьям, активно (и не исключено, что совместно) участвовавшим в революционных событиях начала 30-х годов.

ХОМЯКОВ, Алексей Степанович (1804-1860) - поэт, славянофил.

Происходя из старинного дворянского рода, он получил широкое домашнее образование, завершённое затем в Московском университете. Одним из самых глубоких впечатлений его детства явился пожар Москвы, сожжённой войсками Наполеона. Семнадцатилетним Хомяков решил присоединиться к греческому восстанию и сделал попытку бежать из дома. Вскоре, однако, он увлекся литературой, стал писать драмы, поэмы, стихи. Ему довелось присутствовать на чтении Пушкиным "Бориса Годунова" и самому читать при нем свою драму "Ермак", общаться со многими видными литераторами и общественными деятелями. Со временем он становится одним из теоретиков и трубадуров славянофильства. (Подробно о Хомякове рассказывается в книге: Н.Колюпанов. "Биография Александра Ивановича Кошелева", т.1, кн.II, М., 1889, стр.150-173).

Т. Шевченко, находясь на пароходе "Князь Пожарский", услышал, а затем переписал в свой Дневник стихотворение А.Хомякова "Кающаяся Россия", написанное в 1854 и широко распространявшееся в списках (впервые оно было опубликовано в 1861, в бесцензурном лондонском издании "Русская потаенная литература XIX столетия"). Это стихотворение выражало общее недовольство политическим положением периода царствования Николая I. О популярности стихотворения и интересе к нему Шевченко свидетельствует уже тот факт, что в Дневнике оно фигурирует дважды. (V, 117-118, 228-229).

Личное знакомство Т. Шевченко с Хомяковым состоялось в Москве, в доме А.И.Кошелева, 25 марта 1858. Судя по тону и содержанию дневниковой записи, гораздо большее впечатление на него произвел в этот вечер другой новый знакомый - декабрист С. Г. Волконский. Знакомство с Хомяковым в Дневнике лишь упомянуто. (V, 218).

ХРАБЧИНСКИЙ (Храпчинский), Александр - рядовой, а с 1856 г. - унтер-офицер 1-го Оренбургского линейного батальона.

Уроженец Радомской губернии, рано осиротевший сын отставного капитана, Храбчинский в 1846 принял участие в Галицийском восстании и, будучи пойман, оказался в солдатах Отдельного Оренбургского корпуса. Военная его служба здесь продолжалась до 1857; он был уволен в возрасте 37 лет. (В.А.Дьяков - "Деятели русского и польского освободительного движения", стр.179; ГАОО, ф.6, оп.18, д.375).

Храбчинский являлся одним из сослуживцев Шевченко по Новопетровскому укреплению - тех, о которых поэт писал, что это "люди замечательные по своим нравственным качествам". (V, 30).

Его имя называется в рапорте от 19 июля 1857 о необходимости отправки уволенных от службы унтер-офицеров Храбчинского, Ольшевского, Фиялковского, рядовых Домарацкого и Шевченко с Мангышлака "к батальонному штабу в город Уральск". Уже находясь в Астрахани, 8 августа поэт сердечно вспоминал "Фиялковского и прочих

освобожденных вместе со мною" - в тот день они отплывали в почтовой лодке в Гурьев. (V, 99).

Имя сослуживца поэта упоминается в письме И. А. Ускова от 7 января 1858. Комендант Новопетровского укрепления сообщал о том, что Храбчинский в Уральске женился на вдове-есаульше. ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр.121). Архивные сведения подтверждают, что в ноябре 1857 Храбчинский выбыл из Оренбурга на жительство в Уральск. (ГАОО, ф.6, оп.18, д.375). Таким образом, и после увольнения со службы он оставался в Оренбургском крае.

ХРАМЦОВСКИЙ, Николай Иванович (1818-1890) - нижегородский историк, краевед.

Сын ржевского мещанина провел юные годы в Вологде, там получил домашнее образование, а с 1836 служил в Нижегородском соляном правлении, состоял письмоводителем и секретарем в различных учреждениях губернии. На протяжении многих лет Храмцовский занимался изучением истории Нижнего Новгорода. Подробные сведения о нем и полный список его работ помещены в издании Нижегородской губернской ученой архивной комиссии "Памяти Н.И.Храмцовского, историка Нижнего Новгорода" (Нижний Новгород, 1899).

Т. Шевченко был знаком с книгой Храмцовского "Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода", первая часть которой вышла как раз в 1857 г. В одной из октябрьских записей того года он назвал ее "интересной". (V, 149). О личном общении поэта с автором книги сведений нет, однако такое знакомство не исключено, так как Храмцовский (в Дневнике - Хранцовский) находился в это время в том же городе, что и Шевченко.

ХРИСТОФОРОВ, Михаил Федорович - унтер-офицер, прикомандированный к Корпусу топографов, член экипажа шхуны "Николай" - участник экспедиции А. И. Бутакова в 1849 г.

Родился в 1819, происходил из солдатских детей; в службу вступил из Оренбургского батальона военных кантонистов, тогда же, в 1836, начались для него пути-дороги топографа.

За отличие при съемке берегов Аральского моря, приказом от 22 января 1850, топограф второго класса унтер-офицер Христофоров был произведен в прапорщики "с состоянием по армии и в Корпусе топографов". (РГВИА, ф.1441, оп.1, д.34, лл.230-230 об.).

В дальнейшем продолжал свою службу в Киргизской степи и на Сырдарьинской линии. В 1856 умер. ("Исторический очерк деятельности Корпуса военных топографов", СПб, 1872, стр.53, 111).

Шевченко общался с Христофоровым на Кос-Арале; он же был одним из участников группы во главе с Бутаковым, которая проследовала и прибыла в Оренбург для обобщения материалов исследования Аральского моря.

Христофоров не упоминается в Дневнике и письмах Шевченко, но, безусловно, является одним из топографов, запечатленных в шевченковских акварелях и рисунках. (т.8, лл.24, 30, 172, 173).

ЦЕЙЗИК, Михаил Игнатьевич - аптекарь, лаборант Оренбургской казенной аптеки, коллежский секретарь.

Родился в 1816 г., принадлежал к беспоместному дворянству. В 1843 Варшавским медицинским советом был удостоен звания провизора 2-го отделения. После кратковременной службы в Санкт-Петербургской рецептурной аптеке был направлен в Оренбург (1844), где примерно служил не один год, получая награды и другие знаки отличия. (ЦГА Башкортостана, ф.1, оп.1, д.2468). Живя в Оренбурге, проявлял разносторонние интересы - и в области естественных наук, и в краеведении, и в фотографии. (ГАОО, ф.6, оп.6, д.137 61). Долгие годы являлся старостой римско-католической церкви. (Н.Н.Модестов. "Бывший префект Гродненской гимназии, иеромонах Доминиканского ордена Кандид Зеленка в Оренбурге". Оренбург, 1913).

По свидетельству Б. Залеского, Цейзик был известен, как "человек найдобрейшего сердца, был услугой судьбы всех ссыльных, - сколько мог, оказывал каждому услуг. Детей имел много и Шевченко, в бытность свою в Оренбурге, любил с ними забавляться". ("Л источки до вінка на могилу Шевченка в ХХІХ роковини його смерті", Львов, 1890, стр.30).

Здесь следует сделать лишь одно уточнение: Цейзик еще в июне 1848 был холост и только после того женился на Ю.Конколович. Первенец появился на свет осенью 1849; о втором ребенке Шевченко узнал из письма, полученного на Мангышлаке.

Находясь в Новопетровском укреплении, Шевченко неизменно посылал Цейзику приветы. (VI, 93, 106, 113 и др.). В свою очередь, помнил о друге-поэте и оренбургский аптекарь. Его снимки не раз отправлялись Б. Залеским в Новопетровское укрепление.

"Михаил получил фотографический прибор и новые его работы я посылаю тебе - на этот раз только три изображения: Сигизмунда и два экземпляра киргизских мальчиков. Вскоре пришлю более..." ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр.86). Речь идет о фотографии Серак овского и репродукциях с художественных работ Шевченко, предназначенных им для продажи.

Шевченко и его друзья пользовались услугами М.И.Цейзика также как посредника в переписке, считая удобным его адрес (свободный, вероятно, от подозрения властей). Например, на его имя получал многие письма от Шевченко Залеский: "Пиши ко мне на имя Михаила: "Михаилу Игнатьеву". ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр.86).

Упоминания "Михаила Игнатьева" породили ряд предположений исследователей, которые, не зная отчества Цейзика, высказывали всевозможные догадки относительно "загадочного" лица. Анализ переписки Шевченко, в сочетании с вновь обнаруженными архивными сведениями об отчестве Цейзика (ГАОО, ф.173, оп.11, д.188 и 189), позволил сделать вывод, что Михаил Игнатьевич Цейзик и Михаил Игнатьев - одно и то же лицо.

ЦЕЙЗИК, Юлия Викентьевна, урожденная Конколович - жена М.И.Цейзика. (ГАОО, ф.172, оп.3, д.189, л.22).

Письма Т. Шевченко дают основание заявить, что, находясь в Оренбурге, поэт бывал у Цейзикиных, пользовался гостеприимством хозяйки, а в дальнейшем интересовался жизнью всей семьи.

"Попробуй, не удастся ли тебе на темном фоне детская голова, и чтобы не искать моделей, то посади secondo Цейзика; я так люблю детей, что не насмотрелся бы на верный отпечаток ангела". (Из письма Б. Залескому; VI, 89). Речь идет о втором ребенке Цейзикиных - Игнатии-Иване; при его крещении Б. Залеский был свидетелем. (ГАОО, ф.172, оп.3, д.189, л.28).

ЦЕЙЗИК, Виктория Игнатьевна - младшая сестра М.И.Цейзика. В период пребывания Шевченко в Оренбурге она жила в семье брата (ГАОО, ф.172, оп.3, д.189), где и общалась с поэтом.

ЦЕШЕЙКО, Станислав - рядовой 5-го Оренбургского линейного батальона.

Цешейко родился в Гродненской губернии, в офицерской семье, в 1813 (или 1814) г. На военную службу он был отдан за побег в Пруссию для поступления в прусские войска. Уволен со службы в чине унтер-офицера в 1857. (ГАОО, ф.6, оп.18, д.375, лл.23-24).

В 1850 Цешейко значился в одной роте с Т. Шевченко; в Орскую крепость он поступил 24 мая. (ИЛ, ф.1, д.484, 489).

ЦИОЛКОВСКИЙ, Николай Станиславович - помещик Оренбургского уезда.

Его отец, отставной генерал-майор, свирепый крепостник, в 1842 г. был убит крестьянами в селе Андреевка Оренбургской губернии. Сыну тогда было восемнадцать лет. На службе он пошел недалеко - вышел в отставку с чином коллежского регистратора. В и меньше своем Циолковский постоянно конфликтовал с соседями, а, будучи мировым посредником, допустил столько проступков, что оказался "удаленным от должности". (ГАОО, ф.173, оп.11, д.108, л.11; ф.6, оп.18, д.494; оп.14, д.147).

Обстоятельства знакомства Циолковского с Шевченко неизвестны. Но со слов его журналист А.И.Матов записал в свое время воспоминания о жизни поэта в Оренбурге. Неосведомленность мемуариста соперничает здесь с его недобросовестностью. Вопреки известным фактам, он утверждает, что Шевченко "вел жизнь вполне замкнутую", в его судьбе "приняли участие весьма немногие", а сам он "под впечатлением своей участи, сторонился от людей".

На старости лет, в пылу графоманства, сей старожил печатал свои "воспоминания" в местных газетах. Вот выписка из его заметки в "Тургайской газете" (1895, № 46, 12 ноября):

"Будучи лично знаком с Тарасом Григорьевичем, я сообщаю коротенький, но весьма оригинальный, эпизод из его пребывания в Оренбурге.

В первые дни ссылки Тарас Григорьевич сильно нуждался в средствах, вследствие чего брат мой, служивший тогда в Оренбурге, предложил ему переселиться в наш дом, но прожил он у нас недолго, потому что бывший в то время военный губернатор Обручев, человек недоверчивый и подозрительный, нашел опасным оставить Тараса Григорьевича в доме людей, носящих польскую фамилию, и сделал распоряжение переместить его на гауптвахту, а затем перевести в Орск.

Живя в нашем доме, он однажды получил письмо от графини Л., которое оканчивалось фразой: "Как поживает мой дорогой Тарас?" Далее оставалось чистое место на письме. Тарас Григорьевич отрезал этот вопрос с написанной бумагой и нарисовал на ней себя в солдатском мундире, фалды которого были подняты и два барабанщика бьют его барабанными палками, а внизу рисунка написал два слова: "як бачете" и отправил это послание к графине Л..."

Никакой ценности "воспоминания" не представляют.

ЦУКАТО, Николай Егорович (1794-1867) - наказной атаман Оренбургского казачьего войска, генерал-майор, граф.

Потомок древнего венецианского рода, который вступил на русскую службу в конце XVII столетия, сын генерала, Н.Е.Цукато уже в пятнадцать лет был хорунжим, а в двадцать шесть стал полковником. Участвовал в сражениях 1812 г., в походах в Молдавии и на Кавказе, а всего в девяти кампаниях. В 1836 был произведен в генерал-майоры. С 1841 по 1849 являлся наказным атаманом

Оренбургского казачьего войска. В конце марта 1849 Цукато получил назначение состоять при шефе жандармов, в связи с чем выехал в Петербург. С 1850, в течение десяти лет, был начальником первого округа корпуса жандармов. ("Русский биографический словарь", 1911, т.21, стр.511; РГВИА, ф.405, оп.6, д.7441, л.57 об.-58).

В 1848-49 гг. Цукато поддерживал связи с Аральской экспедицией, о чем свидетельствуют строки из письма Бутакова к Макшееву от 16 декабря 1848: "Об убиении зверя я писал графу Цукато..." (ИЛ, ф.1, д.284).

В составе "Альбома Бронислава Залеского", хранящегося в Киевском Государственном музее Т. Шевченко, имеется акварель с надписью "А la дача Цукато. Opus 1853" (инв.№ 374/2), изображающая трех мужчин с ружьями. По мнению Г.Н.Чаброва, высказанному в его диссертации "Изобразительные источники по истории Средней Азии и Казахстана XVIII - первой половины XIX в." (рукопись, стр.234), "одна из фигур близко напоминает Т. Г. Шевченко". Но это, скорее всего, Е.Ф.Середницкий. Вообще же, думается, художник запечатлел трех знакомых Шевченко людей, все трое - предположительно - поляки. Дача в районе Оренбурга не могла быть местом нахождения Шевченко в 1853-м; тогда он служил в Новопетровском укреплении.

ЦЫБИСОВ, Михаил Васильевич - смотритель Раимского магазина Оренбургской полевой провиантской комиссии, губернский секретарь.

("Адрес-календарь Оренбургского края на 1854 год", стр.283).

Цыбисов был главой семьи, включавшей в себя наиболее привлекавшее внимание "женское общество" укрепления. Шевченко, по воспоминаниям Э.В.Нудатова, нарисовал карикатуру на ухажеров-офицеров, не дававших покоя дочери Цыбисова. "Он изобразил всех ухаживателей, направляющихся к дому Цыбисова прямо из палатки маркитанта... Виновница демонстрации сидела в объятиях матери у входа в юламейку, а над ними в позе боксера высилась фигура негодующего отца семейства, лопатой угрожающего наступающим женихам... Эта большая, около аршина в длину, карикатура была набросана пером на большой чистой доске обыкновенного деревянного некрашенного стола, стоявшего в палатке...". Карикатура известна только по этому описанию.

ЦЫБИСОВА, Анастасия Михайловна - дочь М.В.Цыбисова и "героиня" карикатуры, о которой рассказано выше.

Через год после отъезда Шевченко и Аральской экспедиции, в сентябре 1850, семнадцатилетняя девушка стала женой одного из изображенных в карикатуре офицеров Г.К.Эйсмонта (ГАОО, ф.173, оп.11, д.186).

Так закончилась "любовная горячка", которая послужила темой шевченковской карикатуры. Трое других героев рисунка (Нудатов, Лавров и Килькевич) не оказались даже среди свидетелей при венчании.

ЦЫГАНЕ (самоназвание - рома).

Народ, ведущий в основном кочевой и полукочевой образ жизни. Предки - выходцы из Индии (около 10 в.); цыганский язык относится к группе новоиндийских. Рассеяны по большинству стран Европы,

Азии, Африки и др. На территории России и других государств были. СССР - с 15-16 вв. Этнические группы цыган, связанные общностью происхождения и языка, имеют свои отличительные черты.

Т. Шевченко в годы солдатчины и ссылки имел возможность наблюдать цыган среднеазиатских (т.н. "люли"). Его привлекали цыганские типы, о чем свидетельствует и сепия "Цыган", выполненная в 1851 на Мангышлаке.

ЦЫЦЫЛИН, Петр - поселянин Раимского укрепления, "Оренбургского казачьего войска служащий казак". В 1848-1850 гг. плывал на рыболовецкой шхуне "Михаил".

За несколько дней до выхода Аральской экспедиции в обратный путь у Цыцылина и его жены Авдотьи Афанасьевны родилась дочь Пелагея. 4 октября 1849 состоялся акт крещения, в котором, в качестве свидетелей, участвовали "Департамента морского ведомств а капитан-лейтенант Алексей Иванович Бутаков, Оренбургского батальона №4 поручик Александр Трофимович Богомолов, Ее высочество великая княгиня Александра Николаевна (заочно) и дочь чиновника 8 класса Петра Максимова Александра Петровна". (ГАОО, ф.1 73, оп.11, д.186). Следует полагать, что оно, это событие, не обошло и Шевченко, никогда людей не чуравшегося.

Но вот разительная метаморфоза, происшедшая с тем же Цыцылиным. В 1852 он предстал перед судом по обвинению в "жестокое обращение с женою своею и смертоубийстве киргизца Урызбаева". Судебное дело, находившееся в фонде РГВИА, к сожалению, не сохранилось.

ЧАГАНОВ, Федор Ефимович - хорунжий, а затем сотник Уральского казачьего войска.

В службе находился с 1826 г., первый офицерский чин получил в 1845-м. В военных кампаниях не участвовал. Характеризовался как усердный, "хороших способностей ума", в нравственности и хозяйствовании положительный. (РГВИА, ф.405, оп.6, д.7441).

Т. Шевченко дважды упоминает Чаганова (называя его Чегановым) в своем Дневнике и оба раза, как владельца...сонника - по ироническому его определению, "зеркала сокровенных таинств природы". (V, 48, 57).

Но не только для того, чтобы заглянуть в сонник, ходил Шевченко к Чаганову. Узнав из архивного дела его имя-отчество, мы имеем возможность сказать, о ком писал Н. Ф. Савичев в статье "Кратковременное знакомство с Тарасом Григорьевичем Шевченко", называя доброго приятеля поэта периода новопетровской ссылки только по имени-отчеству.

Вот несколько выписок из его воспоминаний о Шевченко:

"...Через несколько минут он сказал мне:

- Теперь пойдем к Федору Ефимовичу, доброму человеку.

Мы пошли. Недалеко от города и крепости, как бы в одной из вершин разностороннего треугольника, стоит довольно высокая, крутая и почти конусообразная скала. В ней вырублены ступени зигзагами, для удобного хождения. На вершине скалы, на небольш ой площадке, был дворик с низкими каменными стенами, казарма для десятка казаков, и в ней особо две комнаты для офицеров. С стены глядела невнушительного калибра пушка, жерлом почему-то на крепость. Все это называлось батареею № 1.

...Здесь-то жил Федор Ефимович, "добрый человек", к нему-то мы и пришли по утомительной круче. Хозяин принял нас с радостью, как добрый и притом скучающий человек. Он тотчас приказал делать пельмени; их при нялась готовить целая команда казаков...

Шевченко был в отличном расположении духа. У него сыпались забавные анекдоты и рассказы... Ему захотелось вызвать и хозяина, от природы молчаливого, на разговоры и оживить его. Последний был старосветский офицер, старообрядец, хотя довольно индиффе рентный. Шевченко расшевелил доброго человека, вызвал его на спор... Мы просидели за полночь и заночевали на гостеприимной батарее..."

По словам того же мемуариста, "рисовальные припасы свои Шевченко сохранял на этой батарее, у "доброго человека" и в описываемый день здесь же был сделан портрет Н. Савичева. (т.9, л.29).

Шевченко оставил несколько зарисовок батареи сотника Чаганова, соответствующих описанию, сделанному Савичевым, хотя мемуарист пишет о батарее № 1, а в подписях под рисунками (т.9, л.138, 139, 142, 165) значится: батарея № 2.

Более точно, надо полагать, - под рисунками. В этом убеждают и записи в Дневнике от 12 и 13 июля 1857 г. (V, 65, 66). Шевченко записывает свои впечатления о слышанной у второй батареи старинной песне о Булавине; донскую песню пел уральский казак, д а так, что поэт заслушался. "Вечером пошел я опять ко второй батарее в надежде услышать вчерашнего Баяна..." Таким образом, дружба с Чагановым позволила ему ближе узнать коренных жителей Приуралья - казаков.

Публикация статьи Н. Ф. Савичева в сборнике 1962 г. "Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников" (стр.222-236) была снабжена комментарием, в котором, в частности, высказывалось предположение, что Федор Ефимович это "тот же старый артиллерист Мостовский", о котором упоминает Шевченко в Дневнике (стр.443). Автором энциклопедии установлено, что речь идет об уральском казаке, дружба с которым возникла в первые же годы пребывания

поэта в Новопетровском (Савичев был здесь летом 1852; кроме того, имя Чаганова значится в потовых ведомостях того же года) и продолжалась, судя по записям в Дневнике, до конца солдатчины.

О дальнейшей судьбе Ф.Е.Чаганова известно лишь то, что от службы он был уволен в 60-х годах в чине войскового старшины, получив личное дворянство. Его дочь, Матрена Федоровна, просила у губернских властей средства для поступления в Петербургский воспитательный институт ради "изучения повивального искусства". (ГАОО, ф.6, оп.13, д.3457).

Уместно сказать, что и Матрену Шевченко мог знать в Новопетровском укреплении.

ЧАЛЫЙ, Михаил Корнеевич (1816-1907) - украинский писатель, педагог, один из первых биографов Т. Шевченко.

В книге "Жизнь и произведения Тараса Шевченко. (Свод материалов для его биографии)", вышедшей в Киеве, в 1882, Чалый впервые опубликовал ряд важных материалов о пребывании поэта в Оренбуржье. Книга его, однако, свидетельствует, что изучение окружения Шевченко периода солдатчины в то время целенаправленно не велось. Чалый смог назвать немногим более 25 лиц, с которыми Шевченко в этот период встречался или переписывался. Это имена, почерпнутые исключительно из писем Шевченко и сообщенные, почти в о всех случаях, без дополнительного реального комментария. В дальнейшем исследователь усилил сбор материалов о таких лицах, о чем свидетельствует переписка его с И.И.Евфимовским-Мировицким, И.А.Романиным и другими. в местах солдатской службы Шевченко.

ЧАРЦ - см. Чирц А.В.

Горе-герой истории, описанной в Дневнике Т. Шевченко. (V, 17, 18, 20, 51, 52, 60).

ЧЕБОТАРЕВ, Хрисанф Федорович - сотник Оренбургского казачьего войска, начальник форта Кос-Арал в последние дни пребывания там экспедиции А. И. Бутакова.

(ГАОО, ф.6, оп.10, д.6134).

Этими днями, предположительно, можно датировать стихотворение Т. Шевченко "Готово! Парус розпустили..." (II, 231).

В казачьем войске Чеботарев служил с 1830 г. Офицером он стал в 1838-м, получив чин зауряд-хорунжего. В военных походах не участвовал, по службе аттестовался "посредственным". Из всех его знаний отмечалось умение "российской грамоте читать и писа ть". (РГВИА, ф.405, оп.6, д.7441, л.113 об.-114). Впоследствии - есаул. (ГАОО, ф.6, оп.12, д.1690).

ЧЕГАНОВ - см. Чаганов Ф.Е.

"Сотник Чеганов" упоминается по незначительному поводу в записях Дневника от 3 и 9 июля 1857 г. (V, 48, 57). Установление подлинной фамилии - и, особенно, имени-отчества этого человека, Чаганова, - дает возможность ввести в биографию Т. Шевченко ее о неизвестного доселе друга.

ЧЕКМАРЕВ, Петр Ульянович - культурный деятель Саратова, ротмистр в отставке.

Биография Чекмарева пока не выяснена, но из мемуарных источников известно, что был он человеком, "понимающим и любящим театр". Уже в 1859 г. его пригласили на должность директора Саратовского театра по репертуару. "П.У. любил театр, понимал его, был в душе артист, притом тактичный человек, умел ладить с актерами и актрисами, был хлебосол... Он устраивал считки новых пьес, читал их сам или кто-либо из нас. По окончании чтения разбирались достоинства пьесы и назначалось, кому из труппы играть какую роль. При П.У. репертуар видимо улучшился. Пошли новые современные пьесы наших и иностранных драматургов... При талантливой труппе и толковом ведении дела Саратовский театр действительно процветал. Главный виновник был П.У.Чекмарев..." (П.М.Медведев. Воспоминания. Л., 1929, стр.233-234, 239-241).

Т. Шевченко познакомился с ним 1 сентября 1857 во время стоянки "Князя Пожарского" в Саратове и посвятил этому "приятнейшему знакомству" всю запись, сделанную в тот день. Чекмарев запомнился поэту как "человек некрасивой, но привлекательно-симпатичес кой наружности", который принес ему братские поздравления с "вожделенной свободой" от землячки Шевченко М.Г.Солониной и от всей "саратовской братии". "Долго я не мог опомниться от этого нечаянного счастья..." - писал автор Дневника, тут же замечая, что на прощанье он и Чекмарев дали "друг другу слово увидеться будущей зимой в Петербурге". (V, 114-115).

Сведений о новых их встречах нет.

ЧЕЛЬЦОВ, Федор Иванович (1826-1899) - младший врач Астраханской строевой ластовой роты.

Медицинское образование Чельцов получил в Киевском университете (1853 г.). Участвовал в обороне Севастополя и других сражениях Крымской войны, во время которых был ранен и контужен.

Знакомство Т. Шевченко с Ф.Чельцовым произошло в Астрахани, в августе 1857. Бывшие крепостные стали друзьями, о чем свидетельствуют записи Чельцова в Дневнике - одна из них представляет собой пересказ народного анекдота о черте Иване Рогожине. (V, 106-107), подаренные ему автограф отрывка из поэмы "Цари" и "Кобзарь" с надписью автора (II, 429), теплые слова в письме Шевченко к Клопотовскому. (VI, 176).

ЧЕМЕРДА, Михаил - рядовой 5-го Оренбургского линейного батальона.

Как и ряд других галицийских украинцев (Дарчюк И.И, Маслюк П.Т, Михалько Я.Т.), за "нахождение с давнего времени в бегах" Чемерда был отправлен в арестантскую роту, откуда "по высочайшему повелению" его сослали в крепостную работу. В 5-й линейный батальон Отдельного Оренбургского корпуса Чемерда прибыл в мае 1846 - за тринадцать месяцев до присылки сюда Шевченко. Вместе, в одной роте, они служили в Орской крепости в 1847-1848, вместе совершили переход в составе транспорта, отправленного к Аральскому морю. Чемерда находился там и весь период пребывания на Арале Шевченко. (ИЛ, ф.1, д.437).

ЧЕРЕМИСЫ.

Бытовавшее во времена Т. Шевченко, а ныне устаревшее название марийцев - одной из народностей Оренбургской губернии, представителей которой он наблюдал в годы своей солдатчины.

ЧЕРЕМШАНСКИЙ, Василий Макарович (1821-1869) - преподаватель Оренбургской духовной семинарии, экономист, статистик, этнограф.

Большой знаток края, Черемшанский явился автором книги "Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношении" (1859, Уфа). Этот труд был отмечен ученым комитетом министерства государственных имуществ золотой медалью.

"Описание..." В.М.Черемшанского заслуживает широкого использования, как один из авторитетных источников характеристики Оренбургской губернии периода шевченковской неволи.

ЧЕРНОВ, Иван Васильевич (1825-1902) - оренбургский старожил, в 1847-1857 гг. - столоначальник, а затем управляющий отделением иррегулярных войск канцелярии генерал-губернатора, впоследствии генерал-майор Оренбургского казачьего войска.

Сведений о знакомстве Чернова с Т. Шевченко нет, но бесспорен интерес, который представляет его книга "Записки генерал-майора Ивана Васильевича Чернова". ("Труды Оренбургской ученой архивной комиссии", вып. XVIII, 1907). Эта книга содержит много живых воспоминаний и о том времени, когда в Оренбургской губернии отбывал солдатчину великий поэт Украины. В научный оборот шевченковедения "Записки...", как и рукописные материалы их автора (ГАОО, ф.167), введены лишь частично.

ЧЕРНЫШЕВ, Алексей Филиппович (1824-1863) - русский художник.

Родился в Оренбурге в семье военного писаря. С малых лет был приписан к батальону военных кантонистов, но в дальнейшем сумел избежать обычной судьбы солдатских детей и получил художественное образование. (ГАОО, ф.6, оп.6, д.11651).

В 1842 г. Чернышев поступает в Академию художеств. В своем творчестве он раскрывается как "истинный и симпатичный талант, полный юмора, наблюдательности и истинного чувства". (В.В.Стасов).

Дом военного губернатора, по эскизу художника А. Ф. Чернышова

Чернышев - мастер реалистической жанровой живописи. Творчеству художника посвящена книга М.Раковой "Алексей Филиппович Чернышев". ("Искусство", М., 1952).

Знакомство с Т. Шевченко произошло у Чернышева, предположительно, еще во время учебы в Академии, но возникновение более тесных связей между ними следует отнести к 1847 - точнее к тем дням, когда отданный в солдаты был доставлен в Оренбург. Художник, приехавший на этюды в родные места, принял участие в хлопотах об облегчении судьбы рядового Шевченко: через него был переслан ряд писем в Петербург. Сохранились два письма Чернышева к Шевченко: одно - от 2 декабря 1847 и другое - от 29 марта 1850. ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр.60-61 и 79). Еще одно декабрьское письмо "Чернышева" написано не Алексеем Филипповичем, а его двоюродным братом

Александром Илларионовичем Чернышевым. (там же, стр.61). Письма Шевченко к Чернышеву до нас не дошли.

Во время очередного посещения Оренбурга - в конце 1849 или начале 1850 - художник нарисовал карандашный групповой портрет политических ссыльных в Оренбурге, запечатлев Т. Шевченко среди его польских друзей. Этот рисунок приобрел силу важного документа. Рисунок Чернышева - ... ценнейший памятник крайне скудной иконографии оренбургской политической ссылки.

Необходимо обратить внимание на почти не использованные биографами поэта зарисовки Оренбурга, сделанные Чернышевым. Они публиковались в "Русском художественном листке": в № 20 за 1851 - "Караван-Сарай", "Дом генерал-губернатора", "Дом Дворянского собрания", "Плац-парад", в № 17 за 1852 - рисунки, сделанные в "Школе для киргизских детей" и др.

ЧЕРНЫШЕВ, Филипп Алексеевич - военный писарь, унтерцейхвартер, коллежский секретарь, отец А. Ф. Чернышева.

Знакомство его с Т. Шевченко относится к первым дням пребывания поэта в Оренбурге летом 1847 года. Сотоварищ по Академии художеств ввел его, вероятно, в оренбургский дом своей семьи, представил отцу, братьям и сестре. "Отец мой свидетельствует с все глубочайшее почтение..." (Из письма А. Ф. Чернышева от 2 декабря 1847, "Листи до Т. Г. Шевченка", стр.61).

"Дом Чернышевых стоял на месте дома № 24 по улице Пролетарской. В то время она называлась Почтовой". (В.В.Дорофеев. "Оренбург шевченковский". Научные записки Оренбургского Института Тараса Шевченко, 1-я тетрадь, Оренбург, 1993, стр.27).

Умер Ф.А.Чернышев в июле 1848 года от холеры, в возрасте 55 лет. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.176, л.235).

ЧЕРНЫШЕВ, Матвей Филиппович - брат А. Ф. Чернышева.

С 1840 г. он служил топографом, в течение многих лет (по 1857) производил различные работы в Оренбургском крае. Прапорщик в 1853, поручик в 1862, штабс-капитан в 1864. Умер в 1866 г. ("Исторический очерк деятельности Корпуса военных топографов", СПб, 1872, приложения, стр.62, 116).

Топографом служил и еще один брат художника - Чернышев Василий Филиппович. (Там же, стр.65).

Познакомился М.Чернышев с Т. Шевченко в Оренбурге в 1847. В своем письме в Орскую крепость от 2 декабря того года А. Ф. Чернышев писал: "... и мой младший брат... кланяется". ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр.61).

Шевченко питал дружеские чувства к М.Чернышеву и в дальнейшем. Он интересовался его рисунками, помогал начинающему художнику, обращал внимание старшего брата на занятия младшего. "Спасибо Вам за мысль, которую Вы подали мне насчет высылки брату Матвею масок, - отвечал А. Ф. Чернышев из Петербурга в марте 1850 г., - в самом деле будет ему славная школа, непременно пришлю". ("Листи...", стр.79).

ЧЕРНЫШЕВА, Ольга Филипповна - сестра А. Ф. Чернышева.

С Шевченко О.Чернышева познакомилась в Оренбурге в 1847 г. В письме от 2 декабря 1847 ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр.61) А. Ф. Чернышев передает поэту привет от сестры ("... мой младший брат с Олею кланяется").

ЧЕРНЫШЕВ, Александр Илларионович (отчество установлено на основе дела: ГАОО, ф.173, оп.11, д.195, л.17) - урядник Оренбургского казачьего войска.

Художник-самоучка, он использовался военным ведомством и как рисовальщик. Так, в декабре 1850 г. его командировали на два месяца в Уральск "для снятия видов производства уральцами рыбной ловли на р.Урале во время багрения". (ГАОО, ф.6, оп.11, д. 2218). Двоюродный брат А. Ф. Чернышева, Александр оказал большое воздействие на его первоначальное художественное воспитание. Сохранилось предание, что он писал портрет А.С.Пушкина во время посещения им Оренбурга в 1833.

Т. Шевченко познакомился с Александром Чернышевым в Оренбурге, в 1847. В письме от 2 декабря 1847 г. Алексей Чернышев выражает "глубокое почтение" Александра к поэту ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр.61).

Им, Александром (а не Алексеем) Чернышевым, написано письмо, помещенное на той же странице книги, после упомянутого выше. Доказательство этого имеется в ответах Шевченко на "вопросные пункты" от 1 июля 1850 года, где прямо говорится: "Письмо от 9- го декабря 1847 г. от Чернышева, служащего в Оренбургском казачьем войске урядником, получено мною в крепости Орской..." Подтверждением авторства Александра Чернышева может служить и

упоминание в письме генерала Жуковского, который являлся в то время наказным атаманом Оренбургского казачьего войска. Все это диктует необходимость внести поправки в публикацию названного письма: указать истинного его автора и точную, а не приближенную, дату написания.

Представляет интерес свидетельство А. И. Макшеева об одной художественной работе выполненной совместно Шевченко и Чернышевым: "В кибитке (во время Аральской экспедиции - Л. Б.) жил со мною Т. Г. Шевченко. По утрам он рисовал с меня портрет акварелью, но сходство ему не удалось и потому он его не кончил. Руки и отчасти платье доделал потом казак Чернышев (родной брат известного художника) и в таком виде портрет сохранился у меня". (А. И. Макшеев. "Путешествие по Киргизским степям и Туркестанскому краю", стр.46).

Но лучшим свидетельством добрых отношений Тараса Шевченко и Александра Чернышева является известный рисунок А. Ф. Чернышева, на котором, вместе с Шевченко и польскими ссыльными, изображен и он.

ЧЕРНЫШЕВ, Александр Иванович (1785/86-1857) - военный министр, светлейший князь (с 1849).

В 1808-1812 Чернышев был представителем царя при Наполеоне I. В 1813- 1814 командовал кавалерийским отрядом против французских войск. В 1826 - генерал от кавалерии. Военным министром стал в 1832 и оставался на протяжении двадцати лет, по 1852. В последние годы жизни - председатель Государственного совета (1848-1856). Один из главных виновников поражения русской армии в Крымской войне.

На протяжении солдатчины Т. Шевченко все основные решения в отношении его окончательно принимались военным министром либо при его непосредственном руководящем участии.

ЧЕРТОРОГОВ, Денис Петрович - сотник Уральского казачьего войска, начальник Кос-Аральского форта до июля 1849 г. (ГАОО, ф.6, оп.10, д.6134).

В службу вступил в 1831 г., первый офицерский чин получил в 1843. На его счету была одна военная кампания. Характеризовался как усердный службист, "хороших способностей ума", в науках не

преуспевший, зато и по части нравственности, и по части хозяйств вполне положительный. (РГВИА, ф.405, оп.6, д.7441, л.26 об.-27). Чин есаула получил в июне 1853 г. (Там же, ф.330, оп.3, д.1045).

Черторогов дослужился до чина войскового старшины. Достаточно хорошо характеризует этого человека его поступок, совершенный на склоне лет, в 1862-м. "Сочувствуя благотворительным мерам... в деле распространения просвещения", Черторогов "пожертвовал семь тысяч рублей серебром на вечное содержание процентами с оных одного стипендиата в университете". При этом он оговорил условия: преимущественное право на получение такой стипендии в Петербургском университете должны иметь дети бедных чиновников или нижних чинов Уральского войскового сословия. Стипендия была утверждена. (ГАОО, ф.6, оп.15, д.1276).

К первым дням знакомства Т. Шевченко с Чертороговым относится случай описанный им в повести "Близнецы" (IV, 114), и - подробнее - в Дневнике. "В 1848 году, после трехмесячного плавания по Аральскому морю, возвратились в устье Сырдарьи, где должны был и провести зиму. У форта на острове Кос-Арале, где занимали гарнизон уральские казаки, вышли мы на берег. Уральцы, увидев меня с широкою, как лопата бороною, тотчас смекнули делом, что непременно мученик за веру. Донесли тотчас же своему командиру, есаулу Черторогову. А тот, не будучи дурак, зазвал меня в камыш да бац передо мною на колени. -Благословите, говорит, батюшка, мы, говорит, уже все знаем. - Я тоже, не будучи дурак, смекнул в чем дело, да и хватил самым раскольничьим крестным знаменем. Восхищенный есаул облобызал мою руку и вечером задал нам такую пирушку, какая нам и во сне не грезилась". (V, 71).

В дальнейшем, конечно, все выяснилось. Тесные отношения установились между Чертороговым и Бутаковым, который несколько раз называет его в письмах к родным, как своего приятеля и автора оригинального синонима Европы - "Евдоропея". (РГВИА, ф.4, ед. хр.82). Что же касается близости Шевченко и Бутакова, то она известна.

Кстати, упоминание о "Евдоропее" относится к разговорам-раздумьям о событиях в Европе, которые, судя по письмам, живо интересовали и Черторогова.

ЧЕСНОКОВ, Сергей Владимирович - адъютант 5-го Оренбургского линейного батальона (1850), прапорщик.

Подпись Чеснокова, вместе с подписью майора Мешкова, значится под официальной перепиской между командованием пятого и четвертого батальонов в связи с переводом и возвращением Шевченко, пересылкой его формулярного списка и т.д. (ИЛ, ф.1, д.449, 3 84; ГАОО, ф.6, оп.11, д.1813).

ЧИГИРЬ, Григорий Васильевич - командир 2-го Оренбургского линейного батальона, подполковник.

В "Списке подполковников по старшинству" (СПб, 1848) "Чигирь-2" значится подполковником по армии, получившим этот чин 18 февраля 1847 г., а до того удостоенным орденов Св.Анны 4 степени (1831), Св.Анны 3 степени (1842), знака отличия за 20 лет беспорочной службы (1845). В 1854 г. Чигирь выслужился в полковники. ("Адрес-календарь Оренбургского края на 1854 год", стр.250).

"Независимо битья нижних чинов, подполковник Чигирь несколько не стеснялся и с офицерами..." ("Записки Н.Г.Залесова". "Русская старина", 1903, апрель, стр.63). При всем том, по утверждению мемуариста, этот "дантист" являлся "любимцем дивизионного" и начальства вообще.

По прибытии в Оренбург, 10 июня 1847, Шевченко был доставлен к подполковнику Чигирию, исполнявшему тогда должность командира 1-й бригады и по его приказу рядового препроводили к командиру 5-го линейного батальона, тогда еще капитану, Мешкову, котор ый находился в Оренбурге и дал распоряжения об отправке Шевченко в Орскую крепость. (ИЛ, ф.1, д.451).

Вторая - и "главная" - встреча Шевченко с Чигирем состоялась в июне 1850, когда поэт, арестованный и отправленный в Орскую крепость, находясь на здешней гауптвахте, подвергся особому следствию. Следователем назначили Чигирия. Высокое его положение подчеркивало сугубую важность расследуемого дела. Назначение в качестве следователя командира второго батальона объяснялось еще и тем, что предстояло выяснить вину и подвергнуть "законному взысканию за допущение предосудительных послаблений" командира пятого линейного и "всех ближайших начальников".

Известны "Вопросные пункты, составленные следователем подполковником Чигирем рядовому линейного Оренбургского батальона № 5 Тарасу Шевченко" (с подробными его ответами по каждому пункту) и тогда же составленные "вопросные пункты", обращенные к майору Мешкову, с его, тоже обстоятельными, ответами следователю.

Обращает внимание оскорбительный тон вопросов к Шевченко. Чигирь, как истый службист, не делает никакого различия между известным поэтом и обыкновенным преступником - и не только тем, что обращается к нему на "ты", но и всем характером допроса. Он придирается ко всему. Одним из примеров этого является история с присягой. Унизительная церемония приведения Шевченко к присяге, да еще "за строжайшим караулом", явилась результатом первых же дней следствия. Что касается окончательных его итогов, то они выразились в отправке Шевченко на много лет в "незапертую тюрьму" - на Мангышлак. (ИЛ, ф.1, д.448).

ЧИРЦ, Астафий Васильевич - подпоручик 1-го Оренбургского линейного батальона.

Происходя из дворян Оренбургской губернии, Чирц в 1847 г., восемнадцатилетним, поступил на военную службу - унтер-офицером 6-го линейного батальона (Троицк). "В казенном заведении не воспитывался, знает грамматику, французский язык, арифметику, всеобщую и российскую историю, географию" (из формулярного списка). Произведенный в подпрапорщики, был переведен в батальон № 7 (Златоуст, Миасс). Далее переезжал из гарнизона в гарнизон. Дослужившись до чина подпоручика (1854), стал известен св оим "неуставным" поведением; не раз сидел на гауптвахтах, предавался военным судам в батальонах. За "нерадение к службе, уклонение от оной под предлогом болезни, несправедливое предъявление претензий" (т.е. клевету и оскорбления) судом в Оренбург е был приговорен к аресту, а затем отправлен для несения службы в Новопетровское укрепление (июнь 1856). Тут также его поведение не изменилось, что явствует и из записей шевченковского Дневника.

В публикациях Дневника фамилия этого офицера указывается неточно (Чарц). Между тем "событию", непосредственно связанному с названным лицом, в записях 1857 года уделено несколько страниц. (V, 17, 18, 20, 51, 52, 60).

"Из этой истории можно бы выкроить водевиль, разумеется, водевиль для здешней публики. Назвать его можно "Свадебный подарок, или Недошитая кофта", - иронизировал Шевченко, рассказывая о том, как жених (Чирц), отправляясь в Астрахань за свадебными подарками, взял "у своего будущего тестя, такого же голыша, как и сам, последние крохи с тем, чтобы при получении жалованья возвратить", но оказалось, что почти все жалованье еще ранее было получено им частями и причитается "всего-навсего только два с полтиной". Будущий тесть, узнав об этом, в гневе "хватил своего милого зятя чубуком по лбу, да так хватил ловко, что кровь полилася с благородного чела". Вышел полный разлад. "Раненый герой" поспешил к портнихе забирать подарки, но обнаружил у нее только недошитую кофту, которая тотчас была изъята и без промедления заложена "за две чары

водки". День спустя наступило примирение, однако не надолго - до очередного скандала "гнусного, безобразного пьяницы-жениха".

Записывая это происшествие, Шевченко охарактеризовал его как "не выходящее из круга обыкновенных... в Новопетровском укреплении". "И я в этом омуте, среди этого нравственного безобразия, седьмой год уже кончаю. "Страшно!" - так подытожил он свои мысли о Чирце, затеянной им истории и нравах военной крепости вообще.

В 1858 г. Чирц попросил об увольнении его от службы "по домашним обстоятельствам". Однако отставке помешало то, что "офицер этот в настоящее время состоит под следствием по сильному подозрению в краже денег у состоящего при нем казенного денщика". (РГВИА, ф.395, оп.50, 1-е отд., 3 ст., 1858, д.1119). Подпоручик продолжал свои "подвиги".

ЧИЧЕРИН, Борис Николаевич (1828-1904) - историк русского права, публицист.

Сын богатого тамбовского помещика и откупщика, Чичерин получил блестящее домашнее воспитание, продолженное затем в стенах Московского университета, по окончании которого, в 1857, защитил диссертацию на тему: "Областные учреждения в России в XVIII веке". К этому же времени относится его работа над законченным в 1859 трудом "Опыты по истории русского права". Одновременно Чичерин, умеренный либерал-западник, печатался в журналах - в том числе герценовских "Голосах из России".

Перу Чичерина, ставшего видным ученым в области истории, философии, права, профессором Московского университета, а в 80-е годы московским городским головою, принадлежит ряд мемуарных произведений, содержащих развернутую характеристику Москвы средине XIX века.

Т. Шевченко свел знакомство с Чичериным 24 марта 1858 во время "пира московской учено-литературной знаменитости" по поводу новоселья книжного магазина Н.М. Щепкина. Лестная характеристика, данная перечисленным им участникам обеда, относится и к Чичери ну. (V, 217).

ЧУВАШИ.

Чувацкий этнос формировался в конце первого тысячелетия в лесостепных районах правобережья Волги в результате смешения тюркоязычных волжско-камских болгар с местными финно-угорскими племенами. Одна из народностей Оренбургской губернии, с представителями которой Т. Шевченко познакомился во время службы в Отдельном Оренбургском корпусе, а впоследствии общался в Нижнем Новгороде.

ШАБЛИОВСКИЙ, Евгений Степанович (1906-1983) - литературовед, член-корреспондент АН Украины с 1934, автор многих трудов о Т. Шевченко.

Как уполномоченный Украинского правительства, Шаблювский, тогда директор Института Тараса Шевченко в Харькове, выезжал в Орск, Миасс и другие города на Южном Урале в связи с обнаружением там подборки документов о солдатчине поэта (1935). Подробно об этом - в документальной повести "Шляхами Кобзаря". (Л.Большаков. "Иду до джерела". К., 1979, стр. 57-93).

В поездке участвовал также литературовед и фольклорист Л.Сукачев. Народные сказания о Шевченко, записанные им в Орской крепости, легли в основу его статьи "Легенда про нездоланного Прометея". ("Літературна критика", 1936, кн. 3, стр. 73-82).

ШАЛЕВИЧ, Титус - астраханский знакомый Т. Шевченко.

Один из участников встречи 19 августа 1857 г. Вместе с К.Новицким и П.Радзиевским оставил автограф (ропись) в Дневнике Шевченко. (V, 107). Биографических сведений об этом человеке в распоряжении автора нет.

ШАПОШНИКОВ, Петр Григорьевич - рядовой 54-й военно-рабочей арестантской роты в Оренбурге.

Содержатель табачной лавки в Москве, он (родился в 1821 г.) был привлечен к ответственности по делу Петрашевского, как агитатор "против религии и правительства", за введение в России республиканского правления. (В.Р.Лейкина-Свирская - "Петрашевцы" , стр. 101-102).

В 1855 Шапошников перевели во 2-й Оренбургский батальон, из которого год спустя, в конце 1856, он был уволен со службы с разрешением возвратиться в Москву, где сразу же оказался под строгим секретным надзором. В предписании властей (ГАОО, ф.6, оп.6, 13486) Шапошников предупреждался, "чтобы он вел себя в Москве как можно осторожнее и не входил в сношения с лицами, не пользующимися доверием правительства и что в противном случае он подвергнет себя самой строгой ответственности".

Документальных свидетельств о знакомстве Т. Шевченко с Шапошниковым нет. Оно могло состояться в Оренбурге в 1849-1850. В пользу этого говорит не только факт довольно длительного их проживания в одном городе, но также то, во-первых, что о Шапошникове Шевченко мог еще ранее узнать от А. И. Макшеева, тоже оказавшегося в это время в Оренбурге, и, во-вторых, наличие среди сослуживцев петрашевца ряда его знакомых.

ШАУББЕ, Анхен - гувернантка в семье Брылкиных.

"Очень милая молодая немочка, резвая, наивная, настоящий мальчик в юбке", - так характеризует ее Т. Шевченко. Портрет Анхен он нарисовал в один из первых дней пребывания в Нижнем Новгороде, 28 сентября. Несколько дней спустя, 6 октября, он был с нею в театре, о чем также оставил запись в Дневнике. (V, 141, 148).

Судьба А.Шауббе и ее портрета неизвестна.

ШАХОВСКАЯ, Марфа Михайловна (1799-1885) - жена нижегородского губернатора А.Н.Муравьева. Сестра Марфы Михайловны - княжна Прасковья Михайловна Шаховская - последовала за Муравьевым в Сибирь. Она умерла в Вятке , в 1835 г. Через несколько лет после смерти жены Муравьев вступил в брак со свояченицей. Детей от этого брака не было.

Т. Шевченко назвал "старушку Шаховскую" в записи о своем посещении губернаторского дома 12 января 1858. (V, 186). Другие, вполне возможные, встречи отражения в Дневнике не нашли.

ШЕВЫРЕВ, Степан Петрович (1806-1864) - профессор Московского университета, поэт, критик и публицист.

Выходец из среднепоместной дворянской семьи, Шевырев получил образование в Благородном пансионе при Московском университете. По окончании курса обучения стал служить в Московском архиве министерства иностранных дел. Здесь он сблизился с членами Общества Любомудров и стал его активным участником. Одно из стихотворений Шевырева, написанных в 20-е гг., отмечал Пушкин. После поездки в Италию, где он занимался научными изысканиями, Шевырев поступил адъюнктом на кафедру русской словесности Московского университета, а в 1835 получил здесь звание профессора. В 40-е гг. окончательно перешел на позиции официальной народности, защиты православия и самодержавия.

Т. Шевченко познакомился с Шевыревым на обеде у М. А. Максимовича 25 марта 1858 в Москве. Отметив факт знакомства в своем Дневнике, поэт записал, что Шевырев "несмотря на седенькую свою благопристойную физиономию, почтения к себе не внушает. Сладкий до тошноты старичок". (V, 218). Такая характеристика была вызвана, конечно, не только первыми личными впечатлениями, но и знанием того, какую направленность носила литературно-общественная деятельность этого человека.

ШЕВЧЕНКО, Захарий Елистратович - рядовой 2-го Оренбургского линейного батальона.

Однофамилец поэта, он служил в Оренбурге одновременно с Тарасом Шевченко. Еще одним однофамильцем в том же городе являлся Яков Шевченко - канонир 17-й конно-артиллерийской батареи. (ГАОО, ф. 173, оп. 11, д. 176).

Сведений о знакомстве с ними Т. Шевченко нет.

ШЕЙД, Яков Богданович - аптекарь Оренбургского военного госпиталя, надворный советник.

Происходил "из иностранцев, присягнувших на верноподданство России". Вольнослушатель Виленского университета, он еще в 1816 был произведен в аптекарские гезеля (гезель - по Далю - "помощник или ученик в аптеке"), а по окончании Московского университета (1822) получил звание провизора первого отделения. Служил в Москве, Кишиневе, Бухаресте. С 1837 - в Оренбургском военном госпитале, управляющим аптекою. Лютеранин Шейд был женат на австрийской подданной Вероне Барак, детей у них не было. (ГАОО, ф.6, оп.6, д.12636/8, лл.29-34).

Имя Я.Б.Шейд (Шейде ?) внесено в нашу энциклопедию в связи с близостью Т. Шевченко к оренбургским медикам, а также реальной возможностью его встреч с супругами Шейд у М.И.Цейзика, П.А.Майделя и других.

ШКУПЬ, Владислав Адамович (1799-1863) - командир роты 4-го Оренбургского линейного батальона, капитан.

Богатой событиями была жизнь этого человека.

Родился он в Подляском воеводстве. В юности получил широкое образование: кроме родного польского, владел французским, немецким, русским, изучил многие науки. В 1830-1831 гг. Шкупь принял участие в восстании. Взятый в плен, молодой поляк поступил "в российскую службу".

Однако год спустя, в 1833-м, являясь унтер-офицером Отдельного Оренбургского корпуса, оказался под следствием как один из участников "злонамеренного заговора" поляков в Оренбурге. По этому громкому, долго тянувшемуся делу при влекались такие деятели, как Зан, Виткевич и другие. Шкупь сидел в каземате, был взят под особый надзор. (ГАОО, ф.6, оп.18, д.94). Впоследствии, находясь в дальних батальонах, сумел выслужиться. К пятидесяти годам Шкупь стал капитаном. Умер в чине полковника и в должности командира 1-го Оренбургского казачьего батальона. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.188).

По словам Э.Нудатова, Шкупь являлся одним из знакомых Шевченко в Раимском укреплении. Художник рисовал портрет офицера. Как и многие другие портреты того времени, написанные с целью заработка, "по червонцу за каждый", этот также остается неизвестным.

Вместе со Шкупом Э.Нудатов упоминает и ряд других имен армейских офицеров, служивших в Раиме: "Ковальский - начальник артиллерии, Васильев - инженер, Салецкий - штаб-офицер... Богданович - субалтерн". Из названных людей Шевченко не мог знать Карла Яковлевича Ковальского, прапорщика, который умер в апреле 1848. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.108). Между тем это также был один из представителей повстанцев 1830-1831. Как и Шкупь, он проходил по делу о заговоре 1833 г.

ШЛИТТЕР, Иван Иванович - адъютант и казначей 1-го Оренбургского линейного батальона, подпоручик.

Из дворян Московской губернии, воспитанник Петербургского кадетского корпуса. В службу вступил прапорщиком. С 1849 г. - в оренбургских линейных батальонах: втором, а затем первом, где служил на офицерских должностях много лет. (Гос.Архив Казахстан а, ф.25, оп.5, д.220).

За годы нахождения Т. Шевченко в Новопетровском укреплении Шлиттер бывал в нем не раз; не исключена и длительная его служба там. Подпись подпоручика значится под формулярным списком о службе Шевченко, составленным 24 февраля 1854 г. ("Тарас Шевченко. Документи та матеріали", стр.263-264).

ШМИТГОФ, Карл - артист и музыкант, родоначальник актерской семьи.

К.Шмитгоф родился в Германии. Пел в Берлинской опере. В 30-е гг. приехал с немецкой труппой в Россию. Оставшись здесь, возглавлял труппы, главным образом оперные, дававшие спектакли на русском и польском языках в Вильно, Гродно, Киеве, Харькове. В 50-е гг. служил в Нижегородском театре, управляя оркестром и изредка исполняя оперные партии.

Косвенными отзывами Т. Шевченко о К.Шмитгофе являются его похвалы театральному оркестру, который "прекрасно" исполнял музыку из "Дон Жуана" Моцарта, а также другие оркестровые произведения. (V, 145, 148, 151). Впрочем, иногда Шевченко оставался игрой оркестра недоволен. (V, 157).

О личном знакомстве его с К.Шмитгофом сведений нет. Однако представляется оно вполне вероятным, в частности - на посещавшихся поэтом музыкальных вечерах.

ШМИТГОФ, Люция (Люция) Карловна - актриса.

Родилась в 1830 г. По окончании балетного отделения Московской театральной школы поступила (1850) танцовщицей на провинциальную сцену. До Нижнего Новгорода играла в Казани, исполняя роли в водевилях, комедиях и драмах. Успехом у зрителей пользовались созданные ею образы девушек из народа.

Т. Шевченко не только видел артистку на сцене, но и был знаком с нею лично. (V, 209).

ШМИТГОФ, Максимилиан Карлович - артист.

Начав актерскую деятельность в 1850 г. в Калуге, он затем выступал на многих провинциальных сценах - преимущественно в амплуа простаков и комиков. Одновременно, являясь хорошим музыкантом, играл в оркестре на скрипке и дирижировал оркестром.

Многие театральные деятели прошлого отмечали разностороннюю одаренность Шмитгофа. "Он был замечательный музыкант и полезный артист. 17-ти лет от роду он дирижировал балетною труппою своего отца", - вспоминал о нем Л.Н.Самсонов. Любопытен такой факт, приведенный им же: Шмитгоф, "хорошо зная малороссийские мотивы", взялся писать оперу "Тарас Бульба", так и оставшуюся недописанной. (Л.Н.Самсонов. "Пережитое". СПб, 1880, стр.116-118).

В Нижегородский театр он поступил уже после отъезда Шевченко из этого города, однако поэт имел возможность с ним познакомиться во время приезда артиста к отцу и сестрам. Это позволило ему характеризовать Шмитгофа как "молодого, весьма талантливое скр ипача и сценического артиста". (V, 209).

Год спустя М.К.Шмитгоф женился на актрисе Пиуновой, которой некоторое время увлекался Т. Шевченко.

Сыновья Шмитгофа и Пиуновой продолжали актерские традиции семьи.

ШМИТГОФ, Эвелина Карловна (1828-1860) - актриса.

Свою артистическую деятельность начала в Брест-Литовске, в труппе своего отца, Карла Шмитгофа, где выступала в комедиях, водевилях, опереттах. Играла в Харькове, Киеве и других городах. В 1852 поступила на московскую оперную сцену, но в 1855, по сле пожара в Большом театре, снова вернулась в провинцию. Ее диапазон был достаточно велик: от ролей с пением в легких водевилях до трагедийных образов (Луиза в "Коварстве и любви").

Живые впечатления об игре Эвелины Шмитгоф и о ней самой оставил историк и краевед А.С.Гациский, отмечавший, что она привлекала зрителей не только своим хорошим голосом и естественной игрой, но и "своей благородной скромностью, а потом - своим браком с одним помещиком Минской губернии, побегом от брачных уз и вообще своей романтической, нисколько не пошлой судьбой..." ("Нижегородский театр", Н.Н., 1867, стр.33-37). Актриса умерла в возрасте тридцати двух лет от туберкулеза.

Т. Шевченко не раз видел Э.Шмитгоф на сцене Нижегородского театра, однако отзыв оставил только об одном спектакле с ее участием ("Дочь второго полка" Доницетти), в котором актриса ему не понравилась. (V, 190). Окрестив ее здесь "старухой", Шевченко, думается, имел ввиду лишь старшинство Эвелины Карловны по отношению к сестре своей, тоже артистке театра.

Личное знакомство с Э.К.Шмитгоф подтверждается записью его о встрече с Шмитгофами у Н.Е.Вильде, перед отъездом из Нижнего Новгорода. (V, 209).

ШРЕЙБЕР, Иван Петрович - командир 2-й бригады 23-й пехотной дивизии, генерал-майор.

53-летний генерал в 1848 году был назначен "для начальствования над отрядами и транспортами в степи" во время похода к Аральскому морю.

Вся жизнь старого вояки-бобыля, от самой ранней его юности, посвящалась выполнению воинского долга, службе в войсках на пользу отечеству.

Происходя из дворян Казанской губернии (ни у отца, ни у матери поместий не было, в общей сложности за ними числилось десять крепостных душ), Иван Шрейбер поступил в первый кадетский корпус, из которого вышел прапорщиком (1812). Тогда же отправился на театр военных действий и участвовал в сражениях под Смоленском, на Бородинском поле, при селении Чирикове и в других местах. Участие в Отечественной войне, отличия в ней ускорили продвижение молодого офицера по лестнице чинов: уже в конце 1812-го он подпоручик, в 1815 - поручик, в 1818 - штабс-капитан. Все это время мирная служба перемежалась с боевыми операциями; в послужном его списке значились Тарутино и Малый Ярославец, Варшавское герцогство, Пруссия, Лейпциг (с тяжелым ранением в левую ногу), Франция. Из Одесского пехотного полка его назначили адъютантом к командующему бригадой - частью не из "спокойных". 1819 - капитан, 1821 - майор, 1824 - подполковник с назначением командиром батальона, 1830 - "за отличия по службе" - Шрейбер уже полковник и командир егерского полка, участвовавшего в польской кампании 1831 года. Опять же за отличие по службе его производят в генерал-майоры и командующие второй бригадой 23-й пехотной дивизии Отдельного Оренбургского корпуса. Это произошло в 1838-м. Последние десять лет командовал бригадой, штаб которой находился в Екатеринбурге.

Что еще сказано о Шрейбере в том же формулярном списке 1848 года? Во-первых, что он был "за всю службу только раз в домовом отпуску" и произошло это в 1833. Во-вторых, о его знаниях: "русский, французский и немецкий языки, арифметику, геометрию, тригонометрию полевую и долговременную, фортификацию, артиллерию, физику, сетуацию (т.е. ситуационную съемку), географию, статистику знает и рисовать умеет". (РГВИА, ф.16192, оп.1, д.103, лл.66-75).

Об отношениях, сложившихся между ним и Шевченко, мы знаем, главным образом, по книге А. И. Макшеева "Путешествие по Киргизским степям и Туркестанскому краю". Не отмечая, собственно, каких-либо других отношений, кроме принятых между генералом и рядовым, Макшеев в то же время дает понять, что Шрейбер знал о Шевченко-художнике и с явной заинтересованностью относился к его искусству.

"На другой день после нашего выступления (12 мая 1848 г. - Л. Б.) мы видели вдали пал, то-есть огонь, пущенный киргизами по степи, чтобы сжечь старый ковыль и дать возможность беспрепятственно расти свежему, и долго любовались, как отдельные сначала огоньки постепенно сливались в непрерывные нити, сопровождаемые сильным заревом. По желанию генерала Шрейбера, Шевченко нарисовал акварелью эту импровизированную иллюминацию и подарил ему свой рисунок". (стр.29).

Акварель сохранилась. (Том восьмой, лист 141 - карандашный набросок, лист 2 - окончательный вариант, акварель).

Не без ведома Шрейбера, следовавшего вместе с тележным транспортом, в котором находился Шевченко, был выполнен им и ряд других рисунков, акварелей этого цикла (в том же томе - листы 3-18, 138-140, 142-148). Они запечатлели различные этапы сухопутного перехода от Орской крепости до Раимского укрепления.

Следует обратить внимание на неточность, которая, на наш взгляд, допускается исследователями живописного наследия Шевченко. Под акварелью, выполненной по желанию генерала Шрейбера и ему впоследствии подаренной, стоит дата: "12.V.1848". Совершенно очевидно, что такая работа, изумляющая своей законченностью, не могла быть создана в течении небольшого привала. 12 мая был сделан карандашный набросок, окончательная же отделка наверняка потребовала более продолжительного времени. Таким образом, 12 мая - лишь начальная дата работы над акварелью, завершение же ее, как можно предполагать, состоялось позднее, скорее всего в Раиме.

Это замечание относится и к датировке ряда других работ того периода. Творческая лаборатория художника Шевченко нуждается в дальнейшем доскональном изучении.

"Начальник транспорта" упоминается в повести "Близнецы". (IV, 110).

ШРЕЙДЕРС, Константин Антонович - секретарь Нижегородской казенной палаты, коллежский секретарь; одновременно - секретарь губернского благотворительного комитета.

Шрейдерс учился в Киевском университете (курса обучения не закончил). По протекции старшего брата, Александра Антоновича (в 1857 г. - статского советника, неперменного члена Приказа общественного призрения), начал карьеру чиновника и довольно быстро продвигался по служебной лестнице. Не чуждался он и предпринимательской деятельности: являлся акционером пароходного общества "Русалка", а затем - общества "Меркурий".

Знакомство Т. Шевченко с Шрейдерсом произошло сразу по приезде поэта в Нижний Новгород. 8 октября 1857 он в своем Дневнике записал: "...зашел к моему поставщику чтения, к милейшему Константину Антоновичу Шрейдерсу, бывшему студенту Киевского университета и в некотором роде земляку моему". (V, 149). Располагавший обширными связями, Шрейдерс сообщил ему о прибытии касающейся Шевченко "бумаги на имя здешнего военного губернатора". (V, 155). В доме чиновника он встречался с различными "хорошими людьми" (V, 158, 168), а в начале января 1858 поселился. (V, 185). Еще в ноябре договорившись о рисовании портрета Шрейдерса и вскоре начав сеансы, Шевченко 10 января записал: "Нарисовал портрет Шрейдерса, и довольно удачно". (V, 167, 171, 185). Портрет известен. (X, л.19).

В январе 1858 Шрейдерс выезжал в Петербург. "Рекомендую тобі одного из нижегородских друзей моих Константина Антоновича Шрейдерса, - писал Шевченко М. Лазаревскому. - Привітай його во имя дружбы нашей!" (VI, 196). С этой поездкой поэт связывал некоторые свои литературные планы. Отсутствовал его приятель с 21 января по 19 февраля. "В шесть часов утра (19-го - Л. Б.) приехал Шрейдерс из Петербурга, привез мне письмо от Лазаревского, песни Беранже-Курочкина и четыре экземпляра моего портрета, фотографированного с моего же рисунка". (V, 203). Об этой поездке есть упоминания и в письмах. (VI, 197, 207, 208, 212). Следует, наконец, отметить, что "праздник" по случаю дня рождения Т. Шевченко и скорого его отъезда 25 февраля "совершился в квартире добрейшего К. Шрейдерса". (V, 206).

Скупые сведения, почерпнутые из дневниковых записей и переписки, дополнил сам Шрейдерс, на рассказах которого построена статья Г. П. Демьянова "Т. Г. Шевченко в Нижнем Новгороде (1857-1858)", опубликованная в журнале "Исторический вестник", 1893, № 5. Несмотря на тенденциозность автора и рассказчика в изложении отдельных фактов, на неточности и даже ошибки в некоторых местах, эта статья может быть признана одним из самых ценных источников для характеристики нижегородских месяцев жизни поэта Украины.

Из рассказов К. А. Шрейдерса явствует, что у него оставались оригиналы стихотворений, написанных Шевченко в Нижнем Новгороде. Часть из них была переслана в Петербург Лазаревскому. Не может не заинтересовать исследователя такое место: "... между прочим, в этих стихотворениях проскальзывает кое-где имя К. А. -ча, который видимо оставался для Шевченки предметом дорогих воспоминаний". О чем здесь речь - неизвестно. Возможно, о посвящении Шрейдерсу отдельных произведений.

Т. Г. Шевченко
Портрет К. А. Шрейдерса
1858

На завороте внизу надпись:
"Константин Антонович Шрейдерс -
3 февраля 1894 г. в Н.-Новгороде"

ШУЛЬЦ, Александр Карлович - техник экспедиции по изучению Каспийского рыболовства, возглавлявшейся академиком К.М.Бэрром.

Образование Шульц получил в Дерптском университете, где учился с 1843 по 1847 гг., изучая сначала медицину, а затем сельское хозяйство. Окончив университет со степенью "кандидата экономии", служил чиновником Псковской податной комиссии. В 1851-1852 участвовал в экспедиции Бэра на Чудское озеро. По окончании Каспийской экспедиции еще десять лет продолжал исследования по рыболовству, после чего стал начальником Астраханского управления рыболовством. (М.Соловьев. "Бэр на Каспии", с тр. 19).

В Новопетровское укрепление А.К.Шульц прибыл, вместе с другими участниками экспедиции, 21 сентября 1853. Знакомство Шевченко с ним и его коллегами произошло, если не в тот, то в один из ближайших последующих дней. Шульц приезжал на Мангышлак и в 1854-м.

Упоминаний о встречах с ним в литературном или эпистолярном наследии Шевченко нет, однако факт их знакомства сомнений не вызывает.

ШУЛЬЦ, Лев Петрович - штабс-капитан отделения Генерального штаба при Отдельном Оренбургском корпусе.

В 1846 году Шульц, "обозревая местность Раимского укрепления, дал о ней совершенно неточное понятие правительству, уверяя об изобилиях пахотных и луговых мест, которых, однако ж, на самом деле, в таком значительном количестве... вовсе не имеется". (Из доклада Е.М.Матвеева; ГАОО, ф.6, оп.6, д.12734).

"Лео фон Шульц" - так иронически именовал его А. И. Бутаков, характеризуя как хвастуна, тупицу, верхогляда. (ИЛ, ф.1, д.284).

О том же, но с деталями, писал А. И. Макшеев: "Шульц принял на Сырдарье камыш за траву и в своем донесении написал, что около урочища Раим, в 60 верстах выше устья реки, можно накашивать до миллиона пудов душистого сена". Сведения Шульца послужили основанием для закладки здесь укрепления. Но, прибыв год спустя на место нового форта военный губернатор В.А.Обручев "мог только произнести: "так вот Раим!" Выезжая, он - "для успокоения своей совести... оставил Шульца в Раиме отыскивать траву". Тот ее не нашел и "упорно настаивал, что трава обратилась в камыш вследствие сильного разлива Сыра". ("Путешествие по Киргизским степям и Туркестанскому краю", стр.9-10).

Несмотря на всю свою ограниченность, еще более раскрытую Макшеевым на последующих страницах названной книги (стр.76-79), Шульц сделал быструю военную карьеру. Как с удивлением писал Н.Г.Залесов, впоследствии "за отъездом Дандевилля обер-квартирмейстером остался полумумный полковник Шульц". ("Русская старина", 1903, июль, стр.27). Дослужился он и до чина генерал-майора.

Мы уделяем здесь так много внимания Л.П.Шульцу в связи с тем, что считаем нужным подчеркнуть: во время своего участия в Аральской экспедиции Шевченко воочию увидел и настоящих энтузиастов, олицетворением которых были А. И. Бутаков и Е.М.Матвеев, и бездарных, неумных карьеристов вроде пресловутого Шульца.

Будучи в добрых отношениях с Бутаковым, Матвеевым, Макшеевым и другими, Шевченко, конечно, многое слышал от них о никчемных прожектах сего штабс-капитана. Не мог он не встречать и его самого (в Раиме Шульц находился до октября 1848). Единственно опубликованное письмо Шевченко к Макшееву является припиской к письму раимского лекаря А.М.Лаврова, в котором есть и такие строки: "Что вам сказать о Раиме?.. Он, кажется, неизменяем, и едва ли еще скоро наступит

то время, когда он будет нравиться я всем и каждому так, как Л.П.Ш!" ("Т. Г. Шевченко в епістолярії", стр.16). Своей припиской поэт как бы скрепил письмо Лаврова и собственной подписью.

Нелишне сказать, что в повести "Близнецы", в своих стихах и рисунках Шевченко дал реальную (не по Шульцу!) картину степного приаральского края, без преувеличения или приуменьшения как богатств его, так и бед.

ШУМАХЕР, Петр Васильевич (1817-1891) - русский поэт-сатирик.

Знакомство Т. Шевченко с Шумахером относится к 40-м годам XIX в. и произошло, очевидно, на одном из литературных вечеров в Петербурге. После длительного перерыва они встретились в Нижнем Новгороде. 6 февраля 1858 г., в доме М. А. Дороховой (знакомой Шумахеру, скорее всего, еще по Сибири), Петр Васильевич показал Шевченко четыре выпуска "Колокола" Герцена и Огарева. Он увидел тогда это издание впервые и был глубоко взволнован. (V, 196).

ШУМСКИЙ (настоящая фамилия Чесноков), Сергей Васильевич (1821-1878) - актер Малого театра.

В 1841 г. Шумский окончил Московское театральное училище и был принят в труппу Малого театра, где с небольшим перерывом (в 1848-50 гг.) служил до самой смерти. Один из замечательных учеников М. С. Щепкина, он стал прекрасным исполнителем ролей Хлестако ва, Счастливецва, Чацкого, Плюшкина, Кречинского, Скапена, Франца Моора и других.

Т. Шевченко познакомился с Шумским в Москве. 24 марта 1858 Шевченко и Щепкин заезжали к нему домой, где "вкусили священной пасхи". (V, 217).

ЩЕПКИН, Михаил Семенович (1788-1863) - великий русский артист.

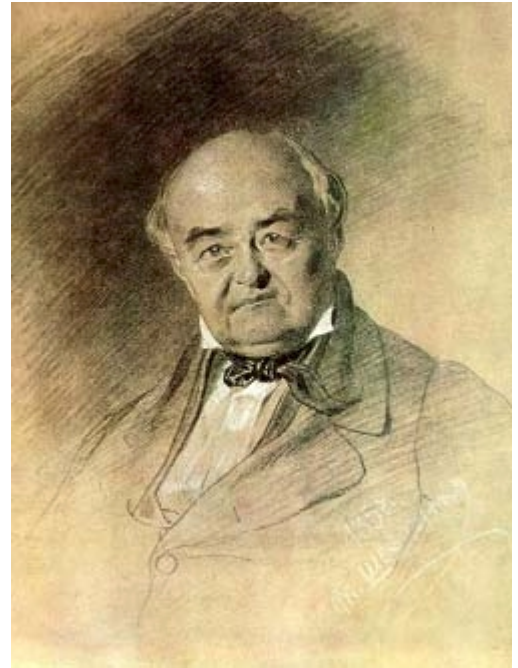
Жизни и творчеству Щепкина посвящены обширные статьи в энциклопедиях; каждую из них сопровождают списки литературы о гениальном актере. Это исключает необходимость повторения здесь обстоятельств насыщенной событиями биографии родоначальника реалистического театрального искусства в России, замечательного представителя демократической интеллигенции.

Шевченко и Щепкин знали друг о друге задолго до личного знакомства, которое произошло, повидимому, в 1844 г. в Москве, когда автор "Кобзаря" направлялся с Украины в Петербург. Посвященное Щепкину стихотворение "Заворожи мені, волхве", написанное 13 декабря 1844, свидетельствует о том, что уже тогда между ними установилась сердечная близость. Встречались они и в следующем году. Много лет спустя, еще находясь в Новопетровском укреплении, поэт увидел артиста во сне - "таким же свежим и бодрым, как видел я его в последний раз в 1845 году". (V, 49). "Чи старий Щепкін ще живий? От щира козацька душа! І молода, як у дитини" - писал он с Мангышлака Кухаренко. (VI, 154).

Получив освобождение, Шевченко мечтал поскорее увидеть Щепкина. Однако въезд в столицы для него оказался закрытым. В письме, посланном 12 ноября 1857 из Нижнего Новгорода, он предложил старому другу найти возможность встретиться в каком-нибудь хуторе или селе близ Москвы. (VI, 181). Щепкин понял чувства, переполнявшие сердце Шевченко и написал, что намерен приехать в Нижний сам. Вскоре 70-летний артист действительно отправился - на перекладных, в мороз и метели - за четыреста верст, в город на Волге, где с великим нетерпением ждал встречи почитаемый и любимый им Тарас. В ожидании друга он писал своих "Неофітів", причем писал с необычным творческим подъемом. "Хорошо, если бы не обманул меня Щепкин, я ему посвящаю это произведение, и мне бы ужасно хотелось ему прочесть и услышать его верные дружеские замечания". (V, 172).

Наконец, 24 декабря в Дневнике появляется запись: "Праздникам праздник и торжество есть из торжеств! В три часа ночи приехал Михайло Семенович Щепкин". (V, 180).

"Шесть дней, шесть дней полной, радостно-торжественной жизни! И чем я заплачу тебе, мой старейший, мой единственный друг? Чем я заплачу тебе за это счастье?..", - делится поэт с Дневником 29 декабря, уже проводив Щепкина. (V, 180).

Т. Г. Шевченко
Портрет М. С. Щепкина
1858

Т. Г. Шевченко
Автопортрет
1857

На портрете внизу авторская дата и монограмма художника: "1857. III." Под изображением дарственная надпись: "Михаилу Семеновичу Щепкину, на память 24 декабря 1857 года от Тараса Шевченко"

А на следующий день продолжает: "Я все еще не могу прийти в нормальное состояние от волшебного, очаровательного видения. У меня все еще стоят перед глазами городничий, Матрос, Михайло Чупрун и Любим Торцов. Но ярче и лучезарнее великого артиста стоит великий человек..." (V, 180).

Об этих шести днях можно писать повесть. Но ранее необходимо тщательно порыться во всевозможных архивах, чтобы собрать рассеянные в различных фондах, в служебной и личной переписке драгоценные крупы фактов, воссоздающих во всей полноте красоту и величие встречи двух гигантов. Между тем не учтены пока шевченковедом даже некоторые опубликованные в книгах о Щепкине сведения, непосредственно относящиеся не только к артисту, но и к поэту. Например, такое - из письма к домочадцам, посланного в 1863 из Нижнего Новгорода. Сообщая о том, что он жил у Н. А. Брылкина, Щепкин вспоминает: "...я когда-то у него крестил, когда приезжал к Шевченко..." ("Михаил Семенович Щепкин. Записки. Письма. Современники о М. С. Щепкине". М., 1952, стр.271). Такой факт не может не быть включен в "Летопись жизни и творчества Т. Шевченко": на крестинах, без сомнения, присутствовал и он.

С отъездом Щепкина Шевченко мечтает об их новых встречах. Между друзьями не затухает переписка. (Она опубликована и доступна прочтению). Оба мечтают о свидании в Москве.

Оно состоялось в марте 1858. В гостеприимном доме Щепкиных нашел Шевченко приют и ласку. Артист стал его "неразлучным спутником и чичероне" на протяжении всех московских дней долгожданного гостя. Он сопровождал поэта в поездках и прогулках, в каждом визите к друзьям и знакомым, старался, чтобы тот увидел и узнал побольше людей из прогрессивной интеллигенции. Каждая страница Дневника этих двух с лишним недель содержит упоминания о Щепкине: "...за всю эту полную радость обязан я моему знаменитому другу..." (V, 217).

Последняя их встреча состоялась в мае 1858 в Петербурге.

Щепкин пережил Шевченко на два года. До последнего вздоха он был верен памяти друга. Ему обязаны мы тем, что уже в 1861 году в журнале "Основа" появились четыре шевченковских письма, адресованных артисту.

На протяжении многих лет дружба эта несла в себе глубокую идейную, творческую, человеческую близость гения поэзии и гения сцены.

ЩЕПКИН, Николай Михайлович (1820-1886) - сын М. С. Щепкина.

Получил образование в стенах Московского университета, Щепкин - кандидат университета - посвятил себя общественной деятельности, к которой приобщился с юности.

Главным делом жизни Николая Михайловича на долгие годы стала пропаганда книги, нужной народу. С культурно-просветительной целью вступил он на путь книгоиздательства, книжной торговли. Вместе с купцом-меценатом К.Т.Солдатенковым Щепкин основал издательство,

выпустившее сочинения Н.А.Некрасова, Н.П.Огарева, А.В.Кольцова, А.И.Полежаева, первое собрание произведений В.Г.Белинского.

Своей издательской работой он во многом содействовал Е.И.Якушкину в деле организации материальной помощи декабристам и их семьям.

Прогрессивным изданием являлись выходившие при активном участии Щепкина "Библиографические записки"; журнал систематически подвергался цензурным преследованиям.

Книжная лавка, владельцем которой Щепкин являлся, также не без оснований вызывала подозрение властей. Здесь находился один из центров распространения потаенных изданий Герцена и Огарева в России. Летом 1857 он ездил с женой к Герцену; в гостях у него о супруги пробыли почти неделю. Эта поездка способствовала еще большему укреплению их связей - личных и деловых.

Впоследствии Н.М. Щепкин деятельно участвовал в московском городском самоуправлении, был мировым судьей.

Т. Шевченко познакомился с сыном своего великого друга-артиста сразу по приезде в Москву, в марте 1858. Он не раз посещал его книжный магазин (здание не сохранилось; нынешний адрес - Мясницкая, 11). 24 марта здесь был устроен "пир московской уче но-литературной знаменитости", во время которого поэт встретился со многими передовыми представителями общественной мысли. Это доставило ему "полную радость". (V, 213-217). Нелишне отметить, что почти в то же время состоялось знакомство Н.М. Щепкина и Н. Г.Чернышевского, который упомянул книжную лавку в "Современнике", назвав ее "предприятием в самом деле честным и полезным".

ЩЕПКИН, Петр Михайлович (1821-1877) - сын М. С. Щепкина.

По получении в Московском университете юридического образования, П.Щепкин занимался практической деятельностью юриста, изредка выступая в печати со статьями по своей специальности.

Еще в период студенчества он приобщился к кружкам передовой молодежи, что, безусловно, наложило отпечаток на весь образ его мыслей.

В марте 1858 Шевченко не раз встречался с П.Щепкиным. "Петр Михайлович, старший сын моего великого друга, подарил мне два экземпляра - фотографические портреты апостола Александра Ивановича Герцена". (V, 212). В цитированной записи допущена ошибка: Петр Михайлович был не старшим, а третьим сыном Щепкиных. После смерти Дмитрием старшим оставался Николай Михайлович.

ЩЕПКИНА, Александра Владимировна, урожденная Станкевич - жена Н.М. Щепкина, сестра руководителя известного философско-литературного кружка Н.В.Станкевича.

Александра Владимировна занималась журналистикой, писала беллетристические произведения, оставила интересные мемуары (в том числе "М. С. Щепкин в семье и на сцене" - последняя публикация в книге "Михаил Семенович Щепкин", М., 1952, стр.309-331).

Находясь в Москве, Т. Шевченко общался со всеми членами семьи Щепкиных, бывал у Станкевичей, и уже это дает основания отнести А.В.Щепкину к числу московских знакомых поэта.

ЩЕПКИНА, Елена Дмитриевна (1789-1859) - жена М. С. Щепкина.

Родом турчанка, она в 1791 году, во время взятия Анапы, была найдена среди развалин русскими солдатами, которые взяли ее с собою. Так девочка попала к генералу Чаликову - начальнику отряда,

занявшего Анапу. Детские и отроческие годы Елены Дмитриевны прошли в семье княгини Саликовой, где она жила на положении "экзотической сиротки".

Когда девушка полюбила крепостного Щепкина и объявила княгине о своем желании выйти за него замуж, ее долго отговаривали, пугая тем, что ей, как жене "господского человека", грозят бесправие и нищета. Однако та настояла на своем. Жили они в дружбе и согласии, их семейная жизнь была счастливой, несмотря на многие испытания, которые довелось выдержать.

В пятидесятые годы Щепкину, человека уже пожилого, особенно мучили болезни, но она по-прежнему была в курсе интересов мужа и детей, заботилась о каждом, вела деятельный образ жизни.

Т. Шевченко в записях Дневника Е.Д.Щепкину не упоминает, но каждое слово, характеризующее гостеприимство Михаила Семеновича и хлебосольство его дома, относится, в равной мере, к хозяйке. Он вспоминал Елену Дмитриевну, передавая ей в письмах из Петербурга сердечные приветы. (VI, 222, 225).

В письмах 1858, адресованных Шевченко, Щепкин писал другу о болезни жены. ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр.150, 152). Ей уже и не суждено было поправиться: она умерла в следующем году.

ЭГГЕРТ, Анна Богдановна - жена оренбургского чиновника Ф.К.Эггерта.

Знакомая Т. Шевченко в Оренбурге (1849-1850), она вошла в Дневник 1857 г. как человек, принесший изгнаннику добрую весть о свободе. Дневниковая запись от 29 июня 1857 такова: "Мадам Эйгерт от 15 мая из Оренбурга поздравляет меня с свободой". (V, 37).

Указание комментаторов на то, что мадам Эйгерт - это жена прежнего ветеринарного врача в Новопетровском, которая, вместе с вышедшим в отставку мужем, выехала в 1852 г. в Оренбург (V, 288), не представляется обоснованным уже потому, что к 15 мая об освобождении Шевченко могли знать только немногие должностные лица в канцелярии Оренбургского генерал-губернатора. Заметим, что ветеринарный врач Ф.Д.Эггерт в отставку тогда не вышел, а продолжал свою службу - но не в Оренбурге, а в степных укрепленьях.

ЭГГЕРТ, Фридрих Карлович - чиновник канцелярии Оренбургского губернатора.

Один из старожилов Оренбурга, питомец Дерптского университета, кандидат философии, он был близок к К.И.Герну, вместе с которым служил в местном училище земледелия, а далее - в канцелярии губернатора; в 1857 - чиновник особых поручений при Оренбургском и Самарском генерал-губернаторе. (ГАОО, ф.6, оп.5, д.11615, лл.139-140).

Знакомство Т. Шевченко с Ф.К. и А.Б.Эггертами было predetermined всем кругом общения и этой пары, и поэта-изгнанника во время "оренбургской зимы".

ЭГГЕРТ, Фауст Данилович - ветеринарный врач Новопетровского укрепления.

Служил он здесь с 1848 по 1853 гг. В бытность свою на Мангышлаке Эггерт и его жена, Екатерина Николаевна, входили в круг близких знакомых коменданта И. А. Ускова, о чем свидетельствует уже тот факт, что Усков являлся восприемником их сына Иосифа, родившегося 30 июля 1853. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.234-а).

Шевченко в это время бывал в доме Усковых часто, здесь и могло произойти его знакомство с семьей Эггертов. Но поздравлять поэта со свободой из Оренбурга эта чета не могла, так как в 1857-м и последующих годах находилась в Уральском укреплении.

ЭЙГЕРТ (мадам Эйгерт) - см. Эггерт А.Б.

О корреспондентке Т. Шевченко, первой поздравившей его из Оренбурга с освобождением от солдатчины. (V, 37).

ЭЙСМОНТ, Густав Карлович - адъютант 4-го Оренбургского линейного батальона, прапорщик. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.186).

По воспоминаниям Э.Нудатова, Эйсмонт являлся "одним из наиболее близких приятелей" поэта во время пребывания его в Раиме. Среди других офицеров он был изображен в не сохранившейся карикатуре - точнее, дружеском шарже - на "ухаживателей" дочери провиантского чиновника - Анастасии Цыбисовой, которая впоследствии - в сентябре 1850 г. -

стала его женой. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.197). Можно также предположить, что Шевченко выполнил портрет Эйсмонта, ныне неизвестный.

Имя Эйсмонта значится под перепиской "о присылке письменных сведений на переведенных в 4-й батальон нижних чинов", в том числе Шевченко. (ИЛ, ф.1, д.431).

Жизнь его закончилась трагически. Переведенный (по собственной просьбе?) в Смоленский батальон военных кантонистов, подпоручик Эйсмонт в феврале 1853 г. "в квартире своей зарезался бритвой". (РГВИА, ф.395, оп.289, д.195).

ЭККЕЛЬН, Лев Филиппович - см. Екельн Л.Ф.

Вопреки принятому биографами Т. Шевченко и комментаторами его писем написанию этой фамилии - Эккельн, автор считает необходимым утвердить как единственно-правильное - Екельн. Именно так названное лицо именуется в официальном издании - "Адрес-календарь Оренбургского края на 1851 год". (стр.246). Так, наконец, писал фамилию и ее владелец. (ГАОО, ф.6, оп.12, д.664).

ЭНВАЛЬД, Франц Андреевич - почтмейстер Уфимской почтовой конторы.

Происходя "из иностранцев, принявших на верность подданства России присягу", он до вступления в почтмейстерскую должность (в 1844) много лет являлся фельдъегерем.

Энвальд участвовал в переписке по следственному делу, которое велось в Оренбурге и Орской крепости в 1850 г. - в частности, в выяснении корреспондентов Шевченко, писавших ему в период солдатчины и, в свою очередь, получавших письма от него. (ИЛ, ф.1, д.405; ГАОО, ф.6, оп.6, д.13273).

ЭНГМАН, Федор Федорович - старший адъютант штаба Отдельного Оренбургского корпуса, майор.

В Оренбурге Энгман входил в круг близких знакомых К.И.Герна; был он знаком с А. И. Бутаковым и другими участниками Аральской экспедиции, в том числе с Шевченко.

Энгман, в качестве дежурного штаб-офицера, подписал 9 ноября 1849 рапорт в Отделение Генерального штаба с ходатайством о том, чтобы Шевченко было разрешено работать при Бутакове для завершения описи Аральского моря. (ИЛ, ф.1, д.406).

Русскому офицеру Энгману, назначенному начальником Раимского укрепления, принадлежит честь деятельного участия в осуществлении мечты поэта, выраженной в его стихотворении "У Бога за дверми лежала сокира..." (П, 86-88) - мечты о зеленом преображении края.

Инициатором первых посадок в Раимском укреплении явился в начале 1851 Герт, заведывавший тогда училищем земледелия и лесоводства. В марте того же года майору Энгману было передано 500 саженцев разных пород, в том числе вербы, особенно нежно в оспетой Шевченко.

Первые неудачи не обескуражили энтузиастов. "Удастся ли, или нет, а опыт сделать не мешает; не понимаю, отчего до сего времени никто не занялся этим, в три года много бы можно было создать..." - писал Энгман Герну в октябре. ("В три года" это, выходит с сорок восьмого, когда там были и Герн, и Шевченко). В том же письме Энгман высказывал соображения о наиболее удобных сроках посадок и о желательности использования местных растений, особенно талов, растущих "в изобилии на обрывах к Кос-Аралу", о будущей роше, которая "рассажена на 60 сажнях длины и 40 ширины, с акациями и цветниками, по берегу озера Раима, недалеко от поселения. Небезынтересно упоминание о высадке в Раиме уже акклиматизированных сортов, из "бывшего хивинского сада"; у его владельца черенки удалось выменять "за пять баранов". (ГАОО, ф.6, оп.15, д.1235).

Отправка саженцев продолжалась и в последующие годы. Она шла по разным каналам, но, главным образом, через Орскую крепость, и не без такого воздействия начал богатеть зеленую Орск - еще один захолустный уголок края.

Командиром 4-го Оренбургского линейного батальона и начальником Раимского (Аральского) укрепления Ф.Ф.Энгман являлся в течение нескольких лет. ("Адрес-календарь Оренбургского края на 1854 год", стр.252; ГАОО, ф.172, оп.11, д.223). Жена, Эмма Самойловна Энгман (ГАОО, ф.172, оп.3, д.189), сопровождала его во всех переездах.

ЭПИФАНОВ, Тихон Зиновьевич - управляющий конторой компании "Братья Сапожниковы" в Волжске, купец.

Т. Шевченко увидел его во время стоянки парохода "Князь Пожарский" 2 сентября 1857 г. и оставил в Дневнике словесный портрет этого "удивительно красивого старика". (V, 116). Что касается карандашного портрета Эпифанова, то его художник нарисовать не мог уже в силу кратковременности стоянки и позднего его часа. Атрибутирование портрета в т.Х (л.6) - ошибочно.

Можно предположить также ошибочность записи фамилии в Дневнике (правильно, вероятно, Епифанов).

ЮДИН, Павел Львович (1864-1928) - историк, краевед, журналист.

На протяжении многих лет он сотрудничал в столичных журналах "Русская старина", "Русский архив", "Исторический вестник"; в статьях широко использовались результаты собственных архивных поисков.

Опираясь на прочитанные им дела 23-й пехотной дивизии и Отдельного Оренбургского корпуса, а также воспоминания отдельных старожилов Оренбурга, П.Юдин написал статью "К биографии Т. Г. Шевченко", опубликованную в "Русском архиве" (1898, № 3, стр.463-4 76). Во многом и главным она явилась критическим откликом на ранее опубликованные статьи Е.Гаршина (1886) и А.Матова. Однако есть в этой работе и существенные ошибки.

ЮЗЕФОВИЧ, Михаил Владимирович (1802-1889) - помощник куратора Киевского учебного округа, коллежский советник.

Ревностный службист, он был дружен с Костомаровым, Максимовичем, Кулишом и другими, что создавало представление о нем как о демократе и либерале. Шевченко работал с ним вместе во Временной комиссии для рассмотрения древних актов. Однако при первых же сведениях о Кирилло-Мефодиевском товариществе Юзефович стал рьяным следователем по данному делу на первом же его этапе: при нем студент-provokator А.Петров писал свой донос, он вел допросы ряда арестованных и принимал все меры для исключения прои зведений Шевченко, Костомарова и Кулиша из библиотек.

1 февраля 1847 Шевченко писал Костомарову: "Як побачите Юзефовича, то поклоніться од мене". (VI, 39). В Дневнике же (запись от 6 мая 1858) он вспомнил "киевского Юзефовича", заклеив его как "предателя". (V, 237). Эволюция отношения налицо.

"Г-жа Юрасова".

"Поцелуй Поспелова, ежели он в Оренбурге [и скажи ему, что г-жа Юрасова дрянь, к..., л..., скажи ему, что все это я ему говорю]".

Взятое в скобки Шевченко написал и - вычеркнул. В окончательном тексте письма к Брониславу Залескому, посланного в январе 1854 г. из Новопетровского укрепления, этого нет: "...ежели он в Оренбурге" - и точка.

Передумал? Не счел нужным?

Шевченко не счел, а комментаторы ищут себе работу. "Г-жа Юрасова мабуть дружина Олексія Миколайовича Юрасова, підпоручика Оренбурзького лінійного 4-го батальону..." Тут же вывод о том, что "острые выражения Шевченко в адрес Юрасовой характеризуют ...вообще легкомысленное поведение офицерского женского общества в тогдашнем Оренбурге..."

Стоп! Шевченко-то вычеркнул!

...Сначала искал и я. Появились версии: "г-жа Юрасова это предположительно... это, на наш взгляд..." Но потом подумалось: да ведь неблагородно сие - копаться в интимном славного морехода Поспелова и дамы, которая отвечала ему взаимностью, а затем п о какой-то причине (пусть даже легкомыслию) отдала симпатии другому. А может то было просто слухом, и мы оскорбим память давно умершей женщины, да и чувства ее потомков (в Оренбуржье, надо сказать, это фамилия не из редких).

...В этой энциклопедии будет только такая заметка: заметка-сомнение.

ЮРЛОВ, Степан Федорович - член Орской полевой провиантской комиссии.

Закончив офицерскую службу и выйдя в отставку подполковником, кавалером трех орденов и медалей за беспорочную службу, Юрлов занимался делами интендантскими, игравшими важную роль в жизни пограничной со степью крепости (в том числе в организации п оходов к Аральскому морю).

Родственные связи с семьей Д.Н. и А.А.Исаевых (бывшая комендантша была урожденной Юрловой) повышали его значение в жизни Орской.

Однако включение в шевченковскую энциклопедию особой заметки о Юрлове вызвано тем, что его и Исаевой родственники, симбирские помещики, были знакомы с А.С.Пушкиным и общались с ним во время путешествия поэта в Оренбург (1833). Переключка кажется су щественной.

ЯВЛЕНСКИЙ, Иван Никифорович (1824-не ранее 90-х гг.) - чиновник Астраханской губернской канцелярии, пассажир парохода "Князь Пожарский".

Сын врача, известного также как литератор, он воспитывался в Дворянском полку, после чего, с 1844 по 1850, служил офицером на Кавказе. С 1851 - в Астрахани: чиновником по особым поручениям, уездным, а затем губернским предводителем дворянства. Выйдя в отставку, занялся литературным трудом; им опубликован ряд статей и стихотворений (в "Русской старине" и других журналах), изданы очерки "От Астрахани до Астрабада" и сборник "Драмы, комедия и поэма". (ПД, ф.274, оп.1, д.399, л.161-об).

Знакомство Т. Шевченко с Явленским состоялось, очевидно, в Астрахани. Сблизило их совместное путешествие по Волге. (V, 116, 119, 122, 136). Встречались они также в Нижнем Новгороде. (V, 138). Явленский выполнял поручения поэта в Москве. В дальнейшем шем он заботился о публикации портретов, нарисованных Шевченко на пароходе "Князь Пожарский" и принадлежавших семье Сапожниковых.

"За все судьбе спасибо"

(отрывок)

*За все, за все судьбе спасибо!
За массу горьких в жизни дней,
За боевую жизнь наиба,
За счастье в обществе друзей!
За все восторги и страданья,
Судьбе я шлю всегда привет
И за любовь, за упование -
В святой родительский завет!
Ну, словом, нет еще момента,
Когда бы я на жизнь роптал -
И говорю без комплимента,
Судьбу бы я расцеловал!..*

**Ив. Явленский
1891**

(ПД, ф.274, оп.1, д.399, л.162-162-об.)

ЯВЛЕНСКАЯ, Любовь Григорьевна - пассажирка парохода "Князь Пожарский".

Л.Г.Явленская была вдовой доктора медицины, старшего лекаря Тифлисского военного госпиталя Никифора Явленского (1788-1840), матерью И.Н.Явленского и Е.Н.Козаченко, бабушкой Н.А.Сапожниковой.

Т. Шевченко в Дневнике писал о Любви Григорьевне как о "милейшей бабушке". (V, 130-133). Они встречались еще в доме Сапожниковых в Астрахани, а позднее - в Нижнем Новгороде. (V, 138).

ЯВОРНИЦКИЙ (Эварницкий), Дмитрий Иванович (1855-1940) - историк, этнограф, фольклорист, писатель, академик АН Украины (с 1929).

Среди многочисленных научных трудов ученого - статьи о Т. Шевченко ("Запорожцы в поэзии Т. Г. Шевченко", "Шевченко и Репин" и др.). Отыскал и издал документы о пребывании поэта на солдатской службе: "Матеріали до біографії Т. Г. Шевченка", Катерино слав, 1909.

ЯДРИШНИКОВ, Александр Николаевич - правитель канцелярии Оренбургского военного губернатора, титулярный советник.

На эту должность 40-летний чиновник, а в прошлом офицер (из обер-офицерских детей, православный), был назначен в июле 1849, имея за плечами большой и разнообразный жизненный опыт. Находясь с 1824 на военной службе, участвовал в боях с турками и по ляхами, в т.ч. в штурме Варшавы (1831). Дослужившись до чина штабс-капитана, перешел на гражданскую службу. Ему поручались следствия в Олонецкой, Вятской, Симбирской губерниях, все они осуществлялись безукоризненно, и тем не менее В.А.Обручев счел, что Ядришников не соединяет в себе тех познаний, какие требуются "от правителя канцелярии обширного Оренбургского края". В конце 1850 он был перемещен на должность советника Оренбургского губернского правления и на его место назначен начальник отделения канцелярии титулярный советник Смольянинов. (ГАОО, ф.6, оп.6, д.12600).

Ядришников, как позже и Смольянинов, причастен к переписке о Т. Шевченко, решению его судьбы.

Т. Г. Шевченко
Портрет четы Якоби
1857

любитель живописи..." (V, 145).

На следующий день, по приглашению Якоби, Шевченко был "в клубе при выборе старшин", где состоялось его знакомство и с некоторыми другими видными представителями нижегородского общества, интересовавшими Шевченко еще и в связи с тем, что ему была "необходима денежная работа". (V, 146). Несколько дней спустя Н.К.Якоби "угостил" поэта "брошюрой Искандера лондонского второго издания "Крещеная собственность". (V, 150). Имя нового знакомого появляется далее на нескольких дневниковых страницах кряду. У Якоби поэт познакомился с декабристом И.А.Анненковым (V, 153), увидел и скопировал портрет А.И.Герцена. (V, 174).

Часто бывая в этой семье (она занимала дом на Осыпной улице), Шевченко 8-9 ноября 1857 выполнил портрет Николая Карловича и его супруги. (X, л.16).

ЯКОБИ, Николай Карлович - действительный статский советник.

В Нижнем Новгороде Якоби являлся одним из немногих обладателей столь высокого гражданского чина, равного генеральскому. Служебная его деятельность протекала в Соляном правлении, управляющим которого он пребывал в течение многих лет. В 1850 г. за предложение великим князьям "Описания как самих запасов, так и путей и способов доставки соли во всех тех губерниях, которыми заведовало Нижегородское соляное правление" Якоби получил бриллиантовый перстень. Выйдя в отставку, занимался общественной деятельностью, в том числе как член "Попечительства о детских приютах". (Н.Храмцовский. "Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода", ч.1, Н.Н., 1857, стр.29 второй пагинации).

Т. Шевченко познакомился с ним 2 октября 1857. Об этом сказано в Дневнике: "...на бульваре встретили мы некоего господина Якоби. Он просил нас к себе обедать, и мы не отказались. Г. Якоби - один из нижегородских аристократов, весьма любезный и довольно едкий либерал и вдобавок

ЯКОБИ, Владимир Николаевич - младший чиновник особых поручений при Нижегородском генерал-губернаторе, коллежский секретарь.

По окончании Казанского университета со степенью действительного студента он вступил в 1854 г. на службу в канцелярию губернатора и продвигался по служебной лестнице (ГАНУ, ф.5, 1858, д.172).

Учитывая круг знакомств Т. Шевченко среди нижегородских чиновников и добрые отношения с семьей Якоби (родителями Владимира Николаевича), его самого также можно причислить к знакомым поэта.

В.Н.Якоби, вероятно, мог сообщить Шевченко и о тех, кто оказался в Казанском университете не по своей воле, - переведенных туда за политические убеждения кирилло-мефодиевцах Андрузском, Посяде и др.

ЯКОВЛЕВ, Яков Петрович - прапорщик Корпуса топографов.

Родился в 1815 г., из солдатских детей, он стал топографом в 1832-м и с тех пор находился в Оренбургском крае, где производил различные съемки, рекогносцировки, геодезические работы, участвовал в походах, в том числе и боевых. В июле 1848 стал подпоручиком, дослужился до чина майора и назначения начальником Оренбургского укрепления (1861). Удостоился орденов Св.Анны 3-й степени, Св.Станислава 3-й степени, медали в память о войне 1853-56 годов. ("Исторический очерк деятельности Корпуса военных топографов", СПб, 1872, приложения, стр.39).

Т. Шевченко познакомился с Яковлевым перед началом перехода из Орской крепости в Раим.

В пути, командуя съемочным отрядом, топограф проявил храбрость и находчивость в отражении нападений хивинцев.

"В 11 часов (26 мая 1848 г. - Л. Б.) неприятель, в числе около 600 человек, переправился через Ирғиз и посредством выстрелов пустил по ветру, с севера, пал на съемочный отряд, в намерении истребить его огнем. Прапорщик Яковлев, как опытный степняк, деятельно занялся тушением пала с севера, а между тем пустил другой на юг, дабы, в случае если бы ему не удалось потушить первый пал, иметь возможность отвести отряд на выжженное место. Таким образом намерение неприятеля не увенчалось успехом..." (А. И. Макшеев. "Путешествие по Киргизским степям и Туркестанскому краю", стр.34).

Об этой стычке Шевченко в повести "Близнецы" писал: "Мы остановились на том самом месте, где вчера на предшествовавший нам транспорт напала шайка хивинцев... И здесь я в первый раз видел обезглавленные и обезображенные трупы, валяющиеся в степи, как какая-нибудь падаль". (IV, 110).

К тому времени знакомство с Яковлевым упрочилось: 21 мая оба они были участниками устроенного К.И.Герном обеда по случаю закладки Карабутакского форта.

В дальнейшем съемочный отряд Яковлева вел работы в районе Раима - Кос-Арала, и топограф часто бывал в расположении экспедиции.

ЯКУШКИН, Евгений Иванович (1826-1905) - младший сын декабриста И.Д.Якушкина.

Получив образование в Московском университете, он в пятидесятые годы преподавал законоведение в Межевом институте, служил в сиротском доме в Москве, был межевым ревизором. Тогда же сын декабриста установил особенно тесные связи с участниками тайного общества, к которому принадлежал Иван Дмитриевич, дважды выезжал в Сибирь, где встречался с отцом и его

сотоварищами, побуждал их к писанию мемуаров, которые впоследствии издавал, организовывал помощь декабристам и членам их семей. Эта деятельность снискала ему уважение в прогрессивных кругах России и за рубежом.

Т. Шевченко знал о Е.Якушкине еще в 1856, когда получил его адрес для присылки литературных произведений, предназначенных "Русскому вестнику". ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр.91). Много хорошего мог слышать о нем поэт в Нижнем Новгороде, в частности от М. А. Дороховой. Личное их знакомство состоялось в Москве. 18 марта, заехав в книжный магазин Н.М. Щепкина, Шевченко получил там из рук Якушкина портрет "знаменитого Николая Новикова". (V, 213). Судя по характеру записи, эта встреча не являлась первой, познакомились они раньше.

ЯКУШКИНА, Елена Густавовна, урожденная Кнорринг - жена Е.И.Якушкина.

Выйдя замуж за сына декабриста в 1848 г., она сразу вошла в круг его интересов и стала верной помощницей мужа. Тепло, сердечно писал о ней из ссылки И.Д.Якушкин, с нежностью отзывались другие декабристы.

Т. Шевченко встретился с Е.Г.Якушкиной 21 марта 1858 в Москве. В Дневнике записано: "...Хозяйина (Якушкина - Л. Б.) не застали дома, а милейшая хозяйка подарила нам (Шевченко был с М. С. Щепкиным - Л. Б.) по экземпляру портрета кн.Волконского, декабри ста..." (V, 215).

Речь идет об одном из литографированных портретов декабристов, издание которых было предпринято Якушкиным. В общую продажу, по условиям времени, портреты не шли; они распространялись между декабристами, а также, как видим, людьми, пользовавшимися полным доверием хозяев.

ЯНИШЕВСКИЙ, Николай Петрович - столоначальник канцелярии Оренбургского и Самарского генерал-губернатора.

В Оренбург Янишевский прибыл в 1851 г. по окончании юридического факультета Киевского университета. До перевода в канцелярию губернатора (1853) служил в Оренбургской Пограничной комиссии. С Киевом был связан постоянно, так как там жили его родители. (ГАОО, ф.6, оп.6, д.13427).

Все это дает основание высказать предположение о том, что в строках письма Т. Шевченко к З. Сераковскому от 6 апреля 1855 ("Кто такой киевский студент, посылаемый сюда? Если ты знал его в Оренбурге, то сообщи мне; а то я не мастер сразу узнавать люд ей так, чтобы не сделать маху") речь идет о Янишевском, по роду службы выезжавшему в степные укрепления с инспекторскими целями. (VI, 113). Письмо З. Сераковского, на которое отвечает Шевченко, не сохранилось.

ЯСЕНЧИК, Юлиан - псевдоним А.И.Яблонского, польского ссыльного, сотоварища С.Пшевлоцкого по тайному сообществу молодежи в Варшаве, раскрытому в 1849 г.

Яблонский служил в 5-м Оренбургском линейном батальоне уже после отправки Т. Шевченко в Новопетровское укрепление. Личное их знакомство исключается. Однако мемуары Ю.Ясенчика (Julian Jasiencyk. "Dziesiec lat niewoli Moskiewskiej", Липск, 1867) представляют большой интерес - особенно для характеристики Орской крепости шевченковских времен и службы здесь политических изгнанников. Мемуарист рассказывает о своей десятилетней ссылке, прошедшей в основном в степях оренбургских, метко подмечая детали, которые важны и для воссоздания наиболее полной обстановки солдатской службы Шевченко.

ЯТОВТ, Максимилиан - рядовой 1-го Оренбургского линейного батальона.

Уроженец Люблинской губернии, он был отдан в солдаты еще в 1845-м, но сумел бежать за границу, откуда вернулся три года спустя, не выдержав разлуки с родиной. Однако, несмотря на добровольное возвращение, Ятовт прощен не был. В 1849 его отправили в Отдельный Оренбургский корпус. В течение нескольких лет служил в Уральске. В дальнейшем, став писателем (он печатался под псевдонимом "Якуб Гордон"), Ятовт оставил интересные литературные свидетельства о том периоде своей жизни.

Т. Шевченко познакомился с М.Ятовтом во время следования в Новопетровское укрепление. "В 1850 г., - вспоминал Ятовт-Гордон, - Шевченко проезжал через Уральск к новому месту изгнания на берегу моря. Я беседовал с ним долго обо всем... Независимая Украина являлась целью его мечтаний, революция была его стремлением; можно сказать, что он смотрел на мир сквозь красные очки". (Цитируем по книге В.А.Дьякова "Тарас Шевченко и его польские друзья", стр.85).

Можно предположить, что после кратковременной встречи в Уральске связь между Шевченко и Ятовтом продолжалась. Н. Ф. Савичев в своих воспоминаниях о поездке на Мангышлак в 1852 сообщил о "письмах и словесных поручениях к Тарасу Григорьевичу", которые передали через него "трое молодых поляков, из подтвержденных..., и А.В.Ханыков..." ("Казачий вестник", 1884, № 53). Одним из трех мог быть Максимилиан Ятовт.

К ИТОГАМ ЧАСТИ ПЕРВОЙ

Военная Петропавловская церковь, реконструкция

Главнейшей задачей шевченковедения является создание подлинно научной биографии Т. Шевченко, а, значит, всестороннее изучение жизни, мировоззрения и творчества в их органической взаимосвязи.

Литературная, общественная деятельность поэта не может быть рассматриваема в отрыве от времени, в которое он жил, от социальной среды, взаимодействие с которой явилось одной из коренных предпосылок формирования и его внутреннего мира, и его общественного, творческого потенциала. Идеино-творческая эволюция была

непосредственно связана с событиями современной эпохи, с народными и освободительными движениями, с постоянным расширением круга общения, живым, близким узнаванием как тех, кто прокладывает пути прогресса, так и представителей реакции, господствовавшей в мире и душившей все живое. Без исследования взаимодействия поэта и среды, окружения и творчества не представляется возможной полная и объективная характеристика глубинных процессов, которыми отмечен путь великого вдохновителя возрождения Украины.

Шевченко принадлежит не прошлому, но настоящему и будущему. Это предопределяет не только научную, но и политическую важность выдвинутой проблемы, ее особую значимость в борьбе с фальсификаторами - врагами Шевченко и всего прогрессивного человечества.

Поэт и эпоха, художник и народ, талант и мировоззрение, литература и современность - самыми различными своими гранями рассматриваемая проблема обращена к тем, кто несет знамя поэта-борца Шевченко в передовой литературе эпохи. Уроки Шевченко - это и уроки творческой плодотворности тесной связи с жизнью, верности высоким принципам и идеалам борьбы. Современное литературоведение против рассмотрения каждого отдельного произведения как иллюстрации к определенным событиям, фактам, встречам.

Но в то же время творческая история стихотворений, поэм, повестей это всегда, в основе своей, история узнавания, осмысления, постижения. Указанные же процессы происходят не сами по себе, а благодаря общению с людьми - прежде всего, теми, кто олицетворяет главные тенденции времени. В связи с этим очевидна значимость досконального изучения среды, окружения поэта для научного исследования психологии творчества - важной отрасли, которая все еще остается неразработанной.

Взаимодействие среды и творчества - проблема комплексная. Оставаясь литературоведческой, она может успешно решаться лишь на основе кооперации наук (истории и теории литературы, истории, в т.ч. отраслевой - флота, медицины, промышленности и т.д., социологии, искусствоведения и других), специфические особенности которых должны служить выработке синтетических принципов, необходимых и при создании энциклопедий или словарей окружения, и в ходе дальнейшей разработки накопленного, обобщенного материала. Перспективным следует считать применение в процессе изучения данной проблемы социолого-статистических методов, уже широко используемых историками, особенно при анализе общественно-политических и национально-освободительных движений.

Часть вторая. Названия

СЛОВО ПЕРЕД ВТОРОЙ ЧАСТЬЮ

*Есть в нашем русском православном
огромном царстве небольшая
благодатная земля, так небольшая,
что может вместить в себе
по крайней мере четыре немецких
царства и Францию в придачу...*

Т. Шевченко

*І там стени, і тут стени,
Та тут не такії...*

Т. Шевченко

Художественная система Т. Шевченко не может быть выведена лишь из конкретной действительности, но она же и непостижима без уяснения реалий жизни и среды, воздействовавших на решение им творческих задач, тех же зненных импульсов, которые стимулировали творчество поэта, прозаика, художника.

Главное в исследовании литературы - рассмотрение и оценка образно-содержательной сущности того или иного художественного явления. Разрыв между моделирующей структурой и чувственной непосредственностью образа таит в себе глубокую опасность, заключающуюся в том, что создание даже истинно высокого произведения воспринимается лишь как определенный "технологический процесс", а вовсе не акт рождения - творческой фантазией, мышлением художника, силой его неповторимого таланта. При этом возникает реальная угроза замены "портрета вдохновения" совсем иным - "портретом конструкции". Между тем, он, при всей своей сущности, не в силах передать самобытность творческой личности и ее созданий, ограничивается фиксацией черт существенных, но далек от всех, упускает из виду тона и тем более полутона.

Взаимодействие среды и общества - проблема, связанная и с уяснением хода развития личности, и с постижением психологии творчества. Рассмотрение ее, следовательно, немислимо без учета психологических феноменов, которые, со своей стороны, не могут быть поняты вне категорий философии, истории, социологии, географии, других общественных наук. Даже убежденные сторонники структурализма все чаще приходят к выводам о том, например, что анализ без понимания исторических факторов - анализ в "темноте", что игнорирование исторического аспекта ведет к выхолащиванию самой сути явлений, предстающих в искаженном виде.

В сфере точных наук, медицины, промышленности, сельского хозяйства достаточно убедительные выводы могут быть сделаны, как правило, на основе анализа повторяющихся факторов. В области литературы и искусства эстетическая ценность произведения определяется тем, насколько оно непохоже на другие, иными словами - его неповторимостью. Что обострило чувства писателя и вызвало в нем творческий взрыв большой силы? Что определило особые настроения, особую атмосферу, без которых цикл,

*Т. Г. Шевченко
Автопортрет
1847*

*Первый художественный труд Шевченко,
выполненный вопреки царскому запрету
писать и рисовать.*

поэма, ст ихотворение не стали бы реальностью? Эти исследовательские вопросы повторяются, но ответы на них в науке о литературе всегда индивидуальны. В каждом отдельном случае необходимы учет и осмысление всех факторов, соединение их в такой последовательности, которая объяснила бы закономерность цепной реакции, ее неотвратимость именно в данное время, наконец ее интенсивность, сказавшуюся на всем строе рассматриваемого произведения.

Говоря о микросреде как факторе психологии творчества, мы должны иметь в виду необходимость изучения ее не только в связи с каждым этапом жизни и творчества, но в контексте каждого, отдельно взятого, произведения - тем более принципиально нового, даже этапного.

С этих позиций автором энциклопедии в его книгах и статьях рассмотрен широкий круг произведений Т. Шевченко, созданных в разных жанрах и различных условиях.

Таков, к примеру, триптих "Доля", "Муза", "Слава" (февраль 1858). Возник он как кульминация мучительных раздумий автора о себе, своей судьбе, своем будущем, из недовольства самим собою, а равно средой, на полюсах которой оказались истинный друг вел икий артист Щепкин и легкомысленная юная кокетка Пиунова, знатоки-ценители возвышенной музыки Улыбышев, Татаринов, Белов и нижегородские поклонники Бахуса, склонявшие его к развлечениям сомнительным. Все вместе - такие разные, прямо противоположные - они и стали причиной того "раздражения нерв", которое вызвало в нем "стремление к стихословию" и увенчалось могучим взрывом - рождением цикла-исповеди. Среди импульсов, вызвавших к жизни триптих, - чувство вины перед Щепкиным, которому обещал вести жизнь трезвую, крах сокровенных надежд - на скорейшее возвращение из Нижнего Новгорода в Петербург, на семейное счастье с "Катрусей", наконец потрясение от "божественной" музыки Гайдна в исполнении местных виртуозов (обращаем внимание на сонатную строгость формы, сонатное развитие тем и образов - что в сонатах названного композитора, что в "Доле", "Музе", "Славе").

В триптихе отсутствуют прямые, конкретные обозначения места действия, персонажей (единственным героем является сам автор), а равно иных примет, наталкивающих на мысль о прототипах. В некоторых же других поэтических произведениях наличие конкретной прототипичности очевидно. Нами, например, обнаружены результаты (и пути) поиска прототипа "земляка из Островной" в стихотворении "Ну що б, здавалося, слова..." Земляком, песня которого в ночной тиши Аральского моря настроила на раздумья о родине и о себе, оказался, как удалось установить на основании "ревизских сказок" и других архивных источников, матрос Иван Васильев, назначенный на шхуну "Константин" в 1849 г. Беглое упоминание названия украинского села среди оренбургских степей и выяснение личности "земляка" позволило уточнить датировку произведения (не 1848, а 1849), впервые сообщило о потрясении, испытанном опальным поэтом на пути в Орскую крепость (1847) и подвело к восприятию характеристики села в повести "Близнецы".

На этом и других примерах отчетливо видится закономерность включения в разряд проблем литературоведческих и такой, как география жизнедеятельности Т. Шевченко, безусловно важной для постижения страниц его поэзии и прозы, их образного строя, их природы. Биографо-творческая топография в той или иной мере стала объектом исследования в большинстве работ автора, но специально в "Адресах горя и борьбы" (сб. "В степи бескрайной за Уралом", 1980) и "Дорогами Кобзаря" (1991).

Еще одним из примеров непосредственного воздействия географических реалий на поэта может служить стихотворение "А.О.Козачковському".

*І там степи, і тут степи,
Та тут не такі,
Руді, руді, аж червоні,
А там голубії...*

Яркий этот образ имеет, как оказалось, вполне реальную подоплеку - встречу Шевченко с красноцветными толщами Общего Сырта и Предуралья (еще до приезда в Оренбург - у станиц Рычковской и Чесноковской, но нагляднее - тремя неделями спустя, Красногорской и Гирьяльской, на пути в Орскую крепость). Красноцветье всхолмленных предуральских равнин (обусловленное гидроокислами и окислами железа, тонкой пленкой облекших песчаные и глинистые частицы почвы) послужил о контрастному противопоставлению воли-неволи, родины-чужбины, образному выражению ностальгии и других чувств автора, оторванного от своей отчизны.

Географические, топографические реалии в определенной мере питали поэзию и прозу Шевченко жизненными соками, красками и штрихами полной достоверности, а в результате наполняли жизненной, художественной убедительностью.

Опыт Т. Шевченко опровергает утверждения тех философов, которые игнорируют роль сознания, разума в процессе художественного творчества, всячески подчеркивая действие в нем исключительно сил подсознательных. Среда - явление сложное, но постижимое; изучая ее, мы приближаемся к пониманию важнейших сторон творческой деятельности, истоков возникновения и осуществления замыслов живущей созидающей личности.

Анализ убеждает в том, что динамический ум поэта жадно впитывал в себя новое, а природная гениальность постоянно стимулировалась все более углубляющимся сознанием.

Благодарный материал для таких выводов дает анализ стихотворения "У Бога за дверми лежала сокира..."

На первых же страницах своей невольничьей поэзии Шевченко обращается к мотивам чужбины. Личные переживания приводят в стихи и образы, его горю сопутствующие (степи без конца и края, солнца, которое на чужбине не греет, гор, не похожих на виденные, "киргизов убогих", которых впервые узнал только здесь). Анализируя написанное в этот начальный период солдатчины, видишь: он пишет о себе, передает свои чувства, рассматривает собственные ощущения в новой обстановке, сама же обстановка является для него пусть уже приблизившимся, но фоном, писанным рукою талантливою, однако без особо проработанных деталей.

Освоение нового в том объеме, когда о нем, еще недавно неведомом, можешь сказать свое, дотоле не сказанное, происходит у Шевченко позднее - в многотрудном и длительном переходе от Орской крепости к Аральскому морю, а затем в Раиме и на Кос-арале. Обретение поэтом "второго дыхания" стало очевидным в тот день, когда он записал стихотворение "У Бога за дверми лежала сокира" - первое и главное свое поэтическое произведение о казахских степях, казахском народе. Ни в одной строке не говорит он здесь о себе, своей судьбе - им овладели раздумья о прошлом, настоящем и будущем казахов.

Одинокое дерево среди степного безлюдья, близ форта Карабутак, стало образным аккумулятором всего, что он увидел, услышал, узнал от многих людей, встреченных в течение первого года пребывания в Оренбургском крае. Встреча со "святым деревом" собрала воедино все уже накопленные к тому времени его знания и впечатления о степи и степняках. Не случайно, что из богатейших впечатлений перехода к Аральскому морю

единственным сюжетом, нашедшим воплощение и в акварели, и в поэзии, и в прозе ("Близ нецы") стал именно этот.

Началом его практического освоения был беглый эскиз, сделанный с натуры 20 мая 1847 г. Почти одновременно Шевченко сделал запись для памяти. Эскиз и запись были перед ним, когда, уже расположившись на новом месте, он смог развернуть акварельные принадлежности и взяться за создание степной встречи в красках. О наличии записи свидетельствует чернильная подпись под акварелью: Джаньгысь-агачь, точно передающая транскрипцию словосочетания.

Краски всколыхнули не только художника, но и поэта. Много было найдено и додумано уже в процессе создания акварели. Эскиз, записи, наконец рождавшаяся под его кистью небольшая картина подсказывали иноязычные слова, географические термины и другие важные для него реалии (под стихотворными строками потом окажется три пояснительных примечания самого Шевченко). Дерево, которое оживало на бумаге, поднимало из глубин души первозданные чувства, испытанные в те минуты, когда он оказался близ степного чуда, расцветчивало легенду, соединяло миф с явью, прошлое с современным.

Украл казах у Бога топор, отправился рубить дрова, и вот в наказание -

*Як вирвется сокира з рук -
Пішла по лісу косовиця.
Аж страх, аж жаль було дивитися.
Дуби і всякі дерева
Великолітні, мов трава
В покоси стелеться, а з яру
Встає пожежа, і диму хмара
Святеє сонце покрива.
І стала тьма, і од Уралу
Та до Тингиза до Аралу
Кипіла в озерах вода...*

По-брюлловски, жгуче-горько передавал он беду людскую, страдания всего живого.

Продолжалась "степная Помпея" семь лет.

*На восьме літо у неділю,
Неначе ляля в льолі білій,
Святеє сонечко зійшло.
Пустиня циганом чорніла:
Де город був або село -
І головня уже не тліла,
І попіл вітром разнесло,
Билини навіть не осталося:
Тільки одним-одно хиталося
Зелене дерево в степу...*

Как чернеет "цыганом" пустыня, он видел во время того же перехода (акварель "Пожежа в степу"). Не составляло труда додумать, как полыхало все, когда было чему полыхать, - не только степной ковыль, а и леса, города, села.

*Одним-єдине при долині
В степу край дороги
Стоїть дерево високе,
Покинуте Богом.
Покинуте сокирою,
Огнем непалиме,
Шепочеться з долиною
О давній годині...*

Но не обходят стороной казахи дерева святого, поклоняются ему и молят:

*Щоб парости розпустило
У їх біднім краї.*

Молитва-мечта, молитва-сочувствие, молитва-надежда. Поэт Украины выражал чаяния прогрессивных сил, видевших в людском сплочении залог будущего переустройства мира на началах свободы, братства, справедливости. Такая направленность его творчества была органично связана с многонациональностью среды, характерной для всей его жизни, а для этого периода особенно.

Среда - понятие исключительно емкое, многообразное. Если первую часть нашей энциклопедии составили люди, так или иначе вошедшие в биографию Т. Шевченко тяжелейших для него лет, то вторую ее часть составляют, в основном, статьи, посвященные среде географической, в широком смысле этого словосочетания. В нее также вошли сведения о памятниках природы, а равно тех, что были созданы искусством и трудом человеческим, иными словами - всем интересовавшем поэта и художника, оказавшегося надолго оторванным от своей родной земли.

ГОДЫ НЕВОЛИ - ГОДЫ ДОРОГ Фрагменты биографии

Киев - Санкт-Петербург.

Санкт-Петербург - Оренбург - Орская крепость.

Орская - Раим - Кос-арал - пути морские.

Раимское укрепление - Орская - Оренбург.

Оренбург - Орская.

Орская - Оренбург - Уральск - Гурьев - Мангышлак.

Это всего-навсего первые три года - 1847-1850; не упомянул маршруты более короткие: Оренбург - Нежинка, Оренбург - Татарская Каргала, Оренбург - Илецкая Защита, возможно Оренбург - Белебей.

Тысячи и тысячи верст (а на воде миль): переход за переходом, на перекладных, в телегах, пешком, по погоде и в непогоду, в песчаные бури и смертоносные штормы - дороги, дороги без конца. Езда в незнаемое, даже если едешь-плывешь местами уже виденными, останавливаешься в пунктах известных.

Всякий раз поездкам и походам сопутствовала спешка, или, по казенному, "экстренная надобность". В любом случае, прохлаждаться не позволяли - ни сопровождающим, ни ему.

В 1851-м и последующие годы солдатчины он пребывал в "незапертой тюрьме" - Новопетровском укреплении. Но была, например, экспедиция в горы Каратау, были выезды в разные населенные пункты - русские, казахские, туркменские - на самом полуострове.

И только в августе 1857-го стал Шевченко снова "путешественником".

Мангышлак - Каспий - Волга - Астрахань...

Астрахань - Царицын - Камышин - Саратов - Волжск - Хвалынский - Самара - Симбирск - Спасский затон - Казань - Чебоксары - Свияжск - Зименки - Нижний Новгород...

Нижний - Балахна, Нижний - Медновка, Нижний - Бор...

Нижний Новгород - Владимир - Москва...

Москва - Санкт-Петербург...

*Т. Г. Шевченко
Автопортрет со свечей
1860*

*На изображении внизу посередине
выгравировано: "Т. Шевченко. 1860"*

Но обратимся к фрагментам биографической хроники Тараса Шевченко - тем, прежде всего, которые охватывают его дороги лет невольничьих, подневольных. Отдельным фрагментам - работа над полной биохроникой еще впе реди.

Будем помнить, что дорога в Орскую крепость и обратно была проделана им в разное время года четыре раза, что Шевченко следовал не только на Арал, но и назад, примерно тем же маршрутом, но уже не весной, а осенью.

Можно было бы дать подробное описание его плаваний по Аральскому морю в 1848-1849 гг., но первые три года прослежены, прочитаны мною если не до конца, то достаточно подробно в первом-третьем томах "Были о Тарасе" (1993) и Аралу в нем посвящен почти пня тисотстраничный второй том.

Третий фрагмент представляет из себя некоторые материалы к биохронике предмангышлакского семилетия - доставки Т. Шевченко к последнему, самому длительному и тяжелому, месту его солдатской службы (1850-1857).

Автор надеется, что приведенные тут фрагменты послужат в определенной мере ключом ко второй, "географической", части энциклопедии. Составляющие ее статьи это все сколько-нибудь существенные названия на карте его жизни в течение одиннадцати лет, пролеглих между арестом на Днепре и возвращением в Санкт-Петербург уже в качестве свободного человека, через оренбургскую солдатчину и нижегородскую ссылку. Во всех случаях краткая объективная характеристика города, станицы, села, крепости, реки, озера, моря, горы, возвышенности по возможности полнее увязывается с местом их в жизнеописании, в творчестве Тараса Шевченко.

ИЗ БИОХРОНИКИ - 1847

Май, 31 (полдень) - июнь, 1 (утро).

"Бывший художник С.-Петербургской Академии художеств" Тарас Шевченко, определенный "за сочинение возмутительных и в высшей степени дерзких стихотворений" рядовым в Отдельный Оренбургский корпус, отправлен к командиру его для зачисления в один из бат альонов и с поручением "иметь строжайшее наблюдение, дабы от него ни под каким видом не могло выходить возмутительных и пасквильных сочинений". Личная резолюция Николая I гласила: "под строжайший надзор и с запрещением писать и рисовать". Препровождение Шевченко было поручено фельдъегерю военного министерства К.Г.Виддеру.

Июнь, 1-9.

Доставка Т. Шевченко из Петербурга в Оренбург (698 верст столичного тракта Петербург - Москва, 441 верста от Москвы до Нижнего Новгорода, 380 - от Нижнего до Казани, 204 - из Казани в Симбирск, 600 - из Симбирска, через Самару, в Оренбург). Из шевченковских "Близнецов": "все пространство, промелькнувшее перед моими глазами, теперь так же само и в памяти моей мелькает, ни одной черты не могу схватить хорошенько..." В произведениях из всего маршрута мимолетно названы впоследствии Симбирск и Казань, Волга, Самара и Заволжские степи, Бузулук, Общий Сырт и пугачевская Татищева крепость. Однако, как можно судить по "Карте этапных дорог" (ГАОО, ф.124, оп.2, д.6195), только от Самары на пути Т. Шевченко лежало гораздо больше населенных пунктов: Алексеевск (Алексеевка), Бобровка, Малышевка, Богот-Умет, Заплавная, Елшанская, Бузулук, Погромный, Тоцкая, Сорочинская,

Воробьиный Умет, Новосергиевская, Полтавский редут, Переволоцкая, Татищева, Рычковская, Чернореченская и, наконец, Оренбург.< /P>

Июнь, 9.

В одиннадцать часов вечера Виддер ввел Шевченко в Оренбургский ордонансгауз и передал его вместе с сопроводительными документами плац-майору (или плац-адъютанту), жившим в том же здании.

Ордонансгауз - первое место ночлега новоявленного "рядового" в военном центре губернии.

Ордонансгауз, реконструкция

Июнь, 10.

Представление Шевченко коменданту Оренбурга генерал-майору М.К.Лифлянду. Определение в казармы 3-го линейного батальона выполнявшие функцию и пересылочных). Хождения по инстанциям: штаб корпуса - штаб дивизии - штаб бригады. Распоряжения о зачислении в 5-й линейный батальон с отправкой в Орскую крепость. В тот же день - представление находившемуся в Оренбурге батальонному командиру капитану Д.В.Мешкову.

О прибытии Шевченко узнал чиновник Пограничной комиссии Ф.М. Лазаревский. Визит его в казарму, первый разговор земляков, первые попытки Лазаревского облегчить участь жестоко покаранного поэта с помощью председателя Пограничной комиссии генерал-майора М.В.Ладыженского и офицера по особым поручениям при командире корпуса подполковника Е.М.Матвеева.

Июнь, 11.

Рапорт исполнявшего обязанности командира корпуса генерал-лейтенанта А.Е.Толмачева управляющему военным министерством В.Ф.Адлербергу о доставке Шевченко в Оренбург и зачислении его в 5-й линейный батальон "с учреждением за ним строжайшего надзор а".

Встреча Шевченко с Матвеевым, доброжелательное отношение его к опальному, попытка помочь в оставлении на службе во 2-м батальоне, оренбургской дислокации. Совет земляков (кроме Лазаревского, также С.П.Левицкого) - сказать больным и отправиться в лазарет. Категорический отказ Шевченко от этой уловки, которая, как показало дальнейшее, могла удался.

В казарме произошло облачение его в солдатскую форму.

Июнь, 12-13.

Земляки-чиновники "выпросили" Шевченко из казармы к себе в гости. В один из этих дней поэт впервые вошел в дом М.И. и А.П.Кутиных, где квартировали Лазаревский и Левицкий. Из воспоминаний первого: "Тарас Григорьевич с обоими нами был сердечно

прост, и мы сразу стали друзьями. Говорили много и оживленно..." Поэт, не таясь, читал свои стихи (в т.ч. "Кавказ", "Сон"), пел любимые украинские песни.

Июнь, 14-19.

Шевченко в ожидании отправки в Орскую крепость, которая оттягивалась стараниями его доброжелателей в надежде на оставление в Оренбурге. Жизнь в казарме.

Расширение круга знакомств и общения (художник А. Ф. Чернышев и его семья, врачи Д.Г.Генс, П.Ф. Майдель и др.). Посещения Лазаревского и Левицкого, в т.ч. с ночью в их обществе. Записи, в т.ч. стихотворные, в альбоме братьев Лазаревских (автограф "Таточко з мамкою...").

Июнь, 20.

Выезд из Оренбурга в сопровождении поручика Г.П.Почешева. Перед выездом поручик составляет рапорт на имя командира 5-го батальона, в котором излагает претензию Шевченко по поводу того, что "по отбытии его из г.Киева остались там собственные его в ещи у господина Киевского гражданского губернатора" и с передачей просьбы о "высылке тех вещей". Форштадт с памятью о Ем.Пугачеве. Нежинский форпост (17 верст). Каменноозерная (14 верст). Островная (26 верст). "Подъезжая ближе к селу, ему... предс тавилась малороссийская слобода... Он заплакал при взгляде на картину, так живо напомнившую ему его прекрасную родину" (Шевченко). Ночлег в Островной, душевная беседа с земляками, поселившимися здесь еще в начале века.

Июнь, 21.

Продолжение пути в Орскую крепость. Красногорская (17 верст). Гирьяльская (22 версты). Верхнеозерная (20 верст). Никольская (27 верст). Ильинская (18 верст). Подгорный редут (19 верст). Губерлинская (22 версты). Ночлег в Губерлинской. "... Переноч евал он еще в Губерле (предпоследняя станция перед Орской крепостью), собственно для того, чтобы полюбоваться на другой день Губерлинскими горами..." (Шевченко).

Июнь, 22.

Губерлинская. "... До 12 часов я гулял в губерлинской роще и любовался окружающими ее горами, чистой речечкой Губерлей, прорезывающей рощу и извинаящейся около казачьих хат..." (Шевченко). Хабарный форпост (28 верст). Последний перегон - 26 верст до Орской крепости.

"- Так вот она, знаменитая Орская крепость! - почти проговорил я, и мне сделалось грустно, невыносимо грустно, как будто меня бог знает какое несчастье ожидало в этой крепости..." (Шевченко). По существовавшему порядку, состоялось представление вно вь прибывшего в комендантское управление, а затем в штаб 5-го батальона.

Июнь, 23.

Приказ командира батальона капитана Мешкова о зачислении рядового Шевченко в списочное состояние 3-й роты, командиру которой капитану Глобе поручалось "иметь за поведением его строгий надзор". В батальонный ранжирный список нового солдата вписали под номером 191.

Поручик Почешев вручил Мешкову свой рапорт от 20 июня относительно вещей Шевченко (особенно рисовальных принадлежностей), оставшихся в Киеве. Рапорт был официально зарегистрирован в батальонной канцелярии.

Шевченко водворили в солдатскую казарму.

Июнь, 24.

Командир корпуса генерал от инфантерии Обручев, находившийся в далекой и длительной степной командировке, получив (не без стараний Е.М.Матвеева?) копию предписания управляющего военным министерством от 30 мая 1847 г. № 303 об определении Шевченко рядовым в Отдельный Оренбургский корпус и просьбой уведомить, "в который из оренбургских линейных батальонов он будет зачислен", наложил резолюцию: "Назначить во 2-й батальон под самый строгий надзор". Однако Шевченко был уже внесен в списки пятого батальона, находившегося в Орской и менять ничего не стали.

Июнь, 25.

Рапорт Мешкова командиру первой бригады генерал-майору Л.И.Федяеву о том, что "рядовой Шевченко... в списочное состояние батальона зачислен, с определением в роты, здесь, в крепости, расположенные".

Знакомство Шевченко с товарищами по несчастью - подтвержденными поляками, галичанами и др., состоявшими в том же батальоне и обитавшими в той же казарме.

Начало занятий на плацу, под непосредственным присмотром батальонного командира...

ИЗ БИОХРОНИКИ - 1848

Нижние казармы, реконструкция

Май, начало.

Для руководства подготовкой к выступлению транспортов в степь в Орскую крепость прибыл военный начальник края В.А.Обручев.

Приехали К.И.Герн, отправлявшийся возводить форт на Карабутаке, и

А. И. Бутаков вместе с конструкциями шхуны, флотской командой и морскими офицерами.

Шевченко получил письмо от Ф. Лазаревского с рекомендацией ему судейского чиновника Петрова И.Ф., назначенного в Раимское укрепление.

Май, 7.

Шевченко получил подарок от А. Лизогуба: художественные принадлежности, бумагу и даже "писанку" - пасхальное, в красках, яйцо.

Май, 8.

Бригадный командир генерал-майор Федяев, выполняя указание командира корпуса генерала от инфантерии Обручева, распорядился о переводе Шевченко из 5-го в 4-й батальон с отправлением в Раимское укрепление как назначенного туда на службу.

В этот же день из Орской крепости выступили в степь небольшой отряд штабс-капитана Герна для закладки Карабутакского форта и, одновременно, отряд для съемки в песках Каракумов под начальством прапорщика корпуса топографов Яковлева, в сопровождении 160 оренбургских казаков.

Май, 9.

Письмо А. Лизогубу с благодарностью за все присланное и "широе дружеское слово". Шевченко сообщил о "разрешении рисовать" (?) и "приказании в поход выступать". Под конец прощался: "Если не увидимся на сем свете, так уже наверняка встретимся на том. До свидания!"

Май, 10.

Из Орской крепости выступил транспорт из 500 подвод, под прикрытием двух сотен оренбургских казаков и двух орудий с прислугою, под начальством войскового старшины Иванова; конечной целью отряда прикрытия являлось Уральское укрепление.

Последние приготовления к выступлению основного тележного транспорта в Раимское укрепление, в состав которого был включен и рядовой Шевченко (без указания на его обязанности художника описной экспедиции).

Май, 11.

Выступление тележного транспорта из 1500 башкирских одноконных подвод, под прикрытием роты пехоты, двух сотен оренбургских казаков и двух орудий с прислугою из Орской крепости. Шевченко - в пехотной роте прикрытия. Напутственный молебен за рекой Орь. Первый переход, протяженностью 23 версты, вдоль левого берега Ори до ее притока - речки Мендыбай. В пути - знакомство со штабс-капитаном А. И. Макшеевым и приглашение делить с ним его джуламейку; предположительно - беседы с генерал-майором И.П.Шрейбером, А. И. Бутаковым и К. Е. Поспеловым.

Май, 12.

Второй переход вдоль левого берега р.Ори, до привала, условно поименованного "Залив р.Ори и озерко", от предыдущего - 22 версты. Наблюдение степного миража и степного пожара (пала). По предложению генерала Шрейбера Шевченко взялся за акварель, запечат левшую пожар в степи, и во время привала в основных чертах ее нарисовал.

Из Орской крепости в этот же день выступил большой верблюжий транспорт под начальством войскового старшины Филатова, следовавший туда же, что и тележный.

Май, 13.

Третий переход, опять же вдоль левобережья Ори, - до привала "Река Орь и овраги"; протяженность дневного маршрута - 16 верст. Углубление впечатлений от пожара (движение по обгорелой степи) и продолжение работы над первой походной акварелью (во время последующей стоянки).

Май, 14.

Четвертый переход - 18-верстный - по тому же левому берегу р.Ори. На половине дороги - переправа вброд через речку Мамыт. В конце пути - крутой спуск с возвышенности в долину реки Орь, сооружение плавучего моста, длительная и трудная переправа на правый берег реки и привал там для отдыха и сна.

Май, 15.

Первая суточная дневка в походе. Шевченко выполняет карандашный рисунок, а затем и акварель, запечатлевшие дневку транспорта в степи. Заканчивает акварель, воссоздающую неповторимость виденного им пожара. Первую он дарит А. И. Бутакову, вторую - И.П. Шрейберу.

Май, 16.

Транспортная дорога ведет на юго-восток, к Иргизу. Пятый переход - до речки Таетыбутак, 22 версты. После переправы вброд разбивка лагеря и остановка до следующего утра.

Май, 17.

Шестой переход - до "Лощины со снежною водою", 20 верст. Лощины с водою, накопившейся с весны, - особенность всего отрезка пути. В тот же день военный губернатор и командир корпуса получает в Оренбурге донесение о готовящемся нападении большого отряда хивинцев и мятежных казахских биев на транспорты, выступившие в степь. Обручев предпринимает меры к пресечению возможных нападений, прежде всего путем формирования специальных отрядов для разгона и уничтожения неприятеля.

Май, 18.

Седьмой переход - к верховью р.Ащесай, также вдоль лощин с талой водою. Пройдено еще 22 версты. В Оренбурге, Илецкой Защите и других местах формируются отряды для экстренного выступления в степь с целью предохранения транспортов от разгрома враждебными силами.

Май, 19.

Восьмой переход - к речке Уймуле (Курпе), 22 версты. В пути - озеро Билькопа. Шевченко накапливает информацию о степи и ее достопримечательностях; источник ее - казаки, башкиры, казахи и другие, бывалые в походах, люди. Известия о тревогах

Обручева и грозящей опасности до транспорта пока не дошли. Меж тем отряды, формируемые по приказу командира корпуса, выходят на исходные рубежи.

Май, 20.

Девятый переход (20 верст) - завершающая часть северной половины маршрута до укр.Уральского - вел к р.Карабутак. На полпути состоялась промежуточная остановка неподалеку от главной достопримечательности здешних мест - одинокого, или святого, дерев а ("джангыс-агача"). Оно поразило воображение Шевченко, вдохновив его на акварель, стихотворение "У Бога за дверми лежала сокира", а впоследствии и зарисовку в прозе ("Близнецы"). Акварель, по всей вероятности, была выполнена в течение этого и следу ющего дней; этот же день ознаменовался началом работы над названным стихотворением - этапным в освоении темы степей, прошлого и настоящего их народов. Во время привала состоялась встреча с К.И.Герном - штабс-капитаном, строителем форта.

Май, 21.

Дневка на реке Карабутак, неподалеку от воздвигаемого форта. Посещение его, новая встреча с Герном; карандашные зарисовки построенного и первые попытки эскизной реконструкции проекта в законченном виде - подступ к будущей акварели "Форт Карабутак". Участие в церемонии освящения форта; обед у К.И.Герна; душевная беседа с ним. Ночное происшествие: стычка с караульными башкирами, не желавшими пропустить в лагерь Макшеева и Шевченко как не знавших пароль.

Май, 22.

Выступление транспорта в дальнейший путь и еще один курьез: громогласное проклятие форту священника Семихатова, оскорбленного тем, что его не пригласили на торжественный обед. Десятый переход: от Карабутака до р.Ащесая (Ащебутака) - 17 верст и далее - от Ащесая до р.Яманкайраклы (еще 15), две переправы вброд.

Май, 23.

Переход одиннадцатый: к устью р.Якшикайраклы, у впадения ее в р.Иргиз (20 верст). Раздумья Шевченко о богатствах степных недр, золоте на берегах этой и ранее перейденных речек, о "новом Санто-Франциско" в "киргизской степи".

Май, 24.

От места очередного ночлега транспортная дорога потянулась до самого Уральского укрепления вдоль реки Иргиза, сначала по правую его сторону, а со середины следующего отрезка пути - по левую. Двенадцатый переход - 23 версты.

Май, 25.

Тринадцатый переход - 24 версты вдоль Иргиза. На половине маршрута - переправа на левый берег, по вязкому песчаному грунту дна, потребовавшая нескольких часов усилий всех участников перехода.

Май, 26.

Четырнадцатый переход - до остановочного пункта "Рукав Иргиза против горы Манаулие" (23 версты). Переход, как и другие, послужил материалом для картинного описания степных мест по пути следования в повести "Близнецы" и, таким образом, стал фактом литературным, подтвердившим особый интерес Шевченко к историческим памятникам и названиям казахов. На маршруте этого дня вызвала тревогу прервавшаяся связь с отрядами (эшелонами), вышедшие из Орской крепости до тележного транспорта.

Май, 27.

Пятнадцатый переход - до привала "Река Иргиз при могиле Дустана" (17 верст). В пути следования прибыло донесение от войскового старшины Иванова, сбивчиво и неграмотно сообщавшего генерал-майору Шрейберу о нападении неприятеля, последовавшем накануне. Шевченко узнал о случившемся, когда транспорт достиг места нападения, и он впервые увидел "обезглавленные и обезображенные трупы". Однако не эти печальные картины взял художник на карандаш, но Дустанову могилу, тут же записав и кое-какие сведения о самом "батыре Дустане". Впоследствии им будет выполнена акварель памятного знака истории казахского народа.

Май, 28.

Шестнадцатый переход проходил, как и предыдущий, по пескам Яманкумов; к середине его (общая протяженность - 24 верст) снова выбрались на твердую почву. По мере получения дополнительных, более точных, сведений о нападении хивинцев и боевых действиях о рядах Яковлева и Иванова 26 мая нарастала тревога, вызванная возможностью повторения неприятельских попыток остановить и разгромить тележный транспорт. По приказу Шрейбера предпринимались особые меры предосторожности на случай нападения как в пути, так и на привале у р.Иргиза.

Май, 29.

Семнадцатый переход (25 верст) - вдоль р.Иргиза, с привалом на берегу этой же реки. Продолжающееся расширение круга знакомств Шевченко среди всех категорий участников похода, в т.ч. членов экспедиции по описи и промеру Аральского моря.

Май, 30.

Восемнадцатый переход (14 верст) - к месту переправы через р.Иргиз, неподалеку от Уральского укрепления. "Это было первое мною виденное степное укрепление, поразившее меня так неприятно своею грустною наружностью" (Шевченко). В лагере собрались все походные колонны и отряды, выступившие из Орской и благополучно достигшие главного промежуточного пункта в походе на Арал. Шевченко сделал первые карандашные наброски укрепления.

Май, 31.

Лагерь близ Уральского укрепления: встречи и знакомства, обмен впечатлениями, получение достоверной информации, в т.ч. о бое отряда топографов прапорщика Яковлева с нападшими на них неприятелями. Перед продолжением пути, особенно по Каракумам, - усиление ранее предусмотренных сил прикрытия. Шевченко выполняет карандашный и компанует акварельный рисунок "Уральское укрепление".

Июнь, 1.

Лагерь близ Уральского укрепления. "Трехдневный отдых около укрепления видимо освежил всех" (Макшеев). Подготовка к выступлению тремя эшелонами (первый - под командованием войскового старшины Филатова, второй - подполковника Ваулина, третий - со тника Падурова). Шевченко завершил акварель с изображением укрепления на Иргизе, впоследствии ставшую собственностью В.А.Обручева.

Июнь, 2.

Начало южной части похода (от Уральского укрепления до Раимского). Выступление, вместе с участниками описной экспедиции, в составе первого эшелона, состоявшего из 500 повозок и 1000 верблюдов. Девятнадцатый переход протяженностью 20 верст закончил ся у озера Джалангач.

Июнь, 3.

Двадцатый переход - 16 верст: до озера Китайкуль. Конечные пункты предыдущего и этого дневных маршрутов оказались весьма скудными по части подножного корма для скота, а тут еще и воды, что вынудило сделать изрядный крюк к озеру Тополанкулю.

Июнь, 4.

Двадцать первый переход протянулся на 36 верст, до озера Джаловлы - места дневки в преддверии Каракумов. Шевченко на пути из Уральского впервые увидел многотрудную жизнь байгушей - беднейших казахов; это знаменовало возникновение темы байгушества в его творчестве.

Июнь, 5.

Дневка на р.Джаловлы. "За этой гнилой речкой начинаются страшные Каракумы (черные пески)... Целый день у нас только и разговору было, что про Каракумы... Бывалые... рассказывали ужасы, а мы... слушали и ужасались..." (Шевченко). Беглые зарисовки казахов и верблюдов в альбоме.

Июнь, 6.

Двадцать второй переход - к копаням (колодцам) Терекли (32 версты). Дорога сначала под нестерпимым солнцем, но вслед за

тем, при входе в песчаные бугры, резкий северный ветер заставил надеть шинели и не снимать их уже трое суток. Из этого дня, его раннеутреннего начала, Шевченко вынес воспоминание о "плачущих верблюдах".

Июнь, 7.

Двадцать третий переход - до копаней Джулюс (17 верст). "Дорога вела по глубокому песку" (Бларамберг). По-прежнему свирепствовал холодный "нордовый ветер" (Шевченко).

Июнь, 8.

Двадцать четвертый переход - до копаней Каракудука (18 верст). Сыпучие пески, острый недостаток в воде и корме, климатические условия изматывали и людей, и лошадей.

Июнь, 9.

Северные ветры большой силы бушевали, не утихая, до полудня двадцать пятого перехода (30 верст), однако на последней трети пути гармсили стали брать реванш над нордом, на все живое в эшелоне снова навалилась непереносимая жара. "... Эти десять верст (до копаней Дунгурлюксор - Л. Б.) показались мне десятью десять..." (Шевченко). В довершение всего место привала оказалось без ожидавшихся колодцев: "никогда в жизни я не пил такой гнусной воды, как сегодня".

Июнь, 10.

Двадцать шестой переход (31 верста) - к копаням Кулькудука, имевшим славу "лучшего ночлега в песках Каракумов по достаточному количеству воды и подножного корма" (официальное расписание маршрута). На этом отрезке пути, как и на других, Шевченко как аппливал впечатления о "киргизской Сахаре"; отдельные из них, в виде этюдов-набросков, сохранились в его альбоме.

Июнь, 11.

Дневка в Кулькудуке. Продолжающаяся тревога по поводу возможного нападения извне (разноречивые донесения из Раимского укрепления о действиях неприятеля). В связи с усилением жары выступления эшелона переносились впрямь на два часа пополуночи.

Июнь, 12.

Двадцать седьмой переход (16 верст) - к копаням Алтыкудука. Запомнившаяся Шевченко огромная "ослепляющая равнина" ("высохшее озеро, дно которого покрылось тонким слоем белой, как рафинад, соли"). Эшелон, следующий по необозримой пустыне, он эскизно запечатлел в рисунке карандашом. В этот день участники похода явственно ощутили приближение моря.

Июнь, 13.

Конечным пунктом двадцать восьмого перехода (18 верст) стали копани Акджулпаса. Со середины этого пути дорога тянулась вдоль берегов Сарычаганак и Акджулпаса - северных заливов Арала. Сохранился выполненный на привале дня карандашный рисунок с собс твенноручной надписью "Ак-джул-пась".

Июнь, 14.

Двадцать девятый переход - к копаням Аккудука (11 верст). Аккудук зарисован Шевченко на одном и том же листе альбома дважды.

Июнь, 15.

Тридцатый переход - к копаням Сапака (15 верст). Скудость воды в колодцах потребовала копки новых и расчистки пересохших, особых мер для сохранения сил людей и животных.

Июнь, 16.

Тридцать первый переход - к озеру Камышлыбашу (30 верст) - проходили, по свидетельству Шевченко, ночью, потому что "не было возможности пройти днем". На Камышлыбаше он впервые увидел прираимский аул вконец обнищавших, разоренных набегами хивинцев ка захов-земледельцев.

Июнь, 17.

Последний, тридцать второй, переход (25 верст), пройденный в главной своей части также ночью, закончился близ Раимского укрепления - цели всего похода. "Вид со степи на укрепление грустнее еще, нежели на Калу-Иргиз... Навстречу нам вышел весь гарнизон. Бледные, безотрадные, точно у арестантов лица..." (Т. Шевченко, "Близнецы").

ИЗ БИОХРОНИКИ - 1850

Октябрь, 3 (или 4).

Сакмарские ворота, реконструкция по чертежам начала XIX века

На пути к новому месту своей солдатской службы - Новопетровскому укреплению, что на Мангышлаке, Т. Шевченко, который едва не погиб в Губерлинских горах, прибыл в Оренбург. Он был в синяках, со следами ушибов.

Задержка в городе исключалась - торопил о скорое закрытие навигации на Каспийском море, однако некоторых старых друзей он навестил. Строки воспоминаний оставили Б. Залеский (в письме к А. Венгржиновскому) и новый знакомый поэта Ян Станевич. Последний впоследствии писал:

"... Он выглядел печальным. Преследование его угнетало; он начал пить, и как-то странно и угрюмо выглядел между нами... Бывали, однако, минуты, когда он оживал, рассказывая о своих приключениях, пел малороссийские песенки и был очень приятным собеседником..." Станевич свидетельствовал:

"... Шевченко пробыл в Оренбурге не более двух дней".

Октябрь, 5.

Выезд из Оренбурга в Уральск.

Октябрь, 5-7.

Поездка на перекладных по 500-верстному тракту, с населенными пунктами:

**Чернореченская
Рычковская
Татищевская
Зубочистинская
Чесноковская
Нижнеозерная
Рассыпная
Илецкий городок
Мухраново
Студеной
Кинделинской
Иртецкой
Кирсановской
Генварцов
Рубежинской
Гниловской.**

Ночлеги могли, предположительно, быть в Илецком городке и Генварцове.

Октябрь, 7.

Приезд в Уральск, представление и.о. командира батальона, встречи официальные и неофициальные, продолжавшиеся также на следующий день.

Октябрь, 8.

Исполнявший обязанности командира 1-го линейного батальона капитан Е.И.Коржов подписал рапорт коменданту Новопетровского укрепления подполковнику А.П.Маевскому о зачислении Т. Шевченко ("рядового из политических преступников") в 4-ю роту батальона, расквартированную в означенном укреплении, "под надзор ротного командира штабс-капитана Потапова". Рапорт был вручен, для передачи адресату лично, унтер-офицеру Булатову, "за присмотром" которого Шевченко надлежало в срочном порядке доставить к новому его месту службы.

Октябрь, 8 (или рано утром 9).

Начало более чем 850-верстного пути в Гурьев-городок. Указания отдельных биографов на то, что Шевченко и его сопроводитель следовали из Уральска в лодке является абсурдным уже хотя бы потому, что стояла весьма прохладная, и даже холодная, осенняя пора. Ни о какой срочности при таком способе доставки "преступника" говорить не приходилось.

Октябрь, 8 (или 9)-13.

Поездка на перекладных через населенные пункты:

**Круглоозерный
Чеганский
Кашевской
Бударинский
Кожехаревский
Лбищенский**

**Горяченский
Мергеневский
Каршинский
Сахарновская
Калиновский
Лебяженский
Антоновский
Круглой
Котельной
Калмыкская
Красноярский
Харкинский
Горская
Гребенщиков
Кулажинская
Орлов
Зеленовский
Тополинская
Кармановский
Баксайская
Еманжелинский
Сарайчиковская
Сорочинский
Редутский
Кандауровский.**

Пять дней - пять ночлегов, которые, по моему предположению, могли быть в наиболее крупных селениях: форпосте Лбищенском, станицах Сахарновской, Калмыкской (или Горской), Тополинской (или Баксайской), Сарайчиковск ой.

Октябрь, 13.

Прибытие в Гурьев-городок, представление его начальнику есаулу Назарову. Из рапорта Назарова оренбургскому военному губернатору Обручеву: "12 ч. сего октября из Ново-Петровского укрепления в Гурьев-городок прибыла почтовая лодка с хорунжим Еры клинцовым с почтою, а 13 ч. отправилась обратно в укрепление с почтою же и политическим преступником рядовым линейного Оренбургского батальона № 1-го Тарасом Шевченко". Дата отправки на самом деле была иной, более поздней.

Октябрь, 14.

Из письма начальника Гурьева-городка коменданту Новопетровского укрепления, датированного 14-м октября: "Доставленного при отношении командира линейного Оренбургского батальона № 1-го от 8 октября за № 2490-м рядового из политических преступников Тараса Шевченко при сем к вашему высокоблагородию на почтовой лодке под присмотром унтер-офицера Булатова имею честь препроводить".

Октябрь, 17.

Шевченко прибыл в Новопетровское укрепление.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ

А

АГАСПЕЯР - урочище между грядками Каратау и Южный Актау на полуострове Мангышлак. Остатки старой крепости и поселений давних времен, большое туркменское кладбище. Место разведки каменного угля Каратауской экспедицией в июне-июле 1851 г. Т. Шевченко вып олнил четыре рисунка с видами гор и кладбища, отличавшегося неповторимостью своих памятников.

Здание 2-го эскадрона Неплюевского кадетского корпуса, в цокольном этаже гауптвахта; реконструкция по чертежам 1847 г.

АДЖИБАЙ - урочище на западном побережье Аральского моря, место стоянки шхуны "Константин" 22 августа 1848 г. Здесь состоялась встреча участников экспедиции А. Бутакова с местными жителями, запечатленная в карандашной зарисовке Т. Шевченко; его же рукою сделана помета: "Аджибай з.б." (т.е. западный берег).

АЗОВ - город на р.Дон, близ впадения его в Азовское море (ныне в Ростовской области). Один из древнейших городов Причерноморья, в 10 в. входил в состав древнерусского государства, при Петре I стал могучей крепост ью. Т. Шевченко здесь не бывал, но интересовался Азовом как местом службы своего друга Я.Кухаренко, назначенного первоначально кошевым в Азовское казачье войско; одно из шевченковских писем из Новопетровского укрепления было адресовано туда.

АКДЖУЛПАС - копани (колодцы) на пути к Раимскому укреплению, в четырех переходах от Раима.

Конечный пункт двадцать восьмого перехода транспорта, в котором находился Т. Шевченко (13 июня 1848 г.).

Акджулпас также один из северных заливов Аральского моря, вдоль которого следовал транспорт.

Известен карандашный рисунок Шевченко со сделанной его рукой надписью "Ак-джуль-пасъ", выполненный в тот же день.

АККУДУК - копани на пути к Раимскому укреплению, в трех переходах от Раима.

Конечный пункт двадцать девятого перехода транспорта, в котором следовал Т. Шевченко (14 июня 1848 г.).

Художником сделаны две зарисовки Аккудука.

В переводе с казахского название означает колодезь с льющейся через край водой.

Однако, как и предупреждало официальное описание маршрута, "воды в этих копанях весьма недостаточно для большого отряда".

АКМИШТАУ - плато в центральной части горного хребта Северный Актау на Мангышлаке, место работы Каратауской экспедиции в июле (начале августа) 1851 г.

Известны два рисунка Т. Шевченко, запечатлевших названную гору.

АКТАУ - меловые горы ("белые горы") на Мангышлаке. Параллельные гряды Каратау, они были объектом изучения экспедицией А. Антипова и профессиональных интересов ее участника - художника Т. Шевченко. В 1854 г. он писал Б. Залескому: "...скоро увидите и Ак-Тау, и Кара-Тау, ежели не красками, то по крайней мере сепией". Рисунки, непосредственно относящиеся к Актау, в полной мере не выявлены.

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ ФОРТ - см. Новопетровское укрепление.

Новое свое название укрепление получило в 1858 г., уже после отъезда оттуда Т. Шевченко (август 1857), но вошло в его биографию в связи с продолжавшейся перепиской поэта с мангышлакскими знакомыми, а также с представлением работ художника на выставках.

АЛТЫКУДУК - копани (колодцы) в Каракумах, оазис в песках на пути к Аральскому морю. Буквальный перевод названия: "Шесть колодцев".

Конечный пункт двадцать седьмого перехода (16 верст) транспорта из Орской крепости в Раимское укрепление, 12 июня 1848 г.

Каракумы заканчивались. "Бугры начали сглаживаться, начали показываться довольно широкие равнины. Вправо от дороги мы уже третий день видим синюю гору, и она, кажется, как будто от нас уходит...".

Из Алтыкудука Т. Шевченко наблюдал холмы Мергенчинк, которые образовывали северный берег Аральского моря.

АМАНУТКУЛЬ - переправа в 14 верстах ниже Раимской пристани, от Раима до устья Сырдарьи. Т. Шевченко узнал это название при выходе шхуны "Константин" в первое плавание, мог слышать его и при возвращении после второго. Другой удобной переправой для судна является Хануткуль - в 9 верстах ниже названной.

АМУДАРЬЯ - река в Средней Азии. Образуется слиянием Пянджа и Вахша, впадает в Аральское море, образуя дельту; протяженность - 1415 километров. "Амударья, Оксус древних, пройдя одним общим руслом большую часть Хивинского ханства, начинает разветвляться в широте около $42^{\circ}12'$, долготы от Гринвича - $60^{\circ}15'$, между городами Кинчаком и Ходжайли, разделяясь на многие рукава, составляющие ее дельту. На середине пространства, занимаемого дельтой, почва образует род впадин, в которую вода сливается из всех рукавов, кроме самого западного, в ряд озер, более или менее заросших камышами, из которых она потом снова стекает в отдельные русла, впадающие в Аральское море". (А. Бутаков).

Участник Аральских экспедиций 1848 и 1849 гг., Т. Шевченко был

среди первых исследователей дельты Амударьи, от которых требовалось большое личное мужество в силу агрессивной враждебности хивинцев и их вассалов. Река упоминается в его переписке.

АНДРУШИ - село Переяславского уезда Полтавской губернии (ныне - в составе г.Переяслава-Хмельницкого Киевской области). В шевченковском альбоме 1845 г. сохранились два рисунка с авторскими надписями "Андруши". Жи вописное село на левом берегу Днепра Т. Шевченко вспоминал в Новопетровском укреплении, в письме к А.Козачковскому (16 июля 1852): "Помните ли нашу с вами прогулку в Андруши..." Вторично он писал об Андрушах тому же адресату 14 апреля 1854 г. ("Мені здаєт ься, що й раю кращого на тім світі не буде, як ті Андруші...").

АПАЗИР - долина в горах Каратау на Мангышлаке, место длительной стоянки Каратауской экспедиции А.Антипова, пробурившей здесь первые шурфы и осуществившей в этих местах пробы каменного угля. Прибыв сюда 1 июня 1851 г., экспедиция, в составе которой был Т. Шевченко, находилась в долине у подножия Каратау 18-20 дней. Для поэта и художника это было время тесного общения с уральскими горнозаводцами, приятелями-поляками и усиленных занятий рисованием (рисунки "Вид на Каратау с долины Апазир", "Долина Апазир" и др., акварели "Лунная ночь среди гор", "Аулиетау", наброски ландшафта). Отсюда им было написано письмо А. Венгржиновскому, пересланное в Оренбург с Б. Залеским. Одно из наиболее памятных мест первого года солдатчины Т. Шевченко на Мангышлаке.

АРАЛЬСКОЕ МОРЕ

(Арал) - бессточное соленое озеро-море в Средней Азии.

Площадь с островами 66458

кв.км., преобладающие

глубины 20-25 км.;

наибольшая - 68 м.;

северные берега местами

высокие, местами

низменные, во точные -

песчаные, со многими

мелкими заливами и

островами, южные

образованы дельтой

Амударьи, западные -

чинком (обрывом) Устюрта,

с возвышением на 190 м. над

уровнем моря. В Арал впадают реки Сырдарья и Амударья. Климат континентальный

(средняя температура воздуха летом - +24-26 градусов, зимой - минус 7-13,5 градусов.

(Все эти сведения - из литературы 50-х гг.; с конца их уровень Аральского моря

катастрофически падает, ставя его перед угрозой уничтожения).

Т. Г. Шевченко

***Среди участников экспедиции на берегу Аральского моря
1848-1849***

"До 1848 года Аральское море изображалось на картах только по рекогносцировкам, произведенным в некоторых местах, по поверхностным маршрутным съемкам на западном берегу и, главное, по собранным от киргизов распросным сведениям... В 1847 году перевезли для описи Аральского моря разобранную шхуну "Николай"... она успела в то лето сделать только съемку части восточного берега на семьдесят верст к югу от Сырдарьи, с прилегающими островами и части острова Кугарала. В первую половину лета 1848 года гг. Ак ишев и Голов... произвели на шхуне "Николай" планшетную съемку всего северного берега, от устьев Сыра до Кумсуата. В начале 1848 года я имел честь быть назначен начальником описной экспедиции Аральского моря..." (А. Бутаков).

Первое полное научное изучение и описание до того неведомого моря было осуществлено именно экспедицией А. Бутакова 1848-1849 гг. Т. Шевченко участвовал в ней от начала и до конца, впервые в истории запечатлев Арал, его острова и берега в обширной серии акварелей, карандашных рисунков и множестве эскизных набросков с натуры.

АРХАНГЕЛЬСК - губернский (ныне областной) центр России, морской и речной порт. Основан в 1584 г.

Не бывши никогда в Архангельске, Т. Шевченко имел представление о нем, как и о самых различных местах державы, по литературе, периодике и рассказам бывалых людей. В записи Дневника за 10 августа 1857 город упомянут как олицетворение губернскости: "Непо нятная любовь к ливрее. Нередко попадаются львы и львицы; эти повсеместные плотоядные не климатизируются, они и здесь такой же шерсти, как и в Архангельске, как и везде". Смысл замечания: южная Астрахань и северный Архангельск равны своими нравами и одеждой дамы, живут по одним законам бытия, укоренившимся в Российской империи, ее верхних кругах.

АСТРАБАД - город на севере Ирана (современное название - Горган).

Т. Шевченко в этом городе не был и быть не мог. Тем не менее он вошел в воспоминания о поэте-художнике периода его новопетровской солдатчины. Е. Косарев рассказывал, как однажды, летом, рано утром, с южной стороны моря "появился великолепный и так долго державшийся мираж, изображающий какой-то неизвестный нам город с домами, башнями и проч., что Шевченко успел даже отлично срисовать это явление". Когда много времени спустя "картину" увидели офицеры с парохода "Ленкорань", они "в один голос воскликнули: "Да это Астрабад..." Какие-либо зарисовки миража не известны.

АСТРАХАНЬ - город на р. Волге, в верхней части ее дельты, центр Астраханской губернии (ныне одноименной области), важнейший речной и морской порт Волго-Каспийского бассейна. Первые известия об Астрахани относятся к 13 в.; сохранились Кремль конца 16 в. и другие памятники истории города, связанные, в частности, с восстанием Степана Разина.

Т. Шевченко многое знал об Астрахани еще в бытность свою в Новопетровском укрепении, где свел знакомство и с коренными астраханцами, и с теми, кто там бывал. Уже в повести "Близнецы", написанной здесь, запечатлены живые, реальные черты этого города, с одержатся названия его районов. По окончании солдатской службы Шевченко прожил в Астрахани с 5 по 22 августа 1857 г., до отплытия парохода "Князь Пожарский", которым он следовал до Нижнего Новгорода.

Астрахани, ее настоящему и прошлому, встреченным в нем хорошим людям посвящены многие записи в Дневнике. В представлении Шевченко сложился законченный образ города: "Астрахань - это остров, омываемый одним из протоков Волги, перерезанной рядом вонючих болот, называемых рекою Кутумом, и каналом, ни в чем не уступающим реке Кутум. Полуостров этот окружен густым лесом мачт и уставлен живописными бедными лачугами и серыми, весьма неживописными деревянными домиками с мезонинами, не похожими на лачуги пото му только, что из них выглядывают флотские и вообще официальные физиономии. Всю эту огромную безобразную серую кучу мусора венчают зубчатые белые стены Кремля и стройный великолепный пятиглавый собор московской архитектуры 17-го столетия..."

Город упоминается также в повести "Несчастный", в письмах Шевченко. Известен его рисунок "В Астрахани".

В Астрахани сохранился дом, в котором жил поэт (ул.Шаумяна, 3).

АУЛ - селение (в прошлом кочевое) у казахов, туркмен, каракалпаков и других азиатских народов. Т. Шевченко был знаком с аульной жизнью и запечатлел ее в своих живописных работах и рисунках.

АУЛЬЯТАУ - "святая гора" в гряде Каратау на Мангышлаке; свое название получила, вероятно, по гробнице на вершине одной из возвышенностей. Т. Шевченко нарисовал акварель, запечатлевшую одно из примечательных мест Каратауской экспедиции 1851 г. Оригинал в настоящее время неизвестен.

АЩЕСАЙ - река, приток Иргиза.

Верховье Ащесая являлось конечным пунктом седьмого перехода транспорта из Орской крепости в Раимское укрепление 18 мая 1848 г. Вторая встреча с той же рекой состоялась 22 мая.

Б

БАЙГУБЕК - мыс на западном берегу Аральского моря, место стоянки шхуны "Константин" 20 августа 1848 г. "...Утесы Усть-урта, разнообразясь беспорядочным размещением и разноцветностью слоев каменистых пород, производили при солнечном освещении какой-то волшебный вид с моря. Взор обманывался невольно, и на этих пустынных берегах рисовались храмы, башни, шатры, колонны и прочее..." (А. Макшеев). Т. Шевченко выполнил акварели и зарисовки этих мест, участвовал в их обследовании.

БАКУ - крупнейший город и порт на западном берегу Каспийского моря, в южной части Апшеронского полуострова (первые упоминания о нем под этим названием относятся к 9-му веку). Ныне - столица Азербайджана.

Т. Шевченко был наслышан о Баку, главным образом, от морских офицеров с пароходов, курсировавших по Каспийскому морю, от участников экспедиций по исследованию морских берегов и других лиц, бывавших там. Характер записи в Дневнике за 18 июля 1857 г. сви детельствует об осведомленности его в прошлом и настоящем этого города.

БАЛАХНА - уездный город Нижегородской губернии на правом берегу Волги, в 32 км. выше Нижнего Новгорода. Ныне крупный промышленный центр Нижегородской обл., город областного подчинения.

Основание Балахны относится к 70-м гг. 15 столетия. В 16-19 веках славилась постройкой судов, плотничеством и отливкой колоколов.

24 сентября 1857 в своем Дневнике Т. Шевченко сделал запись о поездке в Балахну, чтобы "посмотреть на строящийся там пароход и баржи для компании "Меркурий". Поездка протекала в течение одного дня. "Едва успел вскарабкаться на кучу бревен и взглянуть на эту родительницу бесчисленных живописных расшив, как инспектация кончилась..." Тем не менее "одна из главных верфей на берегах Волги" стала известна ему не только по рассказам.

БАЛК-ЧУЙЛЕ - урочище близ Новопетровского укрепления (в 4-х км. по Эмбинской дороге). Несколько источников пресной воды, которую отсюда возили для снабжения обитателей укрепления. В словесном обиходе урочище называли вали Балкой. Место первой остановки (и ночлега) Каратауской экспедиции 21 мая 1851 г. Т. Шевченко бывал здесь в разное время своей новопетровской солдатчины.

Т. Г. Шевченко
Шатер экспедиции на о-ве Барса-Кельмес
1848

БАРСА-КЕЛЬМЕС - остров в северной части Аральского моря; местное название переводилось как "дойдет и не вернется". Т. Шевченко побывал здесь во время Аральской экспедиции 7-8 августа 1848 г. Результатом посещения острова стали рисунки "Шатер экспедиции на острове Барса-кельмес" и "Барса-кельмес" (Шевченко записал "кильмес"). В непосредственной близости от него экипаж шхуны "Константин" пережил огромной силы бурю, продолжавшуюся около трех суток.

БЕЛЕБЕЙ - уездный город Оренбургской губернии, центр башкирского кантона. Основан в 1757 году. Ныне город в Башкирии.

Т. Шевченко мог слышать о нем еще в 1847, следуя в Оренбург (хотя фельдфебель и избрал более короткий путь, оставив Белебей в стороне). В течение всей десятилетней солдатчины он получал различные сведения об этом городке. Нельзя исключить, что Шевченко ездил (или собирался съездить туда) в 1850, вместе с К.И.Герном, имевшим неподалеку от Белебея хутор.

Во всяком случае, название запало ему в память. 8 августа 1857 в Дневнике, подчеркивая разочарование от Астрахани, он записал: "На человека, прозябавшего, как я, семь лет в нагой пустыне, всякий, даже богоспасаемый город Белебей (самый ничтожный город ишко Оренбургской губернии), должен бы был сделать приятное впечатление. Со мной случилось не так. Стало быть, я не совсем еще одичал..."

БЕЛЛИНСГАУЗЕНА ОСТРОВ - остров в Аральском море, нанесенный на карту моря А. Бутаковым 30 августа 1849 г. Назван в честь почитаемого моряками выдающегося русского адмирала-первопроходца (1778-1852). Т. Шевченко, как и весь экипаж шхуны "Константин", участвовал в открытии и описании острова.

БЕЛОЗЕРИХА - село Макарьевского уезда Нижегородской губернии.

Здесь в 1857 г. происходили массовые волнения крестьян, вызванные всевозможными притеснениями со стороны помещика Демидова.

7 ноября того года Т. Шевченко записал в своем Дневнике виденное им у губернаторского дворца, когда "толпа мужиков" этого и соседних сел пришла к губернатору "просить управы". Следствие в селах, где произошли "беспорядки", как свидетельствуют архивные материалы, обернулось против крестьян.

"БЕРЕГИСЬ!" - мель на Аральском море, между островами Кушджитмес и Джангыл.

"Мель эту, опасную потому, что она выдается в море далеко от берегов и не заметна ни по чему, я назвал "Берегись!" (А. Бутаков). На карту мель была нанесена в июле 1849 г. У Т. Шевченко впечатления 9 июля отражения не нашли.

БИГАЧ (Бегач) - село Черниговского уезда Черниговской губернии (ныне в Менском районе Черниговской области). Т. Шевченко бывал здесь в марте-апреле 1847 г., незадолго до своего ареста. В имении Кейкуатовых он выпо лнил портреты жены и детей помещика-князя. В июльском 1852 г. письме к А. Лизогубу из Новопетровского укрепления Шевченко вспоминал село и его обитателей.

БИЛЬКОПА - озеро на пути следования транспорта из Орской крепости к Раимскому укреплению, посреди восьмого перехода, 19 мая 1848 г.

БОГОРОДСК - городок на Владимирском тракте, почтовая станция на пути к Нижнему Новгороду. Т. Шевченко проезжал тут в начале июня 1847 г., во время следования к месту своей солдатской службы.

БОГОСЛОВСКИЙ (Богословск) - горнозаводский городок на северо-востоке Оренбургского края в границах 50-х гг. XIX в., место дислокации одного из батальонов Отдельного Оренбургского корпуса. Т. Шевченко знал о Богословском преимущественно по рассказам, рисункам и письмам Б. Залеского, которому туда же писал из Новопетровского укрепления. С 1941 - г.Карпинск, Свердловской области.

БОГУСЛАВ - городок в Каневском уезде Киевской губернии (ныне город и районный центр Киевской области). Т. Шевченко бывал в нем в детстве, а затем в 1845 г. В Орской крепости он встречался с "богуславцами" - комендантом Г. Левитским, его женой и дочерьми. Городок упоминается в повести "Прогулка с удовольствием и не без морали".

БОЛЬШАЯ ОРЕНБУРГСКАЯ (Большая линейная) - дорога от Самары до Оренбурга. Ею везли Т. Шевченко к месту солдатской службы в июне 1847 г. Населенные пункты на этой дороге: Алексеевка, Бобровка, Малышевка, Богот-Умет, Заплавная, Елшанская, Бузулук, Погромное, Тоцкая, Сорочинская, Воробьиный Умет, Новосергиевская, Полтавский редут, Переволоцкая, Татищева, Рычковская, Чернореченская, Оренбург.

БОЛЬШОЙ МОСКОВСКИЙ ТРАКТ - дорога вдоль правого берега Волги; этим маршрутом (441 верста) Т. Шевченко везли к месту солдатской службы в Оренбург от Нижнего Новгорода до Казани в июне 1847 г. Основные пункты на тракте: с.Чугуны, г.Васильсурск, Чебоксары, Свияжск, с.Васильево. В подробном виде маршрут следования Т. Шевченко выглядел так:

Нижний Новгород - с.Кстово (почт.ст.; с 1957 г. город) - д.Поляны (почт.ст.) - с.Летнево или Леднево (почт.ст.) - с.Трофимово - с.Осташиха (почт.ст.) - с.Чугуны (почт.ст.) - г.Васильсурск или Василь - Хмелевка (пригородная слобода Васильсурска; почт.с т.) - д.Емангаш (почт.ст.) - д.Виловаты Враг (почт.ст.) - с.Старый Сундырь (Сундыреевка, Сундырская) или Помекейкино (почт.ст.) - г.Чебоксары (почт.ст.) - Пихчурино или Ямбулатово, или Ямщицкое (почт.ст.; теперь д.Ердово, по-чувашски Юртукасы) - с.Большое Аккозино (по-чувашски Толай-Семел или Толай-Исмел) - Исмели или Исмельский базар - выселок Тогаево - с.Карачево - с.Тюрлема или Тюрлево, или Анчиково, или Воскресенское (почт.ст.) - Большие Ширданы - Свияжск (почт.ст.) -

переправа через Волгу (на левый берег ее) - с.Васильево - д.Кузьметево (почт.ст.) - слоб.Игумново - слоб.Адмиралтейская (по-татарски Бишбалта) - Казань.

БОР - село на левом берегу Волги, против Нижнего Новгорода.

Названо в записи Дневника Т. Шевченко за 26 января 1858: "Встретил масленицу катанием за город. Я предложил это удовольствие милейшей Пиуновой с семейством <...> И мы поехали в село Бор..."

БОСФОР - пролив в Турции, между Европой и Азией, соединяющей Черное и Мраморное моря. Длина пролива - около 30 километров, ширина от 750 до 3700 метров, наименьшая глубина на фарватере 33 метра.

Т. Шевченко, знавший о турецком проливе только по книгам и, вероятно, рассказам бывалых людей, в записи Дневника за 6 августа 1857 упомянул его в таком контексте: "А проток Волги, окружающий Астрахань и сообщающийся с Каспийским морем, глубиной и шириной Босфору не уступит..."

БУГОР СТЕНЬКИ РАЗИНА - место на берегу Волги, вошедшее в легенды.

В записи Дневника Т. Шевченко за 29 августа 1857 г. сказано: "Выше Камышина в 60 верстах на правом берегу Волги лоцман парохода показал мне бугор Сеньки Разина. Это было на рассвете и я не мог хорошо рассмотреть этой замечательной, но неживописной местности. Исторический бугор этот, - я не знаю, почему его называют бугром, - он и на вершок не выше окружающей его местности..." Поэт-художник сожалел, что по условиям времени и из-за плохого освещения не имел возможности "сделать ниже слабого очерка с этого весьма прославленного бугра", у которого Разин "брандвахту держал и содержал пошлину с кораблей и раздавал ее неимущим людям".

Легендам о Разине посвящена главная часть этой пространной записи. В написании имени народного героя Шевченко шел от распространенного тогда "Стеньки", подавая его по своему - "Сенька", "Семен Степанович".

БУДАРИНСКИЙ ФОРПОСТ - населенный пункт на Гурьевском тракте, в 86 км. от Уральска. По легенде здесь еще в 17 в. казаки делали будары (лодки), на которых плавали к Каспию и на Волгу. Отсюда 17 сентября 1773 г. началась поход по Яику войска Ем.Пугачева. Ныне с.Бударино, Уральской области.

Т. Шевченко проследовал через Бударинский форпост в октябре 1850 г.

БУЗАЧИ - полуостров, вдающийся в северо-восточную часть Каспийского моря. От Мангышлака его отделяют горы Каратау и Актау. Т. Шевченко на этом полуострове не бывал, но о Бузачах, несомненно, знал от А.Антипова и других участников Каратауской экспедиции 1851 г., а также И.Ускова и офицеров Новопетровского укрепления.

БУЗУЛУК - уездный город Оренбургской губернии; в настоящее время город областного подчинения, районный центр Оренбургской области. Основан, как крепость, в 1736. К середине XIX в. имел до 500 деревянных домов, кожевенные и салотопенные заводы, купеческие лавки, церковь, тюрьму. Т. Шевченко на короткое время останавливался в Бузулуке во время следования к месту солдатчины, в Оренбург (предположительно, 8.VI.1847). Бузулук упоминается в повести "Близнецы".

БУЗУЛУКСКИЙ БОР - уникальный лиственный-сосновый массив-заповедник. Площадь его - 86,6 тысяч гектаров; 49 видов деревьев и около 600 видов трав.

Т. Шевченко проехал вдоль бора вечером перед ночевкой на почтовой станции в Бузулуке.

БУИНСК - город (с 1780 г.), расположен на дороге Канаш-Симбирск. Ныне центр Буинского района Татарии.

Т. Шевченко ехал через Буинск, следуя в начале июня 1847 в Оренбург.

БУСАЙ - южный залив полуострова Кунган-сандан, описанного Аральской экспедицией в июле 1849 г. Рисунок Т. Шевченко, выполненный здесь, имеет неточную авторскую надпись "В.б. полуостровъ Бусай". На рисунке берег, мыс одноименного залива, но не полуостров, каким Бусай не являлся.

БУХАРСКИЙ ЭМИРАТ. Феодалное государство на территории совр. Узбекистана и большей части Таджикистана. До этого - Бухарское ханство, основанное в 16 в. ханами из династии Шейбанидов на развалинах Тимуридского государства. В 16-18 вв. вело непрерывные войны - междуусобные, а также с казахами и другими азиатскими народами. С приходом к власти династии Мангыт (1753) стало именоваться эмиратом, просуществовавшим более века (в 1868 признало протекторат России).

В годы оренбургской солдатчины Т. Шевченко имел возможность наблюдать бухарцев разных сословий. "Я иногда выхожу за крепость, к караван-сараю или меновому двору, где обыкновенно бухарцы разбивают свои разноцветный шатры, - писал он из Орской крепости у же в 1847 году. - Какой стройный народ! какие прекрасные головы! <...> и постоянная важность, без малейшей гордости..." Впечатления накапливались, расширялись, находя свое выражение лишь в малой степени - в произведениях, как литературных, так и художественных. Все глубже постигал Т. Шевченко и суть взаимоотношений России с Бухарским эмиратом.

В

ВАРГАНЫ - село Макарьевского уезда Нижегородской губернии.

В 1857 г. в селе проходили массовые волнения крестьян, явившиеся их протестом против издевательств над ними помещика Демидова.

Запись в Дневнике Т. Шевченко за 7 ноября того года свидетельствует о знании им обстоятельств дела. (См. также "Белозериха").

ВАСИЛЬЕВСКИЙ ПЕРЕКАТ - мель на Волге, близ Свияжска.

Мелководный участок русла реки, имевший вид вала (пологий скат против течения и крутой по течению). Мель вызывала тревогу у моряков. Избавлением от опасности сесть на мель и вызвана запись в Дневнике Т. Шевченко за 14 сентября 1857: "Против города Свияжска прошли благополучно Васильевский перекаат (мель)..."

ВАСИЛЬСУРСК - город на Волге при впадении в нее р.Суры. Основан в 1523 г. Ныне поселок городского типа в Нижегородской области.

Т. Шевченко проезжал через Васильсурск на пути в Оренбург (июнь 1847).

ВЕНЕЦИЯ - город на северо-востоке Италии, преимущественно на островах Венецианской лагуны Адриатического моря. 119 островов, разделенных 160 каналами, с переброшенными через них почти 400 мостами - такова Венеция, издавна вызывавшая интерес художников России, запечатленная на множестве их полотен.

Т. Шевченко имел образное представление об этом уникальном городе. Расцвет Венеции он связывал с развитием ее как торговой республики, которая существовала в 14-18 веках во главе с пожизненно избравшимся главой - дожем. В глазах поэта, ранее в Астрахани не бывавшего, города находились в примерно равных условиях, однако увиденное уже 5-6 августа 1858 его разочаровало. (Из записи Дневника за 6 августа: "...мне представлялась Венеция времен дождей, а оказалось - гора мышь родила").

ВЕРХНЕОЗЕРНАЯ (Озерная) - крепость, а затем станица на середине Орской дороги. Основана в 1736 г. В сороковых годах XIX в. население ее составляли казаки русского и татарского происхождения, наделенные землей, уг одьями, "рыбными и звериными ловлями"; сохранялись, однако, остатки оборонительных сооружений, в том числе и времен осады крепости Пугачевым. Озерная, как почтовая станция, упоминается Т. Шевченко в повести "Близнецы". Бытовала легенда, что он здесь жил и им тут нарисовано несколько видов Урала.

ВИЛЬНО - город на р.Нярис (Вилия), древняя столица литовского народа; в 1795 г. был присоединен к России, стал центром Виленской губернии. Ныне Вильнюс - столица Литвы.

Т. Шевченко с осени 1829 до февраля 1831 гг. жил в Вильно в качестве казачка своего помещика Энгельгардта, тут получил первые уроки рисования, испытал сердечное влечение. В годы солдатчины он часто вспоминал этот город (как писал Б. Залескому, "Вильно так же дорого по воспоминаниям моему сердцу, как и твоему"). В 1848 г. была написана поэма "У Вільні, горді прславнім". Вильно упоминается в повести "Варнак", в Дневнике и письмах.

ВЛАДИМИР - город на дороге Москва - Нижний Новгород, у реки Клязьмы. Основан в 12 в. как крепость на юго-востоке Ростово-Суздальского княжества; в 12 - начале 14 вв. - столица великого княжества Владимирского. с конца 18 в. - центр Владимирской губернии. Ныне областной город.

Т. Шевченко проезжал через Владимир при следовании к месту солдатчины (июнь 1847) и вторично - на пути к свободе (март 1858). Упоминается в Дневнике.

ВЛАДИМИРСКИЙ ТРАКТ - дорога из Москвы в Нижний Новгород, воспетая в песнях "Владимирка". Протяженность пути - 441 верста. Основные пункты на тракте: Богородск, Покров, Владимир, Судогда, Муром. В подробном виде маршрут Т. Шевченко от Москвы до Нижнего Новгорода в начале июня 1847 г. выглядел следующим образом:

Москва - с.Ивановское - с.Горенки - д.Нехра - д.Яковлевская - д.Новая (почт.ст.) - слоб. (Старая) Купавна - с.Демидово I (или Чудинки) - д.Дранишник - с.Шилово - с.Доможирово - г.Богородск (ранее с.Рогожи; почт.ст.) - с.Успенское (или Ключево) - с.Большое Буньково (или Бунаково) - д.Кузнецкая (или Кузнецы) - д.Никулино - Платова (Платова, Платовка, Дубенка; почт.ст.) - Малое Дубно - пос.Усады или Киржач - г.Покров (почт.ст.) - Петушки - д.Липня (или Софонково; почт.ст.) - с.Болдино (Владимирской

губ.) - Ундол - с.Демидово II - с.Дмитриевское или слоб.Дмитриевская (Ворша, Вознесенский посад; почт.ст.) - Колокша - слоб.Воронцовская или Воронцовка - слоб.Ямская - г.Владимир (почт.ст.) - с.Святкина - д.Бараково или Бараки (почт.ст.) - Сума или Сойма - г.Судогда (почт.ст.) - д.Ликино - Новая Деревня или Новодеревенская - д.Кленкова - д.Серкова - с.Мошок (почт.ст.) - с.Колычево - с.Суворцево (или: Суворцево, Николо-Ушинская, Ник оло-Ушна, Ушинская) - с.Малышево - с.Угрюмово - с.Драчево - г.Муром (почт.ст.) - переправа через Оку - с.Поварнино - д.Поздняково или Поздняковская - с.Монаково или Манакова (почт.ст.) - Нехайка-Глебово-Новоселки - с.Озябликово (Озяблицкий или Зяблицкий погост, Погостье; почт.ст.) - д.Детково - с.Ярымово (почт.ст.) - д.Лаптево - с.Ясенцы - с.Ворсма (почт.ст.) - с.Алешково (почт.ст.) - с.Богородское - с.Доскино (почт.ст.) - Нижний Новгород.

ВОЛГА - великая русская река, самая большая в Европе, длиной 3530 км. Исток Волги - Валдайская возвышенность; впадает в Каспийское море, образуя обширную дельту. У Волги около 200 притоков, среди которых особенно крупные - Кама и Ока.

Т. Шевченко знал Волгу почти на всем ее протяжении, встречался с нею и на пути в Оренбург (июнь 1847 г.), и по освобождении от солдатчины. Волжским впечатлениям посвящены многие страницы Дневника, река запечатлена в рисунках художника, упоминается в по вестях "Близнецы", в письмах.

ВОЛЖСК - пристань и город на правом берегу Волги, в 134 км. выше Саратова, уездный центр Саратовской губернии; ныне - г.Вольск. Известен с 17 в., статус города получил в 1780.

В записи Дневника Т. Шевченко за 2 сентября 1857 говорится: "Ночью против города Волжска (место центральной конторы дома Сапожниковых) пароход на несколько часов остановился. А.А. (Сапожников - Л. Б.) сошел на берег и в самом скором времени возвратился на пароход со своим главным управляющим..."

ВОЛХОВ - река на северо-западе России. Вытекает из озера Ильмень, впадает в Ладожское озеро. Т. Шевченко пересекал эту реку на пути из Санкт-Петербурга в Москву (после Новгорода) в июне 1847 г.

ВЫДУБЕЦКИЙ МОНАСТЫРЬ - достопримечательность Киева, одно из старейших архитектурных сооружений (XI в.). В 1843 г. Т. Шевченко запечатлел его в рисунке карандашом, а в 1844 г. - в офорте. Выдубецкий (Выдубицкий) монастырь приснился ему в ночь на 18 июня 1857 г., о чем и записано в Дневнике.

ВЫШНИЙ ВОЛОЧЕК - городок на тракте Петербург - Москва. Основан в 1770 г. Ныне районный центр Калининской области России.

Т. Шевченко проезжал через него во время своих поездок, в том числе при следовании к месту солдатской службы (июнь 1847).

ВЯТКА - город на р.Вятке, основанный в 1457 г., губернский центр Российской империи; ныне областной центр - Киров.

В записях Дневника за 22 января и 6 марта 1857 Т. Шевченко упоминает Вятку в связи со службой там Я.Лазаревского и отправкой в этот город некоего отставного капитана Шлипенбаха. Туда было адресовано и неизвестное ныне шевченковское письмо к представителю любу милой его сердцу семьи.

Г

ГЕНВАРЦОВ (Январцев) - форпост на правом берегу Урала, в месте поворота реки к югу, одно из старейших казачьих поселений Приуралья; в истории его - Пугачев, Пушкин, Даль, Шевченко и другие имена. Впоследствии - станица, ныне поселок Западно-Казахстанской области.

Т. Шевченко проезжал через Генварцов, следуя в Новопетровское укрепление, возможно останавливался тут на ночлег. Бывшая тогда почтовая станция сохранилась на Кирсановской улице.

История Генварцова - в книге его уроженца И.М.Ботова "Январцев: форпост, станица, поселок" (Киев, 1990).

ГРЕМЯЧЕВСКИЙ ПЕРЕКАТ - мелководный участок на Волге, между Свияжском и Чебоксарами.

Упомянут в Дневнике Т. Шевченко (запись 15 сентября 1857).

ГУБЕРЛИНСКАЯ (Губерля) - станица и почтовая станция на дороге из Оренбурга в Орскую крепость. Свидетельство И.Дебу: "Губерлинская крепость отстоит от Орской в 45, а от Оренбурга в 206 верстах, между двух речек - Губерли и Чебаклы, которые, выходя из Уральских гор и соединяясь при самой крепости, впадают вместе неподалеку от оной в реку Урал..."

Во время посещений Губерлинской Т. Шевченко крепость была упразднена, на месте ее осталось казачье поселение. В повести "Близнецы" переданы впечатления от первого знакомства автора с Губерлей: рельефом местности, рекой, родниками, растительностью и в сем другом, что отличало "живописную Губерлю", выделяло ее среди всех населенных пунктов на Орской дороге. Точно так же выделил ее в своем рисунке 1839 г. проезжавший тут петербургский друг Шевченко В.И.Штернберг.

ГУБЕРЛИНСКИЕ ГОРЫ - горный массив в юго-восточной части Южного Урала, в бассейне р.Губерля. Высота 300-350 метров, обильная и многообразная растительность.

Т. Шевченко впервые побывал здесь накануне прибытия в Орскую крепость; тут он провел последнюю ночь перед поступлением в 5-й линейный батальон - место своей солдатской службы. Герой повести "Близнецы" Сокира "подымался ... извилистою дорогою на Губерлинские горы", "любовался окружающими горами" (для этого, собственно, и была, по его словам, устроена ночевка). В немногих словах Шевченко сумел запечатлеть все главные особенности здешнего рельефа.

ГУБЕРЛИНСКИЕ РОДНИКИ - одна из достопримечательностей живописного оазиса на пути из Оренбурга в Орскую крепость.

Автор повести "Близнецы", особо отмечая эту важную примету Губерли, пишет, что именно тут его герой "напился прекраснейшей родниковой воды".

ГУБЕРЛЯ - река в Оренбургской области, правый приток р.Урал. Горная речка родникового происхождения радовала взгляд Т. Шевченко накануне его доставки в Орскую крепость. В повести "Близнецы" говорится, что лекарь Сокира "любовался... чистой речечкой Губерлей, прорезывающей рощу и извиляющейся около казачьих хат..."

ГУДЗИВКА - село Звенигородского уезда Киевской губернии (ныне одноименного района Черкасской области). Т. Шевченко приезжал сюда в 1845 г. Село, а также Гудзивская гора близ него, упомянуты им в Дневнике (запись 7 сентября 1857 г.).

ГУРЬЕВ (Гурьев-городок) - поселение городского типа на р.Урал, близ впадения ее в Каспийское море; в настоящее время центр Гурьевской области Казахстана, город нефтяной, химической и рыбной промышленности. Возник на рубеже XVI-XVII веков как рыбацкий поселок; в середине XIX в., кроме рыбацких ватаг, также крупная пристань.

Т. Шевченко был в Гурьеве-городке в октябре 1850 г.; после двух-трехдневного пребывания здесь 14.X проследовал отсюда на почтовой лодке, в сопровождении унтер-офицера Т.Булатова, в Новопетровское укрепление.

Гурьев много раз упоминается в переписке Шевченко 1851-1857 и в новопетровско-астраханских записях его Дневника (июнь-август 1857) как перевалочный пункт военной почты, шедшей на Мангышлак из Оренбурга и Уральска, а также других войсковых перевозок, к асавшимся поэта косвенно или прямо.

ГУРЬЕВСКИЙ ТРАКТ - дорога из Уральска в Гурьев, протяженностью около 900 верст.

Перевозки хлеба с севера на юг, рыбы и скота - с юга на север. Сообщения военные, почтовые и др.

В октябре 1850 г. Т. Шевченко спешно проследовал этим трактом, препровождаемый в Гурьев-городок, чтобы оттуда, морским путем, быть переправленным в Новопетровское укрепление. Главными населенными пунктами на трассе были: Круглоозерный, Чеганский, Кашевской, Бударинский, Кожехаревский, Лбищенский, Горяченский, Мергеневский, Каршинский, Сахарновская, Калиновский, Лебяженский, Антоновский, Круглой, Котельной, Калмыкская, Красноярский, Харкинский, Горская, Гребенщиков, Кулажинская, Орлов, Зеленовский, Тополинская, Кармановский, Баксайская, Еманжелинский, Сарайчиковская, Сорочинский, Редутский, Кандауровский.

Д

ДАЛИСМЕН-МУЛА-АУЛЬЕ - "могила святого Далисмена" в центральной части Актау, памятное для Т. Шевченко место периода Каратауской экспедиции 1851 г. на Мангышлаке. Находилась близ горы Чиркалатау. О таких могилах говорится в Дневнике 1857-1858 гг.: "Туркменцы и киргизы святым своим (аулье) не ставят, подобно батырям, великолепных абу (гробниц), на труп святого наваливают безобразную кучу камней, набрасывают верблюжих, лошадиных и бараньих костей. Остатки жертвоприношений. Ставят высокий деревянный шест, иногда увенчанный копьем, увивают этот шест разноцветными тряпками, и на том оканчиваются замогильные почести святому". Известна акварель с собственноручной подписью Шевченко; тут же им были выполнены и карандашные наброски могилы святого.

ДЕДНОВО (Дединово) - село на р.Ока, в 24 м. ниже устья р.Москвы.

В 1667-1668 гг. здесь был сооружен корабль "Орел", отправленный на Волгу для торговых связей с Персией.

В записи Дневника за 24 сентября 1857 Т. Шевченко, воочию увидев Балахну, написал, что это "одна из главных верфей на берегах Волги, то же, что на Оке Дедново, где строился голландскими мастерами первый русский корабль "Орел".

ДЖАЛАНГАЧ - озеро в начале южной части перехода к Раимскому укреплению, конечный пункт девятнадцатого перехода 2 июня 1848 г. (20 верст от Уральского укрепления).

В районе озера и во время последующих переходов (до Каракумов) Т. Шевченко впервые увидел байгушей - бедняков-казахов, занимавшихся примитивным земледелием.

ДЖАЛОВЛЫ - река, приток Иргиза.

Конечный пункт двадцать первого перехода транспорта из Орской крепости в Раимское укрепление 4 июня 1848 г. Место дневки транспорта перед Каракумами 5 июня.

"Пройдя Уральское укрепление, мы два раза останавливались на озерах (Джалангач, Китайкуль - Тополанкуль - Л. Б.), а третий ночлег и дневку провели на речке Джаловлы. За этой гнилой речкой начинаются страшные Каракумы (черные пески). День был тихий и жаркий. Целый день у нас только и разговору было, что про Каракумы. Бывалые в Каракумах рассказывали ужасы, а мы, разумеется, как не бывалые, слушали и ужасались". ("Близнецы").

ДЖАНГЫЛ - остров на Аральском море, против устья р.Кувандарья; описан экспедицией А. Бутакова в июле 1849 г. "На острове Джангыл, низменном с песчаными буграми, солонцом в середине, множеством камыша и разбросанными кустами гребенщика (джангылагач), видны следы небольшого киргизского кочевья, а также следы тигровые, волчьи, лисьи и кабаньи". (А. Бутаков). Атрибутированных зарисовок острова, выполненных Т. Шевченко, нет.

"ДЖАНГЫСАГАЧ" - "одинокое дерево" между р.Уймула (Курпе) и р.Карабутак, увиденное Т. Шевченко во время девятого перехода транспорта из Орской крепости в Раимское укрепление 20 мая 1848 г.

"...В половине перехода я заметил: люди начали отделяться от транспорта, кто на коне, а кто пешком. И все в одном направлении. Я спросил о причине у ехавшего около меня башкирского тюря, и он сказал мне, указывая нагайкою на темную точку: "Мана ауля агач" (здесь святое дерево). Это слово меня изумило. Как? В этой мертвой пустыне дерево? И уж, конечно, коли оно существует, так должно быть святое. За толпою любопытных и я пустил своего воронка. Действительно, верстах в двух от дороги, в ложбине, зеленело тополевое старое дерево. Я застал уже вокруг него порядочную [толпу], с удивлением и даже (как мне казалось) с благоговением сметревшую на зеленую гостью пустыни. Вокруг дерева и на ветках его навешано набожными киргизами разноцветных материй, ленточки, пасма крашенных лошадиных волос, и самая богатая жертва - это шкура дикой кошки, крепко привязанная к ветке. Глядя на все это, я почувствовал уважение к дикарям за их невинные жертвоприношения. Я последний уехал от дерева и долго еще оглядывался, как к бы не веря виденному мною чуду. Подул легонький ветерок, и великан приветливо кивнул мне своей кудрявой головою. А я, в забытьи, как бы живому существу, проговорил: "Прощай" - и тихо поехал за скрывшимся в пути транспортом..." ("Близнецы").

Встречей с "джангысагачем" вызвано рождение у Шевченко замыслов стихотворения-поэмы "У Бога за дверми лежала сокира" и акварели "Джангысагач", их первых набросков (заготовок).

ДЖУЛЮС - копани (колодцы) в Каракумах, оазис в глубоких песках на пути к Аральскому морю.

Конечный пункт двадцать третьего перехода транспорта из Орской крепости в Раимское укрепление 7 июня 1848 г.

ДЗВОНКОВАЯ КРИНИЦА - родник близ разрушенного пожаром ионастыря Межигорского Спаса (неподалеку от Киева). В 1843 г. Т. Шевченко любовался им; родник врезался в память, и 18 июня 1857 г. он назвал его в Дневнике в связи с запомнившимся сновидением прошедшей ночи.

ДНЕПР - великая украинская река, третья по длине в Европе (после Волги и Дуная). Протяженность ее - 2200 км., площадь бассейна 504 тыс.кв.км. Беря начало на Валдайской возвышенности, впадает в Днепровский лиман Ч ерного моря.

Днепр воспет в поэзии Т. Шевченко, ему посвящены страницы его прозы, произведения художника. Он любил эту реку нежной сыновьей любовью. Особенно часто Днепр вспоминался в годы неволи, о чем свидетельствуют его поэзия, проза, переписка.

ДОЛНАПА (Доллапа) - долина близ северо-западного склона хребта Каратау на Мангышлаке. Это же название носили находящийся здесь источник (колодезь) и давнее туркменское кладбище. Особое внимание художника Каратаус кой экспедиции 1851 г. привлекло именно кладбище. Оно и в акварели, и в карандашных зарисовках того экспедиционного лета.

ДУБОВКА - пристань на Волге, в 52 км. выше Царицына. Город (ныне в Волгоградской области) был основан в 1734 г. Являлся одним из центров Пугачевщины.

Т. Шевченко упомянул Дубовку в записи своего Дневника за 28 августа 1857: "Берега Волги от Царицына и Дубовки с часу на час делаются выше, живописнее и очаровательнее. И я не сделал еще ни одного очерка. Недосуг".

"Князь Пожарский" останавливался в Дубовке, Шевченко мог побывать и в селении.

ДУНГУРЛЮКСОР - копани (колодцы) в Каракумах, конечный пункт двадцать пятого перехода (30 верст от Каракудука) транспорта из Орской крепости в Раимское укрепление 9 июня 1848 г.

"...До колодцев оставалось еще верст десять, и эти десять верст показались мне десятью десять. Жара была нестерпимая. ...Отряд, посылаемый вперед для расчистки колодцев, почему-то не нашел их, и мы пришли на гнилую солено-горько-кислую воду. А вдобаво к ее в рот нельзя [взять] не процедивши: она пенилась вшами и микроскопическими пьавками..." ("Близнецы").

ДУСТАНА МОГИЛА - памятник казахскому батырю Дустану.

Конечный пункт пятнадцатого перехода транспорта из Орской крепости в Раимское укрепление 27 мая 1848 г.

"Оставив гору в правой руке, мы остановились на берегу Иргиза вблизи могилы батыря Д/у/с/т/а/н/а. Этот грубо из глины слепленный памятник напоминает общей формой саркофаги древних греков" ("Близнецы").

Главную достопримечательность стоянки Т. Шевченко зарисовал карандашом, эскизно, а позднее воплотил в акварели. Под эскизом сохранилась его помета: Дустанъ. Под акварелью была сделана собственноручная же подпись чернилом: Дустанова могила. В альбоме 1846-1850 на обороте давней зарисовки он записал: Дустан рода Чуменейского благо. Запись не закончена, но свидетельствует об интересе автора к личности батыря.

Вблизи стародавней могилы Шевченко "в первый раз видел обезглавленные и обезображенные трупы, валяющиеся в степи, как какая-нибудь падаль". Это были последствия происшедшего накануне боя с "шайкой хивинцев". Так история переплелась с современностью.

Е

ЕКАТЕРИНБУРГ - город на Среднем Урале, на р.Исети (заложен в 1721 г.), с 30-х гг. XVIII в. административный центр уральской горной промышленности. Место дислокации штаба второй бригады и батальона № 8 Отдельного Оренбургского корпуса.

ЕКАТЕРИНОДАР - город на р.Кубани, центр Черноморского (Кубанского) казачьего войска. Ныне г.Краснодар, краевой центр России.

Упомянут Т. Шевченко в записи Дневника за 13 июня 1857 в связи с неосуществленным им планом-маршрутом возвращения из Новопетровского укрепления по освобождении от солдатчины.

ЕЛЕК - см.Илек, река.

Елеком называл реку Т. Шевченко в поэме "Варнак" ("Тиняючи на чужині / Понад Елеком, стрів я діда...").

ЕЛШАНСКАЯ (Елшанка) - бывшая крепость, затем казачья станица и, далее, волостное село.

Крупный населенный пункт, первый на современной географической карте Оренбургской области, вырос на месте Ольшанской крепости Самарской оборонительной линии в 1741 г. Через Елшанку в 1773-1774 гг. прошло войско Ем.Пугачева.

Здесь Т. Шевченко в июне 1847 г. впервые увидел переселенцев - крестьян из Рязанской, Тамбовской, Пензенской губерний. О них упоминается в повести "Близнецы".

ЕРМОЛОВА ОСТРОВ - остров на Аральском море, открытый и описанный экспедицией А. Бутакова в плавании 1849 г. "Зайдя за остров, находящийся по западную сторону входа, нет во всем Аральском море якорной стоянки более спокойной и удобной. От острова этого, названного мною Островом Ермолова, до устьев Джандарьи, расстояние около 4 миль, и вода во всем этом обширном заливе пресная, и рыбы, по-видимому, несметное множество. На самом острове дров в изобилии и водятся ка баны..." (Бутаков). Наречение острова именем А.П.Ермолова (1777-1861) - боевого генерала, сподвижника Суворова и Кутузова, героя войны с Наполеоном, отправленного Николаем I в отставку, было со

стороны начальника экспедиции актом большой смелости. Шевченковских зарисовок острова не выявлено.

Ж

ЖИГУЛЕВСКИЕ ГОРЫ - возвышенность на берегу Волги, высота до 375 метров. С запада на восток тянется более чем на 60 километров, обуславливая изгиб течения Волги к востоку (Самарская Лука). Жигули в значительной степени покрыты лесом - преимущественно лиственным и сосновым. В прошлом - один из центров восстания Степана Разина.

Впечатления от Жигулей содержатся в записи Дневника Т. Шевченко за 7 сентября 1857 г.

З

ЗАЛИВ ОРИ - конечный пункт второго перехода транспорта из Орской крепости к Раимскому укреплению 12 мая 1848 г. Ныне район за селом Урпия, Оренбургской области.

Во время этого перехода (22 версты) Т. Шевченко "мог предаваться своей тихой грусти и созерцанию окружающей... природы". Пройденные версты оставили в его походном альбоме зарисовки степи, а в повести "Близнецы" образные, емкие описания здешних мест и их восприятия. В тот день он впервые узнал и что такое степной мираж, и каким бывает степной пожар; его Шевченко наблюдал в темноте вечера и ночи. "...Все пространство, виденное мною днем, как бы расширилось и облилось огненными струями почти в параллельных направлениях. Чудная неописанная картина! Я всю ночь просидел под своею джеломейкою..." Тут им были сделаны первые наброски будущей известной акварели "Пожар в степи".

ЗАОЧЬЕ - район Нижнего Новгорода за р.Окой.

Рисунок Т. Шевченко с авторским названием "Видъ на Заочье" в настоящее время не известен. О работе над ним упоминается в записи Дневника за 15 октября 1857 г.

ЗАЩИТА - сокращенное, обиходное название Илецкой Защиты (после 1945 - г.Соль-Илецк).

"Если в Защите у Дмитриева найдешь хорошие эстампы новой французской школы..., то хорошо скопировать их посредством фотографии, и держи эти копии у себя, смотри, любуйся ими..." (Из письма Т. Шевченко Б. Залескому 1853 г.).

Речь шла о Н.А.Дмитриеве, в то время горном коменданте Илецкого соляного промысла, - одном из добрых знакомых Шевченко в Соляной Защите.

ЗВЕНИГОРОДКА - уездный городок Киевской губернии (ныне райцентр Черкасской области). Т. Шевченко бывал здесь до своей солдатчины и вспоминал эти посещения в повестях "Варнак", "Прогулка с удовольствием и не без морали", Дневнике - произведениях лет невольничьих.

ЗИМЕНКИ - село на Волге, неподалеку от Нижнего Новгорода.

Упомянуто в записи Дневника Т. Шевченко за 19 сентября 1857: "Пролетаем мы мимо красивого по местоположению села Зименки помещика Дадьянова и замечательного по следующему происшествию. Прошедшего лета, когда поспело жито и пшеница, мужичков выгнали жать, а они, чтобы покончить барщину за один раз, зажгли его со всех концов при благополучном ветре... Так вот летим мы во весь дух мимо этого замечательного села..."

Владельцем села был князь А.А. Дадиан, пожар произошел в ноябре 1856 и, как явствует из архивного дела, истребил "весь почти до основания сноповый хлеб". Вина арестованных доказана не была, поджигателей не назвал никто, на том следствие и закончилось. (Госархив Нижегородской области, ф.639, оп.124, д.4400).

ЗОЛОТОЙ РОГ - бухта у европейских берегов южного входа в пролив Босфор. Длина 12,2 километра, ширина 91-122 метра, глубина до 47 метров. Бухта доступна для морских судов, в том числе крупных. На обоих берегах бухты расположены город и порт Стамбул.

Упоминается в записи Дневника Т. Шевченко за 6 августа 1857 г., характеризующей Астрахань: "...проток этот (проток Волги - Л. Б.) омывает не Золотой Рог, а огромную кучу вонючего навоза".

О Золотом Роге он знал тогда не по личным впечатлениям, но по литературе, рассказам бывалых людей и, возможно, живописи.

И

ИЖОРЫ - слобода на тракте Петербург-Москва. Свое название получила по имени племени, некогда селившегося по берегам Невы и входившего во владения Новгорода; вся эта территория в то время называлась Ижорской землей (или Ингрией).

Через Ижоры Т. Шевченко проезжал не раз, в том числе во время следования в Отдельный Оренбургский корпус, вероятнее всего 1 июня 1847.

Путь от Петербурга до Москвы пролегал через следующие населенные пункты (по Ю.Л.Славянскому):

Петербург - Вологодская Ямская - слоб.Ижоры (почт.ст.) - Саблино (Ульяновка) - слоб.Тосна (почт.ст.) - д.Дворец - д.Ушаки - с.Рябово - д.Болотница I - г.Любань - с.Померанье (почт.ст.) - Дунцин Бор - д.Бабино (Бабинская) - с.Сибриницы - д.Курцово - с. Трубников Бор (Трубниково) - д.Торфяная - с.Чудово (Чудовский Ям; почт.ст.) - д.Холопья Полесье - с.Почивалово - с.Трегубово - д.Авинца - д.Каляшка (Колюшка) - д.Спасская Полесье (Полестский Ям; почт.ст.) - д.Ямно - Мостки - Любимо Поле - с.Антоновское - д.Бошицы - с.Мясной Бор - д.Любцы - д.Копцы - д.Тютицы - с.Подберезье (почт.ст.) - с.Чечулино - с.Водсково (Иводсково, Иводское, Ивоцкое) - д.Витки - д.Владычина - д.Опалево - Новгород (почт.ст.) - переправа через р.Волхов - слоб.Вишерская (Вышерская, Старая слобода, Заречье) - переправа через р.Мсту - с.Бронницы или Ям Бронница (почт.ст.) - д.Красные Станки - д.Купкина - с.Подлитовье - с.Зайцево (Зайцевский Ям; почт.ст.) - с.Вины - д.Мошня - д.Полоховья - г.Крестцы (почт.ст.) - д.Стукова - д.Болотница II - д.Тушня - с.Рахино (Ям Новое Рахино; почт.ст.) - д.Распина - д.Семенка - с.Яжелобицы (Яжелобицы; почт.ст.) - д.Варницы - с.Миронеги (Миронежи) - г.Валдай - с.Зимогорье (почт.ст.) - д.Добывалово - д.Ситинка - с.Е(н)дрово (Ядрово; почт.ст.) - д.Выползова - с.Березай - д.Макарово - с.Круженка - с.Лежнево - с.Хотилово (почт.ст.) - д.Курская - с.Коломенское (Коломна) - д.Бахмары - д.Дорки -

д.Харчевка - д.Вязищи - г.Вышний В олочек (почт.ст.) - с.Никольское - с.Холохолыня (Холохоленка, Колоколенка) - с.Выдропуск (Выдропужск, Выдробужск, слоб.Выдробужская Ямская, с.Выдробужское; почт.ст.) - д.Будово - д.Каменка - д.Боровая - д.Большая Киселевка - д.Крюкова - слоб.Никольская и рядом с нею слоб.Троицкая - г.Торжок (почт.ст.) - поворот на проселочную "уездную" дорогу (она шла через г.Старицу на г.Волоколамск) - с.Кречетово (почт.ст.) - с.Жердино (почт.ст.) - д.Павловское I (Подлизево) - Малинники - Старица (почт.ст.) - д.Агова - с.Степурино (почт.ст.) - д.Ляхова - с.Микулино (Никулино) Городище (почт.ст.) - с.Латашино (Лотошино), Лопатино (почт.ст.) - с.Харпай - с.Аграфенино - д.Воробьева - д.Юркина - с.Ярополец (Яропольцы, Ярополчье, Ерапольце, Казанское) - д.Путятина - г.Вол околамск (почт.ст.) - д.Мыканина - с.Анненское - с.Покровское - д.Гряды (почт.ст.) - с.Петровское - д.Курсаково - д.(Малое) Дуплево (почт.ст.) - д.Папково и рядом д.Разварня - д.Антоновка - д.Ядромана - с.Павловское II - с.Лучинское - с.Воскресенское (вп следствие г.Воскресенск до 1930 г., теперь г.Истра; почт.ст.) - д.Высокая - д.Ленино (дореволюционное название!) - с.Ивановское - д.Талица - с.Нахабино (почт.ст.) - д.Новая - с.Спасское - с.Тушино (сейчас один из районов столицы) - Москва.

Все эти населенные пункты также лежали на пути следования Т. Шевченко в Оренбург.

ИЗЕНЬДЕАРАЛ - юго-восточный мыс полуострова Куланды, место стоянки шхуны "Константин" 4-5 августа 1848 г. Географическое название - в надписи на рисунке Т. Шевченко, запечатлевшем глыбу-гору "белого известняка, по крытого сверху землею, на которой растет трава" (А. Бутаков), "известковую скалу, в которой образовалось десятка с полтора небольших ущелий, окруженных обрывистыми, иногда навесно склоняющимися контрфорсами..." (А. Макшеев). Скала с ущельями и навесами, с человеческими фигурами внизу, "под навесом", и наверху, на каменистой гряде, запечатлена также на рисунке с надписью "М.Куланды".

ИЛЕК - река, левый приток Урала.

Свое начало река берет в Казахстане, пересекает несколько районов Оренбуржья и на большом протяжении служит естественной границей между Оренбургской и Западно-Казахстанской областями. Длина реки - 623 км. В Урал Илек впадает близ одноименного поселка.

У Т. Шевченко Илек поименован "Єлеком" (поэма "Варнак").

ИЛЕК (Илецкий городок) - селение на берегу р.Урал, основанное в 1737 г. Название произошло от тюркского слова, переводимого "сито". Первыми здешними поселенцами и основателями Илецкой казачьей общины были украинцы родом из Черкасс Иван Никифорович Изюмский и Андрей Денисович Черкасов со своими товарищами. Занимаясь в основном земледелием и скотоводством, илецкие казаки несли службу по охране укрепленной линии от набегов воинственных степняков. Жители Илецкого городка хлебом-солью встретили Ем.Пугачева и его войско, активно участвовали в Крестьянской войне.

Илецкий городок лежал на пути Т. Шевченко в октябре 1850, когда его препровождали в Уральск для дальнейшего следования на Мангышлак.

ИЛЬИНСКОЕ - село на правом берегу Волги между Чебоксарами и Козьмодемьянском.

Т. Шевченко, следуя на пароходе "Князь Пожарский", был наслышан о живописной природе села, раскинувшегося под горой и окруженного дубравой, а потому сожалел, что "проспал прекрасный вид села Ильинского". (Дневник, 17 сентября 1857 г.).

ИРГИЗ - река в Казахстане, правый приток Тургая. Берет начало с восточных склонов Мугоджарских гор. Длина 593 км.

Первая встреча Т. Шевченко с Ирғизом состоялась 23 мая 1848 г. в устье р.Якшикайраклы. От этого места транспортная дорога шла до самого Уральского укрепления вдоль р.Ирғиз, сначала по правой его стороне, а потом по левой. Семь переходов и трехдневный отдых близ названного укрепления были непосредственно связаны с этой рекой.

"Пройдя усеянное кварцем пространство, мы перешли вброд реку Ирғиз и пошли по левому, плоскому ее берегу. Вдали, на самом горизонте, синела гора, увенчанная могилами батырей и киргизских ауля, называемые мана ауля, т.е. здесь святой.

Оставив гору в правой руке, мы остановились на берегу Ирғиза вблизи могилы батыря Дустана...

...Мы остановились на том самом месте, где вчера на предшествовавший нам транспорт напала шайка хивинцев, и несколько человек захватили с собою, а несколько оставили убитыми..." ("Близнецы").

Ирғиз запечатлен также в зарисовках и акварелях Т. Шевченко.

ИРГИЗКАЛА - местное (казахское) название Уральского укрепления.

"Никогда не забуду того грустного впечатления, какое произвел на меня вид этого укрепления... На спрос наш у вожака, что это такое, он нам ответил: "Ирғиз-Кала". ("Близнецы").

В другом месте повести Т. Шевченко называет "Калу-Ирғиз".

К

КАЙРАКТАУ (Айрақты) - гора в центральной части Северного Актау. Среди других, соседних (Коксуйру, Чиркалатау), она выделялась своей величиной и подковообразной формой, закругленной конической вершиной и обрывистыми стенами. В долине у горы Каратауская экспедиция 1851 г. делала продолжительный привал, способствовавший работе Шевченко-художника, запечатлевшего горные пейзажи этих мест в своих эскизах, этюдах, набросках.

КАЗАНЬ - губернский город России, один из важных торгово-промышленных центров Поволжья, на берегу Волги, у впадения в нее р.Казанки. Основание Казани относится к 13 в.; в 1438-1552 гг. являлась столицей Казанского ханства. В 1552 г. ханство было покорено Иваном Грозным. С 1708 г. - центр Казанской губернии. Ныне (с 1920) столица Татарстана.

Т. Шевченко был в Казани дважды. Впервые он попал сюда в начале июня 1847 г., на пути в Оренбург, когда и услышал поговорку "Казань городок - Москвы уголок". Тогда проезд через город был стремительным. Вторично изгнанник оказался в Казани 13-14 сентября

1857 г., когда возвращался по Волге после освобождения от солдатчины. В соответствующих записях Дневника он передал свои впечатления от города и его памятников. В те же дни сделал две зарисовки - общего вида Казани и вида на Волгу против Казани и села Услон.

КАМА - крупнейший из левых притоков Волги; свое начало берет на Верхнекамской возвышенности. На пути из Казани в Симбирск Т. Шевченко переправлялся через эту многоводную реку.

КАМЫШИН - крупная пристань на правом берегу Волги, между Царицыным и Саратовом, уездный центр Саратовской губернии (ныне город Волгоградской области); основан в 1667 году.

В записи шевченковского Дневника за 29 августа 1857 говорится: "Сегодня с полуночи и до восхода солнца пароход грузился дровами около Камышина, и я едва успел сделать легонький очерк камышинской пристани с правым берегом Волги". Карандашный рисунок с авторской надписью внизу слева "I. Камышинъ" сохранился и публикуется.

КАМЫШЛЫБАШ - озеро в 25 верстах от Раимского укрепления.

Конечный пункт предпоследнего перехода транспорта к Раиму (16 июня 1848 г.)

"...Переход до озера Камышлыбаша (залив Сырдарьи) мы проходили ночью, потому что не было возможности пройти днем. Жару было в тени 40°, а в раскаленном песке в продолжении 5 минут яйцо пеклося всмятку". ("Близнецы").

Место знакомства Т. Шевченко с приаральскими казаками-земледельцами.

КАРАБУТАК - река, приток Иргиза.

Конечный пункт девятого перехода транспорта из Орской крепости в Раимское укрепление 20 мая 1848 г.

"Мы остановились на речке Карабутаке, вблизи воздвигавшегося в то время форта. Здесь у нас была дневка..." ("Близнецы").

Во время карабутакской стоянки Т. Шевченко занимался акварелью "Джангысагач" и стихотворением-поэмой "У Бога за дверми лежала сокира", делал карандашные наброски незадолго перед тем заложенного форта. В названном стихотворении р.Карабутак упоминается с шевченковским примечанием: "невеличка річка".

КАРАБУТАК - форт на половине пути из Орской крепости к Уральскому укреплению, в 185 верстах к югу от Орской.

Закладка форта происходила 13-14 мая 1848 г., строительством руководил штабс-капитан К.И.Герн; именно здесь состоялось близкое знакомство Т. Шевченко с будущим своим другом.

Т. Г. Шевченко
Форт Кара-Бутак
1848-1850

21 мая Шевченко участвовал в освящении форта и, вероятно, в торжественном обеде по случаю закладки.

Известны акварели, публикуемые под названием "Форт Карабутака", выполненные, скорее всего, в 1849-1850, по возвращении в Оренбург (через тот же форт, уже законченный строительством).

КАРАКУДУК - копани (колодцы) в Каракумах, оазис в глубоких песках на пути к Аральскому морю.

Конечный пункт двадцать четвертого перехода транспорта из Орской крепости в Раимское укрепление 8 июня 1848 г.

КАРАКУМЫ - песчаная пустыня в Средней Азии, площадью около 300 квадратных километров. Через Каракумы пролегал путь транспорта из Орской крепости к Аральскому морю 6-10 июня 1848 г. Испытавший всю жестокость "кирг изской Сахары", Т. Шевченко запечатлел свои впечатления как в литературных своих произведениях, так и в зарисовках.

КАРАТАУ - горы на полуострове Мангышлак. Высота до 556 метров; поверхность - волнистое плато с крутыми склонами, изрезанными глубокими крутостенными оврагами; растительность - полынно-солянковая; недра - уголь, руды, нефть. Плато начиналось в 90 км. от Новопетровского укрепления и тянулось с запада на восток, естественно отделяя Мангышлак от полуострова Бузачи.

Т. Шевченко, как участник Каратауской экспедиции А.Антипова 1851 г. (с 28 мая по 7 сентября), являлся одним из первопроходцев и первых исследователей этого района. Он создал художественную, графическую серию произведений о Каратау, состоящую, по приблизительным подсчетам, из 18 законченных работ и около 60 эскизов, зарисовок, набросков, воссоздавших пейзажи, строения, памятники и другие достопримечательности, а также быт, этнографию обитателей здешних мест, лагерь экспедиции и другие впечатления художника. Т. Шевченко бывал в Каратау также в последующие годы солдатчины, о чем много сердечных, теплых слов в его письмах.

КАРАТЮБЕ - мыс на Аральском море, место стоянки шхуны "Константин" с вечера 2 по утро 4 августа 1848.

"...На другой день <3 августа> мы вышли на берег. Прибрежье было усеяно окаменелыми раковинами различных пород... Мыс Каратюбе еще выше и утесистее, чем южный на Кугарале. Я взбирался на Каратюбе с большими усилиями и риском..." (А. Макшеев). Дикая красота мыса запечатлена в карандашном рисунке Т. Шевченко, имеющем его собственноручную надпись "Тюбе-Корань" (художник воспроизвел это название на слух).

КАРГАЛА - село близ Оренбурга, современное название Татарская Каргала.

В исторической литературе есть упоминания аула Каргалы как места битвы болгар с кипчаками. В 1744 началось возрождение обезлюдевшего поселения. Оно было связано с появлением здесь казанского купца Сеита Хаялина. А.С.Пушкин в "Истории Пугачева" писал: "Слобода Сеитовская (она же и Каргалинская) находится в 20 верстах от Берды, а от Оренбурга в 18-ти... В Сеитовской слободе числилось до 1200 душ..." Каргала вошла в историю Крестьянской войны 1773-1775 гг.

Т. Шевченко побывал здесь, вероятно, весной 1850 г. Воспоминанием о поездке навеяны строки в повести "Близнецы": "...Однажды он (лекарь Сокира - Л. Б.), скуки ради, посетил Каргалу. "Все же таки, - думал он, - село, следовательно, не без зелени". И представьте его разочарование: дома, ворота да мечети. А зелени только и есть, что крапивы кусочки под забором, а вонь такая, что он не мог и чаю напиток. "Вот тебе и село!..."

КАСПИЙСКОЕ МОРЕ (в прошлом Хвалынское) - самое большое на планете бессточное соленое озеро-море. Расположено на границе Европы и Азии, омывает берега России, Казахстана, Туркменистана, Азербайджана, Ирана. Длина 1200 км., средняя ширина 320 км. На 28,5 м. ниже уровня мирового океана. В Каспийское море впадают реки Волга, Урал, Кура и др.

В 1850-1857 гг. жизнь Т. Шевченко была тесно связана с Каспием. Он дважды пересек его (Гурьев - Тюк-Карагай, Мангышлак - дельта Волги), наблюдал и рисовал море на протяжении разных лет новопетровской солдатчины, имел достаточно полные сведения о нем от исследователей, приезжавших на Мангышлак, и от офицеров судов, курсировавших по портам Каспийского моря. О нем есть немало свидетельств в шевченковском литературном, эпистолярном наследии.

КИЕВ - с конца 18 в. губернский центр Российской империи, неофициальная столица "Малороссии", один из древнейших городов Руси. Ныне столица Украины.

Т. Шевченко бывал здесь в 1829, 1843, 1844 гг.; более продолжительное время он находился в этом городе в 1845-1847 гг. В нашу энциклопедию включается в связи с тем, что именно на переправе через Днепр, при возвращении в Киев, его 5 апреля 1847 г. арестовали жандармы.

Киев стал первым городом неволи поэта. Но вспоминался он ему все эти одиннадцать лет (1847-1858) по-доброму, с нежностью. Упоминания о Киеве - во многих поэтических и прозаических произведениях, дневниковых записях и письмах периода солдатчины и ссылк и.

КИЗЛЯР - город на левом берегу Терека, в 65 км. от Каспийского моря, уездный центр Ставропольской губернии. Ныне город в Дагестане.

Упомянут Т. Шевченко в записи Дневника за 13 июня 1857 в связи с неосуществленным планом-маршрутом возвращения его из Новопетровского укрепления по освобождению от солдатчины.

КИТАЙКУЛЬ - озеро в 36 верстах южнее Уральского укрепления, конечный пункт двадцатого перехода из Орской крепости в Раимское укрепление 3 июня 1848 г.

В тот же день Т. Шевченко познакомился с соседним, более богатым прибрежным кормом, озером Тополанкуль, где и прошла ночевка.

КОКСУЙРУ - меловая гора в центральной части Северного Актау. Во время Каратауской экспедиции 1851 г. Т. Шевченко нарисовал пейзаж с этой горой.

КОНСТАНТИНА ОСТРОВ - один из Царских островов, открытых Аральской экспедицией в сентябре 1848 г., одновременно с островами Николая I и Наследника. Вся цепь островов обследовалась экспедицией одновременно; точная дифференциация цикла шевченковских рисунков конкретно по островам не представляется возможной. Т. Шевченко был здесь и в августе 1849 г. (Константин Николаевич, именем которого назвали остров, являлся вторым сыном Николая I, великим князем и генерал-адмиралом).

КОПАНЬ. "Яма, вырытая для скопления дождевой воды...; неглубокий, ямный колодезь, без сруба; деревня, исподволь при копанях поселившаяся, нередко также называется копанями". (В.Даль). О копанях - в повести "Близн ецы", при описании пути следования транспорта из Орской крепости в Раимское укрепление.

Т. Г. Шевченко
Шхуны возле форта Кос-Арал
1848-1849

КОСАРАЛ - остров в северо-восточной части Аральского моря. "Косарал, по русски прибавляющийся остров, прикрывает Сырдарью с моря и огибается с двух сторон устьями этой реки, из которой южное совершенно обмелело и заросло камышом и кугою. Главное же русло северного устья находится между Косаральскою косою и ближайшими к ней островами; фарватер идет здесь у самого берега косы... Для прикрытия <рыболовной> ватаги и морских судов... был устроен форт с гарнизоном в 50 или 60 человек из числа раимских солдат... Устройство

форта поразило меня своею оригинальностью. Гарнизонный инженер, разбиравший его, рассчитав линию огня по числу гарнизона, придал форту фигуру треугольника, которого каждый бок имел 20 сажен длины; тем не менее все постройки он поместил внутри форта..." (А. Макшеев).

Т. Шевченко впервые побывал на Косарале в конце июля 1848 г. Во время зимовки Аральской описной экспедиции он жил тут с 26 сентября 1848 до конца января 1849 гг., когда отправился в Раим. На Косарал художник экспедиции вернулся в апреле 1849 г. и пробыл здесь до выхода в новое плавание (6 мая). 29 июня того года шхуна "Константин"

снова заходила на этот остров; экипаж оставался на нем по 19-е июля. В последний раз Шевченко вместе с другими участниками экспедиции оказался на острове 22 сентября в связи и с окончанием плавания. Отсюда начался путь его, через Раимское укрепление, в Оренбург.

Косарал явился настоящей "творческой мастерской" поэта-художника. На острове им выполнены многие акварели ("Шхуны возле форта Косарал", "Лунная ночь на Косарале", "Казахская стоянка на Косарале"), сепии, карандашные рисунки, наброски, создана значительная часть аральского цикла поэтических произведений - поэм и стихотворений.

КОЧАК - залив Каспийского моря на северном побережье полуострова Мангышлак. Место прибытия пароходов с грузами и почтой для Каратауской экспедиции 1851 г., а равно хранения всего необходимого для экспедиции. Известны акварель и два карандашных рисунка Т. Шевченко, помеченных этим географическим названием. Рисунки были сделаны с натуры, акварель - в последующие месяцы (или годы) новопетровской солдатчины поэта-художника.

КРАСНОВИДОВСКИЙ ПЕРЕКАТ - мели на Волге, неподалеку от Казани.

Упоминается в записи Дневника Т. Шевченко за 12 сентября 1857 г. Как явствует из нее, в этот день "Князь Пожарский" благополучно перешел Красновидовский перекал (мели)..."

КУВАНДАРЬЯ - рукав р.Сырдарья, некогда огибавший южную сторону Косарала, а впоследствии пересохший. "Теперь Кувандарья не вливает в море ни капли воды. Летом и к осени вода держится в ней только в омутах и озерах ". (А. Бутаков). Т. Шевченко, находясь на Арале, слышал рассказы о том, что десятилетия тому назад Кувандарья была многоводнее и сильнее Сырдарья. Пересохшую реку он вспомнил в одном из своих писем ("Куань").

КУГАРАЛ - остров в 30 верстах от устья Сырдарья, на севере Аральского моря, конечный пункт первого этапа трудного двухсуточного перехода шхуны "Константин" по выходе в плавание 1848 г. "...Выйдя на берег, мы взобрались на примыкавшие к нему обрывистые глинистые утесы, которые возвышались саженей на 25 над поверхностью моря и с вершины их могли видеть весь остров, имеющий вид солонцеватой степи, и ближайшие к нему берега морей Малого (кичкене-денгис) к северу от Кугарала и Большого (улу-денгис) к югу от него..." (А. Макшеев). 1-3 августа 1848 на Кугарале Т. Шевченко выполнил первые свои законченные после начала плавания рисунки. Сентябрь 1849, указанный в подписях под ними в качестве второй возможной даты их выполнения, назван в т.VIII безосновательно (8.IX.1849 шхуна к острову не приставала, находилась лишь поблизости от него).

КУГУС (Когоз) - долина в центральной части Каратау. Экспедицией А.Антипова здесь, в конце июля 1851 г., были найдены залежи песчаника с амонитами. Славилась источниками пресной воды. Известен рисунок Т. Шевченко с его надписью "Долина Кугусь". На нем - природная впадина среди гор с частью экспедиционного лагеря на переднем плане.

КУЛААТ (Кулат) - меловая гора между Северным Актау и Западным Каратау на Мангышлаке. Близ горы находились юрты кочевых казахов. Особенности этой территории переданы в рисунке Т. Шевченко с его надписью "Г.Кулать" . Как участник экспедиции А. Бутакова, он был здесь в первых числах августа 1851 г. На основе

указанного рисунка Шевченко впоследствии нарисовал акварель, подаренную семье Усковых.

КУЛАНДЫ - полуостров на северо-западном побережье Аральского моря; свое название получил от слова кулан (дикая лошадь). Во время Аральской экспедиции Т. Шевченко был здесь трижды: 4-16 августа 1848 г., 10-11 сентября того же года и 25-28 августа 1849. Известны его акварели "Южный берег полуострова Куланды" и "Могила Мула-Доса-Мал на полуострове Куланды", эскизы и наброски карандашом, выполненные в разных местах полуострова.

КУЛЬКУДУК - копани (колодцы) в Каракумах, оазис в песках на пути к Аральскому морю.

Конечный пункт двадцать шестого перехода (32 версты) транспорта из Орской крепости в Раимское укрепление 10 июня 1848 г. В официальном расписании маршрута признавался "лучшим ночлегом в песках Каракумов", что подтверждается и тем, что здесь Т. Шевченко вернулся к своим наброскам, от которых на несколько каракумских дней отказался. Тут была устроена и дневка 10 июня.

КУНГАН-САНДАН - полуостров в восточной части Аральского моря, исследованный в июле 1849 г. описной экспедицией А. Бутакова. "...Полуостров... выходит далеко в море, образуя по обе стороны большие заливы: на северную - Учуткуль, а на южную - Бусай. Прибрежье... состоит во-первых из низкой, в уровень с водою, песчаной равнины, на которой местами небольшие бугорки с камышом, далее тянется вдоль взморья ряд песчаных бугров (du№ es), заросших кустарником... В длину полуострова во внутрь тянется на 5 верст соленое озеро..." (Бутаков). Участвовавший в экспедиции Т. Шевченко рисовал избирательно, фиксируя только самое существенное, интересное. Из всего увиденного на Кунган-сандане он запечатлел упомянутый выше Бусай - не залив, но его берег, т.е. южную сторону полуострова.

КУШДЖИТМЕС - остров на Аральском море, первый объект исследования описной экспедицией в плавании 1849 г. Шхуна "Константин" находилась здесь 9 июля. Атрибутированных зарисовок этого острова, выполненных Т. Шевченко, нет.

КУЯНСУЮК - урочище на восточном берегу острова Николая I (в переводе - "заячий куст"). Карандашная зарисовка этой местности с собственноручной надписью Т. Шевченко была выполнена в сентябре 1848 г.

КШТЫМ (Кштын) - долина у Хивинской дороги к Новопетровскому укреплению на Мангышлаке. Кштымская долина входила в Хангабабинскую систему и выделялась обилием пресной воды. Место привала Каратауской экспедиции 1851 г. на начальном этапе ее пути. Запечатлена в рисунке Т. Шевченко "Кудук Кштым" ("Колодезь Кштым") - втором, после "Ханга-бабы", законченном его карандашном рисунке месяцев этой экспедиции.

Л

ЛАЗАРЕВА ОСТРОВ - остров в Аральском море, нанесенный на карту моря А. Бутаковым в последний день августа 1849 г. "Остров тот, названный мною в честь г. главного командира Черноморского флота Островом Лазарева, весь каменный и состоит из тех же пластов, как восточный берег острова Николая..." (Бутаков). Об адмирале

М.П.Лазареве (1788-1851) Т. Шевченко был наслышан и в Аральской экспедиции, и в последующие годы. Его зарисовки острова не атрибутированы.

ЛАИШЕВСКИЙ ТРАКТ - дорога из Казани в Симбирск (239 верст); этим трактом Т. Шевченко следовал к месту своей солдатской службы (через Лаишев, Спасск, Болгары, Тетюши) в июне 1847 г. В подробном виде маршрут предста вляется следующим образом:

Казань - д.Ометьево (Аметево) - с.Воскресенское - д.Усады - с.Гурьево (Гурьевское или Столбищи) - д.Сапуголи (Сапугалы или Сапуга; почт.ст.) - с.Нармонка (ранее Нармацкое) - с.Дятлово (Кибеч) - с.Укреч (Рождествено) - г.Лаишев (почт.ст.) - д.Епанчино (почт.ст.) - переправа на левый берег Камы у д.Атабаево (Табаево) - с.Измерь (Азмери, или Измери Татарские; почт.ст.) - г.Спасск (почт.ст.) - с.Болгары (Булгары или Успенское; почт.ст.) - д.Комаровка - переправа на правый берег Волги - г.Тетюши (почт.ст.) - проселком через д.Колунец - с.Богдашкино - д.Большие Тарханы - д.Соплевка - с.Вышка (Вышки) - Симбирск.

ЛУБНЫ - уездный город Полтавской губернии (ныне город Полтавской области), место проведения больших ярмарок. Т. Шевченко бывал здесь в 1843, 1845, 1846 гг., а в период солдатчины вспоминал его как в повестях "Близ нецы", "Музыкант", так и в Дневнике.

ЛЮБИМОВО - село Макарьевского уезда Нижегородской губернии.

Место массовых волнений крестьян против притеснений их помещиком Д.Демидовым, о котором есть запись в Дневнике Т. Шевченко за 7 ноября 1857 г. (См. также "Белозериха").

М

МАЗАРКИ - "из камышу и глины сложенные могилы", как значится в черновом автографе повести "Близнецы". По Далю, мазарки это "татарское и инородческое кладбище; древнее или покинутое кладбище или место, где оно было по преданию". Т. Шевченко упоминает их в названной повести как один из атрибутов "безотрадной" степи, именуя не мазарками, а - ошибочно - мазанками.

МАМЫТ - река, левый приток Ори.

Во время четвертого перехода транспорта из Орской крепости в Раимское укрепление 14 мая 1847 г. Т. Шевченко, вместе со всеми другими, переправился через нее вброд.

МАНА-АУЛИЕ - гора в казахской степи.

Конечный пункт пятнадцатого перехода транспорта от Орской крепости в Раимское укрепление 26 мая 1848 г.

"Вдали, на самом горизонте, синела гора, называемая мана ауля, т.е. "здесь святой". ("Близнецы").

МАНГЫШЛАК - полуостров на северо-восточном берегу Каспийского моря. Большая часть его занята плато с отдельными хребтами на севере (Каратау, Северный и Южный Актау), высотой до 556 м. Поверхность юго-западной части - равнина с отдельными впадинами; на юго-востоке - мангышлакское плато высотой до 268 м. Климат резкоконтинентальный, осадков около 150 мм. в год, растительность пустынная.

Полуостров богат полезными ископаемыми (нефть, каменный уголь, железные, медные и другие руды). Т. Шевченко находился на Мангышлаке с октября 1850 по август 1857 гг. Жил и служил в Новопетровском укреплении (ныне г.Форт Шевченко), бывал в станице Николаевской и других окрестностях укрепления, участвовал в Каратауской экспедиции по разведке каменного угля, О Мангышлаке - в Дневнике и письмах Шевченко. Художественно-документальный, безусловно достоверный образ Мангышлака середины XIX века - в шевченковских акварелях, рисунках, набросках разных лет солдатчины поэта-художника.

МЕДНОВКА - село Нижегородской губернии.

26-28 февраля 1857 г. Т. Шевченко провел в поездке, целью которой являлось посещение Медновки - места строительства железнодорожной линии. Сооружение дороги наталкивалось на сопротивление крестьян, распахивавших подготовленную к укладке шпал местность и уничтожавших выставленные строителями знаки. "Прогулка за 75 верст от Нижнего" (так в Дневнике) помогла Шевченко "сократить длинное ожидание официального объявления о дозволении жить <...> в Питере".

МЕЖИГОРСКИЙ СПАС - бывший запорожский монастырь неподалеку от Киева, сгоревший в 1787 г. В 1843 г., когда Т. Шевченко посетил это место, там размещалась фабрика по выпуску фаянса. "Видел во сне Межигорского Спаса. .." - записал он в Дневнике 18 июня 1857 г.

МЕНДЫБАЙ - река, левый приток Ори.

Конечный пункт первого 23-верстного перехода транспорта из Орской крепости к Раимскому укреплению, совершенного 11 мая 1847 г.

"Первый переход (с непривычки, может быть) я ничего не мог видеть и слышать, кроме облака пыли, телег башкирцев, верблюдов и полуобнаженных верблюдовожатых киргизов. Словом, первый переход пройден был быстро и незаметно..." ("Близнецы").

Переправившись через Мендыбай вброд, Т. Шевченко ночевал в джуламейке А. И. Макшеева, предложившего ему такое соседство на все время похода.

МЕНШИКОВА ОСТРОВ - остров на Аральском море, открытый экспедицией А. Бутакова 22 мая 1849 г. "Остров этот, не имеющий киргизского названия и первое открытие мое в нынешнем году, я назвал в честь его светлости нача льника главного морского штаба е.и.в. Остров Меншикова". (Бутаков). Наречение было предопределено служебным положением адмирала. Рисунки Т. Шевченко, запечатлевшие сей остров, неизвестны; не исключено, что они были подарены самому А.С.Меншикову.

МОНАСТЫРИЩЕ - село на правом берегу Днепра, в Каневском уезде Киевской губернии (ныне - Каневском районе Черкасской области). Т. Шевченко побывал здесь летом 1845 г.; село вошло в его стихотворение "Сон" ("Гори мої високіі"). Памятью об этом посещении проникнуты письма его 1852 и 1854 гг. А.Козачковскому. ("Помните ли нашу с вами прогулку в Андруши и за Днепр в Монастырище на гору. Вспомните тот чудный вечер, ту широкую панораму...").

МОСКВА - в 18 и 19 вв. вторая столица Российской империи, крупнейший промышленный, торговый и культурный центр государства; ныне столица России.

Т. Шевченко, начиная с 1843 г., много раз бывал в Москве. После ареста в апреле 1847 г. и на путях его к месту солдатчины (июнь того же года) он проезжал через этот город, делая мимолетные остановки.

Москва вспоминалась ему в неволе, в т.ч. в повестях, письмах и, прямо или косвенно, в поэзии. (О других связях Шевченко с этим городом, за рамками периода, - в иных источниках).

МОШНЫ - местечко Черкасского уезда Киевской губернии (ныне село в Черкасской области). Т. Шевченко побывал здесь до своего первого ареста. В повести "Близнецы" он упоминал Мошнянский монастырь, а в дневнике вой записи 7 сентября 1857 г. - Мошнянскую гору. (В июле 1859 поэт-художник был в Мошнах снова; тут выполнен его пейзажный рисунок, написаны письма Максимовичам и др. Это посещение было непосредственно связано с новым арестом поэта-художника).

МУГОДЖАРЫ - южное окончание Уральских гор. Высота горных гряд до 656 метров (Большой Боктыбай). Начинаются на севере узким горным кряжем, разделяющимся затем на два почти параллельных хребта. Южная часть западного хребта наиболее высока. Восточный хребет - цепь сглаженных сопок, расчлененных притоками р.Иргиз.

Находясь на территории Оренбургского края, Мугоджары во времена Т. Шевченко были местом исследований экспедиций А.Антипова и других геологов; в повести "Близнецы" он писал о "счастливом земляке", который дал "...такие сведения (в геологическом отношении и), за сообщение которых сам Мурчисон сказал бы спасибо".

В походе к Аральскому морю (1848) Шевченко видел и рисовал отроги Мугоджар.

МУРОМ - город на р.Оке. Стал известен с 862 г.; с 1097 был центром Муромо-Рязанского княжества. Достопримечательностями его были церковь Косьмы и Дамиана (16 в.) и Троицкий монастырь (17 в.). Ныне районный центр Владимирской области.

Т. Шевченко проезжал через Муром, следуя в Оренбург (июнь 1847 г.).

Н

НАНКИН - город в Китае, порт в низовьях р.Янцзы, крупнейший центр страны. Штурмом был взят повстанцами 19 марта 1853 и до 1864 являлся столицей государства тайпинов - "Небесного государства великого благоденствия".

Упоминается в Дневнике Т. Шевченко за 6 сентября 1857 г. в связи с прочитанной им статьей "Новейшие сведения о действиях китайских инсургентов", посвященной событиям крестьянской войны в Китае ("Русский инвалид", 1857, 31 июля). Статья о Китае вызвала в Шевченко остросовременные мысли о жизни России, ее обездоленного народа.

НАСЛЕДНИКА ОСТРОВ - один из Царских островов, открытых и обследованных Аральской экспедицией в сентябре 1848 г., одновременно с островами Николая I и Константина. "Между островами Николая I и Наследника вообще не глубоко - местами меньше 1 саж. - и, повидимому, они со временем соединятся в один остров..." (А. Бутаков). "...21-го сентября утром шхуна перешла к низменному и песчаному острову Наследника, который... сплошь покрыт густым камышом, заглушившим всякую другую растительность..." (А. Макшеев).

Для Т. Шевченко это был последний пункт плавания 1848 г. перед зимовкой на Косарале. Побывал он тут и в августе 1849 г. Наследником российского престола являлся старший сын Николая I - великий князь Александр Николаевич, впоследствии Александр II.

НЕЖЕНКА (Нежинка) - село близ Оренбурга (17 верст). Основано, как Нежинский форпост, в 1742 г., казаками Нежинского полка. Сами они с годами отсюда ушли, а имя селения осталось.

Т. Шевченко проезжал здесь (и даже останавливался) несколько раз в 1847-1850 гг. Село фигурирует в повести "Близнецы": "Поехал он в Неженку. Это будет по Орской дороге. Что же? И там дома и ворота, только мечетей не видно. Зато не видно и церкви... А к акая благодатная земля! Какие роскошные луга и затоны уральские!"

НЕСВИЖ - местечко в Слуцком уезде Минской губернии. Поблизости от него находилось поместье Залеских Раскевичи. Ныне город Минской области.

Упоминается в записи Дневника Т. Шевченко за 13 июня 1857 г. в связи с неосуществленным планом поездки к другу, Бр.Залескому.

НИЖНИЙ НОВГОРОД - город при слиянии Волги и Оки (основан в 1221), центр Нижегородской губернии Российской империи; в настоящее время - административный центр Нижегородской области Российской Федерации, один из крупнейших промышленных и культурных городов страны.

Т. Шевченко прибыл в Нижний Новгород на пароходе "Князь Пожарский" 20 сентября 1857 г. с намерением сразу же продолжить путь в Петербург, однако был здесь задержан как отпущенный из Новопетровского укрепления без соблюдения "необходимых" формальностей, и только содействие доброжелателей поэта избавило его от угрозы вновь проследовать по этапу в Оренбург, чтобы ждать решения дальнейшей своей участи там. "Теперь я в Нижнім Новгороді, на волі, - на такий волі, як собака на прив'язі", - писал он М. Щепкину 12 ноября. "От катові і іродові душі! Мало їм було десяти літ. Кров холоне, як згадаю... Помилували та тільки до половини", - поверял он свои чувства Я.Кухаренко 16 февраля 1858. Под надзором полиции Шевченко прожил в Нижнем Новгороде до 8 марта, когда, получив дозволение выехать в Петербург, с проживанием там под строгим полицейским наблюдением, смог, наконец, оставить место своего затянувшегося, почти полугодового, перепутья", иными словами - ссылки.

Для поэта, находившегося в течении десяти лет на службе в отдаленных батальонах, пребывание в Нижнем Новгороде стало важным жизненным этапом, отмеченным, прежде всего, активным приобщением его к наиболее прогрессивным течениям общественно-политической жизни, подъем которой все отчетливее наблюдался по мере назревания революционной ситуации. Тут он имел возможность глубоко окунуться в атмосферу декабризма, чему во многом способствовало знакомство с участниками восстания 1825 И.Анненковым, А.Муравьевым, близким к декабристам А.Улыбышевым, с М. Дороховой - невестой П.Муханова, родственницей и другом многих героев Сенатской площади, в доме которой не только воспитывалась дочь И.Пушина, но и сходилась множество нитей, связывавших раскиданных по всей России "дворянских революционеров" 20-х гг. В Нижнем Новгороде поэт Украины познакомился с потаенными изданиями А.Герцена, с людьми, близко знавшими Н.Чернышевского и Н.Добролюбова, с произведениями поэзии, прозы, публицистики, запрещенными цензурой, а потом у распространявшимися в списках, и даже с авторами их (например, П.Шумахером). С напряженным вниманием и глубоким интересом следил Шевченко за

ходом работ по подготовке к отмене крепостного права; острая борьба вокруг этого протекала у него на глазах. По свидетельствам современников, поэт не упускал возможности сказать свое слово в защиту обездоленных братьев, сестер; примеры его агитационной деятельности приведены рядом авторов-нижегородцев.

В Нижнем Новгороде он участвовал в культурной жизни: был завсегдатаем театра, вдохновителем гастролей М. Щепкина, посещал музыкальные вечера, помогал в устройстве благотворительных спектаклей; большой интерес проявлялся им к памятникам истории и культуре ры.

Находясь в этом городе, Шевченко пережил любовь к молодой актрисе Е.Пиуновой; желание соединить свою жизнь с ее не осуществилось, т.к. родители артистки и она сама согласия на брак не дали.

Пребывание в Нижнем Новгороде отмечено активной творческой деятельностью Т. Шевченко как поэта, прозаика и художника. Здесь им созданы такие поэтические шедевры, как "Неофіти", "Юродивий", триптих "Муза", "Доля", "Слава", закончена русская повесть "Про гулка с удовольствием и не без морали", написана рецензия "Бенефис г-жи Пиуновой...", продолжен Дневник, проведена большая редакционно-творческая работа над стихами, рожденными во время солдатчины. Тут же выполнено более 20 портретов и 3 автопортрета, значительное количество архитектурных пейзажей, запечатлевших достопримечательности древнего русского города.

Современный Нижний Новгород хранит память о Шевченко. Сохраняются здания, в которых он жил или бывал, в том числе дом архитектора П.Овсянникова - первое место жительства поэта в городе, дома нижегородских его знакомых А.Улыбышева, В.Даля, В.Трубецкого, Нижегородской губернской гимназии и др. Пребывание Шевченко нашло отражение в Государственном историко-архитектурном музее-заповеднике, изучается учеными с освещением на специальных конференциях, а также в книгах местного издательства. ("Т. Г. Шевченко в Нижнем Новгороде". Под ред. Добротвора Н., изд. 2-е, измен. и доп., Горький, 1958; Червяковский С., Крылов А. "Шевченко в Нижнем Новгороде. Путеводитель". Горький, 1964; Елисеев А. "Они жили в нашем городе". Горький, 1971).

НИКОЛАЕВ - город на берегу Бугского лимана, при слиянии рек Южный Буг и Ингул. Основан одновременно с верфью в 1788 г. Ныне областной центр Украины.

В Николаеве жила семья А. Бутакова: любящий сын переписывался с родителями. Рассказы Алексея Ивановича были для Т. Шевченко надежными источниками сведений о южном украинском городе, где сам он не бывал никогда.

НИКОЛАЕВСКАЯ - станица близ Новопетровского укрепления, поселение оренбургских казаков и крестьян-переселенцев из Самарской и Саратовской губерний, которые занимались, в основном, рыбной ловлей и промыслом тюленя. Станица была основана и развивалась вместе с укреплением. Т. Шевченко бывал здесь в 1850-1857 гг., вел знакомство со многими казаками и крестьянами, поддерживал дружеские отношения с некоторыми из них. В общих своих чертах она запечатлена в рисунках худ ожника.

НИКОЛАЯ I ОСТРОВ - остров в центральной части Аральского моря (впоследствии о.Возрождения).

Открытие его описной экспедицией состоялось 9 сентября 1848 г. "...В 7 ч. утра открылся в левой руке остров. По высоким берегам принял его сначала за остров Барсакельмес, но справясь с счислением, я тотчас убедился, что сделал новое открытие". (А. Бутаков). Другое свидетельство того же автора:

"...Остров Николая I-го (так он был назван сразу по открытии) занимает пространство около 300 кв.верст,

он покрыт в огромном количестве саксаульником, гребенщиком и тальником; в копанях вблизи берега пресная вода... Здесь не было видно следа человеческой ноги: даже сайгаки, которых множество, смотрели на неизвестное им существо - человека - без страха..." Экспедиция, в составе которой был Т. Шевченко, обследовала остров дважды: 12-21 сентября 1848 и 22-30 августа 1849 гг. Он запечатлен в шести акварелях и серии карандашных рисунков, эскизов, набросков художника.

Т. Г. Шевченко

**Гористый берег о-ва Николая I
1848-1849**

НОВГОРОД - один из древнейших русских городов. Первое летописное упоминание его - под 859 г. В 1136-1478 был столицей Новгородской республики. Находясь на перекрестке важнейших торговых путей Восточной Европы, в частности пути "из варяг в греки", Новгород являлся крупным ремесленным и торговым центром не только Руси, но и Европы. "Господин Великий Новгород" снискал себе известность и своим вечевым строем, ересями, выдающейся ролью в развитии русской культуры, в т.ч. зодчества и живописи. Известны кремль (детинец) 11-12 вв., Софийский собор (1045-50), церкви Спаса на Нередице (1178), Федора Стратилата на Ручье (1360-1361) и другие замечательные произведения древней архитектуры. Ныне областной центр России.

Т. Шевченко проезжал через Новгород, а возможно и останавливался здесь во время своих поездок, в том числе при следовании к месту солдатской службы (июнь 1847).

НОВЕГРАД - летописная форма названия Нижнего Новгорода.

В записях Дневника за 19 и 20 сентября 1857 Т. Шевченко употребляет разные формы подчеркивания торжественности встречи с конечным пунктом путешествия по Волге, а равно и старины этого города (Новеград, Наваград, Новгород).

НОВОПЕТРОВСКОЕ УКРЕПЛЕНИЕ - крепость на полуострове Мангышлак, у северо-восточного берега Каспийского моря (основана в 1846); с 1857 - форт Александровский (до 1939); в настоящее время - город Форт Шевченко.

К началу 50-х гг. Новопетровское укрепление представляло собою укрепление с тремя оборонительными башнями, вооруженное 26 орудиями и 6 мортирами, с гарнизоном из 723 человек. Основу его составляли две роты 1-го Оренбургского линейного батальона, смена которых в виду тяжелых условий жизни происходила каждые два года, и периодически сменявшийся двухсотенный отряд Уральского казачьего войска. Связь укрепления с внешним миром поддерживалась только морским путем; с октября по апрель, в виду закрытия навигации, почтового и всякого другого сообщения с материком

не было. "Небольшая каменная церковь, комендантский дом, караульный дом, госпиталь и несколько каменных флигелей для помещения нижних чинов и офицеров - вот все, что находилось в крепости..., - вспо минала дочь новопетровского коменданта И.Ускова. - Около крепости, под горой, несколько армянских лавок, а кругом голая степь и ни признака растительности".

В этой, по его определению, "незамкнутой тюрьме" Т. Шевченко находился с 17 октября 1850 до 2 августа 1857. "Живу я... в казармах, муштруюсь ежедневно, хожу в караул и т.д., одно слово, солдат...", - писал он А.Козачковскому 16 июля 1852. О непрестанно й муштре есть и в письме от 6 апреля 1855 к А.Плещееву: "...из меня... тянут жилы по осьми часов в сутки!" 19 июня 1857 Шевченко записывал в Дневнике: "Трудно, тяжело, невозможно заглушить в себе всякое человеческое достоинство, стать на вытяжку, слушать команды и двигаться, как бездушная машина". Режим его солдатской жизни то усиливался до предела, то несколько ослабевал, но все эти семь лет поэт оставался бесправным "нижним чином", достоинство которого мог унижить, попрасть всякий. Периодически появляв шиеся надежды на облегчение участи оказывались не осуществленными. Шевченко отказали в просьбе разрешить ему безвозмездно написать запрестольный образ для церкви укрепления. Последовал отказ на представление к чину унтер-офицера, присвоение которого откр ывало возможности к более скорому увольнению от службы. Лишь заступничество комендантов - сначала А.Маевского, а затем И.Ускова, доброжелательное отношение со стороны ряда офицеров, чиновников и других жителей (М.Мостовского, Ф.Чаганова, К. и С.Зыгмунтов ских), общение с такими же, как он, рядовыми из среды политических ссыльных, среди которых преобладали участники польского национально-освободительного движения, наконец, поддержка извне, со сторону друзей в Оренбурге, Петербурге, Москве, на Украине дава ли Шевченко силы побороть, преодолеть трудности и невзгоды. Полезным было общение поэта с К.Бэрром, Н.Данилевским, А.Писемским, Н.Ивашинцевым, А.Головачевым и другими лицами, приезжавшими в укрепление по научным и служебным делам. Оно позволяло быть в кур се событий жизни России и Европы. Большие результаты, в т.ч. творческие, дало прикомандирование его к Каратауской экспедиции А.Антипова (1851). Следует отметить, что на Мангышлаке Шевченко имел более широкие возможности для занятий живописью (хотя реализ ация работ вне укрепления и требовала осторожностей).

В Новопетровском укреплении Т. Шевченко создал большое количество живописно-графических работ, составляющих ныне девятый том Полного собрания его произведений. Среди них - портреты новопетровских знакомых, пейзажи укрепления и его окрестностей, сепии, посвященные жизни казахского народа, листы из серии "Притча о блудном сыне", рисунки на сюжеты античной истории, мифологии, литературы. Заслуживают внимания скульптурные занятия Шевченко, известные по описаниям. Литературными произведениями, написанными им в этом укреплении, являются русские повести "Наймичка", "Варнак", "Княгиня", "Музыкант", "Несчастный", "Близнецы", "Художник" и др. О поэтическом творчестве 1851-1857 достоверных сведений нет. В этом укреплении он начал вести Дневник (1857).

В современном Форте Шевченко (бывш. Новопетровском укреплении) сохраняется память о великом сыне украинского народа. В саду, некогда заложенном при его участии, установлен бюст поэта. Открыт и действует мемориальный музей.

НОВОТРОИЦК - город (с 1945 г.) в Оренбургской области, крупный промышленный центр (Орско-Халиловский металлургический комбинат, завод хромовых соединений, предприятия стройиндустрии). Свыше 100 тыс. жителей.

Во времена Т. Шевченко - место казачьего пикета Разбойный редут на пути следования в Орскую крепость и обратно.

НОВЫЙ ОРЛЕАН - город и порт на юге США. Основанный в 1718 г. французами, в 1764-1800 гг. являлся испанским владением, после чего был снова отвоеван Францией, а затем продан ею (в составе Луизианы) Соединенным Штатам Америки. С этого времени началось наиболее бурное его развитие.

В записи Дневника за 6 сентября 1857 г. Т. Шевченко сравнил с ним Самару: "Огромнейшая хлебная пристань на Волге, приволжский Новый Орлеан!" Но тут же не преминул подчеркнуть явное в его глазах отставание порта на Волге в удовлетворении элементарных потребностей пассажиров.

О

ОБРУЧЕВА ОСТРОВ - остров в юго-восточной части Аральского моря, первое открытие описной экспедиции в плавании 1848 г. "...7-го числа (сентября - Л. Б.) я открыл остров в широте 44 градуса, в юго-восточном углу моря. Он довольно далек от материка, неизвестен киргизам, порос камышом, саксаульником и гребенщиком; длиною 4 версты..." (А. Бутаков). "...Как первое открытие на Аральском море, Бутаков назвал остров именем виновника описной экспедиции Владимира Афанасьевича Обручева..." (А. Макшеев). Обручев был командиром Отдельного Оренбургского корпуса и Оренбургским военным губернатором.

Имеется свидетельство того, что Т. Шевченко запечатлел остров в рисунке, собственноручно им подписанном, но ни оригинала рисунка, ни репродукции не сохранилось.

ОБЩИЙ СЫРТ - возвышенность в Европейской части России, в междуречье Волги и Урала, водораздел для рек волжского и уральского бассейнов. В тюркских языках понятие "Сырт" имеет несколько родственных значений: водораздел, высокое место, увал. В оренбургские впечатления Т. Шевченко июня 1847 г. вошли "плоские возвышенности Общего Сырта", впервые увиденные им "на горизонте в тумане" по миновании Бузулука, на пути к Оренбургу ("Близнецы").

ОДЕССА - город и порт на Черном море (ныне областной центр Украины).

В годы солдатчины Т. Шевченко писал в Одессу и об Одессе в своих письмах; с этим городом были связаны судьбы его друзей (Лизогубов, Репниной).

ОКА - самый крупный и многоводный правый приток Волги. Берет начало в центральной части Среднерусской возвышенности. У Нижнего Новгорода впадает в Волгу. На пути в Нижний, после Муромы, Т. Шевченко с сопровождавшими его фельдъегерем переплывали через Оку.

**Оренбург с предместьями
1849 г.**

Условные обозначения крепостной ограды:

- Крепостной земляной вал
- Оборонительная казарма
- Крепостная каменная стена

некоторых коренных оренбуржцев. Пробыл он в Оренбурге, предположительно, до 20 июня, когда был отправлен к месту расположения 5-го линейного батальона - в Орскую крепость.

Вторично Шевченко попал в Оренбург осенью 1849. Вместе с А. И. Бутаковым и группой других участников Аральской экспедиции он приехал сюда "для отделки гидрографических видов Аральского моря" 31 октября и пробыл почти семь месяцев. Этот период, полувечный в современной литературе название Оренбургской зимы, отмечен расширением и укреплением дружеских связей Шевченко с политическими ссыльными и прогрессивной интеллигенцией, большой активностью поэта-художника в его разностороннем творчестве - созданием ряда поэтических шедевров, новыми надеждами на облегчение своей участи и, возможно, освобождение от солдатчины. Однако закончился он иным - обыском и арестом по доносу прапорщика Н.Г.Исаева о хождении "рядового" в "партикулярном" платье, нарушении им запрета писать и рисовать. В середине мая Шевченко отправили в каземат Орской крепости.

ОРЕНБУРГ - город на границе Европы и Азии (основан в 1735, на нынешнем месте с 1743), крепость второго класса, резиденция военного начальника края и штаба Отдельного Оренбургского корпуса, уездный город Оренбургской губернии; в настоящее время административный центр Оренбургской области.

Т. Шевченко впервые приехал в Оренбург вечером 9 июня 1847 г.; его доставил сюда специальный фельдъегерь - для определения на солдатскую службу, "под строжайший надзор, с запрещением писать и рисовать". Проведя ночь на 10 июня в ордонансгаузе, он в последующие дни познал всю унижительность своего положения "нижнего чина" в хождениях по инстанциям и мрачном быте казармы, куда был помещен. В то же время ему удалось ощутить искренность и силу дружбы со стороны служивших в городе земляков, а так же

Третий приезд Шевченко в Оренбург был самым кратковременным: перевозимый в Новопетровское укрепление, он 3-4 октября 1850 смог задержаться в этом городе не более чем на сутки. Тем не менее ему удалось встретиться со старыми и познакомиться с новыми друзьями, в т.ч. из политических ссыльных.

В течение всего периода солдатчины и ссылки Шевченко внимательно следил за всем, что происходило в центре края его неволи, вел активную переписку с друзьями в Оренбурге, через них, пользуясь любой оказией, пересылал живописно-графические работы. Отсюда исходило большинство распоряжений, касавшихся судьбы поэта.

Личные впечатления об Оренбурге нашли отражение в шевченковской повести "Близнецы".

Пребывание в Оренбурге в 1849-1850 отмечено творческим подъемом у Шевченко, отчетливо видимым на основе анализа созданных им в это время произведений. Среди них - поэма "Петрусь", стихотворения "Лічу в неволі дні і ночі", "Ми заспівали, р озійшились", "Не молилася за мене", "Якби ви знали, паничі" и другие поэтические шедевры; большинство из них навеяно впечатлениями и настроениями подневольной жизни автора, встречами, состоявшимися у него в Оренбурге. В те же месяцы Шевченко значительно вырос как портретист; им выполнены портреты Ф. и М. Лазаревских, А.Племянникова, Н.Исаева, Е.Бларамберг, М.Обручевой и других лиц; часть работ неизвестна. Написаны также автопортреты, эскиз "Распятие", виды Аральского моря. "Оренбургская зима" - один из наиболее плодотворных периодов творческой биографии Шевченко.

В современном Оренбурге сохранились некоторые места и здания, связанные с пребыванием тут Т. Шевченко. Среди них - дом Кутиных, в котором в 1847 и 1849-1850 бывал поэт (угол улицы 8 Марта и Шевченковского переулка). Он отмечен мемориальной доской. Заслуживают также быть названными бывший дворец губернатора, где Шевченко писал портрет Обручевой (угол Набережной и Советской), здание, в подвале которого находилась гауптвахта - место ареста поэта в апреле-мае 1850 (Советская, 24), ордонансгауз (Советская, 3) и др. Они также несут на своих фасадах мемориальные доски. Именем Шевченко в городе названы улица и переулок. Создан и работает музей-гауптвахта Т. Шевченко. Действует Оренбургский Институт Тараса Шевченко, систематически выпускающий научные записки и другие издания.

ОРСК - см. **Орская крепость**.

ОРСКАЯ КРЕПОСТЬ - военное укрепление у впадения р.Орь в р.Урал (основано в 1735 г.), главная крепость Орской дистанции Верхне-Яицкой линии; с 1865 - Орск, уездный город Оренбургской губернии; в настоящее время - крупный центр цветной металлургии, тяжелого машиностроения, нефтеперерабатывающей, химической и других отраслей промышленности Южного Урала.

Т. Шевченко был доставлен в Орскую крепость вечером 22 июня 1847. Бесконечная солдатская муштра и тяжелый казарменный быт начались для него на следующий же день, когда Шевченко занесли в списочный состав третьей роты 5-го линейного батальона. Лишь на короткий срок почувствовал он облегчение - после того, как комендант Г. Г. Левитский, внемля просьбам оренбургских друзей поэта, разрешил ему жить на частной квартире и освободил от некоторых обязанностей "нижнего чина". Но вскоре судьба Шевченко снова оказалась в руках солдафонов во главе с командиром батальона Д.В.Мешковым. Только дух настоящего бойца помог ему перенести невероятные тяготы

и унижения. В большой степени способствовало этому укрепление связей с рядовыми из "политических прес тупников" (И. Завадским, С. Круликевичем, О. Фишером, Б. Колесинским), с прогрессивно мыслящими людьми из среды чиновников (напр., М. Александрийским), моральная и материальная поддержка со стороны друзей (особенно братьев Лазаревских). Несмотря на строжайший запрет, Шевченко в Орской крепости продолжал и писать, и рисовать. В 1847-1848 им было написано тут не менее 20 поэтических произведений, в т.ч. "Княжна", "Сон" ("Гори мої високії"), "Іржавець", "А.О.Козачковському", "Москалева криниця", "Варна к" и др. Среди художественных работ - автопортрет, зарисовки казармы и ряд других рисунков. Из Орской крепости поэт выбыл 11 мая 1848, когда, включенный в состав экспедиции А. И. Бутакова, отправился в поход к Аральскому морю.

На обратном пути из Раимского укрепления Шевченко побывал в Орской крепости 28 октября 1849; остановка была кратковременной.

В третий раз Шевченко попал в крепость после оренбургского ареста в апреле 1850. Длительное время он находился под строжайшей охраной на крепостной гауптвахте. Специально прибывший из Оренбурга подполковник Чигирь вел предписанное царем и его присяжными следствие о виновниках "предосудительных послаблений относительно этого преступника". На поэта обрушивались удар за ударом. Однако и в таких страшных условиях дух Шевченко оставался не сломленным. Тесную связь поддерживал он с участниками Орского кружка политических ссыльных и молодых офицеров (разгромленного в конце того же, 1850). Пребывание в крепости закончилось 29 или 30 сентября, когда Шевченко в срочном порядке был отправлен в самое отдаленное укрепление края - Новопетровское.

Впечатления об Орской крепости нашли яркое выражение в письмах поэта к друзьям, посланных в 1847-48, но особенно - в повестях "Близнецы" и "Несчастный", где даны развернутые зарисовки-характеристики и самой крепости, и ее быта. Во многом дополняют наши представления о жизни Шевченко этого периода стихотворение "А.О.Козачковському".

В современном Орске свято хранят память о великом поэте. На площади им. Шевченко установлен памятник Кобзарю. Его именем названы педагогический институт, библиотека, сад. Поэзии Шевченко, его разностороннему творчеству посвящаются вечера и конференции. Жителям города известны места, где находились гауптвахта, казармы, солдатский плац шевченковских времен; они отмечены мемориальными досками. Создан и действует Орский музей Т. Г. Шевченко. Тут в 1977 г. родился ежегодный праздник всей области - "Шевченковский март". Учреждена и присуждается Орская литературно-художественная премия им. Тараса Шевченко.

Строки из "Близнецов"

- А вот и Орская белеет, - сказал ямищик, как бы про себя.

- Так вот она, знаменитая Орская крепость! - почти проговорил я, и мне сделалось грустно, невыносимо грустно, как будто меня бог знает какое несчастье ожидало в этой крепости. А страшная пустыня, ее окружающая, казалась мне разверстою могилой, готовою похоронить меня заживо. Подъезжая ближе к крепости, я думал (странная дума), поют ли песни в этой крепости. И готов был бог знает что прозакладывать, что не поют. При такой декорации возможно только мертвое молчание, прерываемое тяжелыми вздохами, а не звучными песнями.

Подвигаясь ближе и ближе по широкому, едва зеленью подернутому лугу, я ясно уже мог различить крепость: белое пятнышко - это была небольшая каменная церковь на горе, а красно-бурая лента - это были крыши казенных зданий, как-то: казарм, цейхгаузов и прочая. Переехавши по деревянному, на весьма жидких сваях, мостику, мы очутились в крепости. Это обширная площадь, окруженная с трех сторон каналом шириною в три ширины да валом с соразмерною вышиною, а с четвертой стороны - Уралом. Вот вам и крепость. Недаром ее киргизы называют Яман-кала. По-моему, это самое приличное ей название. И на месте этой Яман-калы предполагалось когда-то основать областной город! Хорош был бы город! Хотя, правду сказать, и Оренбург малым чем выигрывает в отношении и местности. Вот что оживляло первый план этой сонной картины: толпа клейменных колодников, исправлявших дорогу для приезда корпусного командира, а ближе к казармам на площади маршировали солдаты.

Из повести "Несчастный"

Крепость Орскую местные киргизы называют Яман-Кала. И это название чрезвычайно верно определяет физиономию местности и самой крепости. Редко можно встретить подобную бесхарактерную местность. Плоско и плоско. Для киргиза, конечно, это ничего не значит, - он сроднился с этим пейзажем. Но каково для человека, привыкшего в окружающей его природе видеть красоту и грацию, и очутиться вдруг перед суровым однообразным горизонтом неисходимой, бесконечной степи? Удивительно, как неприятно такой пейзаж дейст вует на одинокую душу новичка.

Крепость Орская как нельзя более в гармонии с окружающей ее местностью. То же однообразие и плоскость. Только и отделяется немного от общего колорита местности - это небольшая каменная церковь на горе, заметьте, на яшмовой горе. Под горою с одной стор оны лепятся грязные татарские домики. А с другой стороны, кроме таких же грязных домиков, инженерный двор с казематами для каторжников. Против инженерного двора длинное низенькое бревенчатое строение с квадратными небольшими окошками; это баталионные каз армы, примыкающие одним концом к деревянному сараю, называемому экзерцис-гауз, а другим концом выходящие на четырехугольную площадь, украшенную новою каменною церковию и обставленную дрянными деревянными домиками. "Где же самая-то крепость?" - спросите в ы. Я сам два дня делал такой же самый вопрос, пока на третий день, по указанию одного старожила, не вышел в поле, по направлению к меновому двору, и не увидел едва приподнятой насыпи и за ней канал. Канал и насыпь сравнительно не больше того рва, каким у нас добрый хозяин окапывает свое поле. Вот вам и второклассная крепость.

ОРСКИЙ ТРАКТ - почтовая и транспортная дорога из Оренбурга в Орскую крепость. Начало свое вела от Орских ворот в Оренбурге, протяженность ее исчислялась 265 верстами, пролегла по правобережью р.Урал, "во многих местах весьма низменному и потому ежегодно заливаемому во время половодья" (А.Грен). Тракт проходил через следующие почтовые станции и селения:

Орские ворота в середине XIX века, реконструкция

Неженка (от Оренбурга 17 верст), Каменоозерная (от предыдущего пункта 15 верст), Островное (+26), Красногорская я (+17), Гирьяльская (+22), Верхнеозерная (+20), Никольская (+27), Ильинская (+18), Подгорный редут (+19), Губерлинская (+22), Хабарный форпост (+28). Отдельными статьями в наш ей энциклопедии выделены лишь названия, упомянутые Шевченко в повести "Близнецы", где описано путешествие его героя по данному тракту.

Всего этой дорогой Шевченко следовал четыре раза: в июне 1847, октябре 1849, мае и октябре 1850.

ОРЬ - левый приток Урала. Начало свое берет на северных отрогах Мугоджарских гор. Длина 370 километров. Питание реки главным образом снеговое, замерзает в ноябре, вскрывается в апреле. При впадении Ори в р.Урал находится город Орск. Т. Шевченко узнал эту реку во время своей орской солдатчины, а затем в походе из Орской крепости к Аральскому морю, который начинался именно от Ори и на протяжении первой недели проходил по ее берегам. Это нашло отражение как в повести "Близнецы", так и в рисунках художника. Орь упоминается также в шевченковских письмах.

ОСТРОВНОЕ (Островная) - село в 57 верстах от Оренбурга по Орской дороге (ныне Саракташского района Оренбургской области). Одно из первых украинских поселений в пределах нынешнего Оренбуржья было основано в 1812 и ли 1813 гг. жителями Кинель-Черкасской слободы, потомками первых черкасов, переведенных по их просьбе в урочище "Островные речки". Переселенные украинцы, обращенные в казаков, основали деревню, а потом поселок, насчитывавший уже через несколько лет более 500 жителей. Оказавшись здесь в июне 1847 г. на пути из Оренбурга к месту солдатской службы, в Орскую крепость, Т. Шевченко увидел национальную украинскую самобытность оренбургского села и запечатлел эти свои впечатления в повести "Близнецы" ("...Он запл акал при взгляде на картину, так живо напомнившую ему его прекрасную родину..."). Через Островное Шевченко проезжал еще трижды, в 1849-1850 гг. "Земляк из Островной" наваял поэту его стихотворение аральского цикла "Ну що б, здавалося, слова".

ОТДЕЛЬНЫЙ ОРЕНБУРГСКИЙ КОРПУС - войсковое соединение вооруженных сил Российской империи.

Учрежденные в России в 1810 г., отдельные корпуса формировались по территориальному принципу, включали в себя различные роды оружия, в мирное время несли оборонительную и охранную службы, а в период военных действий использовались для самостоятельного осуществления крупных стратегических задач.

Первым командиром Отдельного Оренбургского корпуса являлся оренбургский военный губернатор Г.С.Волконский (до 1817), в дальнейшем корпусом командовали губернаторы П.К.Эссен (1817-1830), П.П.Сухтелен (1830-1833), В.А.Перовский (1833-1842), В.А.Обручев (1842-1851), снова В.А.Перовский (1851-1857), А.А.Катенин (1857-1860), располагавшие всей полнотой военной и гражданской власти в крае. Отдельный Оренбургский корпус, как и другие аналогичные корпуса, был упразднен в начале 60-х гг. XIX века.

В 40-50-х гг. основу Отдельного Оренбургского корпуса составляла 23-я пехотная дивизия, включавшая в себя две бригады, подразделявшиеся, в свою очередь, на десять линейных батальонов, главной обязанностью которых была охрана границ и укрепленных оборонительных линий. В состав первой бригады входили:

1-й Оренбургский линейный батальон (места дислокации - Уральск, Новопетровское укрепление), 2-й и 3-й батальоны (Оренбург), 4-й (Раимское, затем Аральское, укрепление, Ак-Мечеть), 5-й (Орская крепость). Ко второй бригаде относились батальоны: 6-й (Троицк), 7-й (Златоуст), 8-й (Екатеринбург), 9-й (Богословск), 10-й (Уфа).

В Отдельном Оренбургском корпусе находились также:

Оренбургский артиллерийский гарнизонный округ с четырьмя ротами, артиллерийской школой и арсеналом, Оренбургский инженерный округ с двумя инженерными командами и военно-рабочей ротой № 24, Оренбургский батальон военных кантонистов, комендантские управления в крепостях Орской и Илецкой Защите, в укреплениях Новопетровском, Оренбургском, Уральском, Аральском, в форте Карабутацком, на левом фланге Сыр-дарьинской линии, фортах № 1, 2, 3, Оренбургский и Сергиевские военные госпитали с полугоспитальными алиями Верхнеуральским и Новопетровским, инвалидные, этапные и жандармские команды, рота топографов и другие подразделения, учреждения, части. С Отдельным Оренбургским корпусом взаимодействовали десять полков и конно-артиллерийская бригада Оренбургского казачьего войска, части Уральского казачьего войска, башкиро-мещеряцкое войско (тринадцать кантонов), имевшие самостоятельное управление, но подчиненные Оренбургскому военному губернатору. Штаб корпуса, штаб дивизии и первой бригады, артиллерийского и инженерного округов, а равно ряда других частей Отдельного Оренбургского корпуса размещались в Оренбурге, являвшемся и постоянной резиденцией командира корпуса.

Комплектование Отдельного Оренбургского корпуса, как и Российской армии в целом (до введения в 1874 всеобщей воинской повинности), проводилось путем рекрутчины. При этом отдача в рекруты широко использовалась как мера наказания крестьян за непокорность помещикам, как кара за уголовные и политические преступления. В 1849-1850, по официальным сведениям, в корпусе находилось 1667 "штрафованных нижних чинов", преобладающее число которых составляли отправленные на военную службу за участие в общественно-политических движениях. Среди них были члены студенческих и других нелегальных кружков 30-х гг., соратники М.В.Буташевича-Петрашевского, участники восстания в Семеновском полку, другие представители противоправительственных движений. Особенно велико было количество репрессированных участников польского освободительного движения: повстанцев 1830-1831 гг., лиц, принадлежавших к конспиративным организациям, разгромленным в 30-40-х гг. на территории Царства Польского, Литовского, Белоруссии, Правобережной Украины и т.д. По свидетельствам польских авторов, прежде всего из числа служивших в корпусе, на протяжении 40-50-х гг. здесь проходили службу более двух тысяч репрессированных поляков. Назовем некоторые имена служивших в Отдельном

Оренбургском корпусе в разные годы: декабристы Ф.Г.Вишневский, В.Д.Вальховский, А.С.Горожанский, Н.П.Кожевников, поэт-петрашевец А.Н.Плещеев, польский поэт Э.Желиговский (А.Сова), историк и художник Б. Залеский, З. Сераковский и др. Посылка "п олитических преступников" в Отдельный Оренбургский корпус объяснялась не только его отдаленностью, но и тем, что линейные батальоны почти постоянно вели боевые действия или находились в изнурительных степных походах.

Состав Отдельного Оренбургского корпуса во многом предопределял его политический дух. "Оренбургское тайное общество", разгромленное в 1827, состояло преимущественно из офицеров корпуса. В разные годы здесь действовали нелегальные кружки, объединявшие ссыльных разных национальностей; к ним примыкали прогрессивно настроенные офицеры.

За десять лет солдатчины Шевченко близко познакомился с жизнью и нравами Отдельного Оренбургского корпуса. Личные впечатления нашли отражение в его повестях (особенно "Близнецах" и "Несчастном"), в Дневнике, в поэтических произведениях, написанных в Орской крепости, на Аральском море, в Оренбурге, во множестве художественно-графических работ (прежде всего, в серии "Притча о блудном сыне"). Ряд замыслов, рожденных впечатлениями солдатской службы, Шевченко осуществить не успел.

II

ПЕРЕКАТ - мелководный участок русла реки, имеющий вид вала (пологий скат против течения и крутой по течению). Наблюдения Т. Шевченко над перекатами во время плавания по Волге на пароходе "Князь Пожарский" вполне совпадают с научными данными навигационного характера.

ПЕРОВСКОГО ЗАЛИВ - залив на Аральском море, названный так в 1847 г. Промер залива и описание его берегов было произведено экспедицией А. Бутакова 19-20 июля 1848 г. Т. Шевченко выполнил ряд зарисовок этих мест (Чуб артарауз и др.). Залив получил свое имя в честь многолетнего (1833-1842) военного губернатора края Василия Алексеевича Перовского.

ПЕТЕРБУРГ (Санкт-Петербург) - столица Российской империи, ныне центр Ленинградской области России.

Т. Шевченко прожил в Петербурге в общей сложности почти 17 лет. Тут произошли важнейшие события его жизни (выкуп из крепостной неволи, учение в Академии художеств, начало поэтической деятельности, выход в свет "Кобзаря" и др.).

В настоящее издание статья включается в связи с тем, что 17 апреля 1847 г. Шевченко с группой арестованных по делу Кирило-Мефодиевского товарищества был доставлен из Киева в Петербург, помещен в камеру внутренней тюрьмы III отделения, подвергнут полуторжественному следствию, после которого, без суда, подвергся жестокому наказанию - отдаче в солдаты, причем под строжайший надзор, с запрещением писать и рисовать.

Во время тюремного заключения поэт написал (или записал) 13 стихотворений, составивших его казематный цикл.

Отсюда 31 мая или 1 июня 1847 г. Шевченко был отправлен в Оренбург.

На протяжении всех лет неволи он мечтал о возвращении в Петербург, поддерживал связи с друзьями и знакомыми в этом городе, вспоминал его в своих повестях, дневниковых записях, письмах.

ПОДГОРНЫЙ РЕДУТ (Подгорная) - станция на Орской дороге. Т. Шевченко проезжал через этот пункт в 1847-1850 гг., следуя в разных направлениях. Этим, вероятно, и обусловлена единственная топографическая ошибка в описании поездки лекаря Сокиры из Оренбурга в Орскую крепость (Подгорная не могла быть за Губерлинской крепостью, т.к. находилась в 22 верстах до Губерли). Шевченко в "Близнецах" спутал Подгорную с Хабарным.

ПОКРОВ - город (с 1778 г.), почтовая станция на тракте из Москвы в Нижний Новгород. Ныне город Владимирской области.

Т. Шевченко проезжал через Покров в июне 1847, следуя к месту солдатской службы, в Оренбург.

ПОЛЕВОЙ - поселок в Домбаровском районе, Оренбургской области, одно из крупнейших хозяйств на поднятой в 50-е гг. 20 века целине.

Район четвертого перехода транспорта из Орской крепости к Раимскому укреплению 14 мая 1847 г.

"Следующий переход мы шли в виду Ори, и степь казалась разнообразнее: кой-где выдавались косогоры, местами даже белели обрывки берегов Ори, кой-где показывался камыш и даже кусты саксаула. Переправившись на другой берег Ори, транспорт опять раскинул с вое гигантское каре". ("Близнецы").

Официальный "Маршрут из крепости Орской в Аральское укрепление", составленный штабом Отдельного Оренбургского корпуса, представил этот пункт как "Р.Орь после переправы". Тут проходила и первая дневка транспорта 15 мая 1847, во время которой Т.Шевченк о выполнил свою акварель "Дневка транспорта в киргизской степи".

Р

РАЗБОЙНЫЙ РЕДУТ - казачий пикет на Орском тракте, непосредственно перед Орской крепостью.

"...Поднявшись на горы, открылась плоская однообразная пустыня. А среди пустыни торчит одинокая будочка и около нее высокий шест, обернутый соломой. Это казачий пикет. Проехавши пикет, я начал спускаться..." (Т. Шевченко. "Близнецы").

На месте редута и окружавшей его "однообразной пустыни" вырос современный промышленный город Ново-Троицк.

Т. Г. Шевченко
Укрепление Раим. Вид с верфи на р. Сыр-Дарью
1848

РАИМСКОЕ УКРЕПЛЕНИЕ (Раим) - укрепление близ р.Сырдарьи. Основанное в 1847 г., оно просуществовало, впоследствии получив наименование Аральского, до 1854-го, когда и было ликвидировано. Первоначальное название получило по имени батыря Раима, остатки абы которого вошли в черту укрепления.

Т. Шевченко впервые увидел его 19 июня 1848 г. ("...С восходом солнца мы близко уже подошли к Раимскому укреплению. Вид со степи на укрепление грустнее

еще, нежели на Калу-Иргиз. На ровной горизонтальной линии едва-едва возвышается над валом длинная, к амышом крытая казарма"). Он оставался здесь до 25 июля, живя в кибитке А. Макшеева. Вторичное пребывание его в Раиме было продолжительнее - с конца января по апрель 1849-го. И, наконец, третье имело место с конца сентября по 10 октября того же года, когда А. Бутаков с другими участниками экспедиции отправился отсюда в Оренбург.

В Раимском укреплении Шевченко создал серию его видов, жанровые зарисовки, портреты офицеров. Тут, несомненно, продолжалось его поэтическое творчество. Раим упоминается в повести "Близнецы", Дневнике, письмах.

РАЧКЕВИЧИ - село в Слуцком уезде Минской губернии.

Имение семьи Залеских упоминается в записи Дневника Т. Шевченко за 13 июня 1857 в связи с пребыванием там его друга Бронислава.

Село в записи названо в ошибочном написании ("Рачкевичи").

РИГА - город на р.Даугава, близ ее впадения в Рижский залив Балтийского моря, столица Латвии. Известен с 12 в. С 1710 г. входил в состав Российской империи.

Упоминается Т. Шевченко в записи Дневника за 6 августа 1857. Размышляя об Астрахани, причинах ее нищеты и грязи, он заметил, что "и другие наши губернские города ничем не уступают Астрахани, исключая Ригу". Правда, это было сказано предположительно ("вероятнее, что", далее по тексту).

Личных впечатлений о Риге Шевченко, насколько известно биографам, иметь не мог. Рассуждения его строились, вероятно, на основе чтения литературы и периодики (прежде всего, "Морского сборника"), а также контактов с бывалыми людьми (учеными, моряками и др.).

РОМОДАНОВСКИЙ ШЛЯХ - дорога от Конотопа до Кременчуга; название свое, согласно преданию, получила в 17 в. по имени князя Ромодановского, под началом которого русские войска двигались тут против атамана Дорошенко.

Т. Шевченко вспомнил о нем в записи Дневника за 20 июля 1857, мысленно возвращаясь к дням своих поездок по Украине.

РЫБИНСК - крупная пристань на Волге, уездный город Ярославской губернии. Известен с 1071 г., статус города получил с 1777.

Упоминается в записи Дневника Т. Шевченко за 6 августа 1857, где автором, на основе первоначально полученных сведений, указывается, что пароход "к 20 августа нагружится и пойдет в Рыбинск и меня доведет до Нижнего".

В Рыбинске Шевченко не бывал.

РЫЧКОВСКАЯ - село при впадении р.Токмаковки в Урал, владение оренбургского историографа П.И.Рычкова, вошедшее в историю Крестьянской войны под предводительством Е.И.Пугачева. Т. Шевченко проезжал через село в 1847 г. на пути в Оренбург и в 1850, следуя в Новопетровское укрепление.

С

САКМАРА - река, правый приток Урала. Начало берет на склонах хребта Уралтау. По многоводности превосходит Урал, с которым сливается ниже Оренбурга. Протекает главным образом в пределах Южного Урала (Оренбуржье, Башкортостан). Замерзает в ноябре, вскрывается в апреле. Длина 798 км. В повести "Близнецы" в первый раз упоминается ошибочно, вместо р.Самары, далее же называется вполне обоснованно ("Солнце только что закатилось, когда я переправился через Сакмару..."). С этой рекой в 1847 и 1850 гг. Т.Шевченко встречался не раз.

САМАРА - губернский город России на левом берегу Волги, при впадении в нее р.Самары. Основание его относится к 1586 г., но в полной мере он стал развиваться с обретением статуса губернского центра, т.е. с 1851 г.

Т. Шевченко проезжал через этот город дважды: впервые - в начале июня 1847 г., по пути в Оренбург, и вторично - возвращаясь с Мангышлака. В записи Дневника 6 сентября 1857 г. он назвал Самару "приволжским Новым Орлеаном", сравнив ее с городом и портом на юге США. В своей записи Шевченко выделил главное в этом городе - быстро развивающуюся торговлю и, одновременно, существенное отставание культуры. Самара упоминается также в повести "Близнецы".

САМАРА - река, левый приток Волги, берущий начало с Общего Сырта.

Большая линейная дорога, которой в июне 1847 Т. Шевченко везли в Оренбург, тянулась на значительном протяжении вдоль этой реки, ошибочно поименованной в "Близнецах" Сакмарой. Описка (или ошибка) автора в большинстве изданий не исправлена и не оговорена .

"САНТО-ФРАНЦИСКО" (так в "Близнецах") - крупнейший город на западе США. Основанный испанцами в 1776 г., он многие десятилетия принадлежал Мексике, но в 1846 был отвоеван у нее Штатами. Толчок бурному росту города дала "золотая лихорадка" 1848.

В контексте этих событий Сан-Франциско и упомянут автором в его повести: "Отчего никому в голову не придет на берегах этих речек поискать золота? Может быть, и в киргизской степи возник бы новый Санто-Франциско" ("Близнецы").

САПАК - копани (колодцы) на пути к Раимскому укреплению, за два дня до прихода транспорта к месту назначения.

Конечный пункт тридцатого перехода, 15 июня 1848 г.

Название Сапак происходило от этнонима, хранившего память об одном из родов (или племен), обитавших тут издревле.

САРАЙЧИКОВСКАЯ - селение, станица на Гурьевском тракте, около 50 верст от Гурьева-городка. В прошлом на этом месте находился город Сарайчик, основанный ханом Батыем в 13 веке, долголетняя столица ногайских правителей, административно-политический и торговый центр, имевший большое воздействие на жизнь обширного края. В середине 19 в. тут находилась ставка хана Малого жуза, куда нередко выезжали чиновники Оренбургской Пограничной комиссии (в т.ч. Ф.М. Лазаревский).

Т. Шевченко проследовал через Сарайчиковскую (возможно, это было и место его последнего ночлега перед Гурьевым-городком) в октябре 1850 г.

САРАТОВ - губернский город России, крупный порт на Волге. Основан в 1590 г.

Т. Шевченко был здесь 31 августа и 1 сентября 1857 г., возвращаясь после солдатчины на Мангышлаке. В Саратове состоялось несколько памятных встреч (с Т.П.Костомаровой, М.Г.Солониной, П.У.Чекмаревым); город и его люди вошли в соответствующие замыслы Дне вника. Упомянут он также в письме к М. Лазаревскому.

САРЕПТА (Сарпа) - немецкая колония в Саратовской губернии, на р.Сарпе - притоке Волги, близ Царицына. Колония была основана в 1765 г. выходцами из Богемии, получив от Екатерины II право свободной торговли по всей России без налогов в течении 30 лет, а также на бесплатное и вечное владение землей, самостоятельность управления и суда.

Т. Шевченко в записи Дневника за 16 июля 1857 упоминает "лавки сарептских колонистов", в которых надеялся пополнить свои запасы "копченого продукта".

САРЫ-ЧАГАНАК - северный залив Аральского моря.

Первая встреча Т. Шевченко с заливом произошла во время перехода транспорта в Раимское укрепление 13 июня 1848 г. "...На другой день мы уже купались в Сары-чеганаке (залив Аральского моря). Еще один день следовали по берегам гнилых соленых озер того же залива и вышли опять на равнину, покрытую кустарником саксаулу". ("Близнецы"). Шхуна "Константин", на которой Шевченко ходил по Аральскому морю, была в районе этого залива также в июле-августе 1849.

Известна зарисовка Сары-Чеганак, выполненная по первым впечатлениям.

САХАРА - пустыня в Африке, самая большая на земном шаре. "Киргизской Сахарой" назвал Т. Шевченко пески Каракумов, через которые проходил путь тележного транспорта из Орской крепости к Аральскому морю (июнь 1848 г.)

СВИЯГА - река, правый приток Волги. Свое название получила по имени водившейся тут птицы семейства утиных (свиязь, свистун, свияга). Т. Шевченко на пути из Петербурга в Оренбург (июнь 1847) видел ее не раз.

СВИЯЖСК - город при впадении р.Свияги в Волгу. В 1551 г. был основан как крепость, стал базой русских войск при осаде Казани (1552). Городской статус получил со второй половины 16 в. Ныне село Верхнеуслонского района Татарии.

Т. Шевченко проезжал через Свияжск, следуя в Оренбург (июнь 1847). 14 сентября 1858 он упомянул его в своем Дневнике, во время путешествия на пароходе "Князь Пожарский".

СЕДНЕВ - местечко Черниговского уезда Черниговской губернии (ныне одноименных района и области Украины).

Т. Шевченко бывал здесь весной 1846 г. и незадолго до ареста - в марте 1847 г. Тут им выполнены пейзажные рисунки, портреты братьев Лизогубов, созданы поэма "Відьма" ("Осика") и предисловие к неосуществленному изданию "Кобзаря".

В годы солдатчины поэт-изгнанник вспоминал Седнев, переписывался с А. Лизогубом.

СЕНГИЛЕЙ - пристань на правом берегу Волги; селение было основано в 1666 г. как крепость, куда ссылались наказанные за различные преступления, в том числе, например, участники стрелецких восстаний конца 17 в.

Упоминается в записи шевченковского Дневника за 9 сентября 1857: "От Сенгилея до Симбирска 50 верст, и это пространство мы прошли не в продолжение недели, но в продолжение битых десяти часов. "Князь Пожарский" сегодня как-то особенно медленно двигался вперед..."

СИМБИРСК - губернский город России, расположен на обоих берегах рр. Волги и Свияги, крупный волжский порт. Основан в 1648 г. Ныне - г.Ульяновск, центр одноименной области.

Т. Шевченко дважды побывал здесь: первый раз - в начале июня 1847 г., когда следовал к месту солдатской службы, и второй - плывя по Волге после освобождения от солдатчины. 9 сентября 1857 г. он записал свои впечатления от неудачной (из-за непогоды) попытки осмотреть здешний памятник писателю и историку Н.М.Карамзину.

СОБАЧИЙ БРОД - мель на Волге, перед Нижним Новгородом.

Упоминается в записи Дневника Т. Шевченко за 19 сентября 1857 г. Как явствует из нее, в тот день пароход "Князь Пожарский" с трудом, но благополучно "переполз" через этот опасный брод и продолжил свой путь дальше.

СОКОЛОВКА - село в Домбаровском районе, Оренбургской области, место завершения третьего перехода транспорта из Орской крепости к Раимскому укреплению 13 мая 1848 г.

"Мы долго ехали по обгорелой степи и теперь-то, глядя на эти черные бесконечные равнины, я убедился, что не во сне, а я вчера видел настоящий пожар. К полудню мы подошли опять к берегам Ори и расположился на ночлег". ("Близнецы").

Названное село возникло уже в 20-м веке. В официальном "Маршруте из крепости Орской в Аральское укрепление", составленном штабом Отдельного Оренбургского корпуса, конечный пункт перехода обозначен так: "Река Орь и овраги".

Строки из "Близнецов":

...Это была ровная, без малейшей со всех сторон возвышенности, степь. И, как белой скатертью, ковылем покрытая необозримая степь. Чудная, но вместе и грустная картина! Ни кусточка, ни балки, совершенно ничего, кроме ковыла, да и тот стоит, не пошевелился, как окаменелый; ни шелесту кузнечика, ни чиликанья птички, ни даже ящерица не сверкнет перед тобою своим пестреньким грациозным хребтом - все, кроме ковыла, умерщвлено. Немо все и бездыханно, только сзади тебя глухо стонет какое-то исполинское чудовище - этодвигающийся транспорт. Солнце подымалось выше и выше, степь как будто начала вздрагивать, шевелиться. Еще несколько минут - и на горизонте показались белые серебристые волны, и степь превратилась в океан-море. А боковые аванпосты начали расти, расти и мгновенно превратились в корабли под парусами. Очарование длилось недолго. Через полчаса степь приняла опять свой безотрадный, монотонный вид; только боковые козаки попарно двигались, как два огромные темные дерева. Из-за горизонта начала показываться белая тучка. ...С закатом солнца начал освещаться горизонт бледным заревом. С приближением ночи зарево краснело и к нам близилось. Из-за темной горизонтальной, чуть-чуть кое-где изогнутой линии начали показываться красные струи и язычки. В транспорте все затихло, как бы ожидая чего-то необыкновенного.

СОЛЬ-ИЛЕЦК - город в Оренбургской области, районный центр, крупное предприятие по добыче поваренной соли.

Основан в 17 веке, городом стал с 1865 г., прежние названия - Илецкая Защита, Соляная Защита, Илецк.

Соляная Защита фигурирует в повести Т. Шевченко "Варнак". Встреча, состоявшаяся у него здесь (скорее всего, в 1850, зимой или весной), послужила также рождению одноименной поэмы.

Под названием Защита упоминается в письме Б. Залескому (1854).

Место дислокации части 5-го линейного батальона Отдельного Оренбургского корпуса.

СОЛЯНАЯ ЗАЩИТА - одно из обиходных, полуофициальных названий современного г. Соль-Илецка в 19 веке.

"Есть в этой благодатной стране, неглубоко под землю, огромная глыба соли, и на этой глыбе соли построена небольшая крепостца, называемая в простонародии Соляною Защитой.

Обстоятельства заставили меня побывать однажды в этой Соляной Защите.

В первое воскресенье моего там пребывания увидел я в церкви старика..." ("Варнак").

С Соляной Защитой у Т. Шевченко было связано рождение замысла одноименных поэмы и повести.

СПАССКИЙ ЗАТОН - пристань и село на Волге, неподалеку от Казани.

В записи Дневника Т. Шевченко за 12 сентября 1857 значится: "...Это зимняя стоянка пароходов Меркуриевской компании. Здесь устроены мастерские, квартиры для капитанов, помещение для мастеровых, школа и кабак. Местность прекрасная, окруженная молодыми дубовыми рощами и, несмотря на холодную погоду, в рощах сохранилась свежая зелень и некоторые цветы..."

Из записи явствует, что поздний час не помешал Шевченко совершить прогулку по затону, селению и рощам.

СТАВРОПОЛЬ - губернский центр Российской империи, город на Ставропольской возвышенности в центральной части Предкавказья. Основан в 1777 г.

Упомянут в записи Дневника Т. Шевченко за 13 июня 1857 в связи с вынашивавшимися им планами возвращения из Новопетровского укрепления после освобождения от солдатчины.

В Ставрополь Шевченко не попал.

СТОКГОЛЬМ - столица Швеции.

В записи Дневника Т. Шевченко за 31 августа 1857 г. упомянут в связи с пребыванием там Н.И.Костомарова.

СУБОТОВ (Субботове) - хутор близ Чигирина Киевской губернии (ныне Черкасской области), принадлежавший Богдану Хмельницкому, там и похороненному. Т. Шевченко побывал на хуторе в 1843 и 1845 гг., написал акварели "Бог дановы руины в Субботове", "Богданова церковь в Субботове" и другие. В годы солдатчины Шевченко вспоминал его в стихотворении "Заступила чорна хмара" (1848) и записи Дневника за 17 июня 1857 г. Последнее упоминание - в связи с неточностями относительно Суботова, обнаруженными им при чтении первого тома "Записок о Южной Руси".

СУДОГДА - городок на Владимирском тракте, почтовая станция на пути к Нижнему Новгороду. Т. Шевченко проезжал здесь в начале июня 1847 г., следуя к месту своей солдатской службы. Ныне во Владимирской области.

СУЗДАЛЬ - древний русский город (упоминается с 11 в.), в 30 км. от Владимира. Т. Шевченко имел достаточно полное (хотя и заочное) представление о его прекрасном ансамбле памятников национального зодчества, богатстве здешних соборов и церквей.

16 февраля 1858 г. в записи Дневника Суздаль упомянут им в связи с иконой Нерукотворного Спаса, перенесенной в Нижний Новгород в 1352 году из Суздаля при основании Спасопреображенского собора в Нижегородском кремле. Шевченко не воспринял икону как образец древнерусского искусства, высказался о ней критически.

СЫРДАРЬЯ - река в Средней Азии. Образуется слиянием рр. Нарына и Карадарьи в пределах Ферганской котловины; по выходе из гор течет по восточной окраине Кызылкума; впадает в Аральское море. Длина реки - 2212 км. " Устья обеих больших рек, впадающих в Аральское море, весьма засорены наносами илу и песку: самый глубокий фарватер дельты Сырдарьи имеет в половодье от трех до трех с половиною и редко четырех футов глубины... Осенью, около Аральского укрепления, вода в реке понижается

фута на три с половиною... Зимой лед лежит во многих местах дельты на дне... Берега реки поросли высоким и густым камышом, достоящим в вышину до двадцати футов". (А. Бутаков). Т. Шевченко во время Аральской экспедиции 1848-1849 гг. досконально узнал, в т.ч. на собственном опыте, все особенности Сырдарьи и впоследствии выражал готовность побывать там снова, вместе с К.И.Герном. Река вошла в его поэзию и рисунки, упоминается в Дневнике.

СЮНКУКХ - урочище на северо-восточном склоне Западного Каратау. Место длительной остановки Каратауской экспедиции 1851 г. для разработки месторождений каменного угля. Т. Шевченко выполнил три рисунка, запечатлевших Сюнкукх с разных точек.

Т

ТАЕТЫБУТАК - река, правый приток Ори.

Конечный пункт пятого перехода транспорта из Орской крепости в Раимское укрепление (после первой дневки - вслед за переправой через Орь) 16 мая 1848 г.

Пройдя за день 22 версты, транспорт, в котором был и Т. Шевченко, вброд переправился через названную реку.

ТАРЛА (Тарли, Тарлы) - урочище у северо-западных склонов Южного Актау, место остановки Каратауской экспедиции 1851 г. в конце ее поисково-разведочных работ. Известны три и не отысканы еще три рисунка с натуры, передавших наиболее существенные особенности местности в этом районе.

ТАТАРСКАЯ КАРГГАЛА - см. Каргала.

Правомерность современного названия оспаривается рядом историков нашего времени: "Выражение "Татарская Каргала" не может быть названием Каргалы уже в силу того, что татары в ней никогда не проживали. Всем известно, что населяют Каргалы болгары (потомки уральских и поволжских тюрок-мусульман)". Однако тот же Р.Шариф-Булгари (газ. "Оренбургье", 1994, 20 августа) отмечает, что "только после 1920 года" болгар "стали официально называть татарами". У Т. Шевченко жители села названы татарами (болгары не упоминаясь нигде).

ТАТИЩЕВА КРЕПОСТЬ (Татищево) - станица Оренбургского казачьего войска, основанная как крепость в 1736 г. и снискавшая особую известность во время Крестьянской войны под предводительством Ем.Пугачева. В сентябре 1773 г. крепостью лихо овладел Пугачев: весь гарнизон перешел тогда на его сторону. В конце марта 1774-го пугачевцы были отсюда выбиты, что знаменовало их крупное поражение. Собирая исторические материалы о Пугачевщине, сюда приезжал А.С.Пушкин.

Т. Шевченко побывал здесь на пути в Оренбург 9 июня 1847 г. и выделил приезд сюда особо. В повести "Близнецы", от имени лекаря Сокиры, автор пишет: "...Я отдал подорожную смотрителю, а сам остался на улице, и, пока переменяли лошадей, я припоминал "Кап итанскую дочку", и мне как живой представился грозный Пугач в черной бараньей шапке и в красной епанче, на белом коне..."

Вторично Шевченко проезжал через Татищево в начале октября 1850 г., на пути в Новопетровское укрепление.

ТЕЛЯЧИЙ БРОД - мель на Волге, на ближних подступах к Нижнему Новгороду.

Упомянут в записи Т. Шевченко за 19 сентября 1857 г. Совсем близко от своего места назначения пароход "Князь Пожарский" застрял здесь на много часов, до рассвета 20-го: "Собачий брод кое-как переполз, а Телячий невмоготу стало".

ТЕРЕКЛИ (Черекли) - копани (колодцы) в Каракумах, оазис в песках, на пути к Аральскому морю.

Конечный пункт двадцать второго перехода транспорта из Орской крепости в Раимское укрепление 6 июня 1848 г.; дорога тянулась по глубокому песку и ложбинам, поросшим камышом.

ТИБЕТ - самое высокое и обширное нагорье Земли, горная страна в юго-западной части Китая, мировой центр буддизма (ламаизма). Ныне - Тибетский автономный район со столицей в Лхасе.

Упоминается в письме Т. Шевченко к Б. Залескому из Новопетровского укрепления, где им была выражена готовность пойти за К.Герном "...в Тибет и всюду, куда только он пойдет".

ТОКМАК-АТА - остров близ южного берега Аральского моря. "...Остров Токмак-ата получил свое название от находившейся на нем могилы одного святого. У хивинцев существовало предание, что пока этот святой будет покровительствовать им, ни одно чужеземное судно не подойдет к устьям Амударьи... Наша экспедиция достаточно доказала нелепость этой молвы..." (А. Макшеев). "...Остров... представляет большие удобства для устройства укрепления или коммерческой фактории..." (А. Бутаков). Экспедиция с особой тщательностью изучала возможности использования острова для этой, последней, цели. Акварелей и карандашных рисунков Т. Шевченко с пометами "Токмак-ата" в сохранившемся его наследии не выявлено, однако такие рисунки не могли не быть, в силу особого значения, которое придавалось данному пункту (вблизи его Аральская экспедиция находилась в конце августа 1848 г.).

ТОЛМАЧЕВА ОСТРОВ - остров на Аральском море, открытый экспедицией А. Бутакова 24 мая 1849 г. "В 10 ч. открылся небольшой остров, который я назвал в честь начальника пехоты Оренбургского отдельного корпуса Островом Толмачева". (А. Бутаков). Генерал-лейтенант А.Е.Толмачев был командующим 23-й пехотной дивизией, практически содействовал строительству, перевозке, экипировке шхуны "Константин", организации Аральской экспедиции, поддерживал ходатайства о разрешении Т. Шевченко рисовать.

ТОПОЛАНКУЛЬ - озеро в южной части пути тележного транспорта из Орской крепости к Аральскому морю. Место вынужденной ночевки по окончании двадцатого перехода, 3 июня 1848 г. (в о.Китайкуль оказалось мало воды, а в округ него - корма для лошадей и верблюдов).

ТОРЖОК - городок на тракте Петербург-Москва. Расположенный на реке Тверце, известен с 1139 г. Достопримечательностью Торжка являлся Борисоглебский монастырь с одноименным собором (1785-1796). Ныне город в Калинин ской области России.

Через Торжок Т. Шевченко проезжал не раз, в том числе во время следования к месту солдатчины (июнь 1847).

ТРОИЦК - город Оренбургской губернии, на р.Уй (бассейн Оби) при впадении в нее р.Увелька. Ныне один из крупных промышленных центров Челябинской области.

Т. Шевченко во время своей службы в Орской крепости знал о происходившем в Троицке как одном из центров торговли и пограничных дел. Оттуда приезжал к нему служивший там попечителем прилинейных казахов М. Лазаревский.

ТЫНГЫЗ (каз.) - море.

В стихотворении-поэме "У Бога за дверми лежала сокира" есть строка: "Та до Тингиза, до Аралу..."

ТУРШ (Ториш) - долина неподалеку от северо-западного склона в западной части Каратау. Известен рисунок Т. Шевченко с его надписью "Д.Туршь". В карандаше художника - уголок дороги, где в начале августа 1851 г. оста навливалась экспедиция А. Бутакова.

ТЮБЕ-КОРАН - см. Кара-Тюбе.

Собственноручная надпись Т. Шевченко на карандашном рисунке, выполненном им 3 августа 1848, передала впервые услышанное им название в искаженном виде.

ТЮК-КАРАГАЙ (Тюб-Караган) - мыс в северо-западной части полуострова Мангышлак, пристань на Каспийском море. Т. Шевченко бывал здесь, причем особенно часто - в последние месяцы солдатчины, что нашло свое отражение в его Дневнике. Посещениями мыса и залива навеяны его поэтические акварели. Отсюда он отплывал в Астрахань, на свободу, оказавшуюся весьма куцой, урезанной.

У

УЗУН-КАИР - юго-западный мыс полуострова Куланды. "Мыс Узун-каир низменный; он состоит из порослей гребенщика и местами камыша, песчаных бугров и продолжается далеко под водою двумя косами..." (А. Бутаков). Место стоянки шхуны "Константин" 14-15 август а 1848 г. Т. Шевченко на берег не сходил и зарисовок мыса не оставил.

УЙМУЛА (Курпе) - река, приток р.Иргиз.

Конечный пункт восьмого перехода транспорта из Орской крепости в Раимское укрепление 19 мая 1848 г.

На половине пути Т. Шевченко и всем участникам перехода встретилось озеро Билкопа.

УРАКОВСКИЙ ПЕРЕКАТ - мелководный участок на Волге, между Свияжском и Чебоксарами.

Упомянут в Дневнике Т. Шевченко (запись 15 сентября 1857): "Пользуясь <...> непродолжительной стоянкой и продолжительным тихим переходом через сей Ураковский перекат, я нарисовал <...>, довольно удачно, портрет Михайла Петровича Комаровског о..."

УРАЛ - горный массив на границе Европы и Азии, почти от берегов Карского моря до Орска, протяженностью более 2000 км.

Т. Шевченко наблюдал отроги Урала на пути в Оренбург (Общий Сырт), на Орском тракте и в окрестностях Орской крепости. Эта горная страна упоминается в повестях "Близнецы" и др.

УРАЛ - река на Южном Урале и в Прикаспийской низменности. Исток реки - хребет Уралтау, в Каспийское море впадает у Гурьева. Длина -- 2428 км. Главные притоки: слева - Орь, Илек, справа - Сакмара. На берегах Урала : Орск, Оренбург, Уральск, Гурьев. Замерзает в ноябре, в верховьях вскрывается в апреле, в среднем и нижнем течении - в марте.

Т. Шевченко узнал Урал, начиная от Орска и до впадения реки в Каспий, в годы своей солдатчины. О реке - в повестях "Близнецы" и "Несчастный", в Дневнике, в письмах. Вошла она и в его поэзию.

Строки из повести "Варнак"

Есть в нашем русском православном огромном царстве небольшая благодатная земля, так небольшая, что может вместить в себе по крайней мере четыре немецких царства и Францию в придачу. А обитают в этой небольшой земле разноязычные народы и, между прочим, народ русский и самый православный. И этот-то народ русский не пашет и не сеет совершенно ничего, кроме дынь и арбузов, а хлеб ест белый, пшеничный, называемый по-ихнему калаци, и воспевает свою славную реку, называя ее кормилицей своей, золотым дном с берегами серебряными.

Грустно видеть грязь и нищету на земле скудной, бесплодной, где человек борется с неблагоприятною почвой и падает, наконец, изнеможенный под тяжестью труда и нищеты. Грустно! невыразимо грустно!

Каково же видеть ту же самую безобразную нищету в стране, текущей млеком и медом, как, например, в этой земле благодатной? Отвратительно! А еще отвратительнее встретить между этой ленивой нищеты обилие и при обилии отвратительную грязь и невежество!

А в этой стране благословенной это встречается не редко, а даже очень часто.

Какие же могут быть причины нищеты в краю, текущем млеком и медом?

На сей важный политико-экономический вопрос я на досуге напишу четырехтомный нравоописательно-исторический роман, в котором потчуся изобразить с микроскопическими подробностями нравы, обычаи и историю сего архиправославного народа...

УРАЛЬСК - город Оренбургской губернии на р.Урал, центр Уральского казачьего войска, ныне областной центр Казахстана.

Т. Шевченко побывал здесь в октябре 1850 г. на пути из Орской крепости в Новопетровское укрепление. Уральск упоминается в Дневнике и письмах.

УРАЛЬСКОЕ УКРЕПЛЕНИЕ - постоянный укрепленный пункт на высоком правом берегу Иргиза (холме Жар-молла). См. также "Иргиз-кала".

Основано в летние месяцы 1845 г., закладкой и строительством руководил И.Бларамберг.

Из записок А. Макшеева: "30 мая <1848> транспорт <из Орской крепости в Раимское укрепление> прибыл в Уральское укрепление и расположился лагерем в нескольких верстах от него. Укрепление было построено редутом, которого каждый бок имеет 55 сажень длины и состоит из бруствера со рвом обыкновенной полевой профили; внутри все строения, жилые и холостые, сложены из сырого кирпича и покрыты камышом. Это первое оседлое жилье, после трехнедельного похода, произвело на всех чрезвычайно приятное впечатление..."

Из "Близнецов": "Мы подошли на такое расстояние, что можно было ясно различать предметы. Представьте себе на сером фоне кучку серых мазанок с камышовыми кровлями, обнесенную земляным валом. Это было первое мною виденное степное укрепление, поразившее меня так неприятно своею грустною наружностью. И, действительно, оно издали больше похоже на загоны или кошары, чем на жилище людей".

Во время трехдневной стоянки здесь Т. Шевченко выполнил акварельные и карандашные рисунки укрепления.

В 1868 укрепление (форт) переименовали в город Иргиз. Ныне это поселок городского типа, центр Иргизского района Актюбинской области.

УРГУН-МУРУН - мыс на юго-западном берегу Аральского моря. Пространство находилось под началом хивинцев, и высадка участников Аральской экспедиции на побережье была чревата опасностью. 25-27 августа 1848 г. с борта шхуны "Константин" Т. Шевченко, возможно даже пользуясь подзорной трубой, сделал зарисовку прибрежных скал и холмов мыса, а также эскизный набросок задуманной композиции со множеством фигур.

УРПИЯ - село в Новоорском районе, Оренбургской области, близ залива р.Ори.

См. статью "Залив Ори".

УСЛОН - село на Услонской возвышенности, в живописной местности близ Казани; основание нынешнего районного центра относится к XVI веку.

Упомянуто в дневниковой записи Т. Шевченко за 14 сентября 1857: "...я вышел на берег (во время стоянки у казанского берега - Л. Б.) и сделал два абриса: общий вид Казани и вид на Волгу против Казани и села Услон". Судя по характеру и содержанию записи, для выполнения набросков "Казань" и "Против Казани", которые сохранились и публикуются, Шевченко в то утро основательно художнически исследовал приволжские окрестности.

УСТЬ-УРТ (Устюрт) - плато, расположенное между Аральским морем и дельтой Амударьи на востоке, полуостровом Мангышлак и заливом Кара-Богаз-Гол на западе. Общая площадь около 200 тыс. кв. км. Высота до 340 м. Края Усть-урта представляют собою крутые уступы (чинки). Т. Шевченко впервые увидел этот массив во время Аральской экспедиции. "...Берега Усть-урта... обрывистые, утесистые и состоят из пластов известняка, твердого песчаника с окаменелыми раковинами и глинисто го сланца... Растительности почти никакой..." (А. Бутаков). Очертания и виды плато - в ряде акварелей и зарисовок художника.

УСЫРТАУ - одна из гор центральной части Северного Актау.

Во время Каратауской экспедиции 1851 г. Т. Шевченко сделал карандашный рисунок, снабженный его собственноручной надписью "Усыр Тау". Та же гора и на рисунке "Горная гряда Актау".

УФА - город на р.Белой при впадении в нее рр.Уфы и Демы (основан в 1586 г.), официальный центр Оренбургской губернии (с 1802 г.), ныне столица Башкортостана. Во времена Т. Шевченко тут находились все главные учреждения гражданского управления, выпускалась губернская газета и др. Т. Шевченко в Уфе не бывал, но имел здесь личных и заочных знакомых (с отдельными из них переписывался), интересовался тем, что происходит в губернском городе - средоточии гражданской власти края.

Ф

ФОРТ ШЕВЧЕНКО - см. Новопетровское укрепление.

Город на Мангышлаке (до 1939 - Форт Александровский). Порт на Каспийском море. Рыбозавод, судоремонтный завод. В память о пребывании здесь великого поэта Украины создан и действует музей Т. Шевченко.

Х

ХАБАРНЫЙ ФОРПОСТ (Хабарное) - казачья станица и почтовая станция, последний населенный пункт перед Орской крепостью на пути из Оренбурга. Подтверждением остановки здесь Т. Шевченко и его препроводителя-офицера 22 июня 1847 г. являются строки из "Близне цов" (от имени героя повести): "...Проехавши пикет, я начал спускаться по плоской наклонности к станице Подгорной. Переменивши лошадей, я подымался часа два на плоскую возвышенность. С этой возвышенности открылась мне душу леденящая пустыня..." Подгорное Шевченко проехал ранее, накануне, тут же могло быть только Хабарное (единственная неточность в описании всего маршрута!).

ХАНГА-БАБА - урочище в 30 километрах восточнее Новопетровского укрепления на Мангышлаке. Название свое получила по имени похороненного здесь почитаемого человека, могила которого сохранялась. Рядом с могилой были развалины мечети и школы, а на горе - остатки старой крепости. Неподалеку находилось давнее туркменское кладбище. "Место Ханга-баба прелестное, но я только раз была там; горы расположены с трех сторон, в ущельях растут тутовые деревья. У подножия гор тянется прекрасная зеленая поляна, на которой стоит громадное тутовое дерево, сажени две в объеме (киргизы не трогают деревьев, считая их святыми)" - вспоминала А. Ускова. Наличие здесь 15 колодцев и родников пресной воды еще более привлекало сюда окрестное население и караваны. Ханга-баба была местом стоянки Каратауской экспедиции в мае 1851 г. Первый рисунок Т. Шевченко в экспедиции был сделан здесь. Поэт-художник возвращался сюда не раз. Известны акварель "Ханга-баба", карандашные рисунки и наброски, выполненные в урочище и под впечатлением увиденного в нем на протяжении лет его солдатчины; они образуют законченную серию. О Ханга-бабе - в письмах Шевченко к Б. Залескому (январь 1854, сентябрь 1855): "Вчера был в Ханга-бабе, обошел все овраги, поклонился как старым друзьям деревьям, с которых мы когда-то рисовали, а в самом дальнем овраге - помнишь, где огромное дерево у самого колодца обнажило свои огромные старые корни? - под этим деревом я долго сидел... О, какие прекрасные, светлые, отрадные воспоминания в это время пролетели над моей головою!.."

ХВАЛЫНСК - пристань и город на правом берегу Волги, уездный центр Саратовской губернии; статус города получил в 1780 г.

Запись Дневника Т. Шевченко за 4 сентября 1857 содержит это название в таком контексте: "В продолжение ночи пароход грузился дровами против города Хвалынска; одно-единственное место на берегах Волги, напоминающее древнее название Каспийского моря..."

ХВАЛЫНСКОЕ МОРЕ - древнерусское название Каспийского моря. Т. Шевченко вспомнил его в записи Дневника за 9 августа 1857 как более гармонизировавшее с употребленным им тут же словосочетанием "новопетровские аргонавты". (Аргонавты - моряки из древнего мифа).

ХИВИНСКАЯ ДОРОГА - одна из двух главных караванно-транспортных дорог, которые вели в Новопетровское укрепление. Т. Шевченко следовал этой дорогой в юго-восточном направлении в разное время своего пребывания на пол острове Мангышлак, рисовал ее.

ХИВИНСКОЕ ХАНСТВО. Феодалное государство в Средней Азии, возникшее в начале 16 в. в низовьях р.Аму-Дарьи. Население (узбеки, каракалпаки, туркмены и др.) занималось скотоводством, ремеслами, земледелием. Эксплуатация аборигенов сочеталась с применением труда рабов. Обособленные владетели враждовали меж собою, что порождало войны и набеги. Торговые и дипломатические отношения Хивы с Россией носили эпизодический характер, однако в 19 в. заметно усилились. Ханство являло собою источник постоянной опасности для России. В 1873 русские войска заняли его и хан признал вассальную зависимость от Российской империи.

В период оренбургской солдатчины Т. Шевченко глубоко, на близких ему примерах из повседневной жизни, а также из рассказов непосредственных участников событий, постиг суть взаимоотношений государств и народов. Он досконально знал историю похода на Ак-Ме четь, сражений там, в которых участвовали многие знакомые ему офицеры и солдаты. В походе к Аралу довелось видеть кровавые следы хивинских набегов, жертвы их, как равно и работающих, нищих, оборванных и голых бедняков, жестоко страдавших от своих ненасытных властителей. Личные впечатления Шевченко нашли отражение в "Близнецах" и других его произведениях.

Ц

ЦАРЕВ КУРГАН - гора на левом берегу Волги, неподалеку от Самары, в районе Жигулей.

"...Из-за ущелья, поросшего черным лесом, высунулась обнаженная отдельная гора. Это Царев курган; народное предание говорит, что Петр Первый, путешествуя по Волге, останавливался на этом месте и всходил на эту гору, вследствие чего она и получила название Царева кургана..." (Дневник Т. Шевченко, запись от 7 сентября 1857).

Занесенная в Дневник версия о происхождении названия - одна из легенд, бытующих в Поволжье.

Шевченко сделал две карандашные зарисовки этой достопримечательности Волги.

ЦАРИЦЫН - крупная пристань на Волге, уездный город Саратовской губернии; основан в 1589 г., с 1615 - на современном месте (после 1925 - Сталинград, с 1961 - Волгоград; областной центр России).

Упомянут Т. Шевченко в дневниковой записи за 28 августа 1857: "Берега Волги от Царицына и Дубовки с часу на час делаются выше, живописнее и очаровательнее. И я не сделал еще ни одного очерка. Недосуг".

Плывя на пароходе "Князь Пожарский", Шевченко несомненно выходил на царицынский берег во время его остановки.

ЦАРСКИЕ ОСТРОВА - цепь островов в центральной части Аральского моря, открытых и обследованных экспедицией А. Бутакова в сентябре 1848 г. (острова Николая I, Наследника и Константина). "...О существовании этих островов... не было известно. Отстоя от Усть-урта, Куланды и Барса-кельмеса не менее, как на 60 верст, они не видимы ни с одного берега..." (А. Макшеев). Царские острова запечатлены в альбомах Т. Шевченко, ставшего одним из их открывателей-первопроходцев.

Ч

ЧЕБОКСАРЫ - город на правом берегу Волги, уездный центр Казанской губернии; ныне столица Чувашии.

Известен с 1469 г., городом стал в 1781. Во времена Т. Шевченко на 4700 жителей в Чебоксарах было 13 церквей и монастырей, 11 молельных домов.

Следуя на пароходе "Князь Пожарский" 16 сентября 1857 мимо этого города, поэт всматривался в "живописные грязные Чебоксары", а на следующий день в своем Дневнике записал впечатления и раздумья: "...Ничтожный, но картинный городок. Если не больше, то по крайней мере наполовину будет в нем домов и церквей. И все старинной московской архитектуры. Для кого и для чего они построены? Для чувашей? Нет, для православия..."

ЧЕРНИГОВ - один из древнейших городов Украины, центр одноименной губернии, на правом берегу р.Десны. Ныне - областной центр, средоточие памятников истории и архитектуры.

Т. Шевченко бывал в Чернигове в 1843, 1846, 1847 гг., а затем, находясь в неволе, вспоминал его в своих повестях ("Капитанша", "Княгиня", "Музыкант", "Прогулка с удовольствием и не без морали"); упоминается этот город также в Дневнике и письмах этого периода.

ЧЕРНОРЕЧЕНСКАЯ - станица на р.Черной, в прошлом военное укрепление, основанное в 1736 г. Здешние жители - русские и украинцы - хлебом-солью встретили Емельяна Пугачева и в дальнейшем участвовали в боях под его предводительством. Собирая материалы о Крестьянской войне 1773-1775 гг., сюда приезжал А.С.Пушкин. Дважды (1847, 1850) проезжал через станицу Т. Шевченко. Не исключена и специальная его поездка сюда из Оренбурга, в период "оренбургской зимы".

ЧЕРНЫШЕВА ЗАЛИВ - залив на Аральском море, нанесенный на карту под таким названием А. Бутаковым 28 июля 1849 г. "Так как самый залив не имеет местного названия, я назвал его в честь г.военного министра Заливом Чернышева". (А. Бутаков). Т. Шевченко рисовал в этот день обрывистый и глинистый западный берег залива. Художника занимали не только причудливые рельефы местности, но и памятники ее истории: на верхушке горы - старинный мавзолей.

ЧИКАНАРАЛ - остров в восточной части Аральского моря, съемки которого описная экспедиция вела в 1849 г. Место, где шхуну "Константин" и группу моряков, находившуюся на берегу, настиг жестокий шторм ("я ежеминутно ожидал гибели" - свидетельствовал Бутаков). С борта шхуны, вскоре после окончания морской бури, Т. Шевченко сделал карандашный рисунок и тут же снабдил его надписью: "В.б. Чекань-араль". Впоследствии, уже в Оренбурге, набросок послужил материалом для акварели.

ЧИКИТААРАЛ - остров на Аральском море, исследованный экспедицией А. Бутакова в июле 1849 г. "Остров окружен мелью и на нем огромное количество гнезд бакланьих, лебязьих и бабы-птицы, в которых были уже детеныши разных возрастов... Лебедей, баб, бакланов, маргышек и больших чаек несметное множество..." (А. Бутаков). Акварель Т. Шевченко, запечатлевшая это, известна лишь по репродукции.

ЧИРКАЛАТАУ - гора в центральной части хребта Северный Актау. Место ведения горных работ по поискам выходов и пластов угля в июле-начале августа 1851 г. Т. Шевченко рисовал эту гору с натуры. Известна и его акварель, выполненная позднее на основе карандашного рисунка.

ЧУБАРТАРАУЗ - малый залив на Аральском море, прямо примыкавший к заливу Перовского. Экспедиция А. Бутакова исследовала его 20-21 июля 1849 г. "Залив этот, или скорее озеро, с южной и западной стороны мелко, но в северной, вдоль восточного берега и вблизи его,... глубина от 8 до 5 ф., совершенно достаточная для судов, плавающих по Аральскому морю..." (А. Бутаков). Начальник описной экспедиции и его соратники видели в Чубартарауз "единственную и превосходную природную гавань", прямо связывая залив-озеро с планами будущих экспедиций на Арал для его всестороннего освоения, в том числе военного. Т. Шевченко сделал здесь ряд карандашных зарисовок - как с палубы, так и на берегу.

ЧУДОВО - село на реке Кересть, с 1937 - город, ныне районный центр Новгородской области.

Т. Шевченко проезжал через Чудово не раз, в том числе во время следования к месту солдатчины (июнь 1847).

ЧУЧКАБАШ - остров на Аральском море, исследованный описной экспедицией А. Бутакова в июле 1849 г. "Остров состоит из наносного песчаного и солонцеватого грунта, с буграми, поросшими кустами джангыла. По окраинам густые камыши, а в каналах хорошая снеговая вода". (А. Бутаков). Атрибутированных зарисовок этого острова, выполненных Т. Шевченко, нет.

Э

ЭМБА - река в Казахстане. Начало берет на западном склоне Мугоджар; протекает в пределах Прикаспийской низменности. Впадает в Каспийское море. Т. Шевченко знал об этой реке, был слышан о ней от приятелей, упоминал ее в переписке.

ЭМБИНСКАЯ ДОРОГА - одна из двух главных караванно-транспортных дорог, которые вели в Новопетровское укрепление. Т. Шевченко следовал этой дорогой в северо-восточном направлении в разное время своего нахождения на полуострове Мангышлак, рисовал ее.

Я

ЯГОТИН - местечко Пирятинского уезда Полтавской губернии (ныне город, районный центр Киевской области).

Т. Шевченко впервые приехал сюда в июле 1843 г., а с октября 1843 по 10 января 1844 г. жил здесь, с перерывами, в семье Репниных. В. Репниной он посвятил написанную тут поэму "Тризна".

Яготин был для Шевченко притягательным центром в годы неволи. В письме 1850 г. из Оренбурга он писал: "Все дни моего пребывания когда-то в Яготине есть и будут для меня ряд прекрасных воспоминаний". О городке есть и в повести "Близнецы".

ЯКШИКАЙРАКЛЫ - река, приток Иргиза.

Конечный пункт двенадцатого перехода транспорта от Орской крепости в Раимское укрепление 23 мая 1848 г. Ночевка происходила близ устья названной реки.

"Физиономия степи одна и та же безотрадная, с тою только разницею, что кой-где на плоских возвышенностях чернеют, как маяки, киргизские, из камней или просто из камышу и глины сложенные, мазанки, как их называют уральские казаки. (См. статью "Мазарки"). Да еще замечательно, что все это пространство усыпано кварцем. Отчего никому в голову не придет на берегах этих речек поискать золота? Может быть, и в киргизской степи возник бы новый Санто-Франциско. Почем знать..." ("Близнецы").

ЯЛУТОРОВСК - город в Сибири, на р.Тобол. Основан в 1639. Долгие годы являлся местом ссылки декабристов. Ныне районный центр Тюменской области.

В записи Дневника за 6 ноября 1857 Т. Шевченко назвал этот сибирский городок в связи с историей дочери И.Пушина Анны (Нины), родившейся там от брака с местной жительницей.

ЯМАНКАЙРАКЛЫ - река, приток Иргиза.

Конечный пункт одиннадцатого перехода транспорта от Орской крепости в Раимское укрепление 22 мая 1848 г. Тут, на берегу, была очередная ночевка.

"От Карабутака до Иргиза перешли мы еще две небольшие речки: Яман-кайраклы и Якши-кайраклы". ("Близнецы"). В повести дано описание этой территории с геологическим прогнозом Т. Шевченко (см.ст. "Якшикайраклы").

ЯМАНКУМЫ - "злые пески" на пути транспорта из Орской крепости к Аральскому морю (пятнадцатый - шестнадцатый переходы, 27-28 мая 1848 г.). С этими местами связаны эпизоды, упомянутые в повести "Близнецы" ("обезглавленные и обезображенные трупы", в частности). Яманкумы для участников похода были как бы преддверием Каракумов, подготовкой к ним.

ЯРОСЛАВЛЬ - губернский город Российской империи; первое летописное упоминание о нем датируется 1071 годом.

Город назван Т. Шевченко в записи Дневника за 26 марта 1858 по случаю выезда туда на гастроли М. Щепкина. Шенков знал об этой реке, был слышан о ней от приятелей, упоминал ее в переписке.

Часть третья. Память

*І милосердному молюсь,
Щоб ви лихим чим не згадали.
Хоч я вам кривди не робив,
Та все-таки меж вами жив,
То, може, децю і осталось.
Т. Шевченко*

Завершающая часть тома - "энциклопедия в энциклопедии" - содержит материалы об увековечивании памяти Тараса Шевченко в местах его былой неволи на земле оренбургской (в нынешних границах области) и, частично, на территориях сопредельных. Как и в предыдущих частях, здесь также соблюдается алфавит названий и имен.

Б

БАСИСТЮК Ольга Ивановна (р. в 1950) - украинская певица (сопрано), народная артистка Украины, лауреат международных конкурсов, с 1984 солистка Республиканского Дома органной и камерной музыки. В 1993 г. приняла участие в "Шевченковском марте": выступила с концертами в Оренбурге и Орске, встречалась с жителями сел, была среди участников презентации Оренбургского общественного Института Тараса Шевченко.

БЕИСОВ Тимир Бисович (1911-1955) - казахский литературовед. Автор монографии "Т. Г. Шевченко в Казахстане" (Алма-Ата, 1952), посвященной оренбургско-казахстанской солдатчине поэта.

БЕКБАУЛОВ Уразак Бекбаулович (р. в 1929) - каракалпакский писатель, литературовед, кандидат филологических наук. Среди его произведений на исторические темы - повесть "Тарас на Арале", впоследствии переведенная на украинский язык (1975). Разрабатываемая им тема "Шевченко и Каракалпакия" непосредственно смыкается с другой: оренбургская солдатчина опального сына Украины.

БИБЛИОТЕКИ ИМЕНИ ШЕВЧЕНКО в Оренбуржье: 1) Орская городская. Создана в 1884 г. как библиотека Комитета народной трезвости. Имя Т. Шевченко получила в 1919. В фонде - редкие издания шевченковских произведений. Активная участница ежегодного "Шевченковского марта". 2) Оренбургская городская (в южной части Оренбурга). Основана в 1974 г. Книжный фонд - около 50 тыс. экземпляров, в т.ч. украинский (подарок Городищенского района Черкасской области) - более 2000 книг.

БРАТАН Николай Иванович (р. в 1935) - украинский поэт, прозаик и драматург. Участник праздника "Шевченковский март" в Оренбуржье (1986). Результатом поездки явились его стихи, а также драматическая поэма о невольничьих годах Т. Шевченко.

БУРЛАК Николай Максимович (1937-1995) - организатор и первый председатель Оренбургского областного культурно-просветительного товарищества им.Т. Шевченко. Уроженец украинского села Петропавловки, Гайского района Оренбуржья, он душой

тянулся к культуре своих предков, переселившихся в начале XX в. на новые земли. Учительствовал в сельской школе, работал в районных и областных организациях, активно занимался культурным строительством. С созданием Товарищества стали проводиться зональные фестивали украинской песни, возникли новые коллективы народного искусства, воскресные школы родного языка. Бурлак участвовал в организации "Шевченковских мартов" и образовании Оренбургского общественного Института Тараса Шевченко.

В

ВАДЕЦКИЙ Борис Александрович (1907-1962) - русский писатель. Автор романов "Возвращение" (1939), "Акын Терези" (1956), "Полнозвучность" (1964) - трилогии о Т. Г. Шевченко, его молодости, солдатчине и ссылке, годах жизни в Петербурге.

ВЕДМИЦКИЙ Александр Никитович (1894-1961) - украинский поэт, литературовед. В 1918 закончил Полтавский учительский институт. Учительствовал, занимался журналистикой, был активным членом Союза крестьянских писателей "Плуг". В 20-30-е гг. вышли три книжки его стихов (псевдонимы - Ол.Метеорный, Ол.Метеор) и сборник фельетонов из сельской жизни. Позже преподавал в Полтавском пединституте, защитил диссертацию на степень кандидата филологических наук, подготовил двухтомную докторскую, которую не защищал, так как после Отечественной войны вынужден был уехать из родного города. Приняв предложение Орского педагогического института им.Т. Г. Шевченко, до конца своей жизни работал здесь доцентом на кафедре русской литературы. Много времени уделялось им пропаганде творчества великого сына Украины: читал лекции, выступал на литературных вечерах и утренниках, писал статьи для местной печати. В 1960 г. увидела свет его монография "Тарас Шевченко в оренбургской ссылке". Могила А.Н.Ведмицкого находится в Орске. В педагогическом институте и городе о нем помнят.

ВИНГРАНОВСКИЙ Микола (Николай) Степанович (р. в 1936) - украинский поэт, прозаик, кинорежиссер, актер кино. Участник "Шевченковского марта" в Оренбуржье (1982). В поездке было написано стихотворение "В Орске".

В ОРСЬКУ

*Не ти сидів тут, богом битий,
Не ти орав слізьми Орю,
Тут цар сидів, очима бликав,
Царі отут ноздря в ноздрю
Сиділи, шевкали з Раїма,
Ловили бліх - піски й блохва...
Прийшла з неволі Україна
Й тебе на волю повела.
На вольну волю, вільну всюди,
Й тебе, побачивши отак,
Сказали землі, води, люди:
Віднині світ наш - не кріпак!*

ВОЕННО-ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ ЦЕРКОВЬ ОРЕНБУРГА. Первоначально церковь во имя апостолов Петра и Павла была возведена в 1755 г., но тридцать лет спустя сгорела. В начале XIX в. служба во вновь отстроенном храме возобновилась. Прихожанами его по-прежнему являлись все генералы, офицеры и рядовые, несущие службу и вышедшие в

отставку. В списочном составе прихода значились 4530 мужчин и 1172 женщины. Настоятелем церкви был старейший священнослужитель Оренбурга протоиерей С.М.Содальский. Т. Шевченко являлся прихожанином церкви на протяжении всей "оренбургской зимы" 1849-1850 гг. Напоминанием о разрушенной и после Октябрьской революции церкви служит построенная в наше время звонница.

Г

ГАЙДАМАКА Анатолий Васильевич (р. в 1939) - украинский художник, лауреат Государственной Шевченковской премии и заслуженный деятель искусств Украины. Один из авторов современной экспозиции Киевского музея Т. Шевченко, в т.ч. его залов, посвященных годам неволи гения Украины. Объездил и исходил все места солдатчины поэта-художника. Не раз бывал в Оренбуржье, участвовал в праздниках "Шевченковский март", создании Оренбургского мемориального музея-гауптвахты Т. Шевченко, внес свой вклад в подготовку мемориализации дороги Оренбург-Орск, превращению ее в "Шевченковский шлях".

ГАСКО Мечислав Эдмундович (р. в 1907) - поэт, прозаик, литературовед. Автор ряда спорных гипотез относительно обстоятельств жизни Т. Шевченко в годы солдатчины, истории его поэтических произведений и рисунков, окружения и связей опального поэта-художника ("Про що розповідають малюнки Тараса Шевченка" - 1970, "У колі Шевченкових та Гоголевих друзів", 1980). Был участником "Шевченковского марта" в Орске (1978).

ГОНЧАР Олесь (Александр) Терентьевич (1918-1995) - украинский писатель, общественный деятель, академик АН Украины с 1978 г., Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий. С 1993 г. являлся почетным президентом Оренбургского Института Тараса Шевченко, участвовал в организации его работы, поддерживал праздник "Шевченковский март".

ГОНЧАРУК Захар Власович (1921-1991) - украинский поэт и переводчик. "Лирик в философском ключе" - так определил дух его творчества П.Тычина. Участник "Шевченковского марта" в Орске (1978).

ГОРЛАЧ (Коваленко) Леонид Никифорович (р. в 1941) - украинский поэт, прозаик, критик. Участник первого "Шевченковского марта" в Орске (1977). Посвятил ему стихи, поддержал идею шевченковского праздника Оренбуржья в печати Украины.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ (ГАОО). Хранилище документальных материалов о времени пребывания Т. Г. Шевченко в неволе, его окружении и связях, местах солдатчины, событиях, в которых он участвовал, и многом другом. 600000 дел, начиная с 1734 г., собрано здесь с 1881 г., когда в Оренбурге была создана "Комиссия по разбору дел и устройству архива бывшей канцелярии оренбургского генерал-губернатора". В 1887 г. за устройство архива взялась Оренбургская ученая архивная комиссия. Сотни фондов в основных их чертах включены в книгу "Государственный архив Оренбургской области. Путеводитель" (Москва, 1966). Каждый фонд имеет современную опись с названиями всех единиц хранения и другими сведениями, необходимыми для успешного поиска. Есть также тематические и именные каталоги. Материалы ГАОО широко используются в научной литературе о Т. Шевченко. Ежегодно в мартовские дни здесь устраиваются шевченковские выставки.

ГРОМОВЕНКО Павел Федорович (р. в 1941) - украинский актер-чтец, заслуженный артист Украины (1985), лауреат Государственной премии им.Т. Шевченко (1993). Живя в 1959-1961 гг. в Орске, осуществил постановку "Назара Стодоли" силами народного театра юного зрителя. Участвовал в "Шевченковском марше" Оренбуржья (1986).

Д

ДЕВЯТНАДЦАТАЯ НАУЧНАЯ ШЕВЧЕНКОВСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ. Состоялась 18-20 мая 1970 г. в Оренбурге и Орске. Организаторами ее явились Институт литературы им.Т. Г. Шевченко АН Украины, Оренбургский и Орский педагогические институты. Этим вузам были вручены памятные юбилейные Шевченковские медали.

Оренбургскую часть конференции составили доклады и сообщения: "В.И.Ленин и развитие советского шевченковедения" (член-корр. АН Е.П.Кирилук), "Дневник Шевченко как политический и эстетический документ эпохи" (член-корр. АН Е.С.Шаблювский), "Шевченко в оценке российской прессы 1848-1859 гг." (доктор филологических наук Ф.Я.Прийма), "Из творческой истории поэзии Шевченко 1847-1850 гг." (канд. фил. наук Л.Н.Большаков), "Дооктябрьская критика о народности Шевченко" (ст. науч. сотр. В.Е.Шубравский) и др.

В Орске были заслушаны доклады: "Из литературных взаимоотношений оренбургских ссыльных Шевченко, Желиговского и Плещеева" (научный сотрудник ИЛ Н.Н.Павлюк), "Некоторые вопросы истории невольничьей поэзии Шевченко" (А.И.Черкашин), "История исследования художественного и поэтического наследия Шевченко в его сопоставлении" (З.А.Тарахан-Бережа), "Сатирическое переосмысление действительности в поэзии Шевченко и некоторые проблемы теории сатиры" (канд. фил. наук Е.И.Яснева - Орск) и ряд других, представленных учеными из Киева, Донецка, Одессы, Черкасс, Минска, Душанбе, Калининна.

В обсуждении приняли участие многие оренбургские и орские ученые (И.Т.Изотов, П.Е.Матвиевский, С.М.Лубэ и др.).

Материалы конференции были изданы отдельной книгой: "Збірник праць дев'ятнадцятої наукової Шевченківської конференції" (Киев, "Наукова думка", 1972, 251 стр.).

Конференция четвертьвековой давности знаменовала собою начало нового этапа оренбургского шевченковедения.

ДЕКАДА ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА УКРАИНЫ В РФ. Проходила 27 мая - 6 июня 1969 г. в Москве и ряде регионов, в т.ч. Оренбуржье. Сюда приехали ведущие творческие работники из Киева, Львова, Черкасс, Днепропетровска, Донецка и других мест: писатели Н.Зарудный, В.Петльованый, А.Ковинька, И.Цюпа, В.Ткаченко, композиторы А.Кос-Анатольский, Г.Жуковский, певица Е.Мирошниченко, киноартистка Р.Недашковская, балерина Е.Потапова, вокальное трио сестер Байко, Черкасский хор под руководством А.Пашкевича и др. Состоялись вечера и встречи в Оренбурге, Орске, Новотроицке, сельских районах, через которые проходил многотрудный путь Шевченко-солдата. Делегацию возглавлял ученый-шевченковед и общественный деятель П.Федченко. Газеты области посвятили Декаде тематические страницы и подборки.

"ДОМ ЕГО ДРУГА". Первый документально-публицистический фильм Оренбургской студии телевидения, посвященный оренбургским страницам жизни солдата-поэта Тараса

Шевченко (1964 г.). Сценарий Л.Большакова, режиссерская работа Ю.Карасевича, кинооператор Р.Хаялин. Фильм был тиражирован для показа телевидением всей страны.

ДОРОФЕЕВ Виктор Васильевич (р. в 1927) - краевед, специалист в области исторической топографии и истории Оренбурга, доцент Оренбургского педагогического института. Автор книги "Оренбург шевченковский" (1994) - первого опыта реконструкции зданий и сооружений, вошедших в жизнеописание Т. Шевченко периода его "оренбургской зимы" 1849-1850 гг.

ДУБИНА Николай Иванович (р. в 1932) - украинский литературовед, критик. Доктор филологических наук, профессор Киевского университета. Участник "Шевченковского марта" в Оренбуржье (1983).

ДЬЯКОВ Владимир Анатольевич (1919-1995) - российский историк, доктор исторических наук, зарубежный член Польской Академии наук. Среди 300 научных работ Дьякова (в их числе более 20 монографий) - книга и ряд статей о Т. Шевченко, особенно периода его солдатчины и ссылки. Таковы "Тарас Шевченко и его польские друзья" (М., "Наука", 1964), "Польско-русско-украинский кружок политических ссыльных в Орской крепости в 1847-1850 гг." (сб. "Славянская историография и археография", М., "Наука", 1969), "Оренбургский заговор 1833 года" (сб. "Освободительное движение в России", Саратов, изд. Саратовского университета, 1977) и другие. Ученым внесен крупный вклад в создание источниковедческой базы изучения окружения Т. Шевченко. Этому способствовала и работа Дьякова в Государственном архиве Оренбургской области.

Ж

ЖЕНЧЕНКО Виктор Васильевич (р. в 1936) - украинский поэт, оперный певец. Участник "Шевченковского марта" в Оренбуржье.

З

ЗАСЕНКО Петр Петрович (р. в 1936) - украинский поэт, автор нескольких поэтических книг. Участник "Шевченковский марта" в Орске (1980).

ЗИНЧУК Станислав Сергеевич (р. в 1939) - украинский поэт (шесть сборников стихов). Участник "Шевченковского марта" в Оренбуржье (1982).

И

ИЛЬЯСОВ Абдулла Латфулович (р. в 1920) - директор Орского краеведческого музея, заслуженный работник культуры РФ. Заведуя отделом культуры горисполкома, в 1977 г. стал одним из инициаторов "Шевченковского марта" и участвовал в проведении всех двадцати праздников, прошедших с тех пор. Организатор и первый руководитель Орского музея Т. Шевченко.

ИМЕНИ ШЕВЧЕНКО. В городах и районах Оренбуржья имя Т. Шевченко носят улицы, библиотеки, учебные заведения, акционерные объединения. В Оренбурге - самая большая улица и переулок с мемориальным домом Кутиных, городская библиотека с фондом украинской литературы, в Орске - педагогический институт, старейшая библиотека, улица, площадь, сад, в Новотроицке, Соль-Илецке, Медногорске, Домбаровке - улицы, в Грачевском, Переволоцком, Гайском, Ташлинском районах - акционерные общества сельских тружеников.

ИНСТИТУТ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО - научно-исследовательское учреждение Оренбургского государственного университета; дополнительное его название - Центр энциклопедических проектов.

Институт был учрежден 27 марта 1993 г. как общественное научно-исследовательское учреждение. Учредителем его выступило Оренбургское областное культурно-просветительное товарищество им. Т. Шевченко. Директором института был избран писатель-шевченковед Л.Н.Большаков, почетным президентом, с его согласия, - украинский писатель-академик, видный общественный деятель Олесь Гончар.

За 32 месяца работы на общественных началах ОИТШ выпустил четыре научные тетради: "Оренбург шевченковский" В.В.Дорофеева, "Комментарий к Дневнику" Л.Н.Большакова, "Шевченко и Сапожниковы" А.П.Банникова и "Слово о полку Игореве" (переложение Ю.Лифшица), два выпуска повременной газеты "Институт Тараса", провел две научные конференции, участвовал в организации "Шевченковского марта - 1994 и 1995".

В состав вновь созданного Оренбургского университета ОИТШ вошел с 1 декабря 1995 г. В этот период закончена подготовка "Оренбургской Шевченковской энциклопедии" и начата работа над двумя другими - "Оренбургской Пушкинской энциклопедией" и универсальной "Оренбургской энциклопедией". Подготовлен Шевченковский электронный банк данных (ШЭБ). Научные сотрудники сектора фольклора записывают песни украинцев Оренбуржья. Украинской песне края была посвящена научная конференция в мемориальном музее-гауптвахте Т. Шевченко - главной базе Института.

Устанавливаются связи с научными центрами Украины и Канады.

Й

ЙОВЕНКО Светлана Андреевна (р. в 1945) - украинская поэтесса, автор нескольких поэтических сборников (первый в 1969). Участница одного из первых праздников "Шевченковский март" в Орске и Оренбурге (1981). Праздник вдохновил ее на новые стихи, получившие известность.

Л.Н.Большакову

*З холодним сонцем разом стоїмо
над білим, льодом в 'ярмленім Уралом.
Про що ж дізнатись мала я... немов
під кригу оком серця зазирала?!
...Живая водо, ти пройшла стети,
ні сонцем, ні морозом не спалима,
ти знала скорбний зір Й о г о судьби! -
чому ж під льодом пропливаєш мимо?!
...Колючий вітре, ти немертний, ти
Й о г о напевне мусиш пам'ятати!
Поет - не раб. Коли й цькують хорти,
усе дарма! - Він муштрі не піддатний!..
Що мовить мені ця скупа земля?
Що мови земляка мого не знає?!
Не ві-рю!!! Крізь століття відсіля
є гніву розпач, та не рабства ляк!
Ім'ям Тараса тут мені світає.*

*...З холодним сонцем разом стоїмо
над березневим всніженим Уралом.
Питатиму в людей. Земля карала б,
коб знала, що нізащо хліб їмо.
Шніцрутенами вітер відповів...
Ріка - невловна, Оренбург покине...
Та поки на землі жива Людина,
їй світоч мислі сяє, їй - єдино,
і пам'ять їй народ мій заповів...*

К

КИРИЛЮК Евгений Прохорович (1902-1989) - украинский литературовед, член-корреспондент АН Украины, лауреат Ленинской и Государственной премий, автор более 800 научных работ, в т.ч. многих монографий. На протяжении 1946-1984 заведовал отделом шевченковедения Института литературы им.Т. Шевченко, был признанным руководителем и организатором шевченковской науки. Постоянный интерес проявлялся им к развитию шевченковских исследований в Оренбургской области. Под его непосредственным руководством 18-20 мая 1970 г. в Оренбурге и Орске прошла XIX Всесоюзная научная шевченковская конференция. Е.П.Кириллюк лично знакомился с местами неволи великого сына Украины, с преподавателями и студентами педагогических вузов, способствовал созданию Шевченковского общества в Орском пединституте

КОЛОМИЕЦ Тамара Афанасьевна (р. в 1935) - украинская поэтесса, автор более 20 поэтических книг, в том числе для детей. Лауреат литературных премий Украины, в т.ч. премии имени П.Г.Тычины "Чуття єдиної родини". Ее произведения переведены на многие языки. Участница "Шевченковского марта" в Оренбуржье (1983).

КОСТЕНКО Анатолий Ильич (р. в 1908) - украинский литературовед, автор книг "Шевченків журнал" (1935), "Шевченко в мемуарах" (1965), "Оживуть степи. Тарас Шевченко за Каспієм" (1977), "За морями, за горами" (1984), "И будет правда на земле... Тарас Шевченко в Приаралье" (1989) и др. Участник "Шевченковского марта" в Орске (1980).

КОСТЮК Юрий Григорьевич (р. в 1910) - украинский драматург и театровед. Автор пьес "Тарас Шевченко" (1939), "Думи мої..." (1951) и др. Первая из них шла на орской сцене в постановке работавшего там Ворошиловградского (Луганского) музыкально-драматического театра.

КРАВЧУК Петр Ильич (р. в 1911) - публицист и литературовед, деятель украинской эмиграции в Канаде. В 1976 г. провел несколько дней в Оренбурге. Его впечатления от посещения города нашли отражение в книге "На трьох континентах".

КРЕМИНЬ Дмитрий Дмитриевич (р. в 1953) - украинский поэт из Николаева, автор поэтических книг. После поездки по маршруту оренбургского "Шевченковского марта" создал цикл стихов о местах солдатчины поэта.

КРИКУНЕНКО Виталий Григорьевич (р. в 1951) - украинский поэт, автор четырех поэтических книг, советник посольства Украины в России по культуре и образованию. Участник "Шевченковского марта", дней украинской культуры в Оренбуржье, презентации Института Тараса Шевченко в качестве научно-исследовательского учреждения Оренбургского государственного университета. В.Крикуненко принадлежат

статьи по проблемам оренбургского шевченковедения, в т.ч. "В степу далекім, за Уралом, діє Оренбурзький Інститут Тараса Шевченка" ("Літературна Україна", 7.ІІІ.1996).

Л

ЛУЧУК Владимир Иванович (1934-1994) - украинский поэт, автор двадцати стихотворных книг. Много писал для детей. Жил и работал во Львове. Участник "Шевченковского марта" 1983 г.

М

МЕМОРИАЛЬНЫЕ ДОСКИ В ЧЕСТЬ Т. Г. ШЕВЧЕНКО В ОРЕНБУРЖЬЕ.
Пребывание великого поэта Украины в границах нынешней Оренбургской области отмечено 11-ю мемориальными досками.

Оренбург

Дом № 29 по ул. 8 Марта

В этом доме в 1847 и 1849-1850 годах часто бывал Т. Г. Шевченко.

Казаковская № 43

На этом месте стоял дом К.И.Герна, в котором в 1850 году жил и творил Тарас Шевченко.

Советская № 3

В это здание (ордонансгауз) 9 июня 1847 года был доставлен сосланный в Оренбургский край Т. Г. Шевченко.

Советская № 2

В период "оренбургской зимы" 1849-1850 гг. в этом здании бывал и рисовал великий сын Украины Тарас Шевченко.

Советская № 24

В цокольном этаже здания, на гауптвахте, в апреле-мае 1850 года содержался под арестом Тарас Шевченко.

Орск

Пл. Б.Хмельницкого - музучилище

Место солдатского плаца, на котором в 1847-1848 гг. проходил муштру Тарас Шевченко.

Кинотеатр "Октябрь"

На этом месте находились казармы пятого линейного батальона Отдельного Оренбургского корпуса, где в 1847-1848 гг. томился Тарас Шевченко.

Соль-Илецк

В 1850 г. Илецкую Защиту посетил Т. Г. Шевченко.

Бузулук

На пути к месту солдатской службы в июне 1847 г. в Бузулуке останавливался Т. Г. Шевченко.

с.Нежинка Оренбургского района

В 1847 г. в Нежинке побывал Т. Г. Шевченко.

с.Островное Саракташского района

В июне 1847 г., следуя на солдатскую службу в Орскую крепость, в Островной побывал Т. Г. Шевченко.

МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ-ГАУПТВАХТА Т. Г. ШЕВЧЕНКО в Оренбурге. Открыт 9 марта 1989 г. в цокольном этаже здания по ул.Советской, 24, на тех площадях, где размещалась главная гауптвахта Отдельного Оренбургского корпуса, арестантом которой Шевченко был в апреле-мае 1850 года.

Музей посвящен "оренбургской зиме" 1849-1850 гг. Притягивает посетителей маленькая арестантская с подлинными кирпичными стенами и изначальными полами из гребенского камня; все остальное реконструировано. В помещении перед арестантской - фигуры караульного офицера и солдата. Авторы этих фигур (как равно и оренбургского казака) - львовские художники Владимир и Иван Турецкие, Орест Гнатив. Экспозиционный зал (в былом помещении для развода караулов) различными музейными средствами раскрывает главные события и черты этих месяцев. Двумя рядами тянутся в коридоре с полукруглыми сводами репродукции и копии работ Шевченко-художника, также в основном оренбургских. В комнате подарков музею - рушники, сотканые и расшитые правнучкой поэта Е.В.Ковтун, Шевченко в переводах на японский, старый портрет, присланный из Днепропетровска, настенное блюдо из фаянса работы известного украинского мастера Б.П.Пяниды и многое другое.

В создании музея участвовали заслуженный деятель искусств и лауреат Государственной премии Украины А.В.Гайдамака, старший научный сотрудник Музея Т. Шевченко в Киеве В.М.Яцюк, музейные работники Оренбурга Р.П.Чубарева, Т.М.Артюшенко, художники А.А.Власенко, В.М.Еременко и другие. Мемориальный музей имеет печатный путеводитель (выпущен в 1991 г.) и пользуется популярностью в городе.

МИНКО Василий Петрович - украинский драматург и прозаик. Основная тема его творчества - жизнь села, морально-этические проблемы. Участвовал в открытии памятника Т. Г. Шевченко в Орске (1959), взволнованно откликнулся на это событие в печати Украины, где опубликовал большой очерк.

МОРГУН Федор Авксентьевич (1910-1985) - украинский и русский поэт из Черкасс, автор пятнадцати поэтических сборников, выпущенных на Украине и в Казахстане, где работал продолжительное время. Участник "Шевченковского марта" в Орске (1979), посвятил бывшей Орской крепости и выросшему на его месте городу цикл стихов.

Н

"НАЗАР СТОДОЛЯ" НА СЦЕНАХ ОРСКА. Пьеса Т. Шевченко, написанная на русском языке в 1843 г. и вскоре переведенная на украинский, впервые была поставлена любительским кружком Петербургской медико-хирургической академии в 1844-м. В Орске шла на сцене Дворца машиностроителей в постановке самодеятельного театра

юного зрителя (1961), а затем, к 130-летию пребывания Шевченко в Орской крепости, появилась в репертуаре городского государственного театра драма (1977). Спектакль был осуществлен как "героико-романтическая драма в трех действиях", с прологом, интермедиями и эпилогом, написанными Л.Большаковым. Постановку осуществил режиссер Л.Житницкий, художником спектакля явился П.Калиниченко, а консультантом - заслуженный деятель науки Украины Е.Шаблюковский. "Назар Стодоля" в сценической редакции Орского театра был показан как в Оренбургской области, так и на Украине (Белая Церковь, Бровары и др.).

НЕГОДА Микола (Николай) Феодосьевич (р. в 1928) - украинский поэт и прозаик, многолетний руководитель Черкасской писательской организации. Участник "Шевченковского марта" в Орске (1979).

НИКОЛЕНКО Надежда Константиновна (1909-1995) - переводчица, член Союза писателей Украины. Перевела на украинский язык книги Л.Большакова "Літа невольничі", "Їхав поет із заслання", "Пошук заповітного", "Шляхами великої долі", "Повість про вічне життя" и другие, выпущенные издательствами "Дніпро" и "Веселка" (Киев).

О

ОВДИЕНКО Людмила Николаевна (р. в 1948) - украинская поэтесса.

Участница праздника "Шевченковский март", выступала в Оренбурге, Орске, Кувандыке и других городах области. В полтавской и киевской печати опубликованы ее стихи, навеянные этой поездкой по местам солдатчины Т. Шевченко.

ОНКОВИЧ Дмитрий Юлианович (р. в 1934) - украинский поэт. Участник "Шевченковского марта", выступал в Оренбурге, Островном, Гае, Орске и других местах области.

"ОРЕНБУРГСКАЯ ЗИМА". Период жизни Т. Шевченко с 31 октября 1849 по 22 апреля 1850 гг. - от возвращения из Аральской экспедиции до дня его второго ареста. Отмечен чрезвычайно высокой творческой активностью и как поэта, и как художника, расширением связей с различными кругами местного общества, увеличением переписки и других видов деятельности. В эти месяцы им созданы поэма "Петрусь", стихотворения "Лічу в неволі дні і ночі", "Ми заспівали, розійшлись", "Не молилася за мене", "Якби ви знали, паничі" и другие поэтические шедевры; большинство из них навеяно впечатлениями и настроениями подневольной жизни автора, встречами, состоявшимися у него в Оренбурге. В те же месяцы Шевченко значительно вырос как портретист; им выполнены портреты Ф. и М. Лазаревских, А.Племянникова, Н.Исаева, Е.Бларамберг, М.Обручевой и других лиц; часть работ неизвестна. Написаны также автопортреты, эскиз "Распятие", виды Аральского моря. "Оренбургская зима" - один из наиболее плодотворных периодов творческой биографии Шевченко.

Словосочетание "оренбургская зима", по аналогии с общепризнанным "болдинская осень", введено в научный обиход как литературный термин Л.Большаковым (кн. "По следам оренбургской зимы", Челябинск, 1969).

ОРСКАЯ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРЕМИЯ ИМ.Т. Г. ШЕВЧЕНКО. Учреждена в 1977 г. Первым лауреатом премии тогда же стал писатель Л.Большаков. Впоследствии лауреатские дипломы получили Союз писателей Украины и Киевский Государственный музей Т. Шевченко - за активное участие в проведении

"Шевченковского марта" и помощь в организации шевченковских музеев, а также городская газета "Орский рабочий" - за пропаганду жизненного подвига поэта Украины.

ОРСКИЙ МУЗЕЙ Т.ШЕВЧЕНКО. Открыт 10 марта 1986 г. в старой части Орска, его исторической зоне, на месте бывшей Орской крепости. Улица, где он находится, с 1908 г. носит имя великого украинского поэта. Дом, в котором разместился музей, некогда принадлежал известному семейству орских обывателей. Основу экспозиции составил дар Киевского Государственного музея Т. Шевченко: картины, документы, различные другие экспонаты. Залы музея непрерывно пополняются подарками гостей, в основном с Украины. Перед посетителями раскрывается вся жизнь поэта, но главное внимание уделено орским месяцам его службы. Они в панорамах, диарамах, картинах художников и дизайнеров Орска. Из года в год увеличивается количество экскурсий и посетителей.

ОРСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМ.Т. Г. ШЕВЧЕНКО. Создан в 1952 г. на базе учительского института, функционировавшего с 1949. Тогда же состоялось присвоение ему имени поэта Украины. Готовит педагогов по русскому языку и литературе, иностранным языкам, физике и математике, биологии и географии. Многие выпускники стали заслуженными учителями РФ, докторами и кандидатами наук. В институте проходила XIX научная Шевченковская конференция (май 1970), устраиваются Шевченковские чтения областного масштаба, работает Шевченковское студенческое общество.

II

ПАЛИЕНКО Микола (Николай) Александрович (р. в 1944) - украинский поэт из Николаева, автор нескольких поэтических книг. Участник "Шевченковского марта". Со времени поездки по Оренбуржью Тарас Шевченко стал одним из главных героев поэзии Палиенко.

Кос-Арал

*Уже немає Кос-Аралу,
Але рядків не замело,
Де ти писав, щоб вглиб орали,
Лиш на добро, а не на зло.
Перевертали сонні душі,
Щоб не посміли більше спать.
На світовому виднокружжі
Свободи квіт не осипавсь.
І не просили в Бога раю
За непосіяні жита.
Карався, мучивсь, а не каявсь,
Нізвідки милості не ждав.
Хвиля при березі не грає,
Не вигрівається весло.
Уже немає Кос-Аралу,
Але рядків не занесло.*

ПАМЯТНИК ТАРАСУ ШЕВЧЕНКО В ОРСКЕ. Один из наиболее интересных памятников поэту в мировой скульптурной Шевченкиане. Воздвигнут на площади его имени в центральной части города. Скульптор Л.М.Писаревский, архитектор Н.К.Габелко.

Торжественное открытие его состоялось 17 августа 1959 года при огромном стечении горожан и с участием делегации Украины (И.И.Чабаненко, В.П.Минко и др.).

ПРЯНИШНИКОВ Николай Ефимович (1890-1963) - оренбургский литературовед, кандидат филологических наук. Т. Шевченко им были посвящены статьи в сборнике "Т. Г. Шевченко в ссылке" (1939), книге "Писатели-классики в Оренбургском крае" (1946, 1956, 1970, 1977), местных периодических изданиях.

ПУШИК Степан Григорьевич (р. в 1944) - украинский поэт, прозаик, ученый, лауреат Государственной премии Украины им.Т. Шевченко. Участвовал в праздниках "Шевченковский март", опубликовал ряд статей о них в украинской периодике, оказывает разностороннюю поддержку изучению и пропаганде творчества Т. Шевченко на оренбургской земле.

Р

РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ ОРЕНБУРГА (КОСТЕЛ). Закладка этой церкви состоялась в 1844 г., сооружение завершилось в 1847-м; освящение храма произошло 16 ноября 1847 г. Вдохновителем строительства являлся М.Ф.Зеленко, еще в 1839 официально назначенный ксендзом Отдельного Оренбургского корпуса. Не будучи католиком, Т. Шевченко бывал в этой церкви, намеревался написать для нее распятие (и сделал эскиз будущей картины), уважал ксендза и многих из его паствы. Об этом - в его письмах и воспоминаниях современников. В настоящее время костел восстанавливается, службы в нем возобновлены.

С

СЕРДЮК Юрий Александрович (р. в 1938) - украинский поэт, один из руководителей Союза писателей Украины, впоследствии зам. министра культуры. Участник "Шевченковского марта" в Оренбуржье 1984 г. и презентации трилогии Л.Большакова "Быль о Тарасе" в посольстве Украины (Москва, 1993).

СОМ Микола (Николай) Данилович (р. в 1935) - украинский поэт, автор десяти поэтических сборников и многих песен. Участник оренбургского "Шевченковского марта" 1984 г.

СПАСОПРЕОБРАЖЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ ОРСКОЙ КРЕПОСТИ. Построенная в 1750 г. на возвышенности посреди крепости, она была деревянной на каменном фундаменте и к 40-м гг. XIX века изрядно обветшала, но, будучи единственной, продолжала действовать. Во время здешней службы Т. Шевченко ее приход насчитывал 1016 мужчин и 356 женщин, а службу в ней правил священник П.М.Тимашев. Первая церковь солдатского десятилетия поэта привлекала его как верующего. Сюда же его под конвоем доставили для принятия присяги 4 июля 1850. Церковь, церковная служба в Орской крепости упоминаются в шевченковских повестях и письмах. Новая церковь в Орской была освящена в декабре 1850. В последние годы Спасопреображенская крепость, от которой оставалась только колокольня, частично восстановлена и действует.

Т

"ТАРАС ШЕВЧЕНКО". Историко-биографические фильмы. 1. Двухсерийный фильм Одесской киностудии, выпущенный на экраны в 1926 г. Режиссер П.Чардынин. Исполнитель заглавной роли - Амвросий Бучма. 2. Фильм Киевской киностудии 1951 г.

Автор сценария и режиссер-постановщик И.Савченко. В роли Шевченко - Сергей Бондарчук. В фильмах, особенно втором, главные события происходят в местах солдатской неволи Шевченко.

"Т. Г. ШЕВЧЕНКО В ССЫЛКЕ". Сборник к 125-летию со дня рождения Поэта (Чкалов, Облиздат, 1939, 176 стр.). Первая шевченковская книга, изданная в Оренбуржье.

Состав сборника: Клипиницер М. Народный поэт; Прянишников Н. Годы изгнания; Изотов И. Творчество Шевченко в ссылке; Бочагов А. Где жил Шевченко?; Даты пребывания Т. Г. Шевченко в ссылке; Перечень стихотворений, написанных Т. Г. Шевченко в ссылке.

ТКАЧ Михайло (Михаил) Николаевич (р. в 1932) - украинский поэт, киносценарист, автор песен. Лауреат Государственной премии Украины им.Т. Шевченко. Участник первого "Шевченковского марта" в Орске (1977).

ТОВАРИЩЕСТВО ИМ.Т. Г. ШЕВЧЕНКО (ОРЕНБУРГСКОЕ ОБЛАСТНОЕ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЕ). Учредительная конференция состоялась в Оренбурге 24 июля 1992 г. Объединяет украинское население во всех районах области (по переписи - 102 тыс.чел.). Проводит областные и зональные фестивали украинской песни, состоявшиеся уже в Дедуровке, Краснохолме, Украинке, Кардаилово, встречи с деятелями искусств и литературы Украины, занятия по изучению родного языка, обмен делегациями, в т.ч. экономическими. Товарищество явилось учредителем Оренбургского общественного Института Тараса Шевченко.

ТУЛУБ Зинаида Павловна (1890-1964) - украинская писательница, внучка активного члена Кирилло-Мефодиевского товарищества. Автор романа "В степу безкраім за Уралом" (1964), посвященного жизни Т. Шевченко в годы его солдатчины.

Ч

ЧАБАНЕНКО Иван Иванович (1900-1972) - украинский режиссер и педагог, заслуженный деятель искусств Украины (с 1948), впоследствии ректор Киевского театрального института. В качестве руководителя украинской правительственной делегации участвовал в торжественном открытии памятника Т. Г. Шевченко в Орске и выступил на массовом митинге по этому поводу 17 августа 1959 г.

ЧУБАЧ Ганна (Анна) Афанасьевна (р. в 1941) - украинская поэтесса, лауреат литературной премии им.П.Усенко, организатор ("хозяйка") поэтической гостинной в Киеве. Участница оренбургского "Шевченковского марта" 1982 года.

Ш

ШАБЛИОВСКИЙ Евгений Степанович (1906-1983) - украинский литературовед, член-корреспондент АН Украины, лауреат Ленинской и Государственной премий. Автор монографий "Народ і слово Шевченка" (1961), "Т. Г. Шевченко и русские революционные демократы. 1858-1861" (1962), "Гуманізм Шевченка і наша сучасність" (1964), "Шляхами єднання" и много других трудов о поэте, организатор и текстолог ряда изданий шевченковских произведений, в т.ч. фототипических. В 1933-1935 гг. Шаблювский был директором Института Тараса Шевченко в Харькове. В этом качестве он совершил поездку в Орск, за материалами о шевченковской солдатчине, однако, вернувшись на Украину, был репрессирован как "враг народа". Лишь после двадцатилетней неволи

ученый смог вернуться к главным для него научным занятиям - исследованию жизни и творчества Т. Г. Шевченко, истории украинской литературы, ее интернациональных связей. В программе XIX научной Шевченковской конференции, проходившей в Оренбурге и Орске в мае 1970 г., был и доклад Шаблювского "Дневник Шевченко как политический и эстетический документ эпохи". Ученый явился научным консультантом постановки "Назара Стодоля" Орским театром.

ШАГИНЯН Мариетта Сергеевна (1888-1982) - русская писательница, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий. Среди множества ее книг - монография "Шевченко" (1941), защищенная в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Монография проложила путь к дальнейшим исследованиям жизни и творчества Т. Шевченко периода оренбургской солдатчины и ссылки. М.С.Шагинян проявляла постоянный интерес к развитию этих исследований в Оренбуржье.

ШЕВЧЕНКО НА ОРЕНБУРГСКОЙ СЦЕНЕ. Приоритет сценической жизни образа Т. Шевченко в краю его неволи принадлежит Луганскому (Ворошиловградскому) музыкально-драматическому театру, показавшему в 1944 г. в Орске спектакль по пьесе Ю.Костюка "Тарас Шевченко". В последующие годы в области почти ежегодно гастролировали театры с Украины, в репертуаре которых непременно присутствовали "шевченковские" постановки. Полтавский театр показал в 1962 г. оперу Н.Аркаса "Катерина" (по одноименной шевченковской поэме), Ровенский театр - в 1963-м - спектакль "Невольник" (пьеса М.Кропивницкого по поэме Т. Шевченко "Сліпий"), Днепропетровский - в 1964 г. - пьесу "Марина" Н.Зарудного, в основу которой легла поэзия Тараса, Житомирский - в 1973 - "Титарівну" и др. Орский театр драмы осуществил постановку "Назара Стодоли" в собственной редакции.

ШЕВЧЕНКОВСКИЕ НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ в Оренбурге и Орске. Проводятся с 1977 года, когда они прошли в рамках первого "Шевченковского марта". На Чтениях в Орском педагогическом институте им.Т. Шевченко были заслушаны доклады и сообщения: "Шевченко в Орской крепости" (Л.Большаков), "Изучение жизни и творчества Шевченко в Орском пединституте" (В.Жуков), "Развитие культурных взаимосвязей трудящихся Орска с родиной Тараса Шевченко" (А.Ильясов), "Орская крепость в середине XIX века" (С.Попов), "Назар Стодоля" на орской сцене" (Л.Житницкий), "Орские страницы жизни и творчества Т. Шевченко в печати города" (М.Секрет). Выступали также гости "ШМ" научные сотрудники Киевского Государственного музея Т. Г. Шевченко А.Пономаренко, Н.Голодная, украинские поэты М.Ткач и Л.Горлач. Работала студенческая секция. На последующих шевченковских Чтениях рассматривались темы: "Материалы для изучения Оренбурга шевченковских времен в госархиве Оренбургской области" (П.Попов, В.Рязанов), "Шевченко и Башкирия" (Т.Большакова), "Способы типизации в сатире Шевченко" (Е.Яснева) и десятки других. Стали традицией выступления с докладами на Чтениях научных работников из Киева (Ю.Пелешенко, Н.Видоняк, М.Корнейчук, Н.Клименко, О.Шевченко, О.Витте, В.Яцюк и др.). С 1994 г. научные чтения проводятся Оренбургским Институтом Тараса Шевченко.

"ШЕВЧЕНКОВСКИЙ МАРТ". Традиционный ежегодный праздник в Оренбуржье. Учрежден и начат в Орске (1977). Инициаторами выступили Л.Большаков, А.Ильясов. С 1980 получил областной статус - стал проводиться в Оренбурге, затем в городах и районах по трассе Оренбург-Орск, а далее и в других местах области. В программе праздников - встречи в коллективах, вечера и утренники поэзии, концерты профессиональных и самодеятельных артистов (прежде всего, украинских), научные чтения и конференции, выставки в библиотеках, конкурсы на лучшее чтение поэзии Шевченко, исполнение песен

на его стихи. "ШМ" - месяц открытия шевченковских мемориальных досок, "шевченковских уроков" в музеях и школах. В большинстве праздников участвовали поэты, прозаики, научные и музейные работники, художники Украины. Каждый "ШМ" проходит в течение всего месяца - с 1 по 31 марта.

ШЕВЧУК Василий Андреевич (р. в 1932) - украинский писатель. Среди многих его произведений для детей и взрослых, в стихах и прозе - историко-биографический роман "Син волі" и "Терновий світ" (Киев, 1985, 1986). Главная часть второй книги посвящена годам оренбургской солдатчины.

Я

ЯЦЮК Владимир Макарович (р. в 1946) - искусствовед, научный сотрудник Киевского Государственного музея Т. Шевченко. Автор книги "Живопис - моя професія" (К., 1989), посвященной художественному наследию Шевченко. Им исследована история создания многих картин и рисунков невольничьего периода, уточнены время и место их исполнения, по новому прочитаны некоторые страницы творческой биографии поэта-художника. Вл.Яцюк дважды участвовал в оренбургских праздниках "Шевченковский март" и явился соавтором экспозиции мемориального музея-гауптвахты Т. Шевченко в Оренбурге.